

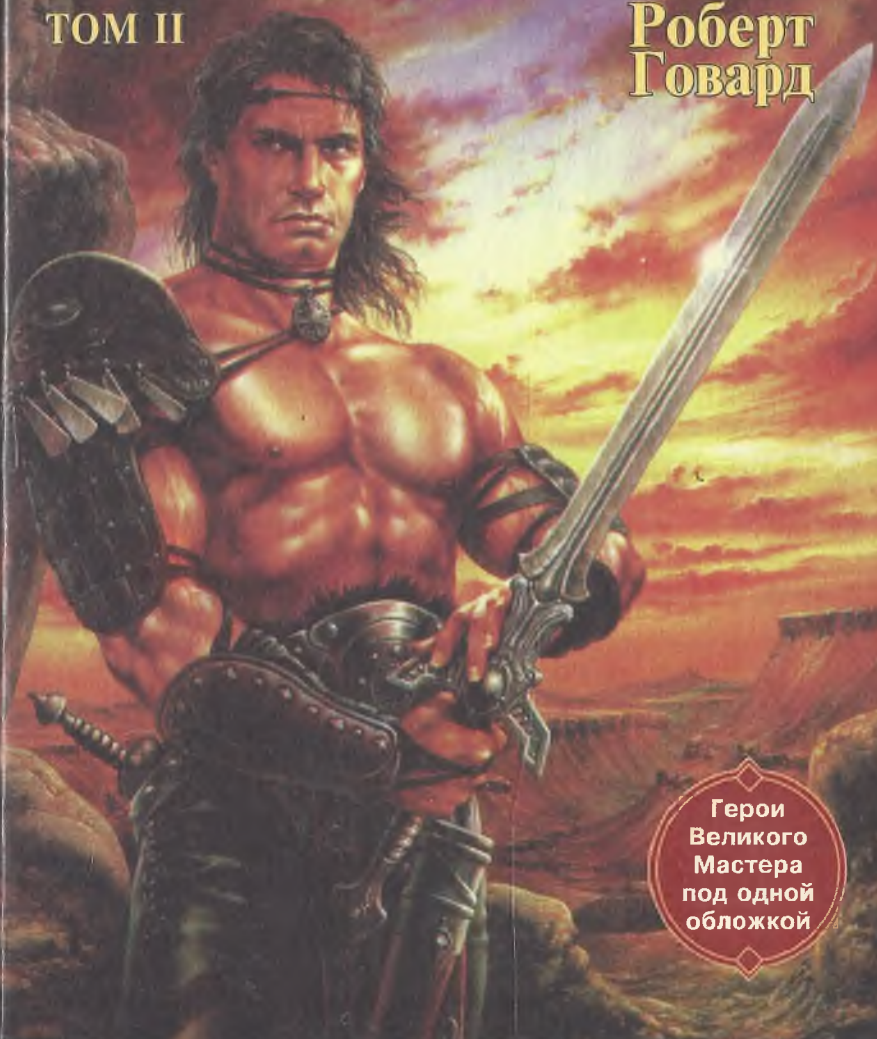
САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

И ДРУГИЕ БЕССМЕРТНЫЕ

ТОМ II

Роберт
Говард

Герои
Великого
Мастера
под одной
обложкой

РОБЕРТ ИРВИН
ГОВАРД
(1906 – 1936)

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

И ДРУГИЕ
БЕССМЕРТНЫЕ
ТОМ ВТОРОЙ

Роберт Говард

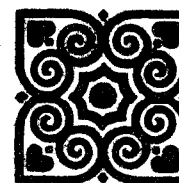

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

Царь Кулл

Конан™, Сонал™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Говард Роберт Ирвин

Г 57 Конан и другие Бессмертные: Повести. Рассказы.
Т. 2 / Пер. с англ. — СПб.: Терра—Азбука, 1996. — 512 с.
ISBN 5-7684-0078-8

Настоящее издание является истинным подарком всем поклонникам творчества замечательного американского фантаста Роберта Ирвина Говарда. В книгу включены ранее не издававшиеся в России произведения Мастера. Созданные Говардом герои — Конан, МакМорн, Соломон Кейн, Кулл, Ньерд и другие — стали воистину БЕССМЕРТНЫМИ. Они шагнули из глубины веков в наш мир и... остались в нём. Они не просто полузабытые тени минувших эпох, они — наши друзья, наши спутники. Герои Говарда несут священный огонь вечных истин: ЧЕСТИ, ДОЛГА, БЛАГОРОДСТВА и МУЖЕСТВА. Великие воители ушедших столетий благодаря таланту Мастера навсегда останутся с нами!

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание

ISBN 5-7684-0078-8

БЕГСТВО ИЗ АТЛАНТИДЫ

Солнце садилось. Его последние алые лучи заливали землю и лежали кровавыми коронами на покрытых снегом вершинах. Три человека, вдыхая запахи, принесенные ветром из далеких лесов, полюбовались утасанием дня, а потом обратились к более насущным нуждам. Один из них, готовивший оленину на маленьком костре, потрогал дымящееся кушанье и облизнул палец с видом знатока.

— Готово. Кулл, Хор-нак, можно есть!

Говоривший был молод, почти мальчик, высокий, широкоплечий паренек с узкой талией, двигавшийся с изяществом леопарда. Из его товарищей один был постарше, властный, крепко сложенный волосатый мужчина со свирепым лицом. Другой казался близнецом говорившего, не считая того, что он был немного крупнее — выше, крепче в груди и шире в плечах. Даже больше, чем первый юнец, он производил впечатление стремительности, скрытой в длинных гладких мышцах.

— Хорошо, — сказал он. — Я голоден.

— А когда ты не бываешь голоден, Кулл? — пошутил первый.

— Когда я сражаюсь, — ответил Кулл серьезно.

Второй бросил на своего друга быстрый взгляд, словно пытаясь проникнуть в его мысли.

— Ну а тогда ты жаждешь крови, — вмешался старший. — Ам-ра, кончай трепотню и подавай нам поесть.

Опускалась ночь, замерцали звезды. Над погруженной в сумерки горной страной проносился слабый ветер. Где-то вдали внезапно заревел тигр. Хор-нак инстинктивно потянулся к лежащему рядом с ним копыю с кремневым наконечником. Кулл повернул голову, и странный блеск появился в его холодных серых глазах.

— Полосатые братья вышли на охоту, — сказал он.

— Они поклоняются восходящей луне. — Ам-ра показал на восток, где уже появилось красноватое сияние.

— Почему? — спросил Кулл. — При луне они видны и их добыче, и их врагам.

— Когда-то, много сотен лет тому назад, — сказал Хор-нак, — царь-тигр, преследуемый охотниками, воззвал к женщине на луне, и она скинула ему вниз лозу, по которой он взобрался к ней на луну и провел там много лет в безопасности. С тех пор весь полосатый народ поклоняется луне.

— Я в это не верю, — сказал Кулл резко. — Почему полосатый народ должен почитать луну за то, что та помогла одному из них, сдохшему уже давным-давно? Множество тигров взбиралось на Обрыв Смерти, спасаясь от охотников, но они не поклоняются этому обрыву. Да и как они могут знать о том, что случилось так давно?

Хор-нак нахмурился.

— Не слишком-то приличествует тебе, Кулл, вышучивать твоих старейшин или насмеяться над легендами усыновившего тебя народа. Эта повесть должна быть правдивой, потому что она передавалась из поколения в поколение, дольше людской памяти. То, что всегда было, то и должно быть вовеки.

— И в это я не верю, — вторично возразил Кулл. — Эти горы были всегда, но когда-нибудь они рассыплются в песок и исчезнут. Когда-нибудь море покроет эти горы...

— Хватит святотатствовать! — вскричал Хор-нак сердито. — Кулл, мы близкие друзья, и я терплю все это, потому что ты еще молод. Но одно ты должен зарубить себе на носу — уважай традиции. Ты смеешься над обычаями и путями нашего народа, ты, кого этот народ спас в дебрях, кому он дал дом и племя.

— Я был безволосой обезьяной, бродящей по лесам, — честно признал Кулл, не стыдясь. — Я не умел говорить на языке людей, и моими единственными друзьями были тигры и волки. Я не знаю, кем были люди моего народа, чья кровь течет в моих жилах.

— Это все не имеет значения, — прервал его Хор-нак. — Хоть ты и похож на человека из племени из-

гнанников, живших в Долине Тигров, которые погибли во время Великого Наводнения, это ничего не значит. Ты проявил себя доблестным воином и великим охотником...

— Где ты найдешь равного ему в метании копья или в борьбе? — прервал его Ам-ра с загоревшимися глазами.

— Истинная правда, — сказал Хор-нак. — Он делает честь племени Приморских гор, но, несмотря на все это, он должен придерживаться свой язык и научиться относиться с почтением к святыням прошлого и настоящего.

— Я не насмехаюсь, — сказал Кулл спокойно. — Но я знаю, что многое из того, о чем говорят жрецы, — это ложь, потому что я бегал с тиграми и знаю диких зверей лучше, чем эти жрецы. Животные — это не боги и не дьяволы, они подобны людям, только без похоти и жадности человека.

— Опять святотатство! — воскликнул Хор-нак сердито. — Человек — это величайшее творение Валки.

Ам-ра вмешался, пытаясь изменить тему беседы.

— Утром я слышал бой береговых барабанов. На море идет война. Валузия сражается с лемурийскими пиратами.

— Проклятие тем и другим! — проворчал Хор-нак.

Глаза Кулла снова заблестели.

— Валузия! Земля чар! Когда-нибудь я увижу великий Город Чудес.

— И скверным будет этот день, — буркнул Хор-нак. — Тебя закуют в цепи, и тебе будет суждена пытка и смерть. Ни один человек из нашего народа не видит Великого Города иначе, как попав в рабство.

— Проклятие ему, — пробормотал Ам-ра.

— Проклятие и кровавая судьба! — воскликнул Хор-нак, грозя кулаком востоку. — За каждую каплю пролитой атлантами крови, за каждого раба, надрывающегося на их проклятых галерах, да постигнет черное проклятие Валузию и все Семь Империй!

Ам-ра, воодушевившись, вскочил на ноги и повторил часть проклятия. Кулл отрезал себе еще один ломоть жареного мяса.

— Я дрался с валузийцами, — сказал он. — И они храбро сражались, но убивать их было легко. И они все не выглядели свирепыми.

— Ты дрался со слабаками из стражи северного берега, — проворчал Хор-нак, — или же с командами выброшенных на берег купеческих судов. Подожди, пока ты не встанешь лицом к лицу с налетающими Черными Отрядами или с самим Великим Воинством, как стоял я. *Хай!* Вот тогда ты и напешься крови! Я грабил валузийские берега с Гандаро, Носителем Копья, когда я был младше тебя, Кулл. О, огнем и мечом мы прорвались далеко вглубь империи. Пятьсот человек нас было, из всех прибрежных племен Атлантиды. А вернулось из нас только четверо! У деревни Ястребов, которую мы разграбили и сожгли, передовые из Черных Отрядов раздавили нас. *Хай!* Там копья напились и мечи утолили жажду! Убивали мы и убивали нас, но когда гром битвы затих, четверо из нас бежали с поля, и все — жестоко израненные.

— Аскаланте рассказывал мне, — продолжал Кулл о своем, — что стены вокруг Хрустального Города в десять раз выше высокого мужчины, что блеск золота и серебра слепит глаза, а женщины, гуляющие по улицам или глазающие из окон, одеты в странные гладкие одежды, блестящие и шуршащие.

— Уж Аскаланте-то должен знать, — мрачно сказал Хор-нак, — раз он был у них рабом так долго, что забыл свое доброе атлантское имя и вынужден с тех пор обходиться валузийской кличкой, которую они ему дали.

— Он убежал от них, — заметил Ам-ра.

— Да, но на каждого раба, вырывающегося из темниц Семи Империй, приходится семеро, гниющих в темницах и умирающих каждый день, ибо не подобает атланту влачить рабскую жизнь.

— Мы враждовали с Семью Империями испокон веков, — пробормотал задумчиво Ам-ра.

— И будем враждовать, пока мир не рухнет! — с диким довольством сказал Хор-нак. — Ибо Атлантида, благодарение Валке, враг всем людям.

Ам-ра поднялся и взял копье, готовясь встать на страже. Остальные двое прилегли на траву и почти мгновенно заснули.

Что снилось Хор-наку? Возможно, битва или громовой топот буйвола, а быть может — девушка из пещер. Что же до Кулла...

Сквозь туманы его сна пробились издалека золотые голоса труб. Облака лучистого сияния плыли над ним, и вот величественное зрелище открылось его сияющей душе. Неисчислимое скопление людей без края и конца, их оглушительные крики, сливающиеся в громовой рев, в котором угадывались слова незнакомой речи. Послышалось слабое бряцание стальных доспехов — отряды огромного воинства появились справа и слева. Туман поредел, и из него отчетливо выступило лицо, увенчанное царской короной, с профилем ястреба, бесстрастное, неподвижное, с глазами, напоминавшими цветом холодные серые волны северного моря. И тогда вновь прогремели голоса: «Славься царь! Славься, царь! Славься, царь Кулл!»

Кулл вздрогнул и очнулся. Луна озаряла дальние горы, ветерок шелестел в высокой траве. Рядом храпел Хор-нак, а Ам-ра стоял на страже — нагая бронзовая статуя на фоне звезд. Взгляд Кулла скользнул по его собственному скудному одеянию — леопардовой шкуре, обернутой вокруг бедер. Голый варвар-дикарь... Глаза его заблестели. Царь Кулл!

Он снова погрузился в сон.

Поднявшись наутро, они направились к пещерной стоянке своего племени. Солнце стояло еще невысоко, когда их взорам открылась широкая голубая река и показались знакомые темные зевы пещер.

— Глядите! — резко выкрикнул Ам-ра. — Они кого-то жгут!

Перед пещерами возвышался крепкий столб, к которому была привязана молодая девушка. В глазах людей, столпившихся вокруг, не было ни следа жалости.

— Сарита, — сказал Хор-нак с окаменевшим лицом. — Она вышла за лемурийского пирата, это распутница.

— Да! — буркнула женщина с жестокими глазами. — Моя родная дочь стала позором Атлантиды. Больше она мне не дочь! Дружок ее помер, а Самриту выбросило на берег, когда их корабль был разбит нашим.

Кулл с сочувствием разглядывал девушку. Он не мог понять, почему все эти люди, ее собственная плоть и кровь, так ополчились на нее просто потому, что она полюбила врага их народа. Во всех взорах, обращенных к ней, Кулл уловил лишь один взгляд участия. Станные голубые глаза Ам-ры были полны печали и сочувствия.

Трудно сказать, какие чувства отражались на неподвижном лице Кулла, но взгляд обреченной девушки не отрывался от его взора. В ее глазах не было страха, лишь напряженный зов. Взгляд Кулла упал на поленья у ее ног. Скоро жрец, выкрикивающий сейчас проклятия рядом с ней, подожжет эти поленья факелом, дымившимся сейчас в его левой руке. Кулл видел, что девушка была прикована к столбу тяжелой деревянной цепью, своеобразным, типично атлантским изделием. Он не смог бы разорвать эту цепь, даже если бы пробился сквозь преграждавшую ему путь толпу. Глаза девушки умоляли его. Взглянув еще раз на поленья, он прикоснулся к длинному кремневому кинжалу за поясом. Она поняла, кивнула, в глазах ее вспыхнула искорка надежды.

Кулл ударил так же неожиданно и внезапно, как кобра. Он выхватил нож из-за пояса и метнул его. Нож вошел прямо под сердце, убив девушку мгновенно. Люди застыли, словно зачарованные. Кулл повернулся, метнулся в сторону и вскарабкался по двадцатифутовому отвесному обрыву, точно кошка. Кто-то из ошарашенной толпы схватил лук и прицелился. Кулл перевалился через край обрыва, лучник прищурился — и тут Ам-ра, словно нечаянно, подтолкнул его, и стрела ушла далеко в сторону. И Кулл исчез.

Он слышал крики у себя за спиной. Его соплеменники, воспламененные жаждой крови, дико ринулись за ним, чтобы догнать и убить его за нарушение их странного и кровавого кодекса чести. Но никто в Атлантиде не мог бы обогнать Кулла из племени Приморских гор.

Кулл спасается от своих разъяренных соплеменников лишь с тем, чтобы попасть в плен к лемурийцам. Следующие два года он проводит рабом на галере, пока ему не удастся бежать. Он пробирается в Валузию, где

становится отверженным в горах, а затем его хватают и бросают в темницу. Удача улыбается ему, и он становится сначала гладиатором на арене, затем солдатом воинства и, наконец, военачальником. Тогда, опираясь на наемников и некоторых недовольных валузийских аристократов, он захватывает трон. Кулл убивает деспотичного царя Борну и срывает корону с его окровавленной головы. Сон становится явью. Атлант Кулл восседает на троне древней Валузии.

1. ЦАРЬ ПРИНИМАЕТ ПАРАД

Звуки труб становились все громче, словно гул золотого прибой, словно мягкий рокот вечерних приливов на серебристых побережьях Валузии. Шумела толпа, женщины бросали цветы с крыши, а ритмичный звук серебряных подков становился все слышней, и вот уже первые ряды могучего воинства вступили на широкую светлую улицу, огибавшую увенчанную золотым шпилем Башню Великолепия.

Первыми ехали трубачи, стройные юноши в алом облачении, трубя в длинные узкие золотые фанфары. Следом за ними двигались лучники — рослые горцы, а за ними следовали тяжело вооруженные пехотинцы. Их широкие щиты бряцали в такт шагам, и в том же ритме покачивались их длинные копья. Вслед пехотинцам ехали самые могущественные воины в мире — Алые Убийцы, удалые наездники в алой броне от шлемов до шпор. Гордо восседали они на своих конях, не глядя по сторонам, словно не обращая внимания на крики толпы. Они были похожи на бронзовые статуи, и копья их, высившиеся над ними подобно лесу, были так же неподвижны.

За этим гордым и устрашающим отрядом шло пестрое воинство наемников, суровых, диковато выглядывших воинов, людей Му и Каа-у, обитателей гор востока и островов запада. Они были вооружены копьями и тяжелыми мечами, а лучники Лемурии маршировали плотной группой отдельно от остальных. Вслед им двигались легкие пехотинцы народного ополчения, и еще одна группа трубачей замыкала шествие.

Это было величественное зрелище, зрелище, находившее отзвук в душе Кулла, царя Валузии. Не на

Топазовом Throne перед царской Башней Великолепия восседал Кулл, но в седле, верхом на могучем жеребце, как подобает истинному царю-воину. Его сильная рука взметнулась, отвечая на приветствия проходящего воинства. Суровые глаза проводили красующихся трубачей мимолетным взглядом, чуть дольше задержавшись на следующих за ними воинах, они вспыхнули жадным огнем, когда Алые Убийцы остановились перед ним, загремев оружием и осадив коней, и отдали ему царский салют. Глаза эти слегка сузились, когда перед ним проехали наемники. Они никому не отдавали салюта, эти наемники. Они шли, расправив плечи, глядя на Кулла отважно и прямо, хоть и с известной долей уважения. Их суровые глаза, немигающие, дикие глаза глядели из-под буйных грив волос и насупленных бровей.

И Кулл ответил им таким же взглядом. Он уважал храбрость, а храбрее этих воинов не сыскать в целом мире, даже среди его бывших диких соплеменников. Но в Кулле было слишком много от дикаря, чтобы испытывать какую-либо привязанность к ним. Слишком уж глубока застарелая вражда. Многие из них были вековыми врагами народа Кулла, и хотя имя его стало теперь проклятием в устах соплеменников и Кулл постарался позабыть их, все же старые обиды и давние страсти еще гнездились в сердце. Ибо Кулл был не валузийцем, а атлантом.

Войско скрылось из глаз, свернув за сверкающую драгоценностями громаду Башни Великолепия, и Кулл, развернув своего жеребца, направил его легкой рысью по дороге во дворец, обсуждая по пути парад с ехавшими рядом с ним военачальниками. Не тратя лишних слов, он лаконично выразил суть: «Армия — как меч. И не должна ржаветь».

Кулл не обращал внимания на шепоты, доносившиеся из густи толпы, все еще заполнявшей улицы, по которым они проезжали.

— Смотри, это Кулл! Валка! Что за царь! И что за мужчина! Погляди только на его руки! На его плечи!

А сквозь все это проползал куда более зловещий шепот:

— Кулл! Проклятый узурпатор с языческих островов!
— Да, позор Валузии, что этот варвар восседает на троне царей...

Но и на подобные замечания Куллу было наплевать. Твердой рукой взялся он за подгнившее кормило власти древней Валузии и еще более твердо держал его, один человек против целого народа.

Потом был Зал Совета, а за ним последовал дворцовый прием, на котором Куллу пришлось отвечать на формальные льстивые речи дам и господ, втайне мрачно посмеиваясь над всем этим пустословием. Потом все эти дамы и господа откланялись, и царь откинулся на покрытую мехом горностаю спинку трона, погружившись в размышления о государственных делах Валузии.

Его мысли прервал слуга, попросивший у великого царя позволения молвить слово и сообщивший о прибытии гонца из посольства пиктов.

Мозг Кулла с трудом выбрался из темного лабиринта вопросов государственной важности, и царь без особой приязни уставился на пикта. Тот, не сморгнув, встретил его взгляд. Это был узкобедный, широкоплечий воин среднего роста, крепко сложенный и темноволосый, как и все люди его народа. На смелом бесстрастном лице его блестели непроницаемые, неустрашимые глаза.

— Ка-ну, главный советник племени, правая рука царя всех пиктов, шлет свои приветствия и говорит такие слова: «На празднике Восходящей луны приготовлен трон для Кулла, царя царей, владыки владык, повелителя Валузии».

— Хорошо, — ответил Кулл. — Скажи Ка-ну, старейшине, посланнику островов Запада, что царь Валузии вкусит его вина, когда луна встанет в небе над холмами Зальгары.

Пикт помедлил.

— У меня есть еще одно слово для твоих ушей, о царь. Но не для ушей этих... — Он сделал презрительный жест рукой. — Этих рабов.

Кулл, недоверчиво глядя на пикта, приказал слугам удалиться. Воин приблизился и сказал, понизив голос:

— Владыка царь, приходи на сегодняшний праздник в одиночку. Таковы слова моего вождя.

Глаза царя сузились, блеснув холодным серым отблеском стали, словно лезвие меча.

— В одиночку?

— Да.

Они безмолвно пожирали друг друга глазами, древняя вражда их племен кипела под покровом этикета. На их устах была речь культурных людей, пустые придворные фразы высокоцивилизованного народа, к которому не принадлежал ни один из них, но в глазах их горела первобытная вражда примитивных дикарей. И пусть Кулл был царем Валузии, а пикт — посланцем при его дворе, здесь, в царском тронном зале, два дикаря щерились друг на друга, жестокие и недоверчивые, пока призраки страшных войн и древней как мир вражды стояли за ними.

Преимущество было на стороне царя, и он наслаждался им в полной мере. Подперев рукой подбородок, он разглядывал пикта, стоявшего подобно статуе, отлитой из бронзы, с гордо поднятой головой, не опуская глаз.

На губах Кулла появилась улыбка, больше походившая на гримасу.

— Так значит, я должен прийти — один? — Цивилизация научила его говорить намеками, и темные глаза пикта загорелись, хотя он и не ответил ни слова.

— Откуда я знаю, что ты пришел от Ка-ну?

— Я все сказал, — гордо отвечивал пикт.

— А с каких это пор пикты говорят правду? — презрительно фыркнул Кулл, прекрасно зная, что пикты никогда не лгут, но желая вывести воина из себя.

— Я вижу твой замысел, царь, — невозмутимо ответил пикт. — Ты хочешь разгневать меня. Клянусь Валькой, тебе не стоит продолжать это! Я достаточно зол. И я вызываю тебя на поединок, на копьях, мечах или кинжалах, конным или пешим. Мужчина ты или всего лишь царь?

В глазах Кулла блеснуло то тайное восхищение, которое настоящий воин всегда испытывает к храброму врагу, и все же он не упустил шанса еще сильнее рассердить своего противника.

— Царь не принимает вызова от неизвестного дикаря, — презрительно ответил он. — Да и повелитель Ва-

лузии не нарушает неприкосновенности посланцев. Ты можешь идти. Скажи Ка-ну, что я приду один.

Глаза пикта загорелись убийственным огнем. Едва сдерживая первобытную жажду крови, он повернулся спиной к царю Валузии, пересек Зал Приемов и скрылся за огромной дверью.

И вновь Кулл откинулся на покрытый горностаями трон и погрузился в размышления.

Итак, глава Совета Пиктов хочет, чтобы он пришел в одиночку. Но что таится за этим? Предательство? Кулл мрачно притронулся к рукояти своего грозного меча. Нет, вряд ли. Пикты слишком ценят союз с Валузией, чтобы порвать его ради какой-то старой вражды. Пусть Кулл и воин Атлантиды, и извечный враг всех пиктов, но ведь он еще и царь Валузии, самого могущественного союзника Людей Запада.

Кулл долго размышлял о превратностях судьбы, сделавших его союзником старых врагов и врагом старых друзей. Поднявшись с трона, он начал расхаживать по залу, безостановочно, быстрой и беззвучной льюиной поступью. Он разорвал узы дружбы, племени и обычаев, чтобы насытить свое честолюбие. И — Валка, бог моря и суши, свидетель! — он насытил его вполне. Он стал царем Валузии — угасающей, вырождающейся Валузии, Валузии, живущей в основном воспоминаниями о минувшей славе, но все еще могущественной стране и величайшей из Семи Империй. Валузия — Страна Снов, так называли ее его бывшие соплеменники, и иногда Кулла и вправду казалось, что он живет словно во сне. Чуждыми были ему интриги придворных, дворец, войско и народ. Все это походило на маскарад, где мужчины и женщины прятали их настоящие лица и мысли за искусными масками. Да, воссесть на трон было легко — храбрая решимость, удачный момент, вихрь ударов мечей, убийство осточертевшего людям тирана, быстрая, умелая разборка с честолюбивыми аристократами — и Кулл, странствующий искатель приключений, беглец из Атлантиды, вознесся на головокружительные высоты своих снов. Он стал повелителем Валузии, царем царей. Но теперь ему начинало казаться, что удерживать трон — куда более трудная работа, чем захватить

его. Встреча с пиктом породила в нем воспоминания о юности, свободная, дикая вольность его детства вновь ожила в нем. И опять странное ощущение смутного беспокойства, нереальности окружающего вновь охватило его, как это часто уже случалось в последнее время. Да кто он такой, обычный человек с Приморских гор, чтобы править народом, обладающим столь древней мудростью, такими ужасными тайнами? Древним народом...

— Я — Кулл! — прорычал он, откинув голову, словно лев, встряхивающий гривой. — Я — Кулл!

Орлиным взором обвел он древний зал. Уверенность в себе постепенно возвращалась к нему.

А в темном углу зала едва заметно шевельнулась драпировка. Едва заметно.

2. ЧТО ГОВОРИЛИ МОЛЧАЛИВЫЕ ДВОРЦЫ ВАЛУЗИИ

Луна еще не взошла, и сад был озарен светом факелов, пылающих в серебряных держателях, когда Кулл воссел на трон за столом Ка-ну, посланника западных островов. Старый пикт сидел по его правую руку, совершенно не напоминая собой представителя этой суровой расы. Стар был Ка-ну и умудрен в делах государственных. Он оценивающе разглядывал Кулла, и во взгляде его не было привычной ненависти пиктов. Никакие племенные предрассудки не влияли на его суждения. Долгое общение с государственными мужами цивилизованных народов избавило его от подобной предубежденности. Он не задавал себе вопроса: кто и что такое этот человек? Первое, о чем он спрашивал себя, было: могу ли я влиять на этого человека и как? А племенную вражду он использовал лишь для укрепления собственных позиций.

Кулл же, глядя на Ка-ну, вяло поддерживал беседу, размышляя о том, не сделает ли с ним цивилизация то же, что с пиктом. Ибо Ка-ну растолстел и обрюзг. Много воды утекло с тех пор, как он брался за меч. Конечно, он был стар, но Кулла приходилось видеть

людей и постарше в самой гуще боя. Пикты были народом долгожителей.

За спиной Ка-ну стояла прекрасная девушка, то и дело наполнявшая вином его кубок, и передыхать ей не приходилось. Тем временем Ка-ну непрерывно сыпал шутками и остроумными замечаниями, и Кулл, втайне презирая подобное пустословие, тем не менее не пропустил мимо ушей ни капли его грубоватого юмора.

На пиршестве присутствовали пиктские вожди и государственные мужи. Последние непринужденно шутили, а воины были формально вежливы. Старая племенная вражда еще чувствовалась. И все же Кулл, несмотря на легкое чувство зависти, наслаждался ощущением свободы и легкости праздника. Эта свобода напоминала то, что он ощущал в походных лагерях атлантов.

Кулл пожал плечами. Что ж, Ка-ну, который вроде бы совсем позабыл, что он пикт, прав, да и ему, Куллу, лучше, пожалуй, стать настоящим валузийцем не только по имени.

Наконец, когда луна достигла зенита, Ка-ну, наевшись и напившись за троих, откинулся на ложе и вздохнул с удовлетворением.

— А теперь оставьте нас, друзья, ибо царю надо поговорить со мной о таких вещах, о которых детям знать не положено. Да, иди и ты, моя милочка, только сперва дай-ка я поцелую твои рубиновые губки... Вот так. А теперь упорхни отсюда, моя розочка.

Глаза Ка-ну блеснули над его седой бородой, когда он оценивающим взглядом окинул Кулла, восседавшего напряженно, мрачно и непримиримо.

— Так ты думаешь, Кулл, — сказал внезапно старый советник, — что Ка-ну — никчемный старый распутник, годный лишь на то, чтобы хлестать вино и целовать шлюх?

Воистину эти слова настолько совпадали с мыслями Кулла и были высказаны так прямо, что Кулл чуть не вздрогнул, хотя и постарался скрыть это.

Ка-ну захохотал так, что у него затряслось брюхо.

— Вино красно и женщины нежны, — сказал он с усмешкой, — но — хе-хе! — не думай, что старый Ка-ну мешает это с делами.

Он снова засмеялся, и Кулл заерзал на сиденье. Это уже становилось похожим на издевку, и горящие глаза царя начали светиться, словно глаза льва.

Ка-ну потянулся за кувшином, наполнил свою чашу и вопросительно поглядел на Кулла, который отрицательно покачал головой.

— Да, — сказал Ка-ну уныло. — Только старики не боятся крепких напитков. Старею я, Кулл, так почему же вы, молодежь, отказываете мне в праве на те маленькие удовольствия, которые нам, старикам, еще доступны? Да, старею я, дряхлею без друзей и без радостей.

Однако его вид и выражение лица полностью опровергали всю последнюю фразу. Он прямо-таки лучился довольством, и глаза его так горели, что седая борода казалась явно неуместной. Воистину, он выглядел удивительно похожим на эльфа, отметил Кулл, чувствующий себя слегка уязвленным. Старый мошенник утратил все добродетели своего народа и народа Кулла, и все же выглядел куда более довольным в свои дряхлые годы, чем кто-нибудь другой.

— Послушай, Кулл, — произнес Ка-ну, назидательно поднимая палец, — хоть и негоже хвалить юношу в лицо, и все же я должен сказать тебе то, что о тебе думаю, чтобы завоевать твое доверие.

— Если ты надеешься завоевать его лестью...

— Чушь! Кто говорит о лести? Я лью лишь для того, чтобы обезоружить собеседника.

В глазах Ка-ну появился хитрый блеск, холодный и мудрый, который не смягчался его ленивой улыбкой. Он знал людей, и знал, что с этим похожим на тигра варваром он должен быть честен и прям, ибо тот, словно волк, чующий ловушку, распознает любую неискренность или фальшь в его словах.

— Ты — сила, Кулл, — сказал он, выбирая слова более осторожно, чем в залах совета. — Ты можешь стать могущественнейшим из всех царей и возродить былую славу Валузии. Так-то. Мне нет никакого дела до Валузии — хотя женщины и вино здесь великолепны, — не считая того, что, чем сильнее становится Валузия, тем сильнее становится и народ пиктов. Более того, с ат-

лантом на троне с течением времени может быть присоединена и Атлантида...

Кулл горько усмехнулся. Ка-ну коснулся старой раны.

— Атлантида сделала мое имя проклятием, когда я отправился на поиски славы и удачи в иные времена. Мы — они — извечные враги Семи Империй и еще большие враги всех союзников империй, как тебе самому хорошо известно.

Ка-ну погладил бороду и загадочно ухмыльнулся.

— Ну-ну. Не будем об этом. Но я знаю, о чем говорю. Ну а потом войны станут редкими, раз перестанут приносить выгоду. Я провижу годы мира и процветания: человек человеку друг — простой рай. И всего этого ты можешь добиться — *если останешься жив!*

— Ха! — Кулл схватился за рукоятку меча и вскочил так внезапно и стремительно, что Ка-ну, ценивший людей, как иные ценят породистых лошадей, почувствовал, как его старая кровь быстрее побежала по жилам. Валка, что за воин! Нервы и мышцы из огня и стали, действующие с совершенной согласованностью, да еще врожденный инстинкт бойца, который рождает великих воинов.

Однако ни одна из этих мыслей Ка-ну не отразилась в его холодном спокойном голосе.

— Чушь. Садись. Оглянись по сторонам. Сады и места за пиршественным столом пусты, здесь лишь мы с тобой. Надеюсь, *меня* ты не боишься?

Кулл уселся на прежнее место, настороженно озираясь.

— Это в тебе дикарь проснулся, — проговорил Ка-ну. — Не думаешь ли ты, что если бы я и замышлял измену, то совершил бы ее здесь, где все подозрения наверняка пали бы на меня? Чушь. Вам, молодежи, еще многому предстоит поучиться. Здесь сидели мои военачальники, и они чувствовали себя весьма напряженно, соседствуя с тобой, — и все потому, что ты был рожден среди гор Атлантиды, а ты втайне презираешь меня, потому что я пикт. Тьфу. Я вижу в тебе Кулла, царя Валузии, а не Кулла, беглого атланта, вожака разбойников, грабивших западные острова. Так и ты должен видеть во мне не пикта, но человека, не принадлежащего ни к какому народу, гражданина всего мира. Ну а те-

перь перейдем к делу! Если бы тебя завтра убили, кто стал бы царем?

— Каанууб, владетель Блаала.

— Именно. Мне он не нравится по многим причинам, и больше всего потому, что он всего лишь пешка.

— Как это? Он был моим самым сильным противником, но я никогда не думал, что он защищал чьи-либо интересы, кроме своих собственных.

— У ночи есть уши, — промолвил Ка-ну иносказанием. — В любом из миров таится иной. Но ты можешь верить мне и можешь верить Брулу, Убивающему Копьем. Смотри! — Он вытащил из складок своих одежд золотой браслет, изображающий трижды свернувшегося кольцами крылатого дракона с тремя рубиновыми рогами на голове.

— Запомни его хорошенько. Он будет на руке Брула, когда тот придет к тебе завтра ночью, так что ты сможешь узнать его. Верь Брулу как самому себе и делай то, что он тебе скажет. А в доказательство того, что ты можешь доверять мне, — смотри!

Старик стремительно выхватил что-то из складок своей одежды — нечто, что сверкнуло таинственным зеленоватым сиянием, и тут же спрятал это нечто вновь.

— Похищенная драгоценность! — воскликнул Кулл, отпрянув. — Зеленый драгоценный камень из Храма Змея. Валка всемогущий! Так это — ты? Но для чего ты показал его мне?

— Чтобы спасти твою жизнь. Чтобы доказать тебе, что ты можешь доверять мне. Если я предам твое доверие, поступи со мной так же. Теперь ты держишь мою жизнь в своих руках. Отныне я не могу солгать тебе, даже если бы захотел, ибо слово из твоих уст станет моей гибелью.

Несмотря на все эти устрашающие речи, старый мошенник просто лучился весельем и казался очень довольным собой.

— Но почему ты мне вручил такую власть над собой? — спросил Кулл, с каждым мгновением все глубже погружаясь в недоумение.

— Я уже все объяснил тебе. Ради доверия. Теперь ты видишь, что я не собираюсь изменять тебе, и зав-

трашной ночью, когда Брул придет к тебе, ты последуешь его совету, не боясь предательства. И довольно. Эс-корт ждет снаружи, чтобы доехать с тобой до дворца, господин.

— Но ты так ничего мне и не объяснил, — промолвил Кулл, вставая.

— Фу, до чего же нетерпелива молодежь! — Ка-ну еще больше, чем обычно, напоминал сейчас растолстевшего эльфа. — Иди-ка грезить о тронах, власти и царствах, пока мне будут грезиться вино, нежные женщины и розы. И да будет с тобой удача, царь Кулл.

Покидая сад, Кулл еще раз взглянул, обернувшись, на Ка-ну, все еще лениво развалившегося на своем ложе, веселого старика, лучившегося жизнерадостностью.

Всадник ожидал царя у самых ворот сада, и Кулл был слегка удивлен, обнаружив, что это был тот же самый человек, который принес ему приглашение Ка-ну. Кулл молча забрался в седло и так же молча поскакали они по пустым улицам.

Краски и веселье дня уступили место призрачному спокойствию ночи. Древность города стала еще более заметной при свете ущербной серебристой луны. Огромные колонны величественных зданий и дворцов возносились к звездам. Широкие ступени, молчаливые и пустынные, уходили вверх, казалось, без конца, пока не исчезали в темной вышине. Лестницы к звездам, подумал Кулл, чье воображение возбудило величие этого зрелища.

Все молчало. Лишь звук ударов серебряных подков отдавался в широких затопленных лунным светом улицах. Древность города, его невообразимая дряхлость угнетали царя; ему казалось, что огромные молчаливые здания смеются над ним, беззвучно, с затаенной издевкой. Какие тайны хранили они?

— Ты молод, — говорили дворцы, храмы и святилища, — зато мы — стары. Мир был диким и юным, когда нас воздвигли. И ты, и твоё племя исчезнете, а мы непобедимы и неразрушимы. Мы высились над чуждым миром еще до того, как Атлантида и Лемурия поднялись из морских волн, и мы будем так же царственно выситься, когда зеленые воды моря скроют глубоко под

собой шпили Лемурии и горы Атлантиды и когда острова Людей Запада станут горами неизвестной земли.

Много царей проезжало по этим улицам еще до того, как Кулл из Атлантиды был лишь сном в мыслях Ка, птицы Творения. Проезжай, Кулл из Атлантиды, великие предшествовали тебе, еще более великие последуют за тобой. Они обратились в прах, они позабыты, а мы стоим, мы существуем. Проезжай, проезжай, Кулл из Атлантиды, царь Кулл, Кулл-шут!

И Куллу казалось, что удары копыт подхватывают эти слова, превращая их в глухо звучащий в ночи насмешливый рефрен:

— Кулл — царь! Кулл — шут!

Сияй, луна, ты озаряешь путь царю! Сверкайте, звезды, вы — факелы свиты повелителя! Звените, серебряные подковы, — вы возвещаете, что Кулл шествует по Валузии.

Эй! Проснись, Валузия! Вот шествует Кулл, царь Кулл!

— Мы знали много царей... — промолвили молчаливые дворцы Валузии.

Вот так, со смятенной душой прибыл Кулл во дворец, где его телохранители, Алые Убийцы, сбежались к дверям, помогли царю спешиться и сопровождали в его покои. И только тогда пикт, по-прежнему не промолвив ни слова, резким рывком поводьев развернул своего коня и умчался во тьму, словно призрак. Кулл представил себе, как он мчится по молчащим улицам, подобно гоблину давно исчезнувшего мира.

Кулл так и не заснул в эту ночь, потому что уже светало, и он провел остаток ночных часов, расхаживая по тронному залу и обдумывая последние события. Ка-ну так ничего и не рассказал ему по существу и все же верил себя в полную власть Кулла. На что намекал он, когда заявил, что владетель Блаала был всего лишь пешкой? И кто такой этот Брул, который должен был явиться к нему ночью с таинственным драконьим браслетом? И ради чего? А самое главное, почему Ка-ну показал ему эту ужасающую зеленую драгоценность, давно уже украденную из храма Змея, из-за которой мир был бы ввергнут в огонь войны, будь то, что узнал

Кулл, известно загадочным и ужасным хранителям этого храма, от чьей мести даже воинственные соплеменники Ка-ну не смогли бы его спасти? Но Ка-ну знал, что он был в полной безопасности, отметил Кулл, ибо сей государственный муж был слишком мудр, чтобы подвергать себя такому риску без всякой выгоды. Возможно, он пытался отвлечь внимание царя, чтобы легче вымостить путь измене? Осмелится ли Ка-ну теперь оставить его в живых? Кулл пожал плечами.

3. ТЕ, КТО ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

Луна еще не поднялась на небо, когда Кулл, сжимая рукоять меча, подошел к окну. Окна открывались на огромные внутренние сады царского дворца, и ночной ветерок, напоенный пряными ароматами цветущих деревьев, чуть колыхал тонкие занавеси. Царь выглянул из окна. Дорожки и рощицы были пустынные, тщательно подстриженные деревья казались массивными плотными тенями, ближайшие фонтаны серебрились в лунном свете, а дальние угадывались только по шуму струй. По этим садам не расхаживали стражники, ибо наружные стены так тщательно охранялись, что мысль о том, будто какой-то чужак может проникнуть внутрь, никому не приходила в голову.

Стены дворца были увиты виноградными лозами, и как раз в тот самый миг, когда Кулл размышлял над тем, как легко по ним можно было бы забраться наверх, какая-то тень выступила из тьмы под окном и обнаженная смуглая рука ухватила за подоконник. Грозный меч Кулла со свистом наполовину вырвался из ножен, и вдруг царь замер. На мускулистом запястье блеснул драконий браслет, который Ка-ну показывал ему минувшей ночью.

Пришелец перевалился через подоконник в зал быстрым легким движением взобравшегося на обрыв леопарда.

— Ты — Брул? — спросил Кулл, и тут же умолк в изумлении, смешанном с подозрительностью, ибо этот человек был тем самым пиктом, над которым Кулл на-

смехался в Зале Приемов, тем же, кто сопровождал его на обратном пути из пиктского посольства.

— Я — Брул, Убивающий Копьем, — ответил пикт сдержанно, затем, глядя Куллу прямо в глаза, он произнес шепотом:

— *Ка нама каа лайерама!*

Кулл вздрогнул.

— Что это значит?

— А ты не знаешь?

— Нет, эти слова мне незнакомы, их нет ни в одном языке, который я когда-либо слышал, — и все же, клянусь Валкой, где-то я слышал...

— Да, — коротко отозвался пикт. Его глаза обшарили комнату, служившую дворцовой библиотекой: несколько столов, два дивана и большие полки с фолиантами из пергамента. Помещение казалось пустоватым и скромным в сравнении с величием и роскошью остального дворца.

— Скажи, царь, кто сторожит двери?

— Восемнадцать Алых Убийц. Но скажи, как ты попал сюда, прокравшись по садам в ночи и взобравшись на стены дворца?

Брул пренебрежительно хмыкнул.

— Стражники Валузии не лучше слепых буйволов. Я мог бы утащить их девиц прямо у них из-под носа. Я проскользнул между ними, а они не увидели меня и не услышали. Что же до стен — я мог бы перелезть через них даже без помощи виноградных лоз. Я охотился на тигров на дальних берегах, когда резкие восточные ветры нагоняли туманы с моря, я взбирался на обрывы прибрежных гор Западного моря. Но идем — нет, сперва дотронься до этого браслета.

Он протянул руку и, когда Кулл сделал то, что он хотел, облегченно вздохнул.

— Так. Теперь сбрось твои царские одеяния, ибо этой ночью нам предстоят такие дела, о каких никогда не грезил ни один атлант.

Сам Брул был облачен только в узкую набедренную повязку, за которую был заткнут короткий кривой меч.

— А кто ты такой, чтобы отдавать мне приказы? — спросил слегка уязвленный Кулл.

— Разве Ка-ну не предупредил тебя, что ты должен доверять мне во всем? — спросил пикт, и его глаза на миг сверкнули. — Я не испытываю любви к тебе, владыка, но сейчас я выбросил из головы все мысли о вражде. Поступи и ты так же. Пошли.

Бесшумной поступью он пересек комнату и подошел к двери. Через дверной глазок можно было рассмотреть коридор, оставаясь невидимыми снаружи, и пикт помянул Кулла, чтобы тот выглянул.

— Что ты видишь?

— Ничего, кроме восемнадцати стражников.

Пикт кивнул и потянул Кулла за собой к противоположной стене. У одной из ее панелей Брул нагнулся и немного повозился с чем-то. Затем он слегка отступил назад, вытаскивая меч. Кулл едва не вскрикнул, когда панель беззвучно отошла в сторону, открывая тускло освещенный проход.

— Потайной ход! — ругнулся Кулл тихо. — А я ничего не знал о нем! Клянусь Валкой, кто-то у меня за это попляшет!

— Тише! — прошепел пикт.

Брул застыл, словно бронзовая статуя, весь обратившись в слух. Волосы на голове у Кулла зашевелились. Не от страха, а скорее от какого-то мрачного предчувствия. Затем, словно решившись, Брул вошел в тайный ход, зиявший перед ними. Проход был пуст, но пыли в нем не было, как это бывает с долго не используемыми тайными ходами. Слабое серое свечение сочилось откуда-то, но источник его был неясен. Через каждые несколько футов Кулла встречались двери, невидимые, как он прекрасно знал, снаружи, но четко различимые изнутри.

— Дворец — настоящие пчелиные соты, — пробормотал он.

— Да. День и ночь за тобой следят, царь. И немало глаз.

То, как вел себя Брул, впечатляло. Пикт продвигался вперед медленно, осторожно, почти крадучись, с мечом наготове. Говорил он лишь шепотом и постоянно оглядывался по сторонам.

Коридор резко сворачивал, и Брул осторожно заглянул за угол.

— Взгляни! — прошептал он. — Но помни — ни слова, ни звука! Ради твоей же жизни!

Царь не менее осторожно последовал примеру пикта. Почти сразу за поворотом коридор опускался ниже несколькими ступенями. И у их подножия лежали восемнадцать Алых Убийц, стоявших в эту ночь на страже у дверей царской библиотеки. Только железная хватка Брула и то, что он прошептал царю на ухо, удержали Кулла от того, чтобы не ринуться вниз по ступеням.

— Тише, Кулл! Тише, во имя Валки! — прошепел пикт. — Сейчас эти переходы пусты, и все же я страшно рискую, показывая тебе все это, чтобы ты поверил тому, что я должен тебе рассказать. Вернемся теперь назад.

Брул направился к покинутой ими библиотеке, и Кулл в полном смятении последовал за ним.

— Измена... — бормотал царь, его глаза горели холодным серым пламенем стали. — Грязное предательство! Все было сделано так быстро — и нескольких минут не прошло, как я видел этих бедняг стоявшими на страже...

Когда они вернулись в библиотеку, Брул тщательно закрыл тайную панель и жестом попросил Кулла снова поглядеть в глазок наружной двери. Кулл заглянул и ахнул. Снаружи стояли на часах *те же восемнадцать стражников!*

— Колдовство! — прошептал он, хватаясь за меч. — С каких это пор мертвые могут нести караул?

— О... — чуть слышно отозвался Брул. В мерцающих глазах пикта появилось странное выражение. Несколько мгновений царь и воин смотрели друг на друга в упор, и Кулл напряженно хмурился, пытаясь прочесть мысли пикта на его невозмутимом лице. Потом с чуть дрогнувшими уст Брула слетели слова:

— *Змей, что владеет человеческой речью...*

— Тише! — прошептал царь, закрывая ладонью рот пикта. — Говорить такое — смерть! Это имя проклято!

Бесстрашные глаза Брула спокойно встретили его взгляд.

— Взгляни еще раз, царь Кулл. Возможно, была смена стражи?

— Нет! Это те же самые люди. Во имя Валки, это колдовство, это безумие какое-то! И нескольких минут не прошло, как я своими глазами видел тела этих людей. И все же они стоят тут!

Пикт отошел подальше от двери. Кулл машинально последовал за ним.

— Царь, что знаешь ты об истории народа, которым правишь?

— Многое. И вместе с тем мало. Валузия так стара...

— Да, — в глазах Брула загорелся странный огонек. — Мы, варвары, всего лишь дети в сравнении с Семью Империями. Они и сами не знают, насколько они стары. Ни память человеческая, ни летописи историков не уведут так глубоко в прошлое, чтобы поведать нам о тех временах, когда первые люди пришли с моря и построили города на этих побережьях. Но... Кулл, сынами человеческими не всегда управляли люди!

Царь вздрогнул. Их глаза встретились.

— Да, у моего народа есть предание...

— И у моего! — прервал его Брул. — То было задолго до того, как мы, островитяне, стали союзниками Валузии. Это случилось в дни правления Львиного Клыка, седьмого военного вождя пиктов, столько лет назад, что уже никто не помнит, сколько их прошло. С островов Заката отплыли мы, пересекли море, обогнули берега Атлантиды и огнем и мечом обрушились на побережье Валузии. О, долгие белые побережья гремели от гула схватки, и ночь стала подобна дню от зарева пылающих замков. И царь, царь Валузии, павший на окровавленных прибрежных песках в тот страшный день...

Его голос прервался. Оба уставились друг на друга, не говоря ни слова. Затем каждый кивнул.

— Стара Валузия! — прошептал Кулл. — А когда она была юной, горы Атлантиды и Му были лишь островками среди моря.

Ночной ветерок влетел в открытое окно. Не тот вольный свежий морской ветер, который был привычен атланту и пикту, а тот, чье дыхание было подобно шепоту глубокой древности, пропитанному мускусом и запахом давно позабытых тварей, доносящий тайны, которые были уже дряхлыми, когда мир был еще юн.

Прошелестели занавеси, и внезапно Кулл ощутил себя ребенком на берегу бескрайнего океана мудрости загадочного прошлого. Вновь чувство нереальности окружающего охватило его. В глубине его души зашевелились огромные призраки, шепчущие о чем-то чудовищном. Он чувствовал, что Брул ощущает то же, что и он. Глаза пикта не отрывались от его лица. Их взгляды встретились. Кулла охватило теплое чувство к этому человеку из враждебного племени. Словно два леопарда-соперника, загнанные в ловушку охотниками, эти два дикаря объединились против темных сил древности.

Брул вновь поманил Кулла к потайному ходу. Молча углубились они в сумрачный коридор, избрав на этот раз направление, противоположное тому, которым шли прежде. Через некоторое время пикт остановился, и они вместе с Куллом заглянули в скрытый глазок одной из потайных дверей.

— Отсюда видна редко используемая лестница, которая соединяется с коридором, ведущим к двери библиотеки, — прошептал пикт.

В этот миг они увидели молчаливую фигуру, беззвучно поднимающуюся по ступеням.

— Ту! Главный советник! — воскликнул Кулл. — Ночью, с обнаженным кинжалом! Что все это значит, Брул?

— Убийство! И подлая измена! — прошипел Брул. — Нет! — прошептал он, когда Кулл хотел распахнуть дверь и ринуться на противника. — Если ты набросишься на него тут, мы погибли, ибо еще больше их скрывается у подножия этой лестницы. Идем!

Почти бегом они устремились назад по коридору. Оказавшись в библиотеке, Брул тщательно закрыл потайную дверь и потащил царя к арке, за которой располагалась небольшая, редко посещаемая комната. Там он откинул шторы в темном углу, и они с Куллом спрятались за ними.

Тянулись минуты. Кулл слышал, как ветерок шелестит занавесями в библиотеке, и этот шелест казался ему шепотом призраков. Затем в проеме, крадучись, появился Ту, главный советник царя. Очевидно, он прошел в библиотеку и, обнаружив, что она пуста, ис-

кал свою жертву там, где она наиболее вероятно находилась.

Он вошел беззвучно, с занесенным кинжалом. На какое-то мгновение он остановился, оглядывая пустую на вид комнату, тускло освещенную единственной свечой. Затем он начал осторожно обходить ее, явно не понимая, куда делся царь. Наконец он остановился прямо напротив их укрытия и...

— Бей! — прошипел пикт.

Кулл одним могучим прыжком оказался посреди комнаты. Ту обернулся, но слепящая, тигриная стремительность царя лишила его возможности защититься. Сталь меча блеснула в тусклом свете, проскрежетала по кости, и Ту рухнул ничком. Меч Кулла торчал из его груди.

Кулл наклонился над ним, оскалив зубы в гримасе убийцы, насупив тяжелые брови над глазами, подобными серым льдинам северных морей. Затем он выпустил рукоять меча, потрясенный, с помутившимся разумом, как будто сердце его сжала холодная рука смерти.

Ибо, пока он разглядывал убитого, лицо Ту вдруг стало странно туманным и нереальным, черты его заковылялись и поплыли совершенно невозможным образом. Затем, подобно тающей маске, лицо внезапно исчезло, и вместо него проступила ощеренная, чудовищная голова змеи.

— Валка! — выдохнул Кулл. На лбу его выступил холодный пот. И Кулл опять повторил: — Валка всемогущественнейший!

Брул склонился над трупом. В горящих глазах пикта отразился тот же ужас, что и у Кулла.

— Забери свой меч, владыка царь, — сказал он. — Ему еще предстоит поработать нынче.

Кулл нерешительно ухватился за рукоять меча. Его передернуло, когда ему пришлось упереться ногой в распростертую перед ним ужасную тварь. В этот миг какое-то посмертное сокращение мышц раскрыло чудовищную пасть змеиной головы, и он отпрянул с отвращением. Затем, обозлившись на себя, он вырвал клинок из тела и начал пристально разглядывать безвестное чудовище, притворявшееся Ту, главным советником. Не

считая головы рептилии, тело было практически неотличимо от обычного человеческого.

— Человек с головой змеи! — прошептал Кулл. — Так значит, это служитель змеиного бога?

— Да. Настоящий Ту спокойно спит, ничего не подозревая. Эти твари могут принимать любую форму по своему желанию. Они сплетают паутину чар вокруг своих лиц, как актер надевает маску, так что могут выдавать себя за кого угодно.

— Так значит, старые легенды говорят правду, — задумчиво пробормотал царь. — Мрачные старые сказки, которые не осмеливаются рассказывать даже шепотом, чтобы не умереть за святотатство, не выдумки. Клянусь Валкой, я думал... я предполагал... Нет, моя голова не может вместить всего этого. Ха! Те стражники за дверью...

— Они тоже змеелюди. Постой! Что ты собираешься делать?

— Убью их! — сказал Кулл сквозь зубы.

— Если уж бить, то в голову. — отозвался Брул. — Тут их, наверное, дюжина за дверью да еще десятка два в коридорах. Послушай, царь, Ка-ну разузнал многое об этом заговоре. Его шпионы проникли в самое сокровенное святилище жрецов Змея и собрали много сведений об их замыслах. Уже давно он разузнал о тайных проходах во дворце, и по его приказу я изучил их схему и явился тебе на помощь этой ночью, дабы ты не погиб, как погибли другие цари Валузии. Я пришел в одиночку, потому что большой отряд был бы замечен. Немногие могут проникнуть во дворец, как сделал это я. И вот мне удалось показать тебе то, что ты видел своими глазами. Змеелюди сторожат твою дверь, и эта тварь, выдававшая себя за Ту, могла бы проникнуть в любой из дворцовых покоев. Утром, если бы заговор не удался, настоящие стражники вновь заняли бы свои места, ничего не зная, ничего не помня. А если бы жрецы преуспели, на них свалили бы всю вину. А теперь подожди, пока я избавлюсь от этой падали.

Сказав это, пикт взвалил труп твари на плечи и скрылся с ним за другой тайной панелью. Кулл остался

один в полном смятении. Почитатели могущественного Змея, сколько их в городах его страны? Как отличить ложь от истины? И сколько из его верных советников, его военачальников — настоящие люди? В ком он может быть уверен?

Потайной ход открылся, и вошел Брул.

— Ты быстро справился.

— Похоже на то. — Воин шагнул вперед, разглядывая пол. — А вот тут на ковре осталась кровь. Видишь?

Кулл наклонился, и в этот миг уголком глаза уловил какое-то движение и блеск стали. Словно лук с лопнувшей тетивой, он мгновенно распрявился, нанеся удар мечом снизу вверх. Воин напоролся на меч, уронив собственное оружие на пол. Даже в это мгновение Кулл мрачно отметил, что предатель встретил свою смерть от того самого скользкого, направленного снизу вверх удара, который так любили наносить бойцы его народа. Но тут же, лишь только тело Брула соскользнуло с меча и недвижимо распростерлось на полу, лицо убитого стало расплываться и бледнеть, и не успел Кулл перевести дух, как человеческие черты исчезли, ощерились челюсти гигантской змеи. Холодные глаза остекленели, устрашающие даже в смерти.

— Так значит, он был жрецом Змея все это время! — ахнул царь. — Валка! Что за чудовищный замысел, чтобы отвести мне глаза! А Ка-ну, человек ли он? С настоящим ли Ка-ну говорил я в садах? Валка всемогущий!

В уме его родилась жуткая мысль: что если все люди Валузии — змеи?

Он стоял в нерешимости, бездумно удивляясь тому, что на руке твари, выдававшей себя за Брула, уже не было драконьего браслета. Звук открывающейся панели заставил его стремительно обернуться.

Из потайного хода вышел Брул.

— Стой! — На руке, протянутой навстречу метнувшемуся мечу царя, поблескивал свернувшийся кольцами дракон. — Валка!

Пикт застыл на месте. Затем мрачная улыбка искрилась его губы.

— Клянусь богами морей! Ну и хитры же эти демоны! Эта тварь, верно, тайлась в коридорах и, увидев, как я тащу тело его дружка, прикинулась мною. Теперь мне придется уносить и этого.

— Постой! — В голосе Кулла тайлась смертельная угроза. — Я уже видел, как двое людей обернулись змеями у меня на глазах. Откуда я знаю, что ты — настоящий человек?

Брул улыбнулся.

— По двум причинам, царь Кулл. Ни один человек-змея не может надеть это. — Он показал драконий браслет. — И никто из них не может произнести этих слов: *Ка нама каа лайерама!*

— *Ка нама каа лайерама*, — повторил Кулл машинально. — Где, во имя Валки, мог я слышать это? Нигде, пожалуй. И все же... И все же...

— Да, ты помнишь, Кулл, — отозвался Брул. — Из глубины памяти всплывают эти слова, хоть ты и не слышал их ни разу в жизни. В давно минувшие века они так страшно запечатлелись в душах людей, что никогда не забудутся. Они будут всегда отзываться в твоей памяти, даже если тебе суждено перевоплощаться еще не одну тысячу лет. Ибо эти слова дошли до нас из мрачных и кровавых эпох, когда бесчисленные столетия назад они были паролем для тех людей, что сражались с жуткими тварями древнего мира. Ибо никто, кроме настоящего человека, не может произнести их. Потому что челюсти, язык и гортань у человека устроены иначе, чем у любой другой твари. Забыто значение этих слов, но не сами слова.

— Правда, — сказал Кулл. — Я вспоминаю легенды... Валка!

Его голос прервался, задрожав, ибо внезапно, словно какая-то таинственная дверь распахнулась настежь, туманные безмерные пространства открылись его сознанию, и на мгновение ему показалось, что он видит давно минувшее, видит сквозь туманную и призрачную дымку времени образы оживающего минувшего. Люди сражались с чудовищными тварями, очищая мир от древних ужасов. В сером колеблющемся тумане копошились странные, кошмарные существа, порождения бе-

зумия и страха. И человек, эта игрушка богов, слепой, невежественный, встающий из праха и в прах обращающийся, шел долгой кровавой тропой своей судьбы, сам не зная почему, звероподобный, словно большой жестокий ребенок, и все же чувствующий по временам в себе искру божественного огня... Кулл, вздрогнув, вытер рукой выступивший на лбу пот. Такие внезапные приступы, напоминавшие падения в бездны памяти, уже случавшиеся с ним, всегда тревожили его.

— Они исчезли, — сказал Брул, словно читая его мысли. — Исчезли птицы-женщины — гарпии, люди-непотыри — летучие вампиры, люди-волки, демоны, гоблины, — все, кроме таких тварей, как та, что лежит у наших ног, да еще нескольких волков-оборотней. Долгой и страшной была эта война, тянувшаяся в течение многих кровавых столетий с тех самых пор, как первый человек, переставший быть обезьяной, восстал против тех, кто правил тогда этим миром. И наконец человечество победило, так давно, что от той поры дошли до нас лишь смутные легенды. Змеелюди сопротивлялись дольше всех, и все же люди сокрушили даже их и изгнали последних из них в глухие уголки мира. Там они спаривались с настоящими змеями, и мудрецы говорили, что их ужасные отродья скоро исчезнут окончательно. Но прошло время, род людской размягчился и выродился, позабыв древние битвы, и твари вернулись. О, это была мрачная и тайная война! По юной земле крались страшные чудовища старого мира, хранимые их ужасной магией, принимая любые образы и свершая втайне ужасающие деяния. И нельзя было отличить настоящих людей от оборотней. Ни один человек не мог доверять другому. Но со временем с помощью собственной хитрости и своего разума они нашли способ отличать ложь от истины. Люди избрали своим знаком и знаменем изображение летучего дракона, крылатого ящера, чудовища древних веков, которое было величайшим врагом змей, и люди придумали те слова, которые я произнес как символ и пароль, ибо, как я уже сказал, никто, кроме настоящих людей, не может повторить их. Так человечество восторжествовало. И вновь твари вернулись, когда протекли столетия забвения, — потому

что человек и доньше напоминает обезьян тем, что забывает все то, что постоянно не мозолит ему глаза. А люди погрязли в своей роскоши и могуществе и уже перестали верить в старые религии, и потому змеелюди пришли в облики жрецов, учителей новой и истинной веры, создав чудовищную религию поклонения змееловому божеству. И такова их власть, что ныне повторять старые предания о змеелюдах — смерть. И люди вновь поклоняются Змею в новом облики, и все они — слепые дураки, потому что подавляющее большинство из них не видит связи между их силой и той, которую люди сокрушили в незапамятной древности. И змеелюди могли бы удовлетвориться своей властью жрецов. И все же... — Он замолчал.

— Продолжай. — Кулл почувствовал, как по спине поползли мурашки.

— Все считали, что Валузией правили настоящие люди, — прошептал пикт. — И все же, пав в битве, они умирали, как змеи, — так, как умер тот, что пал от копья Львиного Клыка на залитых кровью побережьях, когда мы, островитяне, грабили Семь Империй. И как могло такое случиться, владыка Кулл? Эти цари были рождены женщиной и жили, как люди! Это могло произойти, только если настоящих царей тайно убивали — как могли бы убить тебя нынче ночью, — и жрецы Змея правили в их облики, и никто ничего не заподозрил.

Кулл выругался сквозь зубы.

— Да, наверное, так и было. Никто еще не сумел повидать жреца Змея и остаться после этого в живых. Это известно всем. Они окружают себя глубокой тайной.

— Государственные дела Семи Империй — это чудовищно запутанная штука, — сказал Брул. — Настоящие люди знают, что среди них скрываются шпионы Змея, а также люди, ставшие союзниками Змея, — такие как Каанууб, владетель Блаала, и все же никто не дерзает говорить о своих подозрениях, дабы его не постигло возмездие. Ни один человек не доверяет даже своим друзьям, и государственные мужи не осмеливаются говорить друг другу о том, что у всех на уме. Если бы они могли быть хоть в чем-нибудь уверены, если бы хоть одного человекозмея или весь их заговор разобла-

чили у них на глазах, тогда власть Змея была бы сокрушена более чем наполовину. Тогда все они объединились бы и выявили предателей. А так лишь у Ка-ну хватает решимости и мужества замыслить что-либо против них, и даже самому Ка-ну удалось узнать лишь столько об их делах, чтобы предупредить меня о том, что может случиться. А точнее — о том, что случилось до этой минуты. Так что я был готов к тому, что произошло, но теперь нам придется положиться лишь на нашу удачу и хитрость. Пока, я думаю, мы в безопасности. Эти змеелюди не осмелятся оставить свой пост, опасаясь, что неожиданно могут подойти настоящие люди. Но можешь быть уверен, завтра они придумают что-нибудь еще. Что именно — этого никто не скажет, даже Ка-ну, но мы должны держаться вместе, царь Кулл, пока не победим или не погибнем оба. А теперь пойдем со мной. Попробуем спрятать этот труп понадежней.

Кулл последовал за пиктом, согнувшимся под своей жуткой ношей, в сумрак потайного хода. Их поступь обитателей дебрей была бесшумна, и, словно привидения, скользили они в призрачном свете. Кулл все же не слишком-то доверял заверениям Ка-ну, что проходы должны быть пусты. За каждым поворотом он ожидал появления чего-то ужасного. В сердце вновь шевельнулось подозрение. Быть может, пикт вел его прямо в засаду? Он отступил шага на два и стал держать свой меч нацеленным прямо в беззащитную спину Брула. Если тот замыслил предательство, то должен был погибнуть первым. Но если пикт и заметил это, он не подал виду. Он продолжал спокойно идти, пока они не добрались до пыльной заброшенной комнаты, где тяжелые заплесневелые драпировки свисали со стен. Брул откинул одну из них и спрятал за ней труп.

Они уже выходили из комнаты, когда внезапно Брул остановился так резко, что оказался куда ближе к смерти, чем думал, — нервы Кулла были на пределе.

— Что-то движется по коридору, — прошипел пикт. — Ка-ну говорил, что эти проходы будут пусты, но...

Он вытянул свой меч и выглянул в коридор. Кулл настороженно последовал его примеру.

Неподалеку в проходе появилось странное свечение, приближавшееся к ним. Напрягшись, вжавшись в стену коридора, они ждали, сами не зная чего, но Кулл слышал, как дыхание пикта вырывается сквозь зубы, и уверился в верности Брула.

Сияние сгустилось в призрачную фигуру. Она отдаленно напоминала человека, но казалась сотканной из дымки. Словно клубы тумана уплотнялись по мере приближения, так и не обретая вещественности. Лицо было обращено к ним — пара светящихся огромных глаз, в которых, казалось, отразились столетия жутких пыток. Лицо не таило угрозы, в его сумрачном странном выражении таилась лишь безмерная печаль. Это лицо... Это лицо...

— Всемогущие боги! — выдохнул Кулл, чувствуя, как ледяная рука сдавливает его сердце. — Эаллал, царь Валузии, погибший тысячу лет назад!

Брул изо всех сил вжался в стену, его глаза стали круглыми от ужаса, меч впервые за эту ночь дрогнул в его руке. Кулл стоял гордо и прямо, инстинктивно держа клинок наготове. Волосы на голове у атланта встали дыбом, кожу будто бы обожгло ледяное дыхание зимней стужи. И все же он по-прежнему оставался царем царей, столь же готовым к битве с мертвецом, как с любимым из живых.

Призрак шел прямо, не обращая на них внимания. Кулл отпрянул, когда он проходил мимо, ощутив ледяное дуновение, подобное дыханию северных снегов. Призрак миновал их медленной, беззвучной поступью, как если бы узы всех минувших веков обременяли его слабые ноги, и исчез за углом коридора.

— Валка! — пробормотал пикт, вытирая холодные капли со лба. — То был не человек! Это был дух!

— Да... — Кулл удивленно покачал головой. — Разве ты не узнал лица? То был Эаллал, правивший Валузией тысячелетия назад. Его нашли чудовищно умерщвленным в его собственном тронном зале, который теперь зовут Проклятым Залом. Ты разве не видел его статуи в Зале Славы Царей?

— А, теперь я припоминаю эту историю. Клянусь богами, Кулл, это еще один знак устрашающей и нечис-

той власти жрецов Змея! Тот царь был убит змеелюдью, и его душа попала к ним в рабство, дабы покоряться их приказам во веки веков! Ибо мудрецы всегда утверждали, что, если человек становится жертвой змеелюдей, его дух превращается в их раба.

Дрожь прошла по огромному телу Кулла.

— Валка! Какая страшная судьба! Слушай. — Его пальцы сомкнулись железной хваткой на руке Брула. — Слушай! Если я буду смертельно ранен этими мерзкими чудовищами, поклянись, что ты пронзишь своим мечом мое сердце, чтобы моя душа не попала в рабство.

— Клянусь, — ответил Брул, сурово сверкнув глазами. — А ты сделай то же для меня, Кулл.

Их руки встретились, молчаливо скрепляя этот кровавый уговор.

4. МАСКИ

Кулл восседал на троне, задумчиво глядя на море обращенных к нему лиц. Придворный говорил ему что-то ровным, хорошо поставленным голосом, но царь почти не слушал его. Рядом стоял Ту, главный советник, ожидая повелений царя, и каждый раз, глядя на него, Кулл внутренне содрогался. Но внешне все вокруг выглядело столь же безмятежным, как морская гладь между приливом и отливом. События минувшей ночи вспоминались царю, как сон, пока его взгляд не падал на подлокотник трона, о который опиралась смуглая мускулистая рука, на запястье которой блеснул драконий браслет. Брул стоял рядом с троном, и каждый раз, когда царя охватывало ощущение нереальности окружающего, суровый тихий шепот пикта возвращал его к яви.

Нет, то, что произошло, не было сном, несмотря на всю чудовищность происшедшего. И сидя на своем троне в Зале Приемов, разглядывая своих придворных, всех этих дам и господ, всех государственных мужей, он был охвачен ощущением, что их лица — всего лишь иллюзия, нечто нереальное, обман зрения. Эти лица всегда казались ему масками, но прежде он смотрел на

них с определенной терпимостью, думая, что видит под этими масками мелкие, ничтожные душонки, полные трусости, лести и честолюбия. Теперь все это приобрело мрачную окраску, зловещее значение, словно смутный ужас таился за этими масками. Пока он обменивался любезностями с каким-нибудь аристократом или советником, ему казалось, что улыбающиеся лица в любой миг могут растаять, словно дым, и на их месте ощерятся чудовищные змеиные челюсти. Сколько из этих людей, окружающих его, были на самом деле жуткими нечеловеческими тварями, скрывающимися за совершенной гипнотической иллюзией человеческих лиц?

Валузия — страна снов и кошмаров, царство теней, где правили тени, крадущиеся за расшитыми занавесями, смеющиеся над жалким царем, восседающим на троне, который сам был подобен тени.

И подобно такой же тени с горящими темными глазами на неподвижном лице стоял рядом с ним Брул. Уж он-то был настоящим! И Кулл чувствовал, что его дружба с дикарем растет и крепнет, и ощущал, что Брул испытывает то же самое, а не просто выполняет свою миссию.

А что, думал Кулл, было настоящим в жизни? Честолюбие, власть, гордость? Дружба мужчины, любовь женщины — которой Кулл никогда не испытал? Битва, добыча, что? Был ли то настоящий Кулл, тот, кто восседал на этом троне? Или настоящим был тот, кто взбирался на горы Атлантиды, грабил далекие острова Заката и смеялся над грохотом зеленых валов прибоя на берегах Атлантического моря? Ибо Кулл знал, что таких Куллов было много, и очень хотел бы знать, кто из них был настоящим. Так что жрецы Змея продвинулись лишь на шаг дальше со всей своей магией, ибо все люди носили маски, и маски эти постоянно менялись. И Кулл дорого дал бы за то, чтобы знать — не таится ли под каждой из этих масок змея.

Так он сидел, погруженный в эту странную путаницу мыслей, а придворные подходили и удалялись, и вот наконец все мелкие заботы дня были позади, и царь с Брулом остались одни в Зале Приемов, не считая клюющих носом служителей.

Кулл чувствовал себя усталым. Они с Брулом не спали предыдущую ночь. Кулл к тому же не смыкал глаз еще и два дня назад, когда в садах Ка-ну он впервые услышал о тех загадках, с которыми предстояло справиться. Минувшей ночью больше ничего, особенно не случилось после того, как они вернулись в библиотеку из потайных проходов, но они так и не осмелились заснуть. Куллу, с его невероятной волчьей жизнеспособностью, уже приходилось обходиться по нескольку суток без сна в дни его дикой юности, но теперь его голова разламывалась от напряженных мыслей и нервы его были на пределе. Он нуждался во сне, но спать ему тем не менее не хотелось.

Но еще больше потрясло его то, что хоть они с Брулом неотрывно следили за стражниками, ожидая увидеть, когда будет совершена обратная подмена, но так ничего и не заметили. Наутро те, кто стоял на страже, были способны повторить магические слова Брула, но не могли припомнить ничего необычного. Они думали, что так и простояли всю ночь на карауле, как обычно. И Кулл ничего не стал им говорить. Он верил, что все они были настоящими людьми, но Брул посоветовал сохранить все в полной тайне, и Кулл тоже решил, что так будет лучше.

Брул наклонился над троном, понизив свой голос так, что его не смог бы услышать даже усталый слуга.

— Скоро они ударят, Кулл. Сегодня Ка-ну подал мне тайный знак. Жрецы знают, что нам стало известно об их заговоре, но им неизвестно, сколько именно мы знаем. Мы должны быть готовы к чему угодно. Ка-ну и вожди пиктов будут держаться поблизости, пока тайное не станет явным. И, Кулл, если дойдет до драки, улицы и дворцы Валузии окрасятся кровью!

Кулл мрачно усмехнулся. Он предпочел бы этому ожиданию все что угодно. Это блуждание в лабиринте иллюзий и магии чудовищно ему надоело. Он соскучился по звону мечей и радостной свободе боя.

И тут в Зал Приемов снова вошли Ту и остальные советники.

— Владыка царь, час совета близится, и мы явились, чтобы сопроводить тебя в Зал Совета.

Кулл поднялся с трона. Советники преклонили колени, освободив царю проход, потом поднялись и последовали за ним. Они изумленно поглядывали на пикта, шагавшего рядом с царем, но никто не проронил ни слова. Брул скользнул вызывающим взглядом по их спокойным лицам с наглостью вторгшегося дикаря.

Они прошли по длинной анфиладе залов и достигли наконец Палаты Совета. Заперев по обычаю дверь, советники расположились по чину перед возвышением, на котором стоял царь. Брул, словно бронзовая статуя, застыл позади Кулла.

Кулл быстро оглядел комнату. Пожалуй, он мог быть уверен, что здесь ему не грозит измена. Здесь присутствовали семнадцать советников, каждый из них был на стороне Кулла, когда атлант захватил трон.

— Люди Валузии... — начал он традиционными словами и вдруг замер в недоумении. Советники, встав как один человек, надвигались на него. В их взглядах не было враждебности. Но такое поведение было неподобающим в Зале Совета. Один уже приближался к царю, когда Брул метнулся вперед, словно леопард.

— *Ка нама каа лайерама!* — разорвал его голос зловещую тишину зала, и приблизившийся к царю советник отпрянул. Его рука нырнула в складки одежды, но Брул был стремителен, словно отпущенная тетива, и человек рухнул, напорвшись на сверкнувший меч. Рухнул и неподвижно распростерся на полу, в то время как его лицо расплылось и превратилось в голову огромной змеи.

— Бей, Кулл! — грянул голос пикта. — Здесь они все змеи!

Дальнейшие события превратились в сплошной кошмар. Кулл увидел, как знакомые лица растаяли, словно исчезающая дымка, вместо них возникли чудовищные головы рептилий. Вся толпа рванулась вперед. Разум его был в смятении, но зато тело не подвело, действуя словно само по себе.

Звон мечей наполнил зал, и налетевший вал разбился кровавыми брызгами. Но враги набросились вновь, готовые пожертвовать своими жизнями, лишь бы покончить с царем. Открылись страшные пасти, сверкну-

ли холодные, нечеловеческие глаза, отвратительный запах разлился повсюду — запах змей, знакомый Куллу по его скитаниям в джунглях юга. Воздух со свистом рассекали обнаженные клинки, но царь даже не заметил, что уже получил несколько ран. Кулл был в своей стихии. Никогда доселе он не вставал лицом к лицу с такими жуткими противниками, но это не имело большого значения. Эти твари были живыми существами, в их жилах текла кровь, которую он мог пролить, и они умирали, когда его грозный меч рубил их черепа или пронзал тела. Размахнуться, ударить, вырвать меч, замахнуться вновь... И все же Кулл пал бы в этой битве, если б не тот человек, который сражался рядом с ним, отражая нацеленные на царя удары. Ибо Кулл превратился в настоящего берсерка, сражаясь, как сражаются атланты, ищущие смерти, дабы побороть смерть. Он даже не пытался избегать нацеленных в него ударов и рвался вперед с единственным желанием — убивать. Не так уж часто забывал Кулл свое воинское умение в приступе первобытной ярости, но сейчас словно какая-то плотина рухнула в его душе, затопляя разум красной волной жажды уничтожения. Каждый удар его меча поражал врага, но они наваливались на него всей толпой, и раз за разом Брул отражал удары, которые могли стать смертельными. Он сражался рядом с Куллом, охраняя его спину, хладнокровно и умело, убивая не так, как Кулл, — широкими размахами и мощными ударами, но быстрыми прямыми выпадами, ударяя мечом снизу вверх.

Кулл громогласно рассмеялся. Пугающие лица кружились вокруг него в алой дымке. Он ощутил, как сталь вонзается в его руку, и с размаха описал своим мечом сверкающую дугу, рассадив тело врага до грудины. И тут туман развеялся, и царь увидел, что они с Брулом стоят в одиночестве над грудой чудовищных, обогранных кровью тел, недвижимо распростертых на полу.

— Валка! Что за бойня! — сказал Брул, вытирая забрызганное кровью лицо. — Кулл, будь это воины, умеющие управляться со сталью, мы погибли бы здесь. Но эти жрецы Змея ничего не смыслят в мечах и умирают легче, чем любой человек, которого я когда-либо уби-

вал. И все же, будь их несколькими больше, я думаю, что нам пришлось бы скверно.

Кулл кивнул. Дикая ярость берсерка покинула его, подступили усталость и боль. Кровь сочилась из ран на груди, плече, руках и ноге. Брул, которому тоже изрядно досталось в схватке, с беспокойством поглядел на царя.

— Владыка Кулл, поторопимся, чтобы женщины перевязали твои раны.

Кулл отстранил его.

— Нет, осмотрим-ка все хорошенько, прежде чем уйти. Впрочем, ты иди, и пусть твои раны перевяжут — я приказываю.

Пикт мрачно улыбнулся.

— Твои раны опаснее моих, владыка царь, — начал он, и вдруг вздрогнул. — Клянусь Валкой, Кулл, это не Зал Совета!

Кулл огляделся, и внезапно его озарила догадка. Будто с глаз спала туманная пелена...

— Это тот Зал, где тысячу лет назад пал Эаллал. С тех пор в него никто не входил, и его прозвали Проклятым.

— Ну а тогда, во имя всех богов, они все же провели нас! — вскричал Брул в ярости, пиная трупы у своих ног. — Словно последних дураков они заманили нас в свою ловушку. Своей магией они изменили вид всего вокруг...

— Снова их дьявольские штучки! — отозвался Кулл. — И если в Совете Валузии есть настоящие люди, они теперь должны быть в настоящем Зале Совета. Поедем!

И, покинув комнату с чудовищной грудой тел на полу, они побежали по пустынным анфиладам залов, пока не добрались до подлинных покоев Совета. И тут Кулл замер. Из Зала Совета доносился чей-то голос, и это был *его собственный* голос!

Дрожащей рукой он раздвинул занавеси и заглянул в зал. Там сидели советники — двойники тех, кого они с Брулом только что убили, а на возвышении стоял Кулл, царь Валузии.

Он отступил в смятении.

— Безумие! — прошептал он. — Я — Кулл! Это я стою здесь! Или настоящий — тот Кулл, а я всего лишь тень, чья-то выдумка?

Брул, трянув царя за плечо, попытался привести его в чувство.

— Во имя Валки, не будь дураком! Чему ты удивляешься после всего, что мы уже видели? Ты что, не понимаешь, что это настоящие люди, околдованные змее-человеком, принявшим твой образ, точно так же, как те, другие, были в личинах этих людей? Сейчас ты должен был бы быть мертв, это чудовище правило бы вместо тебя, а эти бедняги ни о чем и не подозревали бы. Прикончи его на месте, или мы пропали. Алые Убийцы, настоящие, окружают его. И только ты можешь попытаться и убить его. Скорей!

Страхнув с себя оцепенение, Кулл откинул голову гордо, резко. Он глубоко вдохнул воздух, как пловец перед тем, как броситься в море, затем, откинув занавеси, метнулся львиным прыжком к возвышению. Брул был прав. Там стояли Алые Убийцы, стремительные, словно леопарды, и любой, кроме Кулла, был бы убит на месте раньше, чем смог бы достичь самозванца. Но вид атланта, как две капли воды похожего на загадочного двойника, сбил их с толку. На мгновение они остолбенели, и этого оказалось достаточно. Тот, кто стоял на возвышении, схватился за свой меч, но не успели его пальцы сомкнуться на рукояти, как меч Кулла уже пронзил его грудь, и тварь, которую люди считали царем, рухнула с возвышения на пол.

— Стойте! — Воздетая рука Кулла и царственно повелительный голос остановили начавшееся замешательство, и пока все стояли остолбенев, он указал на тварь, лежавшую перед ним. В этот миг лицо самозванца расплылось и проступили ужасные черты змеи. Все отпрянуло. Тут из одной двери появился Брул, а из другой вышел Ка-ну. Они пожали окровавленную руку царя.

— Люди Валузии! — воскликнул Ка-ну. — Вы все видели своими глазами. Вот настоящий Кулл, могущественнейший из царей, когда-либо повелевавших Валузией. Власть Змея рухнула, и скоро мы окончательно освободимся от нее. Повелевай, государь!

— Уберите эту падаль, — сказал Кулл, и стражники подняли труп.

— А теперь следуйте за мной, — повелел царь и повел всех к Проклятому Залу. Озабоченный Брул попытался поддержать царя, но Кулл отвел его руку.

Царь истекал кровью, и путь казался ему бесконечным, но наконец он добрался до нужной двери и рассмеялся сурово и мрачно, услышав восклицания ужаса, вырвавшиеся у советников.

По его приказу стражники скинули свою страшную ношу на грудь остальных тел, и, жестом приказав всем удалиться из зала, он вышел последним и закрыл за собой дверь.

Волна головокружения накатила на него. Бледные, пораженные лица, обращенные к нему, вертелись и плыли в призрачном тумане. Он чувствовал, как кровь из его ран стекает по телу и знал, что должен сделать то, что задумал, сейчас — или ему уже не удастся сделать это.

Он вырвал меч из ножен.

— Брул, ты тут?

— Я здесь! — Лицо пикта, глядевшее на него сквозь дымку, казалось, было совсем близко. Но голос его доносился словно из неизмеримой дали.

— Помни о нашей клятве, Брул. А теперь — прикажи всем отойти.

Левой рукой Кулл отстранил толпившихся рядом с ним советников и из последних сил размахнулся мечом. Клинок пробил дверь, пригвоздив ее к косяку и намертво запечатав вход.

Широко расставив ноги, он качался, словно пьяный, глядя на ужаснувшихся советников.

— Да будет этот зал отныне проклят вдвойне. Пусть эти гниющие останки лежат там во веки веков как знак гибели власти Змея. Я клянусь, что буду преследовать змеелюдей по всей земле, от моря до моря, без передышки, пока последний из них не будет уничтожен и не восторжествует добро, а власть преисподней не рухнет. И в этом клянусь вам я! Я, Кулл, — царь... Валузии...

Его колени подогнулись, и лица вокруг него закружились в стремительном вихре. Советники бросились к

нему, но не успели они еще подхватить его, как Кулл соскользнул на пол, потеряв сознание.

Советники столпились над телом царя, стенаая и крича. Ка-ну, отчаянно ругаясь, распахивал их кулаками.

— Назад, глупцы! Вы что, хотите его совсем прикончить? Ну, Брул, мертв он или будет жить?

— Мертв? — ухмыльнулся Брул. — Такого, как он, не так-то легко убить. Просто бессонница и потеря крови ослабили его. Клянусь Валкой! На нем не менее дюжины глубоких ран, но ни одна из них не смертельна. И все же пусть эти вопящие дураки пошлют за женщинами, чтобы перевязать его.

Глаза Брула горели гордым суровым огнем.

— Валка! Разве я мог подумать, Ка-ну, что в наше гнилое время мне доведется встретить такого человека? Несколько дней — и он будет в полном порядке, а уж тогда пусть все люди-змеи в мире поберегутся Кулла Валузийского. Валка! Вот это будет охота! Ах, я провижу долгие годы процветания этого мира с таким царем на троне Валузии.

АЛТАРЬ И СКОРПИОН

— Бог ползучей тьмы, помоги мне!

Стройный юноша, чье белое тело блестело, как слоновая кость, стоял на коленях в полумраке. Полированный мраморный пол леденил его колени, но его сердце было еще холоднее, чем камень.

Высоко над ним, теряясь в сгущающейся тени, нависал огромный лазуритовый свод, поддерживаемый мраморными стенами. Перед ним сверкал золотой алтарь, и на этом алтаре сияло огромное хрустальное изображение скорпиона, изготовленное с искусством, превосходящим обычное мастерство.

— Великий Скорпион, — продолжал юноша свою молитву, — даруй помощь верующему в тебя! Ты знаешь, как в давно минувшие дни Гонра из рода Меча, мой великий предок, пал пред твоим святилищем на груды убитых им варваров, хотевших осквернить его святость. И устами твоих жрецов ты обещал помощь народу Гонры во веки веков.

Великий скорпион! Ни разу доселе ни мужчина, ни женщина моей крови не напоминали тебе о твоём обещании. Но теперь, в этот страшный час, я припадаю к твоим стопам, чтобы умолить тебя вспомнить о твоём обещании, ради крови, выпитой мечом Гонры, и крови, излившейся из сердца Гонры!

Великий Скорпион! Турон, верховный жрец Черной Тени, мой враг. Кулл, царь всей Валузии, идет из своего города пурпурных башен, дабы огнем и мечом порадовать жрецов, противящихся ему и донныне приносящих человеческие жертвы своим темным древним божествам. Но раньше того, как царь сможет явиться и спасти нас, и я, и девушка, которую я люблю, будем брошены на черный алтарь в Храме Всевечной Тьмы. Такова во-

ля Турона! Он отдаст наши тела древним и ужасающим тварям, а наши души — божеству, вечно таящемуся в Черной Тени.

Кулл восседает высоко на троне Валузии и ныне спешит к нам на помощь. Но Турон правит нашим затерянным в горах городом и уже сейчас идет по моему следу. Великий Скорпион, помоги нам! Вспомни Гонру, отдавшего свою жизнь за тебя, когда дикари Атлантиды прошли огнем и мечом по Валузии.

Стройная фигура юноши поникла, голова безнадежно склонилась. Огромное мерцающее изображение на алтаре блестело ледяным сиянием в тусклом свете, ничем не показывая, что страстная мольба почитателя странного божества услышана им.

Внезапно юноша выпрямился. Быстрые шаги прозвучали на длинных широких ступенях снаружи храма. Девушка ворвалась в сумрак арки входа, словно белое пламя, гонимое ветром.

— Турон! Он идет! — выдохнула она, падая в объятия своего возлюбленного.

Лицо юноши побелело, и он еще крепче обнял свою подругу, тревожно глядя на двери храма. Шаги, тяжелые и зловещие, прогремели по мрамору, и грозная фигура возникла у входа.

Турон, верховный жрец, был высоким тощим человеком, трупоподобным гигантом. Его глаза под тяжело нависшими бровями сверкали, словно озера пламени, и узкая щель рта щерилась в кривой усмешке. Его единственным одеянием была шелковая набедренная повязка, за которую был заткнут жуткого вида клинок, а в коstitialной руке он сжимал короткий тяжелый бич.

Две его жертвы прижались друг к другу, уставившись на мучителя расширившимися глазами. Словно птички на змею. И медленная, покачивающаяся походка Турона, приближающегося к ним, тоже напоминала извилистое скольжение ползущей змеи.

— Турон, берегись! — воскликнул юноша храбро, но его голос дрогнул от охватившего его ужаса. — Если у тебя не осталось страха перед царем или жалости к нам, бойся оскорбить Великого Скорпиона, под чьей защитой мы сейчас пребываем.

Турон захохотал, сознавая свою мощь и власть.

— Царь! — ухмыльнулся он. — Что мне твой царь, мне, кто могущественней любого царя? Великий Скорпион? Хо-хо! Забытый бог, божок, о котором помнят лишь дети и женщины. Ужели ты думаешь, что он спасет тебя от Черной Тени? Дурак! Да сам Валка, бог всех богов, не смог бы спасти тебя ныне! Ты обещан богу Черной Тени.

Он шагнул к подросткам и схватил их за плечи, глубоко вонзив ногти в мягкую плоть. Они пытались сопротивляться, но он рассмеялся и с невероятной силой поднял их в воздух. Он держал их на вытянутых руках, как обычный человек мог бы держать младенца. Его скрежещущий металлический смех отразился от стен зала, заполнив воздух бесчисленными отголосками злобной издевки.

Зажав юношу меж колен, он связал девушку по рукам и ногам, хотя она и рвалась из его цепких, сильных рук. Затем, грубо швырнув ее на пол, связал точно так же и юношу. Отступив назад, он полюбовался делом своих рук. Наступила тишина, слышались лишь отрывистые всхлипывания девушки. Затем верховный жрец заговорил:

— Глупцы, вы надеялись убежать от меня! Всегда люди твоей крови, мальчишка, противостояли мне в Совете и при дворе. Но теперь ты заплатишь за это. Хо-хо! Я правлю этим городом сегодня, и пусть будет царем тот, кто может им быть!

Мои жрецы наводнили улицы, и никто не осмелится сказать мне «нет»! Если бы даже царь явился сюда сию минуту, он не смог бы разбить моих воинов так быстро, чтобы это спасло вас.

Его взгляд обежал внутренность храма и упал на золотой алтарь и безмолвного хрустального скорпиона.

— Хо-хо! Только дураки могут верить в божество, которому люди давным-давно перестали поклоняться! У которого нет даже жрецов, дабы служить ему, и чье святилище существует лишь ради памяти о его былом величии, кого почитает только простонародье и глупые женщины!

Истинные боги темны и кровавы! Припомните мои слова, когда скоро вы возляжете на эбеновый алтарь, за

которым вечно лежит Черная Тень. И прежде чем вы умрете, вы познаете истинных богов, могущественных, ужасных богов, пришедших из забытых миров и затерянных владений тьмы. Тех, кто был рожден на замерзших звездах и черных солнцах, скитающихся там, где не увидишь света других звезд. Вы познаете головокружительную истину о Неназываемом, чью суть нельзя выразить земными понятиями, но чей символ — Черная Тень.

Девушка перестала плакать и застыла, словно погрузившись в гипнотический транс. Нетрудно было понять, что за этими угрозами таилась ужасающая, чуждая человеку бездна, полная чудовищных теней.

Турон протянул подобные клешням руки, чтобы взвалить несчастных подростков себе на плечи. Его пальцы сомкнулись на нежном плече девушки...

Дикий вопль разбил хрустальный гонг молчания на миллионы дрожащих осколков. Турон подскочил и тут же рухнул ничком, рыча и вопя. Какое-то крохотное существо устремилось прочь и исчезло за дверью. Вопли Тулона перешли в высокое, тонкое повизгивание и оборвались. Тишина опустилась, словно туман смерти.

Наконец юноша благоговейно прошептал:

— Что это было?

— Скорпион! — отозвалась девушка низким дрожащим голосом. — Он прополз по моей груди, не причинив мне вреда, а когда Турон схватил меня, он ужалил его.

И снова наступило молчание. Затем юноша прошептал задумчиво:

— В этом городе никогда не водились скорпионы.

— Великий выбрал его из числа своего народа и послал нам на помощь! — прошептала девушка. — Боги никогда и ничего не забывают, и Великий Скорпион сдержал свое слово. Возблагодарим же его!

И связанные по рукам и ногам юные влюбленные распростерлись ниц и долго лежали так, вознося хвалу огромному, безмолвному, сверкающему скорпиону на алтаре, — пока далекий звук множества серебряных подков и звон мечей не возвестили им о прибытии царя.

КОШКА ДЕЛЬКАРДЫ

Царь Кулл отправился с главным советником Ту посмотреть на говорящую кошку Делькарды, ибо, хотя любая кошка может смотреть на царя, не каждому царю дано посмотреть на такую кошку, как кошка Делькарды. Поэтому Кулл перестал думать о смертельных угрозах чародея Тулсы Дуума и отправился к Делькарде.

Кулл был скептичен, а Ту насторожен и полон подозрений, сам не зная почему. Очевидно, года заговоров и интриг научили его осторожности. Он клялся, что говорящая кошка — это мошенничество, фокус и явный обман, и утверждал, что если бы такое и впрямь существовало, то это было бы открытое оскорбление для всех богов, провозгласивших, что только человек должен наслаждаться силой слова.

Но Кулл знал, что в старые времена звери разговаривали с людьми, ибо слышал легенды, дошедшие от предков. Так что при всем своем скептицизме он был готов поверить в это.

Тем более что один только вид Делькарды наводил на мысль о самых невероятных чудесах. Она возлежала на своем покрытом шелками ложе с ленивой грацией, словно огромный, прекрасный зверь из породы кошачьих, и разглядывала Кулла из-под длинных густых ресниц, придававших невыразимое очарование ее узким, чуть скошенным глазам.

Ее губы были пухлыми и алыми и обычно, как и сейчас, складывались в легкую задумчивую улыбку. Шелковые одеяния и украшения из золота и драгоценных камней почти не скрывали ее пленительного тела.

Но Кулла не привлекали женщины. Он правил Валузией и при том он был атлантом, а значит, дикарем в глазах своих подданных. Все, о чем он думал, — это о

битвах и походах, да еще о том, как бы удержаться на ненадежном троне древней империи. И значит, нужно во что бы то ни стало постигнуть обычаи и образ мыслей народа, которым он правил.

Для атланта Делькарда была загадочной и царственной личностью, притягательной, окутанной дымкой древней мудрости и женской магии.

Для Ту она была женщиной, и посему возможным источником интриг и опасностей.

Для Ка-ну, посланника пиктов и ближайшего советника Кулла, она была шаловливым ребенком, наслаждающимся собственными проказами. Однако Ка-ну не было рядом, когда Кулл явился посмотреть на говорящую кошку.

Кошка растянулась на шелковой подушке, изучая короля непроницаемыми глазами. Ее звали Саремис, и к ней был приставлен раб, стоявший сейчас рядом с ней, готовый исполнять ее желания. Это был тощий мужчина, нижняя часть лица которого была закрыта тонкой вуалью, спадавшей ему на грудь.

— Царь Кулл! — заговорила Делькарда. — Я прошу тебя об одной милости. Пообещай мне кое-что, прежде чем Саремис заговорит, а я должна буду умолкнуть.

— Говори, — ответил Кулл.

Девушка радостно засмеялась и захлопала в ладоши.

— Позволь мне выйти замуж за Кульру Тума из Зарфааны.

Ту вмещался, не успел Кулл вымолвить и полслова.

— Мой господин, это дело обсуждалось уже много раз! Я так и думал, что за этим приглашением что-то кроется! В этой... в этой девушке есть царская кровь, а чтобы девушки царского дома выходили за чужаков, которые по званию ниже их, — это против всех обычаев Валузии!

— Но царь может решить иначе, — возразила Делькарда.

— Мой господин, — воскликнул Ту с видом человека, терпение которого готово было лопнуть. — Если она выйдет за этого человека, то вероятнее всего, что это приведет к войне, мятежам и смутам на ближайшую сотню лет.

Он был готов пуститься в длительные рассуждения о званиях, генеалогии и истории, но Кулл, терпение которого тоже истощилось, прервал его:

— Валка и Хотат! Что я вам, старуха или жрец, чтобы лезть в такие дела? Решите это между собой и больше не втягивайте меня в эти брачные делишки! Во имя Валки, в Атлантиде мужчины и женщины женятся и выходят замуж, за кого они хотят, и никак иначе!

Делькарда чуть надулась, соорудив гримаску. Ту соорудил рожу в ответ. Потом она солнечно улыбнулась и гибко повернулась к Куллу.

— Поговори с Саремис, царь, а то она уже начинает ревновать меня.

Кулл неуверенно посмотрел на кошку. У нее был длинный, серый, шелковистый мех, а глаза ее были спокойными и загадочными.

— Она кажется еще очень молодой, Кулл, но на деле она очень стара, — сказала Делькарда. — Это кошка Древнего Народа, живущая уже тысячелетия.

— И сколько же лет ты повидала, Саремис? — спросил Кулл со смешком.

— Валузия была молода, когда я была уже стара, — ответила кошка чистым странного тембра голосом.

Кулл, вздрогнув, отпрянул.

— Валка и Хотат! — воскликнул он. — Она говорит!

Делькарда радостно рассмеялась, но выражение кошачьей морды осталось неизменным.

— Я говорю, я мыслю, я знаю, я *существую*, — сказала она. — Я была подругой цариц и советницей царей за века до того, как твоя нога впервые ступила на серебристые побережья Атлантиды, о Кулл Валузийский. Я видела предков валузийцев, пришедших с далекого востока и вытеснивших Древний Народ, но я была здесь и тогда, когда Древний Народ пришел с океана, столько столетий назад, что у любого человека закружится голова, если он попробует подсчитать их. Я даже старше, чем Тулса Дуум, тот, кого видели немногие люди. Я видела, как возносились империи и рушились царства, как цари устремлялись в бой на своих скакунах, а возвращались на своих щитах. Да, в мои времена я была богиней, и странными были неофиты, поклоняв-

шиеся мне, и ужасны ритуалы моих почитателей. Ибо издавна многие существа чтити мой род — существа столь же странные, сколь их деяния.

— Можешь ли ты читать по звездам и предсказывать события? — Трезвый варварский разум Кулла сразу же обратился к тому, из чего можно было извлечь пользу.

— Да, книга прошлого и будущего открыта для меня, и я говорю людям то, что им нужно знать.

— Тогда скажи мне, куда я подевал вчера тайное письмо от Ка-ну.

— Ты засунул его в ножны твоего клинка и тут же позабыл об этом, — ответила кошка.

Кулл вытащил из ножен кинжал и потряс их. Тоненький листок пергамента вывалился оттуда.

— Валка и Хотат! — вскричал он. — Саремис, ты настоящая колдунья, а не кошка! Видишь, Ту!

Но Ту неодобрительно стиснул губы так, что они превратились в какое-то подобие прямой щели, и мрачно взглянул на Делькарду. Та ответила ему невинным взглядом, и он возмущенно повернулся к Куллу.

— Поверь, господин мой, все это не более чем мошенничество!

— Ту, никто не видел, как я прятал это письмо, и даже я сам позабыл об этом.

— Владыка царь, любой шпион мог...

— Шпион? Не делай из себя большего дурака, чем ты и так есть, Ту. По-твоему, кошка рассылает шпионов, чтобы те следили, куда я прячу письма?

Ту вздохнул. Чем старше он становился, тем труднее ему было скрывать свое недовольство владыками.

— Мой господин, подумайте о тех людях, которые могут скрываться за спиной этой кошки!

— Господин Ту! — сказала Делькарда тоном вежливой укоризны. — Ты позоришь меня и оскорбляешь Саремис!

Кулл почувствовал, что Ту начинает слегка раздражать его.

— По крайней мере, Ту, — сказал он, — эта кошка разговаривает. Уж этого-то ты отрицать не можешь.

— Тут какой-то фокус, — упрямо возразил тот. — Разговаривать могут люди, но не звери.

— Это не так, — ответил Кулл, уже убедив себя в реальности говорящей кошки, и горя желанием доказать свою правоту. — Лев говорил с Камброй, а птицы разговаривали со стариками из племени Приморских гор, сообщая им, где прячется дичь. И никто не отрицает, что звери говорят друг с другом. Много ночей провел я на покрытых лесами склонах гор и в травянистых саваннах и часто слышал, как переговариваются рычанием тигры под светом звезд. Так почему же какой-нибудь зверь не мог научиться человеческой речи? По временам я почти понимал рычание тигров. Тигр — мой тотем, и убить одного из них — табу для меня. Разве что защищая собственную жизнь... — добавил он.

Ту передернуло. Подобные речи о тотемах и табу вполне подошли бы вождю дикарей, но слышать подобное из уст царя Валузии — весьма странно.

— Господин мой, — промямлил он, — кошка ведь не тигр.

— Истинная правда, — ответил Кулл. — Эта кошка мудрей всех тигров, вместе взятых.

— И это тоже правда, — спокойно подтвердила Саремис. — Возможно, ты все же поверишь мне, господин советник, если я скажу тебе, что именно только что обнаружилось в царском казначействе?

— Нет! — рявкнул Ту. — Уж я-то знаю, что хитрые шпионы способны пронюхать о чем угодно!

— Невозможно убедить человека, если он сам не захочет того, — невозмутимо привела Саремис старую валузийскую поговорку. — И все же знай, о господин мой Ту, что там обнаружили излишек в двадцать талов золота и посланец уже спешит сюда, дабы сообщить тебе об этом. А, — продолжала она, когда в коридоре послышались шаги, — он уже здесь.

Стройный придворный, облаченный в серые одеяния царского казначейства, вошел и глубоко поклонился. Когда Кулл разрешил ему говорить, он произнес:

— Могущественный царь, и ты, господин мой Ту! Излишек в двадцать талов золота был обнаружен в царской казне.

Делькарда засмеялась и радостно захлопала в ладоши; но Ту всего лишь нахмурился.

— Когда это обнаружилось?

— Меньше чем полчаса назад.

— И скольким об этом уже известно?

— Никому, господин мой. Лишь я и царский казначей знали об этом, пока сейчас я не сказал об этом тебе, господин.

— Уф! — Ту жестом приказал ему удалиться. — Уходи. Я займусь этим делом позже.

Вид у него был кислый.

— Делькарда, — спросил Кулл, — это твоя кошка, не так ли?

— Владыка царь, — ответила девушка, — у Саремис нет хозяина. Она лишь оказала мне честь своим присутствием. Она — моя гостья. Саремис — сама себе госпожа, и так было тысячи лет.

— Хотел бы я, чтобы она жила у меня во дворце, — сказал Кулл.

— Саремис, — сказала почтительно Делькарда, — царь хотел бы предложить тебе свое гостеприимство.

— Я пойду с царем Валузии, — сказала кошка с достоинством, — и останусь в царском дворце, пока не наступит время, когда мне захочется отправиться куда-нибудь еще. Ибо я великая странница, Кулл, и мне нравится по временам бродить по миру, гулять по улицам городов там, где столетия назад я блуждала по лесам, и ступать по пескам пустынь, где когда-то я шествовала по улицам столиц.

Вот так Саремис, говорящая кошка, оказалась в царском дворце Валузии. Ее сопровождал раб-прислужник, ей предоставили просторные покои с великим множеством шелковых подушек. Ежедневно ей подавали лучшие яства с царского стола, и вся царская прислуга и близкие царя воздавали ей почести. Все, кроме Ту, который ворчал, видя, что какой-то кошке, пусть даже и говорящей, оказывают подобную честь. Саремис относилась к нему с презрительным равнодушием, зато с Куллом держалась как с равным.

Она часто появлялась в его тронном зале, возлежа на шелковой подушке, которую нес ее раб. Этот человек должен был всегда сопровождать ее, куда бы она ни шла.

В других случаях Кулл сам приходил в ее покои, и они долго беседовали в сумрачные вечерние часы, множество историй поведала она ему, и древней была та мудрость, которую она в них вложила. Кулл слушал ее внимательно и с интересом, ибо было очевидно, что эта кошка куда умней, чем большинство его советников, и обладает более глубокой мудростью, чем все они, вместе взятые. Она вещала подобно пифии или оракулу. Но почему-то прорицала лишь мелкие события будничной жизни. Зато она постоянно предупреждала царя, дабы он остерегался Тулсу Дуума.

— Ибо, — говорила она, — я, прожившая больше лет, чем ты минут, знаю, что благо человека — это незнание того, что ему суждено. Ибо чему суждено быть, то будет. И человек не может ни избегнуть своей судьбы, ни поторопить ее. Лучше выходить на ночную дорогу, которую должен пересечь лев, во тьме, если другой дороги нет.

— Да, — сказал Кулл, — если то, что должно случиться, случится — а это то, в чем я сомневаюсь, — и человек будет предупрежден о том, что его ждет, и это ослабит его или придаст ему силы, значит, и это тоже предопределено?

— Если было предопределено, что он будет предупрежден, — ответила Саремис, усиливая сомнения Кулла. — Однако не все пути судьбы неизменны, ибо человек может сделать то, или человек может сделать совсем другое, и даже богам неизвестно, что может прийти человеку в голову.

— Тогда, — сказал Кулл с сомнением, — ничто не может быть заранее предопределено, если перед человеком лежат разные дороги, которые он может выбирать. И как тогда могут быть истинными пророчества?

— У жизни много путей, Кулл, — ответила Саремис. — Я стою на перепутьях этого мира, и я знаю, что ожидает путника на каждой из этих дорог. И все же даже боги не ведают, какую из дорог выберет человек, свернет ли он направо или налево, когда придет на распутье, а единожды ступив на дорогу, он уже не может повернуть вспять.

— Тогда, во имя Валки, — воскликнул Кулл, — почему просто не указать мне на опасности и преимущества каждого пути и не помочь мне в выборе?

— Потому что таким силам, как моя, поставлены границы, — ответила кошка, — дабы мы не спутали замыслов богов. Мы не можем снять завесу с глаз человека, или боги отнимут у нас нашу силу. К тому же мы можем повредить и самому человеку. Ибо хотя от каждого перекрестка расходится много дорог, человек может выбрать лишь одну из них, и часто эта одна не лучше, чем другая. Надежда озаряет своим светочем одну из этих дорог, и человек следует по ней, хоть эта дорога и может оказаться худшей из всех.

И она продолжала свои речи, видя, что Кулл не может понять ее рассуждений:

— Теперь ты видишь, владыка царь, что наша власть должна иметь свои пределы, иначе мы стали бы слишком могущественны и превратились бы в угрозу для самих богов. Посему на нас наложено заклятие, и хотя мы можем читать книгу прошлого, но можем кидать лишь мимолетные взгляды в будущее сквозь скрывающий его туман.

Кулл прекрасно понимал, что все доводы Саремис довольно слабые и нелогичные да к тому же пахнут колдовством и мистикой. Но холодный, немигающий взгляд Саремис заставлял помимо воли соглашаться.

— Ну а сейчас, — сказала кошка, — я отброшу эту завесу лишь на мгновение, ради твоего блага — пусть Делькарда выйдет за Кульру Тума.

Кулл встал, раздраженно пожав плечами:

— Я не собираюсь становиться сватом. Пусть Ту займется этим.

И все же Куллу эта мысль запала в голову, а Саремис продолжала искусно вплетать ее в свои философские рассуждения все последующие дни. Упорство Кулла начало слабеть.

Воистину это было странное зрелище: Кулл, опершись подбородком на свой громадный кулак, внимает речам кошки, развалившейся на шелковой подушке и лениво вытягивающейся порой во всю длину. Она повествовала о загадочных и удивительных вещах, ее глаза странно поблескивали, а уста оставались неподвижными, в то время как раб Кутулос стоял рядом с ней подобно статую, недвижимый и бессловесный.

Кулл высоко ценил мнение Саремис и охотно спрашивал ее совета о делах государства. Давала она эти советы неохотно или вообще не отвечала ему. К тому же Кулл обнаружил, что ее советы обычно совпадали с его собственными желаниями, и начал подумывать, не читает ли она его мысли.

Кутулос раздражал его своей неподвижностью и молчанием, но Саремис не желала, чтобы кто-нибудь, кроме него, ухаживал за ней. Куллу ужасно хотелось сорвать вуаль, скрывающую лицо этого человека. И только из уважения к Саремис сдерживался, чтоб не содрать дурацкую тряпку.

Однажды Кулл пришел в покои Саремис, и она уставилась на него загадочными глазами. Раб с закрытым лицом стоял, как всегда, подобием идола рядом с ней.

— Кулл, — сказала она, — я вновь откину для тебя завесу. Брул Убивающий Копьем, воин Ка-ну и твой друг, только что был увлечен в глубины Запретного Озера неким чудовищем.

Кулл вскочил с проклятием, охваченный яростью и тревогой.

— Брул? Во имя Валки, что ему понадобилось на Запретном Озере?

— Он отправился туда искупаться. Торопись, ты еще можешь спасти его. Даже если его утащили в Зачарованную Страну, лежащую под озером.

Кулл метнулся к двери. Он был удивлен, но не столь сильно, как если бы пловцом оказался кто-нибудь другой, ибо знал, насколько пикты, основные и самые мощные союзники Валузии, непочтительны к ее обычаям.

Он собирался уже позвать стражников, когда голос Саремис остановил его.

— Нет, господин мой. Тебе лучше идти одному. Даже твой приказ не заставит людей сопровождать тебя в глубины этого мрачного озера. Валузийцы считают, что погрузиться в них — это смерть для любого, за исключением царя.

— Что ж, отправлюсь в одиночку, — отозвался Кулл. — Надо же спасти Брула от гнева людей, если удастся спастись от чудовищ. Расскажи обо всем Ка-ну.

Кулл, рыкнув в ответ на почтительные расспросы стражников, оседлал своего громадного жеребца и поскакал галопом прочь из города. Он ехал один, приказав, чтобы никто не следовал за ним. То, что ему предстояло совершить, он должен был сделать в одиночку, и он не хотел, чтобы кто-нибудь увидел, как он вытаскивает Брула или его тело из Запретного Озера. Он проклинал нахальную опрометчивость пикта и проклинал запрет, наложенный на озеро, нарушение которого могло вызвать мятеж среди валузийцев.

Сумерки уже ползли с гор Зальгары, когда Кулл остановил своего коня у берега озера, лежавшего среди огромного глухого леса. С виду в нем определенно не было ничего запретного, ибо его воды мирно голубели среди широких белых пляжей, а крохотные островки, покоившиеся на его груди, казались драгоценными украшениями из изумрудов и нефрита. Слабый мерцающий туман вставал над ним, наполняя воздух ощущением сверхъестественного ленивого покоя, в который были погружены окрестности озера. Кулл внимательно прислушался, и ему показалось, что слабая далекая музыка доносится из сапфировых глубин.

Он раздраженно выругался. Уж не затевается ли здесь какое-то колдовство? Потом сбросил все свои одежды и украшения, за исключением пояса, набедренной повязки и меча. Он ступил в мерцающую голубизну воды и шел, пока она не дошла ему до бедер, а затем, зная, что глубина быстро возрастает, набрал полную грудь воздуха и нырнул.

Пока он погружался в сапфировое сияние, ему пришлось в голову, что он, возможно, совершил ошибку. Ему следовало разузнать у Саремис, где именно плавал Брул, когда на него напали, а также суждено ему спасти воина или нет. Потом он подумал, что кошка могла ничего не ответить ему, и даже если бы она уверила его в том, что ему суждена неудача, он все равно попытался бы сделать то, что делал сейчас. Так что Саремис была права, говоря, что человеку лучше не знать своего будущего.

А что до того места, где на Брула напали, то чудовище могло утащить его куда угодно. Кулл намеревался осматривать дно озера до тех пор...

Как раз когда он подумал об этом, мимо промелькнула какая-то тень, нечто, чуть отличавшееся своим цветом от нефритового и сапфирового мерцания глубин озера. Он увидел, что и другие тени приближаются к нему со всех сторон.

Глубоко под собой он начал различать странное свечение со дна озера. Теперь тени окружали его со всех сторон. Они плели вокруг него причудливую сеть, постоянно меняющуюся сверкающую паутину света, переливающуюся тысячью оттенками. Вода здесь светилась пылающим топазом, и все эти существа колыхались и лучились в этом волшебном великолепии, подобны цветным теням и бликам были они, туманные и призрачные и вместе с тем плотные и сверкающие.

Однако Кулл, решив, что они не собираются нападать на него, перестал обращать на них внимание и вгляделся в дно озера, к которому его ноги почти сразу же слегка прикоснулись. Он вздрогнул и мог бы поклясться, что он коснулся чего-то живого, ибо почувствовал ритмичное движение под своей стопой. Дно озера излучало слабое свечение и, насколько он мог видеть, свечение это простиралось во все стороны, пока не стало бело и не терялось в сапфировом сумраке. Дно было одной сплошной огненной равниной, равномерно разгорающейся и угасающей. Кулл наклонился пониже и увидел, что дно покрывала какая-то похожая на мох растительность, сиявшая, как белое пламя. Выглядело это так, как если бы ложе озера было покрыто мириадами светляков, одновременно поднимавших и опускавших свои крылышки. И этот мох пульсировал у него под ногами, как живое существо.

Кулл начал подниматься к поверхности. Выросший среди прибрежных гор омываемой океаном Атлантиды, он и сам был подобен жителю моря. В воде он чувствовал себя как дома, словно лемуриец, и мог оставаться на глубине в два раза дольше, чем обычный ныряльщик. Но это озеро было глубоким, и он хотел поберечь свои силы.

Он вынырнул, наполнил свою мощную грудь воздухом и нырнул снова. Вновь тени закружились вокруг него, почти ослепляя своим призрачным блеском. На

этот раз он погружался быстрее и, достигнув дна, двинулся по нему с той скоростью, которую позволяла липнущая к ногам растительность. И все время огненный мох лучился и сиял кругом, и цветные тени кружили вокруг него, и другие чудовищные, кошмарные тени, отбрасываемые невидимыми существами, ложились перед ним.

Дно устилали черепа и кости людей, осмелившихся нарушить покой Запретного Озера. Внезапно нечто обрушилось на Кулла, словно шквал. Сперва царь подумал, что это огромный осьминог, ибо тело чудовища было похоже на осьминожье, с гибкими длинными щупальцами, но когда враг навалился на него, он увидел, что у того есть ноги, как у человека, и жуткая морда уставилась на него из чащи изгибающихся змеистых рук чудовища.

Кулл уперся ногами и, почувствовав, что страшные щупальца обвиваются вокруг его тела, хладнокровно погрузил свой меч в самую середину этого дьявольского лика. Существо осело и сдохло у его ног в ужасающих беззвучных корчах. Кровь расплылась вокруг алым туманом, и Кулл, сильно оттолкнувшись от дна, устремился вверх.

Он выскочил пробкой из воды в быстро угасающий свет дня, и не успел он отдышаться, как увидел огромную тушу, скользющую к нему по поверхности. То был водяной паук, но размером побольше любого кабана, и его холодные глаза адски сверкали. Кулл, держась на воде усилиями ног и одной руки, поднял свой меч и, когда паук навалился на него, рассек его надвое. Туша чудовища беззвучно пошла на дно.

Легкий шум заставил его обернуться. Еще один паук, покрупнее первого, был уже почти рядом. Этот попытался оплести руки царя чудовищной паутиной, что стало бы концом для любого человека, кроме, пожалуй, гиганта. Но Кулл порвал эти жуткие петли, словно нитки, и, ухватив висевшую над ним тварь за ногу, начал наносить ей удары клинком, пока она не ослабела и не уплыла прочь, обогрив воду.

— Ветка! — пробормотал царь. — Похоже, скучать мне тут не придется. Впрочем, убивать этих тварей легко. Как

им удалось осилить Брула, второго после меня бойца во всех Семи Царствах?

Но Кулла еще предстояло узнать, что чудовища страшнее этих обитают в смертоносных безднах Запретного Озера. Он вновь нырнул, и на этот раз увидел лишь пляску цветных теней и кости безвестных мертвецов. Вновь всплыл он подышать и опять нырнул, уже в четвертый раз.

Теперь он был недалеко от одного из островков и, погружаясь, размышлял о том, какие странные тайны скрывают густые изумрудные заросли, покрывающие эти острова. Легенда утверждала, что храмы и святилища, высившиеся в чаще, были воздвигнуты руками не людей и что иногда обитатели озера приходят туда по ночам, поднимаясь из глубин, дабы совершать там свои таинственные ритуалы.

Едва атлант успел коснуться ногами мха, как за спиной послышался слабый шорох. Кулл, предупрежденный каким-то врожденным чутьем, вовремя обернулся, чтобы увидеть летящее прямо на него огромное тело — тело, не принадлежавшее ни человеку, ни зверю, но ужасающим образом сочетавшее в себе черты и того и другого. Гигантские пальцы сомкнулись на предплечьях атланта.

Он отчаянно сопротивлялся, но тварь зажала ту руку, в которой он держал меч, мертвой хваткой, и когти чудовища глубоко вонзились в его левое запястье. Невероятным усилием он вывернулся так, что, по крайней мере, мог разглядеть своего противника. Тварь чем-то напоминала огромную акулу, но ее морду венчал длинный жуткий рог, изогнутый, словно сабля. У нее было четыре руки, человеческие по форме, но нечеловеческие по размеру и силе, а пальцы оканчивались кривыми когтями.

Двумя руками чудовище крепко держало Кулла, а другими двумя гнуло его голову назад, чтобы сломать ему шею. Но даже такому жуткому существу было не так-то легко справиться с Куллом из Атлантиды. Дикая ярость вспыхнула в нем, и царь Валузии превратился в берсерка.

Упершись обеими ногами в мох, он чудовищным рывком освободил левую руку и с кошачьей увертливо-

стью попытался перехватить его меч из правой руки. Не преуспев в этом, он яростно обрушил свой кулак на морду чудовища. Но сапфировая вода обманула его, ослабив силу удара. Человек-акула опустил свою морду, но прежде чем он смог нанести удар снизу вверх, Кулл ухватил его рог левой рукой, напрягшись изо всех сил.

И тут последовало состязание в мощи и выдержке. Кулл, не способный быстро двигаться в воде, знал, что его единственной надеждой было держаться вплотную к чудовищу и уравновесить этим быстроту движений своего врага. Он безнадежно пытался освободить свою руку с мечом, и человеку-акуле пришлось вцепиться в нее всеми четырьмя руками. Кулл держался за рог и не осмеливался отпустить, дабы ужасный удар снизу вверх не прикончил его, а человек-акула не осмеливался отпустить хоть одну руку от той руки, в которой Кулл сжимал свой длинный меч.

И так они сражались, крутясь на месте, и Кулл понял, что если так будет продолжаться и дальше, то он обречен. Он уже начал ощущать нехватку воздуха. Блеск в холодных глазах человека-акулы явственно говорил: монстр догадался, что ему достаточно лишь удерживать Кулла под водой, пока тот не захлебнется.

Для любого человека такая борьба была бы воистину безнадежным делом. Но Кулл из Атлантиды не был обычным человеком. Прошедший суровую и кровавую школу, он обладал стальными мускулами и трезвым рассудком, которые вместе делают человека великим воином. Помимо этого, он никогда не ведал страха и был полон тигриной ярости, позволявшей ему по временам совершать сверхчеловеческие деяния.

Так и теперь, сознавая свой близкий конец и ненавидя себя за собственную беспомощность, он решился на действие столь же отчаянное, как и его положение. Отпустив рог чудовища и одновременно отклонившись, насколько это было возможно, он вцепился освободившейся рукой в ближайшую руку твари.

Немедля человек-акула нанес удар. Его рог скользящим движением распорол бедро Кулла и — неслыханная удача! — глубоко завяз в тяжелом поясе Кулла. Пока тварь пыталась выпутаться, Кулл изо всех сил сда-

вил руку чудовища и почувствовал, как слизистая плоть и кости хрустнули под его пальцами, сплюснувшись, словно гнилой плод.

Пасть человека-акулы беззвучно разинулась в муке, и он вновь нанес удар, совсем обезумев. Кулл уклонился и, потеряв равновесие, противники рухнули на дно, в самую гущу светящихся мхов. Кулл высвободил наконец-то руку с мечом из слабеющей хватки врага и ударом снизу вверх распорол чудовищу брюхо.

Вся эта схватка продолжалась очень недолго, но Кулла, пока он всплывал наверх, казалось, что прошли часы. В голове у него звенело и ребра были стиснуты чудовищной тяжестью. Он смутно различал, что дно озера резко поднимается совсем рядом с ним, и понял, что это береговой склон островка, но тут вода вскипела вокруг, и он ощутил, что с головы до пят его стиснули какие-то гигантские кольца, против которых были бессильны даже его стальные мускулы. Сознание померкло. Он почувствовал, как его тащат куда-то со страшной скоростью, в ушах раздался звон далеких колоколов, и вдруг он снова был поднят над водой, и его истерзанные легкие пили воздух огромными глотками. Нечто тащило его сквозь полный мрак, и не успел он сделать нескольких глубоких вдохов, как его вновь утянуло под воду.

Вновь вокруг засиял свет, и он увидел огненный мох, пульсирующий далеко внизу. Его сжимала своими кольцами огромная змея, обвившаяся несколькими изгибами своего чудовищного тела вокруг него, словно ужасным канатом, и уносившая его один лишь Балка знает куда.

Кулл не пытался сопротивляться, сберегая свои силы. Если змея не продержит его под водой так долго, что он захлебнется, у него, несомненно, появится возможность сразиться с нею в ее логове или в том месте, куда она его тащила. В любом случае Кулла был стиснут так, что не мог даже пошевелить рукой.

Змея, стремительно несущаяся сквозь голубую бездну, была самой огромной из всех, виданных когда-либо Куллом, — добрых две сотни футов нефритовых и золотых чешуй, слагавшихся в причудливые красочные узоры. Ее глаза, когда она поворачивала к Куллу голову, были подобны ледяному огню, если такое можно себе

представить. Даже в этих условиях душа Кулла была поражена странным зрелищем: огромное золотисто-зеленое чудовище, стремительно пронесшееся сквозь пылающий топаз озерных глубин и головокружительную пляску цветных теней.

Сияющее, как драгоценность, дно вновь стало повышаться. Возможно, это был островок, а возможно — берег озера. И тут перед ними внезапно открылась огромная пещера. Змея устремилась туда, заросли огненного мха кончились, и Кулл обнаружил, что несется, частично выступая из воды, сквозь непроницаемую тьму. Это продолжалось, казалось, бесконечно. Затем чудовище вновь нырнуло.

Вновь они увидели свет, но такой свет, какого доселе Кулла встречать еще не приходилось. Бледное сияние тускло мерцало над темным и тихим ликом вод. И Кулл понял, что он очутился в Зачарованной Стране, под дном Запретного Озера, ибо это было неземное сияние. То был черный свет, черней любой тьмы, и все же он озарял эти странные воды, так что царю удавалось поймать тусклые блики на них и различить свое темное отражение. Кольца змеи внезапно разжались, и его бросило вперед, к огромной массе, выступившей из мрака перед ним.

Кулл плыл вперед изо всех сил, и вскоре уже смог различить, что впереди высится огромный город. Расположенный на гигантских уступах склона из черного камня, он возносился все выше и выше, пока шпили его мрачных строений не терялись в сумраке за пределами досягаемости странного света. Громадные, массивные кубические постройки из мощных глыб напоминающей базальт породы встали перед ним, когда он вылез из неподвижной воды и взошел по высеченным в камне ступеням, напоминавшим ступени причала. А меж зданий возвышались колоссальные обелиски.

Ни один проблеск живого земного света не смягчал ужасающей мрачности этой нечеловеческой твердыни, но от ее стен и башен исходил поток черного свечения, пульсировавшего над сумрачными водами.

Кулл увидел, что перед ним, там, где здания расступались, образуя обширную площадь, собралась огром-

ная толпа каких-то существ. Он прищурил глаза, пытаясь приспособиться к странному освещению. Существа придвинулись ближе, и шепот пробежал между ними, словно шелест трав под порывом ночного ветра. Они были легкими и призрачными, сияющими среди мрака города, и глаза их горели злобным огнем.

Царь увидел, что один из них выступил вперед. Он очень напоминал человека, и черты его бородатого лица говорили о высоком происхождении и благородстве, но густые брови были мрачно нахмурены.

— Ты явился сюда как достойный вестник всего твоего народа! — сказал вдруг человек озера. — Покрытым кровью и с обгаренным мечом!

Кулл сердито усмехнулся.

— Валка и Хотат! — сказал он. — Большая часть этой крови — моя собственная, и пустили мне ее гнусные твари вашего проклятого озера!

— Смерть и разрушение идут по пятам за твоим народом, — заявил мрачно человек озера. — Нам ли не знать этого? О, мы царили над Озером Голубых Вод еще задолго до того, как человечество узнало о богах.

— Никто вам не досаждал... — начал было Кулл.

— Они страшатся. Некогда люди земли попытались вторгнуться в наше темное царство. И мы убили их, и так началась война между сынами человека и народом озера. Мы ополчились на них и сеяли ужас в сердцах человечков земли, ибо знали, что они несут нам смерть и жаждут только убийства. И мы плели чары и сплетали заклинания, смутившие их разум и потрясшие их души, так что они запросили мира. Так было. И люди земли наложили запрет на это озеро, дабы ни один человек не мог прийти сюда, кроме царя Валузии. То было тысячелетия назад. И с тех пор ни один человек ни разу не вступал в Зачарованную Землю и не покидал ее, разве что холодным трупом, всплывающим в тихих водах Верхнего озера. Царь Валузии, или кто бы ты ни был, ты обречен!

— Я не искал вашего проклятого царства! — возмущенно огрызнулся Кулл. — Я ищу Брула, Убивающего Копьем, которого вы утащили сюда вниз.

— Ты лжешь, — ответил человек озера. — Ни один человек не осмеливался нарушить покой озера уже бо-

лее столетия. Ты пришел в поисках сокровищ, а может, насиловать и убивать, как все ваше кровожадное отродье. Ты умрешь!

И кругом себя Кулл услышал шепот волшебных чар. Они наполняли воздух и обретали вещественность, проплывая в мерцающем свете, словно летучие паутины, оплетали его зыбкими щупальцами. Но Кулл разразился проклятиями, разметав их голыми руками. Ибо против суровой примитивной логики дикаря эта древняя вырождающаяся магия была бессильна.

— Ты молод и силен, — сказал царь озера. — Гниль цивилизации еще не проникла в твою душу, и наши чары не могут повредить тебе, ибо ты не понимаешь их. Значит, мы должны попробовать иной способ.

Тут обитатели озера вытащили кинжалы и двинулись на Кулла. Тогда царь расхохотался и уперся спиной в колонну, сжимая рукоять меча так, что мышцы на его правой руке выступили под кожей огромными узлами.

— Вот это игра, в которую я умею играть, призраки! — усмехнулся он.

Они замерли.

— Не пытайся избежать собственной судьбы, — сказал царь озера. — Ибо мы бессмертны и нас нельзя убить оружием смертных.

— А вот теперь ты лжешь! — ответил Кулл с хитростью варвара. — Ведь по твоим же собственным словам ты страшишься смерти, которой вам грозили люди. Ты можешь жить вечно, но сталь может убить тебя. Подумайте сами. Вы нежны и слабы и не умеете обращаться с оружием. Кинжалы вы держите неумело, они непривычны вашим рукам. А я был рожден для того, чтобы убивать. Вы покончите со мной, конечно, ибо вас тысячи, а я всего один. Но ваши чары бессильны, и многие из вас расстанутся с жизнью раньше, чем я погибну. Я буду убивать вас дюжинами. Так подумайте, люди озера, стоит ли платить за мою жизнь такую цену?

Ибо Кулл знал, что те, кто убивает сталью, могут быть убиты той же сталью, и потому не страшился. Он высился над ними воплощением рока, страшный и окровавленный.

— Сообразите сами, — повторил он, — что лучше? Или вы приведете ко мне Брула и отпустите нас, или мой труп ляжет на чудовищную грудку изрубленных мертвецов, когда стихнет битва. К тому же среди моих наемников есть пикты и лемурийцы, которые последуют в поисках меня даже в Запретное Озеро и зальют Зачарованную Страну вашей кровью, если я погибну здесь. Ибо у них их собственные табу и они не почитают запретов цивилизованных народов. Им наплевать на то, что может случиться с Валузией. Они будут думать только обо мне, таком же варваре, как и они сами.

— Старый мир катится к гибели и забвению, — мрачно сказал царь озера. — И мы, обладавшие когда-то беспредельной властью, должны выслушивать в наших собственных владениях дерзости дикаря! Клянись, что ты больше никогда не ступишь вновь в Запретное Озеро и что ты никогда не позволишь другим нарушить этот запрет. Тогда ты уйдешь свободным.

— Сперва приведите ко мне Убивающего Копьем.

— Такого человека никогда не встречали на этом озере.

— Но кошка Саремис сказала мне...

— Саремис? О, мы знаем ее уже давно, когда она нырнула в зеленые воды и несколько столетий обитала при дворах Зачарованной Страны. Она обладает мудростью столетий, но я не знал, что она говорит языком земных людей. И все же, повторяю тебе, такого человека здесь нет, и я клянусь...

— Не клянись богами или дьяволами, — прервал его Кулл. — Дай мне твое честное слово как настоящий человек.

— Я даю его тебе, — сказал царь озера, и Кулл поверил ему, ибо было в этом владыке нечто такое, что заставляло Кулла чувствовать себя маленькой щепкой в безбрежном океане.

— Даю тебе мое слово, — ответил Кулл. — Я еще ни разу его не нарушал — ни один человек отныне не преступит запрета и не будет досаждать вам.

— Я верю тебе, ибо ты не похож ни на одного из людей земли, которых я знал. Ты настоящий царь и, что важнее, настоящий человек.

Кулл поблагодарил его и, засунув в ножны свой меч, повернулся к ступеням.

— А знаешь ли ты, как выбраться во внешний мир, царь Валузии?

— Что до этого, — ответил Кулл, — то если я буду плыть достаточно долго, уж как-нибудь да выберусь. Я знаю, что та змея протащила меня по меньшей мере сквозь один остров, а возможно, и больше, и что мы плыли по пещере довольно долго.

— Ты храбр, — сказал царь озера, — но так ты можешь проплавать во тьме до самой смерти.

Он воздел свои руки, и появившийся откуда-то бегемот подплыл к ступеням.

— Не слишком-то красивый скакун, — заметил царь озера, — но зато он отнесет тебя невредимым до самого берега Верхнего озера.

— Минутку, — сказал Кулл. — Где я сейчас? Под островом или под сушей? Или эта земля и вправду лежит под дном озера?

— Ты в самом центре Вселенной, как и был всю свою жизнь. Время, место и пространство — все это лишь иллюзии. Они не существуют нигде, кроме разума самого человека, который вынужден ставить себе ограничения и преграды ради того, чтобы хоть что-нибудь понять. Существует лишь глубинная реальность, и все сущее — это лишь ее внешние проявления, так же как Верхнее озеро питается водами этого, истинного. Теперь иди, царь, ибо ты настоящий мужчина, даже если ты — первый вал надвигающегося потопа дикости, который хлынет на мир перед его концом.

Кулл слушал его с почтением, мало понимая что-либо из речей, но догадываясь, что в них содержится великая мудрость. Он пожал озерному царю руку, содрогнувшись слегка от прикосновения нечеловеческой плоти, затем окинул последний раз взглядом молчаливые громады черных зданий, перешептывающиеся, похожие на мотыльков фигуры у их подножия и сверкающую агатовую поверхность сумрачных вод, по которой, словно пауки по паутине, пробегали волны черного света. Повернувшись, он спустился по ступеням к краю воды и спрыгнул на спину бегемота.

Затем прошли века черных пещер, бурлящей воды и издохов гигантских невидимых чудищ. Иногда бегемот нес царя над поверхностью воды, а иногда под ней, и наконец они увидели свечение огненного мха и всплыли сквозь голубизну пронизанной светом воды. Кулл ступил на землю.

Жеребец Кулла терпеливо стоял там, где царь оставил его. Луна едва начала подниматься над озером, что вызвало изумленное восклицание Кулла.

— Клянусь Валкой! Похоже, что я спешил здесь не больше часа назад! А я-то думал, что с тех пор прошло много часов, а возможно, и дней.

Он вскочил в седло и поскакал в столицу Валузии, раздумывая о том, что в словах царя озера о иллюзии времени и впрямь кроется истина.

Кулл устал, был сердитым и чувствовал себя сбитым с толку. Воды озера смыли с него кровь, но тряская скачка заставила рану на бедре вновь открыться, и кровь потекла снова. Более того, нога онемела, и это раздражало его, но основное, что занимало его мысли, было то, что Саремис солгала ему, то ли заблуждаясь, то ли с каким-то злым умыслом, и чуть не отправила его на смерть. Но ради чего?

Кулл ругнулся, вообразив, что скажет ему Ту. Конечно, даже говорящая кошка может нечаянно ошибиться, но отныне Кулл решил для себя, что впредь никогда не будет следовать ее советам.

Кулл промчался по залитым серебристым лунным светом молчаливым улицам древнего города, и стражи у ворот разинули рты при его появлении, но мудро удержались от расспросов.

Когда он появился во дворце, там царило смятение. Поругиваясь, он пробрался в Зал Совета, а оттуда в покои кошки Саремис. Кошка была там, невозмутимо свернувшись на своей подушке. А вокруг, стремясь перекричать друг друга, толпились советники. Раба Кутулоса нигде не было видно.

Кулла встретил настоящий взрыв восклицаний и вопросов, но он направился прямо к подушке Саремис и устался на кошку.

— Саремис! — сказал царь. — Ты солгала мне.

Кошка холодно посмотрела на него, зевнула и ничего не ответила. Кулл пришел в замешательство, а Ту схватил его за руку.

— Кулл, во имя Валки, где ты был? Откуда эта кровь?

Кулл раздраженно отмахнулся.

— Оставим это, — рявкнул он. — Эта кошка отправила меня к черту в зубы. Где Брул?

— Кулл!

Царь мгновенно обернулся и увидел, что Брул входит в дверь, весь в дорожной пыли. Черты бронзового лица пикта были бесстрастны, но в его темных глазах светилась радость.

— Во имя семи дьяволов! — выругался воин, пытаясь скрыть свои чувства. — Мои всадники прочесали все холмы и леса в поисках тебя. Где тебя носило?

— Обыскивал дно Запретного Озера, разыскивая твою никчемную душу, — ответил Кулл, испытывая мрачную радость при виде волнения пикта.

— Запретное Озеро! — вскричал Брул с непосредственностью дикаря. — Ты что, спятил? Что бы я там стал делать? Вчера я отправился с Ка-ну к границе Зарфааны, а когда вернулся, то первое, что услышали, — это вопли Ту, приказывающего отправить всю армию, чтобы разыскать тебя. Мои люди поскакали во всех направлениях, кроме дороги на Запретное Озеро. Ехать туда нам и в голову не пришло.

— Саремис солгала мне... — начал Кулл.

Но его голос утонул в шуме возбужденных голосов советников, требовавших в основном, чтобы царь никогда больше столь бесцеремонно не исчезал, бросая царство на произвол судьбы.

— Тише! — проревел Кулл, воздевая руки. В его глазах загорелся опасный огонек. — Валка и Хотат! Что я вам — младенец, чтобы меня пороли за шалости? Ту, что здесь произошло?

В наступившей вслед за вспышкой царского гнева тишине Ту начал:

— Господин мой, нас с самого начала водили за нос. С этой кошкой, как я и утверждал, сплошной обман и опасное мошенничество.

— Что?

— Господин мой, разве ты никогда не слышал о людях, которые могут говорить так, что кажется, будто говорит совсем другой человек или что звучат невидимые голоса?

Кулл покраснел.

— Во имя Валки, да! И я сущий дурак, что позабыл об этом! Старый колдун из Лемурии обладал этим даром. Но кто же говорил за...

— Кутулос! — воскликнул Ту. — И я оказался таким же дураком, позабыв о Кутулосе. Пусть он и раб, но притом величайший ученый и мудрейший человек во всех Семи Империях. Раб этой злодейки Делькарды, которая — слава богам! — корчится сейчас на дыбе.

Кулл резко чертыхнулся.

— Да, — сказал Ту мрачно. — Когда я узнал, что ты ускокал, причем никто не знал куда, я заподозрил измену. Тогда я присел и крепко задумался. И тогда я вспомнил Кутулоса и его искусство чревоуещания, а также то, что эта фальшивая кошка всегда рассказывала тебе лишь о мелочах, но никогда не изрекала великих пророчеств, придумывая путанные отговорки, чтобы отказать от них. И тогда я понял, что Делькарда послала тебе эту кошку и Кутулоса, дабы одурачить тебя и завоевать твоё доверие, а потом обречь тебя на смерть. Посему я послал за Делькардой и приказал подвергнуть ее пытке, чтобы она во всем созналась. У нее были коварные планы. Как же, Саремис обязательно должна была быть сопровождаема своим рабом, дабы он находился при ней день и ночь. Как же иначе, раз ему приходилось быть ее устами и морочить тебе голову.

— А где же Кутулос? — спросил Кулл.

— Он исчез, когда я явился в покои Саремис и...

— Эгей, Кулл! — донесся от дверей жизнерадостный голос, и в них появился некто, похожий на бородатого эльфа, сопровождаемый тонкой испуганной девушкой.

— Ка-ну, Делькарда! Так значит, они еще не замучили тебя!

— О господин мой! — воскликнула она, бросаясь к нему и, упав на колени пред ним, обвила руками его ноги. — О Кулл, они обвинили меня в ужасных вещах!

Я и вправду виновата в том, что я обманула тебя, господин мой, но я не хотела ничего плохого! Я хотела только выйти замуж за Кульра Тума!

Кулл поднял ее на ноги, сердитый, но охваченный жалостью к ней, ибо видел ее явный ужас и раскаяние.

— Кулл, — воскликнул Ка-ну, — это весьма неплохо, что я вернулся именно сейчас, а не то ты со своим Ту поставили бы все царство вверх тормашками!

Ту беззвучно огрызнулся, ибо вечно ревновал к посланнику пиктов, который был также ближайшим советником Кулла.

— Я возвращаюсь и что же вижу? Весь дворец вверх дном, люди бегают, вопят и толкаются, создавая видимость бурной деятельности. Я отправил Брула и его всадников поискать тебя, а сам отправился в камеру пыток — куда же мне еще было идти, раз уж Ту здесь раскомандовался...

Советника передернуло.

— Да, в камеру пыток, — продолжал Ка-ну невозмутимо. — Там я обнаружил, что куча дураков собирается пытаться маленькую Делькарду, рыдавшую и выкладывавшую все, что она знала. Только вот они почему-то ей не верили. А ведь она всего лишь шаловливый ребенок, Кулл, несмотря на всю свою красоту и все такое прочее. Так что я притащил ее сюда.

Послушай, Кулл, Делькарда говорила правду, утверждая, что Саремис — ее гостя и что эта кошка невероятно стара. Это правда, что она кошка Древних, и что она умней других кошек, и что она приходит и уходит, когда ей это угодно. И все же она всего лишь кошка. У Делькарды были друзья во дворце, сообщавшие ей о таких мелочах, как письмо, спрятанное тобой в ножнах клинка, или об излишке в казне. Придворный, принесший весть об этом, был одним из ее друзей, и обнаружил излишек, сообщив ей об этом до того, как это стало известно царскому казначею. Ее «шпионы» были самыми верными твоими сторонниками. Их сообщения не приносили тебе вреда и помогали той, которую все они любили, ибо знали, что она не замышляет дурного. Она думала, что Кутулос, говоря устами Саремис, завоюет твое доверие мелкими пророчествами и тем, о

чем мог знать любой, например предостережением против Тулсы Дуума. А потом постоянно убеждая тебя разрешить Делькарде выйти за Кульра Тума, добиться осуществления ее единственного заветного желания.

— А потом Кутулос обернулся предателем, — сказал Ту.

В этот миг у дверей покоев раздался шум и вошли стражники, таща за собой высокого тощего человека со связанными за спиной руками и скрытым вуалью лицом.

— Кутулос!

— Да, Кутулос, — сказал Ка-ну несколько растерянно. — Несомненно, Кутулос, со своей вуалью, прикрывающей лицо, чтобы скрыть движение губ и работу шейных мышц, когда он говорил за Саремис.

Кулл разглядывал безмолвную фигуру, стоявшую перед ним, подобно статуе. Все умолкло, как если бы по комнате пронесся порыв холодного ветра. В воздухе повисла напряженность. Делькарда глядела на своего бывшего раба расширившимися от страха глазами, пока стражники сумбурно докладывали, как этот раб был схвачен при попытке покинуть дворец по малопосещаемому коридору.

Вновь наступило напряженное молчание. Кулл шагнул вперед и протянул руку, чтобы сорвать вуаль с лица пленника. Царь чувствовал, что сквозь тонкую ткань два горящих глаза пытаются проникнуть в его душу. Никто не заметил, что Ка-ну стиснул кулаки и сам весь напрягся, словно готовясь к жестокой схватке.

Кулл уже почти прикоснулся к вуали, когда внезапный звук нарушил молчание. Похоже было, что кто-то бьется об пол лбом. Шум, казалось, доносился из стены, и Кулл, перелетев комнату одним прыжком, навалился на панель, из-за которой слышался этот шум. Скрытая дверь распахнулась внутрь, открывая перспективу пыльного коридора, на полу которого лежал человек с заткнутым ртом, связанный по рукам и ногам.

Они вытащили его оттуда и, освободив несчастного, помогли ему подняться на ноги.

— Кутулос! — вскричала Делькарда.

Кулл вздрогнул. Черты лица этого человека, уже не скрытые вуалью, были тонкими и добрыми, как у учителя мудрости.

— Да, мои дамы и господа, — сказал он. — Тот, на ком теперь моя вуаль, набросился на меня из потайной двери, повалил и связал. И я лежал там, слыша, как он посылает царя туда, где, как он думал, Кулл встретит свой конец, и я не мог ничего сделать.

— Тогда кто же он? — Все взоры обратились к пленнику в вуали, и Кулл шагнул вперед.

— Владыка царь, берегись! — Воскликнул подлинный Кутулос. — Это...

Одним движением Кулл сорвал вуаль и отпрянул, вскрикнув. Делькарда завопила и упала в обморок, советники отхлынули, побледнев, а стражники отпрянули от пленника и ринулись прочь, пораженные ужасом.

Вместо лица у этого человека белел голый череп, глазницы которого пылали жутким огнем!

— Тулса Дуум! Так я и думал! — воскликнул Ка-ну.

— Да, Тулса Дуум, глупцы! — прозвучал голос, доносившийся словно из глубины пещеры. — Величайший из всех чародеев и твой извечный враг, Кулл из Атлантиды. Ты победил в этой схватке, но берегись! Будут и другие.

Одним решительным движением он разорвал оковы на своих руках и двинулся к двери сквозь расступившуюся толпу.

— Ты чудовищный глупец, Кулл, — промолвил он. — Иначе ты никогда бы не спутал меня с Кутулосом, таким же дурнем, как и ты, несмотря на вуаль и его одежду.

Кулл вынужден был признать истинность этого утверждения, ибо хотя оба были схожи ростом и обликом, плоть жутколицего колдуна напоминала тело мертвеца.

Царь застыл на месте. Не от испуга, как остальные, но столь пораженный поворотом событий, что онемел. Затем, когда он очнулся, словно пробуждаясь от сна, Брул ринулся вперед, охваченный безмолвной яростью тигра. Его изогнутый меч сверкнул, как молния, и вонзился меж ребер Тулсы Дуума, проткнув того насквозь, так что конец клинка выступил из спины.

Брул отпрянул, освободив свой меч быстрым рывком. Затем, замахнувшись, чтобы нанести новый удар, если бы это оказалось необходимым, он замер. Ни кап-

ли крови не выступило из раны, которая для живого существа была бы смертельной. Колдун усмехнулся.

— Столетия назад умер я смертью людей! — процедил он. — Нет, я перейду в некую иную сферу, лишь когда пробьет мой час, не ранее. Я не истекаю кровью, ибо мои вены пусты, и ощущаю я лишь легкий холодок, который пройдет, когда рана закроется, а она уже затягивается. Прочь с моего пути, шут! Твой властелин уходит, но он возвратится, и ты возопишь и умрешь в мучениях, когда это случится. Привет тебе, Кулл!

И пока Брул пытался хоть что-нибудь сообразить, а Кулл стоял, остолбенев от удивления, Тулса Дуум перешагнул порог и исчез у всех на глазах.

— По крайней мере, Кулл, — сказал Ка-ну чуть позже, — ты победил в этой первой схватке с колдуном, как он сам вынужден был признать. В другой раз мы должны быть более осторожными, ибо он — воплощенное зло, обладатель черной и нечестивой магии. Он ненавидит тебя, ибо он — соратник великого Змея, чью власть ты ниспроверг. И велик дар морока и незримости, коим лишь он один и обладает. Он сумрачен и ужасающ.

— Я не страшусь его, — отозвался Кулл. — В другой раз я буду настороже, и моим ответом будет удар меча, даже если его и впрямь нельзя убить, в чем я сомневаюсь. Брул не сумел найти его уязвимого места, которое должно быть даже у живого мертвеца. Вот и все.

Затем он продолжал, обернувшись к Ту:

— Почтеннейший Ту, похоже на то, что у цивилизованных народов тоже есть свои табу, раз Голубое озеро запрещено для всех, кроме меня.

Ту отвечал сердито, ибо был возмущен тем, что Кулл даровал свое соизволение счастливой Делькарде выйти за того, за кого она хочет.

— Мой господин, это ведь не языческое табу, такое, как в твоем племени. Это государственное дело, где запрет налагается, дабы сохранить мир между Валузией и обитателями озера, которые сплошь волшебники.

— А мы уважаем табу, дабы не оскорбить незримых духов тигров и орлов, — ответил Кулл. — И посему я не вижу тут никакой разницы.

— Во всяком случае, — заявил Ту, — ты должен опасаться Тулсы Дуума, ибо хоть он и скрылся в ином измерении и пока он там, он незрим и безвреден для нас, но он вернется.

— Ах, Кулл, — вздохнул старый мошенник Ка-ну, — как трудна моя жизнь в сравнении с твоей. Брул и я в этой Зарфаане напились вдрызг, и я свалился с лестницы и теперь хожу весь в синяках. А ты тем временем нежился в нечестивой лени на царственных шелках, Кулл.

Кулл лишь поглядел на него, не промолвив ни слова, и повернулся к нему спиной, уставившись на дремлющую Саремис.

— Она не колдовское животное, Кулл, — промолвил Убивающий Копьем.

— Она мудра, но вся ее мудрость кроется в ее взгляде. Говорить она не умеет, зато ее глаза поражают меня своей древностью. А в остальном это просто самая обычная кошка.

— Да, Брул, — сказал Кулл, любовно поглаживая ее шелковистую шубку. — И все же — она очень древняя кошка... Очень...

ЧЕРЕП МОЛЧАНИЯ

...И, испещрив его десятком ран смертельных,
Поверг врага на землю. А потом
О вражий череп постучал перстом
И рассмеялся — коль назвали б это смехом —
И стал следить, как тают жизнь и страх
В остеклевших выпуклых глазах.

Люди и поныне называют тот день Днем Царского Страха. Ибо Кулл, царь Валузии, был в конце концов всего лишь человеком. Воистину трудно было бы найти другого столь отважного человека, но всему есть предел, даже мужеству. Конечно, Кулла посещали дурные предчувствия, по спине его порой ползали мурашки, а подчас его охватывала внезапная жуть или даже ужас перед неведомым. Но то были лишь краткие потрясения разума и души, порожденные в основном удивлением, какой-нибудь гнусной тайной или чем-то сверхъестественным, — скорее отвращение, нежели настоящий страх. Поэтому истинный страх так редко посещал его, что люди надолго запомнили этот день.

Да, в тот день Кулл познал Страх, неистовый, ужасающий, бессознательный, проникающий до самых костей и леденящий кровь. Поэтому люди говорят о времени Страха Кулла, но говорят об этом без презрения, да и сам Кулл вспоминает тот день без всякого стыда. Ибо все, что произошло, послужило лишь к вящей славе самого Кулла.

Вот как это случилось. Кулл праздно восседал на троне в Зале Приемов, лениво прислушиваясь к беседе своих друзей. Там был Ту, главный советник, Ка-ну, посланник пиктов, Брул, правая рука Ка-ну, а также раб Кутулос, бывший величайшим ученым всех Семи Империй.

— Все суть иллюзия, — говорил Кутулос. — Все лишь внешние проявления глубинной Сути, лежащей за пределами человеческого разума, поскольку не существует никаких соотношений, с помощью которых ограниченный разум мог бы измерить безграничное. Все окружающее может быть единым по сути своей, и все — ид-

ти от одного корня. Это было известно Рааме, величайшему мудрецу всех эпох, некогда освободившему людей от ига безвестных демонов и указавшему народу путь к величию.

— Он был могущественным некромантом, — сказал Ка-ну.

— Он не был волшебником, — возразил Кутулос. — Не был завывающим, бормочущим заклинания, гадающим по потрохам змеи. В Рааме не было ничего от шарлатана. Он познал основные принципы, постиг Стихии и понял, что воздействие естественных причин на естественные силы приводит к естественным результатам. Он сотворял то, что могло показаться чудесами, лишь приложением собственной силы естественным путем, что было для него столь же просто, сколь для нас — зажечь огонь, и что столь же недоступно для нас, как то же добывание огня для наших обезьяноподобных предков.

— Тогда почему он не раскрыл все свои тайны людям? — спросил Ту.

— Потому что знал, что многие знания не принесут людям добра. Какой-нибудь злодей мог бы подчинить себе целый народ, нет, даже всю Вселенную, обладая он знаниями Раамы. Человек должен учиться сам, развивая в процессе учения свою душу.

— Так ты говоришь, что все лишь иллюзия? — заявил Ка-ну, искусный в делах государства, но невежественный в философии и науке и посему уважавший Кутулоса за его знания. — Как же так? Ведь мы можем слышать, видеть и ощущать.

— А что такое вид и звук? — возразил раб. — Разве не отсутствие молчания, и разве молчание — не отсутствие звука? Отсутствие чего-то не является чем-либо вещественным. Оно ничто. А как может существовать ничто?

— Тогда зачем существуют вещественные предметы? — спросил Ка-ну, словно озадаченный ребенок.

— Они лишь проявление действительности. Возьмем то же молчание. Где-то существует суть молчания, душа молчания. Ничто, ставшее чем-то, отсутствие столь абсолютное, что оно приобрело вещественную форму. Кто из вас хоть когда-нибудь слышал полное молчание? Никто! Всегда существуют какие-то звуки — шепот вет-

ра, гудение насекомых, даже шорох растущей травы или шепот песчинок в пустыне. Но в сердцевине молчания вообще нет звуков.

— Раама, — сказал Ка-ну, — когда-то заключил духа молчания в некой огромной крепости и запечатал его навсегда.

— Да, — сказал Брул. — Я видел эту крепость. Такая огромная черная штука на вершине одинокого холма в глуши Валузии. С незапамятных времен это прозывается Черепом Молчания.

— Ха! — вмешался заинтересовавшийся наконец-то Кулл. — Друзья мои, я был бы не прочь поглядеть на эту штуку!

— Владыка царь, — возразил Кутулос, — неразумно нарушать покой содеянного Раамой. Ведь он был мудрее любого из живущих. Я слышал легенду, что своей магией он заточил демона. Не магией, скажу я, но своим знанием природных сил, и не демона, а некую стихию, угрожавшую существованию людей. А мощь этой стихии подтверждает то, что даже самому Рааме не удалось уничтожить ее. Он смог лишь ввергнуть ее в заточение.

— Довольно! — нетерпеливо отмахнулся Кулл. — Раама помер столько тысяч лет назад, что при одной мысли об этом у меня голова кругом идет. Я отправляюсь посмотреть на Череп Молчания. Кто поедет со мной?

Все слышавшие его в сопровождении сотни Алых Убийц, могущественнейших воинов Валузии, скакали с Куллом, когда на рассвете он выехал из столицы. Их путь поднимался все выше среди гор Зальгары, пока, после многодневных поисков, они не добрались до одинокого холма, мрачно поднимавшегося над окружающим плато. А на его вершине высилась угрюмая крепость, черная, как дурная судьба.

— Это то самое место, — сказал Брул. — Никто не живет ближе сотни миль от этой крепости, да и не жил на памяти людей. Этот край слывет проклятым.

Кулл осадил своего огромного жеребца и огляделся. Все молчали, и Кулл ощутил окружавшее его странное, почти невыносимое безмолвие. Когда он заговорил вновь, все вздрогнули. Куллу казалось, что от крепости на холме исходят волны убийственной тишины. Окрест

не пела ни одна птица и ветер не шевелил ветви застывших деревьев. Когда всадники Кулла стали подниматься по склону, стук подков их коней по скалам доносился, казалось, из бескрайней дали и не порождал эха.

Они остановились перед крепостью, нависавшей над ними, словно темное чудище, и Кутулос вновь попытался переубедить царя:

— Кулл, подумай сам! Если ты сорвешь эту печать, ты можешь выпустить в мир чудовище, чью мощь и ярость не одолеет ни один человек!

Кулл, сгорая от нетерпения, отмахнулся. Он был весь во власти своенравной причуды, тайной слабости всех властителей, и, хотя обычно ему было свойственно благоразумие, он уже принял решение, и отговорить его было невозможно.

— Там, на печати, есть древние письма, Кутулос, — сказал он. — Прочти их мне.

Кутулос неохотно спешил, и остальные последовали его примеру, кроме воинов, оставшихся сидеть на своих конях бронзовыми изваяниями под бледными лучами солнца. Крепость скалилась на них, словно незрячий череп, ибо в ней не было ни одного окна. И лишь одна огромная дверь, сделанная из железа, была перекрыта засовами и опечатана. Создавалось впечатление, что все здание представляло собой одно огромное помещение.

Кулл отдал несколько приказов, касавшихся расположения охраны, и был раздражен тем, что ему приходилось напрягать голос, чтобы командиры расслышали его. Их же ответы доносились смутно и неразборчиво.

Царь приблизился к двери, и за ним последовали четверо его друзей. У входа висел своеобразно выглядевший гонг, на вид из нефрита, странного зеленоватого цвета. Но Кулл не был уверен в оттенке, ибо под его удивленным взором цвет гонга переливался и менялся. Порой казалось, что его взгляд погружался в бездонные глубины, а иногда — скользил по прозрачному мелководью. Рядом с гонгом был подвешен молот из того же странного вещества. Царь слегка ударил им в гонг и ахнул, почти оглушенный последовавшим взрывом звука, — это звучало, словно все земные звуки, взятые вместе.

— Читай письма, Кутулос, — вновь приказал Кулл, и раб с почтением склонился над ними, ибо не было сомнения, что эти письма были начертаны самим великим Раамой.

— Что было, может снова повториться, — напевно прочитал он. — И род людской того да устрашится! — Он резко выпрямился. На лице его был испуг.

— Предостережение! Предостережение самого Раамы! Опомнись, Кулл, опомнись!

Кулл хмыкнул, вытащил свой меч и, сорвав печать, начал рубить огромный металлический засов. Он бил вновь и вновь, смутно дивясь тому, насколько слабо звучат удары. Затворы рухнули, и дверь распахнулась.

Кутулос завопил. Кулл пошатнулся, вглядываясь в дверной проем. Зал был пуст? Нет! Он ничего не увидел, там нечего было видеть, и все же он чувствовал, что воздух пульсирует вокруг, словно *нечто*, вздымаясь волнами, истекало из этого нечистого зала незримым потоком. Кутулос что-то прокричал ему на ухо, и слова его донеслись чуть слышно, словно с чудовищного расстояния.

— Молчание! Это душа всего Молчания!

Звуки исчезли. Лошади вскидывались на дыбы, а их всадники упали ничком в пыль и лежали, обхватив руками головы, разевая рты в беззвучном крике.

На ногах остался лишь Кулл, выставивший перед собой свой бесполезный меч. Молчание! Полное и абсолютное! Пульсирующие, колышущиеся волны безмолвного ужаса. Люди испускали отчаянные вопли, но звука не было!

Молчание вошло в душу Кулла. Оно стиснуло клешнями его сердце. Оно запустило стальные щупальца в его мозг. В муках он стиснул руками виски — его череп разламывался, раскалывался. В затопившем его потоке ужаса Кулла открылись кровавые и ужасающие видения. Молчание простиралось над Землей, над всей Вселенной! Люди умирали в удушающей тишине. Рев рек, грохот морей и вопли ветров слабели и умолкали. Весь Звук был затоплен Молчанием. Молчание, разрушающее душу, оглушающее сознание, уничтожающее всю жизнь на Земле и, словно некое чудовище, достигающее небес, дабы задушить даже пение звезд!

И вот тогда Кулл познал страх, ужас, жуть — всепоглощающий, невероятный, душеубийственный. Потрясенный чудовищностью этих видений, он качался и пошатывался, словно пьяный, сходя с ума от страха. Боги! Все что угодно — за звук, за самый слабый, легчайший шум! Кулл разинул свой рот подобно пресмыкающемуся во прахе безумцу позади него, и его сердце чуть не вырвалось из груди от усилия при попытке издать хоть какой-нибудь звук. Пульсирующая тишина издевалась над ним. Он ударил мечом по металлическому порогу, но по-прежнему колышущиеся волны истекали из зала, стискивая его словно клешнями, впиваясь в него, терзая его, будто некое существо, живое и враждебное.

Ка-ну и Кутулос лежали неподвижно. Ту скорчился ничком, обхватив руками голову, и беззвучно выл, словно умирающий шакал. Брул извивался в пыли подобно раненому волку, слепо сжимая ножны своего меча.

Теперь Кулл почти мог видеть Молчание, ужасающее Молчание, вырвавшееся наконец из своего Черепа, дабы расколоть черепа людей. Оно клубилось, змеилось грязными струями и пятнами, оно смеялось над ним! Оно жило! Кулл пошатнулся и упал и, падая, задел рукой гонг. Он не услышал ни звука, но почувствовал, что Молчание дрогнуло и неохотно отпрянуло на мгновение, как человек отдергивает руку от пламени.

А, старый Раама, пусть он и умер давным-давно, оставил все же средство спасения для своего народа! Смятенный разум Кулла внезапно разрешил загадку. Море! Гонг был подобен морю, переливающемуся оттенками зелени, то глубокому, то мелкому, никогда не остающемуся в покое, *никогда не молчавшему*.

Море! Живое, бурное, грохочущее днем и ночью — величайший враг Молчания! Пошатываясь, с кружащейся головой, почти ничего уже не соображая, он схватил нефритовый молот. Колени его подогнулись, но он ухватился одной рукой за край дверного проема, зажав в другой молот смертной хваткой. Молчание обрушилось на него яростной волной.

Кто ты такой, смертный, что смеешь противиться мне? Мне, что древнее богов? Раньше, чем родилась Жизнь, я уже существовало и буду существовать, когда

Жизнь умрет. Молчание царило во Вселенной, пока не родился Звук, и будет царить вновь. Ибо я овладею всем космосом и убью Звук — убью Звук — убью Звук — убью Звук!

Рев Молчания отдавался в пустотах распадающегося мозга Кулла глубоким монотонным рефреном, пока он бил в гонг — вновь — и вновь — и вновь!

И с каждым ударом Молчание отступало — дюйм за дюймом — дюйм за дюймом. Назад, назад, назад. Кулл удвоил силу ударов. Теперь он мог уже слышать далекие слабые звуки гонга, звенящие над невообразимыми безднами тишины, словно кто-то на другом конце Вселенной бил по серебряной монете гвоздем от подковы. И с каждым чуть слышным звуком колышущееся Молчание вздрагивало и корчилось. Щупальца его укорачивались и волны опадали. Молчание съеживалось.

Назад, назад, назад... Теперь оно клубилось в дверном проеме, а позади Кулла люди с оханьем поднимались на колени, и их глаза были пусты. Кулл сорвал гонг с подвески, направившись к двери. Он всегда сражался до конца и не признавал уступок. Теперь уже и речи не было о том, чтобы просто заключить ужас. Вся Вселенная застыла, наблюдая за человеком, оправдывавшим существование рода человеческого своим стремлением искупить собственную вину и обретающим в том славу.

Он вошел в проем двери, безостановочно ударяя в гонг и пытаясь справиться с напором той силы, что таилась внутри. Вся преисподняя была разверста перед ним той чудовищной тварью, чью самую последнюю твердыню пытался он взять приступом. Все Молчание вновь собралось в этом зале, загнанное обратно непобедимой силой Звука, Звука, слившего в себе все звуки и шумы Земли и заключенного в гонг рукой мастера, давным-давно покорившего и Звук, и Молчание.

И тут Молчание собрало все свои силы для одного последнего удара. Преисподние беззвучного холода и бесшумного пламени окружили Кулла. Ему противостояла тварь стихийная и вещественная. Кутулос говорил, что Молчание было лишь отсутствием звука. Тот самый Кутулос, который теперь корчился во прахе и стонал, заглянув в глаза пустому ничто.

То было нечто большее, чем отсутствие. То было отсутствие настолько полное, что оно стало присутствием. Абстрактная иллюзия, ставшая вещественной реальностью. Кулл пошатывался, слепой, оглушенный, немой, почти потерявший сознание под напором космических сил, сокрушающих его душу, тело и разум. Скрытый змеящимися щупальцами, звук гонга вновь начал замирать. Но Кулл не прекращал ударов. Его измученный мозг раскалывался, но он уперся ногой в порог и мощно рванулся вперед. Он ощущал сопротивление твари, подобно волне плотного огня, более горячего, чем пламя, и более леденящего, чем лед. И все же он продолжал рваться вперед и чувствовал, что она уступает. Уступает...

Шаг за шагом, фут за футом пробивался он в эту залу смерти, гоня Молчание пред собой. Каждый шаг был вопящей, демонической пыткой. Каждый фут был разверзающимся адом. Из последних сил, ни на миг не прекращая бить в гонг, Кулл теснил врага, и на лбу его проступала кровь и капала с лица.

За ним люди начинали приходить в себя, слабые и охваченные головокружением после Молчания, вторгнувшегося в их мозг. Остолбенев, смотрели они на дверь, где их царь вел свой смертный бой за Вселенную. Брул слепо полз вперед, таща за собой свой меч. Он все еще был оглушен, и его вел лишь слепой инстинкт, принуждавший его следовать за царем; даже если бы этот путь вел в ад.

Шаг за шагом Кулл теснил Молчание, чувствуя, что оно становится все слабее и слабее, ощущая, как оно уменьшается. Теперь звук гонга был слышен вновь, и он рос и рос. Он заполнял залу, землю, небеса. Молчание отступало перед ним, и, когда оно сгустилось до предела, оно приобрело жуткий облик, который Кулл узрел — и все же не мог рассмотреть. Его руки онемели, но последним усилием он участил свои удары. Теперь Молчание забилося в темный угол и съеживалось. Ну, последний удар! Все звуки Вселенной слились в одном ревушем, вопящем, потрясающем, всеобъемлющем взрыве звука! Гонг разлетелся на мириады звенящих осколков. И *Молчание возопило!*

СИМ ТОПОРОМ Я БУДУ ПРАВИТЬ!

1. «МОИ ПЕСНИ — ЧТО ГВОЗДИ ДЛЯ ЦАРСКОГО ГРОБА!»

— В полночь царь должен умереть!

Говоривший был высоким, худым и смуглым. Кривой шрам у рта придавал ему весьма злое выражение. Люди, слушавшие его с горящими глазами, кивнули. Их было четверо. Первый — толстый коротышка с робким выражением лица, безвольным ртом и бегающими глазами. Второй был волосатым великаном, хмурым и простоватым. Третий, высокий и гибкий мужчина в одежде шута, поблескивал ярко-голубыми глазами, в которых горел огонек безумия, а четвертым был коренастый карлик, невероятно широкоплечий и длиннорукий.

На губах говорившего появилась ледяная улыбка.

— Дадим обет. Поклянемся клятвой, которая не может быть нарушена, — Клятвой Клинка и Пламени! О, я, конечно, верю вам. И все же будет лучше, если у нас появится уверенность друг в друге. Я заметил, что иные из нас дрогнули.

— Тебе легко говорить, Ардион, — прервал его толстый коротышка. — В любом случае ты лишь отверженный изгнанник, за голову которого назначена награда. Выиграть ты можешь все, а терять тебе нечего. В то время, как нам...

— Есть что терять, но зато выиграть вы можете куда больше, — ответил отверженный невозмутимо. — Вы призвали меня из моего горного убежища, дабы помочь вам свергнуть царя. Я обдумал замыслы, расставил силки, наживил приманку и готов прикончить добычу. Но я должен быть уверен в вашей поддержке. Поклянетесь ли вы?

— Кончайте с этими глупостями! — воскликнул чело-
век с безумными глазами. — Да, мы принесем клятву на

рассвете, а вечером свергнем царя! «О, громы колесниц и шелест крыл стервятников!»

— Побереги свои песни для другого раза, Ридондо, — рассмеялся Ардион. — Время для клинков, а не для стихов.

— Мои песни — что гвозди для царского гроба! — воскликнул певец, взмахнув длинным тонким кинжалом. — Слуги, принесите сюда свечу! Я первым принесу клятву!

Молчаливый и угрюмый раб принес длинную тонкую восковую свечу, и Ридондо проколол себе запястье так, что пошла кровь. Один за другим остальные четверо последовали его примеру, держа свои порезанные запястья так, чтобы кровь не капала с них. Затем, соединив руки кругом над зажженной свечой, они повернули их так, чтобы кровь начала капать на пламя. Пока свеча шипела и трещала, они повторяли слова клятвы:

— Я, Ардион, безземельный, клянусь хранить нашу тайну и молчать о ней. И клятва эта нерушима.

— И я, Ридондо, первый придворный певец Валузии! — вскричал певец.

— И я, Дукалон, господин Комахары, — сказал карлик.

— И я, Энарос, военачальник Черного Легиона, — прогремел великан.

— И я, Каанууб, владелец Блаала, — заключил толстый коротышка слегка дрожащим фальцетом.

Свеча зашипела и погасла, залитая падавшими на нее рубиновыми каплями.

— Вот так угаснет жизнь нашего врага, — промолвил Ардион, отпуская руки своих сообщников. Он глядел на них с тщательно скрываемым презрением. Изгнанник знал, что можно нарушить любую клятву, даже «нерушимую». Но он знал также и то, что Каанууб, кому он доверял меньше всего, был суверен. Не было смысла пренебрегать любой предосторожностью, пусть даже столь мелкой, как эта.

— Завтра, — сказал Ардион резко, — или, точнее, сегодня, ибо уже светает, Брул Убивающий Копьем, правая рука царя, отправляется в Грондар вместе с Ка-ну, посланником пиктов. Их сопровождает эскорт из пиктов и изрядное число Алых Убийц, царских телохранителей.

— Да, — сказал Дукалон с удовлетворением. — То был твой план, Ардион, но выполнил его я. У меня есть родственник, занимающий высокий пост в совете Грондара, и ему было нетрудно убедить царя Грондара потребовать присутствия Ка-ну. Ну и само собой, поскольку Кулл чтит Ка-ну превыше всех остальных, он дает ему соответствующее сопровождение.

Отверженный кивнул:

— Прекрасно. А мне наконец удалось с помощью Энароса уговорить одного из начальников Алой Стражи. Этот человек уберет своих людей от царской опочивальни сегодня вечером, перед самой полночью, под предлогом выяснения источника какого-нибудь подозрительного шума или чего-либо в этом роде. Всяких придворных тоже удалят. А мы будем ждать, мы пятеро и шестнадцать моих отчаянных головорезов, которых я призвал сюда с гор и которые сейчас скрываются в разных местах по всему городу. Двадцать один против одного...

Он рассмеялся. Энарос кивнул, Дукалон ухмыльнулся, Каанууб побледнел. Ридондо взмахнул кулаком и воскликнул звенящим голосом:

— Клянусь Валкой! Они запомнят эту ночь, те, что бряцают золотыми струнами! Падение тирана, смерть деспота — какую песню я сложу!

В его глазах пылал дикий фанатизм, и остальные поглядывали на него с сомнением, все, кроме Ардиона, опустившего голову, чтобы скрыть усмешку. Затем изгнанник внезапно поднялся со своего места:

— Довольно! Расходитесь по своим местам и ни словом, ни делом, ни взглядом не выдайте того, что у вас на уме. — Он задумчиво поглядел на Каанууба: — Владелец, твое бледное лицо подведет тебя. Если ты встретишься с Куллом и он посмотрит тебе в глаза своими серыми льдинками, ты упадешь в обморок. Уезжай в свое деревенское имение и жди, пока мы не пошлем за тобой. Четверых для этого дела достаточно.

Каанууб чуть не рухнул от неожиданной радости, что-то неразборчиво бормоча. Остальные кивнули отверженному и отбыли.

Ардион потянулся, словно огромный кот, и улыбнулся. Он позвал раба, и появился хмурый человек с шрамом на плече от клейма, которым метят воров.

— Итак, завтра я появлюсь открыто, — промолвил Ардион, беря поднесенную ему чашу. — И дам народу Валузии возможность насытить свои глаза лицемерием моей особы. Уже целые месяцы с тех самых пор, когда Мятежная Четверка призвала меня с моих гор, я прячусь, подобно крысе. Живу под носом у моих врагов, таюсь от дневного света, пробираюсь по ночам, замаскированным, по темным улицам и еще более темным коридорам. И все же я добился того, что эти мятежные господа не смогли сделать. Работая через них и через других людей, многие из которых даже никогда не видели моего лица, я наспигивал всю империю недовольством и подкупом. Деньгами я перетягивал чиновников на свою сторону, сеял раздоры между людьми — короче, я, оставаясь в тени, подготовил падение царя, ныне восседающего на троне в солнечном блеске славы. Ах, друг мой, я почти позабыл, что был государственным мужем до того, как стал изгнанником, пока Каанууб и Дукалон не послали за мной.

— Ты работаешь со странными сообщниками, — отозвался раб.

— Да, они слабые люди, но каждый из них силен в своем роде, — лениво протянул изгнанник. — Дукалон хитер, смел и нахален. У него есть родственники, занимающие высокие посты. Но он обнищал, и его разоренные поместья обременены долгами. Энарос — грубое животное. Он силен и храбр как лев, и пользуется определенным авторитетом у войска, но во всем остальном он бесполезен, потому что ему не хватает мозгов. Каанууб хитер в своей подлости и полон козней. В остальном же он — дурак и трус. Он скуп, хоть и обладает огромным богатством, что и помогло мне осуществить мои замыслы. Ридондо же всего лишь безумный поэт, и притом глуп как пробка. Он отважен, но беспомощен. Зато он любимец народа, потому что его песни доходят до сердца простых людей. И только он может привлечь к нам эти сердца, если наше дело выгорит.

— И кто же тогда взойдет на трон?

— Каанууб, конечно. Или, по крайней мере, так думает он сам! В его жилах есть капля царской крови, крови царя, которого Кулл убил голыми руками. И этот теперешний царь совершил грубую ошибку. Он знает, что еще живы люди, которые и доньше чванятся своим родством с прежней династией, и он позволяет им жить. Так что Каанууб рвется к трону. Дукалон хочет вернуть те милости, которые валились на него при старом режиме, дабы он мог поднять свои поместья из руин, а титул — до прежнего величия. Энарос ненавидит Келькора, военачальника Алых Убийц, и полагает, что место должно достаться ему. Он хочет стать верховным военачальником всех войн Валузии. Что же до Ридондо — ба! Я презираю этого человека и восхищаюсь им в то же самое время. Это просто идеалист. Он видит в Кулле, чужеземце и варваре, лишь грубого дикаря с обгабренными кровью руками, пришедшего из-за моря, дабы вторгнуться в мирную и счастливую страну. Он уже обожествил убитого Куллом царя, позабыв злодейскую натуру покойного. Он позабыл притеснения, от которых во время его правления стонала вся страна, и, главное, заставляет забыть об этом народ. Люди уже поют «Плач по царю», в котором Ридондо превозносит злодея до небес и изображает Кулла «жестоко-сердрым дикарем». Кулл смеется над этими песнями и отпускает Ридондо его грехи, хотя почему-то при этом дивится, отчего это люди начинают косо смотреть на него.

— Но почему Ридондо ненавидит Кулла?

— Потому что он поэт, а поэты всегда ненавидят тех, кто стоит у власти, и прошлое им всегда кажется лучше настоящего. Ридондо — это пламенеющий факел идеализма, и он видит себя героем, рыцарем без страха и упрека, свергающим тирана.

— А ты сам?

Ардион рассмеялся и осушил чашу:

— О, у меня есть свои собственные идеи. Поэты опасны, поскольку порой они верят в то, о чем поют. Ну а я верю в то, что я думаю. И я думаю, что Каанууб недолго продержится на троне. Несколько месяцев назад мое честолюбие простиралось не далее опустошения деревень и ограбления караванов. И я думал, что так оно и будет вовеки. Ну а теперь... А теперь — посмотрим!

2. «ТОГДА Я БЫЛ ОСВОБОДИТЕЛЕМ. А ТЕПЕРЬ...»

Богатые занавеси на стенах и мягкий толстый ковер на полу лишь подчеркивали пустоту комнаты. В ней стоял лишь маленький письменный стол, за которым сидел человек. Человек, который был бы сразу замечен даже среди тысячной толпы. И не только из-за его огромного роста и мощного сложения, хотя это и усиливало общее впечатление. Но его лицо, смуглое и бесстрастное, притягивало любой взгляд, а узкие серые глаза подавляли волю других своим ледяным спокойствием. Каждое его движение, даже самое легкое, свидетельствовало о великолепной мускулатуре, находившейся в полной гармонии с мозгом, управляющим ей. Ни одно его движение не было лишним. Он либо застыл бронзовой статуей, либо двигался с такой кошачьей стремительностью, что движения его казались смазанными скоростью. Сейчас он отдыхал, опершись подбородком о сложенные руки, лежащие на столе, и мрачно глядя на человека, стоявшего перед ним. В данный момент этот человек был занят собственными делами — завязывал ремешки кирасы. При этом он бездумно напевал, что было по меньшей мере странно и неприлично, ибо он находился пред ликом царя.

— Брул, — сказал царь, — эти государственные дела утомляют меня так, как не утомляла ни одна битва.

— Правила игры, Кулл, — отозвался Брул. — Ты царь, тебе и играть.

— Хотел бы я отправиться с тобой в Грондар, — сказал Кулл с завистью. — Кажется, уже целую вечность я не сидел верхом. Но Ту говорит, что дела государства требуют моего присутствия здесь. Демоны бы его побрали!

Не дождавшись ответа, он с нарастающим раздражением продолжал изливать свою душу:

— Я сверг старую династию и захватил трон Валузии, о чем я мечтал еще с тех пор, как был мальчишкой, жившим среди дикарей. Это было легко. Теперь, оглядываясь на пройденный путь, на все эти дни борьбы, битв и несчастий, я представляю все это каким-то сном. Я был дикарем в Атлантиде, потом провел два года в рабстве на веслах лемурийских галер, сбежал и

превратился в отверженного среди гор Валузии. Потом стал пленником в ее темницах, гладиатором на ее аренах, воином, военачальником и, наконец, царем!

Моя беда, Брул, что я не заглядываю слишком далеко. Я прекрасно мог представить себе захват трона, но не думал о дальнейшем. Когда царь Борна пал мертвым у моих ног и я сорвал корону с его окровавленной головы, я достиг последнего предела моих грез. Все дальнейшее было лишь лабиринтом заблуждений и ошибок. Я был готов захватить трон, но не удерживать его.

Когда я сверг Борну, то люди бурно приветствовали меня. Тогда я был Освободителем. А теперь они косо поглядывают на меня и хмуро перешептываются за моей спиной. Они плюют на мою тень, когда думают, что я этого не вижу. Они воздвигли статую Борны, этой дохлой свиньи, в Храме Змея. И люди приходят рыдать перед ним, как над святым владыкой, замученным кроваворуком варваром. Когда я вел войско к победе, Валузии было плевать на то, что я чужеземец, а теперь она не может простить мне этого.

И теперь в Храме Змея возжигают благовония в память Борны те люди, которых его палачи ослепили и изувечили, отцы, чьи сыновья погибли в его темницах, мужья, чьих жен утащили в его сераль. Ба! Как глупы люди.

— В основном в этом виноват Ридондо, — отозвался пикт, поправляя перевязь меча. — Его песни сводят людей с ума. Повесь его в этой его шутовской одежде на самой высокой башне города. Пусть сочиняет стихи стервятникам.

Кулл покачал своей львиной головой:

— Нет, Брул. Я не сделаю этого. Великий поэт превыше любого царя. Он ненавидит меня, и все же я хотел бы завоевать его дружбу. Его песни могущественней моего скипетра, и, когда он снисходит до того, чтобы петь для меня, мое сердце готово выскочить из груди. Я умру и буду позабыт, а его песни будут жить вечно.

Пикт пожал плечами:

— Поступай как знаешь. Ты все еще царь, и народ не посмеет сместить тебя. Алые Убийцы преданы тебе, и за твоей спиной стоит вся страна пиктов. Мы оба с тобой варвары, пусть и прожили большую часть нашей

жизни в этой стране. А теперь я отправляюсь. Ты можешь опасаться лишь покушения, а этого, в общем-то, бояться не стоит, учитывая, что день и ночь тебя сторожит отряд Алых Убийц.

Кулл жестом попрощался с ним, и пикт покинул комнату.

Теперь аудиенции ожидал новый посетитель, что напомнило Куллу о том, что время царя ему не принадлежит.

То был молодой городской аристократ, некто Сино валь Дор. Известный фехтовальщик и прожигатель жизни появился перед царем в явном душевном смятении. Его бархатная шляпа была измята, и, когда он швырнул ее на пол, преклонив колени, плюмаж жалко поник. Его богатые одеяния были в небрежении, как если бы некие страдания души заставили его позабыть о своей внешности.

— Царь, владыка царь! — сказал он, и в голосе его звучала глубокая искренность. — Если славное прошлое моей семьи хоть что-нибудь значит для твоего величества, если что-нибудь значит моя верность, то во имя Валузии — исполни мою просьбу!

— Изложи ее.

— Владыка царь, я люблю одну девушку. Мне нет жизни без нее, а ей — без меня. Я не ем и не сплю, лишь думаю о ней. Ее краса озаряет мои дни и ночи — сияющее видение ее божественного очарования...

Кулл раздраженно заерзал на троне. Он ни разу не был влюблен.

— Тогда, во имя Валки, женись на ней!

— Ах! — воскликнул юноша. — В том-то и дело! Ее зовут Ала, и она рабыня, принадлежащая некоему Дукалону, господину Комахары. А в черных книгах законов Валузии сказано, что человек благородного происхождения не может жениться на невольнице. Так повелось от века. Куда бы я ни обращался, везде слышал я один и тот же ответ: «Рабыня никогда не станет женой аристократа». Это чудовищно! Они говорят мне, что еще ни разу за всю историю империи аристократ не возжелал жениться на невольнице. Что же мне делать? Лишь на тебя моя последняя надежда.

— А этот Дукалон не продаст ее?

— Продаст охотно, но это не решит дела. Она по-прежнему останется рабыней, а человек не может жениться на собственной невольнице. Я же хочу, чтобы она стала моей женой. Все прочее было бы пустой насмешкой. Я хочу показать ее всему миру в горностаях и драгоценностях жены валь Дора! Но этого не будет, если ты не поможешь мне. Ее предки были рабами, и она родилась рабыней, и будет ею всю свою жизнь, и рабами будут ее дети. Поэтому она не может выйти замуж за свободного человека.

— Тогда сам становись рабом, — предложил Кулл, пристально глядя на юношу.

— Я желал бы этого, — ответил Сино так твердо, что Кулл тут же поверил ему. — Я пошел к Дукалону и сказал: «У тебя есть рабыня, которую я люблю. Я хочу жениться на ней. Позволь мне стать твоим рабом, чтобы я мог всегда быть рядом с ней». Он пришел в ужас и отказал мне. Он продал бы мне девушку или отдал ее, но и помыслить не мог о том, чтобы обратить меня в рабство. А мой отец поклялся нерушимой клятвой убить меня, если я запятнаю имя валь Доров, став рабом. Нет, владыка царь, только ты можешь помочь мне.

Кулл пригласил Ту и изложил ему суть дела. Главный советник покачал головой:

— Так написано в огромных книгах, окованных железом, — все, как сказал Сино. Это было законом всегда и пребудет законом вовеки. Человек благородного происхождения не может сделать невольницу своей супругой.

— А почему я не могу изменить этот закон? — спросил Кулл.

Ту положил перед ним каменную таблицу с высеченными на ней словами закона:

— Этот закон существует уже тысячелетия. Видишь, Кулл, его высекли в камне первые законодатели так много столетий назад, что человек может считать целую ночь и все же не сосчитать их. Ни ты, ни любой другой царь не может изменить их.

Кулла внезапно охватило чувство болезненной слабости от собственной полной беспомощности, все чаще посещавшее его последнее время. Ему начинало казаться,

что царская власть была лишь другой формой рабства. Он всегда пробивал себе путь сквозь ряды врагов своим огромным мечом. Но как мог он пробиться сквозь ряды заботливых и уважаемых друзей, кланявшихся и льстивших ему, но упрямо отрицавших любое новшество, тех, кто заперся в стенах древних обычаев и традиций и пассивно сопротивлялся его стремлению к переменам?

— Иди, — сказал он, устало махнув рукой. — Мне жаль, но я ничем не могу помочь тебе.

Сино валь Дор покинул комнату. Сломленный человек, если опущенная голова, поникшие плечи, потускневшие глаза и шаркающая походка хоть что-нибудь да значат.

3. «Я ДУМАЛА — ТЫ ТИГР В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБРАЗЕ!»

Прохладный ветер шелестел зелению леса. Ручей вился серебряной нитью между стволами огромных деревьев, оплетенных гибкими лозами и свисающими гирляндами побегов. Где-то пела птица, и мягкие лучи солнца позднего лета проникали через переплетение ветвей, падая черно-золотым бархатным узором света и тени на покрытую травой землю. И в самой сердцевине этой пасторали лежала маленькая рабыня, уткнувшись лицом в ладони и рыдая так, словно у нее разрывалось сердце. Пели птицы, но она была глуха, ручьи звали ее, но она была нема, светило солнце, но она была слепа. Вся Вселенная была лишь черной бездной, где существовали только слезы и боль.

Поэтому она не слышала легких шагов и не увидела высокого широкоплечего мужчину, вышедшего из-за кустов и остановившегося над ней. Она не подозревала о его присутствии, пока он не встал на колени и не приподнял ее, утирая ей глаза с такой нежностью, на которую была бы способна разве что рука женщины.

Маленькая невольница увидела смуглое бесстрастное лицо с холодными узкими серыми глазами, которые сейчас были странно мягкими. Она поняла по его внешности, что это не валузиец, а в эти тревожные вре-

мена маленьким рабыням было небезопасно сталкиваться в глухом лесу с незнакомцами, а тем более чужеземцами. Но ее горе мешало ей испытывать страх, и к тому же человек выглядел добрым.

— Что с тобой, дитя? — спросил он, и, поскольку женщина в сильном горе чаще всего поверяет свои печали любому, кто проявляет интерес и сочувствие, она прошептала:

— О, господин, я несчастная девушка. Я люблю молодого аристократа...

— Сино валь Дора?

— Да, господин. — Она удивленно посмотрела на него. — Откуда ты знаешь? Он хочет жениться на мне, и сегодня, испробовав все другие пути, он пошел к самому царю. Но царь отказался помочь ему.

Тень прошла по смуглому лицу незнакомца.

— Сино сказал, что царь отказал ему?

— Нет, царь пригласил старшего советника и долго спорил с ним, но вынужден был уступить. О! — Она вскрикнула. — Я знала, что это будет бесполезно. Законы Валузии неизменны, пусть даже они жестоки и несправедливы. Они превыше царя.

Тут девушка почувствовала, что мышцы поддерживающей ее руки внезапно напряглись и затвердели, словно толстые железные канаты. На лице незнакомца появилось выражение уныния и безнадежности.

— Да, — пробормотал он словно сам себе. — Законы Валузии превыше царя.

Высказав все свои горести, она немного пришла в себя, и глаза ее высохли. Маленькие рабыни привычны к бедам и страданиям, хотя именно к этой рабыне всю ее жизнь относились необычно хорошо.

— И Сино возненавидел царя? — спросил незнакомец. Она покачала головой.

— Он понимает, что царь беспомощен.

— А ты?

— Что — я?

— Ты ненавидишь царя?

Ее глаза вспыхнули.

— Я! О, господин, да кто я такая, чтобы ненавидеть царя? Нет, нет, я даже и не думала о таком.

— Я рад, — сказал человек угрюмо. — К тому же, малышка, царь — только раб, как и ты сама. Только опутан он более тяжелыми узами.

— Бедняга, — жалостливо сказала она, хоть и не вполне понимая, что он хотел сказать. Затем в ней вспыхнул гнев. — Но я ненавижу жестокие законы, по которым живут эти люди! Почему эти законы нельзя изменить? Время не стоит на месте. Почему люди сегодня должны повиноваться законам, которые были созданы нашими варварскими предками тысячи лет назад...

Она внезапно замолчала и испуганно осмотрелась по сторонам.

— Не рассказывай никому, — прошептала девушка, просительно прислоняясь головой к плечу собеседника. — Не подобает женщине, а тем более рабыне так бесстыдно говорить о таких важных вещах. Меня побьют, если моя госпожа или господин услышат об этом.

Мужчина усмехнулся:

— Успокойся, дитя. Сам царь не обиделся бы на твои слова. Более того, я думаю, что он согласился бы с тобой.

— А ты видишься с царем? — спросила она. Ее детское любопытство на миг заставило ее забыть о бедах.

— Часто.

— И в нем восемь футов роста? — спросила она заинтересованно. — А правда, что у него под короной рога, как говорят люди?

— Вряд ли, — рассмеялся он. — Что до роста, то, чтобы соответствовать твоему описанию, ему не хватает добрых двух футов, в остальном же он мог бы быть моим братом-близнецом. Между нами почти нет разницы.

— И он такой же добрый, как ты?

— По временам. Когда его не раздражают дела государства, в которых он ничего не может понять, или же причуды людей, которые никогда не смогут понять его самого.

— А он и в самом деле варвар?

— Да, самый настоящий. Он родился и провел свое детство среди язычников-варваров, населяющих землю Атлантиды. Он увидел сон и сделал его явью. Поскольку он был великим воином и умел яростно рубиться мечом, поскольку он был отважен в битве и поскольку

варвары-наемники валузийского войска любили его, он стал царем. Но поскольку он воин, а не политик, поскольку его умение биться на мечях ныне уже не может ему помочь, его трон качается под ним.

— Значит, он очень несчастен?

— Ну, не всегда, — улыбнулся мужчина. — Иногда, когда он удирает в одиночку и позволяет себе провести несколько свободных часов в лесной глуши, он почти счастлив. Особенно когда он встречает милую маленькую девушку вроде...

Девушка, охваченная внезапным ужасом, упала перед ним на колени:

— О, владыка, помилуй меня! Я ведь не знала, что ты царь!

— Не бойся. — Кулл снова опустился рядом с ней на колени и обнял ее, чувствуя, что она дрожит с головы до ног. — Ты сказала, что я добр...

— И ты такой и есть, повелитель, — слабо прошептала она. — Я... Я думала, что ты тигр в человеческом образе, по словам людей. Но ты добрый и нежный... И все же... Ты — царь, а я...

Внезапно она вскочила и в полном смятении бросилась прочь, тут же скрывшись из глаз. То, что человек, которому она открыла свою душу, оказался тем самым царем, кого она лишь мечтала увидеть когда-нибудь издали, привело ее в смятение, граничившее с настоящим ужасом.

Кулл вздохнул и поднялся на ноги. Дела государства не могли ждать, и он должен был возвратиться и заняться проблемами, о сути которых имел лишь смутное представление, а как разрешить их — не мог и представить себе.

4. «КТО УМРЕТ ПЕРВЫМ?»

Двадцать человек бесшумно крались среди молчания, царившего в коридорах и залах дворца. Их ноги в мягких кожаных туфлях ступали беззвучно и по толстым коврам, и по голым мраморным плитам. Факелы, стояв-

шие в нишах, рождали красные отблески на обнаженных кинжалах, мечах и лезвиях боевых топоров.

— Тише, тише, вы все! — прошипел Ардион, оглядываясь на своих сообщников. — Кто это там дышит, словно буйвол? Начальник ночной охраны удалил отсюда всех стражников. Одним приказал оставить свои посты, а других напоил. И все же мы должны быть осторожны. Счастье еще, что эти проклятые пикты, эти тощие волки, либо остались в своем посольстве, либо отправились в Грондар. Тише! Все назад! Стража идет.

Они столпились позади огромной колонны, за которой мог бы спрятаться целый отряд людей, и ждали. Почти сразу же из-за угла появился десяток воинов, великанов в алой броне, казавшихся движущимися железными статуями. Все они были тяжело вооружены, и на лицах некоторых из них была написана легкая неуверенность. Лицо их начальника было бледным и застывшим, и, когда отряд проходил мимо колонны, за которой прятались заговорщики, он поднял руку, утирая выступивший на лбу пот. Он был молод, и предательство давалось ему нелегко.

Гремя броней, стражники миновали их и удалились по коридору.

— Прекрасно! — хмыкнул Ардион. — Он сделал все, как я приказал. Кулл спит, оставшись без охраны. Нам надо скорее покончить с этим делом! Если нас схватят при покушении, мы пропали, но мертвого царя забывают быстро. Скорей!

— Да, скорей! — вскричал Ридондо.

Они не таясь побежали по коридору, пока не уперлись в дверь спального покоя.

— Это здесь! — крикнул Ардион. — Энарос, взломай мне эту дверь!

Великан всем своим весом навалился на створки дверей. Со второй попытки засовы затрещали, послышался звук ломающейся древесины, дверь подалась и распахнулась.

— Вперед! — воскликнул Ардион, охваченный жадой убийства.

— Вперед! — взревел Ридондо. — Смерть тирану!

Они ворвались внутрь и застыли на месте. Перед ними стоял Кулл — но не раздетый Кулл, еще ничего не соображающий со сна и безоружный, которого можно было бы зарезать, как барана, а Кулл бодрствующий и разъяренный, уже частично облачившийся в доспехи Алого Убийцы, с грозным мечом в руке.

Куллу не спалось, и он тихо поднялся за несколько минут до этого, намереваясь попросить начальника стражи зайти к нему, чтобы немного поболтать. Однако, поглядев в глазок двери, он увидел, как тот уводит своих людей. Подозрительный, как все варвары, царь заподозрил предательство. Он и не подумал остановить их, решив, что все они причастны к заговору. Не было никакой разумной причины для того, чтобы они оставили свой пост. Поэтому Кулл начал бесшумно и быстро облачаться в доспехи, которые он хранил под рукой, и не успел он покончить с этим, как дверь затрещала под тушей Энароса.

Немая сцена длилась мгновение — четверо мятежных аристократов в дверях и шестнадцать отчаянных головорезов, столпившихся за их спинами, а против них — молчащий гигант с ужасающим взором, застывший в середине царского спального покоя с мечом наготове.

Затем Ардион закричал:

— Вперед! Бей его! Нас двадцать на одного, и он без шлема!

Действительно, Куллу не хватило времени, чтобы надеть шлем. Не было времени даже на то, чтобы снять со стены большой щит. Но даже в таком виде он был защищен лучше, чем любой из убийц, за исключением Энароса и Дукалона, облаченных в полные доспехи с опущенными забралами.

С воплями, от которых задрожали стены, заговорщики хлынули в комнату. Энарос бежал первым. Он несся, словно разъяренный бык, пригнув голову и выставив меч снизу для удара в живот. Кулл метнулся ему навстречу, как тигр прыгает на быка, и весь вес, вся мощь царя были вложены в размах руки, сжимающей меч. Огромное лезвие сверкнуло, описав в воздухе свистящую арку, и обрушилось на шлем военачальника. И лезвие и шлем разлетелись в куски. Энарос безжизнен-

но растянулся на полу, а Кулл отскочил назад с уцелевшей рукоятью в руке.

— Энарос! — буркнул он, когда расколотый шлем выставил на всеобщее обозрение разрубленную голову. И тут остальные заговорщики набросились на него. Он почувствовал, как клинок кинжала скользнул по его ребрам, и отбросил нападающего ударом левой руки. Другому он всадил сломанную рукоять промеж глаз, и тот, потеряв сознание, покатился на пол, обливаясь кровью.

— Четверо — к двери! — воскликнул Ардион, следя за схваткой. Он боялся, что Кулл, с его мощью и стремительностью, может прорваться сквозь их ряды и ускользнуть. Четверо негодяев отступили и выстроились, загораживая единственный вход. И в этот миг Кулл метнулся к стене и сорвал с нее древний боевой топор, висевший там уже более столетия.

Прижавшись к стене, он мгновение разглядывал своих противников, а потом метнулся прямо в их гущу. Кулл предпочитал не обороняться, а нападать. Удар топора швырнул одного из заговорщиков на пол с разрубленным плечом, а ужасающее обратное движение древнего оружия сокрушило череп другого. Нагрудная пластина доспеха отразила удар меча третьего врага — иначе Куллу пришел бы конец. Его заботой было прикрывать свою незащищенную шлемом голову и щели между грудной и спинной пластинами, поскольку валузийская броня была составной и у него не было времени нацепить все ее части и затянуть завязки. Кровь уже струилась из неглубоких ран у него на щеке, руках и ногах, но он оставался стремительным и смертоносным бойцом, и даже с таким значительным численным перевесом нападавшие дрогнули перед ним. К тому же они мешали друг другу.

На мгновение они все дико навалились на него, размахивая оружием, затем отхлынули и окружили кольцом, пытаясь достать его длинными выпадами. Пара трупов на полу остались немymi свидетелями провала их первой попытки.

— Труссы! — вскричал Ридондо в ярости, срывая свой шутовской колпак и сверкая обезумевшими глазами. — Вы что, боитесь его? Смерть деспоту! Бей его!

Он яростно рванулся к царю, но Кулл, узнав его, отразил его меч топором и оттолкнул певца так, что тот кувыркком покатился по полу. Царь перехватил левой рукой меч Ардиона, и отверженный спас свою жизнь, лишь присев под размахом топора Кулла и отпрянув назад. Один из злодеев бросился на пол и попытался схватить Кулла за ноги, чтобы повалить его, но с таким же успехом он мог бы попытаться повалить железную башню. У него еще хватило времени взглянуть вверх, чтобы увидеть обрушивающийся на него топор, но времени избежать удара ему не хватило. Тут один из его сообщников ухватился за рукоять меча обеими руками и, размахнувшись, изо всех сил ударил Кулла по плечу. Наплечник разлетелся, и царь сразу же почувствовал, что под нагрудную пластину стекает кровь.

Дукалон, расталкивая нападавших направо и налево, подобрался к Куллу и занес меч, нацелив удар в незащищенную голову царя. Кулл пригнулся, и, хотя челоуку его роста было трудно таким образом избежать удара карлика вроде Дукалона, меч просвистел над ним, срезав прядь волос.

Кулл крутанулся на пятке и нанес удар сбоку, словно метнувшийся волк, — широкой ровной дугой. Дукалон рухнул, рассеченный чуть не надвое.

— Дукалон! — с трудом выдохнул Кулл. — Я должен был бы узнать этого недоростка даже в аду...

Тут он попытался отразить натиск обезумевшего Ридондо, который, придя в себя, набросился на царя, вооруженный одним лишь кинжалом. Кулл отскочил, подняв топор.

— Ридондо! — прозвенел резко его голос. — Назад! Я не хочу убивать тебя...

— Умри, тиран! — вскричал сумасшедший певец, бросаясь на царя. Кулл помедлил с ударом, пока не стало уже слишком поздно. Только почувствовав укус стали в незащищенный бок, он в слепом отчаянии нанес удар.

Ридондо свалился с разрубленным черепом, а Кулл прижался к стене, зажав рукой кровоточащую рану.

— Теперь вперед, и покончим с ним! — завопил Ардион, готовясь возглавить атаку.

Кулл, по-прежнему прижимаясь спиной к стене, поднял топор. В этот миг он выглядел дико и страшно. Он стоял широко расставив ноги, набычившись, сжимая одной окровавленной рукой высоко поднятый топор, а другой опираясь о стену. Его лицо застыло в гримасе ненависти, а ледяные глаза сверкали сквозь кровавый туман, застилавший их. Его противники колебались — тигр, быть может, и умирал, но все еще был способен унести не одну жизнь.

— Кто умрет первым? — прорычал Кулл сквозь разбитые и окровавленные губы.

Ардион прыгнул на него, как волк, извернувшись в самой середине прыжка, и упал ничком, чтобы избежать смерти, просвистевшей над ним в образе окровавленного топора. Он быстро подтянул ноги и откатился в сторону, чтобы избежать нового удара. На этот раз топор ушел дюйма на четыре в полированные доски пола рядом с его ногами.

В этот момент другой злодей рванулся вперед, а за ним нерхотно последовали его товарищи. Нападавший рассчитывал добраться до Кулла и прикончить его раньше, чем тот вытащит топор из пола, но он не учел мощь царя или же начал действовать на секунду позже, чем было нужно. Во всяком случае, топор взлетел и опустился, и обгаренная кровью карикатура на человека отлетела под ноги его сообщникам.

В этот миг слышались торопливые шаги, и заговорщики у дверей завопили:

— Стража идет!

Ардион разразился проклятиями, видя, как его люди бегут, словно крысы с тонущего корабля. Они вывалились наружу, хромя и оставляя кровавые следы, и из коридора слышались крики и шум схватки.

Если не считать мертвых и умирающих, Кулл и Ардион остались одни в царском спальном покое. У Кулла подгибались колени, и он тяжело опирался о стену, глядя на отверженного глазами умирающего волка. Даже в этот страшный миг циничная философия Ардиона не покинула его.

— Кажется, все погибло, даже честь, — пробормотал он. — Однако царь еще стоит на ногах и...

Что еще пришло бы ему на ум, осталось неизвестным, ибо в этот самый миг он стремительно рванулся к Куллу, видя, что царь вытирает заливавшую его глаза кровь той рукой, в которой был зажат топор. Человек с мечом наготове может нанести удар быстрее, чем раненый может отразить его топором, оттягивающим усталую руку, словно свинец.

Но едва лишь Ардион замахнулся, Сино валь Дор, появившись в дверях, метнул что-то, что, сверкнув, просвистело в воздухе и окончило свой полет в горле Ардиона. Отверженный пошатнулся, выронил меч и рухнул к ногам Кулла, обагрив их кровью из рассеченной сонной артерии, безмолвно засвидетельствовав, что в число боевых умений Сино входило и метание ножей. Кулл с недоумением уставился на труп, и мертвые глаза Ардиона ответили ему насмешливым взглядом, как если бы их обладатель все еще насмехался над ничтожеством царей и изгнанников, заговоров и законов.

Затем Сино подхватил царя, а комнату заполнили вооруженные люди в одежде слуг славного дома валь Доров. Кулл увидел, что маленькая рабыня поддерживает его с другой стороны.

— Кулл, Кулл, ты не умер? — Лицо валь Дора было очень бледным.

— Еще нет, — хрипло отозвался царь. — Заткните мне эту дырку в левом боку. Если я помру, то только от нее. Ридондо написал там эпитафию очень острым пером. А остальные не смертельны. Пока перевяжите меня. Мне осталось еще кое-что сделать.

Они повиновались ему, и, когда кровотечение прекратилось, Кулл, хотя и побледневший от потери крови, почувствовал небольшой прилив сил. Дворец к этому времени полностью проснулся. Придворные дамы, господа, воины, советники — все металось вокруг, словно встревоженные пчелы. Собрались Алые Убийцы, обезумевшие от ярости, поскольку в час опасности их царя спасли другие. Что же до молодого начальника стражи, охранявшей двери спального покоя, то он улизнул под шумок и не был обнаружен ни тогда, ни позже, хотя впоследствии его долго разыскивали.

Кулл, по-прежнему упрямо держась на ногах, сжимая свой окровавленный топор в одной руке, а другой опираясь на плечо Сино, обратился к ломавшему руки Ту и приказал:

— Принеси мне таблицу, на которой высечен этот закон о рабах.

— Но, владыка царь...

— Делай, что я говорю! — взревел Кулл, поднимая топор, и Ту поспешил повиноваться.

Пока он ждал и дворцовые женщины хлопотали вокруг него, перевязывая ему раны и тщетно пытаясь разжать железные пальцы, сомкнувшиеся на окровавленной рукояти топора, Кулл внимал сбивчивому рассказу Сино:

— Ала услышала, как Каанууб и Дукалон говорят о своих замыслах. Она спряталась в маленьком чулане, чтобы поплакать над своими... нашими бедами, а тут явился Каанууб, собиравшийся в свое загородное поместье. Он трясся от страха при мысли, что их планы могут сорваться, и заставил Дукалона оговорить все детали заговора еще раз до его отъезда, дабы он уверился, что ничто не может сорваться. Он не уехал до позднего вечера, и только тогда Але удалось выбраться и прибежать ко мне. Но от городского дома Дукалонов до дома валь Доров далеко, и девушка не может быстро пройти такой путь пешком. И хотя я собрал своих людей и тут же бросился сюда, мы чуть не опоздали.

Кулл прикоснулся к его плечу:

— Я не забуду этого.

Тут появился Ту с таблицей закона и почтительно положил ее на стол.

Кулл жестом удалил всех, кто стоял рядом с ним, и остался один.

— Слушай, народ Валузии! — воскликнул он, из последних сил пытаясь удержаться на ногах. — Вот я стою здесь — ваш царь. Я изранен почти до смерти, но я выживал и с худшими ранами.

Слушайте! Я устал от всего этого. Я не царь, я раб! Я связан вашими бесчисленными законами! Я не могу ни наказать злодеев, ни вознаградить моих друзей, следуя этим законам, обычаям, традициям. Клянусь Вал-

кой, я стану царем на деле, а не только по названию. Вот стоят двое, спасшие мою жизнь. Отныне они вольны пожениться, если захотят того!

Тут Сино и Ала с радостным криком кинулись друг другу в объятия.

— Но закон! — возопил Ту.

— Я — закон! — взревел Кулл, замахнувшись топором. Лезвие, сверкнув, упало, и каменная таблица разлетелась на сотни осколков. Люди в ужасе заломили руки, молча ожидая, что на них рухнут небеса.

Кулл отступил, сверкнув глазами. Вся комната качалась перед его затуманенным взором.

— Я — царь, государство и закон! — прорычал он, схватил похожий на жезл скипетр, лежавший рядом, и, разломив его пополам, отшвырнул обломки.

— Вот что будет моим скипетром! — вскричал Кулл, взмахнув окровавленным топором. Багряные капли окропили придворных. Одной рукой царь ухватил узкий обруч короны и вновь прислонился к стене. Лишь это удержало его от падения, но в его руках еще таилась сила льва.

— Я стану либо царем, либо трупом! — проревел он, и мышцы его вздулись узлами, а глаза страшно блеснули. — Если вам не нравится мое правление — подходите и отберите у меня эту корону!

Сжимая левой рукой корону, он правой вознес над ней грозный топор.

— Сим топором я правлю! Он — мой скипетр! Я сражался и потел не для того, чтобы быть кукольным царьком, каким бы вы хотели меня видеть, и править по-вашему. Теперь я буду править по-своему. Не хотите сражаться — повинуйтесь. Справедливые законы останутся неизменными, а те, что пережили свое время, я уничтожу, как уничтожил вот этот. Я — царь!

Поблудневшие аристократы и испуганные женщины медленно преклонили колени, склонившись в страхе и почтении перед обгаренным кровью гигантом, высившимся над ними с горящими глазами.

— Я — царь!

УДАР ГОНГА

Где-то в горячей красной тьме возникло биение. Пульсирующая каденция, беззвучная, но ощутимая, росла и ширилась в недвижном воздухе. Человек пошевелился, слепо пошарил вокруг себя руками и сел. Сперва ему показалось, что его качают плавные волны черного океана, поднимая и опуская монотонной чередой, что было ему почему-то неприятно. Он ощущал пульсацию и дрожь воздуха и начал двигать руками, словно пловец, пытаюсь побороть эти ускользающие волны. Но вот дрожал ли воздух вокруг него или в его голове? Этого он определить не мог, и у него родилась безумная мысль: уж не заперт ли он в своем собственном черепе?

Пульсация ослабла, сошлась к своему центру, и он сжал руками раскалывающуюся от боли голову, попытавшись вспомнить. Вспомнить что?

— Странно... — пробормотал он. — Кто я или что я? И где? Что случилось и почему я здесь? Может быть, я всегда был тут?

Он поднялся на ноги и попытался оглядеться по сторонам. Кругом царил полная тьма. Он напряг глаза, но не увидел ни проблеска света. Тогда он пошел, поминутно останавливаясь и вытянув перед собой руки, в поисках света, столь же инстинктивных, сколь поиски света пробивающимся ростком.

— Это наверняка не все, — задумчиво прошептал он. — Должно быть что-то еще, — а что отлично от всего этого? Свет! Я знаю — я помню Свет, хоть и не помню, что он такое. Очевидно, я знал иной мир, нежели этот.

Вдали возникло слабое сероватое сияние. Он побежал к нему. Сияние ширилось, пока ему не стало ка-

заться, что он движется по длинному и все время расширяющемуся коридору. Затем он внезапно вырвался в тусклый звездный свет и ощутил лицом холодный ветер.

— Это и есть свет, — пробормотал он. — Но и это еще не все.

У него появилось ощущение, что он находится на огромной высоте. Высоко над его головой, вровень с его глазами и под ним горели среди величественного свечения космического океана огромные звезды. Он задумчиво нахмурился, глядя на них.

Тут он ощутил, что он уже не один. Высокая смутная фигура слабо обрисовалась перед ним в звездном свете. Его рука инстинктивно метнулась к левому бедру, но тут же упала. Он был наг и безоружен.

Фигура приблизилась, и он увидел, что то был человек, по всей видимости глубокий старец, хотя черты лица в слабом свете казались расплывчатыми и обманчивыми.

— Ты новичок здесь? — спросила эта фигура глубоким ясным голосом, похожим на звон нефритового гонга. И при звуке этого голоса в мозг услышавшего его человека тонкой струйкой начала возвращаться память.

Он задумчиво потер подбородок.

— Теперь я вспомнил, — промолвил он. — Я — Кулл, царь Валузии. Но что я тут делаю, безоружный и раздетый?

— Никто ничего не может пронести с собой сквозь Врата, — отозвался другой загадочно. — Подумай, Кулл из Валузии, разве ты не помнишь, как ты явился сюда?

— Я стоял у входа в Зал Совета, — протянул Кулл, припоминая. — Страж на наружной башне как раз ударил в гонг, чтобы отметить истекший час. И тут внезапно звук этого гонга превратился в яростный поток сотрясающего все звука. Все потемнело, и у меня перед глазами на миг вспыхнули красные искры. А потом я проснулся в пещере или каком-то коридоре и уже ничего не помнил.

— Ты прошел Врата. При этом всегда видишь одну лишь тьму.

— Значит, я мертв? Клянусь Валкой, должно быть, какой-нибудь враг затаился за колоннами дворца и по-

кончил со мной, когда я говорил с Брулом, пиктским воином.

— Я не сказал, что ты умер, — отозвалась смутная фигура. — Быть может, Врата еще не полностью затворились. Такое бывало.

— Но что это за место? Рай или ад? Это не тот мир, который я знал с рождения. И эти звезды — я никогда не видел их прежде. Эти созвездия могущественней и ярче, чем те, которые я знал при жизни.

— Есть миры за мирами, вселенные внутри и вне вселенных, — ответил старец. — Ты на иной планете, чем та, на которой был рожден. Ты в иной вселенной и наверняка в ином измерении.

— Тогда я точно помер.

— Что суть смерть, если не переход из вечности в вечность, не переправа через космический океан?

— Если так, то, во имя Валки, где же я? — взревел Кулл, терпение которого наконец истощилось.

— Твой разум варвара цепляется за приметы вещественности, — медленно ответил другой. — Имеет ли значение, где ты, мертв ли ты, как ты это называешь? Ты лишь часть великого океана жизни, омывающего все берега, и ты столь же принадлежишь к одному месту, как и к любому другому, и наверняка стремишься к источнику всего сущего, порождающему все живое. И потому ты привязан к вечной жизни столь же надежно, как дерево, скала, птица или целый мир. И ты еще называешь расставание со своей крохотной планетой, разлуку со своей вещественной формой — смертью!

— Но я по-прежнему обладаю телом.

— Я не сказал, что ты мертв, как ты именуешь это. Что до этого, ты можешь по-прежнему существовать в своем маленьком мире, насколько я могу судить. Существуют миры внутри миров, вселенные во вселенных. Существуют вещи слишком маленькие и слишком огромные для человеческого разумения. Каждый камешек на побережье Валузии содержит в себе бесчисленные вселенные и сам по себе, как целое, является частью великого плана всех вселенных точно так же, как целое солнце, известное тебе. Твоя вселенная, Кулл из Валузии, может быть камешком на побережье великого царства.

Ты сбросил оковы, которыми ограничивала нас плоть. Ты можешь быть во вселенной, образующей драгоценный камень на твоей царской мантии, а возможно, что та вселенная, которую ты знал, может оказаться паутинкой, лежащей на траве у твоих ног. Говорю тебе, время и пространство относительны и на самом деле не существуют.

— А ты, конечно, бог? — спросил с любопытством Кулл.

— Одно лишь накопление знаний и постижение мудрости еще не делает богом, — нетерпеливо ответил другой. — Гляди!

Призрачная рука указала жестом на огромные сверкающие драгоценности, которые были звездами.

Кулл посмотрел и увидел, что они быстро изменяются. Они были в постоянном движении, непрерывно менялся их узор, и этому не было конца.

— «Всечечные» звезды изменяются в своем собственном времени столь же быстро, как возвышаются и приходят в ничтожество народы. Даже сейчас, пока мы смотрим, на этих планетах из первичной слизи возникают разумные существа, восходят долгим медленным путем к высотам культуры и знаний и гибнут вместе со своими умирающими мирами. Все суть жизнь и частицы жизни. Для них это кажется миллионами лет, для нас всего лишь мигот. Все суть жизнь.

Кулл завороченно следил, как огромные звезды и величественные созвездия вспыхивали, тускнели и исчезали, в то время как другие, столь же яркие, возникали на их месте, чтобы в свою очередь исчезнуть.

Затем внезапно горячая красная тьма вновь охватила его, затмив все звезды. Словно сквозь плотный туман он услышал знакомый слабый звук.

Он стоял на ногах пошатываясь. Он увидел солнечный свет, высокие мраморные колонны, и стены дворца, и занавеси на широких окнах, превращавшие лучи солнца в расплавленное золото. Неуверенным движением он быстро ощупал свое тело, обнаружив облегающие его одеяния и меч у бедра. Он был покрыт кровью. Красная струйка текла по его голове из неглубокого пореза. Но большая часть крови на нем и его одеждах не

ЗЕРКАЛА ТУЗУН-ТУНА

Край, унылый как стон. Погружен в вечный сон
Вне пространства и времени он.

Эдгар По*.

Даже царями порой овладевает огромная душевная усталость. Тогда золото трона становится медью, дворцовые шелка — дерюгой. Драгоценности царского венца начинают поблескивать тускло, словно льды замерзшего моря, речь человеческая превращается в побрякивание шутовских бубенчиков, и появляется ощущение нереальности окружающего. Даже солнце видится лишь медяшкой в небесах, и не несет свежести дыхание зеленого океана.

В таком вот настроении и восседал однажды Кулл на троне Валузии. Все разворачивалось перед ним бесконечной, бессмысленной панорамой: мужчины, женщины, жрецы, события и тени событий. Все, чего он добился, и все, чего желал достичь. Все возникло и исчезало, словно тени, не оставляя следа в его душе, лишь принося страшную душевную опустошенность, и все же Кулл не был утомлен. В нем жило страстное желание того, что было выше его самого и выше двора Валузии. Беспокойство росло в нем, и странные, ослепительные грезы рождались в его душе. По его приказу явился к нему Брул Убивающий Копьем, пиктский воин с островов Запада.

— Владыка царь, ты устал от придворной жизни. Отправимся со мной на галере и поборемся немного с бурными волнами.

— Нет. — Кулл в задумчивости оперся подбородком на свою мощную руку. — Я пресыщен всем этим. Города не привлекают меня, и на границах все спокойно. И больше я не слышу песен морей, которые я слышал в реве прибоя, когда лежал мальчишкой под сияющим звездами небом на берегах Атлантиды. Нечто странное

принадлежала ему. У его ног в ужасной алой луже лежало то, что было человеком. Услышанный им звук затихал, рождая отголоски, замиравшие вдали.

— Брул, что это? Что случилось? Где я был?

— Ты едва не отправился во владения старого Владыки Смерти, — отозвался пикт с невеселой ухмылкой, вытирая от крови клинок своего меча. — Этот шпион притаился за колонной и набросился на тебя, словно леопард, когда ты обернулся в дверях, чтобы поговорить со мной. Кто бы ни жаждал твоей гибели, но этот человек должен был обладать огромной властью, дабы послать человека на верную смерть. Не вывернись меч в его руке и не придишь удар вскользь, а не прямо, ты валялся бы сейчас с расколотым черепом, а не стоял тут, обескураженный простой царяпиной!

— Но ведь прошли часы... — пробормотал Кулл.

Брул рассмеялся:

— Твой разум все еще затуманен, владыка царь. С того мгновения, как он бросился на тебя и ты рухнул, до того, как я пронзил ему сердце, никто не успел бы пересчитать пальцы одной руки. А за то время, что ты лежал в своей и его крови, не успел бы перечесть пальцы обеих. Видишь, Ту еще не вернулся с бинтами, а он побежал за ними в тот миг, как ты свалился без памяти.

— Да, ты прав, — отозвался Кулл. — Не понимаю этого, но как раз перед тем, как мне был нанесен удар, я услышал гонг, отбивающий час, и он все еще звенел, когда я очнулся. Брул! Не существует ни времени, ни пространства, ибо я совершил самое долгое в жизни странствие и прожил несчетные миллионы лет, пока звучал удар гонга!

* Перевод Ады Оношковиц-Яцына.

происходит со мной, и меня сжигает жажда, превыше любой земной жажды. Оставь меня.

Брул вышел, полный сомнений, оставив царя погруженным в унылые размышления. И тут к Куллу приблизилась девушка-служанка и прошептала:

— Великий царь, ищи Тузун-Туна, чародея. Он владеет тайнами жизни и смерти звезд в небе и бездн морских.

Кулл глянул на девушку. У нее были волосы как чистое золото, а ее фиалковые глаза были странно скошены к вискам. Она была прекрасна, но Куллу не было дела до ее красоты.

— Тузун-Тун, — повторил он. — Кто это?

— Волшебник Древнего Народа. Он живет здесь, в Валузии, у Озера Видений, в Доме Тысячи Зеркал. Ему все ведомо, владыка царь. Он говорит с мертвыми и ведет беседы с демонами Погибших Земель.

Кулл поднялся на ноги:

— Я поищу этого фигляра. Но помни: ни слова о том, куда я иду, слышишь?

— Твоя рабыня повинует тебе, господин, — сказала она, почтительно опустившись на колени, но, когда Кулл повернулся к ней спиной, на ее алых устах появилась хитрая улыбка, а узкие глаза коварно блеснули.

Кулл пришел к обиталищу Тузун-Туна у Озера Видений. Широко простирались голубые воды этого озера, и много роскошных дворцов высилось на его берегах. Бесчисленное множество прогулочных лодок, украшенных лебедиными крыльями, лениво скользило по тихой глади, и повсюду звучала тихая музыка.

Дом Тысячи Зеркал был высок и просторен, но ничем особенным не выделялся среди других. Огромные двери стояли распахнутыми настежь, так что Кулл взошел по широкой лестнице и вошел в дом, так никого и не встретив по пути. Там, в огромном покое, чьи стены были сделаны из зеркал, он нашел Тузун-Туна, чародея. Человек этот был стар, как горы Зальгары, кожа была сухой и морщинистой, но холодные серые глаза горели блеском стали.

— Кулл Валузский, мой дом — твой, — приветствовал он царя, отвешивая поклон со старомодной учтивостью и жестом приглашая царя опуститься в троноподобное кресло.

— Я слышал, что ты волшебник, — прямо сказал Кулл, подпирая подбородок рукой и устремляя мрачный взгляд на стоявшего перед ним человека. — Можешь ты творить чудеса?

Чародей протянул руку. Его пальцы разжались и сжались, как когти птицы.

— Разве это не чудо, что эта слепая плоть повинует-ся мысленным приказам моего мозга? Я хожу, дышу, говорю — и это истинное чудо.

Кулл поразмыслил немного, а затем спросил:

— Можешь ты вызвать демонов?

— Конечно. Я могу вызвать демона более ужасного, чем все обитатели страны духов, — ударив тебя по лицу.

Кулл дернулся, затем кивнул:

— Ну а мертвые? Можешь ты говорить с мертвецами?

— Я все время говорю с мертвецами, как говорю сейчас с тобой. Смерть начинается с рождением, и любой человек начинает умирать в тот миг, когда появляется на свет. Ты уже мертв, царь Кулл, ибо ты уже родился.

— Ну а ты? Ты старше всех людей, которых я видел. Разве волшебники не умирают?

— Люди умирают, когда приходит их час. Ни раньше, ни позже. Мой час еще не пробил.

Кулл поразмыслил над этими ответами.

— Тогда похоже, что величайший волшебник Валузии лишь обычный человек и я даром потратил время, явившись сюда.

Тузун-Тун покачал головой:

— Люди — не более чем люди, и величайшие из них те, кто быстрее всего познает самые простые вещи. Посмотри-ка лучше в мои зеркала, Кулл.

Потолок и стены состояли из множества зеркал, точно подогнанных друг к другу, хотя и самых различных форм и размеров.

— Зеркала — это целый мир, Кулл, — с глубоким убеждением сказал волшебник. — Посмотри в мои зеркала и постигни мудрость.

Кулл выбрал одно наугад и пристально уставился в него. Зеркала на противоположной стене, отраженные в нем, отражали другие, так что ему казалось, что перед ним протянулся длинный светящийся коридор, образо-

ванный отражениями, в дальнем конце которого двигалась крохотная фигурка. Кулл долго разглядывал эту картину, пока не сообразил, что фигурка была его собственным отражением. Он продолжал вглядываться, и его охватила странная досада. Ему показалось, что эта крохотная фигурка была им самим, подлинным Куллом, уменьшенным расстоянием. Поэтому он отошел от зеркала и встал перед другим.

— Гляди внимательно, Кулл. Это зеркало прошлого, — услышал он слова волшебника.

Серый туман струился перед ним, клубился, растекаясь и меняясь, словно призрак огромной реки. В его просветах Куллу раскрывались отрывочные странные и ужасные видения. Люди и звери кишели там, а также и фигуры, не похожие ни на людей, ни на зверей. Огромные экзотические цветы ярко светились в серой мгле, высокие деревья тропиков возвышались над зловонными болотами, где с ревом барахтались огромные рептилии. Небо закрывали крылья летающих драконов, а не знающие покоя моря обрушивались ревушими валами на болотистые побережья. Человека еще не существовало, он был лишь сонной грезой богов, и странными были те кошмарные фигуры, что бродили по шумным джунглям. Там были схватки, и пожирание, и дикая любовь, и смерть была там, ибо жизнь и смерть всегда идут рука об руку. Над покрытыми слизью пологими берегами звучало рычание чудовищ, и неописуемые твари бродили под непрерывно струящимся дождем.

— А вот это — зеркало будущего.

Кулл заглянул в него молча.

— Что ты видишь?

— Станный мир, — с трудом выдавил из себя Кулл. — Семь Империй обратились в прах и позабыты. Зеленые волны простираются над бездной, поглотившей вечные холмы Атлантиды, а горы Лемурии на западе стали островами неведомого моря. Странные дикари бродят по старым землям, а новые страны поднимаются из глубин. Древние святилища осквернены. Валузия исчезла с лика земли, а вместе с ней и все сегодняшние народы, те же, что пришли на их место, — чужеземцы. Они не помнят о нас.

— Время шагает вперед, — сказал Тузун-Тун тихо. — Мы живем сегодня. Зачем нам заботиться о завтрашнем дне или вспоминать о вчерашнем? Колесо вертится, и народы возносятся и исчезают, мир изменяется, и человечество возвращается к дикости для того лишь, чтобы вновь возвыситься столетия спустя. Еще до возникновения Атлантиды Валузия уже существовала, а до Валузии существовали Государства Древних. Да, мы тоже шли к высотам по следам предшествовавших нам исчезнувших племен. Ты, пришедший с зеленых приморских холмов Атлантиды, дабы завоевать древнюю корону Валузии, ты считаешь мое племя древним, ибо мы владели этими землями еще до того, как валузийцы пришли с востока, в те дни, когда еще не появились люди в странах моря. Но люди были здесь и тогда, когда Племена Древних пришли сюда с пустошей, а перед теми людьми были и другие, и племя сменяло племя. Народы уходят, и их забывают, ибо такова судьба человеческая.

— Да, — сказал Кулл. — Но разве не жаль, что красота и слава человека обречена исчезнуть, словно дымок над летним морем?

— Зачем жалеть, раз такова их судьба? Я не скорблю о былой славе моего народа, не тружусь ради тех народов, которым суждено прийти. Живи сегодняшним днем, Кулл, живи сегодняшним днем. Мертвые мертвы, а неродившиеся еще не существуют. Что тебе до того, что люди позабудут тебя, раз ты сам позабудешь себя в молчащих мирах смерти? Смотри в мои зеркала и будь мудр.

Кулл повернулся к другому зеркалу и заглянул в него.

— Это зеркало величайшего волшебства. Что ты видишь в нем, Кулл?

— Ничего, кроме себя самого.

— Приглядишься внимательно, Кулл. Это и вправду ты?

Кулл вгляделся в огромное зеркало, и его двойник глянул на него из туманных глубин.

— Встав перед этим зеркалом, я вызвал этого человека к жизни, — задумчиво прошептал Кулл, уперев подбородок в кулак. — Это выше моего разумения, ибо впервые я увидел его в спокойных водах озер Атлантиды, а потом часто встречал его взгляд в оправленных золотом зеркалах Валузии. Он — я, тень меня самого,

часть меня. Я могу призвать его к существованию или заставить исчезнуть по моей воле. И все же...

Он замолчал. Странные мысли кружились в его мозгу, словно призрачные летучие мыши во тьме пещеры.

— И все же, где он, когда я не стою перед зеркалом? Разве может человек так легко создать и уничтожить тень жизни и существования? Откуда я знаю, что, когда я отохожу от зеркала, он исчезает в бездне Несуществования? И, клянусь Валкой, кто из нас настоящий человек? Кто из нас лишь призрак другого? Быть может, эти зеркала — только окна, сквозь которые мы смотрим в другой мир. Думает ли он то же, что и я? Быть может, я для него лишь тень, отражение самого себя, как он для меня. И если я — всего лишь призрак, что за мир существует по другую сторону зеркала? Какие воинства сражаются там и какие цари правят? Этот мир — все, что я знаю. А ничего не ведая о каком-либо другом, как могу я судить об этом? Наверное, там зеленеют холмы и гремят прибоем моря и на широких равнинах люди скачут на битву. Скажи мне, о обладатель высшей мудрости, существуют ли иные миры, помимо нашего?

— Человеку даны глаза, чтобы видеть, — отозвался чародей. — Но чтобы увидеть, надо сперва поверить.

Текли часы, а Кулл все еще сидел перед зеркалами Тузун-Туна, пристально вглядываясь в то, где отражался он сам. Иногда ему казалось, что он всматривается в мелкую воду, еле покрывающую мель, а иногда взгляд его тонул в неизмеримых безднах. Поверхности моря было подобно зеркало Тузун-Туна. Оно то переливалось сверкающей рябью, как море под косыми лучами солнца или звезд ночи, когда никто не может проникнуть взглядом в его глубины, то было прозрачным, как то же море под прямым светом, когда у наблюдателя захватывает дыхание при виде неимоверных бездн, открывающихся его взгляду. Вот каково было то зеркало, в которое вглядывался Кулл.

Наконец царь со вздохом встал и удалился. И он вновь вернулся в Дом Тысячи Зеркал, и день за днем приходил туда и сидел часами перед зеркалом. Его взгляд встречал взгляд отражения, на него смотрели его собственные глаза, и все же Куллу казалось, что он чув-

ствует какое-то отличие — действительность, не принадлежащую ему. Час за часом пристально вглядывался он в зеркало, час за часом отражение вглядывалось в него.

Государственные дела были заброшены. Люди перешептывались, жеребец Кулла скучал в стойле, а воины Кулла, распустившись, беспечно препирались друг с другом. Куллу ни до чего не было дела. По временам ему казалось, что он стоит на грани открытия некоей огромной, невообразимой тайны. Он больше не думал об отражении в зеркале как о тени самого себя. Оно стало для него личностью, подобной ему внешне, но столь же далекой внутренне, как далеки полюса. Ему казалось, что отражение обладает собственной индивидуальностью, что оно не более зависит от него, чем он — от отражения. И день за днем Кулл становился все менее уверенным в том, в каком из миров он живет. Не был ли он лишь призраком, вызванным по воле другого? Не он ли сам жил в мире отражений, в мире призрачном, а не реальном?

У Кулла появилось желание пройти самому сквозь зеркало, чтобы повидать этот иной мир, но, удайся ему пройти сквозь эту дверь, смог бы он возвратиться или нет? Обнаружил бы он там такой же мир, как его собственный? Мир, чьим призрачным отражением был знакомый ему мир? Что было действительностью, а что — иллюзией?

Временами Кулл, словно придя в себя, дивился, как такие мысли и грезы могли прийти ему в голову, а по временам задумывался и над тем, рождаются ли они в его собственном сознании по его желанию или... Здесь его мысли начинали путаться. Его размышления были его собственными, никто не управлял его мыслями, и эти мысли были даже приятны ему, но хотел ли он этого? Не прилетали ли они и не улетали, как летучие мыши, не ради его удовольствия, а по приказу или воле... Кого? Богов? Женщин, прядущих нити судьбы? Кулл так и не пришел ни к какому заключению, ибо чем дальше он углублялся в рассуждения, тем больше плутал в глухом лабиринте запутанных суждений. Ни разу он не отдавался полностью этим мыслям, но теперь они преследовали его во сне и наяву, так что временами ему

казалось, что он блуждает в тумане, и сны его были насыщены странными, чудовищными кошмарами.

— Скажи, волшебник, как я могу пройти эту дверь? — сказал он однажды, сидя перед зеркалом и вперив взгляд в отражение. — Ибо воистину я уже не знаю, какой из миров призречен, а какой реален. Должно же то, что я вижу, где-то существовать.

— Смотри и верь, — ответил волшебник. — Человек должен верить, дабы достичь своей цели. Форма суть лишь тень, вещественность ее — иллюзия, а действительность — сон. Человек существует, ибо верит, что он существует. И что такое человек, если не сонная греза богов? И все же человек может стать тем, кем он хочет быть. Форма и вещественность — иллюзии. Разум, личность, сущность грезы божества — вот что реально, вот что бессмертно. Смотри и верь, если ты хочешь достичь своей цели, Кулл.

Царь не вполне уразумел, что он хотел этим сказать. Он никогда не понимал до конца загадочных изречений чародея. Однако они находили смутный отзвук в его душе. Поэтому день за днем сидел он перед зеркалами Тузун-Туна, и всегда волшебник возникал, словно тень, за его спиной.

И вот настал день, когда Куллу показалось, что перед ним на мгновение промелькнули странные земли, пробуждавшие в нем смутные мысли и воспоминания. День за днем его связь с миром становилась все слабей. С каждым прошедшим днем окружающее начинало казаться все более призрачным и нереальным. Реальным был лишь человек в зеркале. Теперь Кулл ощущал, что он стоит на пороге неких величественных миров. Ему смутно виделись какие-то блистательные зрелища, туманная дымка постепенно таяла. «Форма — лишь тень, вещественность — иллюзия, все это — лишь призраки», — доносилось до него издали, из-за горизонта страны его сознания. Он припомнил слова волшебника, и ему показалось, что теперь он начинает понимать их. Форма и вещественность... Не может ли он по собственному желанию изменить себя, если отыщет ключ к этой двери? Какие миры ожидают храброго пришельца?

Казалось, что человек в зеркале улыбается ему. Его лицо было все ближе, ближе... Туман закрыл все, и отражение внезапно исчезло. Кулл почувствовал, что он падает, изменяется, тает...

— Кулл! — Вопль раздробил тишину на бесчисленные острые осколки.

Горы обрушились и миры содрогнулись, когда Кулл сверхчеловеческим усилием бросился назад, на этот крик, сам не зная зачем и почему.

Грохот обвала стих, и Кулл оказался в покоях Тузун-Туна перед расколотым зеркалом, смятенный и наполовину ослепший от потрясения. Перед ним лежало тело Тузун-Туна, чей час наконец пробил, а над телом стоял Брул Убивающий Копьем. С меча его капала кровь, а глаза округлились от ужаса.

— Валка! — воскликнул воин. — Вовремя же я пришел!

— Да, но что случилось? — Способность говорить с трудом возвращалась к нему.

— Спроси эту предательницу, — ответил пикт, указывая на девушку, застывшую в ужасе перед царем. Кулл узнал в ней ту, которая впервые направила его к Тузун-Туну. — Когда я вошел, я увидел, что ты таешь в этом зеркале, как дым в небе. Клянусь Валкой! Если бы я не видел этого своими глазами, я и сам бы, наверное, не поверил. Ты почти испарился, когда мой крик вернул тебя назад.

— Да, — пробормотал Кулл. — Я был уже почти по ту сторону двери.

— Этот мерзавец сработал все очень ловко, — сказал Брул. — Разве ты не видишь теперь, как он оплетал тебя паутиной чар? Каанууб Блаальский сговорился с этим чародеем, дабы он покончил с тобой, а эта шлюха, девчонка Древнего Народа, заронила в твою голову мысль, что ты должен прийти сюда. Не знаю, что ты видел в этом зеркале, но с его помощью Тузун-Тун чуть не поработил твою душу и едва не развеял своими чарами твоё тело.

— Да. — Сознание Кулла все еще было затуманенным. — Но ведь он был чародеем, обладавшим знанием всех веков и презиравшим золото, славу и положение

ние. Что мог пообещать Тузун-Туну Каанууб, дабы тот пошел на грязное предательство?

— Золото, власть и положение, — буркнул Брул. — Чем скорее ты поймешь, что люди — всего лишь люди, будь то волшебники, цари или рабы, тем лучше ты будешь править, Кулл. А с ней что будем делать?

— Ничего, Брул, — промолвил царь, глядя, как девушка сотрясается от рыданий у его ног. — Она была лишь орудием. Встань, дитя, и ступай с миром. Никто не причинит тебе вреда.

Оставшись наедине с Брулом, Кулл бросил последний взгляд на зеркала Тузун-Туна:

— Быть может, он и был заговорщиком и пытался околдовать меня, Брул... Нет, я верю тебе, и все же... Было это лишь его колдовством, чуть не заставившим меня растаять, или я стоял на пороге тайны? Не вытаски ты меня, рассеялся бы я легким дымком или попал бы в иной мир?

Брул скользнул взглядом по зеркалам и пожал плечами, как если бы его передернуло:

— Да, Тузун-Тун скопил здесь мудрость всех преисподних. Идем-ка отсюда, Кулл, а не то они околдуют и меня.

— Ну что же, идем, — ответил Кулл, и бок о бок вышли они из Дома Тысячи Зеркал. Зеркал, в которых, возможно, были заключены человеческие души.

Никто уже не глядит теперь в зеркала Тузун-Туна. Прогулочные лодки избегают того берега, где стоит обиталище чародея, и никто не входит в этот дом или ту комнату, где высохший и сморщенный труп Тузун-Туна лежит перед зеркалами иллюзий. Место это считается проклятым, и, пусть даже дом простоят еще тысячу лет, человеческие шаги никогда не разбудят эха в его пустых покоях. И все же Кулл на своем троне часто размышляет над странной мудростью и нераскрытыми тайнами, таящимися там, и думает, что хотел бы убедиться...

Ибо Кулл знает, что помимо нашего существуют иные миры и пытался ли волшебник околдовать его словами или гипнозом или нет, но многое открылось взору царя за той странной дверью, и Кулл уже далеко не так уверен в реальности окружающего, с тех пор как он заглянул в зеркала Тузун-Туна.

ВАЛУЗИЯ

Когда на гребне вала мятежа
Вознесся я на трон владык валузских,
Убил тирана и с его главы
Сорвал корону древних властелинов,
То вместе с ней сорвал я и тебя,
Как спелый плод, созревший, сочный, сладкий,
Мой давний сон, заветная мечта,
Валузия, великая держава.
Ни разу не был в женщину влюблен,
И вот теперь, как в женщину, влюбился
В тебя одну, Валузия моя,
Страна-колдунья... Ты — владенье снов,
Очарований, чар и чародейства,
Край призраков, теней забытых царство!
Я — Кулл! Я — царь! Тобой владеть я буду,
Как долженствует мужу и царю.
Я всю тебя возьму: твои просторы,
Богатства, тайны древние твои,
Труды людей, сокровищ древних клады,
Проклятья магов, знания мудрецов,
Дворцы, руины, храмы, города,
Долины, горы, реки и ущелья,
Все песни ветра, голоса лесные
И солнца луч на чашечке цветка.
Я все тебе отдам: мою отвагу,
Мой меч, мой разум, душу, плоть и кровь!
Валузия моя, моя любовь...

ЦАРЬ И ДУБ

Тонуло солнце в закатной крови, и ночь вставала стеной.
С мечом на поясе ехал царь глухой дорогой лесной.
Кружили коршуны в вышине, в небесах несли караул,
И миру ветра разносили весть: «Вот к морю едет царь Кулл!

Утонуло солнце в своей крови, погребальным костром горя,
И встал серебряный череп луны, чары свои творя.

И в свете призрачном ожил лес, словно духов зловещих рати
Которую демоны лунных чар сумели в ночи собрать.

Да, ожил каждый душлистый ствол, любой узловатый сук,
И деревья ветви тянули к царю, точно тысячи жадных рук.

Тут, вырвав корни свои из земли, будто восставший труп,
Шагнул и Кулла путь преградил старый могучий дуб.

На лесной дороге схватились они, царь и ужасный дуб.
Был безмолвен бой, и лишь хрип порой срывался у Кулла
с гу

Ведь были тут не нужны слова и бессильна людская речь,
И игрушкой жалкой в стальной руке верный сломался меч.

А леса сумрачный хор им пел напев, леденящий кровь:
«Мы правили здесь до прихода людей, и править мы будем
вновь

Исчезнет в безвременье древний мир... Ведь кто силен, тот
и пра
Вот так пред воинством муравьев склоняется царство трав.

До рассвета длилась эта борьба, как жуткий ночной кошмар,
И Кулла ужас вдруг охватил пред силою древних чар.

Но утро пришло, и вот уж заря улыбнулась спящей земле,
И были руки его в крови на холодном мертвом стволе.

Очнулся он. Свежий ветер гнал зеленого леса шум,
И молча Кулл продолжил свой путь, полон глубоких дум.

ТВАРЬ ИЗ МОРЯ

Это было у края земли, где вели
Твердь и море извечный свой спор,
Там, где волны на приступ, как воины, шли,
Покидая родимый простор.

Вал за валом вставал, словно смерти искал,
Разбиваясь о берег морской.
Ехал берегом Кулл меж утесов и скал,
Непонятной охвачен тоской.

Ехал вслед за царем на буланом коне
Сам прославленный Брул Копьебой,
Размышляя о долгой, жестокой войне,
Вспоминая последний свой бой.

Тучи тучными тушами в небе ползли,
И пучина была глубока,
И утесы — гранитные кости земли —
Подымались кругом из песка.

И решил отдохнуть у подножья тех скал
Истомленный усталостью Кулл..
Брул костер разложил и коней расседлал,
Царь прилег на песок и уснул.

Резко чайки кричали, и бился прибой
В берега, как и будет вовек..
И увидел такое тут Брул Копьебой,
Что еще не видал человек.

Выходила из моря живая гора,
Непомерно огромная тварь,
Направляясь туда, где лежал у костра
Мирно спящий Валузии царь.

Все выше и выше со мрачного дна
Возносясь над бурлящей водой,
Неотвратно, как смерть, приближалась она,
Черной глыбой среди пены седой.

Вот пала на берег гигантская тень.
— Валка! — только и выдохнул Брул,
И от этого звука, как чуткий олень,
Вмиг вскочил пробудившийся Кулл.

Распрявился пружиной — и меч наголо!
В сердце кровь, как огонь, горяча...
Солнце тусклое бледное пламя зажгло
На клинке боевого меча.

Был могучим размах развернувшихся плеч,
Но раздался лишь скрежет и звон.
Выбил искры из шкуры чудовища меч,
Словно в камень ударился он.

Точно адский огонь чешуя горяча
И тверда, словно вечный гранит.
От зубов и клыков, от огня и меча
Жизнь чудовища верно хранит.

А оно облизнулось, смотря на царя
Как на некую редкую сласть.
Запылали глаза, дикой злобой горя,
И разверзлась ужасная пасть.

Нависало над ними оно, как гора,
Выше скал всех на добрую треть,
И подумал тут Брул, что, как видно, пора
Им обоим пришла умереть.

Кулл увидел, что меч чешую не берет.
Охватил его яростный гнев,
И могучим прыжком он рванулся вперед,
В пасть врага, словно бешеный лев.

Меч вонзился в живую упругую плоть
— В тот удар Кулл все силы вложил —
И все глубже входил, и добрался он вплоть
До сплетения жизненных жил.

Испустила тут тварь оглушительный вой,
Пал ничком обезумевший Брул,

И из пасти отверстой явился живой
Царь Валузии, яростный Кулл.

Следом хлынула кровь, как пурпурный сок,
И кровавым заката был луч,
Что окрасил внезапно холодный песок,
Пробиваясь меж сумрачных туч.

И следили они, жажда смерти врагу,
Пикт отважный и доблестный царь,
Как под грохот валов на пустом берегу
Издыхает ужасная тварь.

А потом оседлали горячих коней
И поехали медленно прочь.
И шумела пучина. И чайки над ней
Замолчали. И близилась ночь.

МОЛИТВА ВОИНА

Мы в поход идем, на Змея
Ополчившись, и как встарь
Возглавляет наше войско
Грозный Кулл — наш славный царь.

Скачет в латах и короне,
Плащ струится с мощных плеч,
И на поясе сверкает
Золотой насечкой меч.

Скачет царь, грозе подобен.
Годы мира позади.
Твердь ложится под копыта,
Знамя вьется впереди.

Милости неба даря,
Валка, храни ты царя!

Скачем следом за царем мы,
Каждый вплоть до пят одет

В ужасающе прекрасный
Боевой кровавый цвет.

Не найти нам в битве равных,
Верной гвардии царя,
Имя Алые Убийцы
С честью носим мы не зря.

Скачут Алые Убийцы,
Край родимый позади.
Твердь ложится под копыта,
Злая сеча впереди.

Валка, в огне и крови
Милость свою нам яви!

Вслед за нами рысью скачет
Грозных воинов отряд.
Как валы седого моря,
Мчатся в бой за рядом ряд.

Хоть сражаются за деньги,
Но надежны, точно твердь,
Устрашившись, их обходит
Стороною даже смерть.

Скачут молча и упрямо.
Годы службы позади.
Твердь ложится под копыта.
Что-то ждет их впереди?

Валка, помилуй ты их,
Воинов верных твоих.

Вслед за ними скачут пикты
В черной коже вместо лат.
В их руках злоеце блещет
Круто выгнутый булат.

Горделиво пикты скачут,
Их ведет суровый Брул,
А его не даром другом
Называет грозный Кулл.

Словно ветер, скачут пикты.
Пыль клубится позади.
Твердь ложится под копыта.
Бой кровавый впереди.

Валка, на долгие дни
Брула ты нам сохрани!

Трепещите, слуги Змея!
Пробил ваш последний час.
Всю скопившуюся ярость
Мы на вас обрушим враз.

Скоро с вами мы сойдемся.
Закипит кровавый бой.
Грозный меч владыки Кулла
Станет вашей судьбой.

Скачем смело мы в сраженье.
Дом родимый позади.
Твердь ложится под копыта.
Знамя Кулла впереди.

Валка! Ты, войско храня,
Не позабудь и меня.

ЖАЛОБА СТАРОГО КОРАБЛЯ

Осторожнее тут, на прогнившем и грязном причале,
Где меж черными сваями мертвенно стынет вода.
Это я, «Покоритель морей». Вы меня не узнали?
Да и как тут узнать, если прошлое съели года...

Был я гордым и стройным пенителем синего моря,
Самым лучшим во флоте могучем владыки-царя.
Побеждал я всегда, и с врагами, и с бурями спора.
Люди «Гордостью Кулла» меня называли не зря.

Царь стоял на корме или на кнехте сидел, как на троне,
Вперив взор в океан, словно видел за ним он врага.

Жарко плавился полдень, и камни сверкали в короне,
И блестели суровою сталью на шлеме рога.

С ним мы плыли бесстрашно на поиски стран небывалых,
Где под яростным солнцем из швов выступала смола,
И нездешние волны качали там чаек усталых,
И нездешние звезды гляделись в морей зеркала.

По ночам выплывали из бездны, страшны, как кошмары,
Твари, коим и имени нет. Кулл рубил их с плеча.
И акулы размером с кита, и гиганты кальмары
Стали добычей его гарпуна и меча.

Мы великого Змея Морского видали однажды,
Нам встречались не раз в небе призраки странных судов.
В мертвом штиле на южных морях мы томились от жажды,
Замерзали на севере, в царстве сверкающих льдов.

Бури грозно рычали, и мчали меня, и качали.
Налетал вдруг свирепо стремительный яростный шквал,
Злобно щерились рифы, и некуда было причалить,
И вставал, надвигаясь, девятый погибельный вал.

Ветер странствий нас звал за собой. Зову властному внимля,
Мы прошли все моря, повидали мы все берега
И в бескрайнем просторе нашли неизвестные земли,
Те, куда не ступала доселе людская нога.

Мы вернулись с победой, омывшись в соленой купели,
Облачивши во плоть дерзновенные Кулла мечты.
Звуки труб золотых нам великую славу пропели,
И встречая нас, с берега люди кидали цветы...

А теперь в мертвой гавани я, точно труп на кладбище,
Средь гниющих собратьев моих, кораблей боевых.
Я, подохший в канаве, ограбленный временем нищий,
О котором не вспомнит никто в светлом мире живых.

Тишина и тоска. Только звезды далекие блещут.
Молча стынет вода, равнодушна, мертва, холодна.
Да пришедшая с моря в бок гулкого трюма зловеще
Постучится порой, словно вестница смерти, волна.

СОДОМОН Кейн

ПЕРЕСТУК КОСТЕЙ

— Эй, хозяин!..

Зычный оклик нарушил давящую тишину и раскатился по черному лесу, порождая зловещее эхо.

— Не больно-то приветливое местечко, — прозвучал второй голос.

Двое мужчин стояли перед дверью таверны, затерявшейся в лесной чаще. Приземистый дом, низкий и длинный, был сложен из тяжеловесных бревен. Маленькие окна были забраны частыми решетками, а дверь заперта. Повыше двери красовалась вывеска, изрядно полаялая, но от этого не менее зловещая: расколотый череп.

Наконец дверь медленно отворилась, и наружу выглянула бородатая физиономия. Потом бородач отступил назад и жестом пригласил посетителей внутрь. Жест казался скорее вынужденным, чем радушным.

Внутри дома обнаружился тлеющий очаг и свеча, мерцавшая на столе.

— Ваши имена? — коротко осведомился хозяин.

— Соломон Кейн, — отвечал тот из двоих, что был повыше ростом.

— Гастон Л'Армон, — столь же немногословно представился второй. — Но что тебе, любезный, до наших имен?

— В Черном Лесу проезжие наперечет, — буркнул хозяин. — А вот бандитов — хоть отбавляй. Садитесь вон за тот стол, сейчас поесть принесу.

Мужчины сели за стол. Оба держались с видом бывалых путешественников, одолевших немалые расстояния. Один из двоих был худ и высок, в мягкой шляпе без перьев и аскетически простом черном одеянии, которое еще больше подчеркивало угрюмую бледность не-

улыбчивого лица. Второй странник выглядел прямой противоположностью первому. Сплошные перья и кружева, правда несколько помятые в дороге. Лицо у него было нагло-красивое, а глаза все время бегали, ни на мгновение не оставаясь в покое.

Хозяин поставил на грубо отесанный стол еду и вино и отступил в потемки, сам превратившись в какую-то хмурую тень. Черты его лица то расплывались, поглощенные темнотой, то вырисовывались неестественно ярко, когда на них падал ответ пламени, метавшегося в камине. Впрочем, борода, гущиной своей скорее напоминавшая звериный мех, все равно не давала толком ничего рассмотреть. Разве только длинный крючковатый нос, нависавший над бородой, да пару красноватых глаз, что следили, не мигая, за двоими постояльцами.

— Сам ты кто таков? — вдруг спросил его младший из двоих.

— Хозяин таверны «У Расколотого Черепа», — прозвучало в ответ. Тон, которым это было сказано, у человека более робкого враз отбил бы всю охоту к дальнейшим расспросам. Л'Армон, однако, ничуть не смутился:

— И много ли народу у тебя останавливается?

— Немногие появляются во второй раз, — проворчал хозяин.

Кейн вздрогнул и прямо посмотрел в маленькие красные глазки, словно угадывая в его словах некий скрытый смысл. Глаза, тлевшие злым огнем, поначалу как будто расширились, но под холодным взглядом англичанина хозяин тут же потупился.

— Я, пожалуй, пойду лягу, — решительно сказал Кейн, приканчивая свой ужин. — Мне завтра на рассвете вставать.

— Мне тоже, — присоединился француз. — Ну, хозяин, показывай наши покои!

И двое отправились вслед за молчаливым хозяином по длинному полутемному коридору, провожаемые непроглядными тенями, корчившимися на стенах. Их провожатый нес в руке маленькую свечку, и оттого казалось, будто его коренастое полное тело расплылось еще больше, отбрасывая длинную угрюмую тень.

Он остановился у одной из дверей, показывая, что им предстояло заночевать здесь. Они вошли. Хозяин зажег в комнате свечку от той, которую принес, и удалился, оставив их наедине.

Двое гостей посмотрели сперва кругом, потом друг на друга. Вся обстановка комнаты состояла из двух коек, пары стульев и тяжелого стола.

— Нельзя ли как-нибудь запереть эту дверь? — сказал Соломон Кейн. — Признаться, наш хозяин не внушает мне большого доверия.

— По крайней мере рейка и ушки для засова здесь есть, — сказал Гастон. — Но где сам засов?

— В конце концов, можно разломать стол и заложить дверь деревяшкой... — задумался Кейн.

— Mon Dieu! — вырвалось у Л'Армона. — Как ты, однако, робок, мой друг!

Кейн нахмурился и довольно резко ответил:

— При чем тут робость? Просто не хочу, чтобы меня зарезали спящего!

— Клянусь моей верой! — расхохотался француз. — Ты ведь и меня первый раз видишь. Мы никогда не встречались, пока я не нагнал тебя в лесу нынче вечером, за час до заката...

Кейн покачал головой:

— Ошибаешься. Я где-то видел тебя раньше... но вот где и когда, сказать не берусь. Что же касается нашего хозяина... я не люблю пустых подозрений и всякого человека считаю честным, пока доподлинно не удостоверюсь в обратном. А кроме того, я вообще-то очень чутко сплю. И притом обычно кладу пистолет под подушку...

Француз вновь засмеялся:

— Я и то думаю, как это месье не боится спать в одной комнате с незнакомцем... Ха-ха!.. Ну что ж, друг англичанин, делать нечего, пошли позаимствуем засов в одной из соседних комнат!

И они, взяв с собой свечку, выбрались в коридор. В доме царил полная тишина. Лишь красноватое пламя фитилька недобро подмигивало в густой темноте.

— Других постояльцев здесь нет, не видно и слуг, — пробормотал Соломон Кейн. — Странная таверна... Как

бишь она называется? В немецком я не очень силен! ах да! «Расколотый Череп». Веселенькое название...

Они заглянули в комнаты, соседние с их собственной, но не нашли ни одного засова, который можно было бы вытащить. Продолжая поиски, они добрались до самой дальней из комнат, расположенной в конце коридора. В отличие от других, эта дверь была заперта снаружи с помощью тяжелого бруса, вставленного одним концом в паз на стене. Путешественники вынули брус и вошли внутрь.

— Здесь полагалось бы быть окну наружу, но его нет, — пробормотал Кейн. — Смотри!

Комната была обставлена в точности как другие, но пол ее покрывали зловещие потеки. Стены и одна кровать были изрублены буквально в щепки.

— Да здесь, я смотрю, людей убивали! — хмуро заметил Кейн. — А вон там — что это такое? Щеколда, приделанная прямо к стене?..

— И крепко приделанная, — подтвердил француз, подергав запор. — Она...

Но тут целый кусок стены отошел в сторону наподобие двери, и у Гастона вырвалось невнятное восклицание. Перед ними предстала маленькая потайная комната. Двое мужчин склонились над жуткими останками, лежавшими на полу.

— Человеческий скелет! — определил Гастон. — Смотри, да он за ногу к полу прикован! Его заточили здесь, беднягу, и держали, пока он с голодухи не помер!

— Нет, — сказал Кейн. — Видишь, у него череп расколот. Ох, сдается мне, неспроста наш хозяин дал своему адскому заведению такое название! Думается, этот несчастный был путешественником вроде нас, которому довелось угодить в лапы к чудовищу...

— Похоже, — согласился Гастон, впрочем без всякого интереса. От нечего делать он пытался стащить железное кольцо с ножных костей скелета. Это ему не удалось, и тогда, вытащив меч, он одним замечательно сильным ударом рассек цепь, соединявшуюся со вторым кольцом, глубоко вделанным в бревна пола. — И на что ему понадобилось приковывать к полу скелет? — задум-

чиво проговорил француз. — Monbleu! Хорошая цепь, могла бы для какого дела сгодиться. Ну что ж, месье! — иронически обратился он к белевшей на полу кучке костей. — Я освободил вас, ступайте, куда пожелаете!

— Оставь! — неодобрительно прозвучал низкий голос Кейна. — Насмешки над мертвыми не доводят до добра!

— Никто не мешает мертвому постоять за себя, — засмеялся Л'Армон. — Что до меня, я, право, не знаю как, но уж как-нибудь да убил бы человека, отнявшего у меня жизнь! Хотя бы мне для этого пришлось подниматься с океанского дна!..

Кейн прикрыл за собой дверцу потайной комнаты и направился к выходу. Ему никогда не нравились подобные разговоры, отдававшие ведовством и бесовщиной. К тому же он собирался без промедления призвать хозяина таверны к ответу за преступление, когда-то совершенное в этих стенах.

Но едва он повернулся к французу спиной, как его шею коснулась холодная сталь. И он понял, что ему уперлось в основание черепа дуло пистолета Л'Армона.

— Стоять смирно, месье! — прозвучал тихий вкрадчивый голос. — Стоять смирно, а не твои небогатые мозги разлетятся по стенкам...

Что оставалось пуританину? Только внутренне кипеть, стоя с поднятыми руками. Л'Армон тем временем деловито вытаскивал его пистолеты и рапиру из ножен.

— Теперь можешь повернуться, — сказал Гастон и отступил прочь.

Кейн повернулся и вперил мрачный взгляд в щеголя: тот стоял с непокрытой головой, держа в одной руке шляпу, а другой направляя на него длинноствольный пистолет.

— Гастон по прозвищу Мясник! — хмуро проговорил англичанин, вспомнив наконец, где он видел это лицо. — Ты прав, я полный дурак: вздумал доверяться французам!.. А ты далеко забрался, душегуб. Теперь, когда ты снял свою широкополую шляпу, будь она неладна, я тебя признал. Я тебя видел в Кале несколько лет назад...

— Точно. Зато теперь ты меня больше никогда не увидишь, потому что... Э, а это еще что такое?

— Крысы заинтересовались скелетом, — сказал Кейн. Он смотрел на бандита ястребом, ожидая, чтобы у того хоть на мгновение дрогнула рука, державшая пистолет. — То, что ты слышал... просто перестук костей.

— Да, похоже, — согласился Гастон. — А теперь вот что, месье Кейн. Я знаю, что у тебя с собой кругленькая сумма денег. Я собирался подождать, пока ты заснешь, и тогда уже прикончить тебя. Но случай представился несколько раньше, и я поспешил им воспользоваться. Благо обмануть тебя оказалось проще простого...

— Мне и в голову не приходило опасаться человека, с которым я преломлял хлеб, — ответил Кейн, и в голосе его прозвучали нотки разгоравшейся ярости.

Грабитель бесстыдно расхохотался. Потом прищурил глаза и начал медленно отступать к наружной двери. Кейн непроизвольно напрягся всем телом, подобравшись точно волк перед прыжком. Увы! Рука Гастона была тверда, и черное дуло продолжало неотступно следить за пуританином.

— И чтобы мне никаких предсмертных бросков после выстрела, месье, — сказал Гастон. — Стоять смирно, говорю! Я видел, как умирающие еще умудрялись убить, и собираюсь отойти на достаточное расстояние, чтобы этого не произошло. Клянусь верой! Я выстрелю, и ты, конечно, взрвешься и бросишься, да только помрешь прежде, чем успеешь до меня дотянуться. А у нашего дражайшего хозяина в потайном чулане прибавится еще один скелет, ха-ха. Ну то есть, конечно, если я сам его не грохну. Этот идиот не знает меня, а я его и недавно, но тем не менее...

Француз уже стоял в дверях и целился в Кейна из пистолета. Свеча, прилепленная в стенной нише, озаряла комнату неверным мерцающим светом, едва достигавшим порога. И вот оттуда, из темноты, со смертоносной внезапностью выросла огромная расплывчатая тень, и сверху вниз устремилось блестящее лезвие. Француз грохнулся на колени, точно бык на бойне, и из разрубленного черепа хлынул мозг. Над ним, гро-

моздкий и жуткий, возвышался хозяин таверны. В руках у него был окровавленный тесак, отнявший жизнь у Л'Армона.

— Хо-хо!.. — проревел он, обращаясь к пуританину. — А ну назад!..

Кейн прыгнул вперед при виде падающего Гастона, но хозяин ткнул ему прямо в лицо длинным пистолетом, зажатым в левой руке.

— Назад!.. — снова прозвучал звериный рык. Делать нечего, Кейн попятился прочь. Оружие было нешуточное, да и красные глазки горели опасным безумием. Отступив, англичанин стоял молча, чувствуя, как бегут по спине мурашки. Он уже понимал, что новый враг окажется куда грозней и смертоносней француза. Хозяин таверны слегка покачивался из стороны в сторону, точно поднявшийся на дыбы лесной зверь, и смеялся каким-то мертвящим, нечеловеческим смехом.

— Гастон Мясник, хо-хо! — крикнул он и пнул мертвеца, валявшегося у его ног. — Нашему красавцу разбойнику не придется больше охотиться! Хо-хо, слышал я про этого недоумка, вздумавшего шалить в Черном Лесу! Искал золотишко, а нашел смерти!.. Теперь оно все мое, твое золото!.. И больше, чем золото, — мсть!..

— Что до меня, то я тебе не враг, — спокойно проговорил Кейн. — За что мне мстить?

— Врешь! Все люди — мои враги! — раздалось в ответ. — Вот, полюбуйся на эти отметины у меня на руках! И на ногах!.. Это от кандалов!.. А что, по-твоему, у меня на спине? Поцелуй кнута! А в голове? В голове тоже раны, причиненные долгими годами в холодном темном застенке, где я отсиживал за преступление, которого не совершал!..

Его голос сорвался и перешел в безумное, отвратительное рыдание. Кейн промолчал. Ему не раз уже приходилось встречать людей, чей рассудок был сломлен ужасами тюрем Старого Света.

— Но я бежал!!! — внезапно с торжеством завопил хозяин таверны. — И объявил войну всем остальным людям... О! Что это?..

И Кейн спросил себя, не померещился ли ему пролеск страха в глазах сумасшедшего.

— Да никак мой колдун костями постукивает!.. — прошептал хозяин таверны, но тут же снова безумно захохотал: — Он поклялся, умирая, что самые кости его подстроят мне смертельную ловушку. Вот я и приковал к полу его скелет, а теперь слушаю глухими ночами, как он стучит костями и звенит цепью, пытаюсь освободиться! И я смеюсь, смеюсь, хо-хо!.. Уж так ему охота восстать и прогуляться по темным коридорам, точно старый Царь Смерть, и прийти, когда я сплю, и убить меня прямо в кровати!..

Безумный взгляд вдруг яростно вспыхнул.

— Вы двое, ты и этот мертвый дурак, вы заходили в ту комнату! Он говорил с вами?

Кейн содрогнулся помимо собственной воли. И подумал, что либо и сам начал сходить с ума, либо из-за двери действительно послышался перестук костей, как если бы скелет слегка пошевелился. Кейн передернул плечами, сказав себе, что крысы, случается, играют старыми костями, не пригодными в пищу.

А хозяин гостиницы уже вновь хохотал. Он обошел Кейна кругом, продолжая при этом держать его на мушке, и свободной рукой отворил дверь. Там, внутри, лежала плотная тьма. Такая плотная, что Кейн не сумел рассмотреть даже кости, белевшие на полу.

— Все люди — мои враги!.. — бубнил хозяин гостиницы. Речь его была бессвязна, как это часто случается у сумасшедших. — А зачем бы мне кого-то шадить? Кто хоть палец о палец ударил, чтобы меня вызволить, пока я гнил в мерзких подземельях Карлсруэ... и за что? Ни за что... Они ведь так ничего и не доказали... Тогда-то у меня и началось с головой. Я стал как волк... Я побратался с волками Черного Леса и удрал к ним, когда вырвался из тюрьмы. Ох и попиروвали же они, мои братцы, всеми теми, кто останавливался здесь в таверне... Всеми, кроме одного русского колдуна — это он гремит костями там, в темноте. Затем-то я и оголил его кости и посадил их на цепь, чтобы мертвое тело не явилось по мою душу среди ночи, когда тьма окутывает мир... Чтобы не явилось и не убило меня, ведь кто ж справится с мертвецом! У него не хватило колдовской силы, чтобы спастись от меня, но все знают, что мерт-

вый колдун еще хуже живого... Не двигайся, англичанин! Я спрячу твои кости здесь, в тайном чулане, рядом с костями волшебника, чтобы...

Безумец уже стоял одной ногой на пороге потайной комнаты, и дуло его оружия по-прежнему смотрело на Кейна. Внезапно какая-то сила опрокинула его назад, увлека в темноту; неведомо откуда взявшийся порыв ветра захлопнул за ним дверь. Свеча в стенной нише мигнула и погасла. Кейн принялся шарить руками по полу и нашел пистолет. Поспешно выпрямившись, он обратился лицом к двери, за которой исчез сумасшедший. Кейн стоял в полной темноте, чувствуя, как леденеет в жилах кровь: из-за двери доносились страшные придушенные крики. И жуткий сухой перестук оголенных костей... Потом все затихло.

Кейн разыскал кремень и кресало и заново растеплил свечу. Взяв ее в одну руку, а в другую пистолет, он осторожно отворил потайную дверь...

— Боже все милостивый!.. — вырвалось у него, а по телу побежали ручейки холодного пота. — Поистине это превосходит всякое разумение, но я вижу это своими глазами!.. Вот и исполнились клятвы обоих погибших!.. Ведь Гастон Мясник обещал, что даже и после смерти отплатит своему убийце. Так оно и вышло, потому что это его рука освободила чудовище, которое...

Хозяин таверны «У Расколотого Черепа» лежал мертвым на полу потайного чулана, и на зверином лице его застыло выражение непередаваемого ужаса. Шея у него была сломана, а в плоть глубоко вмялись костяшки скелета, когда-то принадлежавшего колдуну...

ДЕТИ АШШУРА (неоконченное)

Соломон Кейн вздрогнул и раскрыл глаза в темноте. Первым его движением было подхватить оружие, неизменно лежавшее рядом с ним на куче звериных шкур, которые составляли его ложе. Что его разбудило? Уж во всяком случае не сумасшедшая барабанная дробь, которую выбивал тропический ливень по кровле хижины, крытой широкими листьями. И не раскаты грома, сливавшиеся в непрерывный грохот. Звуки, достучавшиеся до сознания Кейна, были совершенно иного свойства. Сквозь шум африканского ливня явственно доносились страшные крики мучительно умиравших людей и ляг стали. Что-то нехорошее происходило в туземной деревне, давшей ему приют на время грозы. И, судя по звукам, дело весьма смахивало на вооруженный набег.

Шаря в поисках верной рапиры, Соломон мимолетно задумался о том, кому могло взбрести в голову напасть на деревушку посреди ночи, да еще в такую пропасть. Рядом с рапирой лежали и пистолеты, но Кейн оставил их на месте. Дождь хлестал сплошными потоками, и англичанин знал, что пистолеты окажутся бесполезными: ливень мгновенно промочит в них порох.

Укладываясь спать, Соломон не раздевался и снял только плащ да мягкую фетровую шляпу. Он не стал тратить время на то, чтобы их подхватить, и сразу кинулся к двери. Как раз в этот момент ветвистая молния располосовала над ним небо. Вспышка мертвенного света озарила силуэты людей, сцепившихся между хижинами в рукопашной. Отражения молнии на мечущихся стальных лезвиях нестерпимо резали глаза. Рев бури не мог заглушить крики чернокожих жителей деревни...

и еще чьи-то низкие голоса, выкрикивавшие нечто на незнакомом Кейну языке.

Выскочив из домика, пуританин сейчас же ощутил прямо перед собой человеческое присутствие; почти сразу небо снова с ужасающим грохотом разверзлось, залив все вокруг потусторонним синеватым светом. В этот краткий миг Соломон сделал стремительный выпад и... почувствовал, как рапира в его руке выгибается дугой, встретив препятствие. Он успел заметить тяжелый меч, опускавшийся ему на голову. Потом перед глазами фонтаном хлынули искры гораздо ярче любой молнии. А следом все затопила тьма — еще более непроницаемая, чем даже ненастная африканская ночь.

...Над насквозь промокшими джунглями занимался бледный рассвет, когда Соломон Кейн зашевелился и, приподнявшись, сел в луже, разлившейся перед хижинной. В волосах у него запеклась кровь, голова болела и слегка кружилась. Кейн усилием воли стряхнул дурнотное состояние и поднялся на ноги.

Дождь давно прекратился, небеса были ясными. А над селением распростерлась тишина, и Кейн, оглядевшись, увидел, что деревня в буквальном смысле слова вымерла. Повсюду валялись бездыханные тела мужчин, женщин, детей. Они лежали на улицах, на порогах жилищ, внутри хижин, многие из которых были разбиты и прямо-таки снесены: кто-то крушил их то ли в поисках спрятавшихся жертв, то ли из простой жажды разрушения. Кем бы ни были ночные налетчики, вряд ли они увели с собой много пленников. Еще более странно, что они не позарились ни на копья, ни на топоры, ни на кухонные принадлежности и пернатые головные уборы побежденных. Этот факт, казалось бы, говорил о том, что набег совершило племя, далеко превосходившее простодушных туземцев и ремеслом, и культурой. Так или иначе, они, как вскоре выяснил Кейн, утащили с собой всю слоновую кость, которая попала им на глаза. Равно как и его оружие: рапиру, кинжал, пистолеты, пороховницу и кошель с пулями. Заглянув в хижину, в которой ночевал, Кейн не нашел там ни плаща, ни своей шляпы. Пропал и посох — ост-

роконечный, покрытый странной резьбой, увенчанный головкой кошки посох, когда-то подаренный ему его другом и побратимом Н'Лонгой, колдуном вуду с Западного Побережья.

Кейн стоял посреди разоренной деревни, пытаясь осмыслить случившееся, и в голову ему приходили самые странные мысли. Он вспоминал свои разговоры с местными жителями вчера вечером, когда он вышел к деревне из джунглей, исхлестанных бурей. Нет, ничего такого, что могло бы пролить свет на происхождение таинственных грабителей, туземцы ему не сообщили. Они и сами еще как следует не освоились в здешних краях, потому что явились сюда, в общем, недавно и издалека, гонимые более могущественными враждебными племенами. Они были простым и добросердечным народом. Как гостеприимно они провели его, мокрого и усталого, под свой кров, как сердечно поделились всем, что составляло их скромный достаток!..

Сердце Кейна горело гневом на их неведомых погубителей. Но едва ли не жарче гнева жгло Кейна нена сытное любопытство, это извечное проклятие думающих людей. Ибо минувшей ночью его глазам предстала тайна. Яркая вспышка молнии позволила ему на долю секунды увидеть свирепое чернобородое лицо — лицо белого человека. Здравый смысл, однако; отверждал, что на многие сотни миль окрест белого человека, кроме самого Кейна, не было и в помине. Даже арабских охотников за рабами. Разглядеть хоть сколько-нибудь подробно одежду чернобородого англичанину не удалось: память сохранила лишь смутное впечатление, что одет он был достаточно странно. А чего стоил меч, который вскользь, почти плашмя, обрушился на его голову и увлек его в небытие! Да он же ничего общего не имел с примитивным оружием местных племен!..

Кейн еще раз обвел глазами земляную стену, окружавшую деревню, и бамбуковые ворота, которые захватчики изрубили в мелкие щепки. Было похоже, что ливень унялся, как раз когда они двинулись в обратный путь: уходящие оставили после себя широкий утоптаный след, что тянулся через проломленные ворота и далее в джунгли.

Соломон подобрал с земли туземный топорик, валявшийся неподалеку. Он еще посмотрел, не было ли где тел неизвестных людей, но не нашел ни одного. Если кто-нибудь из них и погиб в битве, видимо, павших унесли с собой их сотоварищи. Соломон Кейн набрал листьев и соорудил себе из них шляпу, чтобы безжалостное солнце не так пекло голову. А потом, миновав снесенные ворота, он углубился в джунгли, насквозь промоченные дождем. Неведомое властно манило его.

Под сенью гигантских деревьев следы сделались четче. Кейн смог определить, что большинство неизвестных были обуты в сандалии, — правда, сандалий подобного типа он никогда еще не встречал. Соломон различил также следы босых ног, по-видимому оставленные пленниками.

Они вышли гораздо раньше него, так что теперь у них была хорошая фора. Кейн шел без остановок. Он был неутомимым ходяком и к тому же длинноногим, но даже и ему не удалось нагнать караван в течение дня.

Кейн торопливо перекусил едой, захваченной из разоренной деревни, и устремился вперед, не давая себе передышки, снедаемый гневом и необоримым желанием раскрыть тайну белого лица, увиденного в свете молнии. И что не менее важно, налетчики утащили все его оружие, — а в стране вроде той, по которой он путешествовал, оружие означало жизнь.

День клонился к закату. Ко времени захода солнца джунгли постепенно сменились редколесьем, а в сумерках Кейн выбрался на слегка всхолмленную равнину, заросшую высокой травой. Кое-где виднелись редкие деревья, а далеко впереди Кейн разглядел нечто вроде гряды невысоких холмов. Следы вели прямо через саванну, и Кейн решил, что туда-то, к этим приземистым одинаковым холмам, и стремились грабители.

Здесь Кейн помедлил, раздумывая, как быть. С равнины уже доносился громоподобный львиный рев, порождавший со всех сторон раскатистое эхо. Огромные кошки вышли на ночную охоту; путешествовать через саванну, имея в качестве оружия всего-то несчастный топорик, было бы чистым самоубийством.

Присмотрев себе громадное дерево, Кейн забрался наверх и со всем возможным удобством расположился в развилине могучих ветвей. Поглядев оттуда на равнину, он заметил вдали, среди холмов, крохотный мерцающий огонек. Потом он различил огоньки и на самой равнине: вереница светящихся точек, медленно извиваясь, подползала к холмам, едва различимым у горизонта на фоне звездного неба. Кейн сразу понял, что это отряд грабителей с пленниками. Они несли с собой факелы. И двигались очень проворно. Факелы, судя по всему, были предназначены для отпугивания львов. Кейн посмотрел на них еще и подумал: вероятно, цель путешествия была совсем близка, раз уж они отважились на ночной переход через кишевшую хищниками саванну...

Соломон видел, как мерцающие огоньки поползли вверх. Некоторое время они были еще видны среди холмов, потом скрылись.

Кейн так и заснул, размышляя о тайне, крившейся за всеми событиями последних суток. Он спал, а ночной ветерок шептался с листьями дерева, рассказывая о древних тайнах Африки. И всю ночь, хлеща себя по бокам увенчанными кисточками хвостами и поглядывая жадными глазами наверх, под деревом ревели львы.

Как только рассвет разлил по саванне розово-золотой свет, Соломон спустился со своего насеста и вновь двинулся в путь. Сжевав на ходу последние остатки принесенной с собой еды, он запил их водой из ручья (благо тот выглядел достаточно прозрачным и чистым) и задумался о том, удастся ли ему найти себе пропитание в холмах. Если нет, его положение станет не слишком завидным. Впрочем, Кейну и раньше случалось голодать. Равно как и замерзать, и уставать до предела. Именно поэтому его поджарое, без капли лишнего жира, тело было твердым и гибким, как сталь.

Широким шагом Кейн устремился через саванну, зорко высматривая затаившихся львов. Солнце над его головой постепенно поднялось к зениту, потом начало клониться к западу. Чем ближе подходил англичанин к невысокой гряде, тем больше подробностей различал его взгляд. То, что издали представлялось ему изломанными холмами, вблизи оказалось невысоким плато, ровным с

виду и четко отграниченным от окружающей равнины. На кромке его виднелись деревья и высокая трава, но сам склон выглядел обрывистым и бесплодным. Другое дело, что высота утесов нигде не превышала семидесяти, самое большее восьмидесяти футов. Кейн не сомневался, что сумеет вскарабкаться наверх без большого труда.

Подойдя еще ближе, он рассмотрел, что скалы представляли собой сплошной каменный монолит, хотя и одетый толстым слоем почвы. Там и сям валялись скатившиеся валуны; несомненно, ловкий и сильный человек вроде него самого сумел бы подняться наверх почти в любом месте. А еще по крутому склону вилась наверх довольно широкая дорога. Кейн присмотрелся и увидел на ней те самые следы, по которым шел.

Дорога, несомненно, не была звериной тропой. И не туземцы протоптали ее. Кто-то весьма искусно врезал ее в склон, вымостил и даже оградил гладко обтесанными каменными блоками.

Волчья недоверчивая осторожность, свойственная Кейну, заставила его миновать стороной эту дорогу. Пройдя немного вперед, он облюбовал на склоне относительно пологое место и стал подниматься наверх. Почва под ногой не внушала доверия, к тому же валуны, как выяснилось, лежали весьма шатко и норовили скатиться прямо на него. Впрочем, подъем обошелся без происшествий, и спустя некоторое время Кейн уже стоял на макушке утеса.

Впереди открылся новый склон, на сей раз обращенный вниз, — неровный, усыпанный обломками камня. А чуть дальше простиралась широкая равнина. Глазам Кейна предстало плато, заросшее роскошной зеленой травой. А как раз посередине... Пуританин даже моргнул, тряхнув головой, полагая, что перед ним то ли мираж, то ли плоды разыгравшегося воображения. Но нет, «видение» рассеиваться не желало. На равнине стоял город, окруженный внушительными каменными стенами. Кейн отчетливо видел бастионы и башни, а на них — крохотные фигурки, двигавшиеся туда и сюда. С дальней стороны город выходил к небольшому озеру, по берегам которого раскинулись пышные сады и ухоженные поля, а за ними — дуга. В дугах пасся скот.

Невероятное зрелище заставило пуританина на миг забыть обо всем остальном. Его вернуло к реальности звяканье подкованного сапога о камень. Кейн быстро обернулся и оказался лицом к лицу с человеком, вышедшим из-за валуна.

Человек этот был широкоплечим и крепким, ростом почти с самого Кейна, но куда тяжелее. На обнаженных руках так и вздувались могучие мышцы, а ноги можно было уподобить узловатым железным колоннам. Физиономия же была точной копией той, что Кейн разглядел тогда при вспышке молнии, — такая же свирепая и чернородая. Лицо белого человека, с наглыми глазами и хищным крючковатым носом. Все его тело, от бычьей шеи и до колен, покрывала железная чешуйчатая броня, а на голове сидел железный же шлем. На левой руке висел щит, сделанный из твердого дерева и кожи и окованный по краю металлом. За поясом торчал кинжал, а в правой руке воин держал короткую, но тяжелую железную булаву.

Все это Кейн успел рассмотреть в одно мгновение. Потому что в следующее человек взревел и прыгнул вперед. Англичанин вмиг понял, что никаких переговоров не будет: предстоял бой не на живот, а на смерть. Он метнулся на врага тигриным прыжком, одновременно занося топор со всей силой, на которую было способно его тело. Воин поймал удар щитом. Топорище раскололось у Кейна в руке, но и щит развалился на части.

Инерция прыжка между тем увлекла Кейна вперед, так что он всем телом врезался в противника; тот отбросил бесполезный, расколотый щит и, пошатнувшись, схватился с англичанином врукопашную. Тяжело дыша, они раскачивались взад и вперед. Кейн зарычал по-волчьи, в полной мере оценив могучую хватку врага. Его доспехи мешали англичанину вцепиться как следует. Воин же перехватил поудобнее свою булаву и изо всех сил старался высвободить руку, чтобы обрушить на непокрытую голову Кейна смертоносный удар. Пуританин, со своей стороны, старался этого не допустить. Все же его пальцы соскользнули, и булава опустилась на череп, едва не погасив сознание. Воин замахнулся опять... Перед глазами Кейна клубился огненный туман, но все-таки он ин-

стинктивно извернулся, и удар пришелся в плечо. Рука почти отнялась, булава разорвала кожу, и хлынула кровь.

Яростным усилием Кейн рванулся вперед, вплотную прижимаясь к могучему торсу своего недруга, и его пальцы почти вслепую нащарили у него за поясом рукоять кинжала. Соломон сейчас же обнажил его и принялся наугад наносить удар за ударом.

Сплетясь в один рычащий, политый кровью клубок, они раскачивались и шатались. Один старался поглубже пырнуть соперника, другой — полностью высвободить руку, чтобы уж тогда-то нанести сокрушительный удар. Покамест ему не удавалось как следует размахнуться, и булава лишь вскользь била по голове и плечам Кейна, полосуюя в кровь кожу. Боль алыми копьями пронизывала меркнувшее сознание англичанина. Увы! Его кинжал по-прежнему безобидно отскакивал от железных чешуй, укрывавших тело врага...

Он уже ничего не видел перед собой и бился, ведомый лишь инстинктом, — так, как дерется раненый волк. И настал миг, когда он, точно волк, еще раз рванулся вперед и... что было силы вцепился зубами в бычью шею воина, глубоко разорвав тело. Кровь хлынула потоком, противник Кейна взревел от боли и изумления. Разящая палица замерла в воздухе, рука дрогнула, воин откатнулся назад. А так как они в это время балансировали на краю небольшого обрывчика, это движение увлекло их обоих кувырком вниз. Ни один, ни другой не разжал вцепившихся рук. У подножия склона Кейн оказался наверху. Кинжал сверкнул на солнце, взвившись над его головой, и по рукоять погрузился в горло врага. На это ушли последние силы. Кейн шатнулся вперед и, лишившись сознания, свалился прямо на тело убитого противника.

Так они и лежали в луже растекшейся крови. Постепенно в небесной синеве начали появляться черные точки. Стервятники кружились, спускаясь все ниже...

Потом из теснин стали появляться люди, внешнестью и убранством схожие с тем, что лежал мертвым, придавленный к земле неподвижным телом Кейна. Вниманию воинов привлек шум поединка; подойдя, они собрались в кружок, обсуждая случившееся на резком,

гортанном наречии. Поодаль, не смея проронить ни звука, стояли рабы.

Разъединив наконец противников, люди обнаружили, что один из них мертв, а второй, похоже, умирает. После короткого препирательства войны соорудили нечто вроде носилок из копий и перевязей мечей и велели рабам нести тела. После этого маленький отряд направился к городу, выглядевшему по-прежнему невероятным посреди травянистой равнины...

II

Сознание постепенно вернулось к Соломону Кейну. Он обнаружил, что лежит на ложе, устланном отменно выделанными мехами и шкурами, посреди обширного покоя, пол, стены и потолок которого были из камня. Единственное окно перегораживала толстая решетка. Дверь тоже была всего одна, и за ней стоял воин — крепкий мужчина, определенно похожий на убитого англичанином.

Тут Кейн обнаружил еще кое-что. На его шею, лодыжки и запястья были надеты золотые цепи. Они сложным образом соединялись между собой и были прикреплены к вделанному в стену кольцу с помощью серебряного замка.

Раны Кейна были добротнo перевязаны; пока он размышлял о том, что могло означать его нынешнее положение, вошел раб, принесший ему еду и какое-то пурпурное вино. Англичанин не стал пытаться заговорить с рабом, но с жадностью съел все, что ему принесли, и выпил вино. В вино, по-видимому, было подмешано какое-то зелье, так что Кейн вскоре заснул и проснулся лишь через несколько часов. За это время ему успели переменить повязки на ранах, а у двери стоял уже другой стражник. Впрочем, он явно принадлежал к той же касте, что и его предшественник. Такой же мускулистый, чернобородый и в доспехах.

На сей раз, пробудившись, Кейн почувствовал себя отдохнувшим и полным сил. Он сразу решил, что, когда снова придет раб, он попытается хоть что-нибудь

разузнать об этом прелюбопытном месте, в которое занесла его нелегкая. Вскоре шорох кожаных сандалий по камню сообщил ему, что кто-то идет. Кейн приподнялся и сел на свое ложе, и тут же в комнату вошло сразу несколько человек.

Позади всех держался тот раб, что приносил Кейну еду, но на переднем плане гордо красовалось несколько мужчин в долгополых одеяниях, с непроницаемыми лицами. И подбородки, и черепа у них были выбриты. А чуть в стороне стоял человек, на котором невольно задерживался глаз. Он был высокого роста, в шелковом облачении, перехваченном чешуйчатым золотым поясом. Его иссиня-черные волосы и борода были странным образом завиты, крючконосое лицо носило печать хищной жестокости. Надменно-наглое выражение глаз, которое, как успел понять Кейн, являлось отличительной чертой неведомого народа, ему было свойственно еще в большей степени, чем остальным. На голове у человека красовался золотой обруч, покрытый удивительной резбой, в руке он держал жезл, опять-таки золотой. Остальные держались в его присутствии с таким раболепным почтением, что Кейн сразу рассудил: уж верно, это был местный правитель, а может быть, верховный жрец.

Рядом с высоким стоял другой человек, поменьше и потолще, наголо выбритый. Его одежда была примерно того же фасона, что у людей из окружения властелина, но выглядела гораздо более дорогой. Он держал в руках плеть о шести кожаных хвостах, прикрепленных к украшенной драгоценными камнями рукояти. Все ремни были снабжены треугольными металлическими наконечниками, так что в целом плеть выглядела одним из самых зверских орудий истязания, какие Кейну доводилось видеть. У человека, державшего ее в руке, были маленькие и на редкость паскудные глазки, так и бегавшие по сторонам, а все его поведение было смесью льстивого угодничества по отношению к господину и деспотической нетерпимости к тем, кто стоял ниже его.

И все они смотрели на Кейна, а Кейн смотрел на них, силясь определить, почему ему упорно казалось, будто он все это уже где-то видел. В чертах лиц этих людей было нечто заставлявшее предполагать родство с

арабами; и все-таки они решительно не походили ни на каких арабов, виданных им доселе. Они заговорили между собой, и в их языке англичанину опять-таки почудилось нечто знакомое. Но вот что?.. В глубине памяти зашевелилась смутная мысль, но слишком нечеткая.

Наконец тот высокий со скипетром повернулся и, сопровождаемый раболопной свитой, торжественно выплыл из комнаты. На некоторое время Кейн снова остался один. Потом возвратился толстый вельможа и привел с собой полдюжины воинов и слуг. Среди них был молодой раб, приносивший Кейну еду, и еще один тип, высокий, мрачный и почти голый, если не считать набедренной повязки. Здоровенный ключ свисал с его кушака. Воины встали кольцом кругом Кейна, держа дротики наготове, и человек с ключом отомкнул его цепи от кольца на стене. Воины взяли за цепи и жестом велели англичанину идти.

Окруженный стражей, Соломон покинул свою комнату, и его повели по широким извилистым галереям, тянувшимся внутри громадного здания. Поднимаясь с этажа на этаж, они добрались до комнаты, весьма похожей на ту, в которой Кейна держали вначале, и сходным образом обставленной. Здесь кандалы Кейна прицепили к кольцу, торчавшему в стене возле единственного окна. Длина цепей позволяла ему стоять выпрямившись, а также садиться и ложиться на устланное шкурами ложе. Но отойти в какую-либо сторону дальше чем на несколько шагов он не мог. Тюремщики оставили подле него пищу и вино и удалились.

Соломон сразу присмотрелся к двери и определил, что она не была заперта. Не оказалось при ней и охранника. Значит, предполагалось, что цепи достаточно надежны и смогут его удержать. Кейн немедленно испытал их на прочность и убедился, что его тюремщики не ошиблись. Была, однако, еще причина для столь явной беспечности, и Кейн ее вскоре выяснил.

Оставшись один, англичанин выглянул в окно, благо оно было побольше прежнего, а решетка — не такая частая. Он смотрел на город, причем с порядочной высоты. Внизу виднелись узкие улочки и настоящие широкие проспекты, окаймленные колоннами и каменны-

ми статуями львов. И крыши — множество плоских крыш. В основном дома были каменные, но попадались и сложенные из кирпича, высушенного на солнце. Архитектура показалась Кейну слишком массивной, и это будило смутное отвращение. Массивность зданий была какой-то тяжелой и мрачной, как если бы их утрюмые строители были... бесчеловечны.

Город окружала стена, высокая и, видимо, толстая, и через равные промежутки над ней возвышались башни. Кейн рассмотрел воинов в доспехах. Они расхаживали туда и сюда по стене, как и полагается часовым, и пуританин подумал, что здешний народ, похоже, отличается немалой воинственностью.

Он снова посмотрел вниз, на улицы и торговые площади, запруженные пестрой толпой, и постарался определить, что же представляло собой здание, в котором его поместили. Из этого у него мало что получилось. Он видел только, что оно смахивало на гигантскую лестницу, ступеньками которой служили целые этажи. Прямо Вавилонская башня, которую, согласно легенде, строили подобным же образом!.. Нельзя сказать, чтобы Кейну очень понравилась эта мысль.

Отвернувшись от окна, пуританин занялся изучением комнаты. Стены были сплошь покрыты раскрашенными рельефами, причем краски были подобраны с замечательным вкусом. Вообще мастерство неведомого художника ничуть не уступало лучшим образцам, виденным Кейном в Азии и в Европе. Большинство сцен было посвящено войне и охоте. Могучие мужчины с черными, нередко завитыми бородами, облаченные в доспехи, охотились на львов и побеждали врагов на поле брани. Враги эти частью были обнаженными чернокожими, но иногда весьма близко походили на самих победителей.

Кейн обратил внимание, что люди изображены гораздо менее живо, нежели звери. Фигуры их были весьма условными и оттого зачастую выглядели несколько деревянными. Зато львы так и дышали живым реализмом. Иные сцены изображали чернородых любителей охоты едущими на колесницах, в которые были впряжены огнедышащие кони. И Кейн вновь испытал странное чувство. Ему упорно казалось, будто он видел

раньше эти картины. Эти — или очень похожие. Он отметил, что лошади и колесницы далеко уступали львам жизненностью изображения. И дело тут было не в условиях, просто художник не знал как следует того, что взялся рисовать. Иначе каким образом он мог допустить ошибки, так не соответствовавшие общему уровню его мастерства?..

Занятый рассматриванием рельефов, Кейн не заметил, как прошло время. Но вот опять явился молчаливый раб и принес ему пищу и вино.

Когда он поставил поднос, Кейн обратился к нему на диалекте лесных племен: он успел заметить шрамы на лице раба, означавшие его племенную принадлежность. С лица юноши сейчас же исчезло тупое безразличие, и он ответил на языке, который показался Кейну достаточно знакомым.

— Что это за город? — спросил англичанин.

— Нинн, бвана.

— А кто эти люди?

Раб с сомнением покачал головой:

— Они очень старый народ, бвана. Они уже очень, очень давно тут живут.

— Тот, что приходил ко мне со свитой, — это их царь?

— Верно, бвана. Это был царь Ашшур-рас-араб.

— А тот другой, с плетью?

— Это, бвана Перс, был Ямен, жрец.

— Бвана кто?.. — в замешательстве переспросил Кейн. — Как ты меня назвал? Почему?..

— Так хозяева называют тебя, бвана... э-э-э... — Тут раб шарахнулся прочь, и кожу его покрыла пепельная бледность: через порог пролегла тень очень рослого человека. Вошел полуголый бритоголовый гигант, и раб упал на колени, плача от ужаса. Могучие пальцы стиснули перехваченное страхом горло... Кейн видел, как глаза несчастного раба полезли из орбит, а из разинутого рта высунился язык. Тело беспомощно билось и корчилося, скрюченные пальцы все слабее царапали железные запястья гиганта. Потом он затих и обмяк. Бритоголовый убийца разжал руки, и мертвое тело мешком свалилось на пол. Воин хлопнул в ладоши, и снаружи вбежали двое рабов.

При виде мертвеца у них посерели лица, но воин сделал знак, и они самым бессердечным образом ухватили своего мертвого товарища за ноги и поволокли вон.

Воин двинулся следом, но на пороге обернулся, и его темные, безжалостные глаза встретились с глазами Кейна, словно бы предостерегая. У англичанина стучало в висках от ненависти, и такова была холодная ярость его взгляда, что убийца не выдержал и отвернулся первым. Он вышел, бесшумно ступая, и оставил Кейна наедине с его мыслями...

Пуританину вновь принесли еду. На этот раз появился поджарый молодой раб с умным, располагающим к себе лицом. Однако Соломон даже не попытался заговорить с ним. Хозяева парня явно не желали, чтобы пленник хоть что-нибудь про них разузнал. Оставалось только гадать почему.

...Кейн не знал, сколько дней ему довелось провести в этой тюрьме над крышами города. Каждый день в точности повторял предыдущий, так что он постепенно потерял им всякий счет. Несколько раз приходил жрец Ямен и созерцал его с таким удовольствием, что англичанина прямо-таки распирало кровожадное чувство. Иногда же бесшумно входил бритоголовый гигант-убийца и столь же бесшумно исчезал... Во время его посещений Кейн не спускал глаз с ключа, висевшего на поясе у молчаливого великана. Если бы удалось дотянуться!.. Однако тюремщик неизменно держался вне его досягаемости. Он подходил близко, только когда Кейна окружали воины с дротиками наготове.

Потом однажды вечером они пожаловали в его комнату вместе: жрец Ямен, бритоголовый тюремщик (звали его Шем) и еще около полусотни воинов и слуг. Шем отстегнул от стены Кейновы кандалы. Воины и жрецы выстроились в две колонны по обе стороны пленника, и англичанина повели по извилистым галереям. В стенных нишах и в руках у жрецов ярко горели факелы, освещавшие дорогу.

При свете пламени Кейн обратил внимание на резные изображения, неподвижно шагавшие по каменным стенам галерей. Многие изображения были сделаны в натуральную величину; иные уже несколько истерло и

сгладило время. Большинство этих последних изображало мужей на колесницах. Кейн подумал и пришел к выводу, что творцы более поздних и столь несовершенных изображений колесниц и коней попросту копировали их с древних образцов. Видимо, к настоящему времени в городе уже не осталось ни колесниц, ни лошадей. Что же касалось человеческих фигур, то здесь хорошо прослеживались расовые различия. Во всяком случае, крючковатые носы и смоляные бороды главенствующего племени выделялись совершенно отчетливо. Те, с кем они сражались, были частью чернокожими, частью похожими на них самих, но попадались среди них и рослые, худощавые люди с внешностью несомненно арабской.

Кейн был немало изумлен, заметив на некоторых наиболее старых рельефах людей, чьи черты и снаряжение не имели ничего общего с присущими жителям Нинна. Присутствовали они исключительно в батальных эпизодах, причем, что немаловажно, отнюдь не всегда удирали без оглядки. Довольно часто они, наоборот, выглядели победителями. И сколько ни присматривался англичанин, он так и не нашел их изображенными в виде рабов. Зато, как это ни странно, их лица показались Кейну не просто знакомыми, но прямо-таки родными. Смотреть на них было все равно что встретить друга в толпе чужестранцев. Они были одеты и вооружены на варварский лад, но, если не обращать на это внимания, могли бы сойти хоть за англичан. Внешность у них была совершенно европейская. А волосы — светлые.

Соломон сделал вывод, что некогда, очень, очень давно, предки ниннитов воевали с его собственными пращурами. Но когда это было? В каком краю?.. Во всяком случае, изображенные на стенах баталии происходили не в той стране, где нинниты жили сейчас. На заднем плане можно было рассмотреть тучные нивы, поросшие травой холмы и широкие реки. И еще города. Похожие на Нинн и в чем-то неуловимо отличные...

И вот тут-то до Соломона наконец дошло, где он видел похожие рельефы царей с завитыми черными бородами, убивавших львов с колесниц. Точно такие попадались ему в развалинах давно позабытого города в Месопотамии. Люди тогда рассказывали ему, что эти

руины составляли все, что осталось от... Ниневии Кровавой, проклятой Богом!..

Между тем англичанин и его тюремщики достигли подножия громадного храма и проследовали между очень толстыми приземистыми колоннами, сплошь покрытыми, как и стены, резьбой. Еще немного, и они вошли в обширное помещение с массивными стенами и колоннами. Здесь, вырезанный в скале, восседал чудовищный идол, и в чертах его неподвижного каменного лица содержалось не больше человеческой слабости и доброты, чем на морде какого-нибудь доисторического чудовища.

Лицом к идолу, на каменном троне под сенью колонн сидел сам правитель — царь Ашшур-рас-араб. Факельный свет так играл на его скульптурных чертах, что Кейн поначалу едва не принял его самого за изваяние.

У подножия божества, напротив царского трона, виднелся еще один, поменьше. Перед ним, на золотом треножнике, стояла жаровня. В ней тлели угли, и сверху ленивой спиралью поднимался дым.

Кейна обрядили в просторное одеяние из переливчатого зеленого шелка. Оно скрыло и его изодранную одежду, и золотые цепи, которых с него так и не сняли. Потом его жестом пригласили занять место на меньшем троне, и он повиновался, не проронив ни звука. Его лодыжки и запястья сейчас же хитрым способом прицепили к трону, но складки шелкового облачения скрыли и это.

Младшие жрецы и воины постепенно куда-то подевались, оставив в помещении лишь Кейна, жреца Ямена и восседавшего на троне царя. Кейн вгляделся в тени между колоннами и вскоре заметил то тут, то там отблески огня на металле, мелькавшие, точно светляки в темноте. Воины таились поблизости, оставаясь невидимыми. У Кейна создалось ощущение, будто свершается некое таинственное действо. Вот только ему почему-то казалось, что вся постановка отдавала фальшью.

Тем временем Ашшур-рас-араб поднял свой золотой скипетр и ударил в гонг, стоявший близ трона. Гонг прозвучал мощно и вместе с тем мягко: звук, разнесшийся по темному храму, напоминал отдаленный колокольный звон. Из затененного прохода между колоннами сейчас же появилась процессия, в которой, насколь-

ко понял Кейн, участвовали вельможи этого невероятного города. Все они были рослые, чернобородые, гордые и высокомерные с виду. Все были разодеты в сияющий шелк и мерцающее золото. А между ними шел юноша, закованный в золотые цепи, и в осанке его смешались вызов и страх.

Все собравшиеся склонились перед царем, коснувшись лбами пола. Потом, по его слову, повернулись лицом к англичанину и к каменному богу, возвышавшемуся у него за спиной. Вперед выступил Ямен; его бритый череп и злобные глазки поблескивали в факельном свете, делая его похожим на разжиревшего демона. Произнеся нараспев что-то вроде странного заклинания, он высыпал в жаровню пригоршню какого-то порошка. Сейчас же повалил зеленоватый дым, сквозь который Кейн с трудом видел происходившее. Англичанин едва не задохнулся: запах и вкус дыма были омерзительны до предела. Но хуже всего, дым одурманивал. Голова у Кейна пошла кругом, точно у пьяного. Лишь наполовину соображая, что говорит, он разразился яростной руганью, — чего обычно не делал почти никогда.

При этом он смутно видел, что Ямен, услышав его ругань, что-то зло выкрикнул, а потом наклонился вперед, вслушиваясь. Наконец порошок догорел, мерзкий дым рассеялся, и ошалевший, ничего не понимающий Кейн остался сидеть на своем троне, медленно приходя в себя.

Ямен повернулся к царю и низко поклонился. Выпрямившись, он раскинул руки и повел торжественную речь. Царь столь же торжественно повторял за ним каждое слово, и Кейн увидел, как лицо знатного узника покрыла смертельная бледность. Потом тюремщики ухватили его за руки, и вся процессия медленно удалилась. Шарканье сандалий таинственно и жутковато отдавалось в полутьме громадного чертога...

Подобно бесшумным призракам, из потемок возникли воины и отсоединили цепи Кейна от трона. Вновь выстроившись вокруг него, они повели его полутемными галереями обратно в его комнату, и там Шем заново прикрепил его кандалы к кольцу в стене. Кейн уселся на свое ложе, подпер кулаком подбородок и глубоко

задумался, пытаясь обнаружить скрытый смысл в том более чем странном представлении, свидетелем и невольным участником которого он только что явился... Однако довольно скоро его размышления были нарушены необычным шумом на улицах.

Поднявшись, англичанин подошел к окну и высунулся наружу. Он увидел, что на торговой площади горели громадные костры, а между ними туда и сюда сновали человеческие фигурки, несообразно укороченные оттого, что он смотрел на них сверху. Они что-то делали кругом человека, находившегося посредине площади, причем сгрудились так плотно, что Кейн не мог толком ничего рассмотреть. Всю эту группу кольцом окружали воины; пламя так и играло на их блестящих доспехах. Снаружи живого кольца гомонила и что-то выкрикивала беснующаяся толпа.

Потом всеобщий гам прорезал вопль нечеловеческой муки. Выкрики на мгновение прекратились, чтобы сейчас же возобновиться с удвоенной силой. Кейну подумалось, что большинство голосов звучало протестующе. А впрочем, к ним примешивались и насмешки, и улюлюканья, и дьявольский хохот. И снова вопли, исторгнутые болью, — невыносимые, жуткие...

Тут за спиной Кейна послышался топоток босых ног по каменным плитам. В комнату вбежал молодой раб — звали его Сула — и, подлетев к окошку, тоже высунулся наружу. Он тяжело дышал от волнения и быстрого бега. Свет костров озарял его искаженное, перекошенное лицо.

— Люди дерутся с копейщиками! — выкрикнул он, в возбуждении позабыв строгий приказ ни под каким видом не разговаривать с узником. — Многие в народе любили молодого принца Бел-ладрата... Ох, бвана, да не было же в нем ничего дурного! Зачем ты велел царю живьем содрать с него кожу?..

— Я?!.. — ужаснулся Кейн, едва не потеряв от изумления дар речи. — Ничего я никому не приказывал! Я и знать-то не знаю вашего принца!.. Я его ни разу даже не видел!..

Сула повернулся к Кейну и прямо посмотрел ему в глаза.

— Вот я и убедился в том, что втайне подозревал с самого начала, — проговорил он на языке банту, который Кейн хорошо понимал. — Ты не бог и не пророк, устами которого говорит бог. Ты простой человек из племени, которое мне доводилось раньше видеть, — еще до того как мужи Нинна взяли меня в плен. Когда-то, когда я был совсем маленьким, я видел твоих соплеменников. Они пришли со своими туземными слугами и стали убивать наших воинов оружием, извергавшим пламя и гром...

— Воистину я всего лишь человек, — отвечал вконец ошарашенный Кейн. — Но погоди... что-то я не пойму. Чем они заняты там на площади?

— Они сдирают кожу с принца Бел-ладрата, — отвечивал Сула. — Я слышал, на базаре в открытую говорили, что царь и Ямен ненавидят молодого принца, ибо в его жилах течет кровь Абдулая. Но в народе у него было слишком много сторонников, особенно среди арбиев, и потому-то даже сам царь не отваживался приговорить его к смерти. Но когда тебя привели в храм — это было сделано тайно, так, что никто в городе не знал, — Ямен объявил тебя пророком богов. По его словам, Баал открыл ему через тебя, будто Бел-ладрат прогневал богов. Тогда они привели принца на суд оракула...

Кейн выругался, ощущая дрожь в коленках и тошноту.

Невероятно и жутко было думать о том, что его чистосердечная английская брань стала смертным приговором ни в чем не повинному юноше да еще навлекла на него такую жуткую смерть!.. Ну конечно же! Хитрец Ямен «перевел» его слова так, как ему было угодно. И вот теперь бедняга принц, которого Кейн никогда даже не видел, корчился под ножами палачей на базарной площади, посреди вопящей толпы...

— Сула, — сказал англичанин, — как называет себя здешний народ?

— Ассирийцами, бвана, — ответил молодой раб, навряд ли осознавая, что говорит. Он не мог оторвать завороченных и полных ужаса глаз от сцены жуткой расправы, происходившей внизу...

III

И вновь дни потянулись за днями, только теперь Сула время от времени находил возможность перекинуться с Кейном словечком. Увы, он немного мог поведать англичанину о происхождении ниннитов. Он знал только, что некогда, очень, очень давно, они явились с востока и выстроили на плато могучий каменный город. Легенды его собственного племени, повествовавшие о тех временах, были весьма туманны. Его народ обитал на холмистых равнинах далекого юга и воевал с городскими в течение многих веков.

— Наше племя, — сказал он, — называется сулай, ибо мы сильны и воинственны.

Время от времени они совершали на ниннитов набеги, и нинниты платили им той же монетой, хотя вообще-то они не очень любили удаляться с плато. В одной из таких вылазок Сула и угодил в плен. Племена, жившие поблизости, в свою очередь сторонились зловещего плато и с течением поколений старались переселиться прочь, так что последнее время ниннитам волей-неволей приходилось отправляться в поисках рабов все дальше и дальше.

Еще Сула сказал, что участь невольника в Нинне была весьма незавидной, и Кейн вполне верил ему. Благо своими глазами видел на теле юноши следы кнута, дыбы и каленого железа. Было похоже, что быстро-текущие века ничуть не смягчили нрава ассирийцев и не убавили их свирепости, ставшей притчей во языцех еще на древнем Востоке.

Кейну оставалось только гадать, какими ветрами занесло в глубь неизведанного континента столь древний народ, и тут Сула ничем ему помочь не мог. Давным-давно явились с востока — вот и все, что он знал. Что ж, спасибо и на том, что теперь хоть стало понятно, отчего их лица и речь показались англичанину смутно знакомыми. Их черты были чертами предков семитов, которые еще и теперь прослеживались в современном Кейну населении Месопотамии; по той же самой причине многие слова и целые фразы были так схожи с оборотами древнееврейского языка...

Соломон узнал от Сулы и о том, что не все здешнее население было одного корня. Кстати сказать, они не заводили общего потомства с рабами; если такой ребенок все же рождался, его немедленно умерщвляли. Насколько было известно Суле, наибольшим влиянием пользовались ассирийцы; но часть народа, и простолюдины, и знать, назывались «арбиями». Они были вполне подобны ассирийцам, но кое-чем все же отличались от них.

Была и еще группа людей, именуемых «калдеи», — ее составляли волшебники и предсказатели, пользовавшиеся огромным почитанием среди чистокровных ассирийцев.

— А вот Шем и подобные ему — они эламиты, — сказал как-то Сула, и Кейн даже вздрогнул, услышав библейское слово. Эламитов было немного, но они были орудиями, исполнявшими волю жрецов, — убийцами и палачами, совершавшими самые страшные и противозаконные деяния. Суле, как и всем прочим храмовым рабам, довелось уже пострадать от их рук.

С этого самого Шема, когда он появился, Кейн прямо-таки не спускал алчного взгляда. Ибо на поясе у него висел золотой ключ, обладание которым означало свободу. Однако Шем, по-видимому, правильно понимал убийственное выражение холодных глаз англичанина и вел себя осторожно, — этаким угрюмый смуглый гигант с мрачным лицом, точно вырезанным из камня. Если он и переступал невидимую границу, за которой его могли достать длинные и крепкие, как сталь, руки пленника, то не иначе как в сопровождении вооруженной охраны.

И каждый Божий день Кейн вынужден был слышать резкие хлопки плети и отчаянные крики рабов под пыткой кнутом, раскаленным железом или ножом для сдирания кожи. Нинн, похоже, был сущей преисподней, и правил ею истинный демон — Ашшур-рас-араб со своим хитрым и похотливым приспешником, жрецом Яменом. Сам повелитель, как и его царственные предки в древней Ниневи, тоже являлся жрецом. С течением времени Кейн понял, почему его, англичанина, прозвали здесь Персом. Нинниты видели в нем потомка тех воинов из диких тогда арийских племен, которые некогда спустились со своих гор, чтобы смести Ассирийскую империю с лица земли. Нинниты и попали-то сюда, в

Африку, не иначе как отступая перед светловолосыми победителями-ариями!..

Время шло, Кейн оставался пленником в Нинне. Но в храм его больше не водили и в качестве оракула выступать не принуждали.

Однажды в городе случился переполох. Кейн слышал, как ревели на городской стене трубы, как гремели внизу литавры. На улицах лязгала сталь, и даже в его, так сказать, мансарду доносился топот марширующих воинов. Кейн выглянул наружу и увидел на равнине, за стенами, нагое чернокожее воинство, подступавшее к городу. Горели на солнце наконечники копий, колыхались на ветру головные уборы из страусовых перьев, доносился ослабленный расстоянием боевой клич...

Сула влетел в комнату, глаза у парня горели.

— Там мой народ!.. — выкрикнул он. — Они пришли воевать против Нинна! Мой народ — воины! Катайо — наш царь, а Богага — военный вождь! Честь военных вождей сулаев заключена в мощи их рук, ибо вождем становится муж, убивший своего предшественника голыми руками! Так и Богага завоевал свое место, но еще немало дней пройдет, прежде чем кто-нибудь сумеет его одолеть! Потому что он — самый могучий!..

Окошко в комнате Кейна предоставляло наилучший обзор происходившего за стенами, поскольку помещалось на самом верхнем уровне в храме Баала. Вскоре в комнату явился жрец Ямен со своими угрюмыми стражниками, Шемом и еще одним столь же сумрачным эламитом. Они встали возле другого окна, устроившись так, чтобы Кейн не мог до них дотянуться.

Вот распахнулись громадные ворота: ассирийцы выходили из города навстречу врагам. Кейн прикинул, что там было не менее пятнадцати сотен вооруженных солдат. Значит, в городе оставалось еще около трехсот: царские телохранители, часовые на стенах и домашние войска знатных вельмож.

Кейн видел, что ассирийская рать выстроилась четырьмя отрядами. Центр, численностью примерно в шестьсот душ, выдвинулся вперед. Фланги состояли из трехсот воинов каждый. Остальные триста плотным строем следовали за центром, замыкая фланги сзади.

Все вместе выглядело наподобие трапеции, развернутой узкой стороной вперед.

Воины были вооружены дротиками, мечами, булавами и короткими тугими луками. На спинах висели колчаны, шетинившиеся перьями стрел.

Нинниты вышли на равнину в строгом боевом порядке и остановились, по-видимому занимая позицию в ожидании атаки. И она последовала незамедлительно. Кейн оценил число нападавших примерно в три тысячи, и даже на таком расстоянии бросались в глаза их воинское мужество и телесная мощь. Беда только, сулаи воевали каждый сам по себе, без какого-либо строя и системы. Они бросились вперед беспорядочной толпой... и были встречены ливнем смертоносных стрел, которые пронизывали их щиты из буйволиной кожи с такой легкостью, как будто те были сделаны из бумаги.

Ассирийцы повесили щиты на шею и выпускали стрелу за стрелой. Они не делали залпов, как стрелки Креси и Аженкура, но тем не менее стреляли плотно и без перерывов. Черные воины с отчаянным мужеством бросались вперед, в самую гущу убийственных стрел. Кейн видел, как умирали целые ряды нападавших, как мертвые тела усеивали равнину. Но уцелевшие бежали и бежали вперед, с потрясающей легкостью отдавая свою жизнь. Кейн только дивился безукоризненной дисциплине семитских воинов, стрелявших с полным хладнокровием, словно на учебном плацу. Их фланги выдвинулись вперед и несколько развернулись, встав в одну линию с центром. Те же, что двигались сзади, остались на своем месте. Они не двигались с места: им еще не довелось принять участия в битве.

Наконец нападавшие растратили свой пыл и откатнулись назад: смертному человеку не по силам было устоять под таким ураганом стрел. Неровный полумесяц, который поначалу образовали чернокожие, распался на части. В центре и на правом фланге сулаи отступали в полном беспорядке, догоняемые пернатой смертью, которую нинниты посылали им вслед. А вот на левом фланге сотни четыре осатаневших дикарей все-таки прорвались, несмотря на ужасающую стрельбу, и с несусветными воплями врезались в строй ассирийцев. Но

еще прежде, чем они скрестили копья в ближнем бою, Кейн увидел, как резервный отряд развернулся на месте и скорым шагом направился на выручку левому флангу. Оказавшись перед лицом двойной стены в шестьсот воинов, закованных в броню, атакующие не выдержали, покачнулись и отступили назад.

Засверкали мечи и копья. Кейн видел, как чернокожие воины падали, подобно спелым колосьям под серпом, только вместо серпов были дротики и мечи ассирийских жнецов. Конечно, не все мертвые тела принадлежали соплеменникам Сулы; но на каждого убитого ассирийца приходилось по меньшей мере десять чернокожих...

Теперь нападавшие отступали уже по всему фронту. Железные ряды наконец сдвинулись с места, быстро, но в полном порядке. Они пошли через равнину, стреляя на каждом шагу и добывая кинжалами раненых. Пленных не брали. Из сулаев получались весьма скверные рабы... в чем Соломону и выпало тотчас же убедиться.

Все пришедшие в комнату Кейна не отрывались от окон, не в силах отвести глаз от кровавого зрелища. Сула стоял позади, и его грудь неистово вздымалась. Крики гибнущих соплеменников будили жажду вражеской крови, всегда дремавшую в сердце храброго воина, обращенного в рабство. И наконец, издав вопль, достойный взбешенной пантеры, Сула прыгнул прямо на спины своих хозяев. Прежде чем кто-либо из них успел сделать хотя бы движение, он выдернул кинжал из ножен на поясе Шема и по рукоятку всадил его между лопаток Ямену. Жрец завизжал, как раненая женщина, и, обливаясь кровью, упал на колени. Оба эламита бросились на восставшего раба. Шем попытался перехватить его руку, но не успел. Сула и второй эламит уже сплелись в один клубок, и ножи обоих моментально окрасились кровью.

Они катались по полу со сверкающими глазами и пеной на губах, нанося удар за ударом. Шем все пытался схватить Сулу за руку, но сам попал под удар катящихся тел и был отброшен в сторону. Не удержавшись на ногах, он растянулся у самого ложа Кейна...

Подняться он уже не успел. Закованный в цепи англичанин прыгнул на него сверху, словно большая и очень свирепая кошка. Настал-таки миг, которого он так

долго ждал!.. Наконец-то он добрался до Шема!.. Эламит попробовал встать, но колено Кейна врезалось ему в грудь, проломив ребра. Железные пальцы пуританина сомкнулись на его глотке. Соломон почти что не обращал внимания на отчаянные усилия эламита, который бился, как дикий зверь, пытаясь вырваться из его хватки. Глаза англичанина застлал багровый туман. Он видел только, как ужас все больше наполнял безжалостные зрачки Шема. Вот они, наливаясь кровью, выкатились из орбит... вот из раскрытого рта вывалился язык... Бритая голова все сильнее запрокидывалась назад, и наконец его шея хрустнула под пальцами Кейна, словно переломленный сук, и мускулистое тело безжизненно обмякло.

Мгновенным движением англичанин сорвал с пояса мертвого заветный ключ. Еще мгновение — и он избавился от цепей, и вместе с ощущением свободы хлынул невероятный восторг. Он оглядел комнату, превращенную в побоище... Ямен испускал дух, растянувшись на каменных плитах. Сула и второй эламит лежали мертвыми. Оба они буквально изрезали один другого на куски, но ни один так и не разжал рук, заостривших в железной хватке...

Кейн во весь дух кинулся вон из комнаты. Никакого плана действий у него не было; он хотел только поскорее выбраться из храма, который успел возненавидеть хуже ада. Он промчался по галереям, не встретив на пути ни души. Похоже, все храмовые прислужники столпились на стенах и наблюдали за битвой. Только на самом нижнем этаже Соломону пришлось столкнуться носом к носу с каким-то стражником. Пока воин с глупым видом таращил на него глаза, стремительный кулак Кейна разнес челюсть, заросшую смоляной бородой, и отшвырнул его, без сознания, прочь. Не теряя времени, Кейн завладел тяжелым дротиком воина. Неожданная мысль посетила его: а что если на улицах окажется так же пусто, как и в храме? Что если все население занято созерцанием битвы? Чего доброго, еще и удастся незамеченным пересечь город и перелезть стену у озера...

Он пробежал через лес колонн, загромождавших храм, и выскочил наружу сквозь величественный портал. Небольшая группа людей, стоявших там, с криками

разбежалась при виде растерзанной и весьма странной фигуры, неожиданно вылетевшей из храма. Кейн со всех ног помчался по улице, что вела прочь от ворот, где происходило сражение. Немногие попадались ему на пути. Думая сократить дорогу, пуританин свернул в какой-то переулок... и услышал за углом громовой рев.

Как раз впереди он увидел четверку рабов, несших разукрашенные носилки вроде тех, в которых здесь путешествовали по улицам вельможи. В носилках сидела молодая девушка: наряд, разукрашенный самоцветами, выдавал в ней знатную и богатую даму. Вновь послышался рев, и из-за угла прыжком выскочил громадный бурый зверь. Лев!.. Лев на городских улицах!..

Рабы выронили носилки и с воплями припустили наутек. Жители, заполонившие крыши домов, испуганно кричали. Закричала и девушка, всего один раз. Поднявшись на ноги, она оказалась как раз на пути у чудовища. Ужас сковал ее: она могла только стоять и смотреть на приближающуюся смерть...

В первое мгновение, услышав рык зверя, Соломон Кейн исполнился яростного восторга. Так ненавистен был ему Нини, что мысль об опасном хищнике, бродящем по улицам и пожирающем его бесчеловечных обитателей, доставила пуританину истинное наслаждение. Но при виде несчастной девчонки, готовой вот-вот отправиться в пасть людоеда, в его сердце пробудилась жалость и подвигла Кейна к немедленным действиям.

Лев уже взвился в последнем прыжке, когда пуританин метнул дротик, вложив в этот бросок всю силу своего закаленного жилистого тела. Острие ударило как раз под могучую лопатку зверя, насквозь пронизав рыжеватую-бурую тушу. Из глотки чудовища вырвался оглушительный рев. Оно словно бы натолкнулось в полете на стену, и стена отбросила его в сторону. Раздирающие когти не впились в хрупкое девичье тело, — зверь в своем падении лишь зацепил ее тяжеловесным мохнатым плечом, отшвырнув далеко в сторону...

Начисто позабыв всю опасность своего собственного положения, Кейн подоспел к девушке и подхватил ее на руки, пытаясь понять, не ранена ли она. Это последнее оказалось легче всего, благо ее одежда, как и у всех

знатных ассирийек, состояла в основном из украшений и открывала куда больше, чем прятала. Девушка была перепугана до полусмерти, но отделалась лишь несколькими синяками.

Соломон осторожно поставил ее на ноги и обнаружил, что их уже окружил любопытный народ. Кейн стал решительно проталкиваться наружу, и никто даже не попытался его остановить. Внезапно, откуда ни возьмись, появился жрец и закричал что-то, указывая на него пальцем. Народ шарахнулся в стороны, но к месту происшествия уже спешила дюжина воинов в доспехах и с дротиками наготове. Кейн повернулся к жрецу, в душе его клокотала бешеная ярость. Он уже собирался броситься на стражников и умереть, но прежде нанести им какой-никакой урон, хотя бы и голыми руками... Однако в это время на улице гулко отдались шаги марширующих воинов, и из-за угла появился отряд. Похоже, эти люди только что вернулись с поля брани: наконецники их копий все еще были красны от крови.

Девушка, спасенная Кейном, вскрикнула и метнулась вперед, чтобы повиснуть на крепкой шее молодого военачальника, шагавшего во главе отряда. Она стала что-то быстро-быстро говорить ему — что именно, Кейн, естественно, разобрать не сумел. Выслушав девушку, военачальник отдал короткий приказ, и стражники отступили. Сам же он приблизился к Кейну, показывая ему пустые ладони и улыбаясь. Он держался исключительно дружелюбно, и англичанин понял: молодой воин старался как мог отблагодарить его за спасение девушки, без сомнения приходившейся ему сестрой либо возлюбленной. Жрец бушевал и бранился, но юный вельможа ответил ему лишь несколькими краткими словами и жестом пригласил Кейна следовать за собой. Англичанин заколебался, не в силах заставить себя вот так сразу довериться неизвестно кому. Тогда молодой военачальник вытащил из ножен свой собственный меч и протянул его Кейну рукоятью вперед. Соломон подумал и взял оружие. Почем знать, может, местные правила хорошего тона предписывали отказаться. Однако у Кейна не было никакой охоты рисковать, а с оружием в руках он сразу почувствовал себя увереннее...

БАСТИЙСКИЙ ЯСТРЕБ (неоконченное)

— Соломон Кейн!..

Переплетенные ветви громадных деревьев вздымались величественными арками, возносясь на сотни футов над покрытой мшистыми коврами землей. Между чудовищными стволами, словно в готическом соборе, царил таинственная полутьма. Откуда же долетел голос? И право же, не была ли здесь замешана какая-нибудь чертовщина?.. Кто мог нарушить загадочную тишину джунглей посреди неведомого языческого края, окутанного тенью колдовских тайн, только ради того, чтобы окликнуть по имени одинокого путешественника?..

Холодный взгляд Кейна быстро обшарил пространство между деревьями. Одна рука затвердела в железной хватке на рукояти резного остроконечного посоха, худые пальцы другой подобрались поближе к одному из кремневых пистолетов, которые пуританин всегда держал наготове...

И тут из лесных потемок выступила удивительная фигура, при виде которой даже у невозмутимого Кейна слегка округлились глаза. Перед ним стоял белый человек, но до чего же странно одетый! Единственным, что прикрывало его наготу, была набедренная повязка из шелковой ткани, да еще на ногах красовались неприличного вида сандалии. Золотые браслеты, тяжелая золотая цепь на шее и широкие кольца в ушах придавали его облику оттенок варварского великолепия. Большая часть украшений была очень занятой, непривычной Кейну работы; зато серьги были точно такие, какие носили сотни европейских матросов.

Человек был весь исцарапан и сплошь покрыт синяками, как если бы ему пришлось со всех ног мчаться густыми лесными чащобами не разбирая дороги. Тем не

менее наметанный взгляд Кейна сразу выделил на его руках и ногах неглубокие порезы, которых уж точно не могли причинить ни шипы, ни хлесткие ветки. А в правой руке человек сжимал короткий кривой меч, и лезвие отливало зловещим багрянцем.

— Соломон Кейн! Во имя завывающих псов ада!.. — с изумлением воскликнул мужчина, приближаясь к смотревшему на него англичанину. — Да подвергнут меня килеванию на корабле сатаны, если я не подскочил, как укушенный, увидев тебя!.. Я-то думал, я тут на тысячу миль окрест единственный белый!..

— Я думал то же самое о себе, — ответил Соломон Кейн. — Однако прости, я тебя что-то не узнаю!..

Незнакомец хрипло расхохотался:

— Ничего удивительного! Я бы, пожалуй, и сам себя не узнал, доведись мне столкнуться в этом лесу с собою самим! Ах, Соломон, Соломон, серьезнейший из головорезов! Сколько лет пролетело с тех пор, когда я последний раз видел твою хмурую физиономию! Только я бы ее и в преисподней признал. Слушай, да неужели ты вправду позабыл славные деньки, когда мы не давали житья «донам» по всему побережью от Азорских островов до Дариена? О, пушки и сабли!.. Клянись костями святых, попили мы тогда их кровушки!.. Погоди, Соломон, ну не мог же ты в самом деле позабыть Ястреба? Джереми Хока?..

В холодных глазах Кейна замерцало узнавание — так скользит над озером тень летучего облака.

— Припоминаю, — сказал он наконец. — Хотя мы и не ходили с тобой на одном корабле. Я был у сэра Ричарда Гренвилля, а ты плавал под началом Джона Беллафонте.

— Точно! — вскричал Хок и выругался. — Я бы с радостью отдал корону, которую потерял, только чтобы возвратилось то времечко! Жаль, сэр Ричард покоится на морском дне, а Беллафонте горит в аду. А сколько парней из нашего храброго братства теперь болтаются по виселицам или кормит добротной английской плотью бессловесных рыб!.. Скорее расскажи мне, мой меланхолический убийца, правит ли еще в веселой Англии славная королева Бесс?..

— Много лун сменилось с тех пор, как я отчалил от родных берегов, — ответил Кейн. — Но, во всяком случае, когда я отплывал, она прочно сидела на троне.

Ответ был немногословен, и Хок с любопытством уставился на него:

— Что, Соломон? По-прежнему недолюбливаешь Тюдоров?..

— Ее сестрица травила мой народ, словно хищных зверей, — резко проговорил Кейн. — Сама она лгала моим единоверцам и предавала их... Впрочем, к нашим с тобой делам это отношения не имеет. Скажи лучше, что ты здесь делаешь?

Кейн успел заметить, что Хок время от времени оборачивался в ту сторону, откуда появился, и, похоже, пристально вслушивался, ни дать ни взять ожидая погони.

— История это длинная, — отвечал Ястреб. — Попробую пересказать ее вкратце. Ты, конечно, знаешь, что Беллафонте вдрызг перессорился с другими английскими капитанами...

Кейн заявил со всей откровенностью:

— Насколько я слышал, он докатился до самого обыкновенного пиратства.

Хок плутовски ухмыльнулся:

— Да, болтают и такое. Ну, как бы там ни было, отправились мы на Испанскую Гриву... и — клянись буркалами сатаны! — зажили там, среди островов, точно короли. Мы вовсю грабили корабли, перевозившие серебро, и не пропускали ни одного галеона с сокровищами. Но потом появился боевой испанский корабль и, право же, достал нас как следует. Взрыв ядра отправил Беллафонте к его хозяину, сатане, а я, первый помощник, сделался капитаном. Там был один негодяй, французик по имени Ла Коста, который пытался перебежать мне дорожку... Я, не говоря худого слова, велел вздернуть его на рее, после чего поднял все паруса и двинулся к югу. От испанца мы, ха-ха, улизнули и двинули на Невольничий Берег за грузом черного дерева. Только, похоже, с гибелью Беллафонте фортуна вконец от нас отвернулась. Мы попали в густой туман и налетели на риф. А когда туман рассеялся, нас сотнями

окружили боевые каноэ, полные черных завывающих дьяволов!..

Мы дрались с ними добрых полдня, а когда наконец отогнали, выяснилось, что у нас вышел почти весь порох. Половина матросов лежала мертвее мертвых, а корабль себе раздумывал, не съехать ли с рифа да не потонуть ли прямо у нас под ногами. Выбор у нас, сам понимаешь, был небогатый: то ли уходить на шлюпках в открытое море, то ли высаживаться на берег. Шлюпка же у нас оставалась всего одна, остальные раскрошили испанские ядра. Кое-кто из команды погрузился в нее и погреб на запад, и больше мы их не видали. Ну а мы, оставшиеся, сколотили плоты и добрались до берега.

Клянусь всеми силами Гадеса, это было чистое безумие, но, спрашивается, что нам еще оставалось? Джунгли так и кишели кровожадными дикарями. Мы сунулись было на север, надеясь разыскать один из тех фортов, куда приезжают охотники за рабами, но дикари преградили нам путь, и мы — делать нечего! — повернули на восток. Мы пробивались с боем и дрались буквально за каждый шаг, и отряд наш, понятно, таял, как туман под солнцем. Пожились и дикари с копьями, и хищные звери, и ядовитые змеи... бр-р-р! Жуть вспомнить!.. И вот настал день, когда джунгли поглотили последнего из моих людей, и я остался один. Каким-то образом я ускользнул от туземцев. Несколько месяцев я скитался в этих негостеприимных краях, один и только что не безоружный. Но в конце концов я вышел к берегу огромного озера и — поверишь ли, Соломон? — увидел перед собой стены и башни островного государства...

Хок зло расхохотался.

— Клянусь костями святых, — продолжал он, — это, верно, выглядит точно побасенки сэра Джона МанDEVИЛЯ! Перебравшись на острова, я обнаружил там довольно странный народец, которым к тому же правила еще более странная и совершенно безбожная раса. Ну, о том, что белого человека они ни разу до того дня не видали, я уж и вовсе молчу... Когда-то в юности я одно время путешествовал вместе с компанией воров, которые успешно скрывали свой истинный промысел, жонг-

лируя и выделывая всякие там фигли-мигли. Короче, я до сих пор сохранил некоторые навыки, и народ островов смотрел на меня разинув рот. Я казался им богом... Всем, за исключением старого Агары, тамошнего жреца. Но даже и он не мог внятно объяснить людям, почему это у меня белая кожа.

Они жутко почитали меня, и Агара втайне предложил сделать меня верховным жрецом. Я сделал вид, что вполне согласен, а сам давай прибирать к рукам разные его секреты. Сперва я побаивался старого стервятника, потому что он умел творить волшебство, по сравнению с которым вся моя ловкость рук была детской игрой... Но что ты будешь делать, народ ко мне так и тянуло!

Озеро, где они живут, называется Ньяйна, населенный архипелаг — Островами Ра, а самый большой остров зовется Басти. Правящее сословие величает себя «хабасти», а рабов именуют «масуто».

У этих последних, должен тебе заметить, житуха вовсе не сахар. Никакого своеволия не допускается, только то, что велит хозяин, а хозяева — не приведи Бог! Обходятся с бедолагами еще покруче, чем испанцы — с дариенскими индейцами. Я сам видел, как за малейшую провинность женщин запарывали насмерть кнутами, а мужчин — распинали. А уж культ, который отправляют богомерзкие хабасти, — это вообще что-то! Жуткий это культ и кровавый, и, уж откуда, из какой страны они его с собой прихватили, я не знаю и знать не хочу. В храме Луны у них стоит здоровущий алтарь, и каждую Божью неделю на том алтаре под кинжалом старого Агары с жуткими воплями испускает дух жертва, конечно, масуто, крепкий молодой паренек или нетронутая девчонка. И то, что жертву убивают, еще не самое худшее. Прежде чем кинжал принесет избавление от страданий, беднягу уродуют и калечат так, что и говорить-то об этом не хочется. Святая инквизиция сдохла бы от зависти, если бы только посмотрела на пытки, которые учиняют над жертвами жрецы Басти! И таково, скажу тебе, их дьявольское искусство, что невнятно стонущее, корчащееся, лишенное кожи и глаз нечто никак не может помереть, пока последний удар кинжала не вырвет его или ее из лап дьявольских палачей!

Тут Хок украдкой присмотрелся к своему собеседнику и заметил, что в недрах странных глаз Кейна начал разгораться глубинный огонь, предвещавший близкое извержение вулкана. Внешне же выражение лица пуританина не особенно переменялось, сделавшись разве только еще более мрачным. Он кивнул головой, прося флибустьера продолжать.

— Как ты понимаешь, — сказал Хок, — ни один англичанин не смог бы чуть ли не каждодневно наблюдать за смертными муками несчастных жертв и не проникнуться жалостью. Едва выучившись лопотать по-местному, я сделался их защитником и прочно встал на сторону масуто. Старый Агара рад был бы зарезать меня, но тут рабы подняли восстание и сами замочили того демонского ублюдка, который прежде сидел на троне. Они умоляли меня остаться у них и принять власть, и я согласился. Под моей рукой Басти расцвел, благоденствовали и масуто, и хабасти. Но старый Агара, успевший юркнуть в какую-то укромную щелку, тоже даром времени не терял. Он принялся плести против меня интриги и, подумай только, сумел восстановить многих масуто против их избавителя! Несчастные недоумки!.. Так вот, аккурат вчера он перешел к открытым действиям. Разразился бой, и по улицам древнего Басти ручьями потекла кровь. Старый козел пустил в ход черную магию, и многие из моих сторонников распростились с жизнью. Мы бежали в каноэ на один из островков поменьше, но и там они нас достали, и мы снова дрались и снова были разбиты. Всех моих приверженцев перебили либо переловили... да смиростивитесь Господь над теми, кого взяли живьем! Удрал один только я, и с тех пор они охотятся за мной, точно стая волков. Вот и теперь, не сомневаюсь, они идут по моему следу. И уж не успокоятся, пока не прикончат, хотя бы им и пришлось гоняться за мной по всему континенту!

— Что ж, тогда не будем тратить время на праздные разговоры, — сказал Кейн.

Но Хок только холодно улыбнулся:

— О нет. Как только я заметил тебя между деревьями и понял, что какой-то каприз Фортуны послал мне

на выручку представителя мой расы, я решил, что обязательно снова надену на себя золотую корону Островов Ра! Пусть идут, пусть идут все! Ужо мы их встретим!..

Видишь ли, храбрый мой пуританин, все, чего я тут добился в прошлом, я достиг без оружия, одними мозгами. А окажись у меня при себе еще и ружье, я бы посейчас правителем в Басти сидел. Они там никогда даже не слыхали о порохе. А у тебя целых два пистолета! Их и то хватит, чтобы нам с тобой дюжину раз оказаться на троне. Эх, был бы у тебя с собой еще и мушкет!..

Кейн только передернул плечами. Незачем было рассказывать Хоку о невероятном сражении, в котором он вдребезги разбил свой мушкет. Кейн, по правде говоря, и сам не был полностью уверен, что полумистическое происшествие случилось с ним наяву, а не пригрезилось во сне.

— У меня достаточно оружия, — сказал он. — Правда, запас пороха и пуль подходит к концу.

— Всего три выстрела, и мы окажемся на троне Басти! — заявил Хок. — Ну что, мой храбрец в фетровой шляпе, не надумал пособить старому другу?

— Я рад буду помочь тебе всем, что окажется в моих силах, — произнес Кейн очень серьезно. — Но самому мне не нужны троны земных царств, ибо они суть рассадники тщеславия и гордыни. Если мы принесем избавление страдающему народу и накажем злых людей за их жестокость, я сочту, что довольно вознагражден.

Двое мужчин, стоявшие под сумрачным пологом тропического леса, разительно отличались один от другого. Джереми Хок был ростом примерно с Кейна и, подобно ему, жилист и очень силен, — казалось, он состоял сплошь из стальных пружин и упругого китового уса. Но если Соломон Кейн был темноволос, то Хока можно было скорее назвать белоголовым. Африканское солнце покрыло его кожу бронзовым загаром, и отросшие светлые пряди спадали на узкий высокий лоб. Нижняя челюсть, покрытая желтой щетиной, агрессивно выдавалась вперед, тонкогубый рот наводил на мысль о жестокости. Серые глаза были полны беспо-

койного блеска, в них чередовались тени и свет, пронизанный самыми непредсказуемыми отблесками. Если добавить к этому тонкий орлиный нос, то всякий мог найти в лице Хока что-то от большой хищной птицы. Он стоял, слегка подавшись вперед, почти нагой, с окровавленным мечом в правой руке, — обычная для него поза яростного нетерпения.

А напротив него стоял Соломон Кейн, такой же рослый, сильный и жилистый, в потасканных сапогах и драной одежде, в мягкой фетровой шляпе без пера, опоясанный пистолетами, рапирой и кинжалом, с пороховницей и кошельком для пуль на ремне. Бросалась в глаза несхожесть между диковатой безоглядностью, сквозившей в лице флибустьера, и сумрачными чертами серьезного пуританина.

И все-таки было нечто общее между тигриной гибкостью пирата и волчьей настороженностью внешне невозмутимого Кейна. Оба были прирожденными странниками, оба убивали подобных себе, обоими двигала одна и та же безудержная тяга к неведомому, которая огнем горела в крови и не давала нигде пустить корни.

— Дай мне один пистолет и половину пороха и пуль! — воскликнул Хок. — Скоро они будут здесь... Во имя Иуды, не станем же мы ждать их сложа руки! Нет, мы пойдем им навстречу! Положись на меня, — один выстрел, и они падут на колени, чтобы воздать нам божеские почести. Пойдем же! А по дороге поведаешь мне, как и почему вышло, что ты здесь очутился.

— Я странствовал в течение многих месяцев, — без большого воодушевления начал рассказывать Кейн. — Почему я тут оказался, по правде говоря, не ведаю сам. Просто джунгли позвали меня с того берега синего моря, и я пришел на их зов. Несомненно, сюда привела меня рука Провидения, та самая, что с рождения направляла мой путь. Уж верно, есть в моих странствиях некий высший смысл, коего сам я, по скудоумию своему, не в силах постичь...

Оба они широко и размашисто шагали вперед под зелеными арками древесных ветвей. Хок вдруг заметил:

— А занятная у тебя тросточка, мой друг.

Кейн невольно повел глазами на посох, который держал в правой руке. Он был длиной с хорошую саблю, тверд, точно железо, и с тонкого конца заострен. Другой конец венчала голова кошки, а по всей длине тянулись необычного вида волнистые линии и всевозможные символы.

— У меня нет сомнения, что эта вещь имеет прямое отношение к черной магии и ведовству, — серьезно проговорил Кейн. — Бывало, однако, и так, что сей посох мощно разил злые создания, да и вообще он — доброе оружие. Мне вручил его человек поистине странный... некто Н'Лонга, колдун с Невольничьего Берега, который на моих глазах совершал непонятные и противные Господу чудеса. Но точно так же несомненно и то, что под морщинистой шкурой старого дикаря бьется очень хорошее сердце...

Хок неожиданно остановился, напрягшись всем телом:

— Ага!..

Спереди долетел топот множества обутых в сандалии ног. Звук был едва слышен, точно шорох ветерка, трогаящего вершины деревьев. Но у обоих искателей приключений был слух охотничьих псов, и они без труда уловили далекий шорох и поняли, что он означал.

Лицо Хока озарилось свирепой улыбкой.

— Впереди есть небольшая лощина. Вот там-то мы их и встретим!

...Очень скоро Кейн и с ним бывший царь Басти стояли, не прячась, по одну сторону лощины, в то время как на другую, точно стая волков, бегущая по свежему следу, одновременно выскочило не менее сотни воинов. Туземцы изумленно остановились, заведя того, кто совсем недавно удирали от них, спасая свою жизнь, а теперь смотрел им в глаза с жестокой, насмешливой усмешкой. А чего стоил молчаливый сообщник, неизвестно откуда появившийся рядом с ним!

Что же касается Кейна, то и он взирал на них с недоумением и любопытством. Примерно половина были негры, крепкие, коренастые, широкогрудые и коротконогие, — обычная черта племен, полжизни проводящих в каноэ. Все они были наги и вооружены тяжелы-

ми копьями. Однако внимание англичанина привлекли не они.

Рядом с чернокожими крепышами стояли совершенно другие люди. Рослые, хорошо сложенные, с правильными чертами лица и прямыми черными волосами. Цвет кожи у них был в основном медно-коричневый, причем самых разных оттенков, от светло-красноватого до темного бронзового. Лица этих людей показались пуританину открытыми и приятными на вид. Одежда их состояла из сандалий и шелковых набедренных повязок. У многих на головах было нечто вроде бронзовых шлемов, а на левой руке каждый держал круглый деревянный щит, усиленный бычьей кожей и медными гвоздиками. В руках виднелись мечи вроде того, которым был вооружен Хок, а кроме мечей — гладкие деревянные булавы и легкие боевые топоры. Кое-кто нес тяжелые луки, явно очень мощные и тугие, и колчаны с длинными стрелами.

И Соломону Кейну припомнилось, что где-то когда-то он вроде бы видел людей, похожих на тех, что стояли сейчас перед ним. Или, по крайней мере, изображения подобных людей. Но где — он не взялся бы объяснять.

Воины между тем остановились, в нерешительности поглядывая на двоих белых...

— Ну что?.. — с издевательской насмешкой проговорил Хок. — Вы отыскиали своего правителя. Так, может, припомните, как следует воздавать ему почести? На колени, собаки!

Отлично сложенный юный воин, возглавлявший отряд преследователей, выступил вперед и разразился пламенной речью. И Кейн даже вздрогнул, потрясенно осознав, что... понимает его язык! Благо тот был весьма схож с бесчисленными диалектами банту, многие из которых пуританин освоил за время своих путешествий. Другое дело, что некоторые слова были вовсе непонятны ему, а другие даже на слух производили впечатление древности.

— Убийца! На твоих руках кровь!.. — заливаясь темным румянцем гнева, выкрикнул юноша. — И ты еще осмеливаешься насмехаться над нами? Я не знаю, кто

этот человек, стоящий подле тебя, но с ним мы не ссорились. Нам нужна только твоя голова, и мы отнесем ее Агаре. Схватить его!

И он отвел руку с дротиком, замахиваясь для броска, но в этот момент Хок тщательно прицелился и выстрелил. Грохот крупнокалиберного пистолета был оглушителен. Сквозь тучу порохового дыма Кейн все-таки рассмотрел, что сраженный воин рухнул как подкоженный. На остальных выстрел произвел то самое действие, которое Кейну не раз уже приходилось наблюдать в самых разных краях. Оружие попросту вывалилось из онемевших рук воинов, которые застыли с раскрытыми ртами, словно перепуганные дети. Кто-то закричал. Кто-то упал на колени, кто-то вовсе уткнулся в землю лицом...

И все они смотрели округлившимися глазами на бездыханное тело убитого. Выстрел, произведенный почти в упор, разнес юноше череп и попросту вышиб мозги.

Соратники павшего стояли точно стадо овец, лишившееся вожака, и Хок принялся ковать железо, пока горячо.

— На колени, собаки! — резким голосом выкрикнул он, делая шаг вперед и ударом наотмашь сбивая кого-то с ног. — Что, призвать на ваши головы молнии и громы погибели? Или, может, все-таки признаете меня своим законным владыкой?..

Ошарашенные, выбитые из колен, воины один за другим преклоняли колена. Кое-кто простерся ниц и, всхлипывая, ерзал брюхом по траве. Хок поставил ногу на шею ближайшего воина и обернулся к Кейну, ухмыляясь с яростным торжеством.

— Поднимайтесь, — велел он затем, награждая лежавшего презрительным пинком. — Но не смей забывать, кто здесь царь! Вернетесь ли вы в Басти, чтобы сражаться на моей стороне, или предпочтете умереть здесь?..

— Мы... мы готовы драться за тебя, господин... — нестройным хором прозвучало в ответ.

Хок вновь ухмыльнулся.

— Итак, — сказал он, — моя реставрация на троне произошла даже проще, чем я смел надеяться... Встать с

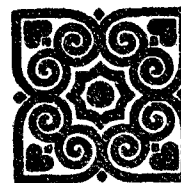
колен, говорю! Эта пададь пусть так и валяется здесь... Я — царь ваш! А это — Соломон Кейн, мой товарищ. Он страшный колдун, и даже если вы умудритесь убить меня... хотя, как известно, я божествен и бессмертен... так вот, только пикните, и он сметет всех вас с земли одним движением пальца!

Люди суть стадо овец, сумрачно размышлял Соломон, наблюдая за тем, как воины обеих рас покорно строятся согласно приказаниям Хока. Вот они образовали колонну по трое и зашагали обратно, а в середине пошли Хок и Кейн.

— Копья в спину можешь не опасаться, — сообщил Кейну флибустьер. — Они покорились: загляни им в глаза и сам убедишься. И все-таки, знаешь что... держи ухо востро.

Потом, подозревая воина, осанка и внешность которого выдавали в нем вождя, он велел ему идти между собою и Кейном...

Черный Канаан

ЧЕРНЫЙ КАНААН

Глава 1

ПОСЛАНИЕ ИЗ КАНААНА

— Неприятности на ручье Туларуса!

От такого предупреждения любого человека, выросшего в затерянной стране чернокожих — Канаане, — лежащей между Туларусом и Черной рекой, прошиб бы от страха холодный пот... И этот человек, где бы он ни был, со всех ног помчался бы назад в окруженный болотами Канаан.

Предупреждение — всего лишь шепот обветренных губ едва волочащей ноги старой карги, которая исчезла в толпе раньше, чем я мог бы схватить ее. Но и его было достаточно. Не нужно подтверждений. Не нужно искать, каким таинственным путем темного народа весть с берегов Туларуса дошла до негритянки. Не нужно спрашивать, какие неведомые силы Черной реки распечатали морщинистые губы старухи. Достаточно того, что предупреждение прозвучало... и я понял его.

Понял? Как же человек с Черной реки мог истолковать такое предупреждение? Только так: старая ненависть снова вскипела в глубинах джунглей, среди болот, темные тени заскользили среди кипарисов, и смерть начала свое гордое шествие по таинственным деревьям ниггеров на заросших мхом берегах унылого Туларуса.

Через час Новый Орлеан остался у меня за спиной, продолжая удаляться с каждым поворотом хорошо смазанного колеса парохода. Любой человек, рожденный в Канаане, был привязан к тем местам невидимой нитью, которая тянула назад, когда его родине угрожали темные тени, затаившиеся в заросших джунглями тайных уголках более чем полстолетия назад.

Самые быстрые суда, на которых я плыл, казались безумно медленными, для путешествия вверх по большой реке и по маленькой быстрой речушке. Перегорев, я равнодушным ступил на Шарпсвилльскую землю, чтобы проделать последние пятнадцать миль. Была полночь, но я поторопился к платной конюшне, где по традициям, заведенным полстолетия назад, всегда, днем и ночью, стоял под седлом конь Бакнера.

Когда сонный чернокожий мальчик подтягивал подруги, я повернулся к хозяину стойла, Джо Лаферти, зевавшему и державшему лампу высоко над головой.

— Идут слухи о неприятностях на берегах Туларуса?

Даже в тусклом свете лампы было видно, как он побледнел.

— Не знаю. Я слышал разговоры... Но ваши в Канаане всегда держат рты на замке. У нас никто не знает, что там творится...

Ночь поглотила и его фонарь, и дрожащий голос, когда я поскакал на запад.

Красная луна стояла над темными соснами. В лесу ухали совы, и где-то выла собака, рассказывая ночи о своей грусти. В темноте перед самой зарей я пересек Голову Ниггера — черный сверкающий ручей, окаймленный стенами непроницаемых теней. Копыта моего коня прошлепали по мелководью и — слишком громко в ночной тишине — зазвенели о мокрые камни. За Головой Ниггера начиналась местность, которую называли Канаан.

Беря начало на севере среди тех же болот, что и Туларус, ручей Голова Ниггера тек на юг, впадая в Черную реку в нескольких милях к западу от Шарпсвилля, в то время как Туларус протекал западнее и встречается с той же рекой много выше по течению. Сама же Черная река протянулась с северо-запада на юго-восток. Эта река и два ручья образовывали огромный треугольник, известный как Канаан.

В Канаане жили сыны и дочери белых переселенцев, которые первыми поселились в этой местности, а также сыны и дочери их рабов. Джо Лаферти был прав: мы — изолированы, держим рты на замке, не ищем ни с кем общения, ревниво относимся к неприкосновенности своих владений и независимости.

За Головой Ниггера лес стал гуще, дорога сузилась, петляя среди земель, заросших соснами, кое-где перемежающимися с дубами и кипарисами. Вокруг не было слышно никаких звуков, кроме мягкого цоканья копыт моего коня по пыльной дороге и скрипа моего седла. И вдруг кто-то хрипло засмеялся.

Я остановился и стал вглядываться в заросли. Луна села, заря еще не разгорелась, но слабое мерцание уже дрожало над деревьями, и в его свете я разглядел неясную фигуру под обросшими мхом ветвями. Моя рука инстинктивно легла на рукоять одного из дуэльных пистолетов,* которые я прихватил с собой. Это вызвало низкий соблазнительно насмешливый, музыкальный смешок. Наконец я разглядел коричневое лицо, пару сверкающих глаз, белые зубы, обнажившиеся в наглой улыбке.

— Кто ты, черт тебя побери? — спросил я.

— Почему, Кирби Бакнер, ты приехал так поздно? — насмешливый смех звучал в этом голосе. Акцент казался забытым и непривычным — едва различимая гнусавость негров, — но голос был густым и чувственным, как и округлое тело его обладательницы. В тусклом свете ее темные волосы огромным цветком едва различимо мерцали во тьме.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я. — Отсюда далеко до деревни твоего народа. К тому же я тебя не знаю.

— Я пришла в Канаан вскоре после того, как ты уехал, — ответила она. — Моя хижина на берегу Туларуса. Но сейчас я сбилась с пути, а мой бедный брат повредил ногу и не может идти.

— Где твой брат? — встревожившись, спросил я. Ее превосходный английский беспокоил меня, привыкшего к диалекту черного народа.

— Там, в лесу... далеко! — Она показала в черные глубины леса, не просто махнув рукой, а изогнувшись всем телом и по-прежнему дерзко улыбаясь.

Я понял, что в чаще нет никакого повредившего ногу брата. И девушка знала, что я понимаю это, и смеялась надо мной. Но странная смесь противоречивых эмоций подтолкнула меня. Никогда раньше я не обра-

* Имеются в виду однозарядные пистолеты, заряжающиеся с дула.

щал внимания на черных или коричневых женщин. Но эта квартиронка отличалась от всех, кого я видел раньше. У нее были правильные, как у белой женщины, черты лица. Однако выглядела она варваркой — открыто соблазнительная улыбка, блеск глаз, бесстыдные движения всем телом. Каждый жест, каждое движение отличали ее от обычных женщин. Ее красота казалась дикой и непокорной, скорее сводящей с ума, чем успокаивающей. Такая красота ослепляет мужчину, от нее кружится голова, пробуждая неудержимые чувства, которые достались людям в наследство от предков-обезьян.

Я отлично помню, как спешился и привязал своего коня. Кровь оглушающе пульсировала у меня в висках, и я, нахмурившись, посмотрел на девушку, совершенно очарованный:

— Откуда ты знаешь мое имя? Кто ты?

Со смехом она схватила меня за руку и потянула в глубь теней. Околдованный огоньками, мерцавшими в глубине ее темных глаз, я пошел следом за ней.

— Кто не знает Кирби Бакнера? — засмеялась она. — Все люди в Канаане только и говорят о вас — и белые, и черные. Пойдем! Мой бедный брат давно хотел взглянуть на тебя! — И она засмеялась со злобным триумфом.

Такое открытое бесстыдство привело меня в чувство. Циничная насмешка разрушила почти гипнотические чары, жертвой которых я пал.

Я остановился, отбросил ее руку и зарычал:

— В какую дьявольскую игру ты играешь, сука!

Неожиданно улыбающаяся сирена превратилась в дикую кошку джунглей. Ее глаза вспыхнули со смертоносной яростью. Ее красные губы скривились, когда она отпрыгнула назад, что-то громко крикнув. В ответ раздался топот голых ног. Первый бледный луч зари пробился сквозь покров ветвей, открыв нападавших — трех огромных черномазых. Я увидел блеск белков их глаз, белых зубов и широких стальных клинков в их руках.

Моя первая пуля пробила голову самому высокому, отбросив его мертвое тело. Мой второй пистолет бесильно щелкнул — капсуль соскользнул с бойка. Я метнул его в черное лицо, и, когда негр упал, наполовину оглушенный, я выхватил свой охотничий нож и схва-

тился с третьим. Парировав удар его кинжала, я протертил острием своего клинка по мускулам его живота. Он закричал, словно болотная пантера, и схватил мою руку с ножом, но я ударил его в челюсть кулаком левой, почувствовав, как плющатся его губы и крошатся зубы. Негр отшатнулся, и его кинжал описал широкую дугу. Прежде чем он восстановил равновесие, я метнулся за ним и нанес удар ему под ребра. Застонав, он соскользнул на землю в лужу собственной крови.

Я обернулся, высматривая того, кто еще остался в живых. Он только поднимался. Кровь стекала у него по лицу и шее. Когда я посмотрел на него, он неожиданно испуганно закричал и нырнул в подлесок. Отзвуки его бегства донеслись до меня, постепенно затихая. Девушки тоже нигде не было видно.

Глава 2

ЧУЖЕЗЕМЕЦ

Немного придя в себя я обнаружил, что девушка исчезла. Во время схватки я забыл о ней. Но я не тратил время на тщетные предположения, откуда она взялась, пока ощупью пробирался назад к дороге. Тайна пришла в леса.

Мой конь фыркал и дергал привязанные поводья, испуганный запахом крови, пропитавшим тяжелый, сырой воздух. По дороге заклацали копыта, кто-то приближался в разгорающемся свете зари. Зазвучали голоса.

— Кто это? Выйди и назови себя, иначе мы будем стрелять.

— Остынь, Есаи! — воскликнул я. — Это — Кирби Бакнер!

— Кирби Бакнер, да поразит меня гром! — воскликнул Есаи Макбрайд, опуская пистолет. Несколько всадников маячило у него за спиной.

— Мы услышали выстрел, — объяснил Макбрайд. — Мы патрулируем дороги вокруг Гримсвилля, как делаем каждую ночь уже с неделю... С тех пор, как они убили Ридли Джексона.

— Кто убил Ридли Джексона?

— Ниггеры с болот. Это все, что мы знаем. Как-то, с месяц назад, утром, Ридли вышел из леса и постучал в дверь капитана Сорлея. Кэп сказал, что у Ридли лицо было серое, как пепел. Он выл, умоляя Кэпа дать ему, ради Бога, войти. Видно, он хотел рассказать что-то ужасное. Так вот, Кэп отправился открывать дверь, но раньше, чем он спустился вниз, он услышал, как ужасно взвыли его собаки, и еще он услышал дикий человеческий крик. Вопил Ридли. А когда Кэп открыл дверь, там уже никого не было, только мертвая собака с разбитой головой лежала во дворе, а все другие псы словно с ума посходили. Они-то и нашли Ридли среди сосен в нескольких сотнях ярдов за домом Кэпа. От дверей Кэпа до того места вся земля была взрыта и кусты переломаны, словно Ридли тащили четыре или пять человек. Может, они даже связали и протащили его волоком. Так или иначе, они всмятку разбили Ридли голову и оставили его там лежать.

— Будь я проклят! — пробормотал я. — Вон там, у дороги, лежат трупы еще двух ниггеров. Мне интересно, знаете ли вы их? Я не знаю.

Через мгновение мы стояли на прогалине. Уже достаточно рассвело. Лишь одно темное тело покоилось на ковре сосновых иголок. Голова мертвеца покоилась в луже крови. Большое пятно на земле и кровь на переломанных кустах была и по другую сторону маленькой полянки, но второй черномазый, видимо, был всего лишь ранен и сбежал.

Макбрайд перевернул тело носком сапога.

— Один из ниггеров, что прибыл с Саулом Старком, — прошептал он.

— Кто это, черт возьми? — потребовал я объяснений.

— Странный ниггер, который переехал в эти края, после того как ты отправился вниз по реке. Прибыл он, по его словам, из Южной Каролины. Живет в старой хижине Нека... Ты знаешь, лачуга, где ютились ниггеры полковника Рейнольдса.

— А ты, Есаи, не прокатайся со мной до Гримсвилля? По дороге ты бы рассказал мне о том, что здесь творится, — предложил я. — Остальные пусть пошарят

вокруг, может, и найдут раненого ниггера где-нибудь неподалеку в кустах.

Есаи согласился проводить меня. Бакнеры всегда по молчаливому согласию считались в Канаане предводителями, и для меня было естественным, что остальные согласились с моим предложением. Никто не может приказывать белому человеку в Канаане.

— Полагаю, ты и сам скоро все увидишь, — заметил Макбрайд, когда мы поскакали по белеющей среди деревьев дороге. — Надеюсь, тебе удастся разобраться в том, что происходит в Канаане.

— Так что же случилось? — спросил я. — Я ничего не знаю. Я был в Новом Орлеане, когда старая негритянка прошептала мне, что тут у вас неприятности. Естественно, я со всех ног помчался домой. Три странных ниггера поджидали меня... — Любопытно, но мне почему-то не захотелось упоминать женщину, заманившую меня в ловушку. — Потом ты мне сказал, что кто-то убил Ридли Джексона. Что все это значит?

— Ниггеры с болот убили Ридли, чтобы заткнуть ему рот, — объяснил Макбрайд. — Это был единственный способ сделать так, чтобы он замолчал. Должно быть, они были рядом, когда он постучал в дверь капитана Сорлея. Ридли ведь проработал на Кэпа большую часть жизни. Кэп заботился о старике. Какая-то дьявольщина творится на болотах, и Ридли хотел предупредить об этом белых. Я это так понимаю.

— Предупредить о чем?

— Мы не знаем, — признался Макбрайд. — Вот почему мы настороже. Должно быть, ниггеры собираются подняться.

Этого слова было достаточно, чтобы вызвать дрожь в сердце любого жителя Канаана. Черные поднялись в 1845-м, и кровавый ужас этого восстания не был забыт. Рабы взбунтовались, жгли все подряд и убивали всех белых вдоль Черной реки, от Туларуса до Головы Ниггера. Страх перед восстанием черных затаился в Канаане, каждый ребенок здесь впитал его с молоком матери.

— С чего это ты решил, что черные поднимутся? — спросил я.

— Все ниггеры ушли с полей, это — раз. У них всех появились дела в Гошене. В Гримсвилле уже с неделю ни одного ниггера не видать. Их городок тоже заброшен.

В Канаане мы до сих пор придерживаемся порядков, существовавших еще до гражданской войны. «Городок ниггеров» — перестроенные дома на окраине Гримсвилля, в старые дни служившие неграм-слугам. Многие черномазые и до сих пор живут там или поблизости от Гримсвилля. Но их было не много по сравнению с «болотными ниггерами», живущими на крошечных фермах, расположившихся вдоль ручейков по краю болот, или в деревне черных — Гошене, что на берегу Туларуса. Они берут свои корни от тех, кто раньше работал на полях, и нетронуты цивилизацией, очистившей души слуг в доме. Эти чернокожие примитивны, как их африканские предки.

— Куда же подевались жители города ниггеров? — спросил я.

— Никто не знает. Они испарились неделю назад. Может, попрятались вдоль берега Черной реки. Если мы выиграем, они вернутся. Если нет, то станут искать убежища в Шарпсвилле.

Я решил, что Есай немного сгущает краски, словно восстание ниггеров уже было непреложным фактом.

— И что вы сделали? — требовательно спросил я.

— Да немного, — признался он. — Ниггеры открыто не выступили. Убит лишь Ридли Джексон. А мы точно и не знаем, кто это сделал и почему... Они ведь пока только исчезли. Но это очень подозрительно. И мы не можем забыть о Сауле Старке.

— Кто этот парень? — спросил я.

— Я уже рассказывал тебе все, что знал. Он получил разрешение поселиться в старой пустующей хижине Нека. Большой такой черный дьявол. Никогда не слышал, чтобы хоть один ниггер говорил на английском так хорошо, как он. С ним были три или четыре здоровяка из Южной Каролины и коричневая сучка, которая ему то ли дочь, то ли жена, то ли сестра. В Гримсвилле он ни разу не был, но через несколько недель после того, как он прибыл в Канаан, ниггеры стали вести себя странно. Некоторые из парней хотели поехать тогда в

Гошен и поговорить с черномазыми по душам, но решили повременить, чтобы не попасть впросак.

Я знал, что мой спутник имел в виду ужасную историю, которую рассказывали нам наши деды; историю о том, как карательная экспедиция из Гримсвилля однажды попала в засаду и была перерезана в густых зарослях кустов, окружавших Гошен, беглыми рабами, в то время как другая банда ниггеров опустошала Гримсвилль, оказавшийся беззащитным перед их вторжением.

— Может, всем нам стоит отправиться на поиски этого Саула Старка? — предложил Макбрайд. — Но мы не смеем оставить город без защиты. Но скоро мы... эй, а что это там?

Мы неожиданно выехали из лесу в деревню Гримсвилль — центр жизни белого населения Канаана. Она не была какой-то особенной. Но чистых и побеленных деревянных домов было тут достаточно. Маленькие домики лепились вокруг больших домов в старинном стиле, приютивших грубую аристократию лесной глуши. Все семьи «плантаторов» жили «в городе». «В сельской местности» жили их арендаторы и мелкие независимые фермеры, как белые, так и черные.

Маленький деревянный сруб стоял там, где дорога сворачивала в лес. Голоса, доносившиеся оттуда, звучали угрожающе, а на пороге замерла высокая тощая фигура — человек с ружьем в руках.

— Кто с тобой, Есай? — окликнул нас этот человек. — Ей-богу, это Кирби Бакнер! Рад тебя видеть, Кирби.

— Что случилось, Дик? — спросил Макбрайд.

— Там, в хижине, ниггер. Пытаемся разговаривать его. Бил Рейнольдс заметил, как он крался по окраине города на заре, и поймал его.

— Что за негр? — спросил я.

— Топ Сорлей. Джон Виллоуби отправился за болотной гадюкой.

Подавив проклятие, я спрыгнул с лошади и вошел в хижину следом за Макбрайдом. Полдюжины мужчин в сапогах и с пистолетными ремнями* сгрудились над

* Ремни-патронташи, на которых «стрелки» на Западе носили кобуры с пистолетами.

фигурой, съежившейся на старой сломанной койке. Топ Сорлей (его предки приняли фамилию семьи, которая владела ими в дни рабства) выглядел жалко. Кожа его была пепельного цвета, зубы спазматически щелкали, а глаза закатились, сверкая белками.

— Здесь Кирби! — воскликнул один из мужчин, когда я стал протискиваться к негру. — Держу пари, он заставит эту скотину заговорить!

— Пришел Джон с гадюкой! — закричал кто-то — и дрожь прошла по телу Топа Сорлея.

Я легонько толкнул черномазого в бок рукоятью хлыста.

— Топ, — обратился я к ниггеру. — Ты много лет работал на ферме моего отца. Скажи, кто-нибудь из Бакнеров когда-нибудь угрожал тебе просто так?

— Не-е-ет, — едва слышно ответил он.

— Тогда чего ты боишься? Почему бы тебе не рассказать все как есть? Что-то происходит на болотах. Ты знаешь что, и я хочу, чтобы ты нам рассказал, почему все городские ниггеры разбежались. Почему убит Ридли Джексон? Что же такое таинственное затевают ниггеры с болот?

— И что за дьяволышину устроил Саул Старк на берегу Туларуса? — воскликнул один из собравшихся.

Когда произнесли имя Старка, Топ еще больше сжался.

— Я боюсь, — задрожал ниггер. — Он утопит меня в болоте!

— Кто? — требовательно спросил я. — Старк? Разве Старк теперь правит в этих краях?

Топ закрыл лицо руками и не ответил. Я положил руку ему на плечо.

— Топ, — сказал я. — Знаешь, если ты все расскажешь, мы защитим тебя. Если же не расскажешь, не думаю, чтобы Старк смог придумать тебе что-то похуже того, на что способны эти парни. Теперь говори... что все это значит?

Он, отчаявшись, посмотрел на меня.

— Тогда вы должны оставить меня здесь, — дрожа, пробормотал он. — Охранять меня, дать мне денег, чтоб я мог уехать, когда начнутся неприятности.

— Мы все так и сделаем, — тотчас пообещал я. — Ты можешь оставаться в этой хижине, пока не решишь отправиться в Новый Орлеан, или куда ты там захочешь.

Топ сдался, отступил, и слова полились с его мертво-серых губ:

— Саул Старк — всему виной. Он приехал сюда, потому что здесь страна черных. Он попытается убить всех белых в Канаане...

Мои приятели зарычали. Так рычат волки, учуяв дичь.

— Он хочет провозгласить себя королем Канаана. Он послал меня шпионить за вами этим утром, посмотреть, что станет делать мистер Кирби. Еще он послал людей на дорогу, зная, что мистер Кирби вернется в Канаан. Уже с неделю ниггеры на Туларусе занимаются буду. Ридли Джексон хотел обо всем рассказать капитану Сорлею, но ниггеры Старка догнали и прикончили его. Это просто свело Старка с ума. Он-то не хотел убивать Ридли. Он хотел его бросить в болото вместе с Танком Биксби и остальными.

— О чем ты говоришь? — спросил я.

Далеко в лесу раздался странный пронзительный крик, словно птица какая-то закричала. Но такой птицы раньше никогда в Канаане не водилось. Топ тоже закричал, словно ей в ответ, и весь задрожал. Он вжался в койку, парализованный страхом.

— Это — сигнал! — воскликнул я. — Кто-нибудь должен выйти и посмотреть, что там такое.

Полдюжины мужчин двинулись выполнять мой приказ, а я вернулся, чтобы снова разговорить Топа. Но это оказалось бесполезным занятием. Сильный страх запечатал его уста. Он лежал, дрожа, словно побитое животное, и даже не слышал моих вопросов. Никто и не предлагал напугать его гадюкой, потому что никто из нас раньше не видел негра, парализованного страхом.

Но вот те, кто отправился на поиски, вернулись с пустыми руками. Они никого не видели, и на толстом ковре сосновых игл не было никаких следов. Все смотрели на меня в ожидании.

— Так что, Кирби? — спросил Макбрайд. — Брекин-гидж и остальные только что вернулись. Они так и не нашли ниггера, которого ты подранил.

— Был еще третий ниггер, которого я лишь ударил пистолетом, — сказал я. — Может, он вернулся и помог раненому. — До сих пор я не мог прийти в себя, вспоминая ту коричневую девушку. — Оставьте Топа. Может, через какое-то время он отойдет. И пусть все время кто-нибудь охраняет эту хижину. Ниггеры с болот могут попытаться прикончить его, как прикончили Ридли Джексона. Есаи, помли людей, пусть патрулируют на дорогах вокруг города. Кто-то из ниггеров может прятаться в лесу неподалеку.

— Хорошо. Я думаю, ты захочешь зайти к себе домой и встретиться со своими.

— Да. И я хочу поменять эти игрушки на парочку стволов сорок четвертого калибра. Потом я отправлюсь на прогулку — поговорить с белыми арендаторами, чтобы те ехали в Гримсвилль. Но если и будет восстание, мы пока не знаем, когда оно начнется.

— Ты не поедешь один! — запротестовал Макбрайд.

— Со мной будет все в порядке, — равнодушно ответил я. — Все это может так ничем и не кончиться, но лучше подготовиться. Вот поэтому-то я и хочу отправиться к арендаторам. Нет, я не хочу, чтобы кто-то ехал со мной. Если ниггеры сойдут с ума настолько, что попытаются атаковать город, у вас на счету будет каждый человек. Но если я смогу встретиться с кем-нибудь из болотных ниггеров, я поговорю с ними, и тогда, надеюсь, никто не станет нападать на город.

— Ты не сможешь увидеть черных даже мельком, — заявил мне Макбрайд.

Глава 3

ТЕНИ НАД КАНААНОМ

Еще до полудня я выехал из деревни, направляясь на запад по старой дороге.

Густой лес сразу проглотил меня. Стены сосен встали слева и справа, изредка уступая место полям, окруженным шаткими изгородями. Возле таких полей частенько стояли бревенчатые срубы домов арендаторов

или фермеров, вокруг которых носились растрепанные детишки и тощие псы.

Теперь же срубы оказались пусты. Их обитатели, если они были белыми, уже перебрались в Гримсвилль; если черными — ушли в болота или попрятались в тайные убежища городских ниггеров, как те того хотели. В любом случае, пустующие срубы заставляли строить самые зловещие предположения.

Напряженная тишина царил в сосновых лесах. Ее нарушал только редкий завывающий крик пахаря. Я не спешил, время от времени сворачивал с главной дороги, чтобы предупредить обитателей какой-нибудь одинокой хижины, спрятавшейся на берегу очередного ручья, густо заросшего кустами. Большинство из срубов находилось в стороне от дороги. Белые почти не селились так далеко на севере, потому что в той стороне находился ручей Туларус и заросшие джунглями болота, вытянувшиеся к югу бухточками, словно указующие пальцы.

Мое предупреждение было кратким. Не нужно было спорить или что-то объяснять. Не вылезая из седла, я кричал:

— Уходите в город. Неприятности на Туларусе.

Лица бледнели, и люди бросали свою работу, что бы ни делали. Мужчины брали ружья и сгоняли мулов, чтобы запрячь их в фургоны. Женщины связывали в узлы самое необходимое и созывали детей. Пока я ехал, я слышал, как поселенцы трубили в бычьи рога, собирая тех, кто ушел вверх или вниз по ручьям, призывая людей с отдаленных полей... трубили так, как никогда не трубили для моего поколения. И я знал, так они предупреждали каждого белого в Канаане. Сельская местность у меня за спиной пустела. Тонкими, но непрекращающимися потоками стекались люди в Гримсвилль.

Солнце низко висело над верхушками ветвей сосен, когда я добрался до сруба Ричардсона — самого западного «белого» жилища в Канаане. Позади этого сруба лежал Нек — треугольный островок суши между Туларусом и Черной рекой, заросший джунглями участок, где были лишь негритянские хижины.

Миисис Ричардсон озабоченно позвала меня с крыльца своего жилища:

— Привет, Кирби. Рада видеть, что вы вернулись в Канаан. Мы весь вечер слышим, как трубят в рога. Что это значит? Это... это не...

— Вам и Джо лучше бы собрать ребятшек и до темноты перебраться в Гримсвилль, — ответил я. — Ничего пока не случилось, а может, и не случится, но лучше быть в безопасности. Все белые уже или на пути в Гримсвилль, или собираются туда отправиться.

— Мы поедем прямо сейчас! — воскликнула она, побледнев, и сорвала передник. — Боже! Мистер Кирби, вы считаете, что они могут прирезать нас раньше, чем мы доберемся до города?

Я покачал головой:

— Если черные вообще нападут, то сделают это ночью. Мы на всякий случай принимаем меры безопасности. Возможно, ничего и не случится.

— Могу поспорить, что тут-то вы ошибаетесь, — заметила она, торопливо собираясь. — Я слышала, как бьют в барабаны у сруба Саула Старка. Снова и снова бьют, вот уже неделю. Они призывают к Большому Восстанию. Мой отец много раз рассказывал мне о нем. Ниггеры тогда содрали кожу с его еще живого брата. Рога трубят вверх и вниз по ручью, а барабаны бьют еще громче... Вы поедете с нами, мистер Кирби?

— Нет. Я отправлюсь на разведку, проеду по тропинке чуть дальше.

— Не заезжайте слишком далеко. Вы можете попасть прямо в лапы Саула Старка и его дьяволов. Боже! Где этот человек? Джо! Джо!

Когда я поехал дальше по дорожке, ее пронзительные крики еще долго раздавались у меня за спиной.

За фермой Ричардсона сосны уступили место дубам. Подлесок стал гуще. Порывистый ветерок принес запах гниющих растений. Случайно заметил я негритянскую хижину, наполовину спрятавшуюся под деревьями. Но вокруг стояла тишина и было пустынно. Брошенный негритянский сруб означал только одно: черные собрались в Гошене, в нескольких милях к востоку от Туларуса. И это тоже что-то да значило.

Моей целью была хижина Саула Старка. Я решил добраться туда, когда услышал бессвязный рассказ Топа

Сорлея. Без сомнения, Саул Старк являлся ключевой фигурой в паутине тайны. С ним-то мне и нужно было иметь дело. Я рисковал жизнью, но какой-то человек все равно должен был взять на себя лидерство.

Солнце светило сквозь нижние ветви кипарисов, когда я добрался до жилища Старка — низкого сруба среди сумрачных тропических джунглей. В нескольких шагах позади него начинались необитаемые болота, среди которых темный поток Туларуса впадал в Черную реку. В воздухе повис тяжелый, гнилостный запах. Деревья здесь обросли серым мхом, а ядовитый плющ разросся буйными зарослями.

Я позвал:

— Старк! Саул Старк! Выходи!

Никто мне не ответил. Первобытная тишина застыла над крошечной полянкой. Я спешил, привязал коня и подошел к грубой, тяжелой двери. Возможно, в этом срубе был ключ к тайне Саула Старка. По меньшей мере, в ней, без сомнения, содержались орудия и принадлежности его вредоносного колдовского искусства. Слабый ветерок неожиданно стих. Тишина стала такой напряженной, словно вот-вот должно было что-то произойти. Я остановился. Словно какой-то внутренний инстинкт предупредил меня о надвигающейся опасности.

Все мое тело задрожало, откликнувшись на предупреждение подсознания — мрачное, глубокое ощущение опасности. Точно так человек в темноте чувствует присутствие гремучей змеи или болотной пантеры, спрятавшейся в кустах. Я вытащил пистолет, оглядел деревья и кусты, но не заметил ни тени, ни подозрительного движения засевших в засаде врагов. Но мои инстинкты были безошибочны. Опасность, которую я почувствовал, не скрывалась в лесу. Она таилась внутри хижины — поджидая. Пытаясь отогнать это чувство и неопределенные подозрения, которые спрятались в дальних уголках моего разума, я заставил себя идти вперед. И снова остановился, ступив на крошечное крылечко и вытянув руку, чтобы открыть дверь. Холодная дрожь прошла по всему моему телу — ощущение, какое охватывает человека, который во вспышках молний видит черную бездну, куда угодил бы, если бы сде-

лал еще один шаг. Впервые в жизни я почувствовал, что боюсь. Я знал, что черный ужас затаился в этом угрюмом срубе, спрятавшемся под кипарисами, обросшими мхом. Этот ужас пробудил во мне примитивные инстинкты, доставшиеся в наследство от предков. Я едва ли не кричал в панике.

И тут неожиданно во мне проснулись полузабытые воспоминания. Я вспомнил историю про то, как люди, поклонявшиеся вуду, оставляли свои хижины под охраной могущественного духа джи-джи, который мог свести с ума или убить любого незваного гостя. Белый человек приписывал такие смерти суеверным страхам и гипнотическому внушению. Но в этот миг я понял, откуда взялось ощущение затаившейся опасности. Я понял, что ужас, которым я дышал, словно невидимым туманом, исходил из отвратительного сруба. Я почувствовал, насколько реален джи-джи — гротескный лесной образ, который поклонники вуду символически помещали в своих хижинах.

Саула Старка здесь не было. Но он оставил злого духа охранять хижину.

Я отступил. Мои руки покрылись бусинками пота. Но не шкатулку золота высматривал я через закрытые окна, и не прикоснулся я к запертой двери. Пистолет, который сжимал я в руке, был бесполезным против твари, которая скрывалась в хижине. Что там на самом деле, я не знал, но был уверен: в срубе скрывалось что-то жестокое, бездушное, вызванное из черных болот магией вуду. Люди и животные — не единственные существа, обитающие на этой планете. Существуют и невидимые твари — черные духи из глубин болот и с топкого речного дна. Негры знают о них...

Мой конь дрожал, словно лист, и жался ко мне. Я вскочил в седло, отвязал поводья, борясь с паникой и желанием ударить шпорами и сломя голову помчаться по тропинке.

Непроизвольно я вздохнул с облегчением, когда угрюмая полянка осталась позади и исчезла из вида. Но только сруб исчез из поля зрения, я не почувствовал себя круглым дураком. Однако воспоминания слишком ярко отпечатались в моей памяти. И дело не в страхе,

который внушил мне пустой сруб. Я отступил из-за природного инстинкта самосохранения, такого же, как тот, что не даст белке забежать в логово гремучей змеи.

Мой конь зафыркал и резко метнулся в сторону. Пистолет оказался в моей руке прежде, чем я разглядел, что испугало моего скакуна. Снова я услышал низкий издевательский смешок.

Девушка прислонилась к наклоненному стволу дерева. Руки она заложила за голову, нагло выставляя напоказ свою стройную фигуру. Дневной свет ничуть не рассеял ее варварские чары. Наоборот, свет заходящего солнца сделал их сильнее.

— Почему ты, Кирби Бакнер, не зашел в хижину джи-джи? — усмехнулась она, опустив руки и шагнув вперед.

Она была одета так, как никогда, насколько я знаю, не одевались женщины с болот. Сандалии из змеиной кожи на ее ножках были расшиты морскими ракушками, которых в этих краях никто не собирал. Короткая темно-красная шелковая юбка, закрывавшая ее полные бедра, держалась на широком поясе из бусинок. Варварские браслеты на запястьях и лодыжках позвякивали при каждом движении — тяжелые украшения из грубо выкованного золота, выглядели такими же африканскими, как ее надменно возвышающаяся прическа. Больше на ней ничего не было. На ее животе и на коричневой коже между возвышающимися грудями я разглядел слабые штрихи татуировки.

Квартеронка, рисуясь, извивалась передо мной, словно насмехаясь. Ее глаза торжествующе и злобно сверкали. Красные губы кривились в жестоком веселье. Глядя на нее, я понял, что легко поверить во все эти истории, которые я слышал о пытках и увечьях, которые женщины-дикари наносили раненым врагам. Эта женщина была чужой даже в нынешнем примитивном окружении. Она бы хорошо смотрелась на фоне диких клубящихся испарениями джунглей или на фоне поросших тростниками черных болот, горящих огней пира каннибалов возле кровавых алтарей языческих богов.

— Кирби Бакнер! — Она, казалось, ласкала язычком каждый слог моего имени, однако интонация ее голоса была непристойно оскорбительной. — Почему ты не во-

шел в сруб Саула Старка? Дверь же не заперта! Ты испугался того, что мог бы увидеть внутри? Ты испугался, что можешь выйти оттуда слабоумно бормочущим и седым, как старик?

— Что спрятано в том срубе? — спросил я.

Она засмеялась мне в лицо и щелкнула пальцами на странный манер.

— Один из тех, кто пришел, словно черный туман из ночи, когда Саул Старк сыграл на барабанах джи-джи и прокричал черные заклятия, вызывая богов, ползающих в глубине болот.

— Что нужно твоему Саулу Старку? До того, как он появился, черный народ в Канаане жил спокойно.

Ее красные губы презрительно изогнулись.

— Эти черные псы? Они — его рабы. Если они ослушаются, он убьет или бросит их в болото. Долго мы высматривали местечко, где можно устроить свое королевство. Мы выбрали Канаан. Теперь белые должны уйти. Но, как мы знаем, они никогда не уйдут со своих земель. Нам придется убить их.

Такое заявление заставило меня рассмеяться.

— Ниггеры уже пытались сделать это в сорок пятом.

— Но у них не было такого предводителя, как Саул Старк, — печально ответила она.

— Ладно, предположим, они выиграют? Вы думаете, этим все и кончится? После этого в Канаан придут другие белые и убьют всех ниггеров.

— Они не пересекут границы Канаана, — ответила девушка. — Мы сможем защитить берега реки и ручьев. У Саула Старка в болотах много слуг. Он — король черного Канаана. Никто не сможет пересечь водной границы Канаана против его воли. Он станет править своим племенем, так же как его отцы правили Древней землей.

— Безумие какое-то! — пробормотал я. Потом любопытство вынудило меня спросить. — Так кто же этот дурак — Саул Старк? Кем ты ему приходишься?

— Он сын колдуна из Конго и — великий священник вуду из Древней земли, — ответила она, снова рассмеявшись. — А я? Ты сможешь узнать, кто я, если придешь в полночь на болото, в Дом Дамбалаха.

— Да? — усмехнулся я. — А что помешает мне прямо сейчас забрать тебя с собой в Гримсвилль? Ты ведь знаешь ответы на накопившиеся у меня вопросы.

Она хохотнула — словно ударил бархатистый хлыст.

— Ты потащишь меня в деревню белых? Но в ночь, когда черные восстанут все белые умрут. И что бы не случилось Ад сохранит меня для Танца Черепа, который мне предстоит исполнить в полночь в Доме Дамбалаха. Это ты — мой пленник. — Она насмешливо рассмеялась, когда я стал озиаться, вглядываясь в тени вдоль дороги. — Никого там нет. Я — одна, и ты — самый сильный мужчина в Канаане. Даже Саул Старк боится тебя. Поэтому он и послал меня с тремя мужчинами убить тебя до того, как ты доберешься до деревни белых. Однако ты — мой пленник. Если я позову вот так, — она поманила меня, сгибая указательный палец, — то ты последуешь за мной к кострам Дамбалаха и к его ножам для пыток.

Я рассмеялся над ее словами, но мое веселье было неискренним. Я не мог отрицать невероятного магнетизма этой коричневой волшебницы. Очаровывая и принуждая, она манила меня к себе гораздо сильнее, чем я предполагал. Я ощущал это точно также, как опасность, скрывавшуюся в хижине, где прятался джи-джи.

То, что я заморожен, было для нее очевидно. Ее глаза вспыхнули с нечестивым триумфом.

— Черные люди глупы, — засмеялась она. — Да и белые глупы тоже. Я — дочь белого человека, который жил в хижине черного короля и был женат на его дочери. Я знаю силу и слабости белых людей. Ночью, встретив тебя в лесу, я просчиталась, — дикое ликование звучало в ее голосе. — Но с помощью крови из твоих вен я поймала тебя в ловушку. Нож человека, которого ты убил, поцарапал твою руку — семь капель крови упало на сосновые иглы. А мне, чтобы забрать твою душу, большего и не надо! Когда белые стрелки уехали, я собрала твою кровь, а Саул Старк отдал мне человека, который убежал. Саул Старк ненавидит трусов. С горячим, трепещущим сердцем труса и семью каплями твоей крови, Кирби Бакнер, там, в глубине болот, я сотворила заклятье, на которое никто не спосо-

бен, кроме Невесты Дамбалаха. Ты уже чувствуешь его действие! Да, ты сильный! Человек, которого ты ранил ножом, умер меньше получаса назад. Но теперь ты не сможешь сражаться со мной. Твоя же кровь сделала тебя моим рабом. Я наложила на тебя заклятье.

Небеса! То, что она говорила, было безумием! Гипнотизмом, магией — называйте, как хотите, — я чувствовал, что она пытается заморозить мой разум и волю... От нее исходили слепые, бесчувственные импульсы, которые пытались сбросить меня с края в некую безымянную бездну.

— Я сотворила чары, которым ты не сможешь сопротивляться! — воскликнула она. — Когда я позову тебя, ты придешь! Ты последуешь за мной в самые глубины болот. Ты увидишь Танец Черепа и узнаешь, какая судьба уготована дураку, попытавшемуся воспротивиться Саулу Старку... Дураку, возмнившему, что сможет сопротивляться Зову Дамбалаха. В полночь он отправится на болото вместе с Танком Биксби и четырьмя другими дураками, которые попытались противостоять Саулу Старку. Ты увидишь это представление. Ты узнаешь и поймешь, какая судьба уготована тебе. И потом ты сам отправишься в глубь болот, в темные и безмолвные глубины, такие же темные, как африканская ночь! Но прежде чем тьма поглотит тебя, будут острые ножи и угли костра... Ты будешь кричать, призывая смерть даже после того, как умрешь.

С криком я выхватил пистолет и нацелил его в грудь квартеронки. Боек был взведен, и палец лежал на курке. В этот раз я не должен был промахнуться. Но она смотрела в черное дуло пистолета и смеялась... смеялась... смеялась так дико, что кровь стыла в моих венах.

Я сидел в седле, нацелив на нее пистолет, и не мог выстрелить! Ужасный паралич охватил меня. Совершенно точно я знал, что моя жизнь зависит от того, нажму ли я на курок, но я не мог согнуть палец — не мог, хотя каждый мускул моего тела дрожал от напряжения и пот холодными каплями катился по лицу.

Потом девушка перестала смеяться и встала, невероятно злое глядя на меня.

— Ты никогда не сможешь выстрелить в меня, Кирби Бакнер, — спокойно сказала она. — Я поработила твою душу. Ты не сможешь понять моей силы, но ты попался. Это — Соблазнение Невесты Дамбалаха. Кровь, которую я смешала с таинственными водами Африки раньше текла в твоих венах. В полночь ты придешь ко мне в Дом Дамбалаха.

— Ты лжешь! — Слова, сорвавшиеся с моих губ, прозвучали неестественно хрипло. — Ты загипнотизировала меня. Ты — дьяволица. Поэтому я не могу нажать на курок. Но ты не сможешь заставить меня отправиться ночью на болота.

— Ты лжешь сам себе, — печально ответила она. — Ты и сам знаешь, что лжешь. Можешь возвращаться в Гримсвилль или отправиться куда пожелаешь, Кирби Бакнер. Но когда солнце сядет и черные тени выползут из болот, я призову тебя, и ты явишься. Я давно спланировала твою судьбу, Кирби Бакнер, с тех пор, как впервые услышала о том, как говорили о тебе белые люди Канаана. Это я послала вниз по реке слово, что привело тебя сюда. Даже Саул Старк не знает, что я придумала для тебя... На заре Гримсвилль погибнет в огне, головы белых людей покатаются по залитым кровью улицам. Эта ночь станет Ночью Дамбалаха, и белые будут принесены в жертву черному богу. Спрятавшись среди деревьев, ты будешь наблюдать Танец Черепа... А потом тебя призовут... И ты умрешь! А теперь поезжай куда хочешь, дурак! Беги так быстро, как сумеешь. Когда сядет солнце, то, где бы ни был, ты повернешь коня и явишься в Дом Дамбалаха!

И прыгнув, словно пантера, она исчезла в густых зарослях кустов. Когда она исчезла, странный паралич, охвативший меня, прошел. Я выдохнул проклятие и вслепую выстрелил ей вслед, но только насмешливый смех был мне ответом.

Потом в панике я прищепил коня и поскакал по тропинке. Рассудительность и логика моментально испарились, оставив меня в объятиях слепого, примитивного страха. Я столкнулся с колдовством, сопротивляться которому у меня не хватило сил. Я чувствовал, что меня подчинила сила взгляда коричневой женщины. Те-

перь же быстрая скачка полностью захватила меня. У меня возникло дикое желание ускакать как можно дальше до того, как солнце утонет за горизонтом и черные тени выползут из болот.

Однако я знал, что не смогу удрать от страшного заклятия вуду. Я напоминал человека, бегущего в кошмарном сне, пытающегося спастись от чудовищного призрака, который неизменно оставался за спиной.

Я не достиг сруба Ричардсона, когда услышал топот копыт впереди, и мгновением позже, за поворотом тропинки, едва не сбил высокого, тощего человека на худой лошади.

Он закричал и подался назад, когда я, натянув поводья, нацелил пистолет ему в грудь.

— Посмотри, Кирби! Это я — Джим Брактон! Мой Бог, ты выглядишь так, словно увидел призрака! Кто гонится за тобой?

— Куда ты едешь? — поинтересовался я, опуская пистолет.

— Присмотреть за тобой. Ты не вернулся вместе с беженцами. Ребята забеспокоились, что тебя нет так долго. Вот я и отправился присмотреть за тобой. Мистер Ричардсон сказал, что ты поехал дальше. Где ты был, черт возьми?

— Возле сруба Саула Старка.

— Ты сильно рисковал. Что ты делал там?

Вид белого человека успокоил меня. Я открыл рот, чтобы рассказать о приключении, и был поражен тем, что сказал вместо этого:

— Ничего. Его там не было.

— Не так давно я слышал пистолетный выстрел, — заметил он, оглядывая меня со всех сторон.

— Я выстрелил в медянку, — ответил я и содрогнулся. Против своего желания я не стал рассказывать о встрече с коричневой женщиной. Я не мог рассказать о ней, как не мог нажать на курок нацеленного на нее пистолета. Неописуемый ужас охватил меня, когда я все это понял. Заклятия, пугавшие черных людей, оказались правдой. Значит, существуют демоны в человеческом облики, которые могут поработить мысли и желания обычного человека.

Брактон странно посмотрел на меня.

— Нам повезло, что леса еще не кишат черными медянками, — сказал он. — Топ Сорлей бежал.

— Что ты имеешь в виду? — Мне стоило больших усилий взять себя в руки.

— Только то, что я сказал. Том Брекингидж был с ним в срубе. После того как ты поговорил с ним, Топ не сказал ни слова. Только лежал и дрожал. Потом из леса донеслись какие-то завывания. Том подошел к двери, держа ружье наготове, но ничего не увидел. Так вот, стоя у двери, он не заметил того, что происходило у него за спиной. Только повалившись на пол, он понял, что на него сзади прыгнул этот безумный нигтер Топ. А потом нигтер удрал в лес. Том стрелял ему вслед, но промахнулся. Как ты думаешь, отчего Топ удрал?

— Он услышал Зов Дамбалаха! — прошептал я. Меня прошиб холодный пот. — Бог! Жалкий дьявол!

— Как? О чем ты говоришь?

— Ради Бога, не будем здесь оставаться! Солнце скоро зайдет! — В яростном нетерпении я стегнул коня, направив его дальше по тропинке. Брактон последовал за мной, очевидно в полном недоумении. Ужасных усилий стоило мне сдерживать себя. Как ни фантастически это было, но Кирби Бакнер дрожал в объятиях безумного ужаса! Страх казался слишком чуждым всей моей природе, и было не удивительно, что Джим Брактон не мог понять, что беспокоит меня.

— Топ бежал не по собственной воле, — сказал я. — Он не мог сопротивляться этому зову. Гипноз, черная магия, вуду — называй как хочешь. Но Саул Старк обладает некой проклятой силой, которая поработает волю людей. Черные собрались где-то на болотах для какой-то дьявольской церемонии вуду, кульминацией которой, насколько я узнал, станет убийство Топа Сорлея. Мы, если сможем, должны добраться до Гримсвилля. Думаю, что на заре черные нападут на деревню.

Даже в полутьме сумерек было видно, как побледнел Брактон. Он не спросил меня, откуда я все это знаю.

— Мы встретим их. Неужели случится резня?

На его вопрос я не ответил. Мой взгляд неотрывно следил за заходящим солнцем, и, когда оно окончательно

но скрылось за деревьями, я задрожал ледяной дрожью. Тщетно говорил я себе, что не существует сверхъестественных сил, которые смогут повести меня куда-то против моей воли. Если колдунья могла повелевать мной, почему же она не заставила меня последовать за собой от хижины джи-джи? Мне казалось, будто кто-то нашептывает мне ужасные вещи о том, что эта квартиронка играет со мной, как кошка играет с мышью, позволяя той почти убежать — только для того, чтобы снова схватить ее.

— Кирби, что с тобой? — услышал я встревоженный голос Бракстона. — Ты потеешь и трясешься, словно старик. Что... Почему ты остановился?

Я бессознательно натянул поводья, и мой конь встал. Он задрожал и стал фыркать, когда я направил его по узкой тропинке, уходившей от дороги, по которой мы ехали, под острым углом... по тропинке, которая вела на север.

— Послушай! — с трудом прошепел я.

— Что это? — Бракстон потянулся за пистолетом. Короткие сумерки хвойного леса сменились глубокими тенями.

— Разве ты не слышишь? — прошептал я. — Барабаны! Барабаны бьют в Гошене!

— Я ничего не слышу, — тяжело пробормотал он. — Если они бьют в Гошене, то здесь их не услышать.

— Посмотри туда! — Мой резкий крик заставил его повернуться. Я показал на тропинку, скрытую тенями. Там, меньше чем в сотне футах от нас, кто-то стоял. Я разглядел ее в темноте. Ее странные глаза сверкали, насмешливая улыбка кривилась на красных губах. — Коричневая сука Саула Старка! — пробормотал я, потянувшись к кобуре. — Мой бог, ты что, окаменел? Ты видишь ее?

— Я никого не вижу! — прошептал он, мертвенно побледнев. — О чем ты говоришь, Кирби?

Мой взгляд скользнул по тропинке, снова и снова я вглядывался в тени. В этот раз ничто не сдерживало мою руку. Но улыбающееся лицо смотрело на меня из теней. Гибкая, округлая рука поднялась, палец властно позвал, а потом девушка пошла, и я прищипорил коня и

направил его по узкой тропинке, едва заметной, пустынной и заброшенной. Словно черный поток подхватил и понес меня вопреки моему желанию.

Смутно услышал я крики Бракстона, а потом он оказался рядом со мной, схватил мои поводья, заставил моего коня повернуть. Помню, совершенно не соображая, что делаю, я ударил его рукояткой пистолета. Все черные реки Африки вздымались и пенились в моей голове, с грохотом сливаясь в единый поток, который нес меня в океан гибели.

— Кирби, ты сошел с ума? Эта дорога ведет в Гошен!

Удивляясь сам себе, я покачал головой. Пена водяного потока бурлила в моей голове. Собственный голос показался мне очень далеким:

— Возвращайся! Скачи в Гримсвилль! Я еду в Гошен!

— Кирби, да ты с ума сошел!

— Безумный или нормальный, но в эту ночь я поеду в Гошен, — вяло ответил я. Я был полностью в сознании, понимал, что делаю, сознавал невероятную глупость своего поступка и знал, что ничто мне не поможет. Какие-то обрывки здравомыслия понуждали меня пытаться скрыть страшную правду от моего спутника, предполагавшего, что я просто обезумел. — Саул Старк в Гошене. Он — тот, кто виновен во всем происходящем. Я поеду убить его. Это остановит восстание раньше, чем оно начнется.

Бракстон задрожал, словно человек, у которого началась лихорадка.

— Я поеду с тобой.

— Ты должен поехать в Гримсвилль и предупредить людей, — настаивал я, пытаюсь говорить логично, но чувствуя, что меня все настойчивей, непреодолимо тянут куда-то... ужасно настойчиво заставляют ехать дальше.

— Ребята и так выставят охрану, — упрямо возразил Бракстон. — Им не нужно мое предупреждение. Я пойду с тобой. Не знаю, что происходит, но я не должен дать тебе умереть в одиночестве в этих темных лесах.

Я был не согласен. Я не мог взять его с собой. Ослепляющие потоки снова и снова обрушивались на меня. Чуть впереди на тропинке я все время видел строй-

ную фигуру, различал блеск сверхъестественных глаз, согнутый, манящий палец...

Галопом я помчался по тропе и слышал, как копыта лошади Бракстона застучали у меня за спиной.

Глава 4

ЖИВУЩИЕ НА БОЛОТАХ

Наступила ночь. Сквозь ветви деревьев ярко сверкала кроваво-красная луна. Стало тяжело править конями.

— Они чувствительнее нас, Кирби, — прошептал Бракстон.

— Возможно, — отсутствующим голосом ответил я. В сумрачном свете я с трудом мог отыскать тропинку.

— И я тоже что-то чувствую. Чем ближе мы к Канаану, тем они беспокойней. Каждый раз, как мы подъезжаем к ручьям, кони становятся робкими и фыркают.

Тропинка не раз уже выводила нас к узким грязным ручьям, которых в этом уголке Канаана было полно. Несколько раз мы оказывались так близко к одному из них, что видели в тенях густой растительности черный, тускло мерцающий поток. И каждый раз, как я помню, кони выказывали признаки страха.

Я боролся со страшным принуждением, которое влекло меня. Но ощущение было не то, что в гипнотическом трансе. Я оставался полностью в сознании. Даже безумие, в котором слышался рев черных рек, отступило. Мои мысли прояснились. Я совершенно четко понимал собственную глупость и мучился, но был не способен побороть ее и повернуть коня. Отчетливо сознавал я, что еду принять пытки и смерть и веду верного друга к такому же концу. Но я скакал дальше и дальше. Все мои усилия разрушить чары, сковавшие меня, оказались тщетны. Я не мог объяснить, каким образом заклятие воздействует на меня, так же как не мог объяснить, почему серебристая сталь может превратиться в магнит. Надо мной властвовали черные силы, о которых не знал ни один белый. Такая простая, известная

вещь, как гипноз, выглядела убогой частицей, лучинкой, отщепленной наугад от искусства вуду. Сила, которой я не мог сопротивляться, тащила меня в Гошен. Большого я не мог понять, как не может понять кролик, почему глаза раскачивающейся змеи заставляют его идти в разинутую пасть.

Мы были не так далеко от Гошена, когда лошадь Бракстона сбросила седока, а мой конь начал фыркать и брыкаться.

— Кони не пойдут дальше! — выдохнул Бракстон, сражаясь с поводьями.

Я спешился, перебросив поводья через луку седла.

— Во имя Бога, Джим! Возвращайся! Я пойду дальше пешком.

Я слышал, как он шептал проклятия, когда его лошадь умчалась галопом следом за моим конем и ему пришлось последовать за мной пешком. Мысль о том, что он должен разделить мою судьбу, вызвала у меня тошноту, но я его не отговаривал. Впереди в тенях танцевал гибкий силуэт, влекущий меня дальше... дальше... и дальше...

Я не тратил больше пуль на эту насмешливую тень. Бракстон не видел ее, и я знал, что она — часть колдовства, не настоящая женщина из плоти и крови, а порожденное адом переплетение теней, насмехающееся надо мной и ведущее меня сквозь ночной лес к ужасной смерти. «Послание» черных людей, которые были мудрее нас и могли призвать такую тень.

Бракстон, нервничая, вглядывался в темный лес, стоявший вокруг стеной, и я знал, что он дрожит от страха, боясь, что негры неожиданно выпалют по нам из темноты. Но вопреки моим опасениям мы не попали в засаду, когда вышли на залитую лунным светом поляну, застроенную срубами, — вошли в Гошен.

Два ряда бревенчатых срубов, стоящих лицом друг к другу, разделяла пыльная улица. Дворы одного из рядов выходили на берег ручья Туларус. Заднее крыльцо многих домов нависало над черной водой. Ничто не двигалось в лунном свете. В Гошене не горело ни огонька. Из глиняных труб срубов не вился дым. Это был мертвый город, пустынный и заброшенный.

— Ловушка! — прошипел Бракстон. Его глаза превратились в сверкающие щелки. Он крался вперед, как пантера, и пистолеты были у него в руках. — Нигтеры поджидают нас в хижинах!

Ругаясь последовал он за мной, когда я широким шагом зашагал по улице. Я не обращал внимания на молчаливые хижины. Я знал, что Гошен пуст. Я чувствовал это. Однако меня не покидала уверенность в том, что кто-то следит за нами. Я и не пытался убедить себя в обратном.

— Они ушли, — нервничая, прошептал Бракстон. — Я не чувствую их запаха. Я всегда чую запах нигтеров, если их много и если они поблизости. Ты говорил, что они отправятся в рейд на Гримсвилль?

— Нет, — прошептал я. — Сейчас все они в Доме Дамбалаха.

Он бросил на меня быстрый взгляд:

— Это кусочек земли на берегу Туларуса в трех милях к западу отсюда. Мой дед рассказывал мне об этом месте. В прошлом, во времена рабства, нигтеры держали там своих языческих шаманов. Ты не... Кирби... ты...

— Послушай! — Я стер ледяной пот со своего лица. — Послушай!

Через черный лес едва различимым шепотом на ветру, скользя вдоль затянутых тенями берегов Туларуса, доносился до нас бой барабанов.

Бракстон задрожал.

— Все правильно, это они. Но ради Бога, Кирби... посмотри!

С проклятием метнулся он к дому на берегу ручья. Я был позади него и лишь мельком разглядел черную неуклюжую фигуру, спускающуюся по берегу к воде. Бракстон нацелил длинный пистолет, потом опустил его и разразился проклятиями. Существо со слабым всплеском исчезло. По сверкающей черной поверхности пошла рябь.

— Что это было? — спросил я.

— Нигтер, ползающий на четвереньках! — выругался Бракстон. Его лицо в лунном свете было странно бледным. — Он прятался за хижинами, следил за нами!

— Это, должно быть, аллигатор. — Что за таинственная штука — человеческий разум! Я спорил со здравомыслием и логикой.

Я — жертва лежащего за гранью реального и логики. — Нигтер вынырнул бы, чтобы глотнуть воздуха.

— Он проплыл под водой и вынырнул в тени у берега, там, где мы его не заметим, — возразил Бракстон. — Теперь он отправится предупредить Саула Старка.

— Не думаю! — Снова задрожала жилка у меня на виске. Рев пенящейся воды неодолимо захлестнул меня. — Я пойду... через болото. Последний раз говорю тебе, возвращайся!

— Нет! В своем ты уме или совсем спятил, но я пойду с тобой!

Ритм барабанов был неровным. Чем ближе мы подходили, тем отчетливей он становился. Мы боролись с густой растительностью джунглей. Запутанные лианы пытались остановить нас. Наши сапоги тонули в пенистой грязи. Мы вышли на окраины болот. Ноги проваливались все глубже, а заросли становились все гуще, пока мы пробирались по необитаемым болотам, в нескольких милях к западу от того места, где Туларус впадал в Черную реку.

Луна еще не села. Черные тени лежали под переплетением ветвей, с которых свисали мшистые бороны. Мы ступили в первый ручей, который должны были пересечь. Это был один из грязевых потоков, впадающих в Туларус. Вода в нем доходила лишь до бедер. Поросшее мхом дно казалось неестественно твердым. Сапогом нащупал я край подводной ямы и предупредил Бракстона:

— Осторожно, здесь глубокая яма. Держись прямо за мной.

Ответ его был неразборчивым. Дышал он тяжело, стараясь держаться прямо за мной. Добравшись до крутого берега, я вскарабкался вверх по грязи, цепляясь за корни. Вода позади меня взволновалась. Бракстон что-то неразборчиво закричал и поспешно вылез на берег, едва не опрокинув меня. Я обернулся. Пистолет сразу оказался у меня в руке.

— Черт возьми, что, случилось, Джим?

— Кто-то схватил меня за ногу! — задыхаясь сказал он. — В той глубокой яме. Я вырвался и помчался на

берег. Я тебе скажу, Кирби, это — та тварь, что выслеживала нас. Чудовище, плавающее под водой.

— Значит, это ниггер. Они плавают, как рыбы. Может, он подплыл под водой и попытался утопить тебя?

Бракстон покачал головой, глядя в черную воду. В руке его тоже был пистолет.

— Он пах, словно ниггер. Более того, я скажу, он выглядел, словно ниггер. Но мне показалось, что это не человек.

— Ладно. Значит, это был аллигатор, — отсутствующим голосом пробормотал я, отворачиваясь. Как всегда, когда я останавливался, рев властных, не допускающих возражения рек становился столь нестерпимым, что я едва не терял сознание.

Бракстон зашлепал за мной, ничего не сказав. Пенная грязь доходила нам до лодыжек. Мы перелезали через обросшие мхом поваленные стволы кипарисов. Впереди неясно замаячил другой ручей, еще шире, и Бракстон взял меня за руку.

— Не ходи дальше, Кирби! — задыхаясь, прошептал он. — Если мы снова войдем в воду, эта тварь наверняка нас утащит.

— Так кто же это?

— Я не знаю. Она нырнула с берега в Гошене. Та же тварь схватила меня в том ручье. Кирби, давай повернем назад.

— Повернем назад? — Я горько рассмеялся. — Хотел бы я, если б мог. Или Саул Старк, или я — кто-то должен умереть до рассвета.

Мой спутник облизал сухие губы и прошептал:

— Тогда пойдем. Я с тобой, и пусть мы попадем в рай или в ад. — Он засунул пистолет обратно в кобуру и вытащил из сапога длинный нож. — Пошли!

Я спустился по скользкому берегу и плюхнулся в воду, которая дошла мне до лодыжек. Неясно вырисовывавшиеся ветви кипарисов образовывали над водой обросшие мхом арки. Вода была черной. Бракстон, казавшийся пятном, шел позади меня. С трудом выбрался я на мель на противоположном берегу и подождал, стоя по колено в воде, повернувшись и глядя на Джима Бракстона.

Все случилось в один миг. Я увидел, как Бракстон резко остановился, глядя на что-то на берегу у себя за спиной. Он закричал, выхватил пистолет и выстрелил, только когда я повернулся. Во вспышке выстрела я разглядел гибкую тень, метнувшуюся назад. Коричневое, дьявольски искаженное лицо. Потом, после ослепляющей вспышки выстрела, Джим Бракстон снова закричал.

Зрение и рассудок мой на мгновение прояснились, и я увидел, как вспенилась грязная вода. Что-то округлое, черное вынырнуло из воды рядом с Джимом... а потом Бракстон надрывно завопил и рухнул со всплеском, неистово молотя руками по воде. С бессвязными криками я прыгнул в ручей, споткнулся и упал на колени, едва не окунувшись с головой. Вынырнув, я увидел голову Бракстона, залитую кровью, на мгновение появившуюся над поверхностью. Я рванулся к нему. Но голова Бракстона исчезла, а на ее месте появилась голова кого-то другого — черная голова. Я яростно ударил ее, но мой нож рассек лишь воду, потому что мгновением раньше тварь исчезла.

Я крутанулся, так как удар пришелся на пустое место, а когда восстановил равновесие, никого уже не было. Я позвал Джима, но не получил ответа. Холодная рука страха сжала мою душу. Я выбрался на берег, мокрый и дрожащий. Оказавшись на мелководье, где воды было не выше чем по колено, я подождал, хоть и не знал чего. Но потом, ниже по течению, неподалеку, я заметил какой-то большой предмет, лежащий на мелководье у берега.

Я прошел к нему по липкой грязи, цепляясь за ляны. Это был Джим Бракстон, и он был мертв. На голове у него не было ни одной раны, которая могла бы стать смертельной. Возможно, когда его утащили под воду, он ударился о камень. Но следы пальцев душителя черными пятнами проступили у него на шее. При виде этих следов ужас охватил меня. Ни одни человеческие руки не могли оставить таких следов.

Я видел голову, поднывавшую над водой, голову, которая выглядела, как голова негра, хоть черты лица в темноте было не рассмотреть. Но ни один человек, будь

он белым или черным, не смог бы вот так убить Джима Бракстона. Мне показалось, что в отдаленном бое барабанов слышится насмешка.

Я вытащил тело на берег и там оставил его. Больше я не мог здесь оставаться, потому что безумие снова вскипело в моей голове, подгоняя меня раскаленными шпорами. Но, выбравшись на берег, я обнаружил, что кусты испачканы кровью, и был потрясен, поняв, что это означает.

Я помнил фигуру, которая качнулась в свете выстрела пистолета Бракстона. Это она ждала меня на берегу, потом... да нет, никакая это не иллюзия, — девушка из плоти и крови! Бракстон выстрелил и ранил ее. Но рана оказалась не смертельной, потому что в кустах я не нашел никакого трупа и мрачные силы гипноза, тащившие меня все дальше и дальше, ничуть не ослабли. У меня голова пошла кругом, когда я понял, что колдунью можно убить, как обычную смертную.

Луна скрылась за горизонтом. Слабый свет едва проникал сквозь тесно переплетенные ветви. Ни один широкий ручей больше не преграждал мне путь, только узкие ручейки, через которые я торопливо перебирался. Правда, я считал, что на меня не нападут. Дважды обитатель ручьев появлялся и, игнорируя меня, нападал на моего спутника. С ледяным отчаянием понял я, что избавлен от такой зловещей участи. В любом ручье, через который я перебирался, могло прятаться чудовище, убившее Джима Бракстона. Все эти ручьи соединялись в единую водяную сеть. Твари легко было бы последовать за мной. Но я боялся твари намного меньше, чем колдовства, рожденного в джунглях и затаившегося в глазах колдуньи.

Пробираясь через заросли, я все время слышал впереди ритмичный демонически-насмешливый бой барабанов, который становился все громче и громче. Потом человеческий голос прибавился к его бормотанию. Долгий крик ужаса и агонии проник во все фибры моего тела и заставил меня содрогнуться. Я почувствовал симпатию к несчастному. Пот заструился по моей липкой коже. Вскоре я и сам буду так кричать, когда меня подвергнут неведомым пыткам. Но я по-прежнему шел

вперед. Мои ноги двигались автоматически, отдельно от тела, управляемые не мною, а кем-то другим.

Бой барабанов стал громче, и впереди, среди черных деревьев, замерцал огонь. Теперь, согнувшись среди ветвей, я смог разглядеть кошмарную сцену, от которой отделял меня широкий черный ручей. Я остановился, повинувшись тому же принуждению, что привело меня сюда. Смутно я понимал, что это сделано для того, чтобы я вкусил ужаса, а пока время моего выхода еще не настало. Когда оно придет, меня позовут.

Низкий, поросший деревьями полуостров почти разделял черный ручей надвое и был соединен с противоположным берегом узкой полоской земли. На его нижнем конце ручей превращался в сеть протоков, вьющихся среди мелких островков, гнилых бревен и поросших мхом, увитых лианами групп деревьев. Прямо напротив моего убежища берег островка чуть отступал, обрываясь над глубокой, черной водой. Обросшие мхом деревья стеной стояли вокруг маленькой прогалины, отчасти скрывая хижину. Между хижинкой и берегом сверхъестественным зеленым пламенем горел костер. Языки огня извивались, словно змеинные языки. Несколько дюжин черных сидело на корточках в тени нависших деревьев. Зеленый свет, высвечивая их лица, делал их похожими на утопленников.

Посреди поляны, словно статуя из черного мрамора, стоял гигантский негр. На нем были оборванные штаны, на голове его сверкала золотая лента с огромной красной драгоценностью. На ногах — сандалии варварского фасона. Черты его лица казались не менее впечатляющими, чем его тело. Он выглядел истинным ниггером: вывернутые ноздри, толстые губы, черная, как эбонит, кожа. Я понял, что передо мной Саул Старк — колдун.

Саул Старк смотрел на что-то, лежавшее перед ним на песке, что-то темное и массивное, что слабо постанывало. Потом, подняв голову, он отвернулся и звонким голосом закричал. От черных, жмущихся под деревьями, раздался ответ — словно ветер с воем пронесся среди ночных деревьев. И призыв, и ответ прозвучали на незнакомом языке — гортанном, примитивном.

Снова Старк позвал, в этот раз странный, высокий вой был ему ответом. Дрожащий вздох сорвался с уст черного народа. Глаза всех нигтеров не отрываясь следили за черной водой. И вот что-то стало медленно подниматься из глубин. Неожиданно меня затрясло. Из воды высунулась голова негра. Потом одна за другой появились остальные — и вот уже пять голов торчало из черной воды в тени кипарисов. Это могли быть обычные негры, сидящие по горло в воде, но я знал, что тут что-то не так. У меня на глазах происходило что-то дьявольское. Молчание высунувшихся из воды черномазых, застывшие позы и все остальное выглядело слишком неестественно. В тени деревьев истерически заплакала женщина.

Тогда Саул Старк поднял руки, и пять голов безмолвно исчезли. словно шепот призрака, донесся до меня голос африканского колдуна:

— Он бросил их в болото!

Могучий голос Старка разнесся над узкой полосой воды.

— А теперь Танец Черепа усилит нашу молитву!

Ведьма мне говорила: «Спрятавшись среди деревьев, ты будешь смотреть Танец Черепа».

Барабаны ударили снова, рычащие и гроыхающие. Сидя на коленях, черные раскачивались, распевая песню без слов. Саул Старк стал вышагивать в такт барабанному бою вокруг фигуры, лежащей на песке. Его руки выделяли загадочные пассы. Потом он повернулся и встал лицом к другому концу поляны. Выхватив из темноты усмехающийся человеческий череп, он бросил его на влажный песок рядом с телом.

— Невеста Дамбалаха! — прогремел голос Саула Старка. — Жертва ждет!

Наступила пауза ожидания. Песнопение смолкло. Все устали на дальний конец прогалины. Старк стоял, выжидая. Я видел, как он нахмурился, словно недоумеая. Когда же он повторил зов, квартеронка появилась среди теней.

При взгляде на нее меня охватила холодная дрожь. Мгновение девушка стояла не шевелясь. Отсветы пламени играли на ее золотых украшениях. Но голова ее

свесилась на грудь. Стояла напряженная тишина. Я увидел, как Саул Старк внимательно осматривает девушку. Казалось, она была бесстрастной, однако стояла в стороне, в отдалении, странно склонив голову.

Потом, словно проснувшись, она начала раскачиваться в дергающемся ритме, закрутилась в замысловатом танце, который был древнее океанов, утопивших черных королей Атлантиды. Я не могу его описать. Бесовскими и дьявольскими были ее движения — крутящийся, вращающийся вихрь поз и жестов, которые исполняли танцовщицы фараонов. И брошенный Саулом череп танцевал вместе с ней — подпрыгивал и метался по песку. Он подсказывал и крутился, словно живая тварь, одновременно с каждым прыжком и кульбитом танцовщицы.

Но что-то пошло у них не так, как надо. Я это почувствовал. Руки квартеронки вяло висели, ее опущенная голова раскачивалась из стороны в сторону. Ноги ее подгибались и ступали неуверенно, заставляя тело крениться и выпадать из ритма. Черные люди стали перешептываться. Недоумение было написано на лице Саула Старка. Все, казалось, повисло на волоске. Любое мельчайшее изменение ритуала могло разорвать всю паутину заклятий.

Что до меня, то, пока я наблюдал страшный танец, по мне градом катился холодный пот. Невидимые кандалы, которыми сковала меня эта теперь кружащаяся по спирали женщина-дьявол, душили меня. Я знал, что танец приближается к апогею. Потом колдунья вызовет меня из укрытия, заставит пройти через черную воду в Дом Дамбалаха, к своей смерти.

Потом она повернулась, плавно замедляя движения, и, когда остановилась, удерживая равновесие на носочках, ее лицо оказалось повернутым ко мне. Я понял, что она видит меня так же отчетливо, как если бы я стоял на открытом месте. Понял я также, что лишь она одна знает о моем присутствии. Я почувствовал себя словно на краю бездны. Девушка подняла голову, и я даже на таком расстоянии увидел, как пылают ее глаза. Ее лицо превратилось в маску триумфа. Медленно подняла она руку, и я почувствовал, как, подчиняясь ее

животному магнетизму, начали подергиваться мои ноги и руки. Она открыла рот...

Но из ее рта вывалось лишь сдавленное бульканье, и неожиданно ее губы окрасились красным. Колени ее внезапно подогнулись, и она повалилась ничком на песок.

Когда она упала, я тоже упал, утонув в грязи. Что-то взорвалось у меня в голове, обдав племенем. А потом я сидел среди деревьев, слабый и дрожащий. Я не представлял, что человек может чувствовать такую легкость в конечностях. Черные заклятия, сковывавшие меня, были разорваны. Грязное чародейство отпустило мою душу. Мне показалось, молния разорвала тьму, которая была много чернее африканской ночи.

Когда девушка упала, нигеры пронзительно закричали и вскочили на ноги, дрожа, словно в лихорадке. Я видел, как сверкали белки их глаз и зубы, оскаленные в улыбках страха. Саул Старк воздействовал на их примитивную природу, доведя их до безумия, желая повернуть их бешенство против белых во время битвы. Как легко их жажда крови превратилась в ужас. Старк резко закричал на своих нигеров.

Но девушка в последнем конвульсивном движении перевернулась на влажном песке, и между ее грудями открылось до сих пор сочащееся кровью отверстие от пулевой пули. Оказывается, пуля Джима Бракетона нашла-таки свою цель.

Вот тогда я впервые почувствовал, что эта колдунья не совсем человек. Дух черных джунглей владел ею, придавая невероятную, сверхъестественную живучесть, чтобы она смогла закончить свой танец. Она ведь говорила, что ни смерть, ни ад не помешают ей исполнить Танец Черепа. И после того, как пуля убила ее, пробив сердце, она пробиралась через болота от ручья, где ее смертельно ранили, в Дом Дамбалаха. И Танец Черепа она танцевала уже мертвой.

Ошеломленный, как осужденный, получивший помилование, в первую очередь я пытался понять значение сцены, которая теперь разыгрывалась предо мной.

Черные были в бешенстве. Во внезапной и необъяснимой для них смерти колдуньи они увидели ужасное предзнаменование. Они не знали, что колдунья уже бы-

ла мертвой, когда вышла на поляну. Они считали, что их вещунья и священница, свалившаяся мертвой у всех на глазах, была поражена невидимой смертью. Такая магия выглядела злобшей, чем колдовство Саула Старка — и, очевидно была направленной против черного народа.

Нигеры стали метаться, словно насмерть испуганный скот. Завывая, крича, рыдая, один за другим они продирались сквозь стену деревьев, направляясь к перешейку. Саул Старк стоял пригвожденный к месту, не обращая внимания на своих подданных, но внимательно рассматривая девушку, уже окончательно мертвую. Неожиданно я пришел в себя, и вместе с пробуждением меня охватила холодная ярость и желание убивать. Я вытащил пистолет, прицелился в неровном свете костра и потянул курок. Раздался щелчок. Порох в моих пистолетах, заряжавшихся со ствола, был мокрым.

Саул Старк поднял голову и облизал губы. Звуки убегающей толпы стихли вдалеке, и теперь он один стоял на поляне. Его взгляд шарил по черным деревьям, среди которых я прятался. Белки глаз колдуна сверкали. Он согнулся, подхватил нечто, напоминавшее человека (то, что лежало на песке), и потащил в хижину. Как только Старк исчез, я направился к острову, переходя вброд протоки в нижней его части. Я почти достиг берега, когда бревно плавуна выскользнуло из-под ноги и я соскользнул в глубокий омут.

Немедленно вода вокруг меня забурлила, и рядом со мной из воды поднялась голова. Едва различимое лицо оказалось неподалеку от моего. Это было лицо негра — лицо Танка Биксби. Но теперь оно стало нечеловеческим — невыразительным и бездушным. Лицо существа, которое больше не было человеком и уже не помнило о своем человеческом происхождении.

Грязные уродливые пальцы сжали мое горло, и я вогнал свой нож в перекошенный рот. Лицо нигера омыл поток крови. Тварь безмолвно исчезла под водой, а я выкарабкался на берег в густые заросли кустов.

Старк выбежал из хижины с пистолетом в руке. Он дико оглядывался, встревоженный шумом, который услышал, но я знал, что он не видит меня. Его пепельная

кожа сверкала от пота. Он, тот, кто правил при помощи страха, теперь сам стал его жертвой и боялся неведомой руки, которая сразила его госпожу; боялся негров, которые убежали от него; боялся бездонных болот, окружавших его со всех сторон, и чудовищ, которых сам же создал. Саул Старк издал нечеловеческий вопль. Голос его дрожал от страха. Он позвал снова, и только четыре головы высунулись из воды. Снова и снова звал он, но тщетно.

Четыре головы заскользили к нему, и четыре фигуры выбрались на берег. Саул Старк застрелил своих созданий одного за другим. Чудовища даже не пытались увернуться от пуль. Они шли прямо на своего создателя и падали один за другим. Он выстрелил шесть раз, прежде чем упало последнее чудовище. Выстрелы скрыли треск кустов, через которые я продирался. Я был рядом, у него за спиной, когда Саул Старк повернулся.

Я понял — он узнал меня. Это было написано у него на лице. И вместе с осознанием того, что ему придется иметь дело с живым существом, исчез и его страх. С криком швырнул он в меня разряженный пистолет и ринулся вперед, подняв нож.

Нырнув, я парировал его удар и нанес контрудар ему под ребра. Он поймал и сжал мое запястье. Мы сцепились. Его глаза сверкали в звездном свете, как у безумного пса, его мускулы натянулись, словно стальные канаты.

Я обрушил каблук сапога на его босую ногу, дробя кости. Он взвыл и потерял равновесие. Я, выхватив освободившейся рукой свой нож, вонзил его в живот нигеру. Хлынула кровь, но Саул Старк потащил меня за собой на землю. Рванувшись, я освободился и поднялся, но мой противник, приподнявшись на локте, метнул нож. Стальной клинок просвистел у меня над ухом. И тогда я ударил нигера ногой в грудь. Опыяненный кровью, я опустился на колени и перерезал ему горло от уха до уха.

У нигера за поясом я нашел мешочек с порохом. Прежде чем пойти дальше, я перезарядил свои пистолеты. Потом, вооружившись факелом, я зашел в хижину.

И тогда я понял, какую судьбу уготовила мне коричневая колдунья. Постановившая, на койке лежал Топ Сарлей. Колдовство, которое должно было превратить его в бездумное, бездушное существо, обитающее в воде, было не завершено, но бедный Топ уже сошел с ума. Произшли и некоторые физические изменения... Но каким образом это безбожное колдовство вышло из черных африканских бездн, я и знать не хотел. Тело нигера округлилось и вытянулось. Его ноги стали короче, ступни — более плоскими и широкими, пальцы — ужасно длинными. И между ними появились перепонки! Шея его была теперь на несколько дюймов длинней, чем раньше. Черты лица не изменились, но выражение его стало даже более нечеловеческим, чем у рыбы. И тогда, помня о Джиме Бракстоне, отдавшем за меня жизнь, я приложил дуло пистолета к голове Топа и нажал курок, оказав ему эту суровую милость.

Кошмар кончился. Но я не закончил страшный рассказ. Белые люди Канаана не нашли на острове ничего, кроме тел Саула Старка и коричневой девушки. Они решили, что в тот день болотные нигеры убили Джима Бракстона, после того как он покончил с коричневой ведьмой, а я разобрался с Саулом Старком. Я сделал все, чтобы все белые так думали. Они никогда не узнают о тенях, которые прятали воды Туларуса. Этот секрет я разделил с испуганными черными обитателями Гошена, и ни они, ни я никогда никому не расскажем об этом.

Глава 1

УЖАС СРЕДИ СОСЕН

Тишина укутала лес, так же как широкий плащ — плечи Бристола Макграта. Черные тени казались замершими, неподвижными, словно придавленными весом сверхъестественного, обрушившегося на этот отдаленный уголок мира. Детские страхи зашевелились в дальних уголках памяти Макграта, потому что он родился среди этих сосновых лесов. И три года скитаний не развеяли его страхов. Страшные истории, от которых он дрожал, когда был ребенком, снова всплыли из глубин памяти — истории о черных тенях, бродящих по полянам после полуночи...

Проклиная воспоминания детства, Макграт ускорил шаг. Едва различимая тропинка извивалась меж плотных стен деревьев. Не удивительно, что в деревне у реки он не смог никого нанять в проводники до поместья Боллвилл. По такой тропинке повозка не проехала бы из-за гнилых пней и новой поросли. А впереди был поворот.

Макграт резко остановился, замер. Тишину леса нарушил звук, от которого у Макграта побежали мурашки по телу. Ведь звук-то этот был не чем иным, как стоном умирающего человека. Только одно мгновение медлил Макграт. Потом он бесшумно, пригнувшись, словно изготовившаяся к прыжку пантера, приблизился к повороту.

Словно по мановению волшебной палочки в руке его появился отливающий синевой курносый револьвер. Другой рукой он непроизвольно сжал в кармане клочок бумаги, по милости которого и очутился в этом сумрачном лесу. Это было таинственное послание — просьба о помощи. И на ней стояла подпись заклятого врага Макграта. А еще там говорилось о давным-давно мертвой женщине.

Макграт проскочил поворот тропинки. Каждый нерв его был натянут. Макграт держался настороже, ожидая чего угодно... кроме того, что увидел на самом деле. Его испуганный взгляд на мгновение замер на страшном зрелище, а потом метнулся вдоль стены леса. Ни одна ветка не шелхнулась. В дюжине футов впереди дорожка исчезала в призрачной полутьме. Там мог затаиться кто угодно. Но Макграт все-таки опустил на колено возле человека, лежащего на тропе.

Человек был распят. Ноги и руки его оказались привязаны к четырем колышкам, глубоко вбитым в твердую землю. Распятый был чернородым, смуглым человеком с крючковатым носом.

— Ахмед! — пробормотал Макграт. — Слуга-араб Боллвилла! Боже!

Глаза араба уже остекленели. Человека послабее Макграта могло бы вытошнить при виде ран на теле слуги. Макграт распознал работу мастера пыток. Однако искра жизни до сих пор трепетала в крепком теле араба. Взгляд серых глаз Макграта стал суровым, когда он понял, как уложили убийцы тело жертвы, и мысленно перенесся в загадочные джунгли, где вот так же на тропинке был привязан к колышкам полуосвежеванный чернокожий как предупреждение белым людям, которые посмели вторгнуться в запретные земли.

Макграт перерезал веревки, уложив умирающего удобнее. Это было все, что он мог сделать. Макграт увидел, как на мгновение кровавая пелена спала с глаз слуги, понял, что араб узнал его. Ручейки кровавой пены поползли по спутанной бороде. Губы умирающего беззвучно задрожали, и Макграт увидел обрубок вырванного языка.

Пальцы араба стали царапать пыль. Они тряслись, сжимались, но двигались с определенной целью. Макграт пододвинулся ближе, заинтересовавшись, и разглядел неровные линии, которые чертили на земле дрожащие пальцы слуги. Последним усилием железной воли араб начертал послание на своем родном языке. Макграт разобрал имя «Ричард Боллвилл». За этим следовало — «опасность», и тут умирающий махнул рукой вдоль тропинки. Потом штрихи сложились в слово (тут

Макграт окаменел, потрясенный): «Констанция». Последним предсмертным усилием пальцы араба написали: «Джон де Ал...». Неожиданно окровавленное тело выгнулось в агонии. Тонкая жилистая рука слуги спазматически согнулась и безвольно упала. Ахмед ибн Сулейман отправился туда, где его не достанет месть и где ему не понадобится прощение.

Макграт поднялся и отряхнул руки, ощущая напряжение и тишину мрачного леса; зная, что никакого слабого ветерка нет в чаще, откуда порой доносятся слабые шорохи. С невольной жалостью Макграт посмотрел на искалеченного человека, хотя знал, каким бездушным человеком был этот араб. Черное зло царило в сердце его, как и у Ричарда Боллвилла. Однако, кажется, этот человек и его хозяин в своих поисках наконец-то столкнулись с человеческой жестокостью им под стать. Но кто же это мог быть? Сотни лет Боллвиллы правили этой частью страны черных. Раньше они владели плантациями и сотнями рабов, потом рабов сменили их покорные потомки. Ричард — последний из Боллвиллов — имел над округой такую же власть, как его предок-рабовладелец. Однако из этой страны, где люди столетиями склонялись перед Боллвиллами, раздался леденящий кровь вопль — телеграмма, ныне лежащая в кармане пальто Макграта.

Безмолвие нарушил шелест листьев, более зловещий, чем любой другой звук.

Макграт понял, что место, где лежало тело Ахмеда, было невидимой чертой, прочерченной для него. Он был не уверен в том, что ему позволят повернуть и возвратиться в мирную, ставшую теперь далекой деревню. Но он знал, что если отправится дальше, то невидимая смерть может неожиданно настигнуть его. Повернувшись, Макграт быстро пошел обратно, той же дорогой, что и пришел.

Он продолжал идти, пока не миновал другой поворот тропинки. Там он остановился, прислушался. Все было тихо. Быстро вытащил он бумажку из кармана, разгладил ее и прочитал снова кривые каракули человека, которого ненавидел больше всего на свете:

«Бристол, если ты до сих пор любишь Констанцию Брэнд, то ради Бога забудь свою ненависть и приезжай в поместье Боллвилл как можно быстрее.

Ричард Боллвилл.

И это было все. Это послание пришло телеграммой в тот далекий западный город, где поселился Макграт, вернувшись из Африки. Он игнорировал бы это послание, если бы не упоминание Констанции Брэнд. Это имя вызвало у Макграта приступ удушья. Сердце его забилося, словно в агонии, заставив со всех ног помчаться в земли, где он родился и вырос. Вначале он ехал на поезде, потом летел на самолете. Он торопился так, словно сам дьявол гнался за ним. В телеграмме было имя женщины, которую он похоронил три года назад, — имя той единственной, которую он любил.

Убрав телеграмму, Бристол сошел с дороги и направился на запад, пробираясь между деревьями. Его ноги почти бесшумно ступали по ковру сосновых игл. Тем не менее он шел быстро. Не зря ведь он провел свое детство в стране больших сосен.

Макграт отошел на три сотни ярдов от дороги, пока не обнаружил то, что искал, — старую дорогу, идущую параллельно новой. Задуманная молодой порослью, она петляла среди густо растущих сосен и была чуть шире звериной тропы. Макграт знал, что она выходит на задний двор особняка Боллвилла, и не верил в то, что тайные наблюдатели станут здесь следить за ним. Откуда им знать, что он помнит о существовании старой дороги?

Макграт почти бесшумно пробирался по тропинке, вслушиваясь в любой звук. В таком лесу нельзя было полагаться лишь на зрение. Особняк, насколько знал Макграт, был теперь не так далеко. Макграт миновал поляны, что некогда (в дни дедушки Ричарда) были полями, перебежал обширные лужайки, которые опоясывали особняк. Правда, последние полсотни лет поля стояли заброшенными. Их отдали во власть наступающему лесу.

Но вот Макграт увидел особняк — солидное строение среди сосен. Одновременно его сердце ушло в пятки, так как крик человека, явно испытывающего сильную боль, прорезал тишину. Макграт не мог сказать,

мужчина кричал или женщина, но мысль о том, что это могла быть женщина, заставила его со всех ног броситься к зданию, вырисовывавшемуся за рощей далеко отстоящих друг от друга деревьев.

Молодые сосны вторглись даже на некогда обширные лужайки вокруг дома. Особняк выглядел запущенным. Сарай и дворовые постройки на заднем дворе, где когда-то жили рабы, давно развалились. Сам же особняк возвышался над прогнившими обломками — скрипучими, огромными, полными крыс, готовыми обрушиться при любом удобном случае. Ступая с осторожностью тигра, Бристол Макграт приблизился к окну особняка. Именно из него доносились крики, звучавшие оскорблением отфильтрованному деревьями солнечному свету. Страх выполз из дальних уголков разума Макграта.

Боясь того, что он может там найти, Макграт заглянул в окно.

Глава 2 ЖЕРТВА

Макграт заглянул в огромную пыльную комнату, которая до гражданской войны могла бы служить танцевальной залой. Ныне ее высокие потолки затянула паутина. Толстые деревянные панели потемнели и покрылись пятнами. Но в огромном камине горел огонь — маленький, но достаточно жаркий, чтобы раскалить добела тонкие стальные прутья, воткнутые в углы.

Лишь мгновение Бристол Макграт смотрел на пламя и прутья, мерцавшие в очаге. Его глаза закрылись, словно он был околдован видом хозяина особняка. Потом он снова взглянул на умирающего человека.

К отделанной панелями стене была приколочена тяжелая балка, а к ней — грубая крестовина. На импровизированном кресте, привязанный за запястья, был подвешен Ричард Боллвилл. Его босые ноги едва касались пола. Измученный, он вытянулся, стоя на носках и пытаясь хоть немного облегчить боль рук. Веревки глубоко врезались в его запястья. Кровавые ручейки протяну-

лись по его рукам. А сами руки почернели и опухли от ожогов. Боллвилл был голым, если не считать штанов, и Макграт увидел, что раскаленное добела железо уже использовали. Это объясняло бледность Боллвилла, капли пота, выступившие на его коже. Только невероятная живучесть позволила ему так долго оставаться в сознании после столь дьявольских ожогов на торсе и руках.

На груди Боллвилла был выжжен любопытный символ. От его вида холодок пробежал вдоль позвоночника Макграта. Он узнал этот символ, и снова память, прошедшая через полмира, вернула его в черные, сумрачные, ужасные джунгли Африки, где у костров били барабаны и обнаженные священники отвратительных культов вычерчивали ужасные символы на трепещущей человеческой плоти.

Между очагом и умирающим человеком сидел на корточках коренастый чернокожий, одетый лишь в изорванные, грязные штаны. Он сидел спиной к окну, и хорошо были видны его могучие плечи. Его вытянутая голова покоилась между этими холмами плоти, словно лягушка, изготовившаяся к прыжку. Негр, казалось, внимательно изучал лицо человека, распятого на кресте.

Налитые кровью глаза Ричарда Боллвилла напоминали глаза измученного животного, но взгляд их был осознанным. Они сверкали, полные жизни. Морщась от боли, Боллвилл поднял голову и обвел взглядом комнату. Макграт инстинктивно отпрянул от окна. Он не знал, увидел его Боллвилл или нет. Но хозяин поместья, даже если и заметил его, ничем не выдал присутствие наблюдателя черномазому чудовищу, которое тщательно изучало свою жертву. Потом черное животное повернуло голову к огню, протянуло длинную, как у обезьяны, лапу к мерцающему железу... Глаза Боллвилла яростно сверкнули. В том, что должно было случиться, невольный свидетель происходящего ничуть не сомневался. Прыжком, словно тигр, взлетел он на подоконник и оказался в комнате. Одновременно негр вскочил, повернувшись с проворством обезьяны.

Макграт не вытаскивал пистолет. Он не хотел рисковать, так как выстрелом мог привлечь внимание других врагов. В руке черномазого оказался нож для раз-

делки мяса, раньше висевший на ремне его изодранных, грязных штанов. Казалось, нож сам, словно живое существо, прыгнул в руку ниггера, когда тот повернулся. В руке Макграта сверкнул изогнутый афганский кинжал, не раз выручавший его во многих битвах.

Зная о преимуществе молниеносной, безжалостной атаки, Макграт не останавливался. Его ноги едва коснулись пола, перед тем как он метнулся на остолбеневшего противника.

Нечленораздельный крик сорвался с толстых красных губ. Зрачки глаз ниггера дико вращались. Нож взлетел, а потом, со свистом разрезая воздух, метнулся вперед с быстротой жалящей кобры. Макграт не ожидал от могучего потрошителя такого проворства.

Но черномазый, нанося удар, непроизвольно отступил назад, и это инстинктивное движение замедлило удар, так что Макграт, изогнувшись, смог избежать его. Длинное лезвие пронеслось под его рукой, разрезав одежду и чуть задев кожу... И одновременно афганский кинжал рассек толстое, бычье горло ниггера.

Крика не последовало, только задыхающееся бульканье. Ниггер упал, обливаясь кровью. Макграт отпрыгнул, словно волк, нанеся врагу смертоносную рану. Равнодушно осмотрел он творение рук своих. Черномазый был мертв. Его голова оказалась наполовину отсечена от туловища. Смертоносный удар, перерезавший горло аж до позвоночника, был излюбленным приемом волосатых жителей холмов, которые охотились среди скал выше Хиберского ущелья. Меньше дюжины белых людей умело наносить такой удар. Бристол Макграт был одним из них.

Макграт повернулся к Ричарду Боллвиллу. Пена капала на обожженную грудь старого недруга Бристола, и кровь струилась с его губ. Макграт испугался, что Боллвилл страдает от того же самого увечья, что лишило речи Ахмеда. Но Боллвилл молчал, по тому что был не в силах говорить. Макграт перерезал его путы, перенес его на изношенный старый диван. Увитое мускулами тело Боллвилла дрожало под руками Макграта словно туго натянутый стальной канат. Освободившись от кляпа, Боллвилл заговорил:

— Я знал, что ты придешь! — Он задохнулся, коснувшись дивана обожженной рукой. — Я многие годы ненавидел тебя, но я знал...

Голос Макграта был грубым и резал слух.

— Что ты имел в виду, говоря о Констанции Брэнд? Она же мертва.

Губы Боллвилла скривились в слабой улыбке.

— Нет. Она не мертва! Но вскоре может умереть, если ты не поспешишь. Быстро! Дай мне водки! Она вон там, на столе... этот зверь вроде не все выпил.

Макграт приложил бутылку к его губам. Боллвилл пил жадно. Макграт удивился железным нервам этого человека. Очевидно, ему недолго оставалось жить. Он мог бы кричать от непереносимой боли, но держался и говорил ясно, хотя ему это стоило больших усилий.

— У меня осталось не много времени, — задыхаясь, начал он. — Не перебивай меня. Припаси свои проклятия на потом. Мы оба любили Констанцию Брэнд. Она любила тебя. Три года назад она исчезла. Ее одежду нашли на берегу реки. Ее тело так и не было найдено. Ты отправился в Африку, чтобы заглушить свою печаль. Я вернулся в поместье своих предков и стал вести жизнь затворника... Чего ты не знал... чего никто не знал... что Констанция Брэнд отправилась со мной! Нет, она не утонула... Это я придумал... Три года Констанция Брэнд прожила в этом доме! — Он загадочно усмехнулся. — Ах, ты выглядишь таким ошеломленным, Бристол. Констанция явилась сюда не по своей воле. Она слишком сильно любила тебя. Я украл ее... привез сюда силой, Бристол! — Он повысил голос и почти кричал. — Если ты убьешь меня, то никогда не узнаешь, где она!

Руки взбешенного Бристола Макграта, сжавшиеся на горле Боллвилла, ослабили хватку, во взгляде его налившихся кровью глаз появилось понимание.

— Продолжай, — прошептал он, сам не узнавая собственный голос.

— Тут я не в силах ничего поделать, — выдохнул умирающий. — Она была единственной женщиной, которую я любил... Не смейся, Бристол. Другие не в счет. Я привез ее сюда. Тут я был как король. Девушка не могла убежать, не могла послать весть во внешний мир.

В этих краях живут лишь негры-отщепенцы, потомки рабов моей семьи. Мое слово... было... единственным законом для них... Клянусь, я не причинил девушке никакого вреда, лишь держал ее в заключении, пытаясь принудить выйти за меня замуж. Я не хотел получить ее ни силой, ни обманом. Я сходил с ума, но ничего с этим поделать не мог. Я ведь из аристократов, которые всегда брали то, что хотели, не признавая ни законов, ни желаний других людей. Ты знаешь. Ты понимаешь меня. Ты и сам такой же... Констанция ненавидела меня, если это как-то утешит тебя... Будь ты проклят! И она была достаточно сильной. Я думал, что в конце концов сломя ее дух. Но без хлыста я это сделать не мог, а пороть ее не собирался. — Он широко улыбнулся, когда дикое рычание сорвалось с губ Макграта. Глаза гиганта превратились в пылающие угли.

Рассказ утомил Боллвилла. Кровь появилась на его губах. Его улыбка погасла, и он стал поспешно рассказывать дальше.

— Все шло хорошо, пока один дурак не уговорил меня послать за Джоном де Албором. Я познакомился с ним в Вене год назад. Он из Восточной Африки — дьявол в человеческом облики! Он увидел Констанцию... и возжелал ее, как только может возжелать женщину такой мужчина. Когда я наконец понял это, я попытался убить его. Потом я обнаружил, что он сильнее меня. Он стал повелителем моих ниггеров... моих ниггеров, для которых мое слово всегда было законом! Он посвятил их в свой дьявольский культ...

— Вуду, — невольно пробормотал Макграт.

— Нет! Вуду — лепет младенца рядом с его черной дьявольщиной. Посмотри на символ на моей груди, который де Албор выжиг раскаленным добела железом. Ты был в Африке, ты должен знать клеймо Замбмбве... Де Албор повернул моих негров против меня. Вместе с Констанцией и Ахмедом я попытался спастись. Мои черномазые схватили меня. И тогда через человека, сверхъестественно преданного мне, я отправил тебе телеграмму... Но ниггеры заподозрили его и пытали до тех пор, пока он не признался во всем. Джон де Албор принес мне его голову. Перед тем как меня схватили, я

спрятал Констанцию там, где никто не сможет найти ее, кроме тебя. Де Албор пытал Ахмеда, пока он не сказал, что я послал за другом девушки, чтобы тот помог нам. Тогда де Албор отправил своих людей на дорогу с тем, чтобы они оставили там Ахмеда как предупреждение тебе, если ты явишься. Я спрятал Констанцию ночью, как раз перед тем, как они схватили меня. Но даже Ахмед не знал где. Де Албор пытал меня, заставляя рассказать.

Рука умирающего сжалась, и глаза его засверкали от неукротимой страсти. Макграт знал, что все попытки ада не смогли бы вырвать секрет с запечатанных губ Боллвилла.

— Это было самое малое, что ты мог сделать, — заметил Макграт. Его голос прозвучал грубо из-за противоречивых чувств. — Из-за тебя я прожил три года в аду... и Констанция тоже. Ты заслуживаешь смерти. И если в этот раз ты не умрешь, то я убью тебя.

— Будь ты проклят! Неужели ты думаешь, что я прошу у тебя прощения? — задыхаясь, пробормотал умирающий. — Я был бы рад, если бы ты страдал. И если бы Констанция не нуждалась в твоей помощи, я бы с удовольствием посмотрел на то, как ты издохнешь... С удовольствием отправил бы тебя в ад. Но достаточно об этом. Де Албор оставил меня на некоторое время, чтобы прогуляться по дороге и убедиться, что Ахмед мертв. А зверь, которого ты убил, напился моего бренди и решил, что будет пытать меня сам... Теперь слушай... Констанция спрятана в Потерянной Пещере. Ни один человек на Земле не знает о ее существовании, кроме тебя и меня. Давным-давно я установил там железную дверь. Я убил человека, который выполнил эту работу, так что тайна сохранена. Там нет ключа. Ты откроешь ее, нажав определенные заклепки.

Хозяину поместья все труднее и труднее было говорить. Пот струился по его лицу, руки дрожали от напряжения.

— Пошарь пальцами по краю двери, пока не найдешь три заклепки, расположенные треугольником. Увидеть их ты не сможешь. Ты сможешь только нащупать их. Три раза нажми каждую из них, двигаясь по часовой стрелке, описывая круг за кругом. Тогда дверь откроется. Бери Констанцию и беги. Если ты увидишь,

что ниггеры настигают вас, пристрели ее! Не дай ей попасть в руки этого черного зверя...

Голос Боллвилла поднялся до крика. Пена брызнула с мертвенно-бледных искривленных губ. Ричард Боллвилл приподнялся, а потом безжизненно повалился назад. Железная воля, заставлявшая жизнь теплиться в его изуродованном теле, наконец поддалась, лопнула, словно туго натянутая струна.

Макграт посмотрел на неподвижное тело. В голове его бурлил водоворот эмоций. Потом, повернувшись, Макграт внимательно осмотрелся. Каждый нерв его был напряжен. Пистолет будто сам собой оказался в руке.

Глава 3

ЧЕРНОКОЖИЙ ОБМАНЩИК

В дверях, ведущих в огромный зал, стоял человек — высокий мужчина в странной, восточной одежде. На нем был тюрбан и шелковый халат, подпоясанный пестрым кушаком. На ногах — турецкие шлепанцы. Кожа его казалась не темнее, чем у Макграта, но черты лица — отчетливо восточные, вопреки очкам, которые он носил.

— Кто ты, дьявол тебя побери? — настороженно спросил Макграт, разглядывая незнакомца.

— Али ибн Сулейман, эффенди, — ответил тот на безупречном арабском. — Я явился в это дьявольское место по настоянию моего брата — Ахмеда ибн Сулеймана, чья душа отлетела к пророку. Я был в Новом Орлеане, когда получил письмо. Я поспешил сюда. И, пробираясь через лес, я увидел, как чернокожий тащит труп моего брата к реке. Я пришел сюда в поисках хозяина убийцы моего брата.

Макграт молча указал на мертвеца, как бы спрашивая, его ли имеет в виду араб. Али ибн Сулейман с почетом кивнул.

— Мой брат любил своего господина, — сказал он. — Я буду мстить за моего брата и его хозяина. Эффенди, я пойду с вами.

— Хорошо, — равнодушно согласился Макграт. Он знал фанатичную преданность арабов; знал, что одной из черт Ахмеда была преданность негодяю, которому он служил. — Следуй за мной!

Последний раз взглянув на хозяина особняка и тело черномазого, вытянувшееся перед ним — словно тело принесенного в жертву, — Макграт оставил зал пыток. «Вот так в таинственном прошлом веке мог умереть один из королей-плантаторов — предков Боллвилла, — подумал он. — И так же у его ног лежал бы убитый раб, чей дух станет служить своему господину и на том свете».

Макграт вернулся в заросли, опоясывающие дом. Сосны дремали в полуденной жары. Араб следовал за ним по пятам. Прислушавшись, Макграт различил отдаленный пульсирующий звук, который неведомо откуда принес слабый ветерок. Словно где-то далеко-далеко били в барабан.

— Пошли! — Макграт широким шагом направился через лабиринт подсобных строений и нырнул в лес, который поднимался за домом. Тут тоже когда-то были поля, приносявшие богатство аристократам Боллвиллам. Но уже много лет стояли они заброшенными. Тропинки бесцельно бежали через поднявшуюся на месте полей поросль густо разросшихся деревьев, по которым любому, зашедшему в эти места, сразу становилось ясно, что здешние леса давно забыли о тополе дровосека. Макграт высматривал дорогу. Он хорошо помнил свое детство. Эти воспоминания, хоть и заслоненные другими событиями, хорошо отпечатались в памяти Макграта. Наконец он нашел дорожку, которую искал, — едва различимую тропинку, вьющуюся между деревьев.

Они вынуждены были идти гуськом. Ветки рвали их одежды, ноги тонули в ковре опавшей хвои. Местность постепенно понижалась. Сосны сменили кипарисы, задушенные подлеском. Пенные лужи застоявшейся воды сверкали у подножия деревьев. Квакали лягушки. Над головами путников с безумной настойчивостью пели москиты. Снова отдаленный гул барабанов поплыл над хвойными лесами.

Макграт стер капли пота со лба. Эти удары барабанов пробуждали воспоминания, удачно подходящие к

его нынешнему мрачному окружению. Мысли Макграта вернулись к ужасному знаку, выжженному на груди Ричарда Боллвилла. Хозяин поместья предполагал, что он, Макграт, знает значение этого символа. Но он не знал. Макграт знал лишь то, что такой знак возвещает о черном ужасе и безумии, но о точном смысле его даже не догадывался. Только один раз раньше видел он этот символ в ужасной стране Замбизве, куда рискнуло пробраться несколько белых людей, но откуда только один из них вернулся живым. Этим человеком и был Бристол Макграт. Он стал единственным белым, проникнувшим в эти бескрайние джунгли и черные болота и вернувшимся обратно. Но даже и он не смог пробраться в затерянное королевство черномазых, чтобы доказать или развеять ужасные истории, которые шепотом рассказывали местные жители, — истории о древнем культе, сохранившемся с доисторических времен, истории о поклонении чудовищам, чье существование нарушало законы природы. Слишком мало увидел Макграт в тех джунглях, но и то, что он увидел, заставляло его дрожать от ужаса. До сих пор воспоминания о том путешествии кровавыми кошмарами возвращались в его сны.

Ни одним словом не обменялись мужчины с тех пор, как оставили особняк. Макграт пробирался по заросшей дорожке. Толстая, не слишком длинная болотная змея выскользнула из-под его ног и исчезла. Где-то неподалеку была вода. Еще несколько шагов — и путники оказались на берегу болота, от которого исходили запахи гниющих растений. Кипарисы затеняли его зеленую гладь. Тропинка заканчивалась на краю болота, которое вытянулось, насколько хватало глаз, теряясь в сумрачной дымке.

— Что дальше, эффенди? — спросил Али. — Мы пойдем через болото?

— Это — бездонная трясина, — ответил Макграт. — Попытаться перейти его — самоубийство. Даже ниггеры сосновых лесов никогда не пробовали перебраться через негс. Но есть дорога, по которой можно добраться до холма, возвышающегося в сердце этих топей. Вон этот холм. Видишь, там, за кипарисами? Много лет назад, когда я и Боллвилл были мальчиками... и друзьями... мы нашли старую-старую индейскую тропу — тайную,

затопленную болотом дорогу, которая вела на этот холм. В этом холме есть пещера, и там томится женщина. Я пойду туда. Ты пойдешь со мной или останешься здесь? Это опасное путешествие.

— Я пойду, эффенди, — ответил араб.

Макграт с уважением кивнул и начал изучать деревья, стоявшие вокруг. Наконец он нашел то, что искал — слабую отметку на огромном кипарисе — едва различимую, почти заросшую зарубку. Он смело шагнул в болото рядом с этим деревом. Давным-давно Макграт сам оставил эту зарубку. Сапоги Макграта по щиколотку, но не глубже, погрузились в пенную воду. Он стоял на плоской скале или, скорее, на гряде огромных камней, спрятанной под застоявшейся водой. Направившись к искривленному кипарису, росшему далеко от берега, Макграт двинулся по болоту. Он осторожно шагал по камням, скрытым под темной водой. Али ибн Сулейман следовал за ним, повторяя каждое его движение.

Они прошли по болоту, следуя вдоль деревьев с зарубками, которые служили своего рода вехами. Макграт снова удивился древним строителям, проложившим дорогу из огромных валунов так далеко вглубь болота. Такая громадная работа требовала немало инженерного искусства. Почему индейцы построили дорогу к Затерянному острову? Определенно, остров и пещера имели для краснокожих некое религиозное значение. А может, индейцы прятались там, когда на них нападали враги?

Путешествие через болото оказалось долгим. Оступиться значило окунуться в болотную тину, в предательскую грязь, которая могла засосать человека. Впереди поднимался остров, окруженный поясом растительности, — маленький холмик среди бескрайних болот. Сквозь листву проглядывала скала, отвесно вздымавшаяся над берегом на пятьдесят или шестьдесят футов. Цельный кусок гранита возвышался над плоским берегом. На вершине скалы ничего не росло.

Макграт побледнел. Он прерывисто дышал. Когда они добрались до кольца растительности, окружавшего скалу, Али, с сочувствием глядя на своего спутника, вытащил из кармана флягу.

— Эффенди, выпейте немного бренди, — действительно предложил он, словно для примера приложившись губами к горлышку фляги. — Это вам поможет.

Макграт знал: Али думает, что такое его состояние — результат усталости. Но на самом деле Макграт ничуть не устал. Внутри него бушевали чувства — он думал о Констанции Брэнд, чей прекрасный образ преследовал его в беспокойных снах три страшных года. Сделав большой глоток, Макграт даже не почувствовал вкуса бренди. Он вернул фляжку:

— Пойдем!

Сердце его учащенно забилося, вторя гулу далеких барабанов, когда он стал пробираться сквозь заросли к подножию утеса. На серой скале, скрытой зеленой массой, обозначился вход в пещеру. Точно таким же увидел его Макграт много лет назад, когда вместе с Ричардом Боллвиллом впервые пробрался на остров. Макграт стал продираться ко входу в пещеру среди лиан и ветвей деревьев. Дыхание его замерло, когда он разглядел тяжелую металлическую дверь, закрывающую узкий ход в гранитной стене...

Пальцы Макграта задрожали, когда он провел ими по металлу. За спиной у него тяжело дышал Али. Часть возбуждения белого человека передалась арабу. Макграт нащупал три клепки, образовавшие треугольник — небольшие незаметные выпуклости. Пытаясь держать себя в руках, Макграт надавил, как говорил ему Боллвилл, и почувствовал, как слегка подалась дверь при третьем прикосновении. Потом, затаив дыхание, он схватился за ручку, приваренную в центре двери, и потянул. Плавное движение в смазанных петлях, дверь открылась.

Путники заглянули в широкий туннель, заканчивающийся другой дверью — решеткой со стальными прутьями. Туннель не был темным. Он выглядел чистым и уютным. В потолке были проделаны отверстия для освещения. Дыры закрывали специальные экраны, чтобы не допускать в пещеру насекомых и рептилий. Но за решеткой Макграт увидел то, что заставило его рвануться вперед. Сердце его едва не вырвалось из груди. Али последовал за ним.

Дверь-решетка не была заперта. Она распахнулась. Макграт застыл неподвижно, почти парализованный вспышкой чувств.

Его глаза ослепил золотой блеск: солнечный луч, проскользнув вниз под углом через одно из отверстий в каменной крыше, ярко вспыхнул на великолепной копне золотистых волос, ниспадавших на белые руки. Они служили подушкой прекрасной головке, покоящейся на резном дубовом столе.

— Констанция! — Страстный, завывающий крик сорвался с мертвенно-бледных губ Макграта.

Эхо подхватило его крик. Девушка подняла голову. Она выглядела удивленной. Руки ее метнулись к вискам. Сверкающие волосы заструились по плечам. У Макграта закружилась голова. Ему показалось, что девушка плывет в ореоле золотого света.

— Бристол! Бристол Макграт! — эхом ответила она ему страстно и недоверчиво. Потом Констанция оказалась в его объятиях. Она тоже сжала Макграта в бешеных объятиях — так, словно боялась, что он призрак и может исчезнуть.

На мгновение для Бристола Макграта окружающий мир исчез. Он стал слеп, мертв и ничего не чувствовал. Его разум воспринимал лишь женщину, оказавшуюся в его объятиях. Он утонул в ее объятиях, наслаждаясь ее ароматом. Он оцепенел, ошеломленный воплощением в реальность несбыточной мечты, от которой давно отказался.

Снова обретя способность логично мыслить, Макграт встряхнулся, словно человек, вышедший из транса и огляделся с глупым видом. Он находился в обширном помещении, вырезанном в твердой скале. Как и туннель, оно освещалось через отверстия в потолке. Воздух был свежим и чистым. Тут были стулья, столы и подвесная койка. Пол застилали ковры, а пища хранилась в корзинах и водяном холодильнике. Боллвилл устроил свою пленницу с полным комфортом. Макграт огляделся в поисках араба и увидел, что тот остался стоять за решеткой. Он не решился прервать сцену воссоединения влюбленных.

— Три года! — заплакала девушка. — Три года я ждала. Я знала: ты придешь! Я знала это! Но мы долж-

ны быть осторожны, мой дорогой. Ричард убьет тебя, если найдет... он убьет нас обоих!

— Он уже не сможет никого убить, — ответил Макграт. — Но нам все же стоит выбираться отсюда.

Глаза Констанции вспыхнули с новым страхом.

— Да! Джон де Албор! Боллвилл боялся его. Именно поэтому он запер меня здесь. Он сказал, что пошлет за тобой. Я боюсь за тебя...

— Али! — позвал Макграт. — Подойди. Мы сейчас уйдем отсюда, и лучше будет, если мы прихватим немного воды и пищи. Мы можем спрятаться в болотах, пока...

Неожиданно Констанция вскрикнула, рванувшись из рук своего возлюбленного. И Макграт, замерев на мгновение, испуганный страхом в ее округлившись глазах, получил страшный удар в основание черепа. Сознание не покинуло его, но странный паралич охватил его тело. Пустым мешком повалился он на каменный пол и замер, словно мертвый, беспомощно глядя на сцену, которая сначала показалась ему безумной: Констанция отчаянно боролась с человеком, которого он знал, как Али ибн Сулеймана, и который теперь ужасно преобразился.

Али сорвал тюрбан и выбросил очки. В блеске его глаз Макграт прочитал страшную правду: этот человек не араб. Он был негром смешанной крови. Однако какая-то часть его крови все же арабская, есть в нем что-то и от семита. Эта примесь в крови, вместе с азиатской одеждой и потрясающим артистизмом, помогла ему подделаться под араба. Но сейчас маска оказалась сброшена, и принадлежность ибн Сулеймана к негроидной расе стала несомненной. Даже его голос — звучный арабский — стал гортанным негритянским.

— Ты убил его! — истерически зарыдала девушка, пытаясь вырваться из крепких пальцев, сжавших ее белые запястья.

— Нет, он не мертв, — засмеялся цветной. — Дурак глотнул отравленного бренди... Он попробовал наркотика, который есть только в джунглях Замбие. Этот яд лишает подвижности, если нанести сильный удар в один из нервных узлов.

— Пожалуйста, сделай что-нибудь для него! — взмолилась девушка.

Ниггер грубо засмеялся:

— Зачем? Он выполнил свое предназначение. Пусть лежит здесь, пока болотные насекомые не обглодают его кости. Я бы с удовольствием понаблюдал за ним... но до наступления ночи мы будем уже далеко. — Его глаза сверкнули от дьявольского предвкушения. Вид белой красавицы, пытающейся вырваться из его объятий, разжег похоть первобытных джунглей в душе этого человека. От гнева и ненависти глаза Макграта налились кровью. Но он не мог двинуть ни рукой, ни ногой.

— Мое решение — в одиночку вернуться в особняк — оказалось мудрым, — засмеялся ниггер. — Я прокрался к окну, пока этот дурак разговаривал с Ричардом Боллвиллом. Я решил дать ему отвести меня туда, где тебя спрятали. Мне никогда не приходило в голову, что тайное место Боллвилла где-то на болотах. У меня был арабский халат, шлепанцы и тюрбан. Я решил, что смогу ими воспользоваться. И очки тоже помогли. Мне нетрудно оказалось замаскироваться под араба. Ведь твой возлюбленный никогда не видел Джона де Албора. Я родился в Восточной Африке и вырос рабом в доме араба... а потом бежал и скитался в землях Замбие... Но достаточно. Мы должны идти. Барабаны бормочут весь день. Черные ведут себя беспокойно. Я обещал им, что принесу жертву Зембе. Я собирался использовать араба, но мне пришлось попытаться его, так что теперь он не годится в жертву. Ладно, пусть они бьют в свои глупые барабаны. Им бы понравилось, если бы ты стала Невестой Зембы, но они не знают, что я тебя нашел. В пяти милях отсюда, на берегу реки, у меня спрятана моторная лодка...

— Ты — дурак! — воскликнула Констанция, страстно борясь с ним. — Ты думаешь, что сможешь отвезти белую девушку вниз по реке, словно рабыню!

— У меня есть лекарство, которое на время сделает тебя словно мертвой, — объяснил он. — Ты будешь лежать на дне моей лодки, прикрытая мешками. Когда я выберусь на широкую реку, она унесет нас из этих мест. Я спрячу тебя в своей каюте в хорошо проветриваемом сундуке. Ты не почувствуешь никаких неудобств путешествия. Ты проснешься уже в Африке...

Он порылся за пазухой, удерживая девушку одной рукой. С яростным криком она отчаянно рванулась, вырвалась и побежала по туннелю. Джон де Албор помчался за ней, завывая. Красный туман поплыл перед глазами обезумевшего Макграта. Констанция может утонуть в болоте, так как наверняка не помнит всех вех... А может, она ищет именно смерти, которая была бы предпочтительнее судьбы, запланированной для нее негром.

Де Албор и девушка выскочили из туннеля. Но неожиданно Констанция закричала с новой силой. До Макграта донеслись возбужденные голоса негров. Де Албор что-то яростно возражал. Констанция истерически рыдала. Сквозь стену растительности Макграта смутно различил несколько фигур, когда те прошли мимо входа в пещеру. Он увидел Констанцию, которую тащило с полдюжины черных гигантов — типичных обитателей сосновых лесов. Следом за ними шел де Албор, и заметно было, что между чернокожими разлад. Все это промелькнуло в один миг, а потом у входа в пещеру стало пусто, и плеск воды — звук шагов нигтеров — постепенно стих.

Глава 4

ГОЛОД ЧЕРНОГО БОЖЕСТВА

Бристол Макграта лежал в тишине пещеры, отрешенно глядя вверх. Его душа была кипящим адом. Дурак! Попасться так легко! Однако откуда он мог знать? Он никогда не видел де Албора и ожидал встретить чистокровного негра. Болливилл называл его черным зверем, но, должно быть, имел в виду его душу. Де Албор, если бы не предательски темный цвет глаз, мог сойти и за белого.

Появление возле пещеры других чернокожих означало только одно: они последовали за ним и де Албором и схватили Констанцию, когда та выскочила из пещеры. Страхи де Албора сбылись. Он говорил, что чернокожие хотели принести Констанцию в жертву. Теперь же она оказалась в их руках.

— Боже! — сорвалось с губ Макграта, испуганного безмолвием. Он был словно наэлектризован. Несколько мгновений он еще оставался неподвижным, а потом обнаружил, что может пошевелить губами, языком. Жизнь вползала в его тело через омертвевшие члены. Их покалывало, как бывает, когда восстанавливается циркуляция крови. Как он обрадовался! Настойчиво работал он, пытаясь вернуть подвижность своим пальцам, рукам, запястьям и потом, с большим волнением и радостью, рукам и ногам. Возможно, со временем дьявольское лекарство де Албора потеряло часть своей силы. А может быть, необычная жизненная сила Макграта ослабила эффект воздействия лекарства.

Дверь туннеля не была закрыта, и Макграта знал почему: негры не хотели препятствовать насекомым, которые вскоре сожрали бы его беспомощное тело. Паразиты уже текли в пещеру через дверной проем вредоносной ордой.

Наконец Макграта сумел подняться. С каждой секундой силы все быстрее возвращались к нему. Когда он неверными шагами направился из пещеры, то не встретил на своем пути никакого препятствия. Прошло уже несколько часов с тех пор, как негры увели свою жертву. Макграта прислушался к бою барабанов. Но те молчали. Тишина, словно невидимый черный туман, сгустилась вокруг него. Спотыкаясь, Макграта пошлепал по тропе, ведущей на твердую землю. Повели ли черные свою пленницу назад в особняк, где поселилась смерть, или в глубины поросших соснами земель?

В грязи было полно следов. Полдюжины пар босых, разбрызгивающих грязь ног оставили тут свои отпечатки. Тут же были изящные следы сапожек Констанции и отпечатки турецких шлепанцев де Албора. Но Макграта все труднее было идти по их следам, так как местность постепенно повышалась и земля стала твердой.

Он пропустил бы то место, где негры свернули на сумрачную тропинку, если бы не кусочек шелка, развевающийся на слабом ветерке. Констанция зацепилась за ствол дерева, и грубая кора вырвала кусочек ткани из ее платья. От болот отряд двигался на восток, к особняку. В том месте, где повис кусочек одежды, негры резко свернули на юг. Ковер хвои скрывал следы, но

обломанные лианы и ветви указывали направление, пока Макграт, двигаясь по этим следам, не вышел на другую тропинку, ведущую на юг.

Тут и там темнели лужи грязи, и полно было следов босых ног и отпечатков подошв. С пистолетом в руке Макграт торопливо пошел вдоль дорожки, пытаясь окончательно восстановить свои силы. Его лицо было угрюмым и бледным. После предательского удара де Албор не воспользовался случаем, чтобы разоружить его. Этот цветной и черномазый из сосновых лесов верил, что Макграт беспомощно лежит в пещере. И в этом было его преимущество.

Макграт по-прежнему прислушивался, надеясь услышать слабый бой барабанов, который слышал раньше. Тишина не успокаивала его. При жертвоприношениях вуду били в барабаны, но он знал, что имеет дело с чем-то более древним и отвратительным, чем вуду.

Вуду — сравнительно молодое верование, рожденное среди холмов Гаити. За занавесями вуду скрывались зловещие религии Африки, которые, словно гранитные утесы, неясно проступали сквозь заросли зеленых вай. Вуду могло показаться хныкающим младенцем рядом с черным древним колоссом, который возвышался ужасной тенью с незапамятных времен в древних землях. Замбибве! Даже одно название вызывало дрожь у Макграта, служило для него синонимом ужаса и страха. Это было не просто название какой-то страны или мистического племени, которое обитало в этой стране. Оно означало нечто ужасное, древнее и злое; нечто выжившее с древних эпох — религия Ночи и божество, чье имя — Смерть и Ужас.

Макграт не увидел хижин негров. Он знал, что те расположены дальше к юго-востоку. Деревня ниггеров вытянулась вдоль берега реки и ручьев-притоков. У черных был некий инстинкт, заставлявший их строить жилища у воды точно так же, как они строили их в Африке вдоль Конго, Нила или Нигера с самой зари времен. Замбибве! Слово ударами тамтама прозвучало в голове Бристола Макграта. Души черных людей не изменились за столетия сна. Изменения происходили среди лязга городских улиц, в грубых ритмах Гарлема; но болота Миссисипи не слишком-то отличаются от болот

Конго, и тут не происходили изменения в духе расы, которая задолго до появления первого белого короля плела соломенные крыши над плетеными хижинами.

Следуя по извилистой тропинке среди тускло выривающихся больших сосен, Макграт ничуть не удивлялся тому, что черные скользкие щупальца из глубин Африки протянулись через полмира, породив кошмары в иной стране. Одинаковые природные условия приводили к одинаковому эффекту, порождали одни и те же заболевания тела и разума, в соответствии с географическим положением. Топи среди сосновых лесов были такими же бездонными, как вонючие африканские джунгли.

Но дорога уводила Макграта прочь от воды. Местность постепенно поднималась, и все признаки болота исчезли.

Тропинка стала шире. Появились признаки того, что ею часто пользуются. Макграт стал нервничать. В любой момент он мог с кем-нибудь столкнуться. Он свернул в густой лес, идущий вдоль дороги, и стал пробираться через чащу. Движения его сопровождалось звуками, похожими на выстрелы орудий для настороженного уха. Обливаясь потом от напряжения, Макграт выбрался на узкую тропинку, которая шла в нужную ему сторону. В сосновых лесах было много таких тропинок.

Макграт следовал по ней с большой осторожностью, крадучись и наконец вышел к повороту, за которым она присоединялась к главной дороге. На месте их слияния стоял маленький бревенчатый сруб, и между Макгратом и срубом сидел на корточках огромный чернокожий. Этот человек прятался за стволом огромной сосны рядом с узкой тропинкой и наблюдал за срубом. Очевидно, он шпионил за кем-то. Скоро стало ясно, что следил он за де Албором. Тот подошел к двери и выглянул наружу. Чернокожий наблюдатель напрягся и поднес пальцы ко рту, словно собираясь свистнуть, но де Албор беспомощно пожал плечами и вернулся в сруб. Негр расслабился, хотя и не утратил бдительности.

Теперь уже Макграт засомневался, а не пропустил ли он чего-то в спектакле ниггеров? При виде де Албора красный туман, плывущий перед глазами Макграта,

превратился в блестящую лужу крови, в которой, словно эбонитовый айсберг, плавало тело чернокожего.

Пантера, подкрадывающаяся, чтобы убить, не могла бы двигаться бесшумнее Макграта, скользнувшего по тропинке к присевшему на корточках негру. Бристол не испытывал ненависти конкретно к этому человеку, который был всего лишь препятствием на его пути к отмщению. Наблюдая за срубом, черный человек не услышал, как подкрадывался Макграт. Не обращая внимания на то, что происходит вокруг, он не двинулся и не повернулся — до тех пор, пока рукоять пистолета не обрушилась на его череп. Негр остался лежать без сознания на ковре сосновых игл.

Макграт присел над своей неподвижной жертвой, прислушиваясь. Вокруг все было тихо — но неожиданно где-то далеко раздался протяжный крик, от которого дрожь прошла по телу Макграта. Кровь застыла у него в жилах. Он уже слышал этот звук раньше — среди низких, поросших лесом холмов, которые окаймляли забытое Замбибве. Тогда лица его чернокожих нисильщиков стали пепельными, и они попадали, пряча лица. Кто издавал этот звук — Макграт не знал. И объяснения, предложенные дрожащими дикарями, показались слишком чудовищными, чтобы здравый рассудок мог принять их. Негры называли этот звук голосом бога Замбибве.

Побуждаемый к действию, Макграт помчался по тропинке и бросился к задней двери хижины. Он не знал, сколько черномазых внутри, но не осторожничал. От горя и ярости он превратился в берсеркера.

Дверь распахнулась от его удара. Он шагнул внутрь, пригнувшись. Пистолет — на уровне бедра.

Но в хижине оказался только один человек — Джон де Албор, который при появлении Бристола, вскрикнув, вскочил на ноги. Пистолет выскользнул из руки Макграта. Ни свинец, ни сталь не могли сдержать его ненависти. Он должен был убить нигтера голыми руками, отбросив цивилизованность и вернувшись к красной заре дней предистории.

С рычанием, которое походило больше на рычание атакующего льва, чем на крик человека, Макграт руками сжал горло цветного. Де Албор качнулся назад от

резкого удара, и они оба полетели на кровать, разломав ее на куски. Они боролись на грязном полу, Макграт пытался убить врага голыми руками.

Де Албор был высоким и сильным. Но против белого берсеркера у него не было шансов. Его сбили с ног, словно мешок с соломой, яростно колотя об пол. Стальные пальцы Макграта все глубже и глубже впились в горло негра, пока язык де Албора не вывалился меж посиневших губ и глаза не полезли на лоб. Когда смерть уже почти забрала цветного, здравомыслие почти вернулось к Макграту.

Белый покачал головой, словно ошеломленный бык, чуть ослабил захват и прорывал:

— Где девушка? Говори быстро, иначе я тебя убью!

Де Албор тужился и пытался восстановить дыхание. Лицо его было пепельного цвета.

— Черные! — выдохнул он. — Они забрали Констанцию, чтобы сделать Невестой Зембы! Я не смог воспрепятствовать им. Они требуют жертвоприношения. Я предложил им тебя, но они сказали, что ты парализован и умрешь в любом случае... Они умнее, чем я думал. Они последовали за мной назад в особняк от того места, где мы оставили араба... а от особняка проследили нас до острова... Они вышли из-под моего контроля... Их опьяняет жажда крови. Но даже я — тот, кто как никто знает черных, — забыл, что священники Замбибве не могут толком контролировать свою паству, когда огонь веры бежит в их венах. Я их священник и повелитель... Однако когда я попытался спасти девушку, они оставили меня в этом срубе и приставили человека наблюдать за мной, пока не свершится жертвоприношение. Ты, должно быть, убил его. Он никогда не дал бы тебе войти сюда.

С мрачным видом Макграт подобрал свой пистолет.

— Ты пришел сюда как друг Ричарда Боллвилла, — безразлично заговорил Макграт. — Ты собирався завладеть Констанцией Брэнд и превратил черномазых в дьяволопоклонников. За это ты заслуживаешь смерть. Когда европейские власти, правящие в Африке, ловят священника Замбибве, его вешают. Ты признался, что ты — такой священник. И ты должен заплатить за это

своей жизнью. К тому же из-за твоего дьявольского учения должна умереть Констанция Брэнд, и именно по этой причине я вышибу из тебя мозги.

Джон де Албор содрогнулся.

— Она не умрет, — вздохнул он. Огромные капли пота катились по его пепельному лицу. — Она не умрет, пока луна не встанет высоко над соснами. Это будет полночь Луны Замбиве... Не убивай меня... Только я могу спасти ее. Знаю, я не сумел сделать это раньше. Но если я пойду к ним, появлюсь среди них неожиданно, без предупреждения, они подумают, что сверхъестественные силы помогли мне удрать от своего сторожа. Это восстановит мой престиж... Ты не сможешь спасти ее сам. Ты сможешь пристрелить нескольких черных, но это не остановит остальных, и они убьют тебя... и ее. Но у меня есть план... Да, я — священник Замбиве. Мальчишкой я бежал от своего хозяина-араба и скитался, пока не попал в земли Замбиве. Там я вступил в братство и стал священником. Я жил там, пока малая часть белой крови во мне не привела меня на путь белого человека. Тогда я приехал в Америку и привел с собой Зембу... Не могу сказать тебе как... Дай мне спасти Констанцию Брэнд! — Он сжал руку Макграта, трясясь, словно в лихорадке. — Я люблю ее так же, как ты любишь ее. Я поступлю по справедливости с вами обоими, клянусь! Мы сможем сразиться за нее позже, и тогда я убью тебя, если смогу.

Искренность этого заявления повлияла на Макграта больше, чем все остальное, сказанное цветным. Началась отчаянная игра... Но даже если все пойдет по-другому, Констанции, окажись она с Джоном де Албором, не будет хуже, чем сейчас. Она может умереть до полуночи, если что-то быстро не предпринять.

— Где место жертвоприношения? — спросил Макграт.

— В трех милях отсюда, на открытой поляне, — ответил де Албор. — К югу по дороге, которая проходит мимо этого сруба. Все черные соберутся там, кроме моего стража и нескольких человек, охраняющих дорогу за срубом. Они рассеяны вдоль нее. Ближайший находится неподалеку от сруба. Эти люди передают друг другу сигналы с помощью криков и громкого, пронзи-

тельного свиста... Вот мой план. Ты подождешь в срубке или в лесу, как хочешь. Я проскочу мимо наблюдателей на дороге и потом внезапно появлюсь перед черными в Доме Зембы. Непредвиденность моего появления потрясет их, как я уже говорил. Я знаю, что не смогу уговорить их отказаться от своих планов, но я заставлю их отложить жертвоприношение до утра. И еще до зари я сумею выкрасть девушку и бежать с ней. Я вернусь туда, где ты будешь прятаться, и мы вместе убежим из этих мест.

Макграт засмеялся.

— Ты думаешь, я — круглый дурак? Ты пошлешь своих черномазых убить меня, а тем временем сам утащишь Констанцию, как и планируешь. Я пойду с тобой. Я спрячусь на краю поляны, чтобы помочь тебе, если понадобится. Но если ты сделаешь хоть один неверный шаг, я тебя достану.

Темные глаза цветного засверкали, но он согласно кивнул.

— Помоги мне занести твоего стража в сруб, — приказал Макграт. — Он скоро очнется. Мы свяжем его и оставим здесь.

Солнце садилось, и сумерки воцарились над поросшими соснами лесами. Макграт и его странный спутник крадучись отправились через лес, затопленный тенью. Они сделали крюк к западу, чтобы избежать наблюдающих за дорогой, а потом отправились через лес по одной из множества узких тропинок, вытоптанных босыми ногами. Вокруг царил тишина.

— Земба — бог тишины, — пробормотал ниггер. — С заката до восхода ночи полной луны барабаны не бьют. Если собака залает, ее убьют. Если заплачет ребенок, его тоже могут убить. Тишина закрывает рты людей, пока ревет Земба. Только его голос звучит в ночь Луны Зембы.

Макграт содрогнулся. Грязное божество, конечно, было неосоздаваемым духом, существующим лишь в легендах, но де Албор говорил о нем, как о живой твари.

В небе засверкало несколько звезд. Тени поползли через густой лес, пряча во тьме стволы деревьев. Макграт знал, что уже недалеко от Дома Зембы. Он чувст-

вовал присутствие множества людей, хотя ничего не слышал.

Де Албор, шедший впереди, неожиданно остановился, присел. Макграт тоже остановился, пытаясь что-нибудь рассмотреть сквозь занавес переплетенных ветвей.

— Что это? — пробормотал белый человек, потянувшись к пистолету.

Де Албор покачал головой, выпрямившись. Макграт не увидел камня, который цветной поднял с земли.

— Ты что-нибудь слышишь? — требовательно спросил Макграт.

Де Албор сделал движение, словно хотел что-то прошептать на ухо Макграту. Забыв об осторожности, Макграт наклонился к нему... Даже если он и заметил угрозу в движении де Албора, было слишком поздно. Камень в руке ниггера болезненно ударил в висок белого человека. Макграт повалился, как убитый бык, а де Албор поспешил дальше по тропинке, словно призрак, растаяв в полумраке.

Глава 5

ГОЛОС ЗЕМБЫ

Макграт наконец зашевелился и, пошатываясь, твердо встал на ноги. Такой отчаянный удар мог бы раскроить череп человеку, чьи физические силы и сложение были бы слабее, чем у быка. В голове у Макграта стучало. Кровь запеклась у него на виске. Но самым сильным его ощущением стало обжигающее презрение к самому себе — за то, что он позволил Джону де Албору обмануть его. Однако кто мог заподозрить, что дело повернется таким образом? Макграт знал, что де Албор убьет его, если сможет, но он не ожидал атаки до того, как они спасут Констанцию. Этот цветной был опасен и непредсказуем, как кобра. Оправдывало ли его то, что он хотел попытаться спасти Констанцию и избежать смерти от руки Макграта?

Испытывая головокружение Макграт взглянул на звезды, мерцавшие сквозь эбонитовые ветви, и с облег-

чением вздохнул, увидев, что луна еще не поднялась. Было темно так, как только может быть темно в сосновом лесу. Темнота казалась почти осязаемой, словно некое вещество, которое можно разрезать ножом.

Макграт поблагодарил природу за свое могучее телосложение. Дважды за этот день де Албор перехитрил его, и дважды могучий организм белого человека перенес эту атаку. Его пистолет остался в кобуре, нож в ножнах. Де Албор не задерживался, чтобы поискать оружие, не оставившись, чтобы для верности нанести второй удар. Возможно, выходец из Африки просто запаниковал.

Ладно, но ведь условия сделки не изменились. Макграт верил, что де Албор приложит все усилия, чтобы спасти девушку. И собирался быть рядом, играя ли в свою игру или помогая ниггеру. Сейчас не осталось времени ругать себя за доверчивость, потому что жизнь девушки была поставлена на карту. Макграт на ощупь стал пробираться по тропинке, спеша к разгорающемуся мерцанию на востоке.

Он вышел на поляну раньше, чем понял это. Кроваво-красная луна висела среди нижних ветвей достаточно высоко, чтобы освещать поляну и толпу чернокожих, сидевших на корточках широким полукругом, повернувшись лицом к луне. Их округлившиеся глаза сверкали белками среди теней; их лица казались гротескными масками. Все молчали. Ни одна голова не повернулась к кустам, за которыми присел Макграт.

Бристол ожидал горящих огней, залитого кровью алтаря и песнопений безумных верующих, как заведено среди приверженцев вуду. Но это было не вуду, и между этими двумя колдовскими культами пролегла глубокая пропасть. Никаких костров, никаких алтарей. Дыхание с присвистом вырывалось сквозь сжатые зубы Макграта. В далеких землях тщетно искал он места, где проходят ритуалы Замбибве. Теперь же он наблюдал их, находясь в сорока милях от того места, где родился.

Посреди поляны земля поднималась на высоту одногоэтажного дома. На возвышении стоял отделанный железом столб, который на самом деле был остро заточенным стволом сосны, глубоко вбитым в землю. И к столбу было приковано что-то живое. То самое существ-

во, из-за которого Макграт затаил дыхание, не веря своим глазам.

Он смотрел на бога Замбибве. Негры рассказывали об этом существе сверхъестественные истории, идущие из-за границ забытых стран. Их повторяли дрожащие носильщики у костров в джунглях, и они дошли даже до ушей белых скептиков торговцев. Макграт никогда настоящему не верил в эти рассказы, хотя занимался поисками существ, которых они описывали. В историях говорилось о звере, который богохулен по своей природе... звере, который ищет пищу, странную для своего вида.

Тварь, прикованная к столбу, была обезьяной, но такой обезьяной, какая и в кошмарах никому не могла пригрезиться. Ее густой серый мех был коротким и сверкал серебром в лунном свете. Обезьяна выглядела гигантской, несмотря на то что она сидела на корточках. Распрямившись на своих кривых ножках, она была бы ростом с человека, но много шире и толще. Ее цепкие пальцы были вооружены когтями, как у тигра... но не тяжелыми тупыми ногтями, присущими антропоидам, а ужасными, изогнутыми, словно ятаганы, когтями огромного плотоядного животного. Мордой чудовище напоминало гориллу: низкие брови, раздутые ноздри, отсутствие подбородка. Когда тварь рычала, ее широкий плоский нос морщился, словно у гигантской кошки, а рот-пещера открывал саблеподобные клыки — клыки хищника. Это был Земба — существо, священное для людей Замбибве, — чудовищное создание, нарушающее законы природы — хищная обезьяна. Многие люди смеялись над рассказами о ней — охотники, зоологи и торговцы.

Но теперь Макграт точно знал, что такие существа обитали в черном Замбибве и им поклонялись. Ведь примитивные люди склонны поклоняться непристойному или извращенному. А может, выжившему с прошлых геологических эпох. Несомненно, что плотоядные обезьяны из Замбибве были пережитком забытых, доисторических эпох, когда природа проводила эксперименты и жизнь порой принимала самые чудовищные формы.

Вид чудовища изменил намерения Макграта. Перед ним был ужас — напоминание о животном начале человека и затаившемся в тенях страхе, из которого дав-

ным-давно выбралось человечество. Эта тварь казалась оскорблением святости. Она должна была исчезнуть вместе с динозаврами, мастодонтами и саблезубыми тиграми.

Чудовище выглядело массивнее современных зверей — выходцем из другого века, когда все существа имели могучие формы. Макграт задумался, сможет ли его револьвер остановить такое чудовище. Удивительно, с какими темными и коварными намерениями Джон де Албор привез чудовище из Замбибве в страну сосен?

Но что-то происходило на поляне. Об этом возвестил звон цепи. Животное дернулось, вытянув свою кошмарную голову.

Из теней деревьев вышла цепочка черных мужчин и женщин — молодых, голых, если не считать накинутых на плечи мантий из обезьяньих шкур и перьев попугаев. Большинство регалий, несомненно, было привезено Джоном де Албором. Разодетые ниггеры образовали полукруг на безопасном расстоянии от прикованного животного и встали на колени, склонив головы к земле. Трижды повторялось это действие. Потом, поднявшись, они выстроились в две линии — мужчины и женщины лицом к друг другу — и начали танцевать. Но только из вежливости это могло быть названо танцем. Люди едва переставляли ноги, но все остальные части их тел находились в постоянном движении, извивались, вращались, скручивались. Размеренные, ритмические движения ничуть не походили на танцы вуду, которые не раз наблюдал Макграт. Этот танец казался невероятно архаичным, более развращенным и звериным — примитивные цинично-распущенные движение обнаженных тел.

Ни звука не доносилось ни со стороны танцующих, ни от зрителей, сидящих на коленях в тени деревьев. Но обезьяна, явно пришедшая в ярость от непрекращающихся движений негров, подняла голову и издала тот самый ужасный крик, что слышал днем Макграт. Он слышал тот же крик среди холмов на границах черного Замбибве. Когда животное рванулось с тяжелой цепи, исходя пеной и скрежеща клыками, танцевавшие ниггеры разлетелись, словно под порывом ветра. Они бросились в разные стороны.

Из глубокой тени вышел человек с рыжевато-коричневой кожей, являвший контраст с черными фигурами других нигеро-в. Это был Джон де Албор, обнаженный, если не считать мантии из ярких перьев. На голове его сверкал золотой обруч, который мог быть выкован еще в Атлантиде. В руке он нес золотой жезл — скипетр высших священников Замбибве.

За ним шла женщина, при виде которой залитый лунным светом лес закружился перед глазами Макграта.

Констанцию опоили каким-то наркотиком. Лицо у нее было словно у лунатика. Казалось, она не сознавала грозящей ей опасности и того, что совершенно обнажена. Она вышагивала, словно робот, механически реагируя на рывки цепи, завязанной вокруг ее белой шеи. Другой конец цепи держал Джон де Албор. Он наполовину вел, наполовину тащил девушку к зверю, который сидел на корточках посреди поляны. Лицо де Албора казалось пепельным в лунном свете, который теперь заливал поляну расплавленным серебром. Пот каплями выступил на его коже. Его глаза сверкали от страха и безжалостной решительности. И в какой-то миг Макграт понял, что этот человек так и не сумел сделать то, что задумал. Он не смог спасти Констанцию, и теперь, спасая собственную жизнь, тащил девушку, чтобы принести ее в жертву.

Ни одного звука не доносилось со стороны собравшихся, лишь шипящее дыхание вырывалось сквозь толстые губы нигеро-в. В такт ему, как тростник на ветру, раскачивались ряды черных тел. Огромная обезьяна подпрыгнула. Ее лицо превратилось в дьявольскую маску. Она яростно взвыла, заскрежетала огромными когтями, пытаясь впиться в мягкое, белое тело девушки и умыться ее горячей кровью. Чудовище бесновалось на цепи, и могучий столб дрожал. Макграт в кустах стоял застыв, парализованный ужасом. И потом Джон де Албор отступил за девушку и изо всех сил толкнул ее в лапы чудовища.

И одновременно Макграт сорвался с места. Его движение было скорее инстинктивным, чем сознательным. Грохнул выстрел. Огромная обезьяна закричала, словно смертельно раненный человек, завертелась, хлопая уродливыми лапами по своей голове.

Толпа негров замерла. Глаза черномазых выкатились, челюсти отвисли. Потом, раньше чем кто-нибудь смог пошевелиться, кровь хлынула из головы обезьяны, она повернулась, сжав цепь обеими руками, и с яростью дернула ее, порвав тяжелые звенья цепи, словно те были из бумаги.

Парализованный страхом Джон де Албор оказался прямо перед безумным животным. Земба ревел и подпрыгивал. Он подмял под себя африканца, выпотрошил его похожими на бритвы когтями. Голова де Албора под ударом огромной лапы превратилась в кровавое месиво.

В иступлении чудовище бросилось на своих почитателей, царапая, разрывая, убивая негров и невыносимо крича. Земба заговорил, и смерть слышалась в его реве. Крики, вой, борьба... Чернокожие карабкались друг по другу. Мужчины и женщины падали под ударами ужасных когтей, расчлененные кривыми клыками. На глазах Макграта разворачивалась кровавая драма — буря ярости и безумия. Кровь и мозги залили землю, черные тела и конечности, куски тел валялись на залитой лунным светом поляне страшными кучами, в то время как последние черные негодяи искали спасения среди деревьев. Наконец шум панического бегства утих.

Выстрелив, Макграт не вернулся в свое укрытие. Не замеченный испуганными неграми и сам едва сознающий, какое ужасное кровопролитие творилось вокруг, он направился прямо через поляну к жалкой белой фигуре, безвольно лежавшей рядом с отделанным железом столбом.

— Констанция! — закричал он, прижав девушку к своей груди.

Вяло приоткрыла она свои затуманенные глаза. Макграт обнял ее. Вокруг кричали нигеро-в, шла резня. Постепенно Констанция узнала своего возлюбленного.

— Бристол... — еле слышно пробормотала она. Потом закричала, прижалась к нему, истерически рыдая. — Бристол! Они сказали мне, что ты мертв! Черномазы! Ужасные черномазы! Они собирались убить меня! Они собирались убить и де Албора, но он пообещал провести жертвоприношение...

— Нет, девочка, нет! — Он попытался успокоить ее бешеную дрожь. — Теперь все в порядке... — Резко подняв голову, Макграт взглянул в ухмыляющееся окровавленное лицо кошмара и смерти. Огромная обезьяна прекратила раздирать мертвые жертвы и подкрадывалась к влюбленной паре в центре поляны. Кровь сочилась из раны в грязной шкуре чудовища. Именно эта рана сводила его с ума.

Макграт вскочил навстречу твари, заслонив доведенную до отчаянья девушку. Его пистолет исторг струю пламени, излив поток свинца в могучую грудь зверя, когда тот бросился в атаку.

При приближении твари уверенность Макграта уменьшалась. Пулю за пулей всаживал он в тело чудовища, но оно не останавливалось. Потом Бристол швырнул полностью разряженный револьвер в уродливое лицо — без какого-либо эффекта. Накренясь и чуть повернувшись чудовище схватило Макграта. Когда гигантские руки сжались вокруг Макграта, он потерял всякую надежду, но повинуясь инстинкту бойца, изо всех сил, по самую рукоять, вогнал свой афганский кинжал в волосатый живот твари.

Ударив, Макграт почувствовал дрожь, пробежавшую по гигантскому телу. Огромные руки отдернулись... В последнем предсмертном рывке чудовище швырнуло Макграта на землю. Но тварь закачалась. Морда ее стала маской смерти. Мертвое чудовище еще какое-то время стояло, потом ноги его подкосились. Дрожа повалилась оно на землю, а потом затихло. Даже обезьянканнибал из Замбибве не могла выжить после того, как в нее в упор разрядили револьвер.

Когда Макграт встал покачиваясь, Констанция поднялась и подошла к нему, истерически рыдая.

— Теперь, Констанция, все в порядке, — задыхаясь, пробормотал он, прижав ее к себе. — Земба мертв. Де Албор мертв. Болдвилл мертв. Негры разбежались. Никто не помешает нам убраться отсюда. Луна Замбибве стала последней для всех них. Но это лишь начало новой жизни для нас.

Все началось с глупой прогулки... Это вам ничего не напоминает? Уверен, во мне затаился какой-то пуританский атавизм. Впрочем, в прошлом я никогда не уделял много внимания подобным учениям. В любом случае дайте мне нацарапать мою короткую и ужасную историю до того, как вспыхнет рассвет и над берегом разнесутся предмертвые крики.

Сначала нас было двое. Я сам, конечно, и Глория — моя невеста. У Глории был аэроплан, и она любила летать... Вот один из таких полетов и послужил началом всего этого ужаса. В тот день я пытался отговорить ее от полета... Клянусь вам, я пытался!.. Но она настаивала, и мы вылетели из Манилы, взяв курс на Гуам. Почему? Прихоть безрассудной девушки, которая ничего не боится и всегда сгорает от желания пуститься в какое-нибудь новое приключение... словно приключения — вид спорта.

О том, как мы попали на Черное побережье, нечего рассказывать. Поднялся один из столь редких в этих краях туманов. Мы полетели над ним и потерялись среди густых, больших облаков. Куда нас занесло, одному Богу известно. В конце концов мы упали в море, так как через прореху в полотне тумана увидели какую-то землю.

От тонущего самолета, не получившего ни одной царапины, мы поплыли к земле и, выбравшись на берег, обнаружили, что оказались на странной, неприятной земле. Широкий пляж, на который лениво набегали волны, протянулся до подножия высоких скал. Эти утесы, казалось, были из цельного камня и поднимались... на... сотни футов. Базальт или что-то в этом роде. Когда мы выбрались из упавшего самолета, у меня хватило времени только на то, чтобы мельком взглянуть на берег. Тогда мне показалось, что прибрежные утесы

поднимаются уступами, словно ярусы вздымаясь к небу стена за стеной. Но конечно, стоя прямо под нижним из этих ярусов, мы ничего не могли сказать об остальных. В обе стороны, насколько нам было видно, протянулась узкая полоска пляжа, над которой возвышались черные утесы. Никакого разнообразия.

— Ну а теперь что мы станем делать? — спросила Глория, видимо не желая обсуждать катастрофу. — Где мы?

— Нельзя точно сказать, — ответил я. — В Тихом океане полно неисследованных островов. Возможно, мы на одном из них. Я только надеюсь, что у нас нет соседней-каннибалов.

Я тут же пожалел, что упомянул каннибалов, но Глория вовсе не испугалась... тогда.

— Я не боюсь дикой природы, — заявила она. — Не думаю, что тут кто-нибудь живет.

Про себя я улыбнулся, отметив, как быстро меняется мнение женщины, отражающее ее сиюминутные желания. Но тут причина оказалась намного веселее, как узнал я вскоре самым ужасным образом. Теперь-то я верю в женскую интуицию. Женщины чувствительнее нас... восприимчивее к чужому влиянию. Но у меня нет времени заниматься рассуждениями.

— Давай отправимся вдоль берега и посмотрим, сможем ли мы найти какое-нибудь место, где можно будет вскарабкаться на эти утесы, и посмотрим, что лежит на другой стороне острова.

— Но этот остров — голые скалы, разве не так? — спросила Глория.

Тогда я пристально посмотрел на нее:

— Кто тебе об этом сказал?

— Не знаю, — смущенно ответила она. — Мне показалось, что остров — всего лишь скопление высоких утесов, поднимающихся как ступеньки друг над другом. Тут только отвесные, черные скалы.

— В таком случае нам не повезло, потому что мы не сможем прожить, питаясь морскими водорослями и крабами, — заметил я.

— Ох! — неожиданно и громко воскликнула Глория.

Я схватил ее довольно грубо, так как испугался за нее.

— Глория! Что с тобой?

— Не знаю. — Она недоверчиво посмотрела на меня, так, словно неожиданно оказалась лицом к лицу с каким-то кошмаром.

— Ты что-то увидела или услышала?

— Нет. — Казалось, она не собиралась покидать убежище моих объятий. — Ты что-то сказал... нет, не это. Я не знаю. У людей бывают видения среди бела дня. Должно быть, это был один из таких кошмаров.

Да поможет мне Бог. Я рассмеялся в мужском самодовольстве и сказал:

— Вы, девушки, бываете очень странными. Пойдем по берегу в ту сторону и...

— Нет! — упрямо воскликнула она.

— Тогда пойдем туда...

— Нет, нет!

Я потерял терпение:

— Глория, что с тобой происходит? Не можем же мы стоять здесь весь день. Мы должны найти тропинку, ведущую на утесы, и побывать на противоположной стороне острова. Не глупи, это же на тебя не похоже.

— Не ругайся. — Странное спокойствие вернулось к ней. — Мне показалось, что кто-то пробирается мне в голову, нашептывает то, что я не смогла бы рассказать даже тебе... ты веришь в передачу мыслей на расстояние?

Я внимательно посмотрел на Глорию. Никогда я раньше не слышал, чтобы она так разговаривала.

— Ты думаешь, что кто-то пытается передать тебе какую-то мысль?

— Нет, это не мысль, — отсутствующим голосом пробормотала она. — По меньшей мере совсем не похожая на мои мысли. — Потом, словно человек, неожиданно вышедший из транса, она добавила: — Ты иди. Посмотри, где тут можно взобраться на утесы, а я пока подожду здесь.

— Глория, мне это не нравится. Ты останешься одна... Я подожду, пока ты не сможешь пойти вместе со мной.

— Я не думаю, что смогу куда-то пойти в ближайшее время, — в отчаянии ответила она мне. — Да и тебе далеко уходить не нужно. Разве ты не видишь эти черные утесы, это черное побережье? Ты ведь читал стихотворение Тевиса Клайда Смита «Черное побережье смерти»? Не могу вспомнить точно.

Я почувствовал смутное беспокойство, когда она заговорила таким манером, но попытался отогнать неприятное чувство, поведя плечами.

— Я найду тропинку наверх и что-нибудь поесть, — пообещал я. — Моллюсков или крабов...

Глория неожиданно вздрогнула:

— Не вспоминай крабов. Я ненавидела их всю жизнь, но не понимала, насколько сильно, пока ты о них не заговорил. Они едят мертвечину, ведь так?.. Я знаю, дьявол похож на гигантского краба.

— Да ладно, — сказал я, потворствуя ей. — Оставайся здесь. Я недолго.

— Поцелуй меня на прощание, — сказала она с грустью, от которой сжалось мое сердце. Тогда я не знал почему. Я нежно подтянул ее к себе, наслаждаясь ощущением ее стройного тела, трепещущего от жизни и любви. Она прикрыла глаза, когда я поцеловал ее, и я заметил, что она какая-то странная...

— Не уходи далеко. Я хочу все время видеть тебя, — попросила Глория, когда я ее отпустил.

Весь берег был усеян грубыми валунами, без сомнения упавшими со скал. Глория присела на один из них.

С неким дурным предчувствием я отвернулся и пошел по берегу вдоль огромной черной стены, которая поднималась надо мной, исчезая в синем небе, словно какое-то чудовище. Наконец я подошел к большим камням. Перед тем, как пройти между ними, я оглянулся и увидел, что Глория сидит там же, где я ее оставил. На душе у меня потеплело, когда я посмотрел на эту тонкую, отважную маленькую фигурку... Тогда я видел ее в последний раз.

Я зашел за камни и потерял Глорию из виду. Мысли мои блуждали, поэтому я игнорировал последнюю просьбу Глории. Разум мужчины грубее, чем женский, не такой восприимчивый к внешним воздействиям. Однако уже тогда я ощущал в воздухе определенную напряженность.

В любом случае я побродил в одиночестве, вглядываясь в возвышающиеся надо мной черные стены, пока их вид не начал оказывать на меня некий гипнотический эффект. Тому, кто никогда не видел эти утесы, невозможно представить, как они выглядят, а я не смогу описать ту ауру враждебности, которая окружала их. Скажу, что

они поднимались так высоко надо мной, что казалось, их вершины впились в небо... Я чувствовал себя как муравей, ползающий у подножия Вавилонской башни... Их чудовищные зазубренные лица взирали на пыльных богов невообразимой древности... Вот и все, что я могу вам сказать. Но пусть тот, кто читает эти заметки, не думает, что я нарисовал истинный портрет Черного побережья. На самом деле внешний вид тут ни при чем. Эти ощущения возникали где-то на грани неосознанного...

Но все это я осознал позже. В тот момент я расхаживал по острову, ошеломленный, словно загипнотизированный совершенным однообразием нависших надо мной скал. Временами меня передергивало, я моргал и, поворачиваясь, смотрел на море, чтобы избавиться от странного чувства, но даже море казалось затянутым тенями этих огромных стен. Чем дальше я шел, тем более угрожающим чудился мне окружающий пейзаж. Разум говорил мне, что эти каменные стены не могут рухнуть, но инстинкт нашептывал, что они вот-вот обрушатся и похоронят меня.

Неожиданно я наткнулся на кусок плавуна, выброшенного на берег. Я закричал от радости. Вид плавуна доказывал, что человечество существует и где-то там далеко есть мир, отличающийся от этих темных и печальных утесов, которые сейчас заполнили собой всю вселенную. Я нашел длинный кусок железа, прикрепленный к куску дерева, и подобрал его. Если возникнет необходимость, этот обломок мог бы послужить очень удобной железной дубинкой. Правда, она казалась немного тяжелой для обычного человека, но по росту и по весу обычным человеком меня назвать было нельзя.

И вот я решил, что отошел уже достаточно далеко. Глория давно исчезла из виду. Я повернулся и торопливо пошел назад. Возвращаясь, я обнаружил на песке новые следы и с удивлением подумал, что если бы пауко-краб размером с лошадь решил бы прогуляться по пляжу, он непременно оставил бы именно такие следы. Потом я увидел то самое место, где оставил Глорию. Там было пусто. Тишина царила над пляжем.

Я не слышал ни крика, ни плача. Полное безмолвие стояло в царстве черных скал. Я остановился возле камня,

на котором оставил Глорию, и стал осматривать песок. Неподалеку лежало что-то маленькое, тонкое и белое. Я упал на колени рядом с этой находкой. Это была женская рука, оторванная у запястья. На безымянном пальце я увидел кольцо, которое сам надел на эту руку. Мое сердце остановилось, небо почернело у меня над головой.

Не знаю, сколько простоял я на коленях над этими жалкими останками. Время для меня остановилось. Минуты превратились в Вечность. Что значат дни, часы, годы для разбитого сердца, для которого каждое мгновение боли длится Бесконечность? Но когда я поднялся и повернулся к прибою, прижимая эту маленькую руку к груди, солнце уже село, впрочем, как и луна. Лишь холодные белые звезды насмешливо свысока взирали на меня.

Снова и снова я припадал губами к этому жалкому кусочку холодной плоти. Потом я положил тонкую, маленькую руку в набегающие волны прибоя, и они унесли руку Глории в чистый, глубокий океан, и где, я полагаю, с Божьего благословения упокоилось ее беспокойное тело. Печальные древние волны, которые знают все горести людей, плакали, а я не мог плакать. Но с того времени было пролито много слез, и слезы эти были кровавыми!

Пошатываясь побрел я по дразняще белоснежному берегу, словно пьяный или безумный. Отойдя от вздыхающего прибоя, я и вовсе спятил. Целые столетия я что-то бессвязно бормотал, кричал и бродил, шатаюсь, вдоль огромных черных утесов, которые, нахмурившись, с холодным, нечеловеческим пренебрежением взирали на мельтешащего у их ног муравья.

Когда я проснулся, уже встало солнце. Я почувствовал, что нахожусь на берегу не один. По обе стороны от меня столпились ужасные создания. Если вы можете вообразить себе крабо-паука по размеру больше лошади... Однако это были не настоящие крабо-пауки, даже если не принимать во внимание размеры. Оставив это различие, я могу сказать, что чудовища сильно отличались от крабо-пауков — точно так, как высокоразвитый европеец отличается от африканского бушмена. Эти чудовища были разумными.

Они сидели и наблюдали за мной. Я не двигался, непонятно чего ожидая. Холодный страх начал подкрады-

ваться ко мне. Я не особенно боялся, что твари убьют меня, потому что каким-то образом чувствовал: так или иначе они меня все равно убьют. Но их глаза, уставившиеся на меня, заставили обратиться кровь в моих жилах в лед. Глаза этих чудовищ были глазами разумных существ, чей разум во много раз превышал мой и был совершенно иным. Это трудно представить себе, трудно описать. Но, вглядываясь в их ужасные глаза, я понял, какой могущественный разум скрывается за ними, разум, поднявшийся в высшие сферы, в иное измерение.

Во взглядах чудовищ не было ничего дружелюбного, ничего покровительственного, никакой симпатии или понимания... даже страха и ненависти в них не было. Ужасные существа! Ни один человек не мог бы так смотреть. Даже во взгляде врага, собирающегося убить вас, можно прочесть понимание. Но эти дьяволы смотрели на меня так, как черствые ученые взирают на червя, приколотого к подушечке для образцов. Они... они не могли... понять меня. Им никогда не измерить мои мысли, печали, радости, амбиции, так же как я не мог вникнуть в их чувства. Мы были различными биологическими видами! И не было войн среди людей, которые смогли бы сравниться по жестокости с непрекращающейся войной между живыми существами различных видов. Разве можно поверить, что вся жизнь развивалась из одного животного вида? Я в это не верю.

Разум и сила читались в холодных глазах чудовищ, уставившихся на меня, но это был не тот разум, который я знал. Они прошли по пути развития дальше рода человеческого, но двигались по другому руслу. Насколько они развиты, не могу сказать. Их разум и способности оказались для меня за закрытыми дверьми, и большая часть их действий выглядели совершенно бессмысленными.

Но пока я сидел там и мысли эти рождались у меня в голове... я почувствовал, как нечеловеческий разум ужасной силы пытается пролезть в мой мозг, подчинить себе мое тело. Я вскочил, словно меня окатили холодной водой. Я испугался. Такой дикий, беспричинный страх, должно быть, ощущает дикий зверь, когда впервые сталкивается с человеком. Я знал, что эти твари более высоко развиты, чем я, и боялся даже сделать

угрожающий жест в их сторону, хотя всей своей душой их ненавидел.

Обычный человек не чувствует угрызений совести, когда давит насекомых. Совесть не мучит его потому, что в повседневной жизни он имеет дело лишь со своими братьями-людьми, а не с червями, на которых наступают, не с птицами, которых ест. Лев не пожирает льва, однако с удовольствием съест быка или человека. Скажу вам, Природа очень жестока, когда stravливает один биологический вид с другим.

Эти разумные крабы взирали на меня подобно тому, как Бог взирает на какого-нибудь хищника или образчик некоего зла. Но я разрушил сдерживавшие меня оковы страха. Самый большой из крабов, к которому я стоял лицом, смотрел на меня с угрюмым неодобрением, словно надменно негодуя в ответ на мои угрожающие жесты. Так ученый мог смотреть на червя, извивающегося под ножом для препарирования. Наконец ярость вскипела во мне, и языки ее огня спалили мой страх. Одним прыжком я очутился возле самого большого краба и одним ударом убил его. Потом, отскочив от его корчащегося на песке тела, я убежал.

Но убежал я недалеко. На бегу я решил, что должен отомстить за Глорию. Неудивительно, что она вздрогнула, стоило мне только произнести «краб», и подумала о том, что дьявол, наверное, внешне напоминает краба. А тем временем эти твари подкрадывались к нам, посылая нам мысли, порожденные их ужасным разумом.

Остановившись, я вернулся, подобрал найденную мной накануне дубинку. Но твари держались вместе, точно, как быки и коровы при приближении льва. Их клешни угрожающе поднимались, и посланные ими злые мысли били меня с почти физической силой. Я качнулся, не в силах бороться с мысленной атакой чудовищ. Я знал, что таким образом они хотят испугать меня. А сами они медленно попятились к утесам.

Моя история длинная, но я постараюсь быть кратким. Теперь я веду яростную и беспощадную войну против расы, которая, как я знаю, по разуму и культуре выше меня. Были ли они учеными и погибла ли Глория в каком-то их ужасном эксперименте, не знаю.

Но узнаю. Их город расположен высоко на утесах, хотя мне его не разглядеть из-за отвесных скал. Я уверен, весь остров похож на этот берег — базальтовые скалы, вздымающиеся к небесам, поднимающиеся ярусами каменные стены. Чудовища спускаются на пляж тайным путем, который я только что открыл. Они охотятся на меня, а я охочусь на них.

Также я обнаружил, что есть одна вещь, общая между этими тварями и человеком: существа, достигшие высокого интеллектуального уровня, отстают в физическом развитии. Я, который много ниже их по развитию, как горилла ниже профессора человека, столь же смертоносен в битве с ними, как смертоносна горилла, сражающаяся с невооруженным профессором. Я быстрее, сильнее, и у меня лучше развиты слух и обоняние. Координация движений у меня много лучше, чем у них. Словом, сложилась странная ситуация, в которой я играю роль дикого зверя, они — цивилизованных существ. Я не прошу пощады и никого из них не желаю прощать. Что им мои желания и просьбы? Все равно я никогда не побеспокоил бы их — больше, чем орел беспокоит людей, — если бы они не убили мою женщину. То ли чтобы насытиться, то ли ставя какой-то бесполезный научный эксперимент, они забрали ее жизнь и разрушили мою.

Но теперь я — мстительный дикий зверь. Так будет и дальше. Волк может вырезать стадо, лев-людоед — уничтожить целую деревню людей. Вот я и есть такой волк или лев (можно сказать и так) для живущих на Черном побережье. Правда, питаюсь я моллюсками и не разу не смог заставить себя попробовать плоти краба. Я охочусь на своих врагов по всему берегу среди валунов, днем и ночью. Это нелегко, и долго я так не протяну. Они сражаются со мной иным оружием, против которого у меня нет защиты, и после их психического удара на меня нападает страшная слабость — как физическая, так и душевная. Я лежа высматривал врагов, гуляющих по пляжу в одиночестве, потом нападал и убивал их, но сил на это требовалось очень много.

Сила моих врагов в основном психическая и во много-много раз превышала силы гипноза. Вначале мне было легко прорваться через защитную оболочку мыслей-

волн одинокого краба и убить его, но твари быстро обнаружили мое слабое место.

Этого я не понимаю, но теперь во время каждого поединка я вынужден проходить сквозь настоящий ад. Их мысли врываются в мой разум волнами раскаленного металла, замораживающими, обжигаящими мой разум и мою душу.

Сначала я долго лежу, спрятавшись в засаде. Потом появляется одинокий краб, я вскакиваю и быстро убиваю его, как лев убивает человека с ружьем, прежде чем жертва сможет прицелиться и выстрелить.

Но не всегда мне удается проделать все так гладко. Только вчера отчаянный удар умирающего краба оторвал мне кисть руки. Когда-нибудь одна из тварей убьет меня, но я собираюсь прожить достаточно долго, чтобы отомстить. Там, наверху, на скалистых террасах среди облаков, — город крабов. И я должен уничтожить его. Я — умирающий человек, израненный странным оружием моих врагов. На изуродованную левую руку я наложил жгут, так что от потери крови не умру. Я еще в своем уме, и моя правая рука сжимает железную дубинку. Я пишу все это на заре, пока крабы прячутся на высоких утесах. На мой взгляд, в этот раз их легко будет перебить.

Я пишу эти строки в свете низко висящей луны. Вскоре рассветет, и в предрассветной тьме я отправлюсь по тайному ходу, который недавно обнаружил. Он ведет под облака... Теперь я найду дьявольский город, и, когда на востоке небо покраснеет, я начну убивать. Это будет великая битва! Я стану убивать, убивать и убивать, а мои враги будут лежать бесформенными грудями. А потом я тоже умру. Достаточно. Мне пора. Я стану сеять смерть, словно лев. Я застелю побережье их трупами. Прежде чем умереть, я убью многих.

Глория, луна все ниже над горизонтом. Скоро заря. Я не знаю, наблюдаешь ли ты за мной из страны теней, за моей кровавой местью, но если так, то пусть мысль об этом немного согреет мою замороженную душу. Кроме того, эти существа и я принадлежим к различным биологическим видам, и в том, что мы никогда не сможем жить в мире друг с другом, виновата жестокая Природа.

Они забрали мою женщину. Я заберу их жизни.

Пришедец из Тьмы

В ЛЕСУ ВИЛЛЕФЭР

Солнце садилось. В лесу выросли огромные тени. В таинственном, призрачном свете угасающего летнего дня я увидел, как тропинка, скользившая между деревьев, исчезла в полумраке. Вздвогнув, я испуганно посмотрел назад через плечо. В нескольких милях от меня за спиной была одна деревня, в нескольких милях впереди — другая.

Не останавливаясь, я глянул налево и направо, а потом резко обернулся. И тут я остановился, сжав рукоять рапиры, так как треск сломанного сучка явственно говорил: следом за мной крадется небольшой зверек. Или зверь?

Но тропинка вела дальше, и я пошел по ней, потому что поистине не знал, что еще делать?

Шагая вперед, я задумался. «Пусть ноги сами несут меня, если я не боюсь. Кто может прятаться в этом лесу, кроме разве что зверей, оленей там всяких? Тыфу на все эти глупые крестьянские легенды!»

Так я и шел, пока затухали последние солнечные лучи, уступая место сумеркам. Замерцали звезды, и листва деревьев зашептала о чем-то на слабом ветерке. А потом я резко остановился, и рапира сама оказалась в моей руке, потому что за поворотом тропинки кто-то запел. Слов было не разобрать, но акцент певшего звучал странно, почти варварски.

Я шагнул за огромное дерево, и холодный пот выступил у меня на лбу. Потом я увидел певца — высокого, тощего мужчину, неясно различимого в тусклом свете. Я пожал плечами. Мужчина явно меня не боялся. Отступив, я выставил вперед острие рапиры:

— Стой!

Удивившись, он остановился.

— Прошу, друг, поосторожнее с клинком, — сказал незнакомец.

Пристыженный, я опустил рапиру.

— Раньше я не бывал в этом лесу, — извиняюсь, объяснил я. — Я слышал разговоры о бандитах. Извините. Где дорога в Виллефэр?

— Corbleu,* вы пропустили ее, — ответил незнакомец. — Вы пропустили поворот направо. Я и сам иду туда. Если хотите, составьте мне компанию.

Я заколебался. Однако почему я заколебался?

— Почему же нет, в самом деле? Меня зовут Монтоур из Нормандии.

— А я — Карлос ле Лоуп.**

— Нет! — отшатнулся я.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Извините, — сказал я. — У вас странное имя. Разве *loup* не означает «волк»?

— В моей семье было много великих охотников, — ответил он, но так и не протянул мне руку.

— Извините, что так уставился на вас, — продолжал я, когда мы отправились назад по тропинке. — Но в этих сумерках никак не могу рассмотреть ваше лицо.

Мне показалось, что мой спутник рассмеялся, хотя ничего не было слышно.

— Вы его не увидите, — ответил он.

Я шагнул ближе, а потом отпрянул. Волосы мои встали дыбом.

— Маска! — воскликнул я. — Почему вы носите маску, *m'sieu****

— Обет, — объяснил он. — Спасаясь от стаи гончих, я дал обет, что, если останусь жив, стану носить маску.

— Гончих, *m'sieu*?

— Волков, — быстро поправился он. — Я сказал «волков».

Некоторое время мы шли молча, а потом мой спутник снова заговорил:

* Черт возьми (фр.).

** Лоуп (*loup*) — волк (фр.).

*** Господин (фр.).

— Я удивлен, что вы пошли ночью в этот лес. Некоторых даже днем сюда не затанешь.

— Мне нужно быстрее пересечь границу, — ответил я. — Подписан договор с Англией, и герцог Бургундский должен об этом знать. Крестьяне в деревне пытались отговорить меня, болтали, что в этом лесу бродит... волк.

— Вот тропинка, ведущая в Виллефэр, — сказал ле Лоуп, и я увидел узкую извилистую дорожку, которую не заметил, когда проходил мимо. Она исчезала в темноте среди деревьев. Я содрогнулся.

— Хотите вернуться в деревню?

— Нет! — воскликнул я. — Нет, нет! Ведите.

Тропинка оказалась такой узкой, что нам пришлось идти друг за другом. Мой спутник шел впереди. Вот тогда-то я и рассмотрел его хорошенько. Он был высоким, намного выше, чем я, и более тощим, жилистым. Носил он костюм, смахивавший на испанский. Длинная шпага покачивалась у него на бедре. Шел он широкими легкими шагами.

Потом он начал разговор о путешествиях и приключениях. Он рассказывал о землях и морях, которые видел, и о многих странных вещах. Беседуя, мы уходили все дальше и дальше в лес.

Я решил, что ле Лоуп француз. Однако у него был странный акцент, не французский, не испанский, не английский. Этот акцент не походил ни на один из известных мне. Некоторые слова он произносил на одном дыхании, другие и вовсе пропускал.

— Люди часто ходят по этой тропинке? — спросил я.

— Но немногие, — ответил он и беззвучно рассмеялся.

Я вздрогнул. Было очень темно, и только листья шептались среди ветвей.

— В этом лесу охотится дьявол, — сказал я.

— Так говорят крестьяне, — согласился он. — Но я часто бродил здесь и никого не видел.

Потом он заговорил о созданиях тьмы. Встала луна. Тени протянулись среди деревьев. Ле Лоуп посмотрел на луну.

— Быстрее! — воскликнул он. — Мы должны добраться до цели раньше, чем луна достигнет зенита!

Мы прибавили шагу.

— Говорят, что в этой местности охотится волк-оборотень, — снова заговорил я.

— Может быть, — ответил он, и мы долго спорили об этом.

— Старухи утверждают, что если убить оборотня, когда он в образе волка, то можно убить его наверняка, а если убить его, когда он человек, то половина его души станет вечно преследовать убийцу, — объяснил мне мой спутник. — Но поспешим. Луна почти в зените.

Мы вышли на маленькую полянку, залитую лунным светом, и ле Лоуп остановился.

— Отдохнем тут немного, — предложил он.

— Нет, давайте пойдем дальше, — настаивал я. — Мне это место не нравится.

Он беззвучно засмеялся.

— Почему? — спросил он. — Это замечательная поляна. Она прекрасна, как банкетный зал, и я много раз пировал на ней. Ха, ха, ха! Хотите, я покажу вам танец? — И он начал скакать по поляне, запрокинув голову и беззвучно хохоча. Тогда я подумал, что он безумен.

Пока он скакал в сверхъестественном танце, я осмотрелся. Дальше тропинки не было. Она оканчивалась на этой поляне.

— Пойдем, — сказал я. — Мы должны идти. Разве вы не чувствуете запах сырой шерсти? Здесь логово волков. Может, они уже учуяли нас и сейчас сжимают кольцо вокруг поляны.

Ле Лоуп упал на четвереньки, высоко подпрыгнул и, плавно двигаясь, направился прямо ко мне.

— Этот танец называется «Танцем волка», — сказал он, и у меня волосы встали дыбом.

— Не приближайтесь! — Я отступил. С пронзительным криком, подхваченным лесным эхом, мой спутник прыгнул на меня. Хотя шпага по-прежнему висела у него на поясе, он не прикоснулся к ней. Моя рапира лишь наполовину покинула ножны, когда он схватил меня за руку и рванул с бешеной силой. Я потащил его за собой, и мы вместе повалились на землю. Высвободив руку, я сорвал маску со своего противника. Крик ужаса сорвался с моих губ. Из-под маски на меня уста-

вились глаза зверя. Белые клыки сверкнули в лунном свете. Передо мной оказалась морда волка.

Мгновение — и клыки твари едва не сжали мое горло. Когтистые пальцы вырвали рапиру из моих рук. Я ударил эту морду сцепленными руками, и челюсти чудовища впились в мое плечо. Его когти рвали мое горло. Потом я повалился на спину. Перед глазами у меня потемнело. Я пнул врага вслепую. Моя рука инстинктивно сомкнулась на рукояти кинжала, которым раньше воспользоваться я не мог. Выхватив его, я ударил. Ужасный зверь пронзительно взвыл. Страхнув врага, я встал на ноги. Оборотень лежал у моих ног.

Встав над ним, я вытащил кинжал, затем помедлил, посмотрев вверх. Луна была почти в зените. «Если я убью его, пока он сохраняет облик человека, ужасная тварь вечно будет охотиться за мной». Я присел в ожидании. Тварь уставилась на меня горящими глазами. Длинные жилистые руки его сжались, скривились. Казалось, волосы на них теперь растут гуще. Боясь сойти с ума, я взял шпагу твари и изрубил чудовище на куски. Потом я бросил клинок и убежал.

Эдам Фолкон отплывал на рассвете, и Маргарет Деверол, девушка, которая должна была выйти за него замуж, стояла на причале в холодном тумане и махала ему рукой на прощание. А вечером, когда сгустились сумерки, окаменевшая, неподвижно уставившаяся в пустоту, Маргарет замерла на коленях над неподвижным белым телом, оставленным на берегу уползающим приливом.

Собравшиеся вокруг жители городка Фаринг шептались между собой:

— Туман-то густой.

— Может, лодка причалила у Рифа Призраков.

— Странно, что в порт Фаринга принесло только его труп — и так быстро...

А понизив голос, они говорили:

— Живой или мертвый, но он к ней вернулся!

Выше линии прилива, выброшенное волнами, лежало тело Эдама Фолкона. Стройный, но сильный и мужественный человек при жизни, в смерти он стал мрачно-красивым. Глаза его были закрыты. Выглядел он уснувшим. К его одежде прилипли обрывки водорослей.

— Странно, — пробормотал старый Джон Харпер, хозяин кабака «Морской лев» и самый старый моряк в Фаринге. — Эдам утонул там, где глубоко. Да и водоросли эти растут лишь на дне океана, и в заросших кораллами подводных гротах. Как же он оказался на берегу?

Маргарет не сказала ни слова. Она стояла на коленях, прижав ладони к щекам, неподвижно глядя перед собой.

— Обними его, девушка, и поцелуй, — мягко подбивали ее жители Фаринга. — Эдам пожелал бы именно этого, будь он жив.

Девушка автоматически подчинилась, содрогаясь от прикосновения к холодному телу. Затем, когда ее губы коснулись уст Фолкона, она вскрикнула и отшатнулась.

— Это не Эдам! — пронзительно закричала она, дико озираясь.

Жители Фаринга обменялись печальными кивками.

— Чокнулась, — прошептали они, а затем подняли труп и отнесли его в дом, где жил Эдам Фолкон. В этот дом он надеялся привести молодую жену, когда вернется из плавания.

Жители Фаринга привели с собой и Маргарет, ласково поглаживая ее и утешая мягкими словами. Но девушка шла, словно в трансе, по-прежнему глядя перед собой странным, неподвижным взглядом.

Жители Фаринга уложили тело Эдама Фолкона на постель, зажгли в голове и в ногах его поминальные свечи, и соленая вода потихоньку стала стекать с одежды мертвеца и капать на пол. В Фаринге, как и во многих других городках на отдаленных побережьях, существовало поверье, что если с утонувшего снять одежду, то быть большой беде.

Маргарет сидела в обители смерти, ни с кем не разговаривая, отрешенно глядя на спокойное, темное лицо Эдама. К ней подошел Джон Гауэр, отвергнутый ею ухажер, угрюмый и опасный малый, и, глядя ей через плечо, сказал:

— Любопытную перемену вызывает смерть в море, если это тот Эдам Фолкон, которого я знал.

На него со всех сторон направили мрачные взгляды, чему, казалось, он удивился. Несколько человек встало и тихонько выпроводило его за двери.

— Ты ненавидел Эдама Фолкона, Джон Гауэр, и ненавидишь Маргарет, потому что девочка выбрала человека получше, чем ты, — сказал Том Лири. — Так вот, дьявол побери, не вздумай мучить девушку своими бессердечными речами. Убирайся и не показывайся тут!

При этих словах Гауэр мрачно нахмурился, но Том Лири смело заступил ему дорогу, и другие жители Фаринга поддержали его, потому что Джон демонстративно повернулся к ним спиной и зашагал прочь. И все же мне показалось, что сказанное им было не насмешкой и

не оскорблением, а просто неожиданно пришедшей в голову мыслью.

Когда Гауэр уходил, я услышал, как он бормочет себе под нос:

— ...Похож, и все ж странно непохож на него...

На Фаринг опустилась ночь, и в темноте замигали окна домов; окна же дома Эдама Фолкона мерцали светом поминальных свечей. Там Маргарет и другие горожане до рассвета несли бессонную вахту. А вдаль от дружелюбного тепла городских огней угрюмо застыл темно-зеленый титан океан, ныне безмолвствующий и словно окаменевший, но всегда готовый жадно вцепиться в тебя мягкими когтями волн. Я побродил вдоль берега и, присев на белый песок, поглядел на спокойные морские просторы — равнину, вздымающуюся и опадающую сонным волнообразным движением спящего змея.

Море — огромная седая старуха с холодными глазами. Его приливы говорили со мной точно так же, как всегда, с самого моего рождения — шорохом волн о песок, криками морских птиц, своим пульсирующим безмолвием. «Я очень стара и мудра, — рассуждало море-старуха. — К людям я не имею никакого отношения. Я убиваю людей и выбрасываю их тела обратно, на дрожущую от страха сушу. В моем лоне есть жизнь. Но это не человеческая жизнь, — шептало море. — Мои дети ненавидят сынов человеческих».

Тишину разорвал пронзительный крик. Я вскочил на ноги, дико озираясь. Надо мной равнодушно мерцали звезды, а на холодной поверхности океана искрились их переливающиеся призраки. Город лежал темный и неподвижный, за исключением поминальных огней в доме Эдама Фолкона... и в воздухе все еще пульсировало эхо крика.

Я был среди первых, прибежавших к двери обители смерти. И там я остановился в ужасе, вместе с остальными. На полу лежала мертвая Маргарет Деверол. Ее стройное тело выглядело разбитым, словно крепкий корабль на рифах, а над ней согнулся, укачивая ее в своих объятиях, Джон Гауэр, выпученные глаза которого безумно сверкали. Поминальные свечи все еще мерцали, но на постели Эдама Фолкона не было никакого трупа.

— Боже милостивый! — ахнул Том Лири. — Джон Гауэр, чертов сын, что это за дьяволищина?

Гауэр посмотрел на него.

— Я же говорил вам, — завопил он. — Она знала... И я знал... Это был не Эдам Фолкон. Холодное чудовище вышло из волн! Какой-то демон вселился в труп Эдама! Послушайте... Я отправился спать и попытался уснуть, но каждый раз мысли мои возвращались к этой нежной девушке, сидящей рядом с холодной, нечеловеческой тварью, которую вы сочли ее возлюбленным. Наконец я встал и подошел к окну. Маргарет сидела, задремав, а остальные, дурни этакие, спали в укромных уголках по всему дому. И пока я смотрел, прямо у меня на глазах...

Он затрясся всем телом.

— Я видел, как Эдам открыл глаза, как труп быстро и бесшумно встал с постели. Я стоял у окна, у себя дома, замерев, беспомощный, а эта отвратительная тварь подкралась к ничего не подозревающей девушке. Глаза чудовища горели адским огнем. Оно вытянуло руки. Тут Маргарет проснулась и закричала, и тогда... о Матерь Божья!.. мертвец сгреб ее в свои ужасные объятия, и она умерла.

Голос Гауэра стих, перейдя в невнятное бормотание; он нежно укачивал мертвую девушку, словно мать дитя.

Том Лири потрянул его за плечо:

— Где труп?

— Убежал, — спокойно ответил Джон Гауэр.

Ошеломленные жители Фаринга переглянулись.

— Врет, — глухо пробормотали они себе в бороды. — Он сам убил Маргарет и где-то спрятал труп для того, чтобы мы поверили в эту ужасную сказку.

По толпе прокатилось угрюмое рычание. Все, как один, повернулись и посмотрели туда, где на выходящем на залив Холме Палача мерцала на фоне звезд виселица Кануля — Лживой Губы.*

Жители Фаринга высвободили мертвую девушку из объятий Гауэра, хоть тот цеплялся за нее, и осторожно

* Тут Р. Говард вспоминает события происшедшие в другом его рассказе о городке Фаринге — «Проклятие моря», напечатанном в книге «Конан-победитель» (Саратов: АО «Заволжье». 1994).

уложили ее на постель меж свечей, предназначавшихся Эдаму Фолкону. Она лежала там, неподвижная и белая. Мужчины и женщины шептались, что она выглядела скорее утонувшей, чем удушенной.

Мы повели Джона Гауэра по улицам деревни; он не сопротивлялся, шел, как во сне, бормоча про себя. Но на площади Том Лири остановился.

— Странную повесть рассказал нам Гауэр, хоть и несомненно лживую, — заметил он. — Однако я не такой человек, чтобы кого-то вешать, когда не уверен в его вине. А потому давайте запрем его на всякий случай на складе и поищем труп Эдама. Повесить Гауэра мы и после успеем.

Так мы и сделали. Когда мы собирались уйти, я оглянулся на Джона Гауэра. Он сидел, уронив голову на грудь, словно человек, до смерти уставший.

Потом мы искали труп Эдама Фолкона на темных пустырях, на чердаках домов и среди выброшенных на берег сгнивших остовов лодок. Наши поиски увели нас до самых холмов за городом. Там мы разбились на группы и пары и рассыпались по бесплодным возвышенностям.

Мне достался в товарищи Майкл Хансен, но мы настолько отделились друг от друга, что темнота скрыла его от меня. Вдруг он закричал. Я бросился к нему, и тут крик его перешел в вопль и замер. Наступила жуткая тишина. Майкл Хансен лежал на земле мертвый. Во мраке мне едва удалось разглядеть ужасную фигуру. Я замер. Все мое тело покрылось мурашками.

Подбежали Том Лири и остальные. Они сгрудились вокруг, клянясь, что и это дело рук Джона Гауэра.

— Он сбежал со склада, — сказали они. И тогда мы со всех ног помчались в деревню.

Да. Оказалось, Джон Гауэр сбежал и от ненависти своих односельчан, и от всех жизненных невзгод. Он сидел там же, где мы его оставили, уронив голову на грудь. Но кто-то приходил к нему. И хоть все кости Гауэра были переломаны, выглядел он, как утопленник.

Тогда ужас спустился на Фаринг, словно густой туман. Мы скупились вокруг склада, потеряв дар речи, пока вопли из дома на окраине деревни не сказали нам,

что убийца снова нанес удар. Ворвавшись в тот дом, где кричали, мы нашли еще трупы. Обезумевшая женщина, прежде чем умереть, со стоном рассказала нам, что труп Эдама Фолкона вломился в ее дом через окно. Глаза мертвеца ужасно горели. Он набросился на людей, терзая их и убивая. Помещение было залепано зеленой слизью, а к подоконнику пристали обрывки водорослей.

Тут жителей Фаринга охватил страх, неразумный и постыдный. Они разбежались по домам, заперли на все замки и засовы окна и двери, спрятались за ними, сжимая в дрожащих руках оружие. Черный ужас сжал их души. Каким же оружием можно было убить мертвеца?

Всю эту ночь — ночь смерти — ужас гулял по Фарингу и охотился на сынов человеческих. Люди дрожали и не смели даже высунуться, когда треск ломающейся двери или окна сообщал о том, что тварь проникла в чей-то дом, а вопли и невнятные крики — о жутких деяниях чудовища.

И все же нашелся один человек, который не спрятался за дверьми, чтобы быть убитым, словно баран на бойне... Я никогда не был храбрецом, да и не смелость подтолкнула меня выйти на улицу в эту жуткую ночь. Нет, меня гнала одна мысль... мысль, родившаяся у меня, когда я смотрел на мертвое лицо Майкла Хансена. Тварь была таинственной и иллюзорной, призрачной и почти нереальной, но не совсем. Одна мысль засела у меня в голове, и я не мог успокоиться, пока не доказал бы или не опроверг бы то, чего не мог даже сформулировать в виде конкретной теории.

В лихорадочном возбуждении пробираясь я по деревне, прячась в тени и двигаясь предельно осторожно. Может, это море, странное и переменчивое даже в отношении к своим избранным, шепнуло что-то моему внутреннему слуху, предав своего сына. Не знаю.

Но всю ночь рыскал я вдоль берега, и, когда в первых серых лучах зари на берег вышла дьявольская фигура, я поджидал ее.

По всем внешним признакам в сером мраке предомной стоял оживший труп Эдама Фолкона. Глаза мертвеца были открыты и блестели холодным светом, слов-

но глубины морского ада. Но я знал: передо мной не Эдам Фолкон.

— Морской дьявол, — сказал я нетвердым голосом. — Не знаю, как ты приобрел внешность Эдама Фолкона. Не знаю, напоролась ли его лодка на скалы, или он упал за борт, или ты влез на борт и уволок его с палубы. Не знаю я, какой мерзкой океанской магией ты искажил свои дьявольские черты, чтобы стать похожим на него... Но твердо знаю я только одно: Эдам Фолкон мирно спит под синими водами. Ты не он. Я подозревал это... а теперь знаю точно. Такие, как ты, явились на Землю давным-давно... так давно, что все люди позабыли рассказы об этом. Все, кроме таких, как я, которых соседи называют дурачками. Я знаю, кто ты, не боюсь тебя. Я убью тебя на этом берегу. Хотя ты и не человек, но тебя может убить человек, который не боится... даже если это всего лишь юнец, считающийся странным и глупым. Ты оставил на суше свой дьявольский след. Одному Богу известно, сколько душ ты загубил. Древние говорят, что такие, как ты, могут причинить вред, только приняв вид человека и только на суше. Да, ты обманул сынов человеческих. Они принесли тебя в свой мир... Люди не знали, что ты — чудовище из бездны... Теперь ты совершил, что желал. Скоро взойдет солнце. И задолго до этого ты должен скрыться глубоко под зелеными водами, нежась в тех проклятых гротах, которые никогда не видели глаза человеческие. Может, только после смерти... Там для тебя безопасная обитель. Но я встану у тебя на дороге.

Чудовище шагнуло ко мне, словно вздымающаяся волна. Его руки змеями обвили меня. Я знал, что они пытаются меня раздавить. У меня возникло ощущение, словно я тону. Только тогда я понял, что беспокоило меня все это время. Майкл Хансен выглядел, как утопленник.

Теперь же я смотрел в нечеловеческие глаза твари, и мне казалось, словно я смотрю в бездонные океанские глубины — глубины, куда меня скоро утянет. Я почувствовал чешую...

Чудовище схватило меня за горло, потом за плечо и за руку, выгибая мне спину назад, чтобы сломать по-

звоночник. И тогда я вонзил в его тело нож... А потом вонзил снова... Снова и снова. От зарычал. Это был единственный звук, который вырывался из его горла, и походил он на рев волн на рифах. Тело и руки мне сжало так, словно я находился на глубине в сто фатомов,* а потом, когда я опять ударил чудовище, оно поддалось и рухнуло на песок.

Оно лежало, извиваясь, а затем перестало двигаться и начало меняться. Ундины называли древние таких созданий, зная, что эти обитатели океанов наделены странными способностями, одна из которых — принимать облик человека, если руки людей вытащат их из океана. Я нагнулся и сорвал с твари человеческую одежду. Первые лучи солнца упали на слизистую, разлагающуюся массу водорослей, из которых уставились на меня два страшных, мертвых глаза. Бесформенный остов остался лежать у воды, и первая же большая волна унесет его туда, откуда он явился, — в холодный нефрит океанских глубин.

* Морская сажень.

ДОЛИНА СГИНУВШИХ

Словно волк, следящий за охотниками, Джон Рейнольдс наблюдал за своими преследователями. Он лежал неподалеку от них, в зарослях на склоне горы, с бушующим в сердце вулканом ненависти. За ним долго гнались. Позади него, выше по склону, там, где петляла малозаметная тропа из Долины Сгинувших, стоял, опустив голову, дрожа после долгого бега, его мустанг с безумными глазами. А ниже по склону, не более чем в восьмидесяти ярдах от него, остановились враги, совсем недавно перебившие его родственников.

Преследователи, спешившись на поляне перед Пещерой Духов, спорили между собой. Джон Рейнольдс знал их всех и смотрел на них с лютой ненавистью. Между ними и Рейнольдсом давно пролегла черная тень кровной вражды.

Историки, воспевавшие вендетты в горах Кентукки, почему-то пренебрегали вендеттами в Техасе, хотя первые поселенцы юго-запада принадлежали к тому же племени, что и горцы Кентукки. Но между ними существовали различия. В горной местности вендетты тянулись не одно поколение, а на техасской границе они бывали недолгими, свирепыми и ужасающе кровавыми.

Вражда Рейнольдсов и Мак-Криллов длилась по техасским меркам долго. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как старый Исав Рейнольдс длинным охотничьим ножом заколол юного Бракстона Мак-Крилла в салуне городка Антилоп-Веллс — во время ссоры из-за прав на пастбище. Все эти пятнадцать лет Рейнольдсы и их родичи — Брииллы, Аллисоны и Доннелли — открыто воевали с Мак-Криллами и их родичами — Киллихерами, Флетчерами и Ордами. За эти пятнадцать лет бывало всякое: засады в горах, убийства на открытых пастбищах, перестрелки на

улицах городков. Оба клана угоняли друг у друга скот. И та и другая сторона нанимала стрелков и бандитов, сея страх и беззаконие по всей округе. Поселенцы держались подальше от этих истерзанных войной пастбищ. Кровная вражда стала непреодолимым барьером на пути прогресса и развития, деморализуя всю округу.

Джона Рейнольдса все это мало волновало. Он вырос в атмосфере вражды и стал одержим ею. Война взяла свою страшную дань с обоих кланов, но клан Рейнольдсов пострадал больше, и Джон был последним из Рейнольдсов, поскольку Исав, правивший кланом, — мрачный, старый патриарх — больше не мог ни ходить, ни сидеть в седле из-за парализованных ног. Так удачно подстрелили его Мак-Криллы. Джону довелось видеть своих братьев, застреленных из засады и убитых в рукопашных схватках.

А теперь последний удар врагов почти начисто стер с лица земли их тающий клан. Джон Рейнольдс выругался при мысли о ловушке, в которую они угодили, зайдя в салун городка Антилоп-Веллс. Спрятавшиеся враги без предупреждения открыли убийственный огонь. Пали: его кузен Билл Доннелли, сын его сестры юный Джонатон Бриил, его шурин Джоб Аллисон и Стив Керни — наемный стрелок. Джон Рейнольдс плохо понимал, как ему самому удалось расчистить путь выстрелами из револьвера и добраться до коновязи. Но враги гнались за ним, наступая на пятки и дыша в затылок, так что он не успел вскочить на своего гнедого, а схватил первого попавшегося коня — быстроногого, но задыхающегося при долгих пробегах мустанга с безумными глазами, который раньше принадлежал покойному Джонатону Бриилу.

На какое-то время Рейнольдс оторвался от своих преследователей и, описав круг, заехал в таинственную Долину Сгинувших, где полно было безмолвных зарослей и крошащихся каменных столпов. Рейнольдс собирался сделать петлю и вернуться по собственному следу через горы, чтобы добраться до владений своей семьи. Но мустанг его подвел. Джон Рейнольдс привязал его выше по склону так, чтобы со дна долины его видно не было, и пополз обратно — посмотреть, как его враги въезжают в долину. Их было пятеро: старый Джонас

Мак-Крилл с его вечно оскаленным в рычании волчьим ртом; Сол Флетчер — чернобородый и приволакивающий ногу здоровяк. Он получил травму в юности, упав с дикого мустанга. С ними были братья Билл и Питер Орды и бандит-наемник Джек Соломон.

Сейчас до безмолвного наблюдателя доносился голос Джонаса Мак-Крилла:

— Говорю вам, он прячется где-то в этой долине. Он же скакал на мустанге со слабой дыхалкой. Бьюсь об заклад, к тому времени, как он добрался сюда, его конь валился с ног.

— Ну, так чего же мы стоим тут и болтаем? — раздался голос Сола Флетчера. — Почему бы нам не начать на него охоту?

— Не так быстро, — проворчал старый Джонас. — Не забывай, мы преследуем не кого-нибудь, а Джона Рейнольдса. Времени у нас хоть отбавляй.

Пальцы Джона Рейнольдса окаменели на рукоятки кольта сорок пятого калибра с ручным взводом. В барабане осталось всего два патрона. Джон просунул дуло сквозь ветви росших перед ним кустов. Его большой палец взвел зловеющий клыкастый боек, а серые глаза прищурились и стали матовыми, как лед. Джон навел длинный вороненый ствол. Какое-то мгновение он сдерживал ненависть, рассматривая стоявшего ближе всего к нему Сола Флетчера. Вся злоба в душе Джона сосредоточилась в этот миг на зверском чернобородом лице. Именно его шаги слышал Джон в ту ночь, когда раненый лежал в осажденном каррале рядом с изрешеченным пулями трупом брата и отбивался от Сола и его братьев.

Палец Джона Рейнольдса согнулся, и грохот выстрела многократно повторило эхо этих безмолвных гор. Сол Флетчер выгнулся, вскинув к небу черную бороду, а потом как подкошенный свалился лицом вперед. Остальные, с быстротой людей, привыкших к пограничной войне, рухнули на камни, и сразу загрели ответные выстрелы наугад. Пули пронзали заросли, свистя над головой невидимого убийцы. Находившийся выше по склону мустанг, скрытый от взоров людей в долине, но испуганный грохотом выстрелов, пронзительно заржал. Встав на дыбы, он порвал державшие его поводья и

ускакал вверх по горной тропе. Цокот его копыт становился все тише, а потом и вовсе смолк.

На мгновение воцарилась тишина, а затем раздался разгневанный голос Джонаса Мак-Крилла:

— Говорил же я вам, что он где-то здесь! А теперь он смылся.

Поджарая фигура старого стрелка поднялась из-за камня, где он прятался. Рейнольдс, свирепо усмехнувшись, тщательно прицелился, а потом... инстинкт самосохранения удержал его от выстрела. Из укрытия вылезли и остальные.

— Так чего же мы ждем? — заорал юный Билл Орд со слезами ярости на глазах. — Этот койот застрелил Сола и ускакал отсюда во всю прыть, а мы стоим разинув рты. Я за ним... — Он направился к своей лошади.

— Ты сначала послушай меня, — прорычал старый Джонас. — Я ведь предупреждал вас не пороть горячку, так нет. Вам нужно было лететь вперед, словно стае слепых канюков, и вот теперь Сол валяется мертвым. Ежели мы не поостережемся, Джон Рейнольдс перестреляет всех нас. Разве я не говорил вам, что он где-то здесь? Вероятно, он останавливался дать роздых коню. Далеко ему не ускакать. Как я вам и говорил, предстоит долгая охота. Пусть себе пока скрывается. Покуда он впереди нас, нам придется остерегаться засад. Он попытается вернуться во владения Рейнольдсов. Вот мы не спеша и отправимся за ним. Погоним его назад. Будем ехать, разойдясь большим полукругом, и он не сможет проскочить мимо нас. Во всяком случае, не на этом дохлом мустанге. Попросту загоним его и возьмем Рейнольдса голыми руками, когда конь его падет. Я знаю, куда мы его, в конце концов, загоним — в каньон Слепой Лошади.

— Тогда нам придется дожидаться, пока он не сдохнет там с голоду, — проворчал Джек Соломон.

— Нет, не придется, — усмехнулся старый Джонас. — Билл, дуй обратно в Антилоп и достань пять-шесть шашек динамита, а потом бери свежего коня и гони по нашему следу. Если мы настигнем его прежде, чем он доберется до каньона, отлично. А если он опередит нас и успеет окопаться, то мы дождемся тебя и разнесем его в клочья.

— А как насчет Сола? — проворчал Питер Орд.

— Он мертв, — сказал Джонас. — Мы сейчас ничего не можем для него сделать. Нет времени везти его обратно в город. — Он глянул на небо, где на голубом фоне уже кружили темные точки. Его взгляд переместился на заложенный камнями вход в пещеру, что был расположен посреди отвесной скалы, поднимавшейся под прямым углом к склону, по которому петляла тропа.

— Вскроем пещеру и положим труп туда, — решил он. — И снова завалим вход камнями. Тогда волки с канюками до него не доберутся. Может, пройдет несколько дней, прежде чем мы за ним вернемся.

— В этой пещере водятся духи, — обеспокоенно проормотал Билл Орд. — Индейцы всегда говорили, что ежели туда положить мертвеца, то в полночь он оживет и выйдет наружу.

— Заткнись и помоги поднять беднягу Сола, — оборвал его Джонас. — Вот родич твой лежит мертвым, его убийца с каждой секундой уносится все дальше и дальше, а ты тут болтаешь о каких-то духах.

Когда они подняли труп, Джонас вытащил из кобуры мертвеца длинноствольный шестизарядный револьвер и заткнул его себе за пояс.

— Бедняга Сол, — вздохнул он. — Точно, мертвец. Получив порцию свинца прямо в сердце, он умер раньше, чем упал наземь. Ну, мы заставим проклятого Рейнольдса за это поплатиться.

Они отнесли мертвеца к пещере и, положив его наземь, дружно нагнулись на загораживающие вход камни. Вскоре вход был расчищен, и Рейнольдс увидел, как четверка стрелков внесла тело в пещеру. Почти сразу же они вышли, но уже без своей ноши, и вскочили на коней. Юный Билл Орд повернул к выходу из долины и исчез среди деревьев. Остальные легким галопом направились по ведущей в горы извилистой тропе. Они проехали в каких-нибудь ста футах от укрытия Джо, и тот прижался к земле, боясь, как бы его не заметили. Но стрелки даже не взглянули в его сторону. Топот копыт их коней постепенно замер в отдалении. После этого в древней долине воцарилась тишина.

Джон Рейнольдс осторожно поднялся, огляделся кругом, словно загнанный волк, а затем быстро спустился по склону. Цель у него была вполне определенная. Все его боеприпасы состояли из одного-единственного патрона, но на трупе Сола Флетчера остался пояс-патронташ, набитый патронами сорок пятого калибра.

Пока он разбрасывал камни, преграждавшие вход в пещеру, в голове у него вертелись странные и неясные догадки, которые всегда возбуждала в нем эта пещера и долина. Почему индейцы называли ее Долиной Сгинувших? Почему краснокожие избегали ее? Один раз на памяти белых отряд киова, удирая от мести Большенога Уоллеса и его рейнджеров, остановился тут. Уцелевшие из этого племени рассказывали фантастические истории, в которых было полно и убийств, и братоубийств, и безумия, и вампиризма, и резни, и канныализма... Потом в Долине поселилось шестеро белых — братья Старки. Они вскрыли заложенную киогами пещеру. На них тоже обрушилось проклятье, и за одну ночь пятеро из них погибли от руки друг друга. Уцелевший замуравал пещеру и укакал неведомо куда. Вскоре по поселениям прошел слух о некоем Старке, который наткнулся на тех, кто остался от племени киова, когда-то живших в Долине. После долгого разговора с ними этот белый перерезал себе горло длинным охотничьим ножом.

В чем же заключалась тайна Долины, если все это — не переплетение лжи и легенд? Что означают крошащиеся камни, разбросанные по всей долине и полускрытые ползучими растениями. В лунном свете особенно заметна симметричность их расположения. Некоторые люди верили рассказам индейцев, утверждавших, что это — остатки колонн доисторического города, некогда существовавшего в Долине Сгинувших. Рейнольдс сам видел череп, выкопанный у подножия скал бродячим старателем. Останки, казалось, не принадлежали ни европейцу, ни индейцу — странный череп, заострявшийся к макушке. Если бы не форма челюстных костей, он мог бы принадлежать какому-нибудь доисторическому животному. Потом этот череп рассыпался в прах.

Такие мысли смутно и мимолетно проносились в голове у Джона Рейнольдса, пока он растаскивал валуны,

которые Мак-Криллы уложили кое-как — ровно настолько, чтобы не дать протиснуться в пещеру волку или канюку. В основном же мысли Джона занимали патроны в поясе мертвого Сола Флетчера. Отличный шанс! Возможность выжить! Джон Рейнольдс еще вырвется из этих гор, приведет новых стрелков и головорезов для ответного удара. Он залет кровью все пастбища, дотла разорит всю округу, если сумеет. Уже не один год он был движущей силой этой кровной вражды. Когда старый Исав ослабел и возжелал мира, Джон Рейнольдс не дал угаснуть пламени ненависти. Кровная вражда стала единственной целью его жизни — единственной вещью, которая по-настоящему интересовала его и давала стимул к существованию...

Последние валуны откатились в сторону.

Джон Рейнольдс шагнул в полумрак пещеры. Она оказалась невелика, но тени внутри сгустились, превратившись в почти осязаемую субстанцию. Постепенно глаза Рейнольдса приспособились к полутьме, и тогда с его губ сорвалось невольное восклицание — пещера была пуста! Он в замешательстве выругался. Ведь он же сам видел, как четверо стрелков внесли в пещеру труп Сола Флетчера и снова вышли с пустыми руками. И все же на пыльном полу пещеры не было никакого трупа. Джон прошел в дальний конец пещеры, глянул на прямую, ровную стену, нагнулся, изучая гладкий каменный пол. Напрягая свое острое зрение, он различил во мраке кровавый след, протянувшийся по камням. Этот след обрывался у противоположной от входа стены. На стене же никаких пятен не было.

Рейнольдс нагнулся поближе, опершись рукой о каменную стену. Вдруг он почувствовал, что стена поддается под нажимом его руки. Неожиданно потайная дверь распахнулась, и Джон полетел во тьму головой вперед.

Пал он недолго. Его выброшенные вперед руки ударились обо что-то, походившее на высеченные в камне ступени, и, спотыкаясь, он стал карабкаться по ним. Затем он выпрямился и повернулся обратно к отверстию, через которое попал сюда. Но потайная дверь закрылась. Рейнольдс нащупал только гладкую каменную стену. Он боролся с нарастающим страхом. Каким

образом Мак-Криллы узнали про потайную комнату, он сказать не мог, но совершенно очевидно, они положили тело Сола Флетчера именно сюда. И вот тут-то они, когда вернутся, и найдут Джона Рейнольдса, попавшего в западню, словно крыса. Тонкие губы Рейнольдса скривились в мрачной улыбке. Когда они откроют потайную дверь, он спрячется в темноте, в то время как они будут хорошо видны на фоне светлого пятна тускло освещенной внешней пещеры. Где еще найдется лучшее место для засады? Но сначала он должен отыскать труп и забрать патроны.

Джон повернулся, на ощупь пробираясь вниз по ступеням. Первый же шаг привел его на ровный пол. «Тут какой-то туннель», — решил Джон, поскольку до потолка дотянуться не смог. Шаг вправо или влево — и его вытянутая рука касалась стены, казавшейся слишком ровной, чтобы быть творением природы. Джон Рейнольдс медленно пошел вперед, нащупывая во тьме дорогу, не отрывая руку от стены и ожидая, что в любую минуту споткнется о тело Сола Флетчера. Но постепенно в душе его начал зарождаться смутный страх. Мак-Криллы пробыли в пещере не так долго, чтобы унести тело так далеко. У Джона Рейнольдса появилось ощущение, что Мак-Криллы вообще не заходили в этот туннель и не знали о его существовании. Тогда где же, во имя всего святого, труп Сола Флетчера?

Джон резко остановился, выхватив свой кольт. По темному туннелю навстречу ему что-то двигалось. К нему, неуклюже шагая, приближалось существо, стоящее на задних лапах.

Джон Рейнольдс решил, что это человек в сапогах для верховой езды с высокими каблуками. Никакая другая обувь не дает такого звука. Еще Джон различил позвякивание шпор. И тут на Рейнольдса накатила волна безымянного ужаса. Прислушиваясь к шагам, он вспомнил ночь, когда лежал, загнанный в старый карраль рядом с умирающим младшим братом, и слышал шаги прихрамывающего, приволакивающего ногу врага, который описывал бесконечные круги возле его укрытия. Тогда Сол Флетчер со своими волками долго пытался найти уязвимое место в обороне Джона.

Может, Флетчер был только ранен? Шаги казались неуверенными. Так мог идти раненый. Нет... Джон Рейнольдс повидал слишком много смертей на своем веку. Он знал: его пуля попала Солу Флетчеру прямо в сердце, возможно, вышла через спину и уж совершенно точно убила его. Кроме того, он слышал, как старый Джонас Мак-Крилл провозгласил Сола мертвым. Нет... Сол Флетчер лежит безжизненной грудой где-то в этой темной пещере. А по туннелю ходит кто-то другой.

Шаги замерли. Незнакомец находился прямо перед Джоном. Их разделяло всего несколько футов беспросветного мрака. Отчего же так бешено бьется пульс Джона Рейнольдса, человека, который не раз смотрел в лицо смерти? Почему его язык примерз к небу, а по коже ползут мурашки? Что пробудило в нем до того спящий инстинкт страха, какой возникает у человека, ощущающего присутствие невидимой змеи?

Джон Рейнольдс слышал учащенное биение собственного сердца. Вдруг незнакомец бросился на него. Рейнольдс уловил первое движение невидимого противника и выстрелил в упор. И завопил... страшно закричал, по-звериному. Могучие руки вцепились в него, невидимые зубы впились в его тело. Но страх придавал Рейнольдсу нечеловеческие силы, потому что во вспышке выстрела он увидел бородатое лицо с безвольно разинутым ртом и уставившимися в пустоту мертвыми глазами. Сол Флетчер! Мертвец, вернувшийся из ада!

Словно в кошмаре, Рейнольдс яростно сражался в темноте. Мертвец старался повалить его. Он со страшной силой швырнул Джона на каменную стену. Когда же Рейнольдс упал на пол, оживший мертвец уселся на него верхом, словно вампир, вонзив глубоко ему в горло свои отвратительные пальцы.

У Рейнольдса не осталось времени на раздумья. Он знал, что сражается с мертвецом. Тело его врага отдавало холодной и влажной покойницей. Под разорванной рубашкой Джон почувствовал круглое пулевое отверстие, облепленное запекшейся кровью. С уст его противника не сорвалось ни единого звука.

Задышавшись, хватая воздух широко открытым ртом, Джон Рейнольдс сорвал с горла душащие его руки и

отбросил мертвеца. На миг их снова разделила темнота. Но Флетчер снова обрушился на Джона. Когда мертвец бросился вперед, Джон по счастливой случайности вслепую применил борцовский прием. Он вложил в него все свои силы, швырнув чудовище лицом об пол, навалившись на него всем своим весом. Позвоночник Сола Флетчера сломался, словно гнилая ветвь. И тут же руки его обмякли, неожиданно ослабнув. Что-то вытекло из обмякшего тела и с шипением унеслось во тьму, словно призрачный ветер. Только тут Джон Рейнольдс инстинктивно понял, что теперь-то уж Сол Флетчер мертв окончательно и бесповоротно.

Тяжело дыша и весь трясаясь, Рейнольдс поднялся. В туннеле по-прежнему было совсем темно. Впереди, откуда пришел труп, слышался слабый стук, словно где-то далеко-далеко звучала пульсирующая, странная, мрачная музыка. Рейнольдс содрогнулся и покрылся холодным потом. В темноте у его ног лежал мертвец, и он слышал невыносимо сладострастную, злую мелодию, эхом отдававшуюся в подземелье, словно в пещерах ада приглушенно били дьявольские барабаны.

Разум заставлял его повернуть назад, вернуться к невидимой двери и колотить в нее, пока не разлетится камень (если такое вообще возможно). Но в какое-то мгновение Джон Рейнольдс понял, что и разум, и здравомыслие остались по ту сторону двери. Один-единственный шаг перенес его из нормального, материального мира в царство кошмара и безумия. Джон решил, что сошел с ума, или умер и угодил прямоком в ад. Глухое «тум-тум», доносившееся из недр земли, притягивало его, сверхъестественным образом задевая струны его сердца. Эти звуки наполняли его разум темными, чудовищными мыслями. И все же от этого зова нельзя было отмахнуться. Джон Рейнольдс боролся с безумным желанием завопить и, размахивая руками, побежать сломя голову по черному туннелю, словно кролик, выгнанный собакой из норы прямо в пасть затаившейся гремучей змеи.

Шаря в темноте, Джон нашел свой револьвер и, по-прежнему вслепую, зарядил его патронами с пояса Сола Флетчера. Теперь, прикасаясь к телу, он испытывал не больше отвращения, чем от прикосновения к любой

мертвой плоти. Какая бы там нечестивая сила ни ожила этот труп, она покинула его, когда сломавшийся позвоночник разорвал нервные связи, управлявшие движениями мускулатуры.

Затем, с заряженным револьвером в руке, Джон Рейнольдс пошел по туннелю. Неведомая сила влекла его вперед, к судьбе, которую он не мог постичь.

По мере его продвижения вперед «тум-тум» стало чуть громче. Он не знал, насколько глубоко под горы завел его туннель, но ход вел под уклон, а идти пришлось долго. Вытянутая вперед рука, которой Рейнольдс нащупывал дорогу, часто встречала боковые проходы — коридоры, отходящие от главного туннеля. Наконец он понял, что вышел в какую-то огромную пещеру. Джон ничего не видел, но каким-то образом почувствовал, что пещера достаточно велика. В темноте забрезжил слабый свет. Он пульсировал в такт ударам барабанов, но постепенно усиливался — странное сияние цвета, больше всего похожего на зеленый. Но на самом деле этот свет не был ни зеленым, ни каким-либо еще известным людям.

Рейнольдс приблизился к его источнику. Свет стал ярче. Он мерцал, отражаясь от гладкого каменного пола, высвечивая фантастическую мозаику. Свет таял где-то над головой. Рейнольдс разглядел потолок пещеры — высокий и сводчатый, нависающий, словно темное полуночное небо. Поблескивающие стены вздымались на громадную высоту, и у их подножия сгрудились приземистые тени. Среди них поблескивали другие, маленькие искрящиеся огоньки.

Наконец Джон Рейнольдс увидел источник света — старинный, высеченный из камня алтарь, на котором горело что-то, выглядевшее гигантским драгоценным камнем того же неестественного цвета, что и испускаемый им свет. Зеленоватое пламя исходило от него. Он горел, словно кусок угля, но не сгорал. А прямо за ним поднималась свернувшаяся на алтаре пернатых змей фантастическая фигура, вырезанная из какого-то кристаллического материала, который переливался в свете драгоценности. Пульсации света менялись в ритме ударов барабана, доносившихся теперь, как казалось, со всех сторон.

Неожиданно рядом с алтарем шевельнулось что-то живое, и Джон Рейнольдс отшатнулся, хоть и ожидал всего чего угодно. Вначале он подумал, что это выползла из-за алтаря гигантская змея, но потом увидел, что существо стоит вертикально, как человек. Встретившись взглядом с угрожающе блестящими глазами неведомой твари, Рейнольдс выстрелил в упор, и тварь рухнула, как бык на бойне. Ее череп разлетелся на куски. Услышав злое шуршание, Рейнольдс круто обернулся. По крайней мере, этих тварей можно убивать. И тут он замер. Окаймлявшие стены тени придвинулись, стягиваясь вокруг него в широкое кольцо. И хотя на первый взгляд они походили на людей, Рейнольдс понял, что они не принадлежат к роду человеческому.

Станный свет мерцал и плясал над ними, а дальше в глубокой темноте негромкие злые барабаны беспрестанно, нетерпеливо нашептывали что-то. Джон Рейнольдс стоял, парализованный страхом.

Его испугали не карликовые фигуры странных существ, и даже не их руки и ноги неестественного вида, а их головы. Теперь он понял, какой расе принадлежал череп, что нашел старатель. Как и у того черепа, верхняя часть головы этих существ заострялась. Сама голова имела неправильную форму и казалась сплюсненной с боков. Не было видно никаких признаков ушей, словно органы чувств этих существ находились под кожей, как у змей. Носы походили на носы питонов, рот и челюсти выглядели куда менее человеческими, чем те, что Джон видел раньше. А глаза были маленькие, сверкающие, как у рептилии. Чешуйчатые губы растягивались, открывая заостренные зубы. Джон Рейнольдс решил, что укус этих тварей будет таким же смертоносным, как укус гремучей змеи. Никакой одежды эти существа не имели, и в руках их не было никакого оружия.

Джон Рейнольдс напрягся, готовясь к смертельной схватке, но существа не бросились на него скопом. Люди-змеи расселись вокруг него кольцом, скрестив ноги. Он видел огромную толпу этих существ, собравшуюся за спиной сидевших. Джон почувствовал, как внутри его что-то шевельнулось, и ощутил почти осязаемое давление, словно твари пытались подчинить себе его

волю. Он отчетливо сознавал, что эти ужасные существа вторглись в потаенные глубины его разума, и понимал, что они с помощью мысли пытаются донести до него то ли приказы, то ли пожелания. Что общего могло оказаться у него с этими нечеловеческими созданиями? И все же каким-то неясным, странным, телепатическим путем они заставили его понять кое-что. Потрясенный, он осознал, что чем бы там ни были сейчас эти твари, некогда они, по крайней мере частично, относились к роду человеческому или же застряли где-то на полпути между зверем и человеком.

Он понял, что стал первым из белых, вошедшим в тайное подземное царство, первым увидевшим сияющего змея — Ужасного Безымянного, который был древнее, чем сам мир. Прежде чем умереть, он должен был узнать о таинственной долине все, в чем отказано было сынам человеческим, чтобы он мог забрать это знание с собой в Вечность и обсудить эти дела с теми из индейцев, кто побывал здесь до него.

Тихо били барабаны, прыгал и мерцал странный свет. К алтарю вышел тот, кто, похоже, пользовался авторитетом — древнее чудовище, кожа которого походила на беловатую шкуру старой змеи. Это существо носило на заостренном черепе золотой обруч, украшенный диковинными самоцветами. Он согнулся и послал мольбу пернатому змею. Затем каким-то острым орудием, оставляющим фосфоресцирующий свет, начертил на полу перед алтарем таинственную треугольную фигуру, а внутрь ее насыпал мерцающей пыли. Из нее поднялась тонкая спираль, превратившаяся в гигантского змея, пернатого и ужасного. Потом змей неуловимо изменился и растаял, превратившись в облачко зеленоватого дыма. Этот дым за клубился перед глазами Джона Рейнольдса, скрыв и змеелюдей, и алтарь, и пещеру. Вся Вселенная растворилась в зеленоватом дыму, где возникали и таяли титанические сцены и чуждые человеку ландшафты. Там бродили ужасные существа.

Неожиданно хаос образов обрел четкость. Джон Рейнольдс смотрел на долину, которой не узнавал. Но откуда-то он знал, что это Долина Сгинувших. Посреди нее высился огромный город из тускло сверкающего

камня. Джон Рейнольдс всю свою жизнь провел в пустынях и прериях. Он никогда не видел великих городов мира, но понял, что нигде ныне не может существовать столь величественного города.

Башни и зубчатые стены метрополиса принадлежали иному веку. Его очертания сбивали Джона Рейнольдса с толку своими неестественными пропорциями. На взгляд нормального человека этот город был каким-то безумием, кусочком иного измерения, творением ненормальной архитектуры. По городу двигались странные фигуры — люди, но сильно отличавшиеся от рода человеческого, к которому принадлежал Джон Рейнольдс. Руки и ноги этих существ выглядели неправильно. Их уши и рты больше всего походили на органы обычных людей. И между ними и чудовищами пещеры, несомненно, существовало родство. Оно проявлялось в странном, заостренном строении черепа, хотя вид у жителей города был менее «звериный».

Джон видел, как странные существа ходят по извилистым улицам, видел, как они входят в колоссальные здания, и содрогался от отвращения. Многие из того, что делали обитатели странного города, выходило за пределы его понимания. Джон не мог разобраться в том, чем они занимались, точно так же, как зулус не сумел бы понять жизни современного Лондона. Но все же Джон понял, что народ этот очень древний и очень злой. Рейнольдс видел, как люди-змеи совершали ритуалы, от которых у него кровь стыла в жилах от ужаса — непристойные и кошунственные обряды. Рейнольдса тошнило. Он почувствовал себя испачканным. Казалось, кто-то подсказал ему, что этот город существовал много веков назад, а народ его представлял тех, кто правил на Земле много тысячелетий тому назад.

И вот на сцене появились новые действующие лица. Из-за гор пришли дикари, одетые в шкуры и перья, вооруженные луками и кремневым оружием. Это были, как понял Рейнольдс, индейцы... и все же не такие индейцы, как те, кого он знал. Узкоглазые воины с кожей скорее желтоватого, чем медного цвета. Они не знали жалости. Рейнольдс решил, что это — кочевые предки тольтеков, скитавшиеся и воевавшие со всеми племена-

ми, которые попадались им на пути. Тогда тотолтеки еще не жили в горных долинах, далеко на юге; тогда еще их народ не сложился в племя, не возвел пирамиду своей цивилизации. В те времена тотолтеки были первобытным народом, и Рейнольдс задохнулся, поняв наконец, в какие глубины прошлого ему довелось заглянуть.

Он видел, как воины подступают к высоким стенам города, словно гигантская волна. Видел, как защитники обороняют башни, обрушив на врагов смерть во всевозможных облициях. Видел, как предки тотолтеков снова и снова откатываются от стен, а потом опять наступают со слепой яростью первобытных людей. Станный, злой город, полный таинственных существ, встал на пути дикарей, и индейцы не могли идти дальше, не растоптав его.

Рейнольдс подивился свирепости нападавших, проливающих свою кровь почем зря, словно воду, пытаясь победить неведомую и ужасную науку иной цивилизации с помощью смелости и численного превосходства. Тела тотолтеков усеяли все плато, но сдержать их не смогли бы даже все силы ада. Индейцы волной подкатились к подножию башен. Они шли навстречу мечам, стрелам и смерти в самых ее отвратительных формах. Они овладели стенами, сошлись с врагами врукопашную. Дубины и топоры отбивали копья и разящие мечи. Во время поединков высокие фигуры варваров нависали над более мелкими силуэтами защитников.

В городе бушевал кровавый ад. Начались бои на улицах. Постепенно они превратились в погромы, а погромы — в резню. Над городом поплыли клубы дыма.

Сцена изменилась. Теперь Рейнольдс смотрел на обуглившиеся, разрушенные, дымящиеся руины. Победители ушли дальше. Уцелевшие собрались в залитом кровью храме перед своим странным богом — змеем на фантастическом каменном алтаре. Их век кончился. Их мир внезапно рассыпался в прах. Они были остатками исчезнувшей расы. Они не могли отстроить заново свой чудесный город и боялись оставаться в его руинах, чтобы не стать добычей какого-нибудь проходящего мимо племени. Рейнольдс увидел, как они, забрав алтарь, последовали за древним старцем, одетым в мантию из перьев, носившим на голове усыпанный самоцветами зо-

лотой обруч. Старец провел их через долину к скрытой пещере. Они вошли, протиснулись через узкую щель в противоположной от входа стене, вступили в гигантский лабиринт пещер, пронизывавших гору, словно голландский сыр. Рейнольдс увидел, как они работают, исследуя этот лабиринт, копают и увеличивают его площадь, отделяют стены и полы, шлифуют и полируют их. Щель, ведущая в лабиринт, была расширена, и в ней установили хитроумную дверь, казавшуюся частью стены.

Но прошло много веков. Народ жил в пещерах и с течением времени все больше и больше приспосабливался к окружающей среде. Каждое поколение все реже и реже показывалось на поверхности. Подземный народ научился добывать себе пищу способом, вызывающим содрогание. Люди-змеи выкапывали ее из земли. Уши у них становились все меньше и меньше, как и тела. Глаза стали, как у кошек. Джон Рейнольдс с ужасом наблюдал перемены, происшедшие с этим народом в течение многих веков.

А оставленные в долине руины осыпались, постепенно исчезая, становились добычей лишайников, сорняков и деревьев. Приходили люди и медитировали среди развалин — высокие монголоидные воины и темные, загадочные люди маленького роста, которых называли Строителями Курганов. И по мере того, как шли века, наведывавшиеся время от времени в долину люди все больше и больше соответствовали известному ныне типу индейцев, до тех пор пока туда не стали заходить только раскрашенные краснокожие, чья поступь была бесшумной, а в длинные чубы на бритых головах воткнуты перья. Никто из них никогда не задерживался в таинственных развалинах, населенных призраками.

А Древний Народ жил под землей, становясь все более странным и ужасным. Он опускался все ниже и ниже по человеческим меркам, забыв вначале письменность, а постепенно и членораздельную речь. Но в других отношениях обитатели подземелий раздвинули границы жизни. В своем ночном царстве они открыли другие, более древние пещеры, которые привели их в самые недра земли. Они узнали давно забытые людьми и вообще неизвестные роду человеческому секреты, спя-

щие глубоко под горами. Темнота способствует безмолвию, и поэтому они постепенно утратили способность говорить, развив своего рода телепатию. С каждым страшным приобретением они все больше утрачивали свою человечность. Уши у них полностью исчезли. Ноги стали больше напоминать лапы. Глаза не могли переносить не только солнечного света, но и света звезд. Подземные жители давно перестали пользоваться огнем, и единственный свет, какой они видели под землей, — странные отблески, исходявшие от гигантского самоцвета на алтаре. Хотя даже в таком свете они теперь не нуждались. Изменились они и в других отношениях. Тут Джона Рейнольдса прошиб холодный пот. Ибо следить за этим преобразованием Древнего Народа было ужасно. Возникало много странных образов и форм, прежде чем сложилась новая порода людей.

Однако эти существа по-прежнему помнили колдовство предков и даже добавили к нему собственное черное чародейство. Они достигли пика колдовства — некромантии. Джон Рейнольдс уловил ужасающие намеки на это во фрагментах видений древних времен, когда чародеи Древнего Народа отправляли свой дух из спящего тела нашептывать злые слова своим врагам.

В долину пришло племя раскрашенных воинов. Они несли тело своего вождя, погибшего в войне между племенами.

С того времени, как Древний Народ ушел в пещеры, минуло много веков. От города остались только в беспорядке стоящие колонны. Оползень обнажил вход во внешнюю пещеру. Ее заметили индейцы и положили туда тело своего вождя, а рядом с ним — его сломанное оружие. Они заложили камнями вход в пещеру и собирались двигаться дальше, но ночь застала их в долине.

За все минувшие века Древний Народ не нашел никакого другого входа или выхода из подземелий. Эта маленькая пещера оказалась единственным дверным проемом, соединяющим их мрачное царство и давно покинутый ими мир. Теперь полулюди вышли через потайную дверь во внешнюю пещеру. Там царил полумрак, который они еще могли как-то вынести. У Джона Рейнольдса волосы встали дыбом от того, что он увидел.

Древние взяли труп и положили его перед алтарем пернатого змея, и чародей улегся на него, припав устами ко рту мертвеца. В пещере били барабаны, мерцали сверхъестественные огни, и безголосые жрецы беззвучными песнями зывали к богам, забытым задолго до появления Египта. Но вот взревели нечеловеческие голоса. Жизнь постепенно перетекла из колдуна в труп, и руки мертвого короля вздрогнули. Тело чародея, обмякнув, откатилось в сторону, а труп вождя неуклюже поднялся на ноги и пошел, двигаясь словно марионетка, глядя перед собой остекленевшими глазами. Он прошел по темному туннелю и через потайную дверь пробрался во внешнюю пещеру. Его мертвые руки отвалили в сторону камня, и на землю ступило Чудовище из глубин земли.

Рейнольдс увидел, как зомби деревянной походкой прошагал под содрогнувшимися при его приближении деревьями, в то время как ночные твари, вереща, разбегались кто куда. Труп вошел в лагерь индейцев. Дальше начался сплошной ужас и безумие. Мертвая тварь преследовала своих бывших товарищей и убивала их одного за другим. Долина превратилась в бойню. Наконец один из воинов, переборов страх, повернулся к своему преследователю и перерубил ему хребет каменным топором.

Тогда-то и рухнул дважды убитый воин. Рейнольдс увидел, как лежавшая на полу пещеры перед резным змеем фигура колдуна дрогнула и ожила. Его дух вернулся к нему из оживленного им трупа.

Беззвучная песня подземных демонов сотрясала подземелье, и Рейнольдс поежился, глядя на окружавших его отвратительных дьяволов, злорадствующих по поводу своей новообретенной способности насыщать ужас и смерть на сынов человеческих — своих древних врагов.

Но известие о происшедшем распространялось от клана к клану, и люди перестали заходить в Долину Сгинувших. Много веков проспала она, пустуя. А затем прибыли всадники с перьями в головных уборах, раскрашенные в цвета киова. Эти воины с севера ничего не подозревали. Они разбили свои вигвамы в тени зловещих монолитов, ставших теперь простыми, бесформенными камнями.

И они уложили своих мертвецов в пещере. Рейнольдс видел, как мертвые выходили по ночам убивать

и пожирать живых, увлакивая вопящие жертвы в мрачные пещеры к поджидавшей их там ужасной смерти. В Долине вырвались на свет легионы ада. Тут царил хаос и кошмар. Оставшиеся в живых и не сошедшие с ума индейцы замуровали вход в пещеру и устремились из долины.

И снова Долина Сгинувших опустела. А потом первозданное одиночество нарушило новое появление людей. Джон Рейнольдс затаил дыхание от неожиданно нахлынувшего на него ужаса, когда увидел, что новоприбывшие — белые люди, одетые в штаны из оленьей кожи, какие носили в прошлом, — шесть человек, настолько похожих, что Джон понял: они — братья.

Он увидел, как валили они деревья и строили на поляне хижину. Увидел, как братья охотились в горах и начали расчищать поле под посадки кукурузы. И еще он видел подземных чудовищ, со сладострастием вампиров дожидавшихся во тьме своего часа. Их глаза привыкли к тьме, и они не могли выглядывать из своих пещер, но благодаря колдовству знали обо всем, что происходит в долине. Они не могли выйти на свет в собственных телах, но терпеливо ждали ночи.

Один из братьев нашел пещеру, вскрыл ее и случайно обнаружил потайную дверь. В крошечной тьме ступил он в туннель и, конечно, не заметил ужасных фигур, что крались к нему, пуская слюни. Но в порыве неожиданно нахлынувшего страха поднял заряжавшееся с дула ружье и выстрелил наобум, завопив, когда вспышка света осветила окружающие его адские фигуры. В темноте, наступившей после выстрела, жители пещеры дружно набросились на него, победив за счет численного превосходства, вонзив зубы в его тело. Но охотник отбилсЯ. Он изрубил своих врагов на куски большим охотничьим ножом, однако яд быстро сделал свое дело.

Обитатели пещер приволокли труп к алтарю. И снова увидел Рейнольдс ужасающее преображение мертвеца, который поднялся с земли, бессмысленно ухмыляясь безвольно раскрытым ртом. Он отправился в долину. Солнце зашло в тускло-малиновой дымке. Наступила ночь. К хижине, где, завернувшись в одеяла, спали братья, подошел мертвец. Неуклюжие руки бесшумно рас-

пахнули дверь. Чудовище шагнуло в темную хижину, сверкая оскаленными зубами. Его мертвые глаза, словно куски стекла, блестели в свете звезд. Один из братьев заворчал и что-то пробормотал во сне, а потом сел и уставился на неподвижную фигуру в дверях. Он окликнул мертвеца по имени... а потом закричал. Оживший труп прыгнул на него.

Из горла Джона Рейнольдса вырвался крик нестерпимого ужаса. Неожиданно живые картины исчезли вместе с дымом. Он стоял перед алтарем, омытый странным светом. Тихо и зло били барабаны. На него надвигались дьявольские лица. Из толпы выполз на брюхе, словно змея (собственно, он отчасти и был змеей), тот, кто носил диадему с камнями. С его оскаленных зубов капал яд. Отвратительно извиваясь, пополз он к Джону Рейнольдсу, который боролся с желанием прыгнуть на подлую тварь и растоптать ее. Спасения не было. Джон мог стрелять в толпу, посылая пулю за пулей в гущу окружающей его стаи. Он скошил бы всех, кто оказался бы у него на пути. Но, если сравнить количество тех, кого он успеет убить с надвигавшейся на него толпой, это была бы капля в море. Он скоро умрет. И эти чудовища отправят его труп бродить по земле. Из рук чародеев он получит некую пародию на жизнь точно так же, как Сол Флетчер. Джон Рейнольдс напрягся, как стальной канат, и тогда проснулся его волчий инстинкт самосохранения. Надо было уносить ноги.

Неожиданно он понял, что сможет победить окружающих его тварей. Быстрая догадка — как спастись — была похожа на вдохновение. Издав свирепый крик торжества, Джон прыгнул в сторону, когда ползущее чудовище бросилось на него. Монстр промахнулся и растянулся на полу, а Джон Рейнольдс сорвал с алтаря резного змея и, подняв повыше, приставил дуло пистолета к башке гадины. Не требовалось никаких слов! В сумрачном свете глаза Рейнольдса горели безумным огнем. Кольцо Древнего Народа заколебалось и качнулось назад. Один из их собратьев уже лежал на земле с черепом, развороченным пулей пистолета Рейнольдса. Подземные чудовища знали, что стоит Джону согнуть

палец, лежащий на спусковом крючке, их фантастический бог разлетится на сияющие обломки.

Немая сцена длилась неведомо сколько времени. Потом Рейнольдс почувствовал безмолвную капитуляцию своих врагов. Свобода в обмен на их бога. Это снова напомнило ему, что Древний Народ — не звери, поскольку настоящие звери не знают никаких богов. И от этого ему стало еще страшней, потому что это означало, что создания, стоявшие перед ним, превратились в новый вид, не относящийся ни к зверям, ни к людям, — в существ, не признающих естественных законов природы.

Змееподобные фигуры расступились. Свет кристалла стал чуть ярче. Когда Рейнольдс направился вверх по туннелю, твари последовали за ним. В неверном, пляшущем свете он не мог точно определить, идут ли они, как люди, или ползут, как змеи. У него сложилось смутное впечатление, что их походка являлась жуткой смесью и того и другого. Джон сделал крюк, обходя тело существа, бывшего некогда Солом Флетчером. Прижимая дуло пистолета к сияющему, хрупкому божеству, которое держал левой рукой, Джон поднялся по короткой лестнице к потайной двери, и тут остановился. Он повернулся лицом к обитателям земных недр. Они стояли тесным полукругом. Рейнольдс понял, что они боятся открыть потайную дверь, опасаясь, как бы он не убежал вместе с идолом на солнечный свет, куда они не смогли бы последовать за ним. Но и он не выпускал их бога, ожидая, пока ему откроют выход.

Наконец твари отступили на несколько ярдов. Рейнольдс осторожно поставил истукана на пол у своих ног, туда, откуда он смог бы в один миг схватить его. Он так и не узнал, как чудовища открывают дверь, но она распахнулась перед ним, и Рейнольдс, медленно пятясь, стал подниматься по лестнице, направив дуло пистолета на сверкающего идола. Он почти достиг двери (одной рукой взялся за косяк), когда свет померк, и чудовища все-таки бросились на него. Одним прыжком Рейнольдс метнулся наружу через дверь, которая стремительно закрывалась. Прыгая, он разрядил револьвер прямо в дьявольские морды, следом за ним появившиеся в темном отверстии. Твари остались где-то сзади, а Рейнольдс выскочил

из пещеры. Он услышал, как тихо закрылась каменная дверь, отгораживая царство ужаса от мира человека.

В пылающем свете заходящего солнца Джон Рейнольдс, пьяно шатаясь, сделал несколько шагов, хватаясь за камни и деревья, как сумасшедший хватается за окружающие его предметы — островки реальности. Острое напряжение, удерживавшее его на ногах, пока он боролся за свою жизнь, покинуло его. Казалось, дрожит каждый нерв его тела. Он что-то безумно нашептывал сам себе и раскачивался из стороны в сторону, жутко хохоча и не в силах остановиться.

Потом цоканье копыт заставило его укрыться за грудой валунов. Спрятаться его заставил какой-то скрытый инстинкт. Слишком ошеломлен он был для того, чтобы действовать осознанно.

На поляну выехали Джонас Мак-Крилл и его сподвижники. Из горла Рейнольдса вырвалось рыдание. Сначала он их даже не узнал. Он даже не мог вспомнить, видел ли их раньше когда-нибудь. Их кровная вражда вместе со всем прочим здравым и нормальным укладом жизни растаяла где-то в черных глубинах подземного лабиринта.

С другой стороны поляны выехало еще двое — Билл Орд и один из бандитов, что состоял на службе у Мак-Криллов. К седлу Орда было приторочено несколько связанных в компактную пачку палочек динамита.

— Ну и ну, — подивился юный Орд. — Вот уж никак не ожидал встретить вас здесь. Вы догнали его?

— Нет, — отрезал старый Джонас. — Он нас снова одурачил. Мы нагнали его коня, но всадника-то в седле не было. Повод был порван, словно Рейнольдс привязал коня и тот сорвался с привязи. Не знаю, где этот Рейнольдс, но мы его скоро поймает. Я стоню в Антилоп и приведу еще ребят. А вы вытаскивайте тело Сола из пещеры и отправляйтесь побыстрее следом за мной.

Он повернул коня и исчез за деревьями. Рейнольдс с замиранием сердца увидел, как четверо его врагов вошли в пещеру.

— Бога душу мать! — яростно воскликнул Джек Соломон. — Здесь кто-то побывал! Смотрите! Камни выворочены!

Джон Рейнольдс, словно парализованный, следил за происходящим. Если он вскочит на ноги и окликнет их, они застрелят его прежде, чем он успеет их предупредить. Однако сдерживало его не это, а ужас, лишивший храброго стрелка способности думать и действовать, заставивший его язык прилипнуть к небу. Рот Рейнольдса раскрылся, но из него не вырвалось ни звука. Словно в кошмаре увидел он, как его враги исчезают в пещере. Потом до него донеслись их приглушенные голоса.

- Черт возьми, Сол исчез!
- Смотрите-ка, ребята, в той стене дверь!
- Клянусь громом, она открыта!
- Давай-ка заглянем!

Неожиданно в недрах горы затрещали частые выстрелы и раздались страшные вопли. Потом над Долиной Сгинувших, словно сырой туман, повисло безмолвие.

Джон Рейнольдс, собравшийся наконец с силами, закричал, как раненый зверь, замолотил себя по вискам, стиснутыми кулаками. Он грозил небесам, выкрикивая бессвязные кощунства.

Потом, шатаясь, он подбежал к коню Билла Орда, мирно пасшемуся под деревьями вместе с остальными. Влажными от пота руками он сорвал с седла связку шашек динамита и, не развязывая, проткнул прутком дырку в оболочке на конце одной из них. Он вставил короткий фитиль, присоединил капсюль и вставил его в дырку на шашке. В кармане притороченного к седлу плаща он нашел спички и, запалив фитиль, швырнул динамит в пещеру. Едва ударившись о противоположную стену пещеры, связка взорвалась. Грохот стоял, словно случилось землетрясение.

Земля качнулась, едва не сбив Рейнольдса с ног. Вся гора пошатнулась, и потолок пещеры с громовым треском просел. Тонны камня обрушились вниз, похоронив под собой все следы Пещеры Духов и навеки закрыв вход в подземелья.

Джон Рейнольдс медленно побрел прочь. Неожиданно весь ужас случившегося разом обрушился на него, словно ледяная волна. Ему показалось, что земля у него под ногами раскачивается. Почти зашедшее солнце вы-

глядело мерзким и кощунственным. Его свет был тошнотворным и злым. Все казалось отравлено нечестивым знанием, что подарили ему твари подземелья.

Он навеки закрыл единственную дверь, ведущую в мир ужасных тварей, но какие другие кошмары могли скрываться в потаенных местах и темных недрах земли, злорадствуя над душами людей? Тайна, которой обладал Рейнольдс, — злое кощунство над природой, — как понял Джон, никогда не даст ему покоя. Ему всегда будет казаться, что стоит лишь прислушаться, и он снова различит тихий бой барабанов, доносящийся из подземелий, где таятся демоны, некогда бывшие людьми. Рейнольдс возненавидел подземную мерзость, и то, что он узнал в глубинах земли, легло несмываемым пятном на его душу. Воспоминания о том, что он увидел, никогда больше не позволят ему предстать перед другими, «чистыми» людьми или без содрогания прикоснуться к телу любого другого живого существа. Если человек, созданный по образу и подобию Бога, смог опуститься до таких глубин непристойности, то какова же будет его дальнейшая судьба? Если существовали такие твари, как Древний Народ, то какие еще другие ужасы могли таиться под землей? Рейнольдс неожиданно понял, что ему довелось на мгновение увидеть ухмыляющийся череп под маской Жизни и теперь это превратит всю его дальнейшую жизнь в нестерпимую муку. Все понятия об устройстве мира были сметены. Их сменил хаос безумия и ужаса.

Джон Рейнольдс вынул револьвер и взвел боек неловким движением большого пальца. Приставив дуло к виску, он нажал на спусковой крючок. Грохот выстрела эхом прокатился по горам, и последний из Рейнольдсов ничком рухнул на землю.

Прискакавший галопом обратно при звуке взрыва старый Джонас Мак-Крилл нашел его там, где он упал, и подивился тому, что лицо Рейнольдса теперь больше напоминало маску глубокого старца, а волосы были белы, как снег.

ГРОХОТ ТРУБ

Она — огонь у него в крови, и грохот труб. Ее голос для него — лучшая музыка. Она способна заставить затрепетать его душу, которая не дрогнет в присутствии Титанов Света и Тьмы.

Джек Лондон

Удар грома напугал коня Бернис Эндовер, и тот бешено понесся, сбросив всадницу. Молнию мог насладиться и Аллах, но тигра, появившегося чуть позже, наверняка насладился шайтан. «Никакой настолько старый, дурно пахнущий и порочный зверь не может иметь иных связей, кроме дьявольских» — так сказала себе Бернис, когда села, все еще оглушенная падением, отчасти смягченным кустами. Она заворуженно следила за тем, как из подлеска появилась усато-полосатая морда. Девушка не успела даже испугаться. Мысли у нее немного спутались от неожиданного падения в кусты. Ее выбил из седла низко нависший сук. Изнеженный, ультрасовременный разум Бернис — существа, никогда раньше не сталкивавшегося с физической опасностью — не спешил признать новую угрозу реальной.

Словно зрительница в театре, девушка наблюдала, как вонючий зверь с подозрительной настороженностью всех кошачьих изучает ее. Тигр не был аристократом своего вида. Выглядел он очень старым, неуклюжим и потасканным. Когда он оскалился и зарычал, открылись прорехи в рядах его желтых клыков. И это, каким-то образом поняла девушка, указывало на то, что ей грозит смертельная опасность. Только больные и дряхлые звери обычно превращались в людоедов. Обычно человек обладал «властью над зверьем полевым». Когда тигр опускался по социальной лестнице собственного вида так низко, что ему грозила голодная смерть, он готов был отведать тех высших существ, которые призывали на родство с Богом.

Сначала из кустов появилась большая шелудивая лапа, а вслед за ней пара поеденных молью плеч, слыш-

ком уж громко скрипевших от старости, чтобы их владелец смог причинить вред кому-то, кроме представителя господствующей, человеческой расы. Внутри у Бернис зашевелились дремавшие ранее инстинкты, погребенные под взлелеянным искусственным ощущением собственной безопасности. «Это никак не может происходить со мной на самом деле! — поспешно сказала себе девушка. — Тигры едят людей только в книгах, да и то только толстых священников, жрецов и невежественных крестьян». Просто нелепо предполагать, что она или любая другая прекрасная белая женщина отправится в желудок подобной твари. Так говорил ей ее жизненный опыт, в то время как врожденные первобытные инстинкты (поразительно напоминающие инстинкты пещерной женщины, носившей леопардовую шкуру) заставляли Бернис трепетать от страха, отчаяния и физической боли — всех тех неприятных, низменных реалий вселенной, от которых цивилизованные люди пытаются отгородиться при помощи шелковых платьев, философских теорий и полицейских.

«Со мной такого не могло случиться!» — мысленно закричала она. Верно, вокруг джунгли. Но тут совсем недалеко до дворца Джундры Сингха, у которого она и его спутники оказались в гостях. Но простой здравый смысл подсказывал ей, что с таким же успехом Бернис могла находиться и в тысяче лиг от бальных платьев, кранов с горячей и холодной водой, солдат с пулеметами. Джунгли, куда она дерзко вступила, поглотили ее. Когда люди из дворца отправятся искать ее, Бернис Эндовер, то найдут только груду обглоданных костей... И эта мысль показала девушке такой отталкивающей, что она пронзительно закричала.

Зверь припал к земле, готовясь к прыжку. Его горящие от голода и страха злобные глаза придавали ему вид старого повесы (все расходы которого контролирует жена), завидевшего хорошенькую дамочку. Тигр знал, что нарушает звериное табу всякий раз, как убивает человека. Он понимал это. Но нужде закон не писан. Для отощавшего тигра голод столь же нестерпим, как для забастовщика вид штрейкбрехера. И как все запретные плоды, человеческое мясо вызывало стран-

ные ощущения — экстаз и дикий трепет в темной душе тигра.

От криков Бернис зверь обезумел. Он хлестал хвостом по траве. Его ослабевшие мускулы напряглись. Но когда Бернис вскинула руки к лицу, чтобы не видеть приближающейся гибели, она заметила уголком глаза, как что-то мелькнуло среди зелени. То чувство, которое вежливо называют женской интуицией, подсказало ей, что там какой-то мужчина, даже прежде, чем девушка его хорошенько рассмотрела.

Быстрый, обеспокоенный взгляд бросила Бернис на незнакомца. Тот оказался высоким человеком, явно туземцем, одетым в белое дхоти* и тюрбан. Когда Бернис увидела, что он безоружен, сердце ее екнуло, хотя, надо признать, скорее от страха, что незнакомец не сможет ее спасти, чем от осознания опасности, которой тот подвергал свою жизнь.

Но туземец ничуть не беспокоился.

Его волевое смуглое лицо оставалось невозмутимым, не отражая ни страха, ни волнения, когда он подошел к готовому прыгнуть хищнику, задержавшему прыжок. Тигр зарычал на человека, подергивая усами от возмущения и негодования. И тут произошло нечто странное. Бернис отчетливо ощутила в воздухе какую-то вибрацию, похожую на слабый удар током. Человек в белом не извлек никакого оружия, не сделал ни одного враждебного движения, но девушка увидела, как изменились глаза припавшего к земле тигра. Они странно засветились, а потом ярко вспыхнули от страха. И зверь отступил, неожиданно, бесшумно, и, словно тень, исчез в высокой траве.

Мужчина повернулся к девушке, которая с трудом поднялась на ноги и стояла теперь лицом к нему, инстинктивно откинув волосы за спину и приведя в порядок свой костюм для верховой езды. Незнакомец увидел перед собой воплощение очарования, настолько близкое к совершенству, насколько может его создать природная красота и все женские ухищрения. Девушка

* Накидка у индусов.

была прекрасна — от рыжевато-золотистых волос до стройных ножек в мягких сапожках. Взгляд мужчины остался непроницаемым, но, когда он задержался на девушке, в темных глубинах его глаз, казалось, замерцали крошечные язычки пламени, слабо, лишь на миг, словно отражения давно сгоревшего костра.

Незнакомец был высоким и гибким. Его кожа казалась не темнее, чем у любого среднего англо-индийца, а черты лица — отчетливо арийские. Лицо его приковало к себе замороженный взгляд девушки. Оно могло быть высеченной из бронзы маской — такой мощью дышали его черты, и лишь яркий блеск глаз не давал усомниться в том, что оно живое. Излучаемая незнакомцем сила, если смотреть прямо на него, действовала словно физический удар молота. Когда взгляды незнакомца и девушки встретились, Бернис почувствовала, как ее сердце неожиданно забилося, но не от страха, а словно из-за какого-то волнительного предвкушения, подсказанного подсознательным инстинктом. На какой-то мимолетный миг она ощутила себя нагой под его безразличным взглядом, словно этот человек небрежно и равнодушно одним махом раздел ее, обнажив не только тело, но и душу тоже. Затем это ощущение прошло, и так быстро, что Бернис почти забыла про него.

Все эти чувства и ощущения промелькнули в ее голове за те короткие секунды, пока она поднялась с земли и встала лицом к нему. Тут на нее накатила волна слабости. Поляна закружилась у нее перед глазами. Девушка зашаталась. В краткий миг слепоты она почувствовала, как сильная рука обняла ее за талию, поддерживая, и от этого прикосновения в ее тело полился мощный поток жизненных сил. Это походило на прикосновение к живой динамо-машине. Снова полностью восстановив самообладание, хотя и испытывая от прикосновения незнакомца легкое покалывание во всем теле, она подняла голову. Человек в белом сразу отпустил ее и отступил.

— Благодарю вас, — прошептала она. — Со мной все в порядке. Все дело в страхе и волнении. Полагаю, у меня случился обморок.

— Пойдемте, — предложил он. Его голос напоминал малахитовый звон церковного колокола. В его англий-

ском не было никаких следов акцента. — Я отведу вас во дворец.

— Но я же не поблагодарила вас...

— И не благодарите, пожалуйста.

Девушка обнаружила, что шагает рядом с незнакомцем, едва понимая, что происходит. Он же двигался с непринужденностью и грацией, напоминая ей бегущего зверя. Некоторое время они шли молча. У Бернис не возникало никакой потребности в словах, в обычных, общепринятых банальностях. Она испытывала блаженное ощущение полной безопасности, которое и не пыталась объяснить. Но вскоре она все же спросила:

— Что вы сделали с тигром?

— Ничего. — Незнакомец посмотрел на нее сверху вниз. — Я лишь позволил ему заглянуть мне в глаза и увидеть себя в зеркале реальности. Это зрелище ужаснуло его, заставило бедолагу позабыть даже про голод! Он убежал, чтобы забыть, как же он выглядит на самом деле.

— Вы потешаетесь надо мной! — смущенно запротестовала она.

Незнакомец серьезно покачал головой:

— Многие ли из животных, именуемых людьми, способны вынести вид самих себя, без покрова иллюзий, в которые мы облачаем свое «я»? С детства окружающие одевают нас в общепринятые иллюзии, чтобы мы выглядели так же, как они, а позже этот процесс продолжаем мы сами... Мы старательно облачаемся в сложные регалии притворства, чтобы скрыть неприкрытую наготу наших душ, и не только от других, но и от себя тоже. Больше всего мы ненавидим тех, кто разоблачает нас догола, а мотив у большинства таких разоблачителей, как правило, — самозащита, подобно тому, как человек указывает на пороки других людей, чтобы отвлечь внимание от собственных дефектов.

В его голосе не было ничего педантичного или помпезного, ничего самодовольного или риторического. Кажалось, он размышляет вслух.

— Не понимаю, какое тигр имеет отношение... — начала было Бернис, но тут незнакомец впервые улыбнулся. На его суровом лице улыбка выглядела чудом мягкости.

— Верно, мы, люди, мним себя единственными и неповторимыми, и не только по части изъянов. Но по-моему, нам навстречу идет ваш конь.

Девушка с удивлением взглянула на своего спутника, но в следующий же миг увидела идущего к ним через лес коня, опустившего голову словно в искреннем раскаянии. Он повел глазищами в сторону людей, потом ткнулся мордой в плечо человека в белом и тихо заржал.

Незнакомец улыбнулся, погладил коня по влажной морде, а потом усадил Бернис в седло с такой легкостью, что у нее захватило дух. Она едва осознала, что его руки коснулись ее. Она взлетела в седло, словно подхваченное ветром перышко. Взяв в руки поводья, Бернис посмотрела на незнакомца. На ее долю выпало настоящее приключение, прямо из «Тысячи и одной ночи»: тут и красивый волшебник, от которого бежал тигр и к которому возвращался, повинаясь его безмолвному приказу, убежавший конь. Все случившееся выглядело фантастическим и нелепым, однако это же Индия — древняя и таинственная страна, где могло случиться все, что угодно. Девушка отказывалась поддаваться влиянию западного стоицизма. Это — ее приключение, и она собиралась выжать из него все острые ощущения до последней капли.

— Кто вы? — неожиданно спросила она.

— Зовите меня Ранджит.

— А я — Бернис Эндовер из Нью-Йорка. Я приехала в Саулпор с тетей Сесилией и моим женихом, сэром Хью Бредбери. Мы гости Джундры Сингха. Мне надо сейчас же вернуться во дворец. Сэр Хью и тетя будут тревожиться за меня. Ведь сэр Хью говорил, чтобы я одна не каталась верхом, но я не послушалась.

— Естественно! — усмехнулся ее спутник.

— Конечно! Но оно и к лучшему, не так ли? Ведь если бы я послушалась его, мы бы так никогда и не встретились и я бы пропустила самое волнующее приключение в своей жизни!

Едва успев произнести это, она тут же пожалела о сказанном. Глупая, избитая, искусственная фраза. Как ничемно она прозвучала! Девушка быстро отвернулась, чтобы скрыть румянец, а потом спросила:

— Разве вы не вернетесь во дворец вместе со мной?

— Я пойду рядом с вами, пока вы не встретитесь со своими друзьями, — ответил он.

— Вы пойдете пешком?

— Какое я имею право взгромоздиться на спину живого существа?

— Человеку было дано владычество над зверьми полевыми... — туманно попыталась было процитировать она.

— Почему вы не сказали об этом тигру? — улыбнулся он.

— Я не умею говорить на его языке, — парировала девушка, и он, рассмеявшись, пошел рядом с ней, шагая широким, скользящим шагом. Каждое движение его было красивым и грациозным.

Прошел короткий ливень, какой обычно бывает в джунглях, — недолгий и бурный, как женский гнев. После него остались только рассыпанные по широким зеленым листьям сверкающие капли. Сквозь дымчатые изумрудные своды просвечивало голубое небо, чистое, ясное и мирное. В Бернис зашевелились какие-то смутные, неукротимые чувства, похожие на воспоминания о бесстыдных языческих культах. В таких вот сумрачных, одетых листвой коридорах, в иссиня-черных тенях и родились первые боги людей. Девушка взглянула на шагнувшего рядом с ней человека в белом. Он мог быть верховным жрецом какого-то первозданного лесного бога. Не было ли в нем чего-то необузданно языческого? Да... Но в нем было и что-то еще. Что-то, лежащее вне земных законов, выше их, что-то твердое и непоколебимое, однако не жестокое и не черствое. Бернис вспомнила странные рассказы об индусах-отшельниках — людях, обитающих в джунглях и обладающих странной властью над дикими зверьми. Ей они представлялись какими-то дикими, косматыми пророками с горящими глазами, свалывшимися волосами и без одежды... Не похожими на молодого бога.

— Я не видела вас ни во дворце, ни в деревне, — сказала она. — Вы живете поблизости?

— Неподалеку, — ответил Ранджит. — А вот и сэр Хью. Он ищет вас.

Мгновение спустя девушка увидела группу всадников. Сэр Хью — высокий, длинноногий англичанин, ко-

стлявое и вселяющее уверенность лицо, теперь искаженное морщинами беспокойства — ехал в сопровождении нескольких туземных офицеров двора Джундры Сингха. Они заметили девушку, и сэр Хью, закричав, галопом поскакал к ней. У Бернис потеплело на душе, когда она увидела, как свет радости стер беспокойство с лица ее жениха. Но она заранее точно знала, что скажет он и что сделает.

— Боже, как я рад, что ты в безопасности! — воскликнул сэр Хью, точно, как девушка и предвидела. Нетерпеливо, с неловкой нежностью он схватил ее за руку, а потом отпустил, словно боясь причинить ей боль. Девушка медленно вздохнула, желая, чтобы сэр Хью выказал какие-нибудь чувства, которые, как она знала, он испытывал. Он должен был схватить ее, стиснуть в объятиях в спазме облегчения, а потом как следует потрясти, отругав за то, что она поехала гулять одна. Но его упреки оказались исключительно мягкими.

— Ну в самом деле, дорогуша, ты же знаешь, что не следовало тебе выезжать в одиночку на прогулку.

— Если бы не этот джентльмен, у тебя могли бы возникнуть причины для беспокойства, — начала было Бернис, поворачиваясь, а затем застыла: Ранджита и след простыл. — Где же он? — воскликнула она.

— Кто?

— Тот... тот человек! Ранджит! Человек, который спас меня от тигра!

— От тигра? — сэр Хью резким движением расстегнул воротник. — Боже мой! Ты хочешь сказать, что...

— Да. От тигра-людоеда... Мой конь понес и сбросил меня. Появился тигр, а потом Ранджит... прогнал его, — запинаясь закончила она, понимая, насколько фантастично звучат ее слова. — Он посмотрел тигру в глаза, и тот убежал.

— Клянусь Богом, со стороны тигра это было верное решение! — проговорил сэр Хью. — Я должен найти героя, который тебя спас, и поблагодарить.

— Да, конечно! Но давай вернемся во дворец, а то тетя Сесилия станет беспокоиться.

Бернис решила, что Ранджита никто не найдет, если он сам не пожелает, чтобы его нашли, и похоже, так

оно и было. Кроме того, ей почему-то не хотелось, чтобы он встречался с сэром Хью. Она находила это по-детски эгоистичным, и сама себе казалась ребенком, не желающим, чтобы кто-то еще разделил ее тайну.

Подъехали местные джентльмены, наговорив много поздравительных речей, почтительных и прекрасно сформулированных, а потом все отправились обратно во дворец, где их дожидалась тетя Сесилия. Она тоже не преминет упрекнуть Бернис. Но девушка знала, что все упреки тети будут скучными нравоучениями. Бернис вздохнула, еще раз подумав о том, что сэр Хью никогда не обойдется с ней грубо, даже после того, как они поженятся... если они когда-нибудь поженятся. Она дернулась, поймав себя на этой мысли, и взглянула на великолепных, схавших по обе стороны от нее холеных туземных офицеров. Они выглядели мужчинами, но для нее были всего лишь нафаршированными мундирами, так как всегда являли ей только официальную, накрахмаленную сторону своего «я». Но во всех них под внешним лоском и золотыми галунами таился дикий огонь и первобытный дух. Вздыхнув, Бернис подумала о том, что этого-то ей никогда и не увидеть. Англичане научили туземцев, как вести себя с белыми женщинами... Черт побери! По ее телу пробежала легкая дрожь восторга при мысли о Ранджите. Она поразилась, сообразив, что сэр Хью и тетя Сесилия сочли бы его туземцем. Бернис готова была взбунтоваться против того, что из этого следовало. Ранджита нельзя ни с кем сравнивать. Ранджит — это Ранджит.

Вот так — чинно и rispetабельно — вернулись они в большой дворец на холме, казавшийся хаотическим нагромождением различных строений. Тут было множество башен, поднимающихся среди великолепия цветущих садов. Со всех сторон, кроме одной, дворец окружал зеленоватый океан джунглей. С той единственной стороны, где не было джунглей, раскинулась деревня. Бернис, как никогда раньше, ощутила искусственность своего окружения, приятную ложь, возведенную вокруг садов ее души для того, чтобы джунгли внешнего мира не проникли туда... Или для того, чтобы ей было не вырваться в эти джунгли? Так для чего же именно?

Бернис вдруг захотелось крикнуть сэру Хью: «Бога ради, если ты так сильно хочешь меня, как говоришь, схвати меня, ускачи со мной в зеленую чашу, и к черту все условности!» Но вместо этого она сказала:

— С твоей стороны очень мило, что ты отправился искать меня, Хью!

— Да разве я мог бы поступить иначе? — спросил он с таким смирением, что Бернис захотелось пнуть его по голени. А потом они въехали во внутренний двор замка, и там их встретила тетя Сесилия — высокая, величавая женщина с тонкими, аристократическими чертами лица, прекрасными и бесстрастными, как у классической статуи, и осанкой, приобретенной сорока годами подавления и отрицания природных инстинктов, как требовало ее положение в обществе.

Даже сам Джундра Сингх выбрался из своего лабиринта тревог и волнений, дабы выразить туманное удовлетворение по поводу благополучного возвращения Бернис. Джундра Сингх был маленьким толстым человечком с мешками под глазами и нервно подергивающимися руками. Он получил образование в Англии, ненавидел свое княжество и свой народ: браминов, которые попеременно то пили вино, то задирались, простолюдинов, которые сегодня радостно приветствовали его, а завтра проклинали, и правительство, которое гладило его по спинке стальной рукой в бархатной перчатке. Но стоило Джундре Сингху попробовать сделать хоть что-то из того, что хотелось ему, правительство сжимало эту руку и вежливо, но с вполне определенными намерениями помахивало кулаком у него под носом. Как раз сейчас радже хотелось раздобыть денег, чтобы забыть о своих разочарованиях после длительного загула в Париже. Сэр Хью предложил ему деньги в качестве платы за предоставление компании сэра Хью нефтяной концессии. За этим англичанин и приехал в Саулпор. Джундра Сингх страстно желал получить деньги сэра Хью. Но правительство не задумавшись тоже одобрило такое решение раджи, чем вызвало у Джундры Сингха сильные подозрения. Тут могла скрываться какая-то ловушка. Существовали и другие факторы, мешающие Сингху согласиться. У правителя уже побывала делегация мусульман, которая выразила протест

против вторжения неверных... Как всегда, мусульмане протестовали по всякому поводу, особенно если были совершенно ни при чем. И жрецы-индусы тоже старательно лезли не в свое дело. Не видя никаких шансов отломить себе кусок от иностранного пирога, они возражали против концессии на религиозных основаниях.

Когда Бернис заговорила о тигре, Джундра Сингх от всего сердца пожелал, чтобы тот съел верховного жреца. Потом девушка заговорила о своем спасителе:

— Высокий, красивый, хорошо сложенный мужчина в белом европейском костюме и тюрбане... — начала было она.

— Ранджит Бхатарка, — мигом догадался правитель. — Йог! Так его называют люди. В сикхском тюрбане! Он-то носит, что пожелает, и делает все, что хочет. Везет же некоторым! Он стоит над кастами. Индусы считают его святым и боятся. Даже мусульмане допускают, что он свят, а боятся его даже больше, чем индусы. Мне лично он не нравится. Смотрит прямо сквозь тебя...

— Возможно, он мог бы убедить жрецов в том, что в получении мной нефтяной концессии нет ничего плохого, — предположил сэр Хью.

Бернис мысленно двинула сапогом под зад своему жениху. «Йог, достающий по благу нефтяную концессию! Боже правый! И после этого сэр Хью еще называет страшными материалистами американцев!»

— Он не станет этого делать, — ответил раджа. — Он никогда ни во что не вмешивается. Я удивлен, что он не позволил тигру съесть мэм-саиб, назвав это кармой. Он из этих треклятых...

— Из кого? — спросил сэр Хью.

— Да так... — пробормотал Джундра Сингх настороженно оглядевшись по сторонам. — Этот человек обладает сверхъестественными силами. Звери повинуются ему. Местные говорят, что ему не одна сотня лет. Говорят, он умеет читать мысли людей. Я не хотел бы оскорбить его.

Даже посмеиваясь над суевериями туземцев, Бернис, в своем женском тщеславии, задумалась о том, что Джундра Сингх сказал ей о невмешательстве Ранджита в человеческие дела при обычных обстоятельствах. Глядя той

ночью из дворцового окна в сад, превращенный лунным светом в черно-серебряный волшебный лес, она предавалась экзотическим фантазиям, в которых таинственную, но важную роль играл Ранджит. Один раз ей подумалось, что она видит, как он глядит через стену на ее окно, но в следующий миг фигура растворилась в тени, отбрасываемой пальмой с дрожащими на легком ветру вайями.

Потом она погрузилась в сон, и вскоре ей кое-что приснилось. Она увидела себя стоящей на коленях на сверкающем полу, выложенном разноцветной мозаикой. Там из кубиков слоновой кости были построены игрушечные домики, такие, как строят дети. Ранджит стоял, возвышаясь над ней, сложив руки на груди и с улыбкой на смуглом лице. Улыбка его не была ни пренебрежительной, ни циничной, а мягкой, доброй и, наверное, немного печальной. Бернис, глядя на него, опустилась на колени, и ее игрушечные домики, опрокинувшись на пол, превратились в руины. Улыбка Ранджита заколебалась. С чем-то вроде ужаса девушка увидела, как по лицу индуса, казавшемуся крепким, как резная бронза, прокатилась, словно тень, неуверенность и слабость. Но в тот же миг все поглотила вспышка ослепительного света, так что девушка ничего больше не увидела. Она слышала только звуки, похожие на детский плач. С удивлением Бернис узнала свой же собственный голос. Вот в этот-то миг она и проснулась.

Уже давно рассвело. Мир окутывала сонная неподвижность индийского утра. Бернис еще мгновение не шевелилась, чувствуя себя словно новорожденная. Неопределенные обрывки мыслей и досада на саму себя слились и оформились. Страхи и сомнения покинули Бернис. Теперь она понимала, чего хочет. Не зовя горничную, она встала, оделась и вышла в сад, направившись прямо к тому месту, где, как ей думалось, она видела прошлой ночью Ранджита. Там находились небольшие ворота, закрытые лапой бронзового дракона. Она открыла их и ушла в сияющее от росы величье леса. И девушка ничуть не удивилась, когда увидела улыбающегося Ранджита, стоящего там сложив руки на груди.

— Я надеялся, что ты придешь, — просто сказал он ей.

— А я знала, что ты придешь, — ответила она.

И, не говоря больше ни слова, они повернулись и пошли в лес.

— Сэр Хью желает встретиться с тобой и поблагодарить тебя, — сказала она.

— Он уже поблагодарил, — ответил Ранджит. — Мы встретились вчера вечером неподалеку от деревни. Он разрешил мне показать тебе ближайшие интересные места.

— Боюсь, что дела у него в настоящее время идут неважно, — рассеянно пробормотала Бернис. Сэр Хью казался частью прежней жизни, отделенной от ее новой жизни неизмеримой пропастью единственной ночи. Этим пламенеющим утром все обрело новые пропорции. Бернис вовсе не казалось странным, что она до завтрака прогуливается по джунглям с человеком, которого туземцы называют йогом.

Тот день был первым из многих. В последующие годы, когда Бернис пыталась вспомнить подробности, детали казались ей смазанными. Со временем воспоминания о тех днях превратились в зыбкое разноцветное марево, где ничего нельзя было различить, кроме лица Ранджита, четко вырисовывающегося в утреннем тумане. Он был словно бог, и подобно рокоту океана звучал его глуховатый голос.

Были долгие прогулки по лесу, когда Бернис и Ранджит шли бок о бок, и девушка никогда не уставала, словно ей передалась какая-то часть его невероятной силы. Прогулки верхом, — по крайней мере, она ехала верхом, в то время как Ранджит шагал рядом с непринужденной легкостью огромной кошки. И все это время малиновые волны его золотого голоса бились о берег ее сознания, спокойные, гигантские, разве что не пылающие, словно волны из моря, находящегося за пределами ее понимания. Образность его речи, странная мудрость его слов, космическое воздействие его изречений — все это растаяло в тот миг, как она покинула его, стало смутным и непостижимым, словно ее сознание было слишком слабым, чтобы надолго запечатлеть мудрость его слов. Но характер его интонаций остался в ее памяти, эхом разносясь в ее снах. Вновь и вновь он звучал в ее ушах, когда она оставалась одна или когда слушала банальную бол-

товню других людей. Его голос был не столько голосом, сколько эманацией силы — струей, потоком из какого-то источника, совершенно не доступного ее пониманию.

Бернис почти не запомнила, о чем они говорили. Пока она была с Ранджитом, она все понимала. Каждое его слово, каждая фраза, каждое предложение звучало четко и предельно ясно. Его глазами Бернис заново увидела мир, от сверкающей в утренней росе травинки до золотого лика полной луны, пробивающейся сквозь покров серебристого тумана. Глубоко в джунглях, где лианы свисали с изогнутых ветвей, словно зеленые питоны, он показал ей развалины городов, состарившихся во времена молодости Рима. Сквозь расколовшиеся купола проросли деревья. Мостовые наполовину скрыли травы джунглей. Зубчатые стены, некогда охранявшие царские сокровища, вконец обветшали. Под воздействием магии слов Ранджита перед глазами Бернис проходили славные, чарующие, трагические картины минувшего. Девушка чувствовала, как перед ней раскрываются тайны и загадки, смутно понимала, что слышит и видит события, за знание о которых историки всего мира отдали бы немало лет своей жизни. Но когда она оставалась одна, живые цветы слов Ранджита ускользали от нее, сливаясь в смутный, многоцветный туман. Уши ее заполнял только золотистый резонанс его голоса, словно эхо моря, которое слышишь, приложив ухо к раковине.

Как-то раз Бернис увидела, как Ранджит взял голый рукой с разрушенной стены живую кобру и осторожно положил ее среди кустов, и ей показалось естественным то, что рептилия не тронула йога.

Обыкновенные люди, окружавшие Бернис, теперь представлялись ей нереальными. Их речи казались пустыми, а действия — бессмысленными. Они же не замечали происшедших с ней перемен, не видели, что причина этих перемен Ранджит. Борющийся с трудностями в делах, сэр Хью замечал не больше других. Он смутно понимал, что Ранджит довольно долго и часто «показывает достопримечательности» Бернис, что между ними может появиться нечто большее, чем простая вежливость с одной стороны и осторожность — с другой. Те-

тя Сесилия, по-своему мудрая женщина, так ничего и не заметила. Пойманная, словно зверек, в клетку веры и условностей, она была не в состоянии увидеть что-то находящееся по другую сторону прутьев.

В последующие годы воспоминания о проведенных часах с Ранджитом слились для Бернис в некое единое действо. Но тогда, в Индии, эти часы стали единственной реальностью в мрачном мире повседневности.

Бернис чувствовала, как тускнел мир вокруг нее, когда Ранджита не было рядом. Чувствовала, как в его присутствии перед ней открываются врата в мир, о самом существовании которого она и не догадывалась. Чувствовала, что находившийся рядом с ней человек пребывал на высотах, ей совершенно не доступных. Бернис, слепо нащупывая путь, стремилась встать рядом с ним и ощущала, как его сила поднимает и ведет ее, но каждый раз, стоило ему уйти, она погружалась обратно в обыденность. Эти ощущения порой были не такими и приятными. Иногда Бернис казалось, что ее силком вырывают из жалкого, но безопасного убежища и нагой швыряют в головокружительный космос, где режут и громят ужасные ураганы.

Стой нагой под ударами этой грозы! Так говорил Ранджит. Откинь назад гриву своих волос и взгляни в лицо молниям и ураганам, что режут меж миров. Посмотри прямо в лицо потоку событий, гигантским истинам, ослепительным реальностям. Воссоединись с бурями, с ревушим океаном и вращающимися созвездиями. Рука Ранджита, державшая ее за запястье, направляла и поддерживала девушку, ведя по тропинкам шатким и ненадежным, как мост, переброшенный от звезды к звезде через ревущие, покрытые тучами бездны.

Это было одной — и притом наиболее тревожащей Бернис — стороной их отношений. Все это она ощущала смутно, скорее чувствовала, чем обдумывала, как чувствуешь грохот прибоя, прежде чем увидишь или услышишь его на самом деле. По большей же части Ранджит представлялся ей мужественной, романтической фигурой, богоподобным по красоте и уверенности. И это возбуждало в ней все ее женские инстинкты.

Отношения их были лишь платоническими. Ранджит ни разу не поцеловал ее. И все же временами у нее возникало такое ощущение, словно он обволакивал все ее существо, входил в ее личность. Бернис чувствовала, что находится на грани полной капитуляции, и это ужасало ее. В такие мгновения она пыталась намеренно ограничить силу его воздействия, как опытный, но благородный боксер придерживает свою силу, чтобы не задавить более слабого противника.

Поглощенная этим, Бернис не обращала особого внимания на происходящее вокруг. Встречаясь с другими людьми, она улыбалась и произносила общепринятые банальности, автоматически играя свою роль. Сэр Хью не чувствовал, что Бернис с каждым днем отдаляется от него. Немного туповатый в делах, не связанных с бизнесом, как, вероятно, все англосаксы, он не замечал увлеченности Бернис. Его волновали иные проблемы. У него, как и у любого англичанина или американца, бизнес главенствовал над любовью. Похоже, теперь сэр Хью уже почти получил концессию. Изворотливость Джундры Сингха сводила англичанина с ума, хоть он и проявлял железное самообладание и терпение истинного британца. Сэр Хью не понимал, что раджа столь же беспомощен, как и он сам. Джундра Сингх мог сам решить любой вопрос не больше, чем птица летать без крыльев. Раджа изворачивался, как флюгер, занимая сегодня одну позицию, а завтра — другую, прямо противоположную, но делал это потому, что вынужден был так поступать. Тысяча поколений изворотливых и хитрых предков держали его в тисках наследственности, столь же жестких, как железная клетка. По необходимости он шел к цели окольным путем, через лабиринт, по обходным маршрутам, петляя и заставляя сэра Хью сжимать кулаки, борясь с желанием на месте прикончить своего предполагаемого партнера.

А у раджи были свои неприятности. Страх и жадность разрывали его пополам. Страх перед тем, что сэр Хью может потерять терпение и забрать свое предложение; страх перед тем, что он, Джундра Сингх, может уступить слишком рано, прежде, чем сэр Хью дойдет до предела того, что может и способен заплатить.

Брамины выступали против предоставления концессии. Раджа подозревал, что им дали взятку конкуренты сэра Хью. Он даже бросил это обвинение им в лицо, но служители бога, сохраняя достоинство, сделали ему выговор за святотатство, пригрозив гневом богов, и допекали раджу, пока Сингх не пустил слезу, грызя от ярости подушки своего царственного дивана. Джундра Сингх не верил в богов, но боялся их гнева. Брамины горячо и долго могли внушать какую-то мысль простым людям, те-то внимали им без особого понимания, но с большой благочестивой страстью. В храмах трубили в витые морские раковины, и на улицах собирались группы возбужденных туземцев, обсуждая поступки раджи. Индуисты и мусульмане разбивали друг другу головы без устали, рьяно и со страстью.

Именно в тот самый день, когда раджа, жадность которого наконец поборола страх, вызвал сэра Хью на поспешную аудиенцию, Ранджит сказал Бернис:

— Мы больше не сможем так разгуливать.

Они стояли на опушке джунглей. Нежный, бродячий ветерок пах пряностями. После этот запах будет не раз навещать Бернис, принося с собой слепую, саднящую тоску.

— Что ты имеешь в виду? — Она знала, о чем он говорил, а он знал, что она знала.

— Я влюблен в тебя, — сказал он голосом, vibrating от странного благоговения. — Это удивительно... непостижимо... но это так.

— Разве так удивительно для кого-то влюбиться в меня? — спросила она.

— Удивительно то, что я в кого-то влюбился. Я думал, что это безумие оставлено мной в низинах развития, много поколений назад.

— Поколений? — Пораженная, Бернис уставилась на него. — Что ты хочешь этим сказать?

Ранджит собирался было объяснять, но смолк, увидев в ее глазах вопросительное, встревоженное выражение. Долгую минуту он изучал лицо девушки, а потом покачал головой:

— Не имеет значения. Поговорим о другом.

— Я хотела бы, чтобы ты не говорил так, — почти капризно заявила Бернис. — Временами то, что ты говоришь, пугает меня... У меня создается впечатление, словно передо мной неожиданно открывается окно и я бросаю краткий взгляд в ужасную бездну, о которой раньше и не подозревала. На какой-то миг ты становишься незнакомцем... ужасным, нечеловеческим созданием. А потом...

— Что потом? — В его прекрасных глазах появилось что-то вроде боли.

Но девушка покачала головой. Ощущение, вызванное ее словами, уже растаяло.

— А потом ты — просто Ранджит, теплый, человеческий и сильный... такой сильный!

— Наверное, это карма, — произнес он вскоре, словно высказывая вслух свои мысли. — Или я в своем слепом эгоизме лгу себе, говоря, что это карма... Тогда это всего лишь мое желание. Не знаю. Может, это явление — сигнал, что я не сумел достичь тех высот, к которым так долго и упорно стремился? Может, мне и не суждено их достичь? Смириться ли мне с поражением или сопротивляться ему? Если это — карма, то разве не следует мне признать ее? Но я в полной растерянности. Я не уверен ни в себе, ни в чем ином во вселенной.

— Не понимаю! — Бернис сама себе казалась ребенком, слепо нащупывающим дорогу в темноте. — Я люблю тебя! Я хочу тебя! Ни раса, ни вера не имеют значения! Я хочу уйти с тобой — жить с тобой в пещере на хлебе и воде, если понадобится! Ты нужен мне! Ты стал мне необходим!

— А это что, карма или я сам виноват в том, что вещи сложились таким образом? — Он словно рассуждал вслух. — Я возжелал тебя с первой же минуты, как увидел... Я, знавший тысячи прекрасных женщин, в сотне разных стран. Я боролся с этим желанием... противился своему чувству... И все же не устоял перед ним. Я предал свое учение, используя то, что ты могла бы назвать магией, чтобы привязать тебя к себе и отвести глаза твоим соотечественникам, дабы они не почувствовали, что ты отдаляешься от них. Нет, я не должен думать о том, что могло бы быть, а чего могло бы не быть. Я люблю тебя. Ради одного этого я не отрекся

бы от избранного мной пути. Но ты говоришь, что тоже любишь меня... что я нужен тебе. Если долг человека — жертвовать своим телом ради помощи более слабому, то насколько больше его долг отречься от nirваны, когда он обязан пойти на такое отречение!

— Ты принял бы меня, потому что считаешь это своей обязанностью? — прошептала она пересохшими губами.

— Нет! Нет!

Она вдруг очутилась в его объятиях. Ее чуть не лишил чувств всплеск его силы.

— Нет! Да помогут мне боги! Я хочу тебя! Это — безумие! Но это правда. Я слишком эгоистичен, чтобы отпустить тебя ради себя или же ради тебя. Ты не можешь идти моим путем — ожидать такого было бы бессмысленной жестокостью, но я пойду твоим. Я отрекусь от своих надежд взойти на те высоты, которые мельком видел издали, от всего, о чем мечтал и за что боролся много поколе... много лет. Я опущусь до среднего уровня банальности и обыденности. Но я должен знать, что человек, которого ты любишь, — это я, а не очарование тайны и романтики, которыми меня окружают дураки и которое я — да поможет мне Бог! — намеренно носил ради тебя.

— Я люблю тебя! — прошептала девушка. У нее все плыло перед глазами. — Никого, кроме тебя! Только тебя!

С миг держал он Бернис в своих объятиях, в то время как весь внешний мир для нее исчез. Потом он выпустил ее, поддерживая одной рукой, так что она покачнулась, а после отступила на шаг.

— Ты говорила об этом сэру Хью?

Девушка покачала головой, так как не могла говорить.

— Мы должны сообщить ему об этом немедленно. Фундаментом наших отношений должна стать абсолютная честность. Моя голова во прахе от вины и позора. Я не придерживался абсолютной правдивости в общении с вами — и с тобой, и с твоими спутниками. Мне следовало бы предупредить обо всем сэра Хью и с самого начала сказать тебе о своем желании, вместо того чтобы пытаться поднять тебя до уровня, на котором, по моему мнению, находился я... Каким же самонадеянным дураком я был! С моей стороны все получилось глупо,

высокомерно и жестоко. Столь немногому научился я за эти долгие, горькие годы...

Бернис задрожала, не понимая, почему она чувствует себя так, словно на нее из глубин космического пространства подул холодный ветер. Она по-детски на ощупь нашла его руку. Ранджит нежно взял ее за руку, посмотрел на нее со странным сочувствием. Бернис опустила голову, чувствуя себя слабой, никчемной и готовой расплакаться, несмотря на утешающие пожатия его сильных пальцев.

— Идем, — мягко предложил он, поворачиваясь к маленьким воротам.

Они молча вошли в сад и не прошли и дюжины шагов, когда увидели быстро идущего к ним сэра Хью. Он закричал:

— Бернис!

В следующий миг он оказался рядом. Его лицо сияло.

— Джундра Сингх только что подписал концессию! Успех! Я добился его в первом же своем большом деле!.. Эй, Бернис, что случилось?

При всей его несклонности к анализу, выражение ее лица заставило его заволноваться. Он удивленно уставился на свою невесту.

— Хью, я должна с тобой поговорить, — обратилась к нему Бернис и, подавшись какому-то импульсу, добавила: — Ранджит, не будешь ли ты так любезен ненадолго оставить нас наедине?

Индуc поклонился и отошел, исчез за скопищем кустов. Бернис повернулась к англичанину и глубоко вдохнула, обнаружив, что стоящая перед ней задача в тысячу раз неприятней, чем ей представлялось.

— Хью, я...

— Прислушайся!

Оба повернулись, когда раздались неистовые крики множества обезумевших людей. И крики эти приближались.

Они так и не узнали, кто именно затеял беспорядки — раздосадованные конкуренты, рассерженные браминами, или озлобленные мусульмане. Но в любом случае недовольные пришли из деревни во дворец по

пыльной улице. Их было три-четыре сотни — воющая толпа, размахивающая ножами и дубинами, вопящая:

— Смерть иностранцам!

Это был скверный маленький бунт, неудачный, без вождя, без плана. Но при небольшом бунте люди гибнут ничуть не реже, чем на мировой войне. Большинство бунтующих ринулись к главным воротам, ведущим во двор замка, где их быстро перестреляли и перекололи штыками гвардейцы-сикхи. Произошла недолгая, короткая свалка, кровавая и ужасная, в которой потери несла почти исключительно одна сторона. А потом ряды восставших сломались. Крестьяне побежали обратно в деревню, жалобно вой, оставив примерно с дюжину тел в пыли перед воротами. Некоторые из упавших лежали совершенно неподвижно, а некоторые извивались и вопили от боли.

Но еще в самом начале часть толпы свернула в сторону и вбежала в сад через маленькие ворота, прежде чем их успели закрыть. Сэр Хью, загородивший Бернис от толпы, получил удар дубиной и упал без чувств, истекая кровью, на ковер раздавленных цветов. Бернис пронзительно закричала, когда над ней взметнулся сверкающий талвар с острым как бритва клинком... И тут появился Ранджит. Бернис отчетливо увидела, как он схватил голой рукой опускающийся с размаху клинок. Не брызнула кровь, и на коже индуса не оказалось пореза.

Человек, наносивший удар, попятился, выпустив оружие. Ранджит переброшил талвар через стену и, сложив руки на груди, повернулся лицом к толпе. Он ничего не сказал. Взгляд его был угрюмым. Но по толпе прокатился тихий стон, и неплотные ряды заколебались, словно пшеница на ветру. Бернис почувствовала нажим ужасной силы, словно пронесся порыв могучего ветра. Она ощутила, что от Ранджита исходит громадная сила, возможно родственная гипнозу, но куда как более могучая, поражая бунтовщиков психическим ударом непреодолимой силы. Толпа в страхе попятилась... Вдруг бунтовщики повернулись и с воплями убежали. Душу Бернис наполнила тень великого страха, когда она увидела мрачного и отчужденного Ранджита, выглядевшего и вовсе не похожим на мужчину ее мечты. Это был не страх, но

какая-то слепящая, парализующая, уничтожающая волна абсолютного понимания, после которой Бернис осознала, что Ранджит настолько вне и выше ее, что они никогда не смогут встретиться на каком-то уровне, кроме физического. Она больше не могла стоять обнаженной, прямой и слепой перед хлещущими ее могучими космическими ветрами. Покров был сорван, открыв ей, что тело, которое она-то считала сгустком огня — ее собственное тело, — на самом деле было из плоти. И Бернис поняла, что для нее существуют физические ограничения, которые она никогда не сможет преодолеть.

Лежащий у ее ног сэр Хью неожиданно сделался якорем, способным удержать ее у берегов той части человечества, которую она знала. Бернис упала на колени, цепляясь за него и рыдая. А подними она взгляд, то увидела бы Ранджита, склонившегося над ней. Тень слабости была на его лице, и выглядела эта слабость ужасней, чем мрачный взгляд, которым он встретил толпу. Потом тень растаяла, и вернулась прежняя, нежная улыбка, в которой, казалось, таилась любовь ко всему хрупкому человечеству.

Девушка почувствовала, как Ранджит отстранил ее. Индус соединил кончиками пальцев края раны Хью. Кровотечение сразу же остановилось, и йог, оторвав от собственной одежды полоску чистой ткани, быстрыми движениями уверенных пальцев перевязал голову англичанина.

Из дворца к ним спешили слуги. Тетя Сесилия, забыв про свою осанку, горбилась всякий раз, как раздавался ужасный треск выстрелов. Выли умирающие, пахло свежей кровью. Тетя Сесилия истерически кричала, зовя свою племянницу. Она закричала еще громче, когда увидела слуг, несущих во дворец сэра Хью.

Бернис последовала за ними во дворец, но Ранджит мягко увлек ее назад. Они оказались одни среди кустов.

— Ты любишь его, — мягко сказал индус.

— Я не знаю! — взывала девушка. — Нет! Нет! Я люблю тебя... но...

— Он твой сородич. А я — нет, — медленно произнес Ранджит. — Наша любовь была безумием, порождением эгоистического желания. Я, для которого Истина была всем, предал собственную веру. Я ослепил тебя ложным

блеском, который даже сейчас омрачает твой разум и не дает тебе принять какое-то определенное решение... Ты должна увидеть меня таким, каков я есть на самом деле, лишенным покрывала иллюзий. Я видел, как ты содрогнулась, когда я заговорил о своих годах, проведенных в Пути. Ты должна знать правду. Знаю, что ваш западный мир не понимает и не верит в науку, которую он называет философией йогов. Я не могу заставить тебя понять... не могу рассказать тебе в один миг то, для познания чего потребовалась бы тысяча лет... не могу растолковать, чем компенсируется отречение. Но жизнь, тянущаяся почти до бессмертия, — одна из таких компенсаций... Я не молод и не красив. Я стар — настолько стар, что ты б мне не поверила, если бы я тебе сказал. Но это дано лишь Ступившим-на-Путь для сокрытия реальности их внешности, чтобы они не оскорбляли других своим видом. Теперь же я на миг сниму этот покров. Смотри!

Его приказ прозвучал резко и неожиданно, почти как жестокий удар. И Бернис вскрикнула от страха и отвращения. Перед ней стоял не молодой человек, а старое, иссохшее, беззубое, лысое, сутулое существо, которое едва ли было человеком. Лицо Ранджита изобразили морщины, а кожа походила на дубленую шкуру. Когда Бернис съежилась и попятилась, дрожа от отвращения, то увидела, как морщины медленно тают и исчезают. Фигура Ранджита распрямилась, раздалась в плечах. Перед ней, печально улыбаясь, стоял Ранджит, но девушка содрогнулась, когда, пусть нечетко, проследила в его мужественных чертах те морщины, которые увидела на древнем лице.

Бернис ничего не сказала. В этом не было необходимости. Мельком увиденные ею высоты, смутные и сверкающие, исчезли навсегда. Постанывая, она уткнулась лицом в ладони. А когда она подняла голову, Ранджит пропал, и лишь в ветвях деревьев прощуршал странный ветерок.

Тогда Бернис повернулась и пошла во дворец, где ждал ее сэр Хью.

ПРОКЛЯТИЕ ЗОЛОТОГО ЧЕРЕПА

Ротас из Лемурии умирал. Кровь перестала течь из глубокой раны под сердцем, но пульс продолжал еще слабо биться.

Колдун лежал на мраморном полу. Вокруг него поднимались гранитные колонны. Серебряный идол рубиновыми глазами пристально взирал на него — на Ротаса, лежащего у его ног. Основания колонн покрывали резные изображения странных чудовищ. Над храмом тихо перешептывались деревья, окружившие строение. Они оплели его своими ветвями и дрожали, шелестели под порывами ветра. Время от времени огромные черные розы роняли темные лепестки, словно скорбя по Ротасу.

Ротас умирал. Но на последнем дыхании он произнес проклятия своим убийцам. Он проклял неверного короля, который предал его, — вождя варваров Кулла из Атлантиды, который нанес ему смертельный удар.

Служитель безымянных богов, Ротас умирал в заброшенном храме на вершине одной из самых высоких гор Лемурии. Глаза Ротаса тлели, словно угли ужасного холодного пламени. Перед ним лежало одно из самых живописных ущелий. Тут произошло множество событий: были и шумные приветствия поклонников, и рев серебряных труб... потом интриги, яростная атака захватчиков... и смерть.

Ротас проклял короля Лемурии — короля, которого сам же учил бесстрашию и древним тайнам. Дурак, он открыл своему ученику источники своих сил и рассказал про свои слабости. И ученик узнал о страхах колдуна, а потом попросил помощи у его врагов-завоевателей.

Как странно, что он, Ротас Лунного Камня, владелец Царского Локона, колдун и чародей, задыхается на мра-

морном полу, став жертвой самой материальной из всех угроз — меча в мускулистой руке.

Ротас проклял собственное бессилие. Он чувствовал, как затухает его разум, но успел проклясть людей всех миров. Он проклял батасов и гелдоров, Ра, Ка и валков.

Он проклял людей — всех живущих и умерших, все поколения неродившихся на миллион столетий вперед. Тех, кого ныне называли враммами и джаггтаногами, ками и килкасо. Он наложил проклятие на поклонников Черных Богов, на следы Одинокой Змеи, когти Повелителя Обезьян и стальные переплеты Шама Гораса.

Умиравший колдун проклинал добродетель и доблесть, произносил имена богов, забытых даже священниками Лемурии. Он взывал к темным теням чудовищ из страшных миров, что вращаются вокруг черных солнц по ту сторону звезд.

Ротас ощущал, как за спиной у него собираются тени. Он заговорил быстрее. Кольцо смерти вокруг него сжималось, и он уже чувствовал тигриные клыки дьяволов, поджидающих его душу. Он слышал, как трутся друг о друга их тела, видел их горящие глаза. За спинами их парили белые тени тех, кто умер на алтарях в страшных мучениях под его ножом. Они плавали в воздухе, похожие в лунном свете на сгустки мглы. Их огромные глаза уставились на Ротаса с печалью, обвиняя его...

Колдун боялся, и страх вырывался из его уст громким богохульством, перерастая во что-то еще более ужасное. Охваченный дикой яростью, Ротас изогнулся так, чтобы кости его и после смерти могли принести ужас и гибель сынам человеческим. Но, уже произнося последние свои слова, он знал: долгие годы сплетутся в столетия, и его кости станут пылью, прежде чем люди придут на его могилу. От страха Ротас стал еще быстрее терять силы. И тогда он сотворил последнее заклинание, произнес замораживающую кровь формулу, назвал еще одно ужасное имя.

Он почувствовал движение стихий, ощутил, как кости его становятся твердыми и хрупкими. Не чувствуя холода, переступил он Порог. Шепот ветвей затих, и

росинки искорками смеха заблестели на драгоценных камнях глаз идола.

Годы слагались в столетия. Столетия — в эпохи.

Записанные на пластинах из изумрудов и рубинов эпические поэмы о Ротасе были ужасны.

Опрокинулись троны, и навсегда умолкли серебряные трубы вечного лета.

Ревущие нефри товые океаны поглотили земли, и все горы Лемурии, даже наивеличайшие, скрылись под водой.

Человек оттолкнул в сторону лиану и посмотрел вперед. Окладистая борода скрывала его лицо. Под ногами хлюпала грязь, над головой навис зеленый свод тропических джунглей.

Но глаза человека были широко раскрыты от удивления. Он смотрел на разбитые колонны, на крошево мраморного пола. Напоминаая змей, зеленые лианы оплели колонны, раскинув свою сеть среди руин. Станный идол, давно упав с разбитого пьедестала, лежал на полу, уставившись в небо красными немигающими глазами. Человек разглядел глаза идола, и его затрясло. Он снова, не веря своим глазам, взглянул на древнее божество и пожал плечами.

Он вошел в часовню, осмотрел основания колонн с вырезанными на них чудовищами, удивляющими своей невероятностью и неопишуемым видом. Над руинами храма царил тяжелый запах орхидей.

«Этот маленький, заросший джунглями болотистый остров некогда был вершиной величайшей горы», — подумал человек и удивился тому, зачем неведомый ему народ возвел этот храм. Но человек пока еще не видел ужасную вещь, лежавшую перед иколом. Человек подумал об известности, которую принесет ему его открытие, о шумных приветствиях известных университетов и всесильных научных обществ.

А потом он согнулся над скелетом на мраморном полу. У того были нечеловечески длинные кости пальцев, любопытная форма ног, глубокие глазные впадины, наросты на костях, необычный, куполообразный череп.

Что могло так искривить человеческие кости, придать такую форму черепу? Человек наклонился, разгля-

дывая скелет. Округлые глазные впадины, суставы на плоских костях, к которым некогда крепились мускулы. Человек размышлял, разглядывая скелет.

Перед ним лежала не искусная поделка какого-то умельца. Эти кости некогда покрывала плоть. Загадочное существо когда-то жило, двигалось, говорило. Мысли человека словно неслись по кругу. Неожиданно ему показалось, что кости сделаны из золота.

Орхидеи медленно качнули бутонами в тени деревьев. Храм устилали лиловые тени. Человек, склонившийся над скелетом, размышлял и удивлялся. Откуда ему было знать о страшных мирах колдовства, обладающих достаточной силой для того, чтобы придать ненависти бессмертие, породить зло, которое крепче камня и на которое не оказывает никакого влияния бег времени?

Человек положил руку на золотой череп. Предсмертный крик разорвал тишину джунглей. Человек словно споткнулся, пронзительно закричал, пошатнувшись отступил, а потом навзничь упал на лианы, устилавшие пол храма.

Орхидеи склонились над ним, скорбя о его смерти. Человек ослеп. Он хватал цветы руками, рвал их нежные лепестки. А потом он умер. Снова в джунглях наступила тишина, и гадюка медленно выползла из-под золотого черепа.

Если сердце болит в вашей груди, а глаза прикрыты слепящими черными занавесями печали, так что солнечный свет кажется вам бледным и прокаженным... отправляйтесь в городок Галвей в местности с тем же названием в ирландской провинции Коннаут.

В сером старом Городе Племен (так его называют местные) таятся сонные чары успокоения. Это похоже на колдовство. И если в ваших жилах течет кровь уроженца Галвея, ваше горе медленно растает, словно сон, оставив лишь сладкие воспоминания, похожие на запах увядающих роз. И не важно, как далеко вы от родины. В старом городе исчезают все печали. Он дарует забытие. А еще вы можете побродить по Коннаутским холмам и почувствовать соленый резкий привкус ветра Атлантики, и прежняя жизнь покажется тусклым и далеким миром, и все ваши радости и горькие печали — не более реальными, чем тени облаков, пролетающих мимо.

Я приехал в Галвей, чувствуя себя раненым зверем, приползшим в свое логово среди холмов. Город моего народа на первый взгляд выглядел разоренным, но он не казался мне ни чужим, ни иностранным. Казалось, он радовался моему возвращению. С каждым днем края, где я родился, отдалялись дальше и дальше, а земля моих предков становилась мне ближе.

В Галвей я приехал с болью в сердце. Моя сестра-близняшка, которую я любил как никого в мире, умерла. Она ушла из жизни быстро и неожиданно. Мне все это казалось ужасным. Вот она смеется рядом со мной. На устах ее играет радостная улыбка, сверкают ее серые ирландские глаза. А вот — ее могила, заросшая горькой травой. О Боже, не оставь своего сына в одиночестве.

Черные облака, словно саван, сомкнулись надо мной, и в тусклой земле, граничащей с королевством безумия, я был один. После смерти сестры я не проронил ни слезинки. Я ни с кем не хотел разговаривать. Наконец ко мне зашла моя бабка — огромная мрачная старуха с суровыми, внимательными глазами, в которых можно было прочесть все горе ирландского народа.

— Отправляйся в Галвей, парень. Съезди на древнюю землю. Быть может, твоя печаль утонет в холодном соленом море. Может, люди Коннаута залечат твои раны...

И я отправился в Галвей.

Люди, жившие здесь, все были из старинных семей — Мартини, Линчи, Дены, Дорсейи, Блэки, Кированы. Семьи четырнадцати великих родов правили Галвеем.

Я бродил по долине и среди холмов, разговаривал с дружелюбными, причудливыми людьми, многие из которых говорили на добром старом ирландском, на котором я сам говорил не очень.

Там же однажды ночью на холме, у пастушьего костра, я вновь услышал легенду о Дэймоде О'Конноре. Пока пастух с колоритным местным акцентом, сплетенным со множеством галльских фраз, пересказывал ужасную историю, я вспомнил, что моя бабка рассказывала мне ее, когда я был ребенком, но я забыл большую ее часть.

Краткая история Дэймода такова: Дэймод был предводителем клана О'Конноров, но люди звали его Волком. В старые дни О'Конноры стальной рукой правили Коннаутом. Они правили Ирландией вместе с О'Бринами, жившими на юге в Манстере, и О'Нейлами — на севере в Юлстере. С О'Рурками они сражались. Макмюррея из Лейнстера (это был Дэймод Макмюррей) выгнали из Ирландии, когда он носил фамилию О'Коннор. Он прибил к Крепкому Луку и его нормандским авантюристам. Когда Эрл Пемброк (люди звали его Крепкий Лук) высадился в Ирландии, Родерик О'Коннор уже стал королем Ирландии. Клан О'Конноров — яростные воины-кельты — отважно боролся за свободу, пока их армия не была разбита ужасными норманнскими захватчиками. Увяла слава О'Конноров. В старые

времена мои предки сражались под их знаменами... но каждое дерево имеет хотя бы один гнилой корень. Каждый великий род имеет свою черную овцу. Дэймод О'Коннор был черной овцой своего клана, и чернее не бывает.

Он поднял руку против своего народа, против своего собственного рода. Дэймод не был вождем, не сражался за корону Эрина или за свободу своих людей. Он был грабителем, чьи руки запятнаны кровью. А грабил он как норманнов, так и кельтов. Он совершил рейд на Пале и принес огонь и смерть в Манстер и Лейнстер. О'Брины и О'Кэрролы проклинали Дэймода, а О'Нейл охотился за ним, как за волком.

Дэймод оставлял за собой кровавую дорожку разрушений. Его банда сильно уменьшилась. Многие бежали, многие погибли в сражениях. Оставшись в одиночестве, Дэймод прятался в пещерах среди холмов, резал одиноких путешественников, как овец, чтобы утолить жажду крови, и опустошал дома одиноких фермеров и хижины пастухов, насиловал женщин. Разбойник был огромным человеком, и легенды говорят о нем как о каком-то невероятном, чудовищном создании. Должно быть, и впрямь он был таинственным и ужасным.

Но в конце концов смерть нашла и его. Он убил юношу из клана Кирована, и Кированы приехали из Галвея, желая отомстить. Сэр Майкл Кирован встретился с разбойником один на один среди холмов... Сэр Майкл был моим предком по прямой линии. Его фамилию я ношу. Они сражались один на один, и дрожали холмы, ставшие свидетелями их ужасной битвы, пока звон стали не долетел до остальных мужчин клана Кирована и те не поскакали в холмы в поисках сражающихся.

Они нашли тяжело раненного сэра Майкла и мертвого Дэймода О'Коннора. У разбойника была отсечена рука, и страшная рана зияла в его груди. Но переполненные яростью и ненавистью, Кированы затянули петлю вокруг шеи бандита и повесили его на огромном дереве на краю утеса на берегу моря.

— И, — продолжал мой друг-пастух, перемешивая угли костра, — крестьяне запомнили это дерево и называли

его — на датский манер — Погибелью Дэймода. Люди часто видели там по ночам огромного разбойника. Он скрежетал огромными клыками. Кровь лила из его плеча и груди. Он клялся наслать проклятие на всех Кированов и всех их потомков... Так что, сэр, не ходите ночью к утесу над морем. Ведь именно вас и ваших родственников он ненавидит. Если хотите, можете смеяться, но призрак Дэймода О'Коннора Волка появляется там безлунными, темными ночами. У него огромная черная борода, горящие глаза и здоровые клыки.

Пастухи показали мне дерево Погибель Дэймода — странное, напоминающее виселицу. Сколько сотен лет простояло оно там, я не знаю, потому что люди в Ирландии живут долго, а деревья еще дольше. Поблизости от Погибели Дэймода не было других деревьев. Утес, на котором оно стояло, вздымался над морем на четыре сотни футов. Под ним были лишь синие волны — морская пучина...

Часто ночами, когда над миром царила тьма и тишина, я бродил по холмам. Ни разговоры людей, ни шум не нарушали моего одиночества. Черная печаль сжимала мое сердце. Я бродил по холмам, с вершин которых звезды казались теплее и ближе. Часто мои спутанные мысли обращались к звездам. Я думал, какой из звезд стала моя сестра, если, конечно, она стала звездой.

Однажды ночью мне стало просто невыносимо тоскливо. Я поднялся с кровати (время от времени я оставался в маленьких горных гостиницах), оделся и отправился побродить по холмам. В висках у меня ломило, и словно тиски сжимали мое сердце. Моя душа бессловесно взывала к Богу, но плакать я не мог. Я чувствовал, что должен плакать, иначе сойду с ума, потому что ни одной слезинки не проронил я с тех пор...

В общем, я шел дальше и дальше, и как далеко я забрел, я и сам не знал. В небе горели звезды, но от этого мне было ничуть не лучше. Сначала я хотел кричать, выть, биться о землю, рвать траву зубами. Потом это прошло, и я побрел дальше, впад в транс. На небе не было луны, и в тусклом свете едва различимые деревья и холмы казались странными, темными тенями. С их вершин я увидел огромный Атлантический океан,

лежавший словно темно-серебристое чудовище. Я слышал слабый гул прибоя.

Что-то мелькнуло передо мной, и я подумал, что это проشمыгнул волк. Но уже много-много лет в Ирландии нет волков. Снова я увидел это существо — длинную низкую тень. Механически я последовал за ней. Теперь я разглядел впереди утесы, обрывающиеся в море. На краю одного из них стояло огромное одинокое дерево, во тьме напоминающее виселицу. Я подошел к нему.

Когда я приблизился к дереву, над землей поползли клочья тумана. Непонятный страх охватил меня, но я продолжал смотреть. Тень стала четче. Тусклая и бархатистая, словно лоскут подсвеченного лунным светом тумана, без сомнения, по форме она напоминала человеческую фигуру. А лицо... Я закричал!

Смутно различимое лицо любимой сестры плавало передо мной, похожее на клоч тумана... Я разглядел массу темных волос, огромный чистый лоб, красные, чуть изогнутые губы, серьезные, мягкие серые глаза.

— Мойра! — в иступлении воскликнул я и метнулся вперед. Мои руки вытянулись к ней, сердце ушло в пятки.

Она поплыла прочь от меня, словно клочок тумана, уносимый морским ветерком. Казалось, она плывет в пустоте... В слепом порыве, пошатываясь, помчался я к краю утеса. А потом, словно человек, пробудившийся от сна, я увидел сверкающие сотнях в четырех футов внизу острые скалы. Я услышал, как яростно бьются о них волны. Когда я почувствовал, что теряю равновесие, мне явилось видение. Оно было ужасным. Огромные, похожие на клыки зубы сверкали сквозь спутанную черную бороду. Под нависшими бровями горели ужасные глаза. Кровь текла из плеча и ужасной раны на широкой груди призрака...

— Дэймод О'Коннор! — воскликнул я. Волосы мои встали дыбом. — Изыди, исчадие ада...

Я откатнулся от края, стараясь избежать падения: ведь смерть ждала меня среди скал четырьмя сотнями футов ниже. И тут мягкая маленькая рука схватила меня за запястье и оттащила назад. Я упал спиной на мягкую зеленую траву на краю утеса, а не на острые скалы среди волн, что ждали меня, свались я вниз. Да,

я знаю... я не мог ошибиться. Маленькая рука отпустила мое запястье. Ужасное лицо, висевшее над краем утеса, исчезло... Но именно эта маленькая рука спасла меня от смерти... Как мог я не узнать это прикосновение? Тысячи раз чувствовал я, как моя сестра мягко касается моей руки, сотни раз держал ее руку в своих ладонях. Ах, Мойра, Мойра, и в жизни, и в смерти — ты всегда помогала мне.

И теперь, в первый раз после ее смерти, я заплакал. Я лежал на животе и плакал, утопив лицо в ладонях. Я изливал боль моего израненного, ослепленного и измученного сердца, пока солнце не поднялось над голубыми холмами Галвея и, скрывшись за ветвями Погибели Дэймода, не засияло странно и по-новому для меня.

Все это приснилось мне или я сошел с ума? Правда ли то, что дух давно умершего разбойника провел меня по холмам к утесам под дерево смерти, а потом призраком моей сестры спас меня от смерти? На самом ли деле рука моей мертвой сестры поддержала меня в тот момент, когда мне угрожала смертельная опасность, выдернула меня из объятий смерти?

Верьте или не верьте моему рассказу. Как хотите. Все было так, как я рассказал. В ту ночь я видел Дэймода О'Коннора. Он привел меня на край утеса, а мягкая рука Мойры Кирован оттащила меня назад. Ее прикосновение освободило замороженные каналы моего сердца и принесло мне покой. Стена, отделяющая мир живых от мира мертвых, — тонкая вуаль, я-то это знаю. И я уверен, что любовь мертвой женщины победила ненависть мертвого мужчины. Я уверен, что когда-нибудь, перейдя в иной мир, я снова возьму за руку свою сестру.

— Я боюсь уснуть!

С удивлением посмотрел я на человека, сказавшего эти слова. С Джоном Маркиным я знаком был уже несколько лет и знал, что он человек со стальными нервами. Путешественник и авантюрист, он объездил весь мир и встречался лицом к лицу со всевозможными опасностями в различных пустынных уголках земли. И хотя я не мог простить ему многих бесчестных поступков, я всегда восхищался его храбростью.

Но сейчас он стоял в моих апартаментах, и я видел неподдельный ужас в его глазах. Маркин был высоким, стройным, но мускулистым человеком, атлетически сложенным и твердым, как сталь или китовый ус. Теперь же мне казалось, что он дрожал, находясь на грани умственного и физического истощения. Он выглядел опустошенным, а его запавшие глаза сверкали сверхъестественным огнем. Когда он говорил, руки его непрерывно двигались.

— Да, мне угрожает опасность... ужасная опасность! Но не откуда-то извне! Опасность у меня в голове!

— Маркин, что вы имеете в виду? Вы в своем уме?

Он резко и почти зло рассмеялся:

— Не знаю. Я и сам хотел бы знать. Я брожу по улицам после двух часов ночи, не давая себе уснуть. Вчера я вколол себе тонизирующего наркотика, чтобы не уснуть, но в полночь все равно свалился. Я в ужасном положении. Если я не лягу спать, я умру, а если усну... — Он содрогнулся.

Я внимательно осмотрел его. Невероятно, быть разбуженным в два часа ночи, чтобы выслушать историю вроде этой! Мой взгляд остановился на дрожащих пальцах Маркина. Они были окровавлены. На подушеч-

ках пальцев виднелись мелкие порезы. Маркин проследил мой взгляд:

— Когда я останавливаюсь, чтобы немного передохнуть, я беру в руку перочинный нож, так, чтобы, когда я стану против воли погружаться в пучину сна, мои расслабившиеся пальцы порезались о лезвие и боль разбудила бы меня.

— Во имя небес, Маркин, объясните, что все это значит! — воскликнул я. — Вы начали охоту за каким-нибудь преступником, чтобы предать его суду, и боитесь, что вас убьют, когда вы заснете? Или есть другая причина?

Он рухнул в кресло. Мгновение мне казалось, что он уснул. Отяжелевшие веки опустились на его глаза, как бывает у человека, находящегося на грани нервного истощения.

— Я расскажу всю историю, и, если она прозвучит как бред маньяка, помните, в разуме человека есть много темных уголков, которые до сих пор остаются неисследованными. Там может скрываться что угодно! Темный континент! Так надо было назвать не Африку, а мозг человека! — Он дико засмеялся, а потом продолжал более печально.

— Несколько лет назад я побывал в одной из провинций Индии, где почти не бывало белых людей. Причина моего путешествия в те края не имеет никакого отношения к этой истории. Но в то время я охотился за сокровищами, которые великий бандит Алам Сингх прятал в пещере среди холмов. Мой проводник-индус клялся, что был одним из разбойников и знает, где пещера, куда лет двадцать назад спрятали сокровища. Как оказалось, он не лгал. Думаю, этот индус собирался добыть сокровища с моей помощью, а потом убить меня и все забрать себе.

В любом случае мы вдвоем отправились к низким, заросшим деревьями холмам, где среди ветвей летали птицы с ярким оперением и обезьяны непрерывно верещали. После долгих поисков мы нашли пещеру, которая, как клялся мой спутник, и была та самая, где зарыты сокровища. Вход в нее был расположен на склоне

холма, но отчасти его закрывали лозы винограда. Индус уверял меня, что никто, кроме него, не знал об этой пещере, потому что большинство людей Алама Сингха давным-давно повесили, а сам Алам погиб во время одного из пограничных рейдов. Так что мы смело вошли внутрь.

Только тогда мы обнаружили, что совершили ошибку. Когда мы пробрались сквозь цепляющиеся лозы, с обеих сторон к нам подступили темные фигуры. Спротивляться было бесполезно. Моего проводника закололи на месте, а мне связали руки и ноги. Меня отвели в пещеру. Пленившие меня люди зажгли лампу. Ее свет стал отбрасывать таинственные тени на стены, пыльный пол пещеры и бородатые лица людей, внимательно изучающих меня.

— Мы — сыновья одного из тех, кто ездил с Аламом Сингхом, — сказал один из них. — Мы двадцать лет охраняем эти сокровища и будем охранять их еще двадцать лет, если понадобится. Мы храним их для сына сестры Алама Сингха, который когда-нибудь займет место своего великого дяди и освободит нас от английских свиней.

— Вас повесят, как и людей Алама Сингха, если вы убьете меня, — сказал я им.

— Никто не узнает, — возразили они мне. — Многие люди исчезли среди этих холмов, и даже их костей никогда не нашли. Ты явился в подходящее время, сахиб. Мы как раз закончили переносить сокровища в другое место. Теперь эта пещера достанется тебе!

Тут они зловеще засмеялись.

Я понял, что они решили прикончить меня. Но оказалось, что мне уготована более ужасная судьба...

Они привязали мои руки и ноги к колышкам, вбитым в пол. Я не мог пошевелиться, не мог шелохнуться. Все, что я мог, — крутить головой. Индусы принесли самую большую кобру, которую я только видел в жизни, повесив ее на палку... Вы знаете, змеи любят, когда их носят на палках, и не жалят тех, кто так делает.

Индусы петлей затянули тонкий кожаный ремешок вокруг капюшона твари, а другой конец продели в кольцо в стене. Конечно, рептилия тут же бросилась на

меня, но я оказался на несколько дюймов дальше, чем могла она дотянуться. Потом индусы подвесили кувшин с водой над тем местом, где была привязана веревка, удерживающая змею, и наполнили его водой, которая капала через маленькую дырочку в дне кувшина. И капли падали на кожаный ремешок, удерживающий змею. Все знают: когда невыделанная кожа суха, она жесткая и не гнется, но когда влажная — сильно растягивается. Сухим шнурок был слишком короток, чтобы позволить кобре дотянуться до меня, но вода, капающая на него, медленно пропитывала его влагой, и каждый раз, как змея бросалась на меня, шнурок чуть-чуть вытягивался. Так они и оставили меня, унеся с собой тяжелый сундук... без сомнения, полный сокровищ.

Не знаю, сколько времени я пролежал так. Секунды складывались в минуты, минуты в часы, часы в Вечность. Вся вселенная замерла и сжалась до размеров пещеры, где я лежал. Не отрываясь следил я за длинным извивающимся телом, которое бросалось в мою сторону и отступало с методичной регулярностью... злобная голова с горящими глазами и широким раздутым капюшоном. Я дергался, кричал. Но веревки крепко держали меня. Мои крики эхом отдавались в пустой пещере. Было жарко, но холодный пот струился по моему лбу. Тогда-то я и проклял мертвого индуса и моих мучителей. Разойдясь, я проклял все на свете... всех людей.

Потом я лежал, истощенный и безмолвный, глядя на плененную змею, которая все так же не моргая смотрела на меня. Я пытался отвернуться, отказавшись смотреть на свою гибель, но всякий раз что-то заставляло меня снова взглянуть на змею. Я точно определил место, куда она укусит меня, когда дотянется. Ближе всего к змее было мое левое запястье. Так что скорее всего она укусит меня в руку.

Шло время. Огромная змея продолжала бросаться на меня и отступать, удивляя меня своей выносливостью. Она стала бросаться на меня реже, но с той же методичностью. Теперь ее голова была всего в нескольких дюймах от моего запястья. Я сжался. Казалось, кровь замерзла при приближении неотвратимой смерти. Меня стало сильно тошнить. Неожиданно лампа мигнула и потухла.

Новый приступ ужаса охватил меня. Умереть в темноте намного хуже, чем при свете, пусть даже это свет масляной лампы. Я кричал снова и снова, пока у меня не сел голос. Потом я услышал скрип натягиваемых ремней... скрип... Я и теперь чувствую отвратительное дыхание рептилии на своем запястье. Однако она до сих пор не может дотянуться до меня! Еще немного... и неожиданно в пещере вспыхнул свет. Раздались крики людей, прогреготал пистолетный выстрел, и я потерял сознание.

После этого я несколько дней пролежал в бреду, снова и снова мысленно возвращаясь в пещеру. Мои волосы поседели на висках. Спасение же мое было столь чудесным, что я едва мог поверить в него. Пока же я лежал в бреду, мне казалось, что у меня галлюцинации, предшествующие приходу смерти.

Оказывается, кто-то из отряда белых охотников на тигров (я не знал, что кто-то из белых, кроме меня, путешествует в этой области) услышал мои крики, и охотники вовремя подоспели мне на выручку. Они осветили пещеру электрическими фонариками. Один из них застрелил кобру, которая (как я считал) в одном из рывков уже дотянулась до меня.

После этого случая я как можно скорее покинул Индию. Но дело не в этом. Через несколько месяцев я стал видеть сны, после которых просыпался в холодном поту и часто не мог уснуть остаток ночи.

Потом сны стали более отчетливыми. Они были необыкновенно яркими и все чаще стали повторяться. Кошмары испоганили всю мою жизнь.

Сейчас я уже сотню раз видел этот сон. Всегда он один и тот же. Сон начинается с того, что я снова лежу на пыльном полу пещеры Алама Сингха, а надо мной мерцает старая лампа и чешуйчатая тварь снова и снова пытается дотянуться до меня. До недавнего времени сон обрывался незадолго до того момента, когда старая лампа должна была погаснуть. Но я видел, как вытягивается ремешок, и скажу вам, с каждым сном он становится все длиннее! Первые несколько раз я убеждал себя, что мне это кажется. Змея находилась от меня достаточно далеко. Потом она стала подвигаться все

ближе и ближе, но ей потребовалось тридцать или сорок снов, чтобы оказаться в дюйме от моей руки. А потом ремешок стал вытягиваться с фантастической скоростью.

В последнюю ночь, когда я спал, я... Не в первый раз я почувствовал, что все это происходит на самом деле. Я чувствовал холодное дыхание твари на своем запястье. Лампа на стене замигала... В ту ночь я проснулся от крика и понял, что обречен. Мне кажется, что, если эта змея ужалит меня во сне, я умру на самом деле.

Тут я и сам вздрогнул:

— Маркин, это — безумие! Вы пытаетесь сбежать в свой сон из реальности... Почему вам не может прийтись ваше спасение?

— Не знаю. Я не психолог. Но я никогда не смогу пережить укус этой твари. Всегда мы одни: я и змея. Я верю, что дело в моем разуме, где есть темные уголки, о которых я вам говорил. Может, все дело в моем подсознании или в чем-то еще, но я обречен. Они говорят... некоторые из психологов... что центральные части мозга у человека порой включаются, порождая мысли в подкорке. В голове у меня ничего не осталось, кроме страха и ожидания неотвратимой смерти. Когда охотники ворвались в пещеру и спасли меня, я уже бредил. Я не верю, что я подсознательно помню о спасении. Поэтому оно и наполнило мою голову мыслями о смерти. Не могу объяснить, откуда я знаю, но уверен, что снова и снова буду видеть этот сон... Я умру! Темное подсознание, которое срабатывает, только когда разум человека отдыхает, разыгрывает продолжение той ужасной драмы так, словно все это происходит в реальности и людей, которые спасли меня, на самом деле не было. Кульминацией всего этого будет моя смерть!

— С другой стороны, я верю, что, если вы хоть раз во сне пройдете через это, вы навсегда освободите себя от подобных галлюцинаций, — возразил я. — Охотники рано или поздно появятся. Змея будет убита, и вы снова обретете свободу.

Он покачал головой и беспомощно уронил руки.

— Я отмечен смертью, — сказал он, и я не смог сдвинуть его с этой фаталистической точки зрения. — Теперь, рассказав вам всю историю, я, наверное, смирюсь окончательно, — сказал он. — Я усну, и, если вы правы, я проснусь, став самим собой, освободившись от проклятия. Но если я прав, я больше не проснусь.

Маркин попросил меня оставить свет включенным, а сам лег на мою кровать. Но он уснул не сразу. Казалось, он еще какое-то время бессознательно боролся со сном. Однако наконец его веки сомкнулись и он замер. Его лицо в свете лампы выглядело ужасно, словно череп: впалые щеки и желтоватая, похожая на пергамент кожа. Кошмар собрал дань с его разума и его тела. Время шло, я тоже начал дремать. Я чувствовал, что не могу держать глаза открытыми, и удивлялся стойкости Джона Маркина, не спавшего почти три дня и три ночи.

Во сне Маркин бормотал что-то и беспокойно шевелился. Свет бил ему в глаза, и я решил, что он мешает ему спать. Потом я посмотрел на часы на каминной полке. Стрелки стояли на пяти. Я выключил свет и шагнул к кровати.

Было темно. Не знаю, открылись ли глаза у Джона Маркина, но ужасный крик вырвался из его горла:

— О Боже, лампа потухла!

А потом он так страшно закричал, что кровь застыла у меня в жилах.

Обливаясь холодным потом, я снова включил свет. Джон Маркин лежал мертвый, и лицо его ужасно скривилось. На теле не оказалось ран, но правая рука его в агонии сжала запястье левой.

Бездны неизвестного ужаса лежат, скрытые вуалью тумана, отделяющего повседневную жизнь человека от не отмеченных на картах, неизвестных королевств сверхъестественного. Большая часть людей в жизни и смерти счастливо избегает эти королевства — я говорю «счастливо», потому что разрыв вуали между реальностью и миром оккультизма часто приводит к ужасным последствиям. Однажды я видел такую прореху, и происшедшие тогда события так глубоко отпечатались в моей памяти, что по сей день мне снятся кошмары.

Ужасное происшествие случилось, когда я гостил в поместье сэра Томаса Камерона — известного египтолога. Я благосклонно относился к нему как к человеку, постоянно проводившему какие-то исследования, хотя мне не нравились его грубые манеры и безжалостный характер. Вследствие того что я был знаком с различными научными трудами, мы несколько лет поддерживали отношения, и я сделал вывод, что сэр Томас причислил меня к своим новым друзьям. Во время поездки в усадьбу сэра Томаса меня сопровождал Джон Гордон — богатый спортсмен, также получивший приглашение.

Когда мы подъехали к воротам усадьбы, садилось солнце. Пустынный и мрачный ландшафт вызвал печаль. Он наполнил мою душу неясными предчувствиями. В нескольких милях позади осталась деревня, которую отсюда едва можно было разглядеть. А между ней и усадьбой во все стороны протянулись голые вересковые пустоши — мертвые и угрюмые. Больше же не было видно никаких человеческих жилищ. Болотная птица — единственное живое существо на обозримых просторах, — хлопая крыльями, улетела куда-то в глубь

пустоши. Холодный ветер, пропитанный горьким, соленым привкусом моря, что-то шептал, налетая с востока. Я содрогнулся.

— Позвони в дверной колокольчик, — предложил Гордон. Равнодушие в его голосе помогло мне расслабиться. — Мы не можем торчать здесь всю ночь.

Но в это мгновение ворота распахнулись. Особняк был окружен высокой стеной, огораживающей всю территорию поместья. Сам же дом находился возле парадных ворот, неподалеку от нас. Когда ворота раскрылись, мы увидели длинную аллею, ведущую к дому, с обеих сторон густо обсаженную деревьями, но наше внимание приковал к себе эксцентричный слуга, отступивший на обочину, чтобы дать нам пройти. Он был высок и носил восточные одежды. Ожидая, пока мы войдем, он застыл, словно статуя: руки сложил на груди, голову склонил в уважительном, но полном величия поклоне. Кожа его казалась еще темнее из-за блеска его глаз. Наверное, он был когда-то красив, но теперь отвратительное уродство напрочь лишило его лицо милости, придав индусу зловещий вид. Этот человек был безносым.

Пока я и Гордон молча стояли, пораженные видом призрачного незнакомца, индийский сикх, судя по его тюрбану, поклонился и сказал на почти совершенном английском:

— Хозяин ожидает вас в своем кабинете, сахибы.

Мы отпустили парня из деревни, который проводил нас сюда, и, когда его телега с грохотом отъехала на достаточное расстояние, ступили на укутанную тенями аллею. Индус, взяв наш багаж, последовал за нами. Пока мы толклись у ворот, солнце село. Наступила ночь. Небо плотно затянули серые тяжелые тучи. Ветер уныло вздыхал среди деревьев по обе стороны от дороги, и огромный дом неясно вырисовывался впереди, молчаливый и темный, если не считать единственного горящего окна. В полутьме я слышал легкое «шлеп-шлеп» — шорох комнатных туфель слуги с Востока, который шел следом за нами. Эти звуки напомнили мне тихое движение пантеры, подкрадывающейся к своей жертве, и вызвали у меня невольную дрожь.

Мы добрались до двери, и нас ввели в широкий, тускло освещенный зал. Сэр Томас вышел, чтобы поприветствовать нас.

— Добрый вечер, друзья. — Его громкий голос грохочущим эхом пронесся по всему дому. — Я ждал вас! Вы обедали? Да? Тогда отправимся в мой кабинет. Я написал трактат о своих последних открытиях и хочу узнать ваше мнение относительно моих тезисов. Ганра Сингх!

Последние слова были адресованы сикху, который застыл в ожидании распоряжений. Сэр Томас сказал ему несколько слов на хинди, и, еще раз поклонившись, безносый взял наши сумки и покинул зал.

— Я выделил вам пару комнат в правом крыле дома, — сказал сэр Томас, направляясь к лестнице. — Мой кабинет в этом крыле, прямо над залом; я часто работаю всю ночь напролет.

Кабинет оказался просторной комнатой, заваленной научными книгами и бумагами, странными трофеями из разных стран. Сэр Томас сел в большое кресло и жестом пригласил нас устраиваться поудобнее. Он был высоким человеком могучего телосложения и неопределенного возраста, с агрессивным подбородком, скрытым густой светлой бородой. Взгляд его был пронзительным, твердым, в нем чувствовалась скрытая сила.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне, — резко начал он. — Но мы не станем обсуждать трактат сегодня ночью. Завтра будет достаточно времени, ведь вы оба, должно быть, утомились в дороге.

— Вы далеко живете, — ответил Гордон. — Что побудило вас купить и восстановить это старое отдаленное поместье, Камерон?

— Я люблю уединение, — ответил сэр Томас. — Здесь мне не докучают бестолковые люди, которые обычно кружат вокруг меня, как москиты вокруг буйвола. Я никого не приглашаю сюда и совершенно не нуждаюсь в общении с внешним миром. Когда я живу в Англии, я хочу, чтобы мне не мешали работать. У меня нет слуг. Ганра Сингх делает все, что необходимо.

— Безносый сикх? Кто он?

— Его зовут Ганра Сингх. Это все, что я о нем знаю. Я встретился с ним в Египте и считаю, что он бежал из

Индии, после того как совершил какое-то преступление. Но это не важно. Он предан мне. Он рассказал, что служил в англо-индусской армии и потерял нос при взмахе афганской сабли во время пограничного рейда.

— Мне не понравилось, как он выглядит, — грубо сказал Гордон. — В этом доме собрано много сокровищ. Как вы можете доверять человеку, которого так мало знаете?

— Достаточно об этом, — равнодушно отмахнулся сэр Томас. — С Ганрой Сингхом все в порядке. Я никогда не ошибаюсь в характерах людей. Давайте поговорим о другом. Я еще не рассказал вам о своих последних исследованиях.

Он говорил, и мы слушали. В голосе сэра Томаса, когда он рассказывал нам о лишениях и препятствиях, которые пришлось преодолеть, легко было распознать решительность и безжалостность, превративших его в одного из самых известных в мире исследователей. Он, по его же словам, сделал несколько сенсационных открытий, которые перевернут мир, и, рассказывая об этом, прибавил, что самое важное из открытого им заключено в одной необычной мумии.

— Я обнаружил ее в прежде никому не известном храме в отдаленном районе Верхнего Египта. Его точное местоположение вы узнаете завтра, когда мы вместе просмотрим мои записи. Мне представилась возможность произвести революцию в истории. Я понял это, еще даже толком и не осмотрев ее. Тогда мне показалось, что она просто не похожа на другие мумии. Все дело в разнице процесса мумифицирования. Мумия во все не была искалечена. Ее тело осталось точно таким же, каким было при жизни. Однако признаюсь, что лицо ее высохло и исказилось от невероятного числа лет. Только вообразите, она выглядит, словно очень старый человек, который только что умер. Веки плотно закрывают глазницы, и я уверен, что, подняв их, я обнаружу глазные яблоки... Говорю вам, наступила эпоха сокрушить все предвзятые идеи и провозгласить новые! Если бы можно было каким-то образом вдохнуть жизнь в эту высохшую мумию, так чтобы она смогла говорить, ходить, дышать, как любой другой человек! Я уже говорил, она выглядит нетронутой, словно человек умер

вчера. Как вы знаете, обычно процесс изъятия кишок невероятно портил тело. Но ничего похожего с этой мумией не проделывали. Чего бы мои коллеги не отдали за такую находку! Все египтологи умрут от чистой зависти! Уже были попытки украсть ее... И скажу я вам, многие из моих коллег вырезали бы мне сердце!

— Думаю, вы переоцениваете ваше открытие и чувства своих коллег, — откровенно сказал Гордон.

Сэр Томас рассердился.

— Это толпа стервятников, сэр, — воскликнул он с диким смехом. — Волки! Шакалы! Они подкрадываются и ищут, чтобы украсть у того, кто лучше их! Профаны, они не понимают, что такое настоящее соперничество. Каждый из них старается для себя. Дайте каждому из них пожать собственные лавры, и к дьяволу всех, кто слабее. Но я далеко обогнал их всех.

— Даже допуская, что это правда, никто не давал вам права мерить всех на свой аршин, — возразил Гордон.

Сэр Томас взглянул на своего друга, говорившего искренне, с такой яростью, что мне показалось, он готов вот-вот убить Гордона. Потом настроение сэра Томаса изменилось, и он весело и шумно рассмеялся.

— Без сомнения, вы до сих пор должны помнить дело Гюстава Вон Гонманна. Тогда я сам оказался ложно обвинен, и этот неприятный инцидент продолжается до сих пор. Но уверяю вас, ко мне все это никакого отношения не имеет. Мне не нужны рукоплескания общества, и я игнорирую его обвинения. Вон Гонманн — дурак и заслужил свою судьбу. Как вы знаете, мы оба искали мертвый город Гомар, обнаружить который пытались многие ученые мира. Я устроил так, что в руки моего завистника попала фальшивая карта, и послал простофилю бродить по Центральной Африке.

— Эти поиски привели его к смерти, — напомнил сэру Томасу Гордон. — Я прибавлю, что в Вон Гонманне было что-то звериное, но то, что сделали вы, Камерон, отвратительно. Вы знали, что ничто в мире не поможет ему избежать смерти от руки племен, обитающих в тех землях, куда вы послали его.

— Вам не удастся разозлить меня, — невозмутимо ответил Камерон. — Это-то и нравится мне в вас, Гор-

дон. Вы не боитесь говорить то, что у вас на уме. Но давайте забудем о Вон Гонманне. Он пошел тем же путем, каким следуют все дураки. Один из тех, кто отправился с ним, спасся во время резни и, вернувшись в форпост цивилизации, рассказал, что Вон Гонманн, увидев, к чему идет дело, разгадал обман и умер, призывая месть на мою голову. Но это никоим образом меня не волнует. Человек жив и опасен или мертв и безвреден. Вот и все. Но уже поздно, а вы, без сомнения, хотите спать. Я позову Ганру Сингха, чтобы он показал вам ваши комнаты. Что же до меня, я проведу остаток ночи, приводя в порядок свои записи, чтобы завтра продемонстрировать вам результаты своей работы.

Ганра Сингх появился в дверях, словно огромный призрак. Мы пожелали спокойной ночи нашему хозяину и последовали за слугой с Востока. Дом сэра Томаса имел вид буквы «П». Он был двухэтажным, и между крыльями его размещалось нечто вроде двора, на который выходили окна нижних комнат. Меня и Гордона разместили в двух спальнях на первом этаже левого крыла, с окнами во двор. Наши комнаты соединялись, и, когда я уже было приготовился отойти ко сну, ко мне заглянул Гордон.

— Станный малый, не правда ли? — кивнул он в сторону светящегося окна кабинета сэра Томаса на другой стороне двора. — Хорошая скотина, но великий, удивительный ум.

Я открыл дверь, выходящую во двор, чтобы вдохнуть свежего воздуха. В комнатах было свежо, но пахло мускусом, как в помещениях, которые долгое время не использовали.

— Определенно, у него редко бывают гости.

Во всем доме огни светились только в наших комнатах и в кабинете сэра Томаса.

— Да. — Наступила тишина. Потом Гордон снова заговорил резким тоном. — Ты знаешь, как умер Вон Гонманн?

— Нет.

— Он попал в руки странного и ужасного племени, которое претендует на происхождение от племен Древнего Египта. Они — последние умельцы адского искусства пыток. Спасшийся археолог рассказал, что Вон

Гонмани умирал медленно и мучительно. Его убили, не искалечив, а тело высушили. Потом его прикрепили к кресту и поставили в хижине с фетишами их ужасной религии, рядом с другими трофеями.

Мои плечи непроизвольно вздрогнули.

— Ужасно!

Гордон встал, отбросил сигарету и направился в свою комнату:

— Уже поздно. Спокойной ночи... Что это?

На другой стороне двора раздался грохот, словно опрокинулся стул или стол. Пока мы стояли, завороженные неожиданным, неопределенным предчувствием чего-то ужасного, безмолвие ночи прорезал крик:

— Помогите! Помогите! Гордон! Слейд! О Боже!

Мы вместе рванулись во двор. Голос принадлежал сэру Томасу и исходил из его кабинета в левом крыле. Когда мы побежали через двор, то отчетливо слышали звуки страшной борьбы, и снова закричал сэр Томас. Его голос был похож на голос человека в предсмертной агонии:

— Он достал меня. О Боже, он до меня добрался!

— Кто с тобой, Камерон? — отчаянно закричал Гордон.

— Ганра Сингх!.. — Неожиданно сэр Томас замолчал; и, ворвавшись на первый этаж левого крыла и бросившись вверх по лестнице, мы слышали лишь дикое, невнятное бормотание. Казалось, прошла вечность, прежде чем мы оказались у дверей кабинета, из-за которых доносились грубые завывания. Мы бросились открывать дверь и застыли, ошеломленные от ужаса.

Сэр Томас лежал, корчась в растекающейся луже крови, но не кинжал, воткнутый в его грудь, заставил нас застыть, словно пораженных громом, а лицо египтолога, искажившееся от ужаса. Его глаза сверкали, уставившись в пустоту. Это были глаза человека, который заглянул в Чистилище. Его губы что-то шептали, но нам удалось разобрать лишь несколько слов:

— Безносый... безносый...

Тут кровь хлынула с его губ, и он упал лицом вниз.

Мы подошли к нему и в страхе переглянулись.

— Мертв, — пробормотал Гордон. — Но кто убил его?

— Ганра Сингх... — начал я, но тут мы оба обернулись. Ганра Сингх молча стоял в дверях. Выражение его лица не давало никаких намеков на то, что он думает. Гордон встал, его рука легко скользнула в карман.

— Ганра Сингх, где ты был?

— Я был внизу, в коридоре, запираю дом на ночь. Я слышал, как позвал хозяин, и вот я здесь.

— Сэр Томас мертв. Ты можешь предположить, кто убил его?

— Нет, сахиб. Я недавно приехал в Англию и не знаю, имел ли мой хозяин врагов.

— Помогите мне перенести его на кушетку. — Индус помог. — Ганра Сингх, ты понимаешь, что мы должны задержать тебя, пока дело не будет раскрыто.

— Пока вы станете заниматься мной, настоящий убийца может скрыться.

На это Гордон ничего не ответил.

— Отдай мне ключи от дома.

Сикх беспрекословно выполнил это распоряжение.

Гордон отвел его в дальний коридор и запер в маленькой комнате, вначале уверившись, что окно комнаты, как и другие окна в доме, крепко заперто. Ганра Сингх не сопротивлялся. Его лицо не выражало никаких эмоций. Запирая дверь, мы оставили его равнодушно стоящим в центре комнаты — руки сложены на груди, непроницаемый взгляд следит за нами.

Мы вернулись в кабинет. Стулья и столы опрокинуты, красное пятно на полу и безмолвная фигура на кушетке...

— До утра мы ничего не сможем сделать, — сказал Гордон. — Мы ни с кем не сможем связаться, а если отправимся в деревню, то, весьма вероятно, потеряемся в темноте и заблудимся в тумане. Убийство — скорее всего дело рук сикха.

— Сэр Томас обвинил его в последних своих словах.

— Так-то так. Но я не знаю. Камерон выкрикнул его имя, но он мог просто звать этого парня на помощь... Сомневаюсь, что сэр Томас слышал меня. Конечно, это замечание о безносом может подразумевать кого-то еще, но это не убедительно. Перед смертью сэр Томас обещал.

Я пожал плечами:

— Это, Гордон, самое ужасное во всем этом деле. Что могло так испугать Камерона и превратить его в вопящего маньяка в последние минуты жизни?

Гордон покачал головой:

— Я этого не понимаю. Смерть сама по себе никогда так не потрясла бы сэра Томаса. Скажу тебе, Слейд, мне кажется, здесь сокрыто нечто важное. Я ощущаю привкус сверхъестественного, хоть никогда не был суверенным человеком. Но давай посмотрим на это логически... Кабинет занимает весь верхний этаж левого крыла и отделен от задних комнат коридором, который проходит вдоль всего дома. Единственная дверь из кабинета выходит в коридор. Мы пересекли двор, вышли в нижнюю комнату левого крыла, вошли в зал, в который нас ввели, когда мы только приехали. Мы поднялись вверх по лестнице в верхний коридор. Дверь кабинета оказалась закрыта, но не заперта. Через эту дверь вышел бы тот, кто перед тем, как убить сэра Томаса, свел его с ума. Человек... или тварь какая... могла уйти только этим путем, потому что в кабинете негде спрятаться и засовы на окнах нетронуты. Если бы мы двигались чуть быстрее и прибежали бы на несколько секунд раньше, мы бы увидели убийцу выходящим из кабинета. Сэр Томас еще боролся со своим противником, когда я закричал, но между этим мгновением и тем, когда мы вошли в верхний коридор, у убийцы, если он двигался быстро, оставалось время выполнить свои намерения и покинуть комнату. Видимо, он скрылся в одной из комнат, расположенных по другую сторону зала, или даже выскользнул наружу, пока мы возились с сэром Томасом и таким образом дали ему сбежать... или, в том случае, если это был Ганра Сингх, у него было достаточно времени прийти в себя и снова смело войти в кабинет.

— Ганра Сингх, по его же словам, вошел следом за нами. Он мог видеть кого-то, пытающегося выбраться из комнат.

— Убийца мог услышать, как приближается Сингх, и подождать, пока он зайдет в кабинет, прежде чем снова выйти в коридор. Понимаешь, я считаю, что убийца — сикх, но мне хочется быть справедливым и взглянуть на случившееся под другим углом... Давай осмотрим кинжал.

Он оказался неприятным на вид тонким египетским кинжалом, который, насколько я помнил, лежал на столе сэра Томаса.

— Если бы все было именно так, как мы предполагаем, то тогда одежды Ганра Сингха были бы в беспорядке, а руки в крови, — предположил я. — Едва ли у него хватило бы времени вымыться и сменить свои одежды.

— В любом случае отпечатки пальцев убийцы остались на рукояти кинжала, — согласился Гордон. — Я действовал осторожно, стараясь не стереть их. Пока оставим оружие здесь, на кушетке, чтобы показать эксперту в Бертильоне. В таких вещах я несведущ. Я же собираюсь осмотреть комнату, как делают детективы, и попытаться обнаружить ключ к разгадке.

— Я прогуляюсь по дому. Ганра Сингх и в самом деле может оказаться невиновным, а убийца может прятаться где-то в доме.

— Только будь осторожен. Помни, что убийца — отчаянный человек, готовый совершить еще не одно злодеяние.

Я взял тяжелую трость и вышел в коридор. Забыл сказать: все коридоры в доме были тускло освещены, и занавески натянуты так плотно, что казалось, дом снаружи окружен плотной стеной тьмы. Закрыв за собой дверь, я острее почувствовал давящую тишину, царившую в доме. Тяжелые бархатные драпировки закрывали незаметные дверные проемы, и когда заблудившийся ветерок прошуршал в них, строки По сами всплыли в моей голове:

*Шелковисто и печально зашуршали занавески,
Вызвав трепет и наполнив сердце ледяным кошмаром.*

Я широким шагом вышел на лестничную площадку и, еще раз взглянув на безмолвные коридоры и закрытые двери, спустился вниз. Решив, что, если кто-то и прятался на верхнем этаже, он уже спустился вниз или вовсе покинул дом, я зажег свет в нижнем зале и прошел в следующую комнату. Все центральное здание между крыльями, как я обнаружил, занимал личный музей сэра Томаса. Это была по-настоящему огромная

комната, наполненная идолами, саркофагами, каменными и глиняными колоннами, свитками папируса и другими вещами в том же роде. Я провел там немного времени. Войдя, я стал высматривать, не лежит ли здесь что-то не на месте. И нашел. Там был один саркофаг, отличавшийся от других. Он оказался открыт! Инстинктивно я догадался, что именно в нем хранилась мумия, которой сэр Томас хвастался этим вечером. Но сейчас саркофаг был пуст. Мумия исчезла.

Подумав о словах сэра Томаса относительно зависти соперников, я быстро повернулся и собирался отправиться в зал и подняться назад по лестнице. По дороге мне показалось, что я услышал какой-то слабый шорох. Однако у меня не было желания дальше исследовать здание в одиночку, вооружившись лишь тростью. Я решил вернуться и рассказать Гордону о том, что нам, возможно, предстоит противостоять банде международных воров. Я уже выходил из музея, когда заметил лестницу, ведущую вверх из музейной комнаты. Поднявшись по ней, я оказался в коридоре, уходящем в правое крыло.

Снова передо мной расстилался тускло освещенный коридор с множеством таинственных дверей и темных драпировок. Я должен был пересечь большую его часть, чтобы оказаться в кабинете сэра Томаса. Дрожь охватила меня, когда я по глупости попытался представить ужасных существ, затаившихся за закрытыми дверями комнат, выходящих в коридор. Потом я взял себя в руки. Кто бы ни прикончил сэра Томаса Камерона, это был человек. Я крепче сжал трость и шагнул в коридор.

Сделав несколько шагов, я неожиданно остановился. Волосы у меня на затылке встали дыбом, и по телу поползли мурашки. Я почувствовал что-то невидимое присутствие. Мой взгляд, словно притягиваемый магнитом, потянулся к тяжелым занавесям, закрывавшим одну из дверей. В коридоре не было сквозняка, но занавеси слегка шевельнулись! Я, вытаращив глаза, уставился на тяжелую темную ткань, словно хотел взглядом прожечь в ней дыру, и инстинктивно почувствовал, что кто-то наблюдает за мной. Потом мой взгляд стал блуждать по стене возле скрытой двери. Какой-то каприз смутного света очертил темную бесформенную тень, и, пока я наблюдал, она мед-

ленно обрела форму ужасного, искривленного гоблина — гротескно-человекообразной твари... и безносой!

Неожиданно мои нервы не выдержали. Эта искривленная фигура могла быть не более чем тенью человека, который стоял за занавесками. Но мне казалось, что, кем бы ни было прячущееся существо — человеком, зверем или демоном, — за темными занавесями скрывалась ужасная опасность. Ужас таился в тени. Безмолвный полумрак царил в коридоре, освещенном мерцающими лампами. И эта неопределенная тень... Я, как никогда раньше, был близок к безумию... Всего этого оказалось слишком много для моих глаз и чувств. Призраки словно околдовали мой разум. Ужасные темные образы поднимались из моего подсознания и насмехались надо мной. В этот момент мне показалось, что весь остальной мир далеко-далеко, а я оказался лицом к лицу с пришельцем из другого мира.

Повернувшись, я поспешил по коридору. Бесплезная трость дрожала в моей руке, и капли холодного пота выступили у меня на лбу. Добравшись до кабинета, я вошел и закрыл за собой дверь. Мой взор сразу обратился к кушетке с ее мрачной ношей. Гордон перебирал бумаги на столе и повернулся, когда я вошел. Его глаза горели с едва сдерживаемым восторгом.

— Слейд. Я нашел карту, которую начертил Камерон, и, согласно ей, он обнаружил мумию на границе тех земель, где был убит Вон Гонмани...

— Мумия исчезла, — сказал я.

— Исчезла? Боже! Может, это все объясняет! Банда воров-ученых! Похоже, Ганра Сингх заодно с ними... Давай-ка пойдем и поговорим с ним.

Гордон вышел в коридор. Я отправился за ним следом. Мои нервы были напряжены, я даже не пытался обсуждать мои недавние переживания. Перед тем как рассказать о своем страхе, я должен был прийти в себя. Гордон постучал в дверь комнаты, где мы оставили индуса. В доме царила тишина. Он повернул ключ в замке, распахнул дверь и выругался. Комната была пуста! Открытая дверь, ведущая в следующую по коридору комнату, показывала, каким образом индус скрылся. Замок оказался взломан.

— Именно этот шум я и слышал! — воскликнул Гордон. — Каким же дураком я был, так увлекшись запися-

ми сэра Томаса. Я не обратил внимания на шум, решив, что это ты открываешь или закрываешь какую-то дверь! Я неудачный детектив. Если бы я был настороже, я бы появился на сцене до того, как наш арестант сбежал.

— Удача отвернулась от тебя, — встряхнувшись, ответил я. — Гордон, давай уходить отсюда! Ганра Сингх прятался за занавесками, когда я шел по коридору... Я видел тень безносого лица... И скажу тебе, в нем есть что-то нечеловеческое. Он — злой дух! Не человек, а какое-то чудовище! Ты думаешь, человек мог свести сэра Томаса с ума... обычный человек? Нет, нет, нет! Этот индус — демон в человеческом обличье... И даже не совсем в человеческом.

На лицо Гордона напозла тень.

— Чепуха! Ужасное и необъяснимое преступление было совершено здесь ночью. Но я не верю, что его нельзя объяснить естественным образом... послушай!

Где-то дальше по коридору открылась и закрылась дверь. Гордон прыгнул к выходу и помчался по коридору. Вдалеке мелькнуло что-то, похожее на темную тень. Кто-то пролетел в дверь одной из комнат, разметав в стороны занавески. Гордон вслепую выстрелил (я совсем забыл сказать, что у него был револьвер), а потом побежал дальше. Я последовал за ним, проклиная его безрассудность. Выстрел же был просто глупой бравадой. Я не сомневался, что в конце этой дикой погони нам предстоит вступить в схватку с таинственным индусом. Сломанный дверной засов был достаточным доказательством его сил, даже если не вспоминать окровавленное тело, которое мы оставили в кабинете. Но когда такой человек, как Гордон, мчит вперед, разве можно не последовать за ним?

Мы пробежали по коридору к той двери, за которой, как мы видели, исчезла тварь. Миновали одну темную комнату и ворвались в следующую. Шаги впереди подсказали нам, что мы почти настигли свою жертву. Мои воспоминания о погоне по комнатам больше похожи на смутный, туманный сон — жуткий, хаотический кошмар. Я не помню, сколько комнат мы миновали, помню только, что бежал за Гордоном и остановился, лишь когда он застыл перед завешенной темной тканью дверью, из-под которой вырывалось красное мерцание. Я едва пере-

вел дыхание. Полностью утратив чувство направления, я не знал, в какой части дома мы очутились и почему это красноватое мерцание за занавесками пульсирует.

— Это комната Ганры Сингха, — сказал Гордон. — Сэр Томас упоминал о ней в разговоре. Это самая дальняя комната в правом крыле. Дальше ему бежать некуда, потому что у этой комнаты только одна дверь. Окна ее закрыты. Внутри преступник, оказавшийся в безвыходном положении... Индус или кто-то другой... тот, кто убил сэра Томаса Камерона!

— Тогда, во имя Бога, схватим его и узнаем, кто он! — попытался подтолкнуть я Гордона и, проскользнув мимо него, развел в стороны занавеси.

Наконец мы узнали, откуда взялось красное мерцание. Яркое пламя вспыхивало и мерцало в большом камине, разбрасывая красные отблески по комнате. А у стены стояла ужасная, адская тварь — исчезнувшая мумия! Мой изумленный взгляд одним разом охватил сморщенную кожу, ввалившиеся щеки, раздувшиеся и высохшие ноздри, которые остались на месте сгнившего носа. Ужасные глаза были широко открыты, и в них горела призрачная, демоническая жизнь. Я разглядел это в одно мгновение, потому что тотчас длинная, тощая тварь, шатаясь, направилась ко мне. В ее тощей, увенчанной когтями руке был зажат подсвечник. Я ударил тварь тростью, почувствовал, что проломил ей череп, но гадина не остановилась (разве можно убить того, кто уже мертв?), и в следующий момент я упал, корчась от боли, ошеломленный, со сломанным предплечьем, отброшенный в сторону сухой рукой чудовища.

Я увидел, как Гордон с близкого расстояния четыре раза выстрелил в ужасную тварь, а потом она схватила его. Пока я тщетно пытался встать на ноги и снова вступить в битву, мой друг-атлет оказался беспомощным в нечеловеческих руках монстра. Мумия начала выгибать его тело о край доски стола. Казалось, вот-вот — и позвоночник Гордона не выдержит.

Спас нас Ганра Сингх. Огромный сикх неожиданно проскочил через занавеси, словно арктический вихрь, и вступил в схватку, будто раненный дулей слон. С силой, равной которой я не видел и которой даже живой мерт-

вещь не мог сопротивляться, он оторвал ожившую мумию от ее жертвы. Индус протаскил мумию, вцепившуюся в его грудь, назад через всю комнату, пока очаг не оказался у нее за спиной. Потом, последним безумным усилием, сикх отшвырнул чудовище в огонь и стал втоптывать его в пламя, пока дергающиеся высохшие конечности не занялись. Тварь развалилась на части, распространяя невыносимую вонь разложения и горящей плоти.

И тут Гордон, точно уснув с открытыми глазами; Гордон, охотник на львов, у которого, как считали, железные нервы; Гордон, храбро встретивший тысячи опасностей, — повалился лицом вперед, словно мертвый!

Позже мы говорили об этом деле, Ганра Сингх перевязывал мою сломанную руку так осторожно и нежно, словно всю жизнь только этим и занимался.

— Я думаю (хотя прибавлю, что точно это не известно), что люди, которые сделали эту мумию столетия назад или, возможно, тысячи лет назад, знали искусство сохранения жизни, — слабым голосом проговорил я. — По каким-то причинам этот человек просто лег спать и спал все эти годы вроде как во сне, как делают индусские йоги, проводя дни и недели в состоянии, похожем на смерть. Когда настало подходящее время, это существо проснулось и выполнило свое... ужасное проклятие.

— А что ты думаешь, Ганра Сингх?

— Сахиб, кто я, чтобы говорить о тайных вещах? — вежливо ответил могучий сикх. — Многие вещи людям неизвестны. После того как сахиб запер меня в комнате, я подумал, что тот, кто убил хозяина, может спрятаться, пока я беспомощен, и сделать еще что-нибудь плохое. Я как можно тише выбил замок и отправился на поиски. Наконец я услышал звуки борьбы в моей собственной спальне и, придя туда, обнаружил сахибов, сражающихся с живым мертвецом. Удачно, что перед тем, как все это произошло, я раздел в своей комнате большой огонь, как и во все предыдущие ночи. Мне неуютно в вашей холодной стране. Я знал, что огонь — враг всех злых тварей, Великий Очиститель. Поэтому я втопкнул Злую Тварь в огонь. Я был счастлив отомстить за своего хозяина и помочь сахибам.

— Помочь, — прорычал Гордон. — Если бы ты не появился, мы бы погибли. Ганра Сингх, я уже извинился за свою подозрительность. Ты — хороший человек. И, Слейд, — его лицо стало серьезным, — думаю, вы ошибаетесь. Во-первых, эта мумия отнюдь не древняя. Ее сделали лет двадцать назад! Я обнаружил это, прочитав секретные записи. Сэр Томас нашел эту мумию не в заброшенном храме. Он обнаружил ее в хижине для фетишей в Центральной Африке. Он не объяснил, где раздобыл ее, только сказал, что обнаружил ее в верховьях Нила. Сэр Томас был египтологом и в самом деле считал, что мумия очень древняя, и, как мы знаем, был прав относительно необычного процесса мумифицирования. Племя, которое создало эту мумию, и в самом деле знает о таких вещах больше, чем древние египтяне. Но в любом случае эта мумия сделана совсем недавно... Сэр Томас украл ее у дикарей... у того самого племени, которое убило Вон Гонманна... Нет, я чувствую, что-то здесь не так... Ты слышал оккультную теорию, которая заявляет, что дух, рожденный на земле в ненависти или любви, может стать добрым или злым, когда вселится в материальное тело? Оккультисты говорят (и это звучит достаточно благоразумно), что существует узкий мостик, соединяющий миры живых и мертвых, и призрак или дух может ожить, приобретя тело из плоти... возможно, то самое тело, которым владел раньше. Мумию сделали из трупа, но я верю, что ненависти, которую этот человек чувствовал перед смертью, оказалось достаточно, чтобы победить смерть и заставить высохшее тело двигаться... Если все так и есть, то невозможно описать ужас, который испытал этот человек умирая. Если это правда, люди постоянно балансируют на краю безумных океанов сверхъестественного ужаса, отделенных от нашего мира тонкой занавесью, которая может быть прорвана точно так, как мы только что видели. Я бы хотел поверить в другое... Но, Слейд... Когда Ганра Сингх втоптывал мумию в огонь, я увидел... черты, на мгновение проступившие сквозь пламя, словно улетающий воздушный шар. На одно краткое мгновение они приняли человеческий облик и стали знакомыми. Слейд, это было лицо Гюстава Вон Гонманна!

Глава 1

— И вы поймете, почему я изучаю случай Джастина Геоффрея, — сказал мой друг Джеймс Конрад. — Я выясняю все факты его жизни, составляю его семейное древо и узнаю, почему он отличается от остальных членов семьи. Я пытаюсь понять, что сделало Джастина именно тем, кем он является.

— Ну и как успехи? — спросил я. — Вижу, вы изучили не только его биографию, но и его фамильное древо. Быть может, с вашими глубокими знаниями в биологии и психологии вам, Джеймс, и удастся объяснить характер этого странного поэта.

Конрад, печально взглянув на меня, покачал головой:

— Вполне возможно, мне этого не удастся. Обычный человек не найдет тут никакой тайны... Джастин Геоффрей — просто урод, полугений, полуманьяк. Рядовой человек скажет, что Джастин «таким уж уродился». Попробуйте объяснить, почему дерево выросло кривым! Но искажение разума имеет свою причину, точно так же как искривление дерева. Все имеет свою причину... и, если исключить один, казалось бы тривиальный, случай, я не могу найти причину, по которой Джастин вел такую жизнь... Он был поэтом. Задумайте любую рифму, какую хотите, и вы найдете ее среди стихотворений и музыкальных произведений его литературного наследства... Я изучил его фамильное древо на пять сотен лет назад и не нашел ни одного поэта, ни одного певца, ничего, что могло бы связать Джастина с кем-то из семьи Геоффреев. Они — люди добропорядочные, но более степенного и прозаического типа. Обычная старинная английская семья помещиков среднего класса, кото-

рые обеднели и приехали в Америку в поисках удачи. Они обосновались в Нью-Йорке в 1860 году, и хотя их потомки рассеялись по стране, все они (кроме Джастина) остались точно такими же — здравомыслящими, трудолюбивыми торговцами. И мать, и отец Джастина из этого класса людей. И такими же стали его братья и сестры. Его брат Джон — преуспевающий банкир в Цинциннати. Старший брат Юстас — партнер адвокатской фирмы в Нью-Йорке, а Вильям, самый младший брат, пока учится в Гарварде, уже выказывая задатки хорошего торговца. Из трех сестер Джастина одна вышла замуж за бизнесмена, наискучнейшего типа, другая — учительница в начальной школе, а третья, самая младшая, еще обучается в пансионе. Ни в одной из них нет даже самого легкого намека на характерные черты Джастина. Он среди своих родных чужой. Все они известны как милые, честные люди. Допустим, но я обнаружил их нестерпимо скучными и начисто лишенными воображения. Однако Джастин, человек одной с ними крови и плоти, жил в собственном мире, столь фантастическом и эксцентричном, что он лежит за пределами моего понимания... И я никак не могу обвинить Джастина в недостатке воображения... Джастин Геоффрей умер в сумасшедшем доме. Перед смертью он бредил. Все точно так, как он сам же предсказывал. Этого уже достаточно для того, чтобы отличать его от среднего человека. Для меня это только начало удивительного. Что же сделало Джастина Геоффрея безумным? Можно стать помешанным, а можно быть таким от рождения. В случае Джастина это не унаследованная черта характера. Я удостоверился в этом, к полному своему удовлетворению. Насколько я смог проследить записи, не было ни мужчины, ни женщины, ни ребенка в семье Геоффрей, у которых были бы замечены хоть самые легкие следы умопомешательства. Значит, Джастина что-то свело с ума. Но что? И дело здесь не в какой-то болезни. Он был необычайно здоров, как и все в его семье. Его родные говорят, что он никогда не болел. И в детстве с ним не случалось ничего необычного. И вот самое странное. В возрасте десяти лет он ничем не отличался от своих братьев. Когда же ему исполнилось

десять лет, с ним произошла перемена... Он начал мучиться от диких, ужасных снов, которые преследовали его каждую ночь до самой смерти. Вместо того чтобы поблукнуть, как происходит с большинством детских снов, эти сны становились все более яркими и ужасными, пока не заслонили от Джастина реальную жизнь. Наконец Джастин решил, что они — реальность. Предсмертные крики и богохульства Джастина потрясли даже видавших виды санитаров сумасшедшего дома... Из человека, интересующегося только своими личными делами, деградировавшего маленького животного, он превратился почти в отшельника. Он бормотал про себя, как это обычно делают дети, и предпочитал бродить по ночам. Миссис Геоффри рассказала, как не раз и не два после того, как дети ложились спать, заходила она в комнату, где спали Джастин и Юстас, и находила лишь мирно спящего Юстаса. Открытое окно говорило, каким образом Джастин выбрался из дома. Парень любил бродить при свете звезд, пробираясь среди молчаливых ив вдоль спящей реки, любил ступать по влажной от росы траве и будить коров, дремлющих на какой-нибудь тихой лужайке... Вот строки стихотворения, которое написал Джастин, когда ему было одиннадцать. — Конрад взял огромную книгу в очень дорогом переплете и прочел:

*Лежат ли, Вуалью сокрыты, пучины Пространства и Времени?
И что за блестящих скривившихся тварей я видел мельком?
Дрожу перед Ликом огромным неясного племени,
Рожденным в безумии Ночи однажды тайком.*

— Что? — воскликнул я. — Вы хотите сказать, что эти строки написал ребенок одиннадцати лет?

— Совершенно верно! Его поэзия в этом возрасте была незрелой и неопределенной, но даже тогда она казалась многообещающей. Позже она сделала из Джастина безумного гения. В другой семье его определенно стали бы поощрять и помогли бы расцвести его безумному чуду. Но неразговорчивая, прозаическая семья Джастина видела в его мазне лишь трату времени и ненормальность, которую, как они думали, надо задавить в зародыше... Бах!.. Пусть повернут вспять все реки с отворачи-

тельной черной водой, что текут под покровом африканских джунглей!.. Но родственники мешали Джастину полностью развить свои необычные таланты, и поэтому его стихи увидели свет, только когда ему исполнилось семнадцать, да и то при помощи друга, который нашел Джастина, истощенного и несдавшегося, в деревне Гринвич, после того как тот бежал из удушающего окружения своего дома... Но семья Джастина считала его поэзию ненормальной лишь потому, что никто из них стиха не писал. Они не вдумывались в то, о чем писал Джастин. Для них каждый, кто не посвятил свою жизнь продаже картофеля, — ненормальный. Они пытались дисциплинарными методами отучить Джастина от поэзии. А его братец Джон с тех дней носит шрам — напоминание о дне, когда Джастин попробовал наказать своего младшего брата за пренебрежительное отношение к его мазне. Характер Джастина был ужасным и непредсказуемым, совершенно иным, чем у его флегматичных, добрых по своей природе родственников. Он отличался от них, как тигр от волков, ничем не походил на них — даже чертами лица. Все Геоффри были круглолицыми, коренастыми, склонными к полноте. Джастин — тонким, почти истощенным, с узким носом и ликом, напоминавшим ястреба. Его глаза сверкали от внутренней страсти, а его нависающие над бровями взъерошенные волосы были странно жидкими. Лоб — одна из самых неприятных деталей его внешности. Не могу сказать почему, но всякий раз, как я смотрю на его бледный, высокий, узкий лоб, я бессознательно вздрагиваю!.. Как я и говорил, все эти изменения произошли, когда ему исполнилось десять лет. Я видел картинки, которые рисовал он и его братья в возрасте девяти лет, и очень трудно отличить его рисунки от других. Он был таким же, как его братья, — коренастым, кругленьким, приземленным, с приятными чертами лица. Такое впечатление, что в возрасте десяти лет Джастина Геоффри подменили!

Я лишь покачал головой от удивления, и Конрад продолжал:

— Все дети Геоффреев, кроме Джастина, закончили школу и поступили в колледж. Джастин же учился против своей воли. Он отличался от своих братьев и

сестер и во всем остальном. Они усердно занимались в школе, но вне ее стен редко открывали книгу. Джастин без устали искал знаний, но руководствуясь собственным выбором. Он презирал и ненавидел образование, что давала школа, много говорил о его тривиальности и бесполезности... Он отказался подать документы в колледж. Когда же он умер — в возрасте двадцати одного года, — он был образован весьма однобоко. Многие из того, чему его учили, он игнорировал. Например, он не знал ничего из высшей математики и клялся, что все эти знания для него совершенно бесполезны, потому что все это далеко от реального положения дел во вселенной. Джастин утверждал, что математика очень изменчива и неопределенна. Он ничего не знал о социологии, экономике, философии. Он всегда держался в стороне от текущих политических событий и знал из современной истории не больше того, о чем рассказывали в школе. Но он знал древнюю историю и был великим знатоком древней магии, Кирован... Он интересовался древними языками и упрямо вставлял в свою речь устаревшие слова и архаичные фразы. А теперь, Кирован, скажите, каким образом этот сравнительно некультурный юноша, без знания литературного наследства, ухитрялся создавать такие ужасные образы?

— Тут дело скорее в интуиции, чем в знании, — ответил я. — Великий поэт может пойти по иному пути, чем обычные люди, на самом деле полностью не осознавая того, о чем пишет. Поэзия соткана из теней — впечатлений от неосознанного, которое нельзя описать другим способом.

— Точно! — подхватил Конрад. — А откуда пришли эти впечатления к Джастину Геоффрею? Ладно, продолжим. Изменения в Джастине начались, когда ему исполнилось десять лет. Его сны, как мне кажется, начались после того, как он провел ночь поблизости от одного старого заброшенного фермерского дома. Его семья навещала друзей, которые жили в маленькой деревеньке в штате Нью-Йорк... неподалеку от подножия Кетскилла. Джастин, я так думаю, отправился на рыбалку с другими детьми, отбился от них, потерялся. Его нашли на следующее утро мирно дремлющим в ро-

ще, окружающей тот дом. С характерным для Геоффреев флегматизмом, он ничуть не был потрясен приключением, от которого у других маленьких мальчиков случилась бы истерика. Джастин только сказал, что он бродил вокруг, пока не вышел к дому, но не сумел войти и уснул среди деревьев. Был конец лета. С мальчиком не случилось ничего страшного, но, по его словам, с тех пор он стал видеть странные и необычные сны, которые не мог рассказать и которые со временем становились все ярче. Тут только одно непонятно — никому из Геоффреев никогда не снились кошмары... А Джастину продолжали сниться дикие и странные сны, и, как я уже говорил, стали происходить перемены в его мышлении и поведении. Очевидно, это и был тот случай, после которого Джастин изменился. Я написал мэру той деревни, спросив, есть ли какие-нибудь легенды, связанные с тем домом. Его ответ лишь разжег мой интерес, хотя в письме не было сказано ничего определенного. Мэр написал, что дом этот стоял на холме, сколько он помнит, но пустует по крайней мере лет пятьдесят. Еще он написал, что это — спорная собственность и, насколько он знает, нет никаких историй, связанных с этим местом. И еще он прислал мне снимок.

Тут Конрад показал мне маленькую фотографию. Я подпрыгнул от удивления:

— Что? Джим, я видел этот пейзаж и раньше... Эти высокие мрачные дубы, похожий на замок дом, который почти спрятался среди них... Я знаю его! Это картина Хэмфри Сквилера, висящая в галерее искусства Харлекуинского клуба.

— В самом деле! — В глазах Конрада зажглись огоньки. — Мы оба очень хорошо знаем Сквилера. Давай отправимся к нему в студию и спросим, что он знает об этом доме, если, конечно, он что-то о нем знает.

Мы нашли художника, как обычно, за работой над причудливым полотном. Он был выходцем из очень богатой семьи, поэтому мог позволить себе рисовать ради своего удовольствия... и картины у него порой выходили сверхъестественными и эксцентричными. Он был не из тех людей, что поражают необычными одеждами и манерами, но выглядел темпераментным художником.

Примерно моего роста — около пяти футов десяти дюймов, — он был стройным, как девушка, с длинными, белыми нервными пальцами, острым личиком. Потрясающе спутанные волосы закрывали его высокий бледный лоб.

— А, дом, — сказал он в своей быстрой, подвижной манере. — Я нарисовал его. Однажды я взглянул на карту, и название Старый Датчтаун заинтриговало меня. Я отправился туда, надеясь найти пейзаж, достойный кисти, но в этом городе ничего подходящего не оказалось. А в несколько милях от городка я обнаружил этот дом.

— Я удивился, когда увидел это картину, — заговорил я. — Вы ведь нарисовали просто пустой дом, без обычного сопровождения в виде призрачных лиц, выглядывающих из окон верхнего этажа, и едва различимых теней, устраивающихся на фронтонах.

— Нет? — воскликнул он. — А разве в этой картине нет чего-то большего, производящего впечатление?

— Да, пожалуй, — согласился я. — От нее у меня мурашки бегут по коже.

— Точно! — воскликнул художник. — Но фигуры, добавленные моим собственным убогим разумом, испортили бы эффект. Ужасное получается лучше, если ощущение более утонченное. Облечь страх в видимую форму, не важно, реальную или призрачную, значит уменьшить силу воздействия. Я нарисовал обычный полуразрушенный фермерский дом, с намеком на призрачные лица в окнах. Но этот дом... этот дом... не нуждается в таком шарлатанском добавлении. Он сильно выделяется своей аурой ненормальности... В фантазии человека нет такой экспрессии.

Конрад кивнул:

— Я чувствую это, даже глядя на фотографию. Деревья закрывают большую часть здания, но его архитектура кажется мне необычной.

— Я бы тоже так сказал. Хотя я и достаточно знаком с историей архитектуры, я не могу классифицировать стиль этой постройки. Местные говорят, что дом построил датчанин, который первым поселился в этой части местности, но стиль не больше датский, чем, ска-

жем, греческий. В этом строении есть что-то восточное, однако к Востоку отношения оно не имеет. В любом случае дом старый... этого отрицать нельзя.

— Вы заходили в дом?

— Нет. Двери и окна были заперты, а я не хотел совершать ограбление. Тогда не так уж много времени прошло с тех пор, как меня преследовали по закону за то, что я пробрался на старую ферму в Вермонте. Я не стал вламываться в старый пустой дом для того, чтобы зарисовать его интерьер.

— Вы поедете со мной в Старый Датчтаун? — неожиданно спросил Конрад.

Сквилер улыбнулся:

— Вижу, ваш интерес возрос... Да, если вы считаете, что сможете пробраться в дом так, чтобы мы потом все вместе не оказались в суде. У меня и так достаточно сомнительная репутация. Еще одна тяжба вроде той, о которой я упоминал, — и за мной установят надзор, как за сумасшедшим. А как вы, Кирован?

— Конечно поеду, — ответил я.

— Я так и думал, — сказал Конрад.

Вот так мы и очутились в Старом Датчтауне поздним теплым летним утром.

*Дремлющий, пыльный от старости дом.
Пусто на улицах. Юность забытая...
Кто же крадется, скользит за окном,
Там, где аллея, тенями увитая?*

Конрад процитировал фантазии Джастина Геоффрея, когда мы взглянули с холма на дремлющий Старый Датчтаун. Спускаясь с холма, дорога ныряла в лабиринт пыльных улиц.

— Вы уверены, что поэт имел в виду именно этот городок, когда написал эти строки?

— Он подходит под описание, ведь так?.. Высокие двускатные крыши старинных особняков... Эти дома в старинном датском и колониальном стилях... Теперь я понимаю, почему этот город привлек вас, Сквилер. Он весь пропитан древностью. Некоторым из этих домов три сотни лет. А что за атмосфера разложения царит в этом городе!

Мы встретили мэра. Неряшливая одежда и манеры этого человека являли странный контраст со спящим городом и медленным, непринужденным течением городской жизни. Мэр вспомнил, что Сквилер уже бывал здесь... в самом деле, появление любого чужого в таком маленьком уединенном городке было событием, о котором жители долго помнили. Казалось странным, что всего в сотне миль грохочет и пульсирует величайший мегаполис мира.

Конрад не мог ждать ни минуты, так что мэр отправился проводить нас к дому. При первом же взгляде на это здание дрожь отвращения прошла через мое тело. Дом стоял на небольшой возвышенности, между двумя богатыми фермами. От них его отделяли каменные изгороди, протянувшиеся по обе стороны в сотне ярдов от дома. Искривленные дубы тесным кольцом окружали здание, неясно проступающее сквозь ветви, словно голый, обглоданный временем череп.

— Кто хозяин этой земли? — спросил художник.

— Она — предмет споров, — ответил мэр. — Джедах Алдерс хозяин вот этой фермы, а Скир Абнер — той. Абнер утверждает, что дом — часть фермы Алдерса, а Джедах столь же громко заявляет, что дед Абнера купил ее у семьи датчан, которые тут первоначально поселились.

— Звучит безнадежно, — заметил Конрад. — Каждый отказывается от этой собственности.

— Это не так уж странно, — сказал Сквилер. — Хотели бы вы, чтобы вот такое местечко стало частью вашего поместья?

— Нет, — ответил Конрад, секунду подумав. — Я бы не хотел.

— Между нами, никто из фермеров не хочет платить налоги на собственность за эту землю, так как она абсолютно бесполезна, — встрял мэр. — Пустоши вытянулись во все стороны от дома, а границы полей, на которых можно сеять, четко проходят вдоль линии изгородей. Такое впечатление, что дубы выпивают жизненную силу из любого растения, появившегося на их земле.

— Почему бы тогда не срубить эти деревья? — спросил Конрад. — Я никогда не сталкивался с подобными сантиментами у фермеров этого штата.

— Потому что этот вопрос, так же как право владения этой землей, последние пятьдесят лет — предмет спора. Никто не хочет отправиться и срубить эти деревья. И потом эти дубы такие старые и имеют такие корни, что выкорчевывать их будет непосильной работой. К тому же относительно этой рощи существует грубое суеверие. Давным-давно человек сильно поранился о собственный топор, когда хотел срубить одно из этих деревьев. Такое может случиться где угодно. Но местные придают этому слишком большое значение.

— Ладно, — сказал Конрад. — Если земля вокруг дома ни на что не годится, почему никто не воспользуется самым зданием или не продаст его?

В первый раз мэр выглядел смущенным.

— Никто из местных не станет жить и не купит его. Нехорошая это земля, и, сказать по правде, невозможно войти в этот дом!

— Невозможно?

— Все дело в том, что двери и окна дома крепко заперты или заколочены, — прибавил мэр. — И у кого-то, кто, видимо, не желает поделиться секретом, есть ключи. А может, они уже давно потеряны. Думаю, кто-то использовал дом как прибежище для бутлегеров* и имел причины держаться подальше от любопытных взглядов, но внутри никогда не видели ни огонька, и поблизости никто подозрительный не бродил.

Мы миновали круг угрюмых дубов и остановились перед зданием. У нас возникло странное ощущение отдаленности, так, словно, даже когда мы подходили и касались дома, он находился далеко от нас, в каком-то ином месте, в другом веке, другом времени.

— Я хотел бы войти в дом, — сказал Сквилер.

— Попробуйте, — предложил мэр.

— Что вы имеете в виду?

— Не вижу, почему бы вам не попробовать. На моей памяти никто не входил в этот дом. Никто не платил налоги за владение им так долго, что я предполагаю, дом давно уже принадлежит штату. Его можно было бы выставить на продажу, только вот никто не купит.

* Торговцы спиртным во время сухого закона в США.

Сквицер небрежно потянул дверь. Мэр наблюдал за ним, и улыбка играла на его губах. Потом Сквицер навалился плечом на дверь. Она лишь едва дрогнула.

— Я же говорил вам. Она или заперта, или заколочена. Точно так же, как остальные окна и двери. Можно выбить косяк, но вы ведь не станете делать этого.

— Могу и выбить, — возразил Сквицер.

— Попробуйте, — сказал мэр.

Сквицер подобрал упавшую ветвь дуба впечатляющих размеров.

— Нет, — неожиданно вмешался Конрад.

Но Сквицер уже приступил к делу. Он не стал тратить время на дверь и ударил в ближайшее окно. Промаяхнувшись по раме, он попал по стеклу и разбил его. Дубовая ветвь уперлась в ставни внутри дома.

— Не делайте этого, — снова сказал Конрад намного серьезнее.

Лицо у него было расстроенным.

Сквицер уронил ветвь на землю.

— Ничего не чувствуете? — спросил Конрад.

Порыв холодного воздуха ударил из разбитого окна. Запахло пылью и стариной.

— Лучшее нам оставить все как есть, — заметил мэр.

Сквицер отступил.

— Больше тут нечего делать, — продолжал мэр неуверенно.

Конрад стоял словно в трансе. Потом он шагнул вперед и стал вглядываться сквозь ставни разбитого окна. Он прислушивался. Глаза его были полужакрыты. Он пытался понять, что скрыто в доме. Я видел, как дрожит его рука.

— Великие ветры! — прошептал он. — Мальстрим ветров!

— Джеймс! — резко позвал я.

Он отодвинулся от окна. Выражение лица его было странным. Губы чуть разошлись, словно в экстазе. Глаза сверкали.

— Я что-то слышал, — сказал он.

— Вы не могли слышать ничего, кроме шороха крысы, — ответил мэр. — Они часто селятся в таких местах...

— Великие ветры, — снова повторил Конрад, покачивая головой.

— Пойдем, — предложил Сквицер, словно забыв о том, зачем мы сюда пришли.

Никто из нас не стал задерживаться. Дом производил на нас такое впечатление, что все поиски были забыты.

Но Конрад не забыл о доме. Когда мы вернулись назад, завезли Сквицера в его студию, Конрад сказал мне:

— Кирован... Когда-нибудь я вернусь в тот дом.

Я не возражал, но и одобрения не высказывал, просто на несколько дней выбросил все это из головы.

А Конрад больше не говорил со мной ни о Джастине Геоффрее, ни о его странной жизни поэта.

Глава 2

Прошла неделя, прежде чем я снова увидел Конрада. К тому времени я забыл о доме среди дубов, так же как о Джастине Геоффрее. Но вид искаженного, изможденного лица Конрада и выражение его глаз заставили быстро вспомнить и о Геоффрее, и о доме, потому что я интуитивно понял, что Конрад возвращался туда.

— Да, — согласился он, когда я высказал свое предположение. — Я хотел повторить опыт Геоффрея... провести ночь возле дома в кругу деревьев. Я так и сделал. И с тех пор... мне снятся сны! Ни одной спокойной ночи. Я мало сплю. И я собираюсь еще раз посетить дом.

— Если исследование жизни Джастина Геоффрея привело вас к этому, Джеймс... Забудьте об этом.

Он наградил меня взглядом, исполненным жалости, так что мне стало ясно: он считал, что я ничего не понимаю.

— Слишком поздно, — резко сказал он. — Я пришел попросить вас присмотреть за моими делами... если со мной что-нибудь случится.

— Не говорите так, — воскликнул я, встревожившись.

— Кирован, не надо читать мне лекцию, — сказал он. — В общем-то мои дела в порядке.

— Вы заходили к доктору? — спросил я.

Мой друг покачал головой:

— Доктор тут ничего не сделает, поверьте мне. Так вы присмотрите за моими делами?

— О, конечно... Но надеюсь, мне этого делать не придется.

Он вынул конверт из внутреннего кармана пальто:

— Я принес это вам, Кирован. Прочитайте, когда будет время.

Я взял конверт.

— Вы хотите, чтобы я потом это вернул?

— Нет. Оставьте у себя. Сожгите, когда прочтете. Или сделайте с записками, что захотите. Это неважно.

Так же неожиданно, как и появился, он покинул мои апартаменты. Он явно изменился и был глубоко обеспокоен. Казалось, он не был больше тем Джеймсом Конрадом, которого я знал так много лет. С дурными предчувствиями смотрел я ему вслед, но знал, что его не остановить. Этот необычный заброшенный дом удивительным образом изменил его личность... если действительно дело тут было в доме. Глубокая депрессия в сочетании с черным отчаянием овладела им.

Я разорвал конверт. Внутри оказалась рукопись, судя по всему написанная в страшной спешке.

«Я хочу, чтобы вы, Кирован, узнали о событиях последней недели. Я уверен в том, что должен рассказать старому другу, столько лет знакомому со мной, что я не потратил зря время, вернувшись к дому среди дубов. (Приходило ли вам в голову, что дубы и друиды часто упоминаются вместе в народных сказаниях?) Я вернулся с молотом, кувалдой и всем необходимым инструментом, для того чтобы выломать дверь или ставни на окне и войти в дом. Я хотел увидеть, что там внутри... Я понял это, когда в первый раз почувствовал холодный воздух, которым потянуло из дома. День-то был теплым, вы же помните... Воздух внутри закрытого дома мог и в самом деле быть холодным, но не могло же от него веять арктическим холодом!

Не стоит пересказывать все детали моих тщетных попыток вломиться в дом. Скажу только, что здание словно сражалось со мной каждым гвоздем и лучинкой!

Но я преуспел. Я открыл окно. Как раз то, которое не смог открыть Сквилер. (Он ведь что-то знал... что-то чувствовал... раз отступил так легко.)

Интерьер дома совершенно не соответствовал его атмосфере. Дом был обставлен, и я решил, что эта мебель по крайней мере начала девятнадцатого века. А скорее всего восемнадцатого. Во всем остальном внутри дома не было ничего примечательного... никаких украшений. Но воздух оказался холодным, очень холодным. Я был готов к этому. Вступив в дом, я словно попал на другую широту. Пыль, конечно, паутина по углам и на потолке.

Но даже если оставить в стороне холод и некую таинственность, там было еще кое-что — скелет, сидящий в кресле в комнате, которая, очевидно, использовалась как кабинет, потому что на полках стояло множество книг. Одежды мертвеца истлели, но по их остаткам можно было определить, что скелет принадлежал мужчине. Не могу сказать, как он умер, но, видимо, перед смертью хорошенько запер дом, забаррикадировался в нем. Я считаю, что он сам покончил с жизнью и все приготовил прежде, чем смерть забрала его.

Но это не важно. Присутствие скелета не удивило меня... не так, как атмосфера дома. Я имею в виду сверхъестественный холод. Дом внутри был таким же таинственным, как снаружи. Один раз мне даже почудилось, что я попал в другой мир, другое измерение, отделенное от нашего времени и пространства, однако находящееся совсем рядом. Как двусмысленно, должно быть, это звучит для вас!

Должен сказать, что сначала меня ничто не волновало, кроме холода и чувства отчуждения. Но когда спустилась ночь, это чувство усилилось. Я стал готовиться ко сну. Я принес с собой ручной электрический фонарь, спальный мешок — все, что нужно. Даже захватил поесть и выпить. Я не чувствовал усталости, поэтому первое, что сделал, — осмотрел весь дом. Так привычно было подниматься и спускаться по лестницам... словно вы в каком-то старинном доме где-нибудь в Новой Англии. Однако... однако было одно незначительное отличие... Оно скрывалось не в мебели, не в архитектуре. Нельзя было выявить его и прикоснуться к нему.

И у меня возникло ощущение, что это отличие становится все сильнее...

Я чувствовал, как оно усилилось, когда я остановился взглянуть на книги на полках в кабинете. Старые книги. Некоторые на датском... И имя, от руки написанное на титульном листе (ван Гугстратен), говорило о том, что хозяином их был датчанин. Некоторые книги были на латыни... и на английском. Все книги были старыми, некоторые датированы четырнадцатым веком. Книги по алхимии, металлургии, волшебству... Книги по оккультизму, различным религиям, сверхъестественным явлениям, колдовству... Книги о странных случаях, об иных мирах... Книги с названиями: «Некрономикон», «De Vermis Mysteriis», «Liber Ivonie», «Королевство теней», «Миры внутри миров», «Непостижимые культы», «De Lapide Philosophico», «Monas Hieroglyphica», «Кто обитает в потустороннем мире?»... и другие в том же роде. Но мое внимание отвлекло от них сильное неприятное ощущение, чувство, что за мной наблюдают, словно в доме я не один.

Я стоял и прислушивался. Ничего не было слышно, только ветер дул снаружи... Я сначала считал, что это звук ветра. Но конечно, это был тот же самый звук, что мы слышали, когда все вместе побывали возле дома. Я понял это, выглянув наружу. Я взглянул на дубы, хорошо различимые в ярком свете полной луны, и обнаружил, что ни одна веточка на них не шевельнулась. Снаружи воздух был совершенно неподвижен. Итак, этот звук рождался где-то в доме. Вы можете понять, каково это: стоять в совершенно безлюдном месте и прислушиваться к тишине. Такое случалось со мной и раньше, как и с другими людьми. В доме то и дело раздавались различные звуки, и, бесспорно, это был шорох ветра, или ветров, похожих на первые порывы далекой бури, постепенно приближающейся и рокочущей все громче и громче. А других звуков не было... ни треска и поскрипывания досок, столь часто раздающихся в домах при смене температуры... ни попискивания мыши или шелканья сверчка... Ничего.

Я вернулся к книгам, освещая себе дорогу электрическим фонарем. И тут, проходя мимо сидящего у камина скелета, я увидел, что покойный перед смертью сжег

что-то... видимо, бумаги... но кусочки их лежали на краю очага, так и не превратившись в пепел. Заинтересовавшись, я подобрал их и просмотрел. Это были фрагменты рукописи на датском, и я с сожалением подумал о том, что знаю этот язык более чем скромно. Вопреки определенно архаическому письму я сумел разобрать несколько строк, которые звучали более чем многозначительно. И конечно же, большую их часть я не смог разобрать.

«...что я сделал...

...Вначале была песнь...

...в этот час ветры возвестили о приходе...

...дом — дверь в то место...

...Он, Который Придет...

...брешь в стене... злосчастный мир...

...железные засовы и произнес формулу...»

Я решил, что человек, который тут умер, кем бы он ни был, если судить по фрагментам рукописи или тем остаткам одежды, что до сих пор можно идентифицировать (вероятно, хозяин дома), боялся смерти (или намеревался совершить самоубийство) и сжег свою рукопись. Внимательно изучил я камин. Без сомнения, там сожгли еще много бумаг, но ничего не осталось, кроме того кусочка. У меня не было оборудования, чтобы узнать что-то большее, а не просто удовлетворить любопытство. Значит, хозяин дома умер, предварительно приготовившись к смерти. Я могу только предполагать, что он по природе своей был затворником, так что никто не побеспокоился навестить его. А когда кто-то и решил зайти в дом, очевидно, запертые и забаррикадированные окна и двери не дали ему проникнуть внутрь. Более того, если скелет так стар, как я считаю, в те времена в этих краях соседи жили далеко друг от друга.

Закончив изучать обрывок рукописи, я обнаружил, что шорох ветра стал много громче и сильнее... мне показалось, что у меня слуховая галлюцинация, ведь в воздухе не чувствовалось никакого движения, кроме легкого сквозняка от взломанного мною окна. Иллюзия или нет — я безошибочно слышал звук ревающего ветра... Казалось, он несется над бескрайними равнинами, где нет ни кустов, ни деревьев... Грохот и завывания ветра на бескрайних равнинах, рев ветра, несущегося над ог-

ромными пустошами... И одновременно в доме становилось все холоднее. Снова у меня возникло ощущение, что за мной наблюдают, словно сами стены дома затаились, ожидая, что же я сделаю дальше.

Неудивительно, что тревога моя стала перерастать в страх. Я поймал себя на том, что посматриваю через плечо. Время от времени я подходил к окнам и сквозь щели смотрел наружу. Не мог я в этот миг не вспомнить несколько строк из Джастина Геоффрея:

*Твари Старых Времен затаились.
Никуда они не ушли.
И Врата до сих пор открыты,
Чтобы тени ада вошли...*

Я попытался собраться с мыслями. Сел и сосредоточился, отогнав окружившие меня безымянные страхи. Но успокоиться я не смог. Что-то заставляло меня двигаться. То и дело я подходил к окнам. К тому времени ветер уже ревел, хотя я не чувствовал ничего, кроме холода. Вокруг меня происходили легкие изменения. Весь дом, его стены, комната, скелет на стуле, полки книг — были прочными... но теперь, когда я выглядывал наружу, я видел, как поднимается туман, тускнеет свет луны и звезд. Скоро они, заморгав, потухли, и дом вместе со мной погрузился под вуаль полной тьмы.

Но на этом все не кончилось. Постепенно стало светлеть. Однако ни луны, ни звезд в небе не появилось. Скорее всего у меня случилось что-то вроде галлюцинации. Не могу сказать, что запомнил пейзаж, появившийся снаружи. Я достаточно хорошо знал Старый Датчтаун и окрестности, чтобы понять, что странный пейзаж, увиденный мной в тусклом радужном мерцании, неестествен для Новой Англии. В самом деле, в Новой Англии нет ничего похожего. Как однажды написал Геоффрей:

*В пустыни ступить, где сокрыты
Тайны иных земель,
И где, пугая, стоят, забыты,
Башни Минувших Дней.*

Я увидел огромные башни. Я разглядел высокие сверкающие шпиль, меняющиеся и исчезающие прямо у меня

на глазах. Словно какой-то вихрь времени пронес меня сквозь эпохи. Башни вздымались и исчезали в облаках взбаламученного песка... а потом началось самое ужасное.

Как могу я изложить это более образно, чем написал Джастин Геоффрей много лет назад, испуганный тем, что, без сомнения, часто приходило к нему в снах и дало ему нечто вроде другой жизни во сне? Ребенком десяти лет он провел ночь возле дома, внутри круга дубов... И для ребенка все эти видения стали частью реального мира, частью его натуры. Став старше, он понял: являющееся к нему во снах не часть реального мира. Это открытие глубоко взволновало его, так как видения преследовали его все эти годы. Что заставило его отправиться в ужасное путешествие в Венгрию в поисках Черного Камня... если не узы, сковавшие его с десятилетнего возраста? Почему еще он писал свои стихи? И разве не пейзажи из снов породили эти странные строки:

*Лежат ли, Вуалью сокрыты, пучины Пространства и Времени?
И что за блестящих скривившихся тварей я видел мельком?
Дрожу перед Ликом огромным неясного племени,
Рожденным в безумии Ночи однажды тайком.*

Это он написал после своих видений. Он видел иной мир, иное измерение. Дом среди дубов — ключ. Сам дом — дверь в другое время и пространство, и, сделано ли это с помощью алхимии или колдовства, теперь никто уже не скажет. Джастин Геоффрей прикоснулся к Иному еще ребенком и принял видения, пока понимание окружающего мира и знания не подсказали ему, что мир его снов — совершенно чужой и враждебный.

И он всю жизнь стоял как бы в двери, ведущей в мир иной, соединенный с его собственным миром, и через которую в мир людей могли войти ужасные существа. Были ли видения иного мира столь невероятными, что свели его с ума? На самом деле удивительно то, что он так долго продержался и смог отразить свои видения в стихах, чьи вызывающие беспокойство строки — всего лишь отражение его мук, которые и привели его к смерти.

Поэтому, Кирован, я и расскажу о том, что видел. В том сверхъестественном мире за окнами проклятого дома, окруженного дубами, я видел «блестящих скривив-

шихся тварей» — огромные неясные тени, смутно различимые сквозь песчаную поземку. Я слышал их пронзительные крики и вопли, заглушающие вой ветра. И что ужаснее всего, я видел этот колоссальный Лик и его глаза — глаза живого огня. Их взгляд на мгновение замер на мне, пока я смотрел сквозь прутья окна. Я видел его совершенно четко и понял: именно его видел Геоффри. Как только настало утро, я бежал из дома.

С тех пор каждый раз во сне я вижу это огромное лицо. Взгляд его глаз обжигает меня. Я знаю, что паду его жертвой точно так же, как Джастин Геоффри. Но я-то не вырос с этим знанием, как он. Я понимаю, какая ужасная катастрофа случится, если тот, чужой мир соприкоснется с нашим, и знаю, что не смогу долго сопротивляться ужасным снам, приходящим ко мне по ночам...»

Так вот резко обрывалась эта рукопись. Кроме того, прослеживалась болезненная перемена в почерке писавшего, если сравнить начало и конец рукописи.

Глава 3

К этому мало что можно добавить. Я потратил много усилий, чтобы обнаружить Джеймса Конрада, но его не было ни в одном из мест, которые ранее он часто посещал.

Через два дня я снова услышал о нем. В газетах печатали о его самоубийстве. Перед тем как покончить с собой, он снова побывал в Старом Датчтауне и, подпалив дом среди дубов, сжег его дотла.

После того как мы похоронили Конрада, я побывал в тех местах. Ничего там не осталось. На месте дома — странное пепелище. Даже дубы почернели и обгорели. Но, встав на периметр фундамента, я почувствовал сильный, ничуть не изменившийся неземной холод, навсегда оставшийся на том месте, где раньше стоял проклятый дом.

АЛЬМАРИК

РОМАН

ВСТУПЛЕНИЕ

Вообще-то сам я собирался никогда не раскрывать тайну исчезновения Исау Каирна. Нарушить молчание меня побудил он сам. В конце концов, его желание более чем оправданно — поведать миру, отвергнувшему его, поставившему вне закона, а теперь оказавшемуся бессильным настичь изгоя, свою невероятную, небывалую историю. То, что Исау рассказывает, — его дело. Со своей стороны, я не собираюсь приоткрывать завесы тайн над тем, что касается только меня: каким образом я сделал возможным таинственное исчезновение Исау Каирна, его перемещение в неведомые миры — пусть пока не становится достоянием публики. Скрою я и то, каким образом мне удалось связаться с Исау Каирном, находящимся так далеко от земли, на планете, несущейся по орбите вокруг такого далекого солнца, куда пока что не заглядывал ни один земной телескоп. И все же мне удалось услышать слова Исау Каирна, пронесшиеся через бездонные глубины космоса, словно он рассказывал мне все это, сидя в кресле рядом со мной.

Поспешу заявить, что все это не было спланировано заранее. На Великую Тайну я наткнулся случайно, в серии научных экспериментов, проводимых совсем с другой целью. Я вовсе не собирался использовать свое открытие в практических целях до того дня, когда ко мне в обсерваторию ввалился Исау Каирн — загнанное охотниками существо, с кровью другого человека на руках. Чистая случайность привела его ко мне, инстинкт, заставляющий загнанного, измученного зверя продолжать бороться за жизнь, а не впадать в отчаяние.

Позвольте мне со всей ответственностью заявить, что Исау Каирн — не преступник и никогда им не был. Что касается того случая — то он просто оказался винтиком в огромной криминально-политической машине, которая всей своей тяжестью обрушилась на взбунтовавшуюся деталь. Станный, парадоксальный разум Исау Каирна вдруг осознал весь ужас и всю грязь его принадлежности к этой системе.

Наука в наши дни лишь подбирается к изучению и познанию феномена, давно называемого в обиходе «родиться не в свое время». Есть люди, внутренне невероятно сильно привязанные к определенному историческому периоду, и, родившись в другое время, они испытывают невероятные трудности, чтобы приспособиться к своему веку. Видимо, это явление — одно из исключений в стройной и согласованной работе законов природы, результат какого-то сбоя в космической системе времени и пространства.

Это явление не столь уж редко. Есть множество людей, явно родившихся не в своем веке. Но Исау Каирн явно ошибся эпохой, эрой. Родившийся в наше время, в Америке, не в среде отбросов общества — он все же был невероятно чужим здесь. Я никогда раньше не видел человека, так плохо приспособленного к жизни в индустриальной цивилизации, наводненной машинами, плодами их деятельности и полной особых, понятных и соблюдаемых всеми условностей и правил. (Обратите внимание — я говорю об Исау Каирне в прошедшем времени. Да, он жив в космическом понимании этого слова, но для Земли он мертв — ибо никогда больше его нога не ступит на нашу планету.)

Сильная, независимая натура этого человека не признавала никаких ограничений его свободы, никакого подавления воли. Любое ущемление его прав вызывало в нем бурю протеста. В проявлении своих страстей и чувств он был груб и искренен, как дикарь. А его храбрости, отчаянности и рискованности не было равных на всей планете. Вся его жизнь была сплошной чередой сдерживания своих чувств и своих сил. Даже во время спортивных соревнований он был вынужден действовать не в полную силу, чтобы не покалечить противни-

ка или товарища по команде. В общем, по всем параметрам Исау Каирн был чужаком в современном мире. Его разум, чувства, инстинкты — все тянуло его в первобытные доисторические времена.

Родившись на северо-западе Соединенных Штатов, он впитал в себя дух борьбы, живший в краю его предков, — борьбы с врагом, с диким зверем, с силами природы. В горах, где он провел детство, древние традиции пользовались большим уважением. Соперничество — вот был смысл той жизни, ее основа. Без этого Исау не видел смысла в существовании. Невероятная сила этого человека оказалась излишней даже для игры в американский футбол. Исау Каирн заслужил репутацию человека, выходящего на поле, скорее, чтобы расправиться с противниками, чем для того, чтобы привести свою команду к победе. Его выступления были ознаменованы множеством травм и повреждений у спортсменов команд-соперников. Но в том не было его злого умысла. Просто делала свое дело невероятная сила Исау Каирна, намного превосходившая физические способности окружающих. Каирн абсолютно не был похож на часто встречающихся ленивых и медлительных силачей. Нет, он весь был полон энергии, всегда напряжен, как пружина, готов к действию. Выведенный из себя атмосферой боя, он уже с трудом контролировал свои действия, добавляя в результате в свой послужной список еще чьи-нибудь сломанные ребра или проломленный череп.

Из-за всего этого он бросил колледж и решил попробовать свои силы на профессиональном ринге. И вновь безудержность натуры подвела его. Накануне своего первого боя он чуть не до смерти изувечил своего завтрашнего соперника, куда более именитого и известного боксера, чем он сам. Газеты тотчас же пронюхали об этом деле и раздули сенсацию. В результате Каирн оказался лишен лицензии навсегда.

Озлобленный, неудовлетворенный, он бесцельно шел по жизни — этаким Гераклом, жаждущим приложить к чему-нибудь свои невероятные силы, ищущий только повода, чтобы совершить новые подвиги. Но в нашем ми-

ре не нашлось для него достаточно дикого и неосвоенного пространства.

О последних днях его пребывания в нашем мире, превратившихся в девятидневное бегство от смерти, мне нет нужды много рассказывать.

В газетах было море информации на эту тему. Старая как мир история: погрязшая в коррупции мэрия, подкупленные политики, назначенные жертвы — и человек, выбранный для того, чтобы стать инструментом, орудием или, точнее, — смертельным оружием закулисной борьбы.

Каирн, уставший от бессцельности существования и жаждущий дела, был идеальным орудием, но — до поры до времени. Этот человек не был в душе преступником. Не был он и глупцом. Он быстро сообразил, в какую грязную историю его втянули, и, не задумываясь о последствиях, вступил в бой с системой, никогда раньше не встречавшейся с таким упорным сопротивлением одиночки.

И даже тогда можно было бы избежать трагедии, если бы те, кто использовал Каирна и настроил его против себя, были хоть чуть-чуть поумнее. Но им и в голову не могло прийти, что есть на свете человек, которому глубоко наплевать на все их деньги и все их могущество.

К тому времени Исау Каирн уже достаточно научился сдерживать себя. Видимо, мистер Блэйн изрядно поупражнялся в оскорблениях, если Исау все же позволил своему характеру восторжествовать. Впервые за долгие годы он перестал себя сдерживать — а в результате череп Блэйна раскололся, как яичная скорлупа, от одного-единственного удара кулака Исау Каирна. Могущественный политик, правивший из своего кабинета целым округом, был убит прямо на рабочем месте, за письменным столом.

Каирн не был глуп. Как бы ни затмили гнев и ярость его разум, он понимал, что пощады от машины, контролирующей город и всю округу, ждать не придется. Вовсе не из страха покинул он кабинет Блэйна. Нет, его вел тот самый инстинкт дикого зверя и первобытного человека, запрещающий смиряться с неизбеж-

ностью смерти и требующий до последнего вдоха цепляться за жизнь.

Этот побег чисто случайно закончился в стенах моей обсерватории.

Исау Каирн, увидев, что в помещении есть еще кто-то, сразу решил уйти, чтобы не втягивать меня в свои проблемы, но я усадил его в кресло и заставил рассказать всю его историю. Честно говоря, я не очень удивился такому ее финалу — столь долгое сдерживание сил и эмоций не могло не привести к трагедии, несмотря на железную волю и выдержку этого человека.

Никакого плана в тот день у него не было. Он просто хотел забаррикадироваться где-нибудь и вести бой с полицией, пока кусок свинца не оборвет его жизнь.

Сначала я согласился с ним, не видя другого выхода. Я не был столь наивен, чтобы предположить оправдательный приговор, случись делу Исау Каирна дойти до городского суда. Неожиданно мне в голову пришла невероятная, но вместе с тем предельно простая и логичная мысль, которой я тотчас же поделился со своим гостем. Я рассказал ему о Великой Тайне и предоставил кое-какие доказательства того, что все это правда.

Короче говоря, я предложил Исау Каирну попробовать совершить перелет через космос. При всей опасности и немыслимости такого предложения, оно сулило ничуть не больше неприятностей, чем та судьба, которая ждала Исау на Земле.

Он согласился. Во Вселенной нет мест, где мог бы выжить земной человек. Но мне удалось заглянуть за границы нашей Вселенной и открыть одну-единственную планету, чьи природные условия более или менее походили на земные. Эту далекую, дику и странную планету я назвал Альмарик.

Каирн прекрасно понимал риск такого предприятия. Но этот человек поистине не знал страха — и дело было сделано. Исау Каирн покинул планету, на которой родился, и перенесся на другую — чужую, незнакомую, полную опасностей планету, несущуюся по своей орбите где-то в неведомых космических дальях.

Глава I

Мое перемещение оказалось невероятно быстрым и стремительным. По-моему, не прошло и мгновения, как я забрался в эту странную машину профессора Хильдебранда — и вот я уже стою во весь рост посреди бескрайней равнины, залитой ярким солнечным светом. Сомнений не оставалось — я действительно перенесся в какой-то другой, неведомый мир. Пейзаж оказался не таким фантастическим и невероятным, как можно было ждать, но все же он, несомненно, не имел ничего общего с любым земным ландшафтом.

Но прежде чем углубиться в изучение окрестностей, я внимательно оглядел самого себя, чтобы убедиться в том, что перенес этот невероятный перелет без явного вреда для собственной персоны. Результат осмотра удовлетворил меня: все части тела, по крайней мере на первый взгляд, функционировали нормально. Теперь меня больше беспокоило другое: я был абсолютно гол. Профессор Хильдебранд говорил мне, что неорганические вещества не могут перенестись на другую планету в его машине. Только живая, вибрирующая материя может, не претерпев изменений, выдержать такое перемещение. Хорошо еще, что я не приземлился в каком-нибудь царстве льда и мороза. Эту равнину ее небесное светило согревало неплохо. Моя обнаженная кожа впитывала приятное тепло.

Во все стороны от меня расстилалась гладкая, как стол, равнина, поросшая короткой густой травой, вполне земного зеленого цвета. Вдалеке трава становилась выше, и сквозь зеленую стену я увидел блеск воды. Вскоре я разглядел, что по равнине неспешно текли в разных местах неширокие извилистые речки, кое-где разливавшиеся озерами. Рядом с водой в траве двигались какие-то черные точки, но на таком расстоянии я не смог определить, что это было. Как бы то ни было, планета, куда я попал, не была абсолютно необитаемой. Оставалось выяснить, каковы же были ее обитатели. Мое воображение уже населило эти просторы порождениями самых страшных ночных кошмаров.

Странное чувство испытываешь, когда тебя вырывают из привычного мира и забрасывают неизвестно куда, на другую планету. Сказать, что я не сжал зубы, чтобы не застучать ими от ужаса, и не побледнел от сознания того, что со мной произошло, — было бы явным враньем. Я, который никогда до этого не знал, что такое страх, превратился в сжатый, напряженный комок нервов, вздрагивающий от собственной тени. Меня охватило отчаяние; сильные, мускулистые руки и ноги показались мне хрупкими и слабыми, как у ребенка. Как я смогу защитить себя в этом неведомом мире? В тот момент я готов был, подвергшись такая возможность, вернуться на Землю, прямо в лапы своих преследователей, чем сражаться в одиночестве с чудовищами, которыми мое воображение уже населило этот мир. Очень скоро мне предстояло узнать, что никакое воображение не сравнится с реальной жизнью и что мое слабое тело будет выручать меня в таких переделках, которые я даже представить себе не мог.

Негромкий звук за моей спиной вывел меня из оцепенения. Развернувшись, я с изумлением уставился на первого встреченного мной жителя Альмарика. И каким бы грозным и враждебным он ни казался, я почувствовал некоторое облегчение: скованные льдом вены мгновенно оттаяли, и ко мне вернулась частица былой храбрости. То, что можно увидеть и пощупать, — всегда меньше пугает, чем неведомое и невидимое.

Сначала я подумал, что передо мной стоит горилла. Но, присмотревшись, я понял, что это все-таки человек. Хотя таких людей не видел еще ни один житель Земли — в этом я готов поклясться.

Он был ненамного выше меня ростом, но значительно шире в плечах и крепче сложен. Мышцы буграми покрывали его руки и ноги. На незнакомце был накинута какой-то кусок ткани, похожей на шелк, перепоясанный широким кожаным ремнем. На ремне висел большой кинжал в кожаных ножнах. На ногах человека были плетеные сандалии с высокой шнуровкой. Но все эти детали я заметил лишь краем глаза, потому что мое внимание было приковано к лицу незнакомца.

Вообразить или описать такое — будет весьма нелегким делом. Голова этого человека крепко сидела на короткой, почти не видной шее, на широких плечах. Квадратный волевой подбородок выдавался вперед, и, когда тонкие губы незнакомца разомкнулись с рычащим звуком, вырвавшимся из глотки, я разглядел у него во рту длинные, острые, словно наконечники стрел, клыки. Короткая густая борода росла на его подбородке, а над верхней губой топорщилась щетка пышных усов. Приплюснутый нос едва выдавался вперед; лишь широкие ноздри постоянно вздрагивали, принимаясь к шедшему от меня запаху. Маленькие, налитые кровью глаза впились в меня, сверкая ледяной серой сталью. Лоб незнакомца был узок и покат, а с головы свисали космы густых черных волос, прикрывавшие маленькие, плотно прижатые к черепу уши.

Борода и шевелюра человека были черными до синевы. Такого же цвета волосы покрывали его тело и конечности. Он не был, конечно, покрыт шерстью, как обезьяна, но был, несомненно, куда более волосат, чем любой земной человек.

Я сразу же понял, что, случись мне вступить с незнакомцем в бой, противник у меня будет не из легких. Его фигура словно излучала силу — грубую, первобытную мощь. Ни одной унции жира или нетренированной плоти не было видно на могучем теле. Покрытая волосами кожа казалась крепкой, как шкура дикого зверя. Но не только тело говорило об опасной силе, скрытой в незнакомце. Взгляд, манера смотреть — все демонстрировало готовность встретить любого врага всей яростной мощью, управляемой диким, необузданным разумом. Взглянув в эти глаза, я физически ощутил исходящую от них волну агрессивного недоверия. Мои мышцы инстинктивно напряглись.

В следующий миг на смену моей решимости пришло изумление: я услышал речь на самом настоящем, отличном английском:

— Тхак! Ты что за человек?

В хриплом голосе слышалось провоцирующее презрение. Все во мне закипело, но я постарался сдержать свои чувства.

— Мое имя — Исау Каирн, — коротко ответил я и запнулся, не зная, как продолжить, объясняя мое появление на этой планете.

Незнакомец с презрительной улыбкой оглядел мое безволосое тело и уже совершенно невыносимо униЗИтельно для меня спросил:

— Тхак тебя побери, мужик ты или баба?

Ответом ему был удар сжатым кулаком в грудь, от которого мой собеседник грохнулся на землю.

Мое действие было абсолютно инстинктивным. Опять вспыльчивость подвела меня, оказавшись сильнее рассудка. Но времени на самобичевание у меня не было. Взвыв от боли и ярости, незнакомец вскочил на ноги и бросился на меня. Мы сошлись лицом к лицу, горя одинаковым первобытным гневом, сражаясь не на жизнь, а на смерть.

Впервые в жизни я, вынужденный везде и всюду со-размерять, сдерживать свою силу, оказался в тисках железной хватки человека сильнее меня. Это я ощутил в первые же мгновения драки, затратив невероятные усилия, чтобы вырваться из этих крушащих ребра объятий.

Бой был коротким и отчаянным. Меня спасло только то, что мой противник понятия не имел о боксе. Он мог — и при этом не замедлил продемонстрировать это умение — наносить мощные удары кулаками, но они были беспорядочными, нецельными и поэтому не столь опасными. Трижды я уворачивался от таких оплеух, после которых, достигни они цели, я уже никогда не встал бы. При этом мой противник совершенно не умел сам уворачиваться, уходить от ударов. Не думаю, что кто-либо из бойцов на земле остался бы в живых, пропустив такое количество ударов, которые он получил от меня. Но он продолжал атаковать меня, без устали орудуя руками. Ногти на его пальцах были острыми, как звериные когти, и вскоре из двух десятков порезов на моем теле уже сочилась кровь.

Почему он сразу не выхватил из ножен кинжал — я не знаю. Быть может, он посчитал, что вполне управится со мной голыми руками. Не скрою, в этом предположении он был недалек от истины. Но теперь, выплевывая выбитые зубы и чувствуя, как кровь льется из

разбитых ушей и бровей, он потянулся к рукоятке кинжала. Это движение оказалось для него роковым и позволило мне выиграть схватку.

Вырвавшись из клинча, в который я зажал его, он опустил одну руку к поясу, где висели ножны. В этот миг я воткнул свой левый кулак в живот, вложив в удар всю массу тела. Мой противник замер, из его груди донесся хрип, глаза неподвижно глядели в одну точку. В следующий момент я изо всех сил двинул его кулаком правой в челюсть. Человек рухнул, как оглушенный кувалдой бык; из его открытого рта на бороду потек ручеек крови — последний удар раскроил ему губу, разорвал часть щеки и наверняка основательно переломал челюсть.

Стараясь успокоить дыхание, потирая содранные кулаки, я смотрел на свою жертву, прикидывая, что наверняка сам подписал себе приговор. Ведь теперь мне нечего было ждать доброжелательного отношения со стороны жителей Альмарика. Но эта печальная мысль не помешала мне снять с бедняги его нешикарную одежду и, подпоясавшись его же ремнем, прихватить в качестве трофея кинжал. В конце концов, семь бед — один ответ. Если меня поймут, то обвинение в воровстве будет лишь добавкой к главному обвинению в покушении на одного из местных жителей. А так, по меньшей мере, частично одетый и с каким-никаким оружием, я чувствовал себя несколько уверенней.

Я с большим интересом осматривал кинжал. Едва ли мне доводилось видеть раньше столь внушительное, подходящее для убийства оружие. Обоюдоострый клинок был дюймов девятнадцати в длину и заточен остро, как бритва. У рукоятки он был широк и постепенно заострялся к концу, тонкому, как игла. Гарда и вершина ручки были серебряными, а сама рукоятка обмотана чем-то, напоминающим змеиную кожу. Клинок, несомненно, был стальным, но никогда раньше я не видел стали такого качества. В общем, этот кинжал был настоящим шедевром оружейного дела и свидетельствовал о высоком уровне по крайней мере материальной культуры его изготовителей.

От созерцания кинжала меня отвлекли стоны медленно приходящего в себя незнакомца. Вздвогнув, я огляделся и заметил вдалеке группу людей — судя по всему, соплеменников моего противника, приближавшихся ко мне. Дополнительным поводом к размышлению оказался блеск стали на солнце, отраженном от клинков, сжатых в их руках. Если они застанут меня рядом с полумертвым сородичем, да к тому же с его одеждой и оружием в руках, — нетрудно догадаться, каким будет их отношение ко мне.

Недолго размышляя над этим, я оглядел равнину вокруг себя в поисках какого-нибудь убежища. С одной стороны равнина переходила в невысокие холмы, за которыми виднелись ряды все более основательных возвышенностей — скал и горных отрогов. В тот же миг приближающиеся фигуры скрылись в густой траве, переходя через очередную речку, разделявшую нас.

Я решил не дожидаться, пока они снова выйдут на открытое место, и со всех ног помчался в сторону холмов. Пробежав всю дистанцию без передышки, я, тяжело дыша, оглянулся, оказавшись у подножия ближайшего холма. Далеко позади лежал на траве мой недавний противник, а его соплеменники, выбравшись из прибрежных зарослей, торопливо направлялись к нему.

Задыхаясь от усталости и обливаясь потом, я влез по склону на гребень холма и оттуда бросил еще один взгляд через плечо назад. Вокруг лежащего черноволосого человека столпились такие же черные силуэты. Не переводя дыхания, я поспешил вниз по склону и больше не видел эту компанию.

Через час пути я оказался в самой неровной и изрезанной местности, какую только можно себе представить. Со всех сторон вздымались к небу отвесные стены скал и изломанные утесы, порой настолько растрескавшиеся, что, казалось, могли в любой момент с грохотом рухнуть, похоронив под собой случайно оказавшегося по соседству человека. Повсюду выходила на поверхность коренная порода — какой-то красноватого цвета каменный монолит. Растительность была небогатой: лишь невысокие, кряжистые деревья, размах веток которых чуть не превышал высоту ствола, да несколько

разновидностей колючих кустов, на части которых росли странные по цвету и форме плоды, напоминающие орехи. Расколов несколько этих плодов, я принялся к содержимому, но, хотя запах и был приятен, не осмелился попробовать неизвестное растение, даже несмотря на все увеличивающееся чувство голода.

Сильнее, чем голод, мучила меня жажда. Но по крайней мере ее я мог утолить, даже не подозревая, что это могло стоить мне жизни. Пробираясь вперед, я зашел в узкое ущелье между двумя поросшими кустарником склонами скальных гряд. В глубине ущелья виднелось небольшое озеро, наполняемое, без сомнения, подземным источником: в центре озера вода била ключом, а с одного из берегов стекал вниз по ущелью тоненький ручеек.

Подойдя к озерцу, я лег на поросший мягкой травой берег и опустил лицо в кристально чистую воду. Прекрасно понимая, что эта жидкость может оказаться вовсе не живительной влагой, а смертельным для землянина ядом, я все же, мучимый жаждой, решил рискнуть. У воды оказался какой-то странный привкус, не перебивавший, однако, ее основных достоинств — способности освежить кожу и утолить жажду. Напившись, я так и остался лежать, касаясь губами ледяной воды, наслаждаясь тишиной и спокойствием. Это было ошибкой. Ешь быстро, пей быстро, спи неглубоко и не засиживайся на одном месте — вот первые правила жизни в дикой природе, и короток век того, кто не следует им.

Теплые лучи солнца, бульканье воды, блаженное чувство расслабленности и отдыха после долгого бега и драки — все это подействовало на меня, как наркотик, и погрузило в приятную полудрему. Должно быть, какой-то первобытный инстинкт предупредил меня об опасности, когда до моего слуха донесся легкий шорох, явно не имеющий отношения к журчанию ручья и шелесту травы. Прежде чем мой разум определил его как звук крадущегося тяжелого тела, я уже перекатился на бок, вынимая из ножен кинжал.

В тот же миг огромная тень, взметнувшись над травой, оглашая все вокруг диким ревом, мягко приземлилась прямо на том месте, где еще мгновение назад ле-

жал я. К сожалению, я не успел отскочить достаточно далеко, и одна из лап с выпущенными когтями прошла по моему бедру, здорово расцарапав его. Судя по манере движения, напавший на меня хищник чем-то напоминал огромную дикую кошку. В мгновение ока чудовищный зверь сориентировался и набросился на меня. Я отшатнулся, увидев, как метнулись к моему горлу оскаленные клыки, и вдруг почувствовал, что лечу в воду. Одновременно раздался похожий на кошачий вой хищника, оборвавшийся, когда зверь тоже влетел мордой в ледяную воду, подняв фонтан брызг. На какое-то время я потерял ориентировку и, вынырнув, увидел лишь большую тень, исчезнувшую в кустах у подножия скал. Что это было — я точно сказать не мог, но больше всего этот зверь походил на леопарда, только намного крупнее и тяжелее любого леопарда с Земли.

Внимательно оглядев берега, я не увидел других хищников и вылез из озера, дрожа от холода. Мой кинжал так и остался в ножнах. У меня не хватило времени выхватить его. Спасло меня лишь то, что эта гигантская кошка, наподобие ее земных сородичей, не питала любви к водным процедурам.

Я обнаружил большой порез на бедре и четыре поменьше на плече — там, где меня коснулись когтистые лапы. Большая рана сильно кровоточила, и я опустил ногу в воду, вздрогнув, когда ледяная влага коснулась рваного разреза. Лишь когда нога совсем онемела от холода, кровь перестала идти.

Поразмыслив, я пришел к выводу, что попал в весьма затруднительное положение. Меня мучил голод, вот-вот должно было начать темнеть; где-то по соседству ошивается огромная рассерженная кошка, да и неизвестно еще какие хищники. К тому же я был ранен. Цивилизованный человек здорово изнежен. С той раной, которую я получил, меня упрятали бы в больницу и несколько недель не давали бы вставать с постели. Уж на что я всегда с презрением относился к боли и травмам, но здорово приуныл, осмотрев рану и поняв, что мне нечем перевязать и смазать ее. Похоже, ситуация полностью выходила из-под моего контроля.

Я направился к скальной гряде, рассчитывая найти там что-то вроде пещеры, чтобы провести ночь, которая, судя по всему, обещала быть не такой теплой и приятной, как день. Вдруг за моей спиной послышался какой-то дьявольский лай. Оглянувшись, я увидел приближающихся ко мне со стороны входа в ущелье неизвестных животных, похожих на гиен. Пожалуй, их вой был еще более жутким и отвратительным, чем у земных гиен. У меня не было сомнений в цели их следования — эти зверюги охотились за мной.

Необходимость не признает самоограничений. Еще минуту назад я медленно ковылял, постанывая от боли. И вот я уже несусь во весь дух к скалам, словно не был измучен и изранен. Каждый шаг отдавался дикой болью в бедре; рана снова раскрылась и начала кровоточить, но, сжав зубы, я продолжал бежать.

Мои преследователи прибавили скорость, и я уже почти не надеялся добраться раньше их до деревьев, росших у подножия скал. Они почти наступали мне на пятки, когда я радостно подтянулся и вскарабкался на нижний сук, выше человеческого роста. К моему ужасу, гиены стали карабкаться по стволу дерева вверх за мной. Бросив отчаянный взгляд вниз, я понял, что эти твари здорово отличались от земных гиен, как и все на Альмарике отличалось от земного. У этих зверей были когтистые, почти кошачьи лапы, да и само тело, достаточно гибкое, позволяло им лазать по деревьям почти как рыси.

Я уже приготовился принять последний бой, когда заметил нависший над головой выступ скалы, в который упирались ветви дерева. Обдирая колени и локти, я вскарабкался по каменной стене и, перевалившись через грань обрыва, лег на скалу, глядя на своих преследователей. Они повисли на верхних ветвях дерева и выли, словно души непогребенных покойников. Видимо, их способность к лазанию ограничивалась деревьями. После одной попытки прыгнуть на скалу и взобраться по ней, в результате чего одна из гиен рухнула вниз с душераздирающим воплем, они прекратили преследование.

Но уходить эти твари тоже не собирались. Стемнело, на небе появились незнакомые мне звезды, вышла большая, золотистого цвета луна, но мои преследователи все

сидели на ветках и на земле под деревом, отвратительно завывая на луну, видимо жалуясь на неудачную охоту.

Ночь была очень холодной — на камнях даже появился иней. Я просто околел. Единственный лоскут ткани, прикрывавший мое тело, я использовал как жгут, чтобы остановить делавшееся уже опасным кровотечение из раны на ноге.

Никогда еще я не чувствовал себя таким жалким. Ночь я провел, стуча зубами от холода, лежа на голых камнях. В нескольких шагах горели холодным огнем глаза гиен. Где-то вдали слышалось рычание и вой других, невидимых в темноте чудовищ. Визги, крики, стоны и лай разрезали ночную мглу. И я лежал, голый, израненный, замерзший, голодный, дрожащий от страха за свою жизнь, словно один из моих далеких предков в палеолите на моей родной планете.

Теперь я понял, почему наши предки обожествляли солнце. Когда наконец холодная луна уступила место теплоте солнцу Альмарика, я был готов запеть от радости. Гиены подо мной, полаяв и повыив еще немного, отправились на поиски другой, более легкой добычи. Мало-помалу тепло проникло в мои заокоченевшие конечности и расслабило мои одеревеневшие мышцы. Я встал, потянулся и поприветствовал наступление нового дня, как это делал, дожив до нового рассвета, мой пращур на заре истории нашей планеты.

Выждав немного, я спустился вниз из своего убежища и направился к ореховым кустам. Решив, что лучше умереть от отравления, чем от голода, я расколол несколько орехов и съел их содержимое. Пожалуй, никакое блюдо на Земле мне еще не казалось таким вкусным. Никаких симптомов отравления не последовало, к тому же орехи оказались очень питательными. Я начал адаптироваться к окружающим условиям. По крайней мере источник пищи был найден. Первое препятствие было преодолено — я осваивался с жизнью на Альмарике.

Описывать в деталях дальнейшие несколько месяцев не имеет смысла. Я жил среди скал и холмов, испытывая столько страданий и лишений, сколько люди на Земле уже не испытывали много тысяч лет. Осмелюсь утвер-

ждать, что только человек невероятной силы и упорства мог бы выжить там, где выжил я. Но я не просто выжил, я приспособился и освоился в этом новом мире.

Поначалу я не отваживался покидать свою долину, где по крайней мере у меня была вода и пища. Я построил себе что-то вроде гнезда из веток на площадке на выступе скалы, где спал по ночам. Хотя можно ли назвать сном это состояние? Не думаю. Я, скорчившись, лежал, дрожа от холода, коротая время до рассвета. А днем я при малейшей возможности погружался в неглубокий, чуткий сон и был готов проснуться от малейшего непривычного шороха. Остальное время я проводил, бродя по окрестным холмам и собирая орехи. Нельзя сказать, что эти прогулки были безопасным занятием. Не раз и не два приходилось мне спасаться бегством и находить убежище на крутых скалах и вершинах деревьев. Холмы населяло огромное количество разных зверей — и в основном кровожадных хищников.

Именно поэтому я держался своей долины, где был в сравнительной безопасности. В холмы же меня гнала та же сила, которая двигала во все века человечеством — от первых неандертальцев до колонизаторов-европейцев, — поиск пищи. Орехи в моем ущелье были почти все съедены. Разумеется, не я один был виновником этого, хотя жизнь на природе и пробудила во мне зверский аппетит. Полакомиться орехами приходили в мою долину огромные животные, напоминающие медведей, и другие — похожие на покрытых густым мехом бабуинов. Все они с удовольствием пожирали орехи, но, судя по вниманию, проявляемому ими к моей персоне, не чурались они и мясной пищи. Избежать встречи с медведями было сравнительно легко. Эти горы мяса не очень быстро двигались, не умели лазать по скалам и деревьям, да и зрение у них было неважным. А вот бабуинов я ненавидел лютой ненавистью и смертельно боялся. Эти твари преследовали меня до изнеможения; они отлично бегали и лазали, да и скалы не были для них препятствием.

Как-то раз они загнали меня в мое убежище, и один из бабуинов перепрыгнул с ветки на выступ скалы вслед за мной. Эта тварь не учла, что человек, загнан-

ный в угол, становится куда опаснее, чем можно ждать от него в другой ситуации. Я взбунтовался, не в силах больше быть только объектом охоты. Инстинкт защиты жилища заставил меня развернуться и выхватить кинжал, который я изо всех сил вонзил в грудь бабуину, фактически пригвоздив его к скале, — острое клинка почти на дюйм вошло в рыхлый песчаник.

Этот случай доказал мне не только отличное качество стали моего клинка, но и то, что мои собственные мышцы стали намного сильнее. Я, привыкший быть среди самых сильных на Земле, здесь, на диком Альмарике, оказался слабаком. Но у меня был разум и способность учиться и тренировать свое тело. Постепенно я стал заново обретать уверенность в себе.

Для того чтобы выжить, я должен был окрепнуть и закалиться. Так и произошло: моя кожа, выдубленная солнцем и ветром, стала менее чувствительной к холоду, жаре и боли. Мышцы стали больше и эластичнее. В общем, я стал настолько силен и вынослив, насколько не становился уже многие поколения ни один житель Земли.

Незадолго до моего успешного перемещения на Альмарик один из известных экспертов по физической культуре назвал меня идеально подходящим для жизни в дикой природе. Так вот, этот эксперт и понятия не имел о том, что говорил. Впрочем, и я тоже. Сравнить меня сейчас с тем, кого обследовал тот ученый, — так я был просто изнеженным хлюпиком и размазней.

А теперь я больше не синел от холода по ночам; острые камни не ранили мне подошвы при ходьбе и лазании. Я мог с легкостью обезьяны карабкаться по отвесным скалам, мог часами бежать без передышки, а на коротких дистанциях перегнать меня могла бы, пожалуй, только скаковая лошадь. Раны, единственным лечением для которых была ледяная вода, заживали сами собой.

Все это я рассказываю лишь для того, чтобы показать, какой тип человека формируется в дикой природе. Если бы она не выковала из меня существо из стали и дубленой кожи, я ни за что не смог бы уцелеть в кровавой схватке, которая называется жизнью на этой планете.

С ощущением собственной силы ко мне постепенно вернулась и уверенность. Я крепко стоял на ногах и

уже с некоторым презрением поглядывал на своих соседей — жестоких, но неразумных тварей. Я больше не убегал сломя голову от одинокого бабуина. Наоборот, с этими зверюгами у меня была настоящая война, будто основанная на кровной вражде. Я относился к ним так, как к людям-врагам на Земле. Ведь они поедали те самые орехи, которыми питался и я.

Очень скоро бабуины перестали преследовать меня, загоняя в мое убежище. Настал день, когда я один на один встретился с вожаком их стаи. Косматая тварь выскочила на меня из-за кустов, сверкая полными ненависти глазами. Отступать было поздно, и, увернувшись от нацелившихся разорвать мое горло рук, я вонзил кинжал в самое сердце противника.

Но частенько в долину заглядывали и другие звери, встречаться с которыми я не хотел бы ни при каких обстоятельствах: гиены, саблезубые леопарды — больше и тяжелее, чем земные тигры, и к тому же более кровавые; огромные, похожие на лесей звери с крокодильими челюстями; гигантские вефри, покрытые толстым слоем свалившейся щетины, которую, казалось, было бы не пробить и самому острому мечу. Встречались и другие чудовища, появлявшиеся только по ночам; их мне рассмотреть подробно не удалось. В основном они двигались почти бесшумно, лишь изредка издавая низкий вой или глухое уханье. Неизвестное всегда пугает, поэтому ночные чудовища казались мне более огромными и опасными, чем те, с которыми я встречался при свете дня.

Я помню, как однажды проснулся в своем убежище на скале от ощущения того, что ночь погрузилась в напряженную тишину. Луна уже зашла, и долина лежала в полной темноте. Ни вопли бабуинов, ни похоронный вой гиен не нарушали зловещее молчание. По долине двигалось что-то. Я слышал лишь шелест травы, отмечавший движение какого-то огромного тела, но в темноте перед моими глазами прошла лишь неясная гигантская тень — нечто, неестественно большее в длину, чем в ширину. Это неизвестное существо скрылось за скальной грядой, и через несколько минут словно вздох облегчения пронесся над долиной. Ночь снова наполни-

лась привычными звуками, и я уснул, неясно осознавая, что лишь случай спас меня и многих обитателей долины от неведомого и наверняка опасного чудовища.

Я уже рассказывал, что соперничал с бабуинами в поисках съедобных орехов. Вскоре мне пришлось покинуть долину, чтобы найти пропитание. Я забирался на вершины холмов и спускался по их склонам, перелезал через скалы и пересекал ущелья. Об этих неделях я расскажу очень коротко. Я голодал и объедался до отвала, убегал от хищников и защищал свою жизнь в кровавых схватках — в общем, я жил обычной, полной опасностей жизнью странствующего дикаря.

Я был один, без себе подобных, без книг, одежды, без всего, что составляет цивилизованную жизнь. С точки зрения так называемого культурного человека, моя жизнь была жалким прозябанием. Но я так не считал. Я самореализовывался в этом существовании, рос и совершенствовался. Я уверен, что истинная сущность человеческой жизни — это борьба против враждебных сил природы, а все остальное — лишь иллюзии, не имеющие реального значения.

Мою жизнь наполняли события и приключения, заставлявшие работать с полной отдачей мозг и тело. Просыпаясь утром, я знал, что увижу закат только благодаря собственной силе, выносливости и храбрости. Я научился понимать каждый шорох, каждую тень, каждый след. Со всех сторон мне грозила смерть — в тысячах проявлений. Даже во сне я не мог ослабить бдительность. Закрывая глаза на закате, я не был уверен, что открою их утром, будучи живым и невредимым. Я все время был начеку. Эта фраза значит куда больше, чем кажется на первый взгляд. Ведь обычно внимание цивилизованного человека рассеяно. Его отвлекают тысячи вещей. Он даже не понимает, скольким ему пришлось пожертвовать, борясь за развитие своего интеллекта.

Я понял, что я тоже был сыном своего времени, и мне пришлось заново переделывать себя, перестраивать сознание, учиться концентрировать внимание. И вот теперь я наконец стал по-настоящему живым: от ногтей до кончиков волос я был напряжен и готов к действию.

Каждый мускул, каждая вена, каждая клетка — все мое тело пело, вибрировало, пульсировало жизненной силой. Почти все мое время и силы уходили на то, чтобы добыть пропитание и спасти свою шкуру, поэтому мне было не до комплексов и долгих размышлений на философские темы. А тем особо сложно устроенным умникам, которые посчитают такое миропонимание слишком упрощенным, я позволю напомнить, что легко рассуждать о сложных материях, когда о твоём пропитании и безопасности позаботились другие. Да, моя жизнь и раньше была не слишком усложнена, а теперь она и вовсе упростилась. Я жил лишь одним днем, не задумываясь о прошлом и будущем.

Всю мою жизнь мне приходилось обуздывать инстинкты, умирять бьющую через край энергию. Теперь же я был свободен, свободен использовать все свои силы в не ограниченной никакими правилами борьбе за существование, и я знал, что о такой свободе другие не могут и мечтать.

В моих странствиях — с тех пор как я покинул долину — я прошел огромное расстояние. И за все это время я не встретил никаких следов деятельности человека или человекоподобных существ.

В один из дней, когда я, поднявшись на вершину очередного холма, оглядывал окрестности, мой взгляд неожиданно наткнулся на фигуру человека. Встреча была абсолютно неожиданной. Впрочем, замеченному мной чернокожему созданию, похожему на уже виденного обитателя Альмарика, было не до меня.

У подножия холма, на поляне, густо поросшей травой, человек вступил в неравную схватку с саблезубым леопардом. Исход боя был мне ясен с самого начала: ни один человек не может противостоять гигантской кровожадной кошке.

И все же в воздухе мелькнул занесенный кинжал, описав дугу между зверем и его добычей. Судя по крови, заливающей шкуру леопарда, это был не первый удар стального клинка. Но было ясно, что долго человек не выдержит, в любой момент схватка могла окончиться его гибелью.

Еще не успев додумать до конца эту мысль, я уже несея вниз по склону. Разумеется, я не был ничем обязан тому человеку, но его отчаянная храбрость затронула какие-то чувствительные струны в глубине моей огрубевшей души. Я не стал кричать, а молча бросился на гигантскую кошку со спины. В тот момент, когда человек выронил свой клинок и упал под натиском зверя, я нанес леопарду сильнейший удар кинжалом между лопаток.

С диким ревом зверь отпустил жертву и покатился по траве, царапая землю когтистыми лапами, заливая все вокруг кровью, фонтаном бьющей из раны.

Зрелище было не для слабонервных; я с облегчением вздохнул, когда леопард наконец вздрогнул в последний раз и затих.

Я повернулся к лежащему человеку, не особо рассчитывая найти его живым. Прежде чем нанести леопарду удар, я увидел, как огромные клыки зверя сомкнулись на горле упавшей жертвы.

Человек лежал в луже крови, вытекшей из чудовищной раны на шее. Под содранной кожей виднелась пульсирующая, но не поврежденная артерия. Когти леопарда не менее жестоко прошлись по животу человека — через рваные края раны виднелись разодранные внутренности и надломленная кость. К моему изумлению, человек был не только жив, но и оставался в сознании. Но прямо на моих глазах жизнь покидала его, гася огонь в глазах.

Я кое-как перевязал раны его разорванной на полосы одеждой и вновь посмотрел бедняге в лицо. Несомненно, он умирал, несмотря на невероятную живучесть и волю к жизни, которые, как я уже имел удовольствие узнать, были свойственны людям его расы. Да, этот человек был явно из того же народа, что и тот, с которым я подрался в первый же день пребывания на Альмарике.

Стоило мне лишь на минуту отвлечься и предаться воспоминаниям, как я чуть не заплатил за это жизнью: что-то со свистом пронеслось мимо моего уха и вонзилось в склон холма за моей спиной. Обернувшись, я увидел длинную стрелу, торчащую из земли. В тот же миг до моих ушей донеслись громкие крики. Оглядевшись, я увидел, что ко мне со всех ног несутся с

подлюжины волосатых людей, на ходу прилаживая стрелы к лукам.

Инстинктивно меня направление, я зигзагами понесся прочь. Свист стрел над головой изрядно помог мне набрать нужную скорость. Добравшись до спасительной стены зарослей, я не остановился, а полез вглубь, царапая о шипы и обдирая локти и колени. Этот случай окончательно убедил меня в том, что люди на Альмарике столь же враждебны и опасны, сколь и звери, и что мне лучше всячески избегать встреч с ними.

Вдруг мой гнев и злость уступили место другому чувству — глубокому изумлению. Вспоминая бежавших ко мне людей, я явно слышал их крики на чистом английском. Кроме того, английский понимал и говорил на нем мой первый противник. Тщетно я пытался найти ответ на этот вопрос. За время пребывания на Альмарике я сумел уяснить для себя, что все местные вещи и живые существа, чем-то напоминающие земные, имеют куда больше различий, чем общих черт с ними. Невозможным казалось предположить, что эволюция на столь разных планетах привела к созданию абсолютно одинакового языка. Но и не верить своим ушам я не мог. Выругавшись, я решил не тратить время на бессмысленное обдумывание проблемы, которую я пока что не мог решить.

Быть может, именно это происшествие, эта встреча, пусть с враждебными, но людьми, заставила меня изрядно погрузнеть. Мне захотелось попасть в общество себе подобных, а не бродить в одиночестве по холмам и долинам, населенным одними кровожадными хищниками. Вскоре передо мной расстелилась до самого горизонта бескрайняя равнина. И хотя я не надеялся встретить на ней доброжелательных человекоподобных, я все же решил попытать счастья и пойти вперед, не зная, какие новые опасности ждут меня на открытой местности.

Прежде чем покинуть холмы, я, повинаясь неясному внутреннему требованию, сбрил острым, как бритва, кинжалом изрядно выросшую бороду и подравнял гриву волос на голове. Не знаю, зачем я это сделал; быть может, повинаясь инстинкту, человек, отправляясь в новые места, старается привести себя в порядок, чтобы «лучше выглядеть».

На следующее утро я ступил на бескрайнюю равнину, простиравшуюся до горизонта на юг и восток. В первый же день я прошел немалое расстояние без каких бы то ни было происшествий. По пути я пересек несколько небольших рек, трава вокруг которых поднималась выше моей головы. В этих густых зарослях я слышал шаги и дыхание каких-то больших животных, которых я с предельной осторожностью старался обходить стороной.

Над речками сновали взад-вперед птицы всевозможных цветов и размеров. Одни молча пронеслись над моей головой, другие издавали пронзительные крики, вонзаясь в воду, чтобы схватить какую-нибудь рыбешку.

Дальше на равнине я увидел стада животных, похожих на некрупных оленей, а кроме того, мне на глаза попались совершенно невероятные создания: что-то, напоминающее свинью с необыкновенно толстым животом и длинными тонкими ногами, передвигающееся неровными скачками, словно кенгуру. Это зрелище меня от души позабавило, и я рассмеялся, заметив, что это случилось впервые после моего появления на этой планете, если не считать коротких удовлетворенных смешков над трупом поверженного противника.

В ту ночь я уснул прямо в густой траве неподалеку от одной из речушек и мог бы стать легкой добычей какого-нибудь ночного хищника. Но судьба оказалась ко мне благосклонна. Темнота вокруг была полна ревом и рыком охотящихся чудовищ, но ни одно из них не приблизилось ко мне. Ночь была теплой и приятной, совсем не похожей на почти морозные ночи в холмах.

Следующий день принес мне новое открытие. С тех пор как я оказался на Альмарике, я не видел огня. Скалы и холмы были сложены из какого-то неизвестного на земле камня, похожего мягкостью и хрупкостью на песчаник. А здесь, на равнине, я наткнулся на кусок зеленоватого камня, фактурой напоминающего кремнь. Затратив некоторые усилия на первые, тренировочные попытки, я все же сумел не только высечь из него искры скользящим ударом кинжала, но и поджечь ими сухую траву, поднесенную поближе. Еще несколько минут старательного раздувания — и вот уже передо мной полыхал небольшой костерок.

В ту ночь я окружил место своего привала огненным кольцом из долго горящих стеблей растения, похожего на бамбук. Я почувствовал себя в безопасности, хотя и привычно вздрагивал, заслышав крадущиеся шаги неподалеку или увидев отражающие огонь глаза в темноте.

Здесь, на равнине, я питался в основном плодами, которые, как я видел, поедали птицы. Эти фрукты были вкусны, но им недоставало питательной ценности оставшихся позади скальных орехов. Имея возможность развести огонь, я стал плотоядно присматриваться к оленям, прикидывая, каким способом можно было бы прикончить одного из этих чутких и боязливых животных.

Так я много дней шел по бескрайней равнине, пока не набрел на большой, огороженный стеной город.

Увидел я его перед самым закатом, и, как бы мне ни хотелось побыстрее исследовать его, я заставил себя отложить осмотр до утра. Разведя костер, я гадал, заметят ли огонь из города и вышлют ли отряд для того, чтобы выяснить, кто и зачем всю ночь напролет жжет сухую траву и стебли бамбука.

Стемнело, и я уже не мог разглядеть близкий город, но даже в неясном свете звезд я не столько видел, сколько чувствовал присутствие массивных стен и могучих сторожевых башен загадочной крепости.

Я лежал на земле, окруженный огнем, и пытался представить себе, как могут выглядеть обитатели этого таинственного Города. Принадлежат ли они к той же дикой и кровожадной расе, представителей которой я уже имел удовольствие лицезреть? Хотя вряд ли такие примитивные создания смогли бы построить столь внушительное сооружение. Может быть, мне предстояла встреча с более цивилизованным народом. Может быть... Хотя любые предположения скорее всего могли оказаться неверными в этом до сих пор чужом для меня мире.

Вскоре вошла луна, осветив силуэт могучей крепости на фоне темно-синего бархата неба. Словно позолоченные, сверкали стены, башни и крыши за ними. Засыпая, я вдруг понял, что если люди-обезьяны и могли построить хоть что-либо, то именно такой мрачный, приземистый город-крепость должен был бы стать плодом их трудов.

С первыми проблесками рассвета я уже брел по равнине к таинственному городу, понимая, что, скорее всего, совершаю самый безрассудный поступок в своей жизни. Но любопытство, помноженное на усталость от одиночества, а также привычка использовать малейший шанс для достижения цели — все это пересилило осторожность.

Чем ближе я подходил, тем больше деталей города-крепости открывалось моему взгляду. Стены и башни были сложены из огромных каменных монолитов, очень грубо обработанных. Они были лишь вырублены из скалы, а затем ни полировка, ни облицовка, ни какая-либо резьба не украсили эти глыбы. Все сооружение было предназначено лишь для одной цели — защищать его обитателей от врагов.

Однако самих обитателей пока что видно не было. Город казался покинутым. Но дорога, ведущая к воротам, явно была утоптана множеством ног. Никаких садов или огородов вокруг города не было, густая трава подходила к самому основанию стен. Подойдя поближе к воротам, охраняемым двумя массивными сторожевыми башнями, я заметил несколько темных голов, мелькнувших над стеной и на верхних площадках башен. Я остановился и поднял руку в знак приветствия. В эти минуты солнце как раз поднялось выше стен и светило мне прямо в глаза. Не успел я открыть рта, чтобы обратиться к крепостной страже, как послышался резкий хлопок, похожий на винтовочный выстрел; над стеной поднялось облачко белого дыма, и сильный удар в голову заставил меня упасть и потерять сознание.

Пришел я в себя не постепенно, а словно рывком, повинувшись усилию воли. Оказалось, что я лежу на голом каменном полу в большом помещении, стены и потолок которого были сложены из огромных блоков зеленоватого камня. Сквозь зарешеченное окно пробивались солнечные лучи, освещавшие пустую комнату без мебели, если не считать одной тяжелой, грубо сколоченной скамьи.

Тяжелая цепь была обвязана вокруг моего пояса и закрыта на какой-то странный замок. Другой конец це-

пи был закреплен на вмурованном в стену большом железном кольце. Все в этом странном городе было крупным и массивным.

Голова сильно болела. Я поднес к ней руку и выяснил, что рана, оставленная на черепе ударившим меня вскользь предметом, пущенным со стены, перевязана какой-то тканью, похожей на шелк. Проведя рукой по поясу в поисках кинжала, я лишь убедился в правильности своего предположения о его исчезновении.

Я от души выругался. С тех пор как я попал на Альмарик, я не был уверен в своем будущем, не мог загадывать даже на день вперед; но по крайней мере я был свободен. А теперь я оказался в лапах одному Богу известно каких тварей, к тому же — явно не слишком-то доброжелательно настроенных. Но, привычный ко всему, я не потерял самообладания и не впал в панику. Безусловно, в первый момент меня охватил ужас, сродни тому чувству, которое испытывает любое загнанное в ловушку или пойманное животное. Но очень быстро это чувство уступило место дикой ярости. Вскочив на ноги, я заметался по комнате, насколько позволяла мне железная привязь.

Я еще не успел прекратить бесплодные попытки вырваться из стального обруча, когда неожиданный шум заставил меня сжаться как пружину, приготовившись к отражению любого нападения. То, что я увидел, словно парализовало меня.

В дверном проеме появилась девушка. Не считая странной одежды, она мало чем отличалась от земных девчонок, разве что была более стройной, чем большинство из них. Черные как смоль волосы незнакомки резко контрастировали с алебастрово-белой кожей. Некое подобие туники без рукавов из тонкой, воздушной ткани, накинутое на ее тело, оставляло доступными взгляду обнаженные руки, а глубокий вырез открывал большую часть прекрасной груди. Туника, перехваченная тонким ремешком на поясе, немного не доходила до колен девушки. По икрам избегала шнуровка изящных сандалий. Неприятельница замерла в дверях, изумленно глядя на меня, полураскрыв кораллово-красные губы. В

следующий миг она взвизгнула от страха и удивления и, развернувшись, выскочила из комнаты.

Я смотрел ей вслед. Если она была типичной представительницей народа, жившего в этом городе, то эффект, производимый грубой накидкой, был ошибочным. Эта девушка явно принадлежала к народу высокоцивилизованному и с развитой, утонченной культурой.

Мои размышления были прерваны звуком шагов, голосами спорящих людей, в следующий миг в комнату ввалилась целая группа мужчин, изумленно замолчавших, увидев меня пришедшим в сознание и на ногах. Их вид развеял мои иллюзии относительно утонченности строителей города. Вошедшие принадлежали к тому же народу, с представителями которого я уже встречался на этой планете: все те же здоровяки, покрытые черной шерстью, все те же обезьяноподобные лица со свирепым выражением налитых кровью глаз. Одни были выше ростом, волосы на других были чуть темнее или светлее, но от всех за версту веяло дикарской жестокостью и грубостью. Враждебность огнем горела в их серо-стальных глазах.

Все вошедшие были вооружены. При виде меня их руки инстинктивно дернулись к рукояткам кинжалов.

— Тхак! — воскликнул, вернее, прорычал один из них. — Да он пришел в себя!

— Думаешь, он умеет говорить или понимать человеческий язык? — огрызнулся другой.

Все это время я, выпучив глаза, глядел на них, поражаясь их речи. Наконец-то я понял, что говорили они не по-английски.

Это открытие просто поразило меня. Эти дикари говорили не на каком-либо из земных языков, но я отлично понимал их речь, не считая отдельных слов, не имевших перевода. Я не стал пытаться объяснить себе это явление, а, недолго думая, выпалил:

— Я не хуже тебя говорю и все понимаю. И хотел бы знать: кто вы? Что это за город? И с какой стати вы напали на меня? Почему, в конце концов, я закован в цепи?

Дикари удивленно закутили головами, словно не веря своим ушам.

— Он говорит, Тхак его подери! — произнес один из них. — Я же говорил, что он с той стороны Кольца!

— С той стороны моей задницы, — буркнул другой. — Он просто мерзкий тонконогий выродок, которому не следовало позволять появляться на свет, а уж тем более выжить.

— Спроси, как у него оказался кинжал Костолома, — предложил еще кто-то.

Один из них сделал шаг вперед и, подозрительно глядя мне в глаза, издали показал мне знакомый кинжал.

— Ты, наверное, украл его, — скорее утвердительно, чем вопросительно сказал он.

— Я ничего не крал! — рявкнул я, вложив в ответ всю бессильную ярость пойманного зверя, из-за решетки с ненавистью смотрящего на своих мучителей. — Я отобрал этот кинжал у того, кто раньше владел им, и сделал это в честном, открытом бою!

— Ты убил его? — раздались недоверчивые голоса.

— Нет, — буркнул я. — Мы честно дрались голыми руками, пока он не схватился за оружие. Тогда я его вырубил, и он остался лежать без сознания.

Мои слова были встречены шумными криками. Сначала я подумал, что дикарей взбесили мои слова, но потом выяснил, что они просто спорили между собой.

— Я же тебе говорю, что он врёт! — перекрыл общий гул рев, похожий на бычий. — Неужели не ясно, что Логар Костолом не тот парень, который уступит в драке этому изнеженному сопляку. Только Гхор Медведь смог бы справиться с ним. И никто другой!

— Ну а откуда же у него кинжал? — спросил кто-то.

Снова начался общий скандал, и вскоре спорящие уже схватили соседей за грудки, посыпались увесистые оплеухи; казалось, вот-вот спор перейдет в настоящую драку и поножовщину.

Делу положил конец один из дикарей, видимо, самый главный, который стал изо всех сил стучать рукояткой кинжала по стене и орать своим невероятно сильным голосом:

— Заткнитесь! Заткнитесь все! Если еще хоть кто-нибудь раскроет рот, я ему башку оторву!

Призыв и угрозы возымели свое действие, и через мгновение шум утих, а предводитель продолжил свою речь как ни в чем не бывало, ровным и спокойным голосом:

— Кинжал еще ничего не значит. Костолома могли застать спящим, заманить в засаду, наконец, этот парень мог просто украсть клинок или найти его. В конце концов, мы что — братья Логара Костолома, чтобы так волноваться о его судьбе?

Одобрительное бурчание встретило эти слова. Несомненно, этот Логар Костолом не был любимцем этой компании.

— Вопрос сейчас в другом: что нам делать с этим созданием природы? Нужно собрать совет и обсудить это дело. По крайней мере я не думаю, что эта тварь съедобна. — Лицо дикаря расплылось в ухмылке.

Оказывается, этим полуобезьянам не было чуждо чувство юмора, пусть и грубовато-мрачного.

— Можно попробовать выделывать его шкуру, — предложил кто-то абсолютно серьезно.

— Тонковата будет, — возразил другой.

— Вообще-то я не сказал бы, что он очень мягкий, — вновь заговорил первый дикарь. — Когда мы его тащили, я подумал, что у него под кожей стальные пружины.

— Ладно вам спорить, — вмешался еще один, — сейчас отрежем пару кусочков и выясним, какая у него шкура и что у него внутри.

Вынув кинжал, он направился ко мне, в то время как остальные с интересом следили за ним.

К этому моменту гнев окончательно переполнил меня. Вся комната словно плавала в кровавом дыму. А когда стало ясно, что этот парень действительно собирается попробовать на мне остроту своего оружия, я просто взбесился. Взяв, я схватил перекинутую через плечо цепь обеими руками, намотав ее на запястья для лучшего упора, и, уперев ноги в пол, наклонился вперед и потянул изо всех сил. Заныли все кости и мышцы, на коже выступил пот. Но затем раздался треск разламываемого камня, кольцо подалось, и я, словно пущенный из катапульты, отлетел прямо под ноги дикарям, которые не замедлили наброситься на меня.

Мой звериный вопль едва ли не перекрыл весь их хор, а мои кулаки заработали, словно мельничные жернова. Да, знатная была потасовка! Мои противники не пытались убить меня и не стали доставать оружие, решив задавить меня численным превосходством. Мы, сцепившись в один орущий, дерущийся, царапающийся и кусающийся узел, катались из одного угла комнаты в другой. В какой-то миг мне показалось, что в дверном проеме появились женские головы, похожие на голову виденной мною девушки, но у меня не было времени рассмотреть их, я был слишком занят. В тот момент мои зубы впились в чье-то покрытое волосами черное ухо, в глазах все плыло от заливавшего их пота да кружились какие-то искорки — результат основательного удара в нос. Кроме того, из-за огромных туш, навалившихся на меня со всех сторон, обзор был не очень хорош.

И все же я сумел достойно постоять за себя. Разбитые уши, переломанные носы, выбитые зубы, а главное, стоны пострадавших от моих железных кулаков — вот была главная награда и торжественный марш для меня. К сожалению, проклятая цепь обвилась вокруг моих ног, лишив меня подвижности, да к тому же повязка слетела с головы, рана раскрылась, и мое лицо оказалось залитым кровью. Ослепленный, я не смог точно наносить удары, и вскоре моим противникам удалось повалить меня и связать по рукам и ногам.

Затем они расползлись в разные стороны и, кто сидя, кто лежа, стали постанывать, осматривая полученные травмы, в то время как я продолжал осыпать их самыми вычурными ругательствами и проклятьями. Несколько удовлетворило меня зрелище кровоточащих носов, заплывающих глаз, опухших ушей и выплевываемых зубов. Еще больше порадовало меня заявление одного из дикарей о том, что у него, по всей видимости, сломана рука. Другой и вовсе оказался лежащим без сознания, и, чтобы привести его в чувство, на него вылили кувшин холодной воды. Кто принес воду — я со своего места видеть не мог. Наверное, кто-нибудь из женщин, со страхом наблюдавших за нашей дракой из-за двери.

— Его раны опять открылись, — пробурчал один из человекообезьян, тыкая в меня пальцем. — Он истечет кровью и подохнет.

— Очень надеюсь, — простонал другой, лежавший, согнувшись пополам, на полу. — Как он пнул меня! Я умираю. Принесите вина.

— Если ты все равно умираешь, нет смысла поить тебя вином, — резко оборвал его жалобы тот, который, видимо, был вождем. Разглядывая выбитый зуб, он добавил: — Акра, перевяжи-ка пленника.

Акра без особой охоты подошел ко мне и наклонился.

— Не шевели своей дурацкой башкой, — угрожающе прорычал он.

— Пошел прочь! — огрызнулся я. — Ничего мне от вас не нужно. Только попробуй дотронуться до меня — узнаешь, с кем имеешь дело!

Человек, раздраженный моим бессмысленным, с его точки зрения, упорством, положил мне руку на лицо и попытался резким движением прижать мою голову к полу. Это было ошибкой с его стороны. Мои челюсти впились в его палец; послышался душераздирающий вой, и лишь с помощью товарищей Акре удалось вырвать поврежденный палец из моей хватки. Обезумев от боли, он вскочил на ноги и неожиданно из всех сил пнул меня в висок. Ударившись раненой головой об угол скамьи, я снова потерял сознание.

Вновь придя в себя, я обнаружил, что рана моя перевязана, а сам я связан по рукам и ногам, да к тому же вновь прикован к другому кольцу, несомненно, более надежно вмурованному в стену. Было темно. Сквозь решетку виднелся кусочек ночного звездного неба. В нише стены горел странным белым пламенем одинокий факел, освещавший часть комнаты. На скамейке, подперев голову руками и поставив локти на колени, сидел человек, во все глаза внимательно глядевший на меня. Рядом с ним стоял большой золотой сосуд.

— Я уже сомневался, что ты вообще очухаешься, — наконец сообщил он.

— Какого-то пинка будет мало, чтобы покончить со мной, — огрызнулся я. — А вы — всего лишь стая слаба-

ков и хлопиков. Если бы не рана и не эта проклятая цепь, я бы вам всем показал...

Похоже, мои оскорбления не столько разозлили, сколько заинтересовали его. Потрогав покрытую свежа-запекшейся кровью ссадину на голове, он спросил:

— Кто ты? Откуда ты пришел?

— Не твое дело, — отрезал я.

Пожав плечами, он одной рукой взял стоявший рядом с ним сосуд, а другой — вытащил из ножен кинжал.

— Здесь, в Котхе, никто не должен быть голодным, — сказал он. — Я поставлю эту чашу рядом с тобой, чтобы ты мог поесть и попить, но учти, если ты попытаешься ударить или укусить меня, узнаешь на своей шкуре, насколько остер мой клинок.

Я промышчал что-то неопределенное, и он наклонился, поставил чашу рядом со мной, а затем поспешно отодвинулся на безопасное расстояние. В чаше оказалось нечто вроде похлебки, утолявшей одновременно голод и жажду. Поев, я почувствовал, что настроение мое улучшилось, и уже с большей охотой ответил на вопросы стражника.

— Меня зовут Исау Каирн, я американец, с планеты Земля.

Удивленно подняв брови, он переспросил:

— А где это? За Кольцом?

— Я не понимаю тебя, — ответил я.

— А я — тебя, — покачал он головой, — но если ты даже не знаешь, что такое Кольцо, значит, ты не мог прийти из-за него. Ладно, потом ты объяснишь все это. Но скажи мне, откуда ты шел, когда мы заметили тебя на равнине приближающимся к городу? Это твой костер горел неподалеку всю прошлую ночь?

— Наверное, мой, — ответил я. — Много месяцев я прожил на холмах к западу отсюда. Лишь несколько дней назад я спустился на равнину.

Вытащив глаза, мой страж уставился на меня:

— Ты жил на холмах? Один, всего лишь с кинжалом?

— Ну да, а что такого? — удивился я.

Он покачал головой, словно сомневаясь или не веря мне:

— Еще несколько часов назад я сказал бы, что ты просто лжешь. Но теперь я уже не настолько в этом уверен.

— Как называется этот город? — спросил я его.

— Котх, город племени котхов. Наш вождь — Кхосутх Головорез. Меня зовут Тхаб Быстроногий. Сейчас меня назначили сторожить тебя, пока остальные воины держат совет.

— Что еще за совет? — поинтересовался я.

— Они обсуждают, что с тобой делать. Совет начался на закате, и не похоже, чтобы дело шло к концу.

— А в чем разногласия?

— Ну, — чуть замаялся Тхаб, — некоторые хотят тебя повесить, другие же предлагают содрать с тебя шкуру живьем.

— И что, никому не пришло в голову предложить отпустить меня с миром? — спросил я с мрачным юмором.

Тхаб только холодно посмотрел на меня.

— Не прикидывайся дураком, — буркнул он.

В этот момент за дверью послышались легкие шаги, и в комнату вошла девушка, которую я уже видел раньше. Тхаб неодобрительно посмотрел на нее.

— Что ты здесь делаешь, Альтха? — спросил он.

— Я хочу посмотреть на незнакомца, — ответила она мягким, мелодичным голосом. — Я никогда не видела таких людей. Его кожа почти такая же нежная, как моя, и на ней нет волос. А какие странные у него глаза! Откуда он пришел?

— Говорит, что с холмов, — буркнул Тхаб.

Глаза девушки широко раскрылись от изумления.

— Но ведь на холмах никто не живет, только дикие звери! Неужели он тоже какое-то животное? Но я слышала, что он умеет говорить и все понимает.

— Так оно и есть, — подтвердил Тхаб, — а еще он умеет вышибать мозги из наших ребят голыми руками, которые тверже и тяжелее, чем булыжники. Так что шла бы ты отсюда от греха подальше. Если этот дьявол схватит тебя, то сожрет целиком — и хоронить нечего будет.

— Я не буду подходить к нему, — заверила девушка. — Но, по правде говоря, Тхаб, он не выглядит таким чудовищем. Смотри, в его взгляде совсем нет злости. Скажи, а что с ним сделают?

— Совет решит. Может быть, предоставят ему возможность сразиться один на один с саблезубым леопардом, без оружия.

Она всплеснула руками — такого, полного чувства, чисто человеческого жеста я еще не видел на Альма-рике.

— Но за что, Тхаб? Он ведь ничего не сделал. Он пришел один, без оружия, не прячась. Стражники выстрелили в него без предупреждения, а теперь...

Тхаб с раздражением взглянул на девушку:

— Если я скажу твоему отцу, что ты вступаешься за пленника...

Угроза была вполне серьезной. Девушка тотчас же осеклась.

— Не говори ему, пожалуйста, — взмолилась она.

Вдруг Альтха снова загорелась и, отойдя к дверям, крикнула:

— И все равно это неправильно! Даже если отец до крови выпорот меня, я все равно буду говорить так!

Со слезами на глазах она выбежала из комнаты.

— Что это за девушка? — спросил я.

— Альтха, дочь Заала Копьеносца.

— А он кто?

— Один из тех, кого ты так любезно отделал некоторое время назад.

— Ты хочешь сказать, что эта девчонка — дочь такого... — Мне не хватило слов.

— А что с ней не так? — не понял меня Тхаб. — Она ничем не отличается от остальных женщин нашего племени.

— Значит, все женщины похожи на нее, а мужчины — на тебя?

— Ну конечно. Разумеется, все чем-то отличаются друг от друга, но в общем... А что, в твоём народе это не так? Хотя скорее всего именно так, если ты, конечно, не единственный в своём роде уродец.

— Эй, полегче, — начал раздражаться я, но тут в дверном проеме показался другой воин.

Войдя, он сказал:

— Я пришел сменить тебя, Тхаб. Воины решили отложить дело до утра, когда вернется Кхосутх.

Тхаб ушел, а его место на скамье занял новый стражник. Я не стал пытаться разговаривать с ним. В моей голове и так крутилось слишком много мыслей, к тому же я очень хотел спать. Вскоре я словно провалился в крепкий сон без сновидений.

Видимо, все пережитое за тот день изрядно утомило меня и даже притупило остроту восприятия. Иначе я, несомненно, проснулся бы, почувствовав, как что-то коснулось моей головы. Но я лишь наполовину вынырнул из состояния дремоты. Из-под полужакрытых век я увидел, неясно, как во сне, девичье лицо, склонившееся надо мной; темные глаза испуганно рассматривали меня, губы слегка разомкнулись и так и застыли. В ноздри мне полился запах ее рассыпавшихся по плечам волос. Девушка осторожно, боязливо прикоснулась ко мне и тотчас же, отдернув руку, отпрянула, испугавшись того, что натворила. Стражник мерно храпел на скамье. Факел почти догорел, и лишь неровное красное свечение лилось из ниши в стене. За окном взопла луна. Все это я смутно отметил про себя, прежде чем снова погрузиться в глубокий сон, в котором я снова и снова видел склонившееся надо мной прекрасное лицо юной девушки.

Глава III

Проснулся я с первыми лучами рассвета, когда к приговоренным обычно являются палачи. Надо мной стояла группа людей, один из которых был, как я понял, Кхосутхом Головорезом.

Он был выше и мощнее всех остальных, настоящий великан. Лицо и тело вождя покрывали старые шрамы. Он был темнее многих и явно старше всех по возрасту.

Этот воплощенный символ дикаря стоял, глядя на меня и поглаживая ладонью рукоять меча.

— Говорят, ты хвалился, что победил в открытом бою Логара из Тхугры, — сказал он после долгой паузы каким-то замогильным голосом.

Я ничего не ответил, а продолжал молча лежать, глядя на него снизу вверх, чувствуя, как гнев снова закипает во мне.

— Почему ты молчишь? — спросил он.

— Потому что мне надоело всем доказывать, что я не лгу.

— Зачем ты пришел в Котх?

— Я устал жить среди диких зверей. Какой же я был дурак — даже не догадывался, что компания саблезубых леопардов и бабуинов окажется безопаснее и спокойнее, чем знакомство с людьми.

Вождь покрутил седые усы:

— Мои воины говорят, что ты дерешься, как бешеный леопард. Тхаб сказал, что ты подошел к городу не как подходят враги и трусы. Мне нравятся смелые люди. Но что нам с тобой делать? Если мы освободим тебя, то твоя ненависть к нам за прошлое никуда не денется. А судя по всему, твою ненависть укротить не просто.

— А почему бы вам не принять меня в свое племя? — брякнул я наобум.

Могучий вождь покачал головой:

— Мы не яга, у нас нет рабов.

— А я и не раб, — огрызнулся я. — Разрешите мне жить среди вас как равному. Я буду охотиться и воевать, и ты увидишь, что я ничем не хуже любого воина твоего племени.

В этот момент за спиной Кхосутха в комнату вошел еще один человек. Он был больше всех котхов, которых я уже видел. Не выше, а именно больше, массивнее.

— А вот это тебе придется доказать! — рявкнул он и выругался. — Развяжи его, Кхосутх, развяжи! Говорят, этот парень не из слабых. Сейчас посмотрим, кто кого...

— Он ранен, Гхор, — возразил вождь.

— Ну так пусть его лечат, пока он не поправится, — развел руками великан Гхор.

— Ох и тяжелые у него кулаки, — вставил кто-то.

— Тхак! — проорал Гхор, вращая глазами. — Прими его в наше племя, Кхосутх! Пусть он выдержит испытание. Если выживет — клянусь Тхаком, — он будет достоин носить имя котха!

— Я подумаю над этим, — ответил Кхосутх после долгих колебаний.

На время все успокоились и направились к выходу вслед за вождем. Последним вышел Тхаб, подбадривающе махнувший мне рукой. Нет, этим дикарям явно не были чужды чувства сожаления и дружелюбия.

День прошел без событий. Тхаб не появлялся; другие воины принесли мне еду и питье, и я позволил им перевязать мои раны. Почувствовав более или менее человеческое отношение к себе, я перестал кипеть гневом, хотя, конечно, гнев лишь чуть отступил, не угаснув совсем.

Девушка по имени Альтха не появлялась, хотя несколько раз я слышал за дверью легкие шаги — не знаю, ее или других женщин.

Ближе к вечеру за мной прислали нескольких воинов, объявивших, что меня доставят на общий совет племени, где Кхосутх, выслушав все аргументы, решит мою судьбу. К своему удивлению, я узнал, что будут представлены аргументы не только против меня, но и в мою пользу. С меня взяли обещание не нападать ни на кого и отстегнули от цепи, приковывавшей меня к стене; но кандалы на запястьях и лодыжках остались при мне.

Меня вывели из комнаты, где я находился, и повели по каменным коридорам, не украшенным ни резьбой, ни росписью, ни полированной облицовкой. Грубые блоки стен неровно освещались белым пламенем факелов.

Пройдя несколько комнат и переходов, мы оказались в просторном круглом помещении, над которым нависал не низкий каменный потолок, а высокий свод купола. У противоположной стены на обломке скалы стоял каменный трон, на котором восседал вождь, Кхосутх Головорез, облаченный в пятнистую шкуру леопарда. Перед ним, занимая три четверти круга, расположилось почти все племя: впереди — мужчины, подогнув ноги, восседали на шкурах, а подальше, на верхних ступенях этого подобия амфитеатра, — женщины и дети.

Странное это было зрелище. Я имею в виду разительный контраст между грубыми волосатыми мужчинами и стройными белокожими женщинами. На мужчинах были набедренные повязки и высоко зашнуро-

ванные сандалии. Некоторые накиннули себе на плечи шкуры пантер — охотничьи трофеи. Женщины были одеты так же, как Альтха, которую я успел заметить среди остальных. Некоторые женщины были в легких сандалиях, некоторые — босиком. С их плеч спадали свободные туники, перетянутые на талиях ремешками. Различия между полами были явно видны даже у младенцев. Девочки были тихими, худенькими и симпатичными. Мальчишки же походили на обезьян еще больше, чем их отцы и старшие братья.

Мне приказали сесть на каменный блок чуть в стороне от пьедестала вождя. Сидя в окружении своего эскорта, я присматривался к стоявшему неподалеку Гхору, непроизвольно поигрывавшему могучими мышцами.

Как только я занял свое место, совет начался. Кхосутх без предисловий объявил, что желает выслушать все доводы. Ткнув пальцем, он назначил человека, который должен был защищать меня. Видимо, эта процедура была обычным делом в племени. Назначенный, помощник вождя, тот, который командовал избившей меня компанией, молодой воин по имени Гушлук Тигробой, не выразил большого энтузиазма по этому поводу. Потирая следы, оставленные на его теле моими кулаками, он неохотно вышел вперед и, отстегнув ножны меча и кинжала, положил оружие на пол перед собой. Так же поступили и остальные сидящие в первых рядах воины.

Воцарилась тишина, и Кхосутх объявил, что желает выслушать доводы в пользу того, что человек по имени Исау Каирн (надо было отдать должное правильному произношению вождя) не должен быть принят в племя.

Само собой, таких аргументов было целое море. С полдюжины воинов вскочили со своих мест и разом заговорили, перейдя вскоре на крик. Гушлук говорил одновременно с ними, безуспешно пытаясь разом представить контраргументы всем спорщикам. Я сник и понял, что дело плохо. Но оказалось, что это только начало. Мало-помалу Гушлук разговорился, вошел в роль, его глаза заблестели — он исступленно и уверенно доказывал остальным их неправоту. Судя по его энтузиазму и обилию аргументов в мою пользу, можно было подумать, что мы с ним просто друзья с детства.

Отдельного обвинителя назначено не было. Каждый, кто хотел, мог взять слово. И если Гушлуку удавалось разбить его доводы, то еще один голос присоединялся к голосам в мою пользу. Все новые и новые воины присоединялись к нам. Крики Тхаба, рев Гхора и страстные речи моего заступника слились в едином потоке, и вскоре почти все воины выступили в мою защиту.

Не повидав совет котхов наяву, невозможно вообразить себе это зрелище. Это был настоящий базар, бедлам, сумасшедший дом. Одновременно звучали от трех до пяти сотен голосов, но один — никогда. Как Кхосутх умудрялся хоть что-то понимать — осталось для меня загадкой. Но он явно держал руку на пульсе спора, восседавая на своем каменном троне, словно мрачный бог, осматривающий подвластный ему мир.

В обычае откладывать в сторону оружие был свой смысл. Спор нередко переходил в скандал. Начинались переходы на личности, поминались близкие и дальние родственники, всплывали давние обиды. Слов не хватало, в дело шли кулаки. Руки привычно тянулись к поясам, где обычно висело оружие. Время от времени вождю приходилось подавать голос, призывая спорщиков соблюдать хотя бы видимость порядка.

Напрасно я пытался следить за ходом дискуссии. Многие аргументы как за меня, так и против были лишены не только строгой логики, но и вообще какого бы то ни было смысла. Оставалось лишь ждать, чем кончится дело.

Ко всему прочему, спорящие частенько уходили в сторону от темы, а вернувшись, не могли вспомнить, на чьей они стороне. Казалось, конца этому не будет, ибо пыл воинов не ослабевал. В полночь они все так же яростно спорили, без устали крича и вцепляясь руками в бороды оппонентов.

Женщины не принимали участия в обсуждении. После полуночи они стали потихоньку расходиться, уводя с собой детей. В конце концов на верхних скамьях осталась лишь одна худенькая фигурка. Это была Альтха, следившая (или пытавшаяся следить) за ходом споров с неподдельным интересом.

Я сам уже давно бросил это дело. Гушлуку моя помощь была не нужна, он и сам отлично держал оборону. Гхор подбежал к трону вождя и умолял Кхосутха позволить ему свернуть кой-кому из особо упорных спорщиков шею.

В общем, на мой взгляд, все это больше всего напоминало митинг в сумасшедшем доме. В конце концов, не обращая внимания на шум и на то, что решается моя судьба, я начал клевать носом и вскоре крепко заснул, предоставив доблестным воинам-котхам драть глотки и бороды друг друга, а планете Альмарик нестись по своей орбите под вечными звездами, которым не было никаких дела до людей ни на Земле, ни на других планетах.

На рассвете Тхаб затряс меня за плечо и проорал прямо в ухо:

— Мы победили! Ты станешь членом племени, если поборешь Гхора!

— Я сверну ему шею, — пробормотал я и снова уснул.

Глава IV

Так началась моя жизнь среди людей Альмарика. Я, начавший свой путь на этой планете голым дикарем, поднялся на одну ступень эволюции, став варваром. Ведь племя котхов было варварским племенем, несмотря на все их шелка, стальные клинки и каменную крепость. Сегодня на Земле нет народа, стоящего с ними на одной ступени развития. И никогда не было. Но об этом позже. Сначала я расскажу вам о моем поединке с Гхором Медведем.

С меня сняли оковы и поместили на жительство в одну из башен — до моего выздоровления. Я все еще был пленником. Котхи приносили мне еду и воду, а также перевязывали мою рану на голове, которая не была столь серьезной по сравнению с теми, что нанесли мне дикие звери. Правда, они заживали сами собой, безо всякого лечения. Но племя желало, чтобы к поединку я был абсолютно здоров и мог на равных сразиться с Гхором, чтобы доказать мое право стать одним

из котхов. Если же я проиграю поединок, то, судя по рассказам и впечатлению от Гхора, проблем, что со мной делать дальше, не будет. Шакалы и грифы позаботятся о том, что от меня останется.

Большинство котхов относилось ко мне безразлично. Лишь Тхаб Быстроногий проникся искренним расположением к моей персоне. За время, которое я провел взаперти в башне, я не видел ни Кхосутха, ни Гхора, ни Гушлука, ни Альтху.

Не могу припомнить более утомительного и тоскливого периода в моей жизни. Я ничуть не боялся предстоящей встречи с Гхором. Не то чтобы я был заранее уверен в победе — просто мне столько приходилось рисковать жизнью, что страх за собственную шкуру почти выветрился из моей души. Прожить долгие месяцы свободным, как дикая пантера, и вдруг оказаться запертым в каменном мешке, лишенным свободы передвижения и свободы выбора. Если бы это заключение продлилось еще чуть дольше, боюсь, я не выдержал бы и попытался сбежать, либо обретя таким образом свободу, либо погибнув при этой попытке. Но во всем этом была и положительная сторона: раздражение и злость не давали мне расслабиться, так что я всегда был в форме и готов к любым переделкам.

Пожалуй, на Земле нет людей, настолько сильных и в любую минуту готовых к бою, как обитатели Альмарика. Конечно, они — дикари, их жизнь полна опасностей, сражений с хищниками и другими племенами. Но все же они — нормальные люди. Я же долгое время жил как дикий зверь.

Коротая время в башне, я вспомнил об одном чемпионе Европы по борьбе, который, в шутку повозившись со мной, назвал меня самым сильным человеком в мире. Посмотрел бы он сейчас на меня, пленника крепости Котх! Я уверен, что сейчас я без труда переломил бы этого чемпиона о колено, порвал бы его мускулы, словно гнилые тряпки, и перебил кости, как трухлявые доски. Что касается скорости, то вряд ли даже самый тренированный земной бегун был бы в состоянии соперничать с тигриной энергией, затаившейся в моих суставах и сухожилиях.

И несмотря на все это, я понимал, что мне придется полностью выложиться, только лишь чтобы устоять против бешеного натиска моего противника, действительно изрядно походившего на пещерного медведя.

Тхаб Быстроногий поведал мне о кое-каких победах Гхора. Такого послужного списка я еще не встречал. Жизненный путь этого великана был отмечен переломанными конечностями, свернутыми шеями и сломанными позвоночниками его противников. Никто еще не смог устоять против него в схватке без оружия; правда, кое-кто утверждал, что Логар Костолом был ему ровней.

Логар, как я узнал, был вождем тхугров — племени, враждебного котхам. Все племена на Альмарике враждовали друг с другом, человечество оказалось расколотым на бесчисленное количество обособленных групп, постоянно воевавших между собой. Вождя тхугров прозвали Костоломом за его недюжинную силу. Отобранный мной кинжал был его любимым оружием, выкованным, по словам Тхаба, неким сверхъестественным кузнецом. Тхаб называл это существо «горкха», и я обнаружил, что странный народец весьма похож на гномов — хозяев металлов из древних германских мифов моей родной планеты.

От Тхаба я много узнал о его народе и обо всей планете, но об этом я расскажу позже. Итак, настал наконец тот день, когда ко мне в башню пришел Кхосутх и, осмотрев мои раны, нашел их вполне излеченными, а меня — полностью готовым к поединку за честь быть принятым в его племя.

В вечерних сумерках меня вывели на улицу Котха. Я с интересом оглядывал окружающие меня могучие стены домов. В этом городе все было выстроено на века, с большим запасом прочности и мощности, но без единого намека на украшения. Наконец мои конвоиры привели меня к некоторому подобию стадиона или театра — овальной площадке у внешней стены, вокруг которой поднимались широкие ступени каменной лестницы, служившие сиденьями для зрителей. Центральная площадка поросла невысокой густой травой, наподобие футбольного поля. Нечто вроде сети окружало арену,

без сомнения, для того, чтобы уберечь головы соперников от чересчур сильного прикладывания к каменным трибунам. Вся площадка была хорошо освещена несколькими факелами.

Зрители уже заняли свои места: мужчины у самой арены, женщины и дети — на верхних ступенях. Среди моря лиц я с удовлетворением заметил знакомое лицо Альтхи, заинтересованно смотревшей на меня своими черными глазами.

Тхаб провел меня на арену, а сам вместе с остальными воинами остался за сеткой. Я живо вспомнил кулачные бои, подпольно проводимые там, на Земле, в похожих условиях — на голой земле, в неверном свете, без перчаток... Глянув в черное, полное ярких звезд небо, чья красота никогда не переставала поражать меня, я вдруг от души расхохотался. Нет, подумать только! Я, Исау Каирн, должен сейчас потом и кровью доказать свое право на существование в мире, о котором никто на моей родной планете даже не подозревает.

С другой стороны арены к сетке подошла вторая группа воинов. В центре шел Гхор Медведь, живо подлезший под сетку и огласивший стадион диким воплем, придя в ярость от того, что я опередил его и появился на ринге первым.

Встав на возвышающийся над первым рядом помост, Кхосутх взял в руку копье и, размахнувшись, метнул его в землю. Проследив короткий полет глазами и увидев, как копье вонзилось в траву, мы с Гхором кинулись друг на друга — две горы мышц, полные силы и желания победить.

На нас не было никакой одежды, кроме узкой набедренной повязки. Правила поединка были просты: запрещалось наносить удары как кулаком, так и раскрытой ладонью, локтями, коленями; также запрещалось пинаться, кусаться и царапаться. Все остальное было разрешено.

Когда мохнатая туша впервые навалилась на меня, я подумал, что Гхор, пожалуй, посильнее Логара. Лишенный своего привычного оружия — кулаков, — я терял главное преимущество перед противником.

Гхор был настоящей грудой железных мускулов; к тому же он двигался с быстротой огромной кошки.

Привычный к таким поединкам, он владел множеством приемов, о которых я не знал. В довершение ко всему, его голова так плотно сидела на плечах, на короткой толстой шее, что было бесполезно пытаться свернуть ее.

Меня спасли только упорство и выносливость, полученные за время жизни на холмах. Кроме того, на моей стороне было преимущество в скорости и ловкости.

О самом поединке можно сказать немного. Казалось, что время прекратило свое движение, остановилось, превратившись в неподвижную, скрытую кровавой пеленой вечность. Стояла абсолютная тишина, нарушаемая лишь нашим хриплым дыханием, потрескиванием факелов да звуком скользящих по траве босых ног. Наши силы были почти равны, что делало невозможной быструю развязку. Дело было не в том, чтобы уложить соперника на лопатки, как это принято в соревнованиях на Земле. Нет, здесь состязание шло до тех пор, пока один или оба противника не рухнут замертво на землю, прекратив сопротивление.

До сих пор меня бросает в дрожь, когда я вспоминаю о том, каких усилий воли и боевого духа стоила эта схватка. В полночь мы все еще стояли, уперевшись друг в друга плечами. Казалось, что весь мир утонул в каком-то кровавом тумане. Все тело превратилось в сплошной сгусток напряжения и боли. Некоторые мышцы просто онемели, и я перестал чувствовать их. Кровь сочилась у меня изо рта и из носа. Я наполовину ослеп от напряжения. Ноги стали дрожать, дыхание сбилось. Утешало меня лишь то, что Гхор был не в лучшем виде. Кровь также текла и из его рта и носа, да к тому же еще и из обоих ушей. Его грудь также ходила ходуном. Сплюнув кровавую слюну, он с рычанием, больше похожим на хрип, еще раз попытался вывести меня из равновесия и сбить с ног. Для этого он дернулся и стал еще больше нагибаться вперед.

Собрав в кулак последние силы, я вложил их в одно движение: перехватив выставленную вперед руку Гхора, я развернулся, перекинул ее через плечо и резко потянул на себя...

Нажим Гхора помог мне провести прием. Перелетев через меня, он рухнул на траву, приземлившись на шею и одно плечо, и затих. Мгновение я стоял в тишине, глядя на лежащего противника, а затем воздух наполнился криками котхов, признававших меня победителем. Но тут ноги мои подкосились, в глазах стало совсем темно, и я, рухнув на лежащего соперника, потерял сознание.

Уже потом мне сказали, что сначала все посчитали нас обоих покойниками. Много часов пробыли мы с Гхором без сознания. Как наши сердца не разорвались от такого напряжения — осталось для меня и для всех загадкой. Старики утверждали, что не помнили такого долгого поединка на арене за всю свою жизнь.

Гхору пришлось худо, даже по здешним меркам. В последнем падении он переломил себе плечо и раскроил череп, не говоря уже о других, менее значительных травмах. Что касается меня, то в моей грудной клетке оказались сломанными три ребра, а все суставы и мышцы настолько перетрудились, что я несколько дней не мог даже подняться с постели. Котхи лечили нас, используя все свои немалые познания в этом деле, но, пожалуй, в первую очередь своим выздоровлением мы были обязаны нашей природной живучести. Когда дитя природы оказывается ранено, оно либо быстро погибает, либо так же быстро выздоравливает.

Я спросил Тхаба, не будет ли Гхор ненавидеть меня за проигрыш. Вопрос поставил моего приятеля в тупик: до сих пор Гхор никогда не проигрывал поединков.

Но вскоре я понял, что могу не беспокоиться на этот счет. В один прекрасный день в мою комнату вошли шестеро воинов, аккуратно внесших на руках носилки, на которых лежал Гхор, перевязанный так плотно, что его едва можно было узнать. Но голос Медведя перепутать было невозможно. Он заставил своих приятелей принести себя ко мне в комнату, чтобы поприветствовать меня. Он не держал на меня зла. В его большом, простом, первобытном сердце нашлось место лишь для восхищения человеком, сила которого превзошла его собственную. Как только Гхора внесли, он тотчас же издал приветственный клич, от которого задрожала крыша

здания, и выразил надежду, что мы вместе еще повоюем и зададим жару врагам нашего племени.

Его унесли, а он все продолжал восхищаться мною и строить планы на будущее. Неожиданно для себя я почувствовал нежность и симпатию к этому созданию природы, которое было куда ближе к человеку, чем многие так называемые цивилизованные обитатели Земли.

Итак, как только я смог стоять на ногах и самостоятельно передвигаться, я предстал перед Кхосутхом Головорезом, начертавшим над моей головой острием меча древний символ племени котхов. Затем вождь собственноручно вручил мне знак воина — широкий кожаный ремень с железной пряжкой и передал оружие — мой кинжал и второй клинок — длинный прямой меч с серебряным эфесом. Затем передо мной прошли все воины, начиная с вождя. Каждый клал мне руку на голову и называл свое имя. Я должен был повторить его и назвать себя, произнеся свое новое имя — Железная Рука. Эта часть была самой утомительной — как-никак, а воинов было что-то около четырехсот. Но это входило в ритуал посвящения, и, пройдя его, я был таким же полноправным котхом, как если бы родился в этом городе.

Еще в башне, меряя шагами свою комнату, словно тигр в клетке, я многое узнал из рассказов Тхаба о котхах и о том, что им самим было известно об их собственной планете.

Это племя и другие, ему подобные, были единственной человекоподобной расой на Альмарике, хотя далеко на юге обитал таинственный народ, который котхи называли «яга». Себя же они именovali «гура». Это слово они применяли к себе так же, как мы на земле используем слово «человек». Множество племен гура населяло похожие на Котх города. В каждом из племен было три-пять сотен воинов и соответствующее число женщин и детей.

Ни один из котхов не совершал кругосветного путешествия, хотя, будучи охотниками, они уходили очень далеко от родного города. Кстати, пообщавшись со мной, кое-кто из племени стал называть свой мир Альмариком, то есть словом, которое принес с собой я с Земли. Далеко на севере лежала сумрачная страна

льдов. Люди в ней не жили, хотя ходили легенды о странных криках, доносящихся с ледяных гор, и о теньях, мелькающих по поверхности ледников. На меньшем расстоянии к югу возвышался гигантский каменный барьер, через который никто из людей никогда не перебирался. Легенды утверждали, что этот барьер опоясывал всю планету; поэтому-то он и получил название Кольца. Что скрывалось за Кольцом — не знал никто. Некоторые верили, что это — конец мира, а за ним — лишь пустота. Другие утверждали, что за ним расположено второе полушарие. Мне эта версия, естественно, показалась более логичной, но я, как и другие, не мог представить доказательств ее правоты, и большинство котхов продолжало считать ее лишь красивой сказкой.

Во все стороны от Котха лежали города народов гура — от Кольца до Страны льда. В северном полушарии не было ни морей, ни океанов. Здесь по бескрайним равнинам текли реки, собираясь в неглубокие озера. Кое-где росли дремучие леса, вздымались невысокие, иссеченные ветрами горные гряды и холмы. Самые большие реки текли на юг, где исчезали в проломах Кольца.

Города народов гура были построены только на равнинах и на большом расстоянии друг от друга. Их архитектура являлась закономерным следствием эволюции строителей. В первую очередь города служили крепостями для защиты от врагов. Отражая характер и облик строителей, города были грубыми, массивными, лишёнными каких бы то ни было украшений; искусство словно не существовало на этой планете.

В чем-то гура были очень похожи на землян, а в чем-то — разительно отличались. Что касается котхов — а значит, и всех племен гура, — то они были сильны в умении вести войну, охотиться и создавать оружие. Последнее ремесло передается от отца к сыну, но пользуются его секретами не так уж часто. Дело в том, что оружие сделано так хорошо, что служит очень долго и не требует замены. Его передают по наследству, иногда пополняя запасы за счет трофеев.

Вообще, металл используется только в оружейном деле, иногда в строительстве, а также для изготовления пряжек и застежек на одежде и снаряжении. Ни муж-

чины, ни женщины не носят украшений. Монеты, да и деньги вообще здесь неизвестны. У гура нет символа единицы обмена. Между городами торговля не ведется, а внутри города все как-то ухитряются обойтись взаимовыгодным обменом. Единственная ткань для одежды изготавливается из волокна, полученного из одного странного растения, которое растет даже внутри городских стен. Другие растения обеспечивают гура фруктами и вином. Свежее мясо, их основная пища, добывается на охоте — любимом занятии гура, работе и отдыхе одновременно.

Племя котхов, как и все остальные, ковало мечи, ткало шелкоподобную ткань, охотилось и вело некое подобие сельского хозяйства. У котхов есть письменность — что-то вроде примитивных иероглифов, которые рисуют на листьях, похожих на папирус, острым, как кинжал, металлическим стержнем, опускаемым в бордовый сок какого-то растения. Но кроме вождей, мало кто умеет читать и писать. Литературы у них нет. Ничего не знают котхи и о живописи, скульптуре или «высокой науке». Вся их культура сугубо утилитарна, приспособлена к выполнению каких-то повседневных задач и никак не развивается дальше.

Правда, как у большинства первобытных племен, у них существует нечто вроде народной поэзии, повествующей в основном о битвах, сражениях и героях. Среди котхов нет бардов или менестрелей. Каждый взрослый мужчина знает свои родовые песни и после нескольких кружек доброго эля готов исполнить их голосом, идеально подходящим для разрывания барабанных перепонок.

Эти песни никто не записывает. Письменная история тоже не ведется. Вот почему события прошлого перемешиваются друг с другом и с явным вымыслом.

Никто не знает, сколько лет городу Котх. Его гигантские блоки прочны, как сама вечность, и могли появиться здесь как десять лет назад, так и десять тысяч. Но мне кажется, что этому городу не меньше пятнадцати тысячелетий. Гура — древняя раса, несмотря на то что дикость придает ей вид молодого, полного сил народа. Об эволюции этой расы, о ее появлении мне

ничего не известно. У самих гура нет понятия об эволюции, о развитии, прогрессе. Они считают, что то, что их окружает, существовало всегда, вечно и будет существовать так же вечно в будущем. У них нет легенд, объясняющих их происхождение.

Большинство своих замечаний я посвятил мужчинам племени котхов. Но надо сказать, что и женщины достойны отдельного рассказа. После всего, что я увидел и узнал, различия между полами у этого народа уже не казались такими необъяснимыми. Это всего лишь результат эволюции, корни которого лежат в особом отношении мужчин гура к своим женам и сестрам. Я уверен, что в первую очередь ради женщин были построены крепости-города, в которых скрепя сердце поселились беспшашные воины и охотники — мужчины гура, кочевники в душе.

Женщины, оберегаемые от всех опасностей, равно как и от тяжелой работы, превратились в те утонченные создания, которые я уже описал. Мужчины же, наоборот, вели невероятно активную, требующую постоянных усилий жизнь. Эта жизнь — сплошная борьба за выживание — началась с того момента, когда первая обезьяна на Альмарике встала на задние лапы. И естественно, что выжившие в этой войне приспособились к такой жизни: их дикие, обезьяноподобные черты лица и могучее, почти звериное тело — не результат вырождения или деградации, это есть плод своеобразного отбора. Мужчины расы гура прекрасно приспособлены к той жизни, которую они ведут.

Так как мужчины берут на себя весь риск и всю ответственность, власть и авторитет тоже принадлежат им. Женщины не имеют права голоса ни в управлении делами города, ни всего племени. Власть мужа над женой абсолютна. Хотя в случае угнетения или издевательств женщина может пожаловаться на мужа в совет. В основном женщины очень ограничены, мало знают и мало чем интересуются. Это неудивительно — ведь большинство из них за всю жизнь и шагу не ступили за городскую стену, если только не были захвачены другим племенем во время набега.

Но женщины вовсе не так несчастны, как можно подумать. Дело в том, что, как я уже говорил, забота и нежное отношение к женщине — одна из отличительных черт гура. Любое проявление жестокости или злобности к ним, встречающееся чрезвычайно редко, сурово и единогласно осуждается племенем.

Гура моногамны. Конечно, они не сильны в искусстве ухаживания, взаимных комплиментов и намеков. Скорее нежность и забота, проявляемые мужчинами и женщинами по отношению друг к другу, напоминают традиции американских переселенцев.

Обязанностей у женщин гура не много: в основном они связаны с воспитанием и заботой о детях. Самая тяжелая работа, выпадающая на их долю, — это прядение нитей и изготовление ткани из волокон растений. Женщины музыкальны, почти все умеют играть на небольшом струнном инструменте, похожем на лютию. Любят они и петь. Кроме того, их ум, несомненно, более остр и гибок, чем у мужчин. Женщины сами себя развлекают, шутят, и, похоже, время проходит для них весело. Ни одной из них и в голову не приходит сунуться за городскую стену: они прекрасно знают об опасностях, грозящих им там, и предпочитают оставаться под защитой своих суровых и сильных мужей, отцов и братьев.

Мужчины, как я уже говорил, очень похожи на какое-нибудь земное варварское племя. Чем-то они напомнили мне древних викингов. Они честны, презирают ложь, обман и любое воровство. Они с удовольствием охотятся и воюют, но не жестоки беспричинно, если, конечно, ярость не ослепляет их на время. Они немногословны, грубоваты, легко сердятся, но так же легко и быстро успокаиваются и не держат зла, если речь не идет о кровном враге. У них своеобразный, хотя и очень грубый юмор; они ревностно, пламенно любят родной город и племя. Но больше всего, по-моему, они дорожат личной свободой.

Оружие гура составляют мечи, копья, кинжалы и некое подобие огнестрельного оружия, похожего на мушкет, заряжающееся с дула и весьма недалёбойное. Сгораемое вещество совсем не похоже на порох, каким мы его знаем, а вот пули отливаются из металла; напо-

минающего свинец. Это оружие используется в основном в войнах против людей. На охоте удобнее и эффективнее лук со стрелами.

Часть воинов племени постоянно находится на охоте, далеко от города. Но в любом случае не меньше тысячи воинов остается внутри городских стен, чтобы отразить возможное нападение, что, впрочем, случается нечасто. Гура редко берут чужие города в осаду. Штурмом их взять трудно, а заморить защитников голодом еще труднее: в каждом городе созданы огромные запасы продовольствия, и в каждом есть по крайней мере один обильный источник, снабжающий жителей водой. Охотники частенько, правда большими группами, забредают в холмы, где я жил несколько месяцев. Считается, что эти места населяют самые свирепые и опасные хищники. Лишь самые отчаянные отряды проводят на холмах несколько дней, остальные предпочитают на ночь уходить обратно на равнину. Тот факт, что я прожил здесь несколько месяцев один, вооруженный всего лишь кинжалом, придал мне в глазах котхов едва ли не больше авторитета, чем победа над Гхором Медведем.

Да, я многое узнал об Альмарике. Но это повествование — не детальная хроника, и я не могу подробно останавливаться на местных обычаях и традициях. Я слушал все, что мне рассказывали котхи, и старался запоминать. Гура считали, что они — первая раса, населяющая Альмарик. Но я предполагаю, что это не так. Мне рассказывали о неизвестно откуда взявшихся руинах городов, возведенных некогда другими народами. Гура считают, что эти народы жили одновременно с их дальними предками. Но мне довелось узнать, и я в этом уверен, что таинственные расы появились, расцвели и исчезли за много веков до того, как первый гура заложил первый камень в основание стены своего будущего города. Как мне удалось узнать то, что не было известно гура, — отдельная история.

Среди гура ходят легенды и достоверные рассказы о наследниках тех древних обитателей Альмарика. Мне рассказывали о яга, страшном и жестоком народе крылатых людей, обитающих далеко на юге, почти у самого Кольца. Их город называется Югга; он построен на

горе Ютхла, на реке Йогх, в стране Ягт — там, куда не ступала нога нормального человека. Гура утверждают, что яга не люди, а демоны в человеческом облике. Время от времени они прилетают из Югги, сжимая в руках разящий меч или сжигающий все факел, чтобы захватить и унести с собой молодых девушек гура в качестве пленниц. Что с ними происходит потом — неизвестно, ибо никто еще не возвращался из страны Ягт. Некоторые утверждают, что девушек отдают на съедение чудовищу, которому яга поклоняются как богу. Другие говорят, что эти крылатые черти не поклоняются никому, кроме самих себя. Было известно, что правит ими королева Ясмина, вот уже тысячу лет сидящая на своем каменном троне на вершине Ютхлы, а ее тень, лежащая на мир, заставляет людей вздрагивать и втягивать голову в плечи.

Рассказывали мне гура и о других не менее страшных и опасных существах: о собакоголовых чудовищах, живущих на развалинах древних городов; о содрогающих землю колоссах, появляющихся лишь темными ночами. Узнал я и об огнедышащих летающих ящерицах, спускающихся из-за туч, словно молнии, о полуденных лесных хищниках, которых никто никогда не видел, но о которых знали все, потому что те время от времени утаскивали в чащу спящих охотников. Водились на Альмарике и летучие мыши, чей похожий на смех крик сводил людей с ума, и множество других коварных и опасных существ, которым и близко не подобрать земного соответствия. Ибо жизнь на этой планете принимала странные, очень странные формы, но не только жизнь, а еще и нежить.

Быть может, я уже утомил вас своими кошмарными описаниями. Но потерпите: вскоре события начали развиваться с такой скоростью, что мое повествование будет едва справляться с ними.

Долгие месяцы я жил среди котхов, совершенствуясь в искусстве охоты, вволю наедаясь и изрядно прикладываясь к крепкому, хмельному элю. Я уже почти сроднился с окружающими меня людьми. Меня еще не проверили в войне с иноплеменниками, но и внутри города хватало возможностей почесать кулаки в дружеской

возне и в пьяных драках, когда, закипая от одного слова, мужчины бросали на пол кружки с пенящимся напитком и вцеплялись друг другу в бороды. Я наслаждался этой жизнью. Здесь, как и на холмах, я мог не связывать себя дурацкими условностями и проявить в полной мере все свои силы. И плюс к этому здесь я был не один, а в веселой компании. Мне не были нужны искусство, литература, интеллектуальное совершенствование. Я охотился, дрался, ел и пил. Я вцепился в жизнь руками и ногами, впился в нее, как клещ. И в череду этих занятий я почти перестал вспоминать одинокую хрупкую фигурку, следящую из-под самого купола за советом, решающим мою судьбу.

Глава V

Однажды, проведя несколько дней на охоте в одиночку, я возвращался в город. Я лениво шел, думая о чем-то, не забывая, однако, отметить про себя замеченные следы животных или подозрительный шорох где-нибудь в траве. До Котха было еще несколько миль. Его могучие башни еще не показались на горизонте...

Из состояния задумчивости меня вывел пронзительный крик. Не веря своим глазам, я увидел, что ко мне со всех ног несется худенькая стройная женщина. Следом за ней бежала одна из огромных хищных птиц, считающихся едва ли не самыми опасными обитателями равнины. Они достигают в высоту десяти футов и во многом похожи на земных страусов, если не считать клюва, страшного оружия, заточенного и заостренного, словно ятаган, фута три длиной. Удар такого клюва может проткнуть человека насквозь, а острые кривые когти на лапах птицы без труда оторвут руки и ноги жертвы.

Эта «машина смерти» с каждой секундой приближалась к убегающей девушке, и я понял, что она нагонит беднягу раньше, чем я смогу подоспеть на помощь. Проклинаю судьбу за то, что приходится рассчитывать на мою не самую высокую меткость, я встал поудобнее

и прицелился. Девушка бежала прямо ко мне, и я не мог стрелять в тело птицы, рискуя попасть в человека. Оставалось целиться в огромную голову на длинной шее, возвышавшуюся над убегающей жертвой.

Удача улыбнулась мне, и пуля угодила в цель. Вместе со звуком выстрела кошмарная птица споткнулась, словно налетев на невидимую стену, взмахнула короткими, почти лишенными перьев крыльями, загребла переставшими держать ее вес ногами и рухнула в траву.

В тот же момент упала, как подстреленная, и девушка. Подбежав, я с удивлением обнаружил, что это Альтха, дочь Заала, целая и невредимая, смотрит на меня своими темными, загадочными глазами. Она очень запыхалась и к тому же была до смерти перепугана. Птице повезло куда меньше: удачно угодившая в череп пуля пробила его насквозь, выбив заодно и все мозги.

Снова посмотрев на Альтху, я спросил:

— Что ты делаешь за стенами города? Ты что, с ума сошла, — шатаешься черт знает где, да еще одна!

Она не ответила, но явно здорово испугалась. Постаравшись смягчить голос, я сел рядом с ней на траву и сказал:

— Странная ты девчонка, Альтха. Ты не такая, как другие женщины племени. Люди говорят, что ты волевая, упрямая и своенравная, причем иногда — безо всякой причины. Я не понимаю тебя. Ну зачем, скажи мне, так рисковать жизнью?

— Что ты теперь сделаешь? — вдруг спросила она.

— Как что? Отведу тебя обратно в город, конечно.

При этих словах ее лицо приняло выражение упрямого несогласия.

— Ну что ж, vedi. Отец меня выпорет. Ну и пусть! А я снова убегу, а потом снова и снова!

— Но зачем ты убегаешь? Куда ты рвешься? Здесь тебя рано или поздно просто сожрет какая-нибудь тварь. Вот и все.

— Ну и ладно! Значит, я хочу, чтобы меня сожрали.

— Тогда зачем же ты убегала от птицы?

— Инстинкт сохранения жизни, — многозначительно ответила она.

— Но почему ты хочешь умереть? — воскликнул я. — Ведь женщины племени котхов счастливы, а тебе придется не хуже, чем им.

Она отвернулась и обвела взглядом бескрайнюю равнину.

— Есть, пить и спать — это еще не все, — каким-то странным голосом сказала Альтха. — Это могут и животные.

Я рассеянно почесал в затылке. Я частенько слышал подобные речи на Земле, но здесь, на Альмарике, это было в диковинку. Альтха продолжала говорить, обращаясь не столько ко мне, сколько к самой себе:

— Я не могу так больше жить. Я, наверное, не такая, как все. Я все время чего-то хочу, чего-то ищу...

Удивленный такими непривычными словами, я взял ее голову в руки и аккуратно повернул, чтобы посмотреть девушке в глаза. Ее загадочный взгляд встретился с моим.

— Пока тебя не было — было трудно, — сказала она негромко. — А теперь стало еще труднее.

От удивления я разжал руки, и Альтха опустила голову.

— Почему же из-за меня стало хуже?

— Что такое жизнь? — ответила она вопросом на вопрос. — Неужели то, как мы живем, единственно возможная жизнь? Неужели нет ничего другого, ничего, кроме наших повседневных интересов и потребностей?

Я растерянно покачал головой и сказал:

— Ну, на моей планете, на Земле, я встречал многих людей, стремившихся к какому-то туманному идеалу. Но я не скажу, чтобы они были очень счастливы.

— Я-то сначала подумала, что ты не такой, как другие, — сказала она, глядя куда-то вдаль. — Когда я увидела тебя в кандалах, впившихся в твою нежную, гладкую кожу, я подумала, что ты умнее, тоньше, нежнее, чем наши мужчины. А ты оказался таким же грубым и диким, как и все остальные. Ты так же, как и они, проводишь время на охоте, в драках и пьяных пирушках.

— Но ведь так все живут! — возразил я.

Она кивнула:

— Ну вот, значит, я действительно не гожусь для этой жизни. Лучше уж мне умереть.

Мне почему-то стало стыдно. Я понимал, что землянину жизнь на Альмарике могла показаться грубой, жестокой и бессмысленной. Но услышать такое от местной женщины... Если кто-нибудь из них и желал большего внимания и участия со стороны мужчин, то они не показывали вида, что это так. Они казались довольными заботой и защитой и терпеливо сносили грубость своих мужчин. Не зная, что ответить, я поискал подходящие слова и не нашел. Я вдруг как-то разом явственно ощутил себя грубым, жестоким варваром. Помолчав, я безнадёжно сказал:

— Ладно, пойдем. Я отведу тебя обратно в город.

Она согласно кивнула и вдруг, всхлипнув, добавила:

— И можешь посмотреть, как отец будет меня пороть. Тебе понравится!

Тут я нашелся что ответить:

— Он не будет тебя пороть. Пусть только дотронется до тебя — я ему шею сверну.

Альтха быстро перевела на меня заинтересованный взгляд. Моя рука легла ей на талию, а лицо оказалось совсем рядом с ее лицом. Губы девушки взволнованно приоткрылись — и, продлился этот блаженный миг дольше, я не знаю, чем бы все кончилось... Но вдруг лицо Альтхи побледнело, с губ сорвался испуганный крик. Девушка с ужасом смотрела на что-то за моей спиной. Воздух наполнился шорохом больших, сильных крыльев.

Я развернулся на месте и увидел, что в воздухе передо мной мечутся большие крылатые существа. Яга! Я считал их чем-то вроде мифологических персонажей. Но вот они оказались передо мной во всей ужасающей реальности.

Бросив на них лишь один взгляд, я нагнулся и схватил с земли незаряженный мушкет. Мне удалось рассмотреть, что яга очень похожи на высоких, хорошо сложенных людей, но с большими кожистыми крыльями за спиной. Летающие люди были голы, за исключением узких набедренных повязок; в руках они сжимали небольшие изогнутые кинжалы.

Когда первый яга спикировал на меня, я встретил его ударом приклада мушкета, расколовшим удлинённый, тонкокопный череп человека-птицы, как яичную

скорлупу. Остальные яга рванулись ко мне, размахивая сверкающими кинжалами. Сталкиваясь в воздухе крыльями, они мешали друг другу, не давая возможности нападать одновременно с нескольких сторон.

Держа мушкет за ствол, я отмахивался им от нападавших врагов и, улучив момент, основательно заехал по голове еще одному из этой компании. Бедняга рухнул на землю без сознания. Вдруг за моей спиной раздался пронзительный крик, и в ту же минуту нападавшие яга прекратили атаковать меня.

Вся стая крылатых мерзавцев быстро набирала высоту. А в руках одного из них — о ужас! — я увидел знакомую хрупкую фигурку Альтхи, протянувшей ко мне в отчаянии руки. Значит, эти негодяи похитили ее и теперь уносили в свой черный город, готовя к неведомо какой страшной участи. Яга летели очень быстро, и вскоре я уже едва мог рассмотреть их в синем небе.

Сгорая от бессильной ярости, я стоял неподвижно и вдруг почувствовал какое-то шевеление под ногами. Опустив глаза, я увидел, что один из сбитых мной яга пришел в себя и сидит на траве, потирая голову. Я занес мушкет, чтобы выбить мозги из этой птичьей башки. Но вдруг дерзкая мысль остановила меня: я вспомнил, с какой скоростью яга уносил Альтху, держа ее руками под собой.

Вытащив кинжал из ножен, я поднес его к горлу яга и заставил того встать на ноги. Крылатый человек был чуть выше меня ростом, такой же ширины в плечах, но его тело и конечности были намного тоньше, костистее, чем мои, и, видимо, значительно легче. Черные глаза яга смотрели на меня немигающим взглядом ядовитой змеи.

Гура говорили мне, что язык яга похож на их собственный.

— Ты понесешь меня на себе туда, куда улетели твои приятели, — сказал я.

Он пожал плечами и хрипло ответил:

— Я не смогу нести такой вес.

— Тем хуже для тебя, — сообщил я ему и, обойдя пленника, заставил его нагнуться, а затем влез ему на плечи.левой рукой я держался за его шею, а правой приставил кинжал к боку крылатого человека.

Закачавшись под моим весом, яга был вынужден расправить крылья и взмахнуть ими, чтобы не упасть.

— Полетели! — приказал я, для большей убедительности кольнув яга кинжалом. — Поднимайся в воздух, чтоб тебе... Или я тебе горло перережу!

Мы медленно оторвались от земли. Ощущение было непередаваемое, но в тот момент мне было не до удовольствия от полета: я был вне себя от злости за то, что не смог уберечь Альтху.

Когда мы поднялись примерно на тысячу футов, я увидел вдалеке несколько черных точек — похитителей Альтхи. В ту-то сторону я и направил своего неохотно двигавшегося летающего скакуна.

Несмотря на все мои понукания, угрозы и прищипывания, стая похитителей вскоре исчезла из виду. Но я продолжал лететь на юг, рассчитывая, что если и не догоню их, то по крайней мере долечу до черной скалы, на которой, по легенде, расположен их город.

Подгоняемый кинжалом, яга держал приличную скорость, учитывая двойную нагрузку на его крылья. Через несколько часов полета пейзаж под нами изменился. Теперь мы летели над лесом, первым лесом, увиденным мной на Альмарике. Похоже, деревья в этом лесу превышали высотой земные.

Незадолго перед закатом я увидел, что впереди видна граница леса. А за ней на большом лугу показались руины какого-то города. Из руин поднималась к небу струйка дыма. Я спросил своего пленника, не его ли приятели готовили там ужин, но он только что-то проорчал в ответ, за что получил хороший удар по уху.

Мы спустились пониже и летели над самыми верхушками деревьев. Я приказал сделать так, чтобы не попадаться раньше времени на глаза яга. Неожиданно какой-то рев заставил меня посмотреть вниз. Мы как раз пролетали над небольшой поляной, на которой разворачивалось кровавое сражение: стая гиен напала на огромное животное с одним рогом на лбу, ростом и весом превышавшее самого крупного бизона. С полдюжины хищников уже лежали бездыханными, а в тот момент единорог поддел костяным мечом рога последнюю

гиену и резким движением отбросил ее футов на двадцать, переломав ей при этом все кости.

Видимо, засмотревшись на эту сцену, я чуть ослабил хватку. Резко извернувшись, яга сумел сбросить меня со спины. Освободившись от груза, он резко метнулся в сторону и вверх, а я полетел вниз и, скатившись по ветвям какого-то дерева, рухнул на мягкий ковер травы и прошлогодней листвы, прямо перед мордой разъяренного единорога.

В тот же миг его туша заслонила небо, а огромный рог нацелился мне в грудь. Я встал на одно колено и, увернувшись, попытался схватить рог и отвести удар в сторону. Словно выточенный из слоновой кости разящий меч чуть изменил направление движения, пройдя рядом с моим боком. В тот же миг я вонзил кинжал в могучую шею единорога. Но тут, получив сильнейший удар по черепу, я упал без чувств, погрузившись в темноту.

Глава VI

Без сознания я пробыл, наверное, совсем недолго. Первое, что я ощутил, придя в себя, — это страшную тяжесть, навалившуюся на мое тело. Попытавшись выбраться из-под нее, я понял, что лежу, придавленный тушей единорога. Оказывается, мой кинжал вспорол его яремную вену. Но уже в падении мощный череп у основания рога все-таки успел сильным ударом отправить меня в нокаут. Только мягкая земля за спиной спасла меня от участи быть раздавленным в кашу. Выбраться из-под неподъемной туши было задачей, достойной еще одного подвига Геракла. Но все же я справился с ней и, полузадохнувшийся, залитый кровью единорога, все-таки вылез из-под мертвого зверя и огляделся. Моего коварного крылатого скакуна нигде не было видно, к тому же высокие деревья ограничивали обзор.

Выбрав дерево повыше остальных, я, как мог быстро, влез на самые верхние ветки и оттуда, словно с мачты, оглядел расстилавшееся передо мной зеленое

море. Солнце клонилось к горизонту. Примерно в часе быстрой ходьбы к югу лес редел, сменяясь густыми кустарниками. От руин покинутого города поднимался в небо легкий дым. В этот момент я заметил, как мой бывший пленник спикировал вниз, к развалинам. Наверное, сбросив меня, он еще некоторое время покружился над местом моего падения, чтобы удостовериться, что я погиб, и просто перевести дух и дать крыльям отдохнуть после тяжелого полета с двойной нагрузкой.

Я выругался — если он заметил, что единорог не убил меня, то шанс напасть на его компанию внезапно упущен. Вдруг я с удивлением увидел, как яга, не успев приземлиться среди развалин, взлетел и понесся оттуда что было сил. Он сломя голову помчался на юг, изо всех сил размахивая крыльями. Я только рот раскрыл. Что же могло послужить причиной такого стремительного бегства крылатого человека? Кого он увидел внизу вместо своих товарищей? Может быть, он увидел просто покинутую стоянку и бросился догонять соплеменников? Нет, слишком явно было видно, что его полет был не чем иным, как паническим бегством.

Встряхнув головой, я, обдумывая это дело, слез с дерева и направился к руинам со всей скоростью, с которой только мог продираться через густой подлесок, не обращая внимания на шорохи и шелест листьев вокруг меня и над моей головой.

Когда я выбрался из чащи леса, солнце уже село, и взошедшая луна осветила призрачным светом покинутый город. Приблизившись, я увидел, что этот город был построен не из уже знакомого мне зеленоватого кремневидного камня, а из мрамора. Направляясь к развалинам, я невольно вспомнил легенды котхов, повествовавшие о древних мраморных городах, населенных привидениями. Никто уже не знал, откуда же появились эти города, кто их построил.

Полная тишина окутала меня, когда я вступил в город. Плотные, густые тени тянулись от полуразрушенных колонн и остатков стен. Сжимая в руке меч, я пробирался перебежками от одного пятна тени к другому, готовый отразить нападение ночного хищника или встретить караулящих меня в засаде крылатых людей.

Вскоре я понял, что впервые на Альмарике оказался в полной тишине. Не было слышно ни далекого львиного рыка, ни противного тьяканья гиен — ничего. Словно я остался один в окаменевшем мире.

В этой тишине я пробирался по грудам камней, пока не выбрался на открытое ровное место — видимо, городскую площадь. Здесь я застыл, вздрогнув и покрывшись мурашками от ужаса.

В центре площади догорал костер, над которым на жердях были закреплены куски мяса. Яга, несомненно, собирались поужинать. Но сейчас они лежали по всей площади в таких позах, что их судьба была понятна с первого взгляда.

Никогда еще я не видел результатов такой дикой резни или, если хотите, бойни. Оторванные руки, ноги, отделенные от туловищ головы, вывалившиеся внутренности, просто куски тел, лужи крови — покрывали площадь страшной мозаикой. Головы, словно оскалившиеся мячи, откатились, сверкая в темноте глазами, к самым стенам. Что-то или нечто набросилось на крылатых людей в тот момент, когда они, усевшись вокруг костра, протянули руки за пищу. Теперь эти руки, оторванные от тел, лежали на камнях. На телах были видны следы клыков или когтей, а некоторые кости были сломаны так, чтобы можно было добраться до находящегося в них мозга.

Холодный пот прошиб меня. Какое животное, кроме человека, так ломает кости. Да и сама беспощадная, но методичная резня походила скорее на чью-то осознанную атаку, быть может, возмездие, совершенное с ритуальной жестокостью, свойственной существам, называющим себя людьми.

Но куда же подевалась Альтха? Ее останков на площади не было. Случайно задержавшись взглядом на кусках мяса на вертелах, я похолодел: похоже, рассказы котхов были верны. Яга готовили себе на ужин человечину. Сдерживая ярость и омерзение, я осмотрел страшные куски, но обнаружил, что над костром были зажарены части мужского тела с крупными мышцами, а не тонкие, худенькие конечности женщины. После такого зрелища я почти с удовлетворением обвел взглядом изуродованные останки крылатых людоедов.

Но где же девушка? Может быть, она смогла спрятаться в развалинах во время бойни или нападавшие захватили ее и увели с собой? Окидывая взглядом полуобрушившиеся башни, рухнувшие колонны, груды каменных блоков, бывших некогда стенами, я ощутил почти физически, кожей, висящую в воздухе угрозу, зловещую опасность. Кроме того, инстинкт подсказывал мне, что за мной из темноты следят чьи-то глаза.

Пересилив появившийся в глубине души страх, я обошел площадь, переступая через куски тел и лужи крови, и наткнулся на уходящую куда-то в сторону цепочку кровавых капель. Не имея других следов, я двинулся по этой кровавой дорожке. По крайней мере она должна вывести меня к убийце или убийцам крылатых людей.

Вскоре, пройдя мимо некогда роскошной колоннады, я вошел в темноту, под крышу огромного здания. Сквозь проломы в потолке и узкие окна пробивался лунный свет, в котором на светлом мраморе пола были хорошо видны кровавые капли. Войдя по этому следу в узкий коридор, я чуть не свернул себе шею, споткнувшись в темноте о ступеньки уходящей вниз лестницы. Миновав один пролет, я остановился, поразмыслил и уже решил было возвращаться туда, где я хоть что-то видел, но тут до моих ушей донесся невыносимо знакомый голос, звавший меня. Сквозь темноту слабо и от куда-то издалека слышалось: «Исау! Исау Каирн!»

Альтха! Кто же еще мог знать меня здесь? Но почему же я так вздрогнул, почему волосы на затылке стали дыбом? Я уже раскрыл рот, чтобы отозваться, но почему-то передумал. Альтха не могла знать, что я рядом и слышу ее. Может быть, она звала меня, как потерявшийся ребенок зовет последнего взрослого; виденного им. Подумав, я осторожно пошел дальше по коридору, туда, откуда, как мне показалось, донесся крик. Донесся и исчез, оборванный на полуслове.

Вытянутая рука наткнулась на дверной косяк. Я остановился в проеме, явственно ощущая чье-то присутствие в этом помещении. Вглядываясь в темноту, я громко позвал Альтху. Тут же впереди загорелись два огонька. Некоторое время я разглядывал их, пока меня вдруг не осенило, что это чьи-то глаза. Расстояние между ними было

с мою руку, они горели каким-то непередаваемым внутренним светом. За этими сверкающими точками угадывалась огромная бесформенная масса. Меня захлестнула волна непреодолимого ужаса, и я, развернувшись, бросился бежать по коридору назад, к выходу. За спиной я чувствовал какое-то движение, а затем послышался звук — словно большое бескостное тело царапало камень, прокатываясь по нему острой, как битое стекло, чешуей.

Пробежав немного, я понял, что заблудился. Туннель вывел меня не к колоннаде, а к другому подземному залу, от которого в разные стороны расходились темные коридоры. И вновь где-то поблизости раздался крик: «Исау! Исау Каирн!»

Я сломя голову бросился на звук голоса. Сколько я пробежал, не помню. Но вскоре я опять уперся в какую-то стену. А где-то совсем рядом тот же голос провыл: «Исау! Исау Каирн-н-н!» Застыв на высокой ноте, он вдруг перешел в нечеловеческий хохот, от которого кровь застыла у меня в жилах.

Это не был голос Альтхи. И с самого начала я понимал, что он не мог принадлежать ей. Понимал, но признать это означало согласиться с существованием чего-то необъяснимого. Поэтому я отказался согласиться с тем, о чем твердила мне моя интуиция и что утверждал разум.

Теперь со всех сторон слышались демонические голоса, с издевкой повторявшие мое имя. Казавшиеся пустыми и необитаемыми коридоры наполнились эхом множества голосов, призывавших меня куда-то в преисподнюю. Страх сменился ужасом, отчаянием, которое вдруг перешло в безотчетную ярость. С безудержным криком я бросился в сторону, откуда звук доносился наиболее отчетливо и громко, — и налетел на голую стену. Развернувшись, я помчался в другую сторону, желая наконец сойтись в схватке с моими мучителями. На этот раз я угодил в какой-то коридор, который вывел меня в большое помещение, освещенное проникавшим в него лунным светом. И вновь я услышал свое имя, на этот раз произнесенное человеческим голосом, полным отчаяния и страха.

— Исай! Исай!

Не успев крикнуть хоть что-то в ответ, я увидел Альтху, распростертую на полу. Ее руки и ноги не попадали в пятно света, падавшего из окна. Но даже в темноте я увидел, что каждую конечность девушки держат, прижимая к полу, какие-то бесформенные фигуры.

Я издал боевой клич и бросился вперед. В меня тотчас же вцепились со всех сторон когтистые лапы и острые зубы множества невидимых в темноте противников. Но ничто не могло меня остановить. Размахивая мечом, я прорубал себе путь к Альтхе, извивающейся и стонущей в пятне лунного света на полу.

Я прорвался сквозь толпу бросающихся на меня существ, доходивших мне до пояса. Державшие девушку твари отпустили ее и отскочили в разные стороны, спасаясь от разящего меча. Альтха вскочила и прильнула ко мне. Не переставая отбиваться от наседающей толпы, я огляделся и увидел уходящую куда-то вверх лестницу. Туда-то я и стал отходить, отступая спиной вперед, чтобы прикрыть Альтху от кишашей вокруг мерзости.

На лестнице было темно, хотя где-то наверху и мелькала в проломе крыши луна. Бой шел вслепую. Я ориентировался по звуку, по запаху да доверял какому-то внутреннему чутью, направлявшему мои удары. И еще — бой шел в тишине, нарушаемой лишь моим хриплым дыханием, звуком моих шагов да свистом меча.

Я шаг за шагом, пятясь, поднимался по ступенькам, отбивая атаки противников. Напади они сейчас сверху — и нам с Альтхой конец. Но, к счастью, все они лезли вслед за нами снизу. Что это были за существа, я сказать не могу. Единственное, что я знаю наверняка, — это то, что они были с когтями и клыками. Кроме того, от них противно воняло, они были мохнатыми, наверное, похожими на обезьян.

Выбравшись наверх, в большой зал, освещенный лунным светом, я не смог разглядеть namного больше. Из полумрака на меня со всех сторон налетали темные, бесформенные тени, жизнь которых обрывалась с каждым ударом моего меча.

Подталкивая Альтху, я стал пробираться к пролому в стене. Почувствовав, что добыча уходит, нападавшие удвоили натиск. В какой-то момент я замешкался, помогая Альтхе забраться по обсыпавшимся камням, и на меня налетели со всех сторон с явным намерением вновь утащить вниз, в свои темные владения. Перспектива снова оказаться в темноте, кишашей злыми, жаждущими разорвать меня на куски тварями, не выглядела обнадеживающей. Порыв ярости помог мне удержаться, и в следующий миг я, словно выпущенный из катапульты, вылетел в пролом, утащив за собой с полдюжины противников.

Перекатившись через плечо, я сбросил с плеч вцепившихся в меня тварей, как медведь стряхивает волков. Упавших я достал мечом или сильными pinkами. Наконец-то я смог рассмотреть своих противников.

Их тела напоминали изуродованные болезнями туловища обезьян и были покрыты сваливающейся белой шерстью. Головы больше всего походили на собачьи, с маленькими, плотно прижатыми ушами. А глаза явно были взяты у змей и глядели таким же немигающим холодным взглядом.

Из всех страшных форм жизни на этой планете эти уродцы внушали мне наибольшее отвращение и страх. Увидев, как мерзкие троллеподобные твари сплошным потоком полезли вслед за мной из пролома, я отпрянул. Слишком уж это зрелище напоминало червей, ползающих из расколотого, полуразложившегося черепа.

Схватив Альтху за руку, я побежал с нею, стремясь выбраться на открытое место. Обезьянособаки преследовали нас, опустившись на все четыре лапы, — видимо, так они развивали большую скорость, чем двигаясь на двух конечностях. Услышав их дьявольский хохот, я понял, что что-то не так. И точно: впереди показались такие же уродцы, вылезавшие из какого-то провала в полу, ведущего в подземелье. Мы оказались в ловушке.

Перед нами стоял громадный пьедестал, с которого рухнул некогда установленный на нем обелиск. Я забрался на первую ступеньку, посадил Альтху наверх, на самую верхнюю площадку, и развернулся, чтобы вновь вступить в бой. Кровь, стекавшая из десятков по-

резов и укусов на моем теле, вскоре сделала камень под ногами липким и мокрым. Я лишь время от времени мотал головой, чтобы стряхнуть заливающий глаза пот.

Меня окружили полукольцом, и, честно говоря, я не помню, чтобы за всю жизнь я испытывал больший ужас и отвращение, чем в тот миг, стоя спиной к мраморному монолиту перед этой толпой уверенных в своей скорой победе обитателей подземного царства.

Вдруг мое внимание привлекло какое-то новое движение у пролома в стене, через который мы попали сюда. Не переставая следить краем глаза за приближающимися мохнатыми обезьянособаками, я наблюдал, как в освещенный луной зал вползает какая-то бесформенная черная масса. Вдруг в ее центре зажглись два желтых огонька. Глаза! Да, те самые глаза, которые я уже видел там, внизу.

С победными криками мохнатые твари бросились на меня. В тот же момент неизвестное создание невероятно резво для такого огромного животного побежало в нашу сторону. Оно напоминало огромного паука, больше быка ростом. Прежде чем первый нападавший наткнулся на мой меч, чудовище подмяло под себя ближайшего к нему собакоголового тролля. Тот успел лишь коротко вскрикнуть. Увидев гигантского паука, остальные бросились врассыпную. Но чудовище не уступало им в скорости и ловкости. Огромные челюсти паука откусывали головы, толстые лапы сбивали троллей с ног, а страшные клешни раздирали их на части. Через несколько мгновений в зале остались лишь мертвые или умирающие мохнатые твари, а чудовище, разбросав свои жертвы в стороны, остановило взгляд своих пугающе умных глаз на мне.

Я понял, что именно меня оно и искало. Я потревожил, разбудил этого мохнатого паука в его логове, и теперь он нашел меня, двигаясь по кровавым следам, оставляемым моими израненными ногами. А остальных он разбросал лишь потому, что они оказались на его пути.

Пока паук безмолвно стоял, покачиваясь на восьми ногах, я успел рассмотреть, что от земных пауков он отличается не только размерами, но и количеством глаз, челюстей и наличием клешней. Раздался пронзи-

тельный крик Альтхи — это паук бросился в нашу сторону.

Но там, где оказались бессильны клыки и когти десятков и сотен подземных тварей, хватило ума и силы одного человека. Подняв с пола тяжелый камень — фрагмент кладки, — я запустил его прямо в приближающуюся тушу. Он угодил точно в середину тела, туда, где сходились вместе огромные ноги. Пробив дыру в спине паука, из которой хлынула зловонная зеленоватая жижа, камень повалил нападавшего на пол. Извернувшись, паук сбросил с себя камень, встал на ноги и, сверкая глазами, вновь бросился на меня. Я швырнул в него еще один камень, затем еще и еще, и так закидывал паука обломками мрамора, пока чудовище не превратилось в сплошное месиво зеленого гноя, разноцветных внутренностей и мохнатых обрывков, из которого торчали все еще дергающиеся ноги.

Схватив Альтху за руку, я помог ей слезть, и мы со всех ног бросились бежать, не останавливаясь, пока этот страшный город, наводненный кровожадными чудовищами, не остался далеко позади.

Мы не обменялись ни словом с того момента, когда я нашел Альтху в подземелье. Остановившись, я повернулся к ней и уже открыл было рот, чтобы что-то сказать, как вдруг почувствовал, что девушка, смертельно бледная, сползает по моей руке на землю. Видимо, ужас сделал свое дело — она потеряла сознание. Я не на шутку испугался — ведь вообще-то женщины гура не так часто падают в обморок.

Я положил Альтху на землю и, не зная, что делать, уставился на нее, словно впервые увидев и оценив красоту ее фигуры, изящество тонких рук... Черные волосы девушки разметались по плечам, туника расстегнулась и соскользнула, обнажив красивую тугую грудь с розовыми сосками. Мысль о том, что эта красота может умереть тут же, на моих глазах, привела меня в ужас.

Неожиданно Альтха застонала, открыла глаза и посмотрела на меня, словно не понимая, где и почему она оказалась. Вдруг, вспомнив что-то из пережитого, она вскрикнула и прижалась ко мне. Ее руки обняли меня, и в этих крепких объятиях я почувствовал, как дрожит

ее стройное тело, услышал, как бешено бьется сердце в груди.

— Не бойся, — сказал я, сам удивившись звуку своего голоса. — Ничто тебе не угрожает. Все будет хорошо.

Она плотно прижалась ко мне и так и не разжала объятий, пока ее сердце не успокоилось и не ослаб давящий груз страха.

Затем она, как-то разом обмякнув, опустила руки и, все так же молча, положила голову мне на плечо. Подождав немного, я тоже ослабил придерживающие ее руки и осторожно усадил девушку на траву.

— Как только ты придешь в себя, — сказал я, — мы тотчас же двинемся прочь от этого... — и я кивнул в сторону видневшихся вдалеке развалин.

— Ты весь изранен! — вдруг воскликнула Альтха, и ее глаза наполнились слезами. — Ты весь в крови! Проклятье на мою дурную голову! Если бы я тогда не убежала из города... — И она разревелась, как самая обыкновенная земная девчонка.

— Да не переживай ты из-за каких-то царапин, — отшутился я, хотя на самом деле мысленно прикидывал, не ядовиты ли клыки и когти у подземных уродцев. — Все заживет очень быстро. Ну перестань реветь. Слышишь, что я тебе говорю?

Она покорно перестала плакать и, лишь всхлипывая, вытерла глаза и лицо подолом туники. Мне не хотелось напоминать ей о пережитом кошмаре, но любопытство, к тому же не пустое, а вполне оправданное, взяло верх.

— Скажи, почему яга остановились в развалинах? — спросил я. — Они ведь наверняка знают о чудовищах, которые живут в этих руинах.

Альтха передернулась, вспомнив пережитое:

— Они были голодны. Им удалось поймать еще одного гура — совсем молодого парня, почти подростка. Они разрезали его на части еще живым, но он ни разу не взмолился о пощаде — только проклятия слетали с его губ. А потом они начали жарить мясо...

Альтха замолчала, удерживая подступившую тошноту.

— Значит, яга действительно людоеды, — пробормотал я.

— Нет, они еще хуже. Они — настоящие дьяволы. Пока они сидели у костра, на них напали собакоголовые. Я их не видела, пока они не набросились на яга, словно стая шакалов на оленей. Покончив с яга, они потащили меня в подземелье. Что они хотели со мной сделать — не знаю... не скажу; я слышала, но не хочу повторять эту мерзость.

— А почему они повторяли мое имя?

— Я позвала тебя в минуту опасности, даже не подозревая, что ты можешь оказаться рядом. Они услышали мои слова и смогли повторить их. Когда ты пришел, они узнали, кто ты. Как? Не спрашивай. Эти демоны знают и умеют очень многое, что кажется нам невероятным.

— Да, на этой планете кишмя кишат черти, дьяволы и вообще всякая нечисть, — пробурчал я и спросил: — А почему в минуту опасности ты позвала меня, а не отца, например?

Альтха покраснела и вместо ответа вдруг стала сосредоточенно и смущенно поправлять тунику, подтягивая ее к плечам.

Увидев, что одна из ее сандалий слетела на траву, я поднял ее и аккуратно надел на маленькую, изящную ножку девушки. Неожиданно Альтха спросила меня:

— Скажи, а почему тебя прозвали Железной Рукой? Твои пальцы сильны и тяжелы, но их прикосновение легко и нежно, словно мамино. Я никогда не чувствовала такой нежности в прикосновении мужчины к моему телу. Гораздо чаще мне бывает просто больно.

Я сжал кулак и выразительно посмотрел на него — узловатый стальной молот. Альтха робко протянула руку и потрогала кулак.

— Чувства не обманывали тебя, — ответил я. — Ни один человек, с которым мне доводилось драться, не говорил мне, что мои руки мягкие или нежные. Но то — мои враги. А тебе я не хочу сделать больно. Вот и все.

Глаза девушки загорелись.

— Не хочешь делать мне больно? Почему?

Абсурдность этого вопроса не оставила мне слов, чтобы ответить на него. Я лишь изумленно уставился на Альтху.

Вскоре после рассвета мы вышли в долгий путь к далекому Котху, обогнув лежащий у нас на пути страшный разрушенный город, из которого мы спаслись с таким трудом. Солнце становилось все жарче и жарче. Дышать стало нечем. Легкий ветерок, обдувавший нас поначалу, совсем стих. Абсолютно безоблачное небо приобрело какой-то медно-красный оттенок. Альтха поглядывала на небо с осознанным беспокойством и на мой вопросительный взгляд ответила, что боится надвигающейся бури. Я уже привык к тому, что на равнине небо всегда безоблачное и светит солнце, а на холмах тепло днем и холодно ночью. В общем, буря никак не входила в мои планы, и я даже не учитывал ее возможности.

Встреченные нами звери разделяли беспокойство Альтхи. Мы замешкались на опушке леса, потому что моя спутница — жительница степи, испытывая безотчетный страх перед чащей, отказалась войти в лес, пока не пройдет буря. Пока мы обсуждали эту тему, из леса выскочило стадо газелей, беспокойно поспешивших куда-то прочь. За ними последовала семья свинообразных тварей, мерявших землю чуть ли не тридцатью парами ног. С рычанием прямо на нас выскочил лев, но, не останавливаясь, промчался мимо и скрылся в густой траве.

Я ждал, когда появятся тучи, но их все не было. Только темно-медная полоса, начиная от горизонта, наползала на весь небосвод, делая его сначала бронзовым, а затем почти черным. Солнце еще некоторое время пробивалось сквозь этот занавес, словно далекий факел в густом тумане. Затем и оно окончательно скрылось. Темнота, почти осязаемая, сначала на миг застыла где-то наверху, а затем, словно отпущенная, рухнула вниз, покрыв мир сплошной черной пеленой. В этой темноте не было места ни солнцу, ни луне, ни даже маленькой звездочке. Раньше я даже не предполагал, что темнота может быть такой непроницаемой. Я словно ослеп и готов был бы поверить в то, что мир исчез, растворился в этой черноте, если бы не шуршание травы под ногами да не ощущение тепла от прижавшегося к моему

боку тела Альтхи. Я боялся, что мы либо свалимся в какую-нибудь яму или реку, либо, что еще хуже, нагнемся на такого же ослепленного хищника.

Пока еще было хоть что-то видно, я выбрал ориентиром нагромождение камней — груды булыжников, иногда встречающийся на равнине остаток разрушившейся скалы. Темнота накрыла нас еще на подходе, но, двигаясь в нужном направлении по памяти, я добрался до камней, притянул к себе Альтху и, прижав ее к одному из них, встал к ней спиной, чтобы быть готовым встретить любую опасность. Тишина лежавшей под жарким солнцем равнины сменилась звуками беспорядочного движения множества живых существ: шелестела трава, слышались шаги, топот, зловещий вой и настороженный рык. Неподалеку от нас пронеслось стадо каких-то крупных копытных. Я порадовался, что, забившись в углубление между камнями, мы не рискуем быть раздавленными. Затем все звуки снова стихли, тишина казалась настолько же полной, как и темнота. Вдруг откуда-то издалека донесся зловещий гул.

— Что это? — неуверенно спросил я, не зная, как назвать этот шум.

— Ветер! — выдохнула Альтха, плотнее прижимаясь ко мне.

Этот ветер дул не так, как обычно, — не в одном направлении. Он, словно безумный, носился по равнине в разные стороны с огромной скоростью, время от времени закручиваясь в смерчи. Неподалеку от нас он вырвал пучки травы и швырнул их нам под ноги, а затем одним шальным движением сначала оторвал нас от камней, к которым мы прижались, а затем швырнул обратно. Словно пинок огромной ноги невидимого великана.

Когда мы снова встали на ноги, я замер от страха. То же произошло и с прижавшейся ко мне Альтхой. Рядом с нашим убежищем двигалось что-то, похожее на ожившую гору. Казалось, сама земля прогибается и дрожит под его неимоверной тяжестью. Это существо замерло, видимо почувствовав наше присутствие. Раздался звук шуршащей кожи, словно к нам двинулась гигантская лапа или хобот. Что-то прошелестело в воздухе над нашими головами, затем я ощутил прохладное

прикосновение на своем локте. Тот же предмет дотронулся до руки Альтхи. Нервы девушки не выдержали, и она пронзительно завизжала.

В тот же миг мы чуть не оглохли от накатившегося на нас воя. Что-то слетело сверху и клянуло в темноте совсем рядом с нами огромными зубами. Ткнув мечом наугад, я вонзил его во что-то плотное. По руке потекла какая-то теплая жидкость. Невидимое чудовище взвыло еще раз, больше от боли, чем от ярости, и понеслось прочь, сметая все на своем пути и заглушая ветер протяжным криком.

— Господи, да что же это было? — взмолился я.

— Одно из Великих Слепых, — прошептала Альтха. — Никто их не видел. Они живут в темноте бурь. С бурями они приходят, с бурями и уходят. Смотри, темнота тает.

«Тает» — слово было выбрано удачно. Словно что-то вещественное, она плавилась, растекалась какими-то потоками, струями. Вот уже и солнце показалось на небе, ставшем вновь синим от горизонта до горизонта, но земля все еще была рассечена полосами тьмы, пульсирующей, извивающейся, словно в агонии. Такое могло привидеться только в кошмаре наркомана. Вот обезумевший от страха олень на всем скаку влетел в полосу темноты, пропал из виду, а затем вновь появился уже по другую сторону черной ленты. Эти извивающиеся клочья четко вырисовывались в воздухе. Переход от света к темноте был резким. Черные пятна повисли на общем изумрудно-золотом фоне. Постепенно они становились меньше, разрывались на части и исчезали, словно снег под струей воды.

Вдруг на месте одного из исчезнувших черных пятен я увидел огромного волосатого гура, удивленного столь неожиданной встречей не меньше, чем я. Затем все закружилось с невероятной быстротой. Альтха воскликнула: «Тхугр!» — а незнакомец бросился вперед и взмахнул мечом. Я едва успел подставить клинок, чтобы отвести удар.

О том, что произошло в следующие несколько минут, у меня остались смутные, хаотические воспомина-

ния. Посыпался град ударов и уколов; сталь звенела о сталь. Наконец мой клинок вонзился противнику в грудь и, пронзив его насквозь, вышел наружу на спине. Я стоял над медленно оседавшим на землю воином и глядел на него, не веря своим глазам. Честно говоря, я далеко не был уверен в таком исходе поединка с местным жителем, с детства привыкшим драться на мечах. Я даже не смог вспомнить, как я отбивал его удары и как нанес свой, решающий. Видимо, и на этот раз боевой инстинкт действовал во мне, опережая разум.

Тишину разорвал звук множества разъяренных голосов. Обернувшись, я увидел дюжину волосатых воинов гура, несущихся ко мне. Через мгновение я оказался в центре круга, очерченного множеством сверкающих клинков. Бежать было поздно. Я с остервенением принял бой, отбивая удары нападавших и нанося их сам. С каким непередаваемым удовольствием я, удивляясь сам себе, замечал, как мой клинок отбивает вражеский меч, а затем, совершив обманный замах, отсекает держащую этот меч руку. В следующий момент одному из нападавших удалось ткнуть копьем мне в ногу. За это он поплатился рассеченным надвое — от макушки до подбородка — черепом. Но в этот момент и на мой череп обрушился тяжелый удар приклада мушкета. Я успел лишь чуть отклониться, приняв удар вскользь. Но все равно в глазах у меня потемнело, и я упал без чувств.

Пришел в себя я от ощущения, будто плыву в маленькой лодке по бурной реке. Осмотревшись, я понял, что лежу, связанный по рукам и ногам, на самодельных носилках, сооруженных из копий. Несли меня два могучих воина, несколько не заботившихся о моем комфорте. Я видел только небо над собой, затылок идущего впереди носильщика и бородатое лицо заднего. Увидев, что я открыл глаза, второй носильщик что-то сказал первому, и они, словно по команде, бросили носилки на землю. Падение вызвало сильнейшую боль у меня в голове и в раненой ноге.

— Логар! — крикнул один из них. — Этот пес пришел в себя. Пусть идет сам, если ты обязательно хо-

чешь доставить его в Тхугру живым, хватит тащить его на себе!

Я услышал шаги, и надо мной нависла громадная туша воина, чье лицо показалось мне знакомым. Помимо следов старых боев, от угла рта к основанию его изломанного подбородка пробегал довольно свежий шрам.

— Ну, Исау Каирн, — сказал он, — вот мы и встретились снова.

Я предпочел промолчать.

— Что? — взревел он. — Ты не помнишь Логара Костолома? Ты, лысая собака!

Свои комментарии он сопроводил сильным пинком мне в бок. Откуда-то донесся протестующий женский крик, и, растолкав воинов, ко мне подбежала и опустилась рядом на колени Альтха.

— Скотина! — крикнула она, сверкая полными гнева глазами. — Ты только и можешь пинать его, связанного, не в силах противостоять ему в честном бою один на один.

— Кто отпустил эту котхскую кошку? — рявкнул Логар. — Тхал, я же приказал тебе держать ее подальше от ее пса.

— Она укусила меня за руку, — недовольно сказал шагнувший вперед воин, показывая в оправдание выступившие на волосатом предплечье капли крови. — Удержать ее не легче, чем справиться с дикой кошкой.

— Ладно. Привяжите ее к нему, — приказал Логар. — Дальше этот слизняк пойдет сам. Пусть она, если хочет, поможет ему.

— Но у него же ранена нога! — взмолилась Альтха. — Он не сможет идти.

— Слушай, почему бы не прикончить его здесь же? — поинтересовался один из воинов.

— Потому что это было бы слишком просто, — выдавил Логар, вращая налитыми кровью глазами. — Этот ворюга подкараулил меня, когда я спал, оглушил ударом булыжника, украл мой кинжал и осмелился даже повесить его себе на пояс. Ничего, он дойдет до Тхугры, а уж там я придумаю, как прикончить гада.

Мне развязали ноги, но рана так болела, что я едва мог стоять. О том, чтобы идти, не могло быть и речи.

Меня подгоняли пинками, уколами наконечников копий. Альтха бессильно металась между воинами, пытаясь остановить это издевательство. Наконец она подбежала к Логару и выкрикнула ему в лицо:

— Ты не только трус, но и лжец! Он не бил тебя камнем, он победил тебя голыми кулаками, без оружия. Об этом все знают, и только твои слуги не смеют признаться в этом при тебе.

Тяжелый удар кулака Логара отбросил девушку футов на двенадцать, сбив с ног. Она рухнула на землю без движения, из открытого рта потекла тонкая струйка крови.

Логар довольно хмыкнул, но его спутники стояли молча, не выражая одобрения случившемуся. Нет, некоторое рукоприкладство вовсе не было табу в семейных отношениях гура, но всерьез ударить женщину, как противника, — это считалось позором для воина. Однако недовольные спутники Логара не выразили явного протеста.

Что до меня, то я оказался обхвачен пламенем бешеной ярости.

Попытавшись оттолкнуть двух державших меня воинов, я потерял равновесие и упал, потащив обоих конвоиров за собой. На меня тут же набросились остальные, неосознанно вымещая на мне сдержанные в отношении Логара чувства. Град пинков и ударов обрушился на меня, но я не чувствовал боли. Воя, словно дикий зверь, я все пытался вырваться, пока крепкие веревки не опутали меня вновь. Не успел я затихнуть, как почувствовал новый град пинков, заставлявших меня встать и идти.

— Можете забить меня насмерть, — прохрипел я, — но я никуда не двинусь, пока кто-нибудь из вас не позаботится о девушке.

— Да она уже сдохла! — расхохотался Логар.

— Врешь, скотина! Ты — слабак! Тебе не справиться даже с новорожденным младенцем! Ручки обломаешь!

Логар что-то заорал в ответ, но тут один из его воинов отошел от меня и направился к Альтхе, постепенно приходящей в чувство.

— Пусть валяется! — рявкнул Логар.

— Пошел ты... — огрызнулся воин. — Мне она нравится не больше, чем тебе, но если это заставит твоего любимчика перебирать ногами — я готов тащить ее на себе. Так будет проще. Этот парень — не человек. Я уже выдохся, пиная его, связанного, а он все равно в лучшей форме, чем я.

Итак, Альтха, лежа на носилках, отправилась с нами в неблизкий путь к городу-племени тхугров.

Мы шли несколько дней, которые превратились в сплошную пытку из-за моей раненой ноги. Альтха сумела убедить тхугров позволить ей перевязать меня. Если бы не это, я не дошел бы живым.

Все мое тело было покрыто укусами подземных сабакоголовых тварей и синяками и ссадинами от ударов противников человеческого облика. Было бы у меня всего лишь вдоволь воды и пищи, и я быстро оклемался бы. А так, бредя, изнывая от голода и жажды, по бескрайней равнине, шатаюсь от боли и усталости, я уже был счастлив, увидев на горизонте стены Тхугры, несмотря на то что в этом городе меня ждала мучительная смерть.

Во время дороги с Альтхой обращались неплохо, но не позволяли ей помогать мне, за исключением права перевязывать мои раны и обмывать шрамы и синяки. Иногда, проснувшись среди ночи, я слышал, как она всхлипывала, а то и плакала, не скрывая слез. Пожалуй, это осталось в моей памяти самым мучительным воспоминанием о той страшной дороге — плачущая Альтха под молчаливым звездным небом.

Итак, мы все-таки добрались до Тхугры. Этот город почти полностью копировал Котх: те же могучие стены и башни, выстроенные из такого же зеленоватого камня, те же окованные сталью ворота. Да и люди, жители Тхугры, мало чем отличались от котхов. Главным отличием оказалось общественное устройство. В Тхугре единичную власть прибрал к рукам Логар, чье слово было законом для остальных. Этот первобытный деспот был жесток, безжалостен, дик и своеволен. Власть его держалась на личной силе и храбрости. За время пребывания в плену у тхугров я трижды видел, как Косто-

лом расправлялся со взбунтовавшимися соплеменниками. Причем одного из мятежников он победил в бою, действуя голыми руками против меча соперника. В общем, при всех совершаемых ошибках Логар благодаря своей силе крепко держал власть, сметая всех недовольных со своего пути.

Невероятная жизненная сила Логара все время требовала выхода, а ограниченный ум — подтверждения этой силы, самоутверждения. Вот почему этот дикарь так возненавидел меня. Вот почему он соврал своим соплеменникам, придумав историю про коварный удар камнем. Именно поэтому он отказался вступить со мной в поединок чести. Нет, он не боялся боли или увечий, которые я мог нанести ему. Его страшило, что в случае поражения от меня он не сможет больше быть всевластным повелителем племени. Именно тщеславие делало из Логара бешеного зверя.

Я был заточен в темницу и прикован цепью к стене. Каждый день Логар приходил ко мне, чтобы вдоволь пооскорблять меня. Видимо, перед тем как перейти к физическим пыткам, он решил окончательно сломить мою волю психологическими мучениями. Что стало с Альтхой, я не знал. Нас разлучили сразу же по прибытии в город. Логар утверждал, что забрал ее во дворец, и рассказывал длинные истории о тех унижениях, которые она, по его словам, сносила от придворных. Я не верил Костолу. Если бы он решил издеваться над Альтхой, то непременно, для удвоения удовольствия, стал бы мучить ее на моих глазах. Но все равно выслушивать эту грязь было невыносимо больно и противно.

Нетрудно было заметить, что тхугры, как и остальные гура, трепетно и нежно относящиеся к женщинам, были не в восторге от поведения своего вождя. Но власть Логара была достаточно сильна, чтобы подавить в зародыше любой протест. И все же как-то раз охранник, приносивший мне пищу, с опаской шепнул, что Альтха сбежала сразу же после нашего появления в городе, а Логар так и не сумел найти и схватить ее. Неизвестно даже, покинула ли она Тхугру или прячется где-то в городе.

Так тянулись дни моего заточения.

Глава VIII

В полночь я неожиданно проснулся. Факел, освещавший мою камеру, сильно трещал и коптил. Поправить его было некому — охранник куда-то исчез. А за стеной город был полон шума — криков, проклятий, звона оружия. Я разъяренно натянул цепь, желая подобраться поближе к окну. Несомненно, в городе шел бой, но был ли он восстанием или нападением извне — это оставалось для меня тайной.

В коридоре вдруг послышались знакомые легкие шаги, и в камеру ворвалась Альтха — запыхавшаяся, с растрепанными волосами, со сверкающими от ужаса глазами.

— Исау! — крикнула она. — Рок покларл племя тхугров! На город напали яга — их тысячи. Сейчас бой идет на улицах и крышах. Все мостовые залиты кровью и завалены телами погибших! Слышишь? Город горит!

Сквозь зарешеченное окно я видел зарево бушующего пожара. Альтха, всхлиывая, попыталась освободить меня. В тот день Логар приступил к пыткам. Я был подвешен к потолку так, чтобы не касаться ногами пола. Но Костолом был недостаточно предусмотрителен и использовал свежие сыромятные ремни. Растянувшись, они опустили меня так, что я мог стоять, опираясь ногами об пол. Мне даже удалось уснуть в таком положении, не чувствуя дикой боли от растяжения суставов.

Пока Альтха пыталась снять с меня ремни и оковы, я стал расспрашивать, где она была все это время. Она рассказала, что ей удалось сбежать от Логара, а местные женщины, сочувствуя беглянке, прятали ее и кормили все эти дни. Она лишь ждала момента, чтобы пробраться ко мне и помочь вырваться из темницы. И вот — она оказалась бессильна.

— Я не могу! У меня не получается! — воскликнула она.

— Найди нож, — скомандовал я. — Быстро!

Не успела она обернуться, как на пороге выросла фигура великана Костолома.

Логар, обгоревший, измазанный своей и чужой кровью, что-то прорычал и направился в мою сторону, вынимая из ножен столь хорошо знакомый мне кинжал.

— Собака! — крикнул он мне. — Тхугре конец! Крылатые дьяволы налетели на город, словно грифы на мертвого быка. Я чуть не погиб от ран и усталости, но я не забыл про тебя. Не смогу я спокойно умереть, не уверившись, что ты подох раньше меня!

Альтха бросилась ему наперерез, но Логар отшвырнул ее. Он подошел ко мне вплотную, взялся одной рукой за опоясывавший меня железный обруч, а второй занес кинжал. В этот момент я изо всех сил оттолкнулся от пола и, согнув ноги в коленях, резко выпрямил их, угодив пятками в бычью шею Костолома. Даже его железное тело не выдержало такого удара: голова неестественно запрокинулась на сломанной шее, из разорвавшегося горла хлынула кровь, и Логар, отлетев к стене, сполз по ней на пол, словно огромный умирающий зверь.

С порога послышался незнакомый злоедающий смех. Бросив туда взгляд, я увидел в дверном проеме хохочущего крылатого демона с длинным кинжалом в руке. Отсмеявшись, он осмотрел комнату ничего не выражающими змеиными глазами и остановил взгляд на Альтхе, согнувшейся у моих ног.

Обернувшись, яга через плечо позвал кого-то. В следующее мгновение еще дюжина его сородичей ввалилась в темницу. Многие были ранены, с их кинжалов стекала кровь противников.

— Взять их, — приказал первый вошедший, ткнув пальцем в меня и Альтху.

— А мужчину зачем? — спросил кто-то.

— Ты видел когда-нибудь мужчину с белой кожей и с голубыми глазами? Я думаю, он заинтересует Ясмину. И поосторожней с ним — у него тело как у льва.

Один из них оттащил яростно сопротивлявшуюся Альтху от меня, а остальные с безопасного расстояния накинули на меня шелковую сеть, а затем и обвязали множеством веревок, совсем лишив меня возможности шевелиться. Двое яга вынесли меня на улицу, представлявшую собой жуткое зрелище.

Каменные стены домов были неподвластны пламени, но деревянные пристройки, крыши и заборы были объаты огнем. В этом зареве метались какие-то черные те-

ни с горящими точками, похожие на метеоры. Присмотревшись, я понял, что это пикировали и кружили над городом яга с факелами в руках.

А на самих улицах шел ожесточенный бой при свете пожара. Последние тхугры сражались с яростью раненых пантер.

Один на один яга было не устоять против могучих гура. Но, навалившись втроем-вчетвером и пользуясь свободой маневра в воздухе, крылатые демоны наносили град одновременных ударов своими изогнутыми кинжалами. Итог такого боя можно было предсказать заранее. Один за другим израненные гура падали на землю. Кроме того, некоторые яга, вооруженные кинжалами, находясь в полной безопасности над крышами домов, посылали стрелы вниз, убивая защитников города одного за другим.

Немало крылатых трупов устилало улицы Тхугры. То тут, то там по-прежнему слышались выстрелы мушкетов, и уж если раненому яга приходилось спуститься на землю, смерть его была неминуема.

И все же перевес явно был на стороне более многочисленных и лучше приспособленных для такого боя крылатых людей.

Главной целью яга было, похоже, захватить в плен как можно больше женщин. Снова и снова я видел, как крылатые тени взлетали над пылающим городом, унося в руках очередную стонущую и кричащую жертву.

Да, это было страшное зрелище! Не думаю, что дикость и жестокость этого боя было бы возможно воспроизвести на Земле, какими бы подчас порочными ни были ее обитатели. Здесь дело было в другом: шло сражение не двух народов, а двух совершенно чуждых, не имеющих ничего общего форм жизни.

Полной победы в этой резне не одержал никто. Яга улетали прочь, унося свои жертвы, а оставшиеся в живых гура яростно стреляли им вслед, явно предпочитая прикончить своих, нежели оставить их живыми в лапах похитителей.

На крыше самого большого здания Тхугры собралась целая толпа сражающихся. Гура смешались с яга, и, когда неожиданно охваченная пламенем крыша

рухнула, в огненную могилу свалились как защитники города, так и нападающие. Мало кто сумел спастись.

В этот миг мои похитители оторвались от земли, унося меня в небо в качестве добычи. Когда я чуть перевел дух, оказалось, что я на огромной скорости несусь по ночному небу, вспарываемому множеством мощных крыльев. Двое яга без труда несли меня в сети, занимая свое место в клиновидном строю этой чудовищной стаи. В ней было, наверное, не меньше десяти тысяч крылатых дьяволов. Казалось, эта масса закрывает почти половину начинающего светлеть на востоке неба.

Мы летели на высоте примерно в тысячу футов. Многие яга несли в руках добычу — девушек и молодых женщин. Легкость, с какой их крылья резали воздух, говорила о недюжинной силе и выносливости яга, пусть и не обладавших могучей мускулатурой, характерной для гура. Они могли часами лететь на предельной скорости, держа строй и не выпуская из рук тяжелой добычи, чей вес подчас почти равнялся собственному весу яга.

Мы не останавливаясь летели весь день и приземлились только на закате, чтобы яга могли отдохнуть и поспать. Эта кошмарная ночь запомнилась мне так же, как и проведенная в развалинах древнего города. Пленников не кормили, зато сами яга вдоволь поели. Пищей им служили те самые пленные. Лежа на земле, связанный по рукам и ногам, я жалел, что не погиб в ночном бою. Убийство мужчины я еще могу вынести — в бою или даже в кровавой резне. Но женщины, бесильные что-либо сделать, чтобы защитить себя, и лишь молящие о пощаде, пока кинжал не оборвет их стоны, — этого вынести невозможно. Я даже не знал, попала ли Альтха в число тех, кто был растерзан той ночью. С каждым предсмертным криком я вздрагивал, представляя, как катится с плеч на землю ее красивая головка.

Когда все было кончено, и насытившиеся демоны захрапели у костров, выставив часовых, я услышал далекий львиный рык и подумал, насколько дикие звери

благороднее этих тварей в человеческом обличье. Вместе с раздумьями во мне крепло желание отомстить этим крылатым негодяям за все страдания, которые они принесли людям.

С первыми же лучами рассвета мы были уже в пути. Завтрака не было. Впоследствии я узнал, что яга едят редко, нажираясь до отвала раз в несколько дней. После нескольких часов полета над однообразной равниной впереди показалась широкая река, пересекавшая степь от горизонта до горизонта. Вдоль северного берега реки тянулась полоска леса. Вода в этой реке, странного пурпурного оттенка, сверкала, словно намоченный шелк. На противоположном берегу возвышалась высокая тонкая башня из черного блестящего материала, напоминающего полированную сталь.

Пока мы перелетали реку, я успел рассмотреть, что она несет свои воды с огромной скоростью, образуя множество водоворотов и бурунов вокруг торчащих над поверхностью камней. Глянув сверху на башню, я увидел на ее верхней площадке с полдюжины крылатых теней, приветственно махавших руками своим возвращающимся с добычей сородичам. К югу от реки начиналась пустыня — пыльная, серая равнина, на которой тут и там белели чьи-то высохшие кости. Далеко впереди я заметил вырисовывающуюся на фоне неба черную массу.

Через несколько часов полета я смог рассмотреть, что это — гигантский монолит из какой-то похожей на базальт горной породы, возвышающийся над пустыней. Подножие скалы омывала широкая река, а ее вершина была покрыта высокими шпилями, куполами и крышами дворцов и замков. Нет, это был не сон. Югга, Черный Город, родина крылатого народа, приближалась немолимо, как сама судьба.

Река, пересекавшая пустыню, разделялась перед скалой на два рукава, образуя естественный защитный ров. С трех сторон ее воды омывали отвесные стены, а с четвертой оставалась большая полоса намытого берега. Там, огороженный высокой каменной стеной, стоял еще один город. Его дома были простыми каменными одноэтажными лачугами, не шедшими ни в какое сравнение

с шикарными дворцами на вершине скалы. Единственным сооружением, выделявшимся на общем убогом фоне, было большое здание с куполом — видимо, храм. Стена огораживала город, с двух сторон примыкая к отвесной скале.

Вскоре я рассмотрел и обитателей этого странного поселения. Это были ни яга, ни гура. Они были невысокого роста, крепко сложены, и к тому же их кожа была странного синего цвета. Их лица, как мужчин, так и женщин, более походили на земные, чем у мужчин гура, правда, на них не лежала печать ума, свойственная как землянам, так и обитателям равнин Альмарика. Станные синекожие создания занимались своими делами в городе и работали в полях за его стенами.

У меня было мало времени на осмотр, потому что яга направились прямо к своей цитадели, возвышавшейся над рекой футов на пятьсот. Перед моими глазами замелькали бесчисленные дворцы, замки, минареты, башни, связанные, впрочем, между собой в единое целое. Лежавшие на крышах крылатые силуэты приветственно махали руками. Вдруг мы пошли на посадку рядом с огромным зданием, из зарешеченных окон которого на нас с тоской глядели женские лица. Приземлившись, воины оставляли свою добычу под охраной стражи и улетали куда-то в сторону. Меня, спеленутого по рукам и ногам, не оставили там, вместе с примерно пятью сотнями пленных женщин, среди которых, наверное, была и Альтха. К тому времени мое тело уже онемело от недостатка кровообращения.

Меня продолжали тащить все дальше и дальше. Мы пронеслись по широченному туннелю, по полу которого могли бы пройти в ряд шесть слонов, и полетели еще дальше в глубь скалы, на которой был выстроен город летающих людей. Стены, полы и потолки залов и коридоров, хотя и лишенные каких бы то ни было украшений, производили эффект безудержной роскоши. Видимо, все дело было в отличной полировке всех каменных поверхностей. В это мрачное великолепие хорошо вписывались его зловещие обитатели, скользящие без единого звука по сверкающим коридорам. Черный Город — нет, не зря так называли люди крепость яга. И свое

зловещее название он получил не только за черноту скалы, в которой был вырублен, но и за жестокую душу его крылатых строителей.

Пока мы пролетали по подземным коридорам, я успел рассмотреть многих жителей Югти. Помимо крылатых мужчин, я впервые увидел женщин яга. Они были так же легко сложены, как мужчины, их кожа была такой же темной, а на лицах застыло такое же выражение холодной жестокости. Но у женщин не было крыльев. На них были надеты короткие шелковые юбки, поддерживаемые украшенными золотом и драгоценными камнями поясами, и легкие повязки, прикрывающие грудь. Если бы не свирепое выражение лиц, можно было бы сказать, что женщины яга красивы.

Видел я и уже знакомых мне женщин гура. А кроме того, там были и другие — невысокого роста желтокожие девушки и более темные, почти медного цвета женщины. Все они, несомненно, были рабынями этого крылатого народа. И все же я совершенно не ожидал увидеть этих желтолицых женщин. До того все странные формы жизни, встреченные мною на Альмарике, я мог так или иначе связать с персонажами легенд котхов. Собакоголовые, тролли, гигантский паук, крылатые люди с их черной крепостью — обо всем этом я хоть что-то слышал. Но мне не довелось ни слова услышать о меднокожих женщинах. Не были ли эти загадочные пленницы захвачены на какой-нибудь другой планете?

Обдумывая это, я продолжал наблюдать за обстановкой. Вот мы пронеслись через огромный бронзовый портал, у которого на страже стояло два десятка крылатых воинов, и оказались в громадном восьмиугольном зале, стены которого были увешаны коврами, а пол устлан какими-то мохнатыми шкурами. Воздух здесь был насыщен запахом каких-то духов и благовоний.

В глубине зала высокие ступени чеканного золота вели к помосту, укрытому меховыми покрывалами. На нем полулежала молодая чернокожая женщина, единственная крылатая женщина яга. Она была одета так же, как и остальные. Из украшений на ней был лишь вышитый золотом пояс, с которого свисали ножны с небольшим кинжалом. Красота этой женщины была хо-

лодна и таинственна, как красота бездушной статуи. Я почувствовал, что из всех бесчеловечных обитателей Югти в ней было меньше всего человеческого. Ее лицо было лицом безжалостной и бесстрашной богини.

Вокруг помоста выстроились в почтительных позах двадцать рабынь — обнаженных девушек с белой, синей и медно-красной кожей.

Вскоре вслед за мной в зал были внесены похитителями около сотни пленных женщин Тхугры. Предводитель похитителей приблизился к помосту и, низко поклонившись, разведя одновременно с поклоном руки, сказал:

— О Ясмине, Королева Ночи! Мы принесли тебе часть нашей добычи.

Приподнявшись на локте, королева осмотрела толпу пленниц, по которой пробежала волна испуганных вздохов и стонов. С раннего детства девочкам племен гура внушали, что худшей судьбой для них может быть похищение жестокими крылатыми людьми. Черный Город был для них воплощением зла. И вот его повелительница обратила свой кровожадный взгляд на них. Неудивительно, что многие из пленниц потеряли сознание в этот момент.

Пробежав глазами по рядам девушек, королева остановила взгляд на мне, висящем в сети, удерживаемой двумя воинами. Я увидел некоторый интерес в черных немигающих глазах.

— Кто этот варвар, чья кожа бела и почти так же безволоса, как наша, и который, будучи одет как гура, не похож на них?

— Мы обнаружили его в темнице у тхугров, Повелительница Ночи, — ответил предводитель стаи. — Ваше Величество может сама допросить его. А сейчас не изволит ли Великая Королева отобрать себе нужных ей пленниц, с тем чтобы остальные были распределены между воинами, участвовавшими в набеге.

Ясмине, все еще не сводя с меня глаз, кивнула, а затем быстро выбрала дюжину самых красивых девушек, среди которых я увидел и Альтху. Их оставили в углу зала, а остальных увели куда-то.

Ясмине вновь молча оглядела меня, а затем обратилась к одному из придворных:

— Готрах, этот человек изможден перелетом и истерзан веревками. На его ноге — незажившая рана. В таком виде мне неприятно видеть его. Увести его, вымыть, накормить, напоить и перевязать рану. Когда очухается — привести его ко мне.

Тяжело вздохнув, мои похитители и носильщики вновь потащили меня по бесконечным коридорам и лестницам. Наконец мы оказались в комнате с фонтаном. На моих запястьях и лодыжках защелкнулись замки золоченых цепей, и лишь после этого с меня сняли веревки. Мучимый болью восстанавливающегося кровообращения, я едва помню, как меня опустили в фонтан, смыли пот, грязь и запекшуюся кровь, а затем нарядили в какую-то шелковую хламиду алого цвета. Рану на ноге перевязали, а потом в комнату вошла меднокожая рабыня с золотым подносом, на котором стояли тарелки и кувшины. Что касается еды, к мясу я не притронулся, испытывая самые мрачные подозрения, зато с жадностью накинулся на фрукты и орехи. Поданное в кувшине зеленоватое вино было вкусно и прекрасно освежало горло.

После еды я почувствовал себя таким усталым, что, не дожидаясь решения своей судьбы, повалился на лежащую на полу бархатную перину и заснул мертвым сном. Проснулся я от того, что кто-то потряс меня за плечо. Открыв глаза, я увидел Готраха, наклонившегося надо мной с коротким ножом в руке. Инстинкт самосохранения сработал во мне — и я изо всех сил замахнулся рукой, чтобы одним ударом выбить дух из этой твари. Готраха спасло то, что мою руку остановила прочная цепь. Отпрянув, придворный выругался и сказал:

— Я пришел не для того, чтобы перерезать тебе глотку, варвар, как бы мне того ни хотелось. Девчонка из Котха рассказала Ямине, что ты обычно соскребаешь волосы с лица. Королева желает видеть тебя таким. Вот, держи нож и займись этим делом. Учти, он тупой на конце — так что нет смысла метать его. А я постараюсь не приближаться к тебе на опасное расстояние. Вот тебе зеркало.

Все еще полусонный — несомненно, из-за зеленого вина или какого-нибудь порошка, подмешанного в не-

го, — я прислонил серебряное зеркало к стене и занялся бородой, изрядно выросшей за время моего пребывания в плену. Бритье всухую не доставляло мне неприятных ощущений: во-первых, из-за грубости и жесткости моей кожи, а во-вторых — нож, выданный мне, был острее любой земной бритвы. Хмыкнув при виде моей изменившейся физиономии, Готрах потребовал вернуть нож. Тупоносый клинок был практически бесполезен в качестве оружия, поэтому не было смысла пытаться оставить его себе. Швырнув нож на пол, к ногам Готраха, я снова уснул.

В следующий раз я проснулся уже сам и, сев на перине, повнимательнее оглядел помещение, в котором находился. В комнате, помимо фонтана, не было никаких украшений. Из обстановки — лишь моя перина, маленький столик из черного дерева да покрытая шкурой скамья. Единственная дверь была закрыта и уж, несомненно, заперта на хороший засов снаружи. Окно было забрано золотой решеткой. Хотя я и был прикован цепями к золотому кольцу в стене, у меня все же оставалась возможность подойти к фонтану и к окну, за которым моему взгляду открывался вид на плоские крыши, башни и минареты.

Пока что яга обходились со мной неплохо. Я больше волновался за Альтху, не зная, обеспечивает ли ее нахождение среди личных рабынь королевы хоть какую-то безопасность.

Вскоре раздалися шаги за дверью, и в комнату вошел Готрах в сопровождении шести воинов. С меня сняли кандалы и повели по коридорам, окружив плотным кольцом охраны. На этот раз меня привели не в огромный тронный зал, а в меньшее помещение, находившееся высоко в башне. Комната была вся устелена и завешена меховыми покрывалами. Мне показалось, что она напоминает гнездо паука. Сравнение было довольно точным, потому что в центре комнаты находился и сам паук. На бархатных подушках возлежала Ямина, оглядывавшая меня с нескрываемым любопытством. На этот раз рабыни не сопровождали ее. Охранники приковали меня к золотому кольцу в стене — в этом проклятом городе, наверное, в каждой стене было вде-

лано по кольцу для приковывания пленников, — и вышли за дверь.

Я оперся спиной о занавешенную меховыми покрывалами стену. С непривычки касание мягкого меха неприятно раздражало кожу. Некоторое время королева Югги молча осматривала меня. Ее глаза, несомненно, обладали каким-то гипнотическим действием. Но в моем положении я был слишком похож на дикого зверя в клетке, на которого любое воздействие такого рода производит лишь обратный, бесящий эффект. Мне пришлось заставить себя отбросить внезапно пришедшую в голову мысль — одним яростным рывком порвать золотую цепь и освободить мир от Ясины. Но в таком случае ни мне, ни Альтхе никогда не суждено будет покинуть живыми этот страшный город, из которого выбраться можно, как утверждают легенды, только по воздуху.

— Кто ты? — неожиданно спросила Ясмина требовательным голосом. — Я видела мужчин с кожей даже нежнее твоей, но никогда — таких безволосых, как ты.

Прежде чем я успел переспросить, где еще она видела безволосых мужчин, кроме как среди ее собственного народа, она продолжила:

— Не видела я раньше и таких синих глаз, как у тебя. Они — словно два глубоких озера, и при этом горят холодным пламенем, словно вечный факел на вершине Ксатхара. Как тебя зовут? Откуда ты? Девушка по имени Альтха рассказала, что ты пришел в ее город с не обитаемых холмов, где живут лишь дикие звери, а затем победил в схватке с сильнейшим воином ее племени. Но она не знает, из какой страны ты родом. Скажи мне, и не вздумай лгать.

— Я скажу, но ты решишь, что я лгу, — пожал я плечами. — Мое имя — Исау Каирн; в племени котхов меня прозвали Железная Рука. Я прибыл из другого мира, с другой планеты, вращающейся вокруг другого солнца. Случай свел меня с ученым, которого здесь бы называли колдуном. Случай забросил меня на эту планету, привел к котхам. Опять же случай забросил меня сюда, в твой город. Я все сказал. Можешь мне верить или не верить — это твое дело.

— Я тебе верю, — последовал ответ. — В древности люди умели перелетать со звезды на звезду. Да и сейчас есть существа, способные пронестись сквозь космос. Я сохраняю тебе жизнь — пока. Но ты должен будешь все время быть в кандалах и прикованным к стене. Слишком много ярости в твоих глазах. Будь твоя воля, ты тотчас же расправился бы со мной.

— Что с Альтхой? — спросил я.

— А что тебя интересует? — удивилась она моему вопросу.

— Какая участь ждет ее?

— Она будет прислуживать мне вместе с другими, пока не провинится или не надоест мне. Но почему ты спрашиваешь о другой женщине, когда говоришь со мной? Мне это не нравится.

Ее глаза засверкали. Таких глаз, как у Ясины, мне еще не доводилось видеть. Они менялись с малейшим изменением настроения королевы, отражая все, даже недоступные человеческому разуму, страсти и чувства, пылавшие в повелительнице крылатого народа.

— Не рискуй, — тихо сказала она. — Знаешь, что бывает, когда я недовольна? Текут реки крови, Югга сотрясается от стонов, и даже сами боги испуганно втягивают головы в плечи.

Сказано это было так, что кровь застыла у меня в жилах. Но я тотчас же пришел в себя. Я чувствовал, что силы вернулись ко мне, что я в любой момент могу одним движением вырвать из стены золотое кольцо и убить Ясмину прежде, чем она вскочит со своих подушек. Если дело дойдет до ее страшного гнева — я сумею защитить не только себя. Неожиданно для самого себя я расхохотался. Королева изумленно уставилась на меня.

— Безумец, над чем ты смеешься? — воскликнула она. — Хотя это не смех, это рык охотящегося леопарда. Или ты думаешь, что сможешь дотянуться и убить меня? Но подумай, что ждет тогда твою Альтху. Однако ты заинтересовал меня. Ни один мужчина еще не смеялся надо мною. Ты будешь жить — по крайней мере еще некоторое время.

Хлопком в ладоши она вызвала охрану.

— Отведите его в комнату и посадите на цепь. Не спускать с него глаз. Когда мне будет нужно, приведите его ко мне снова.

Так я попал в плен в третий раз на Альмарике. На этот раз я оказался заточен во дворце королевы Ясмимины, повелительницы народа яга, в городе Югга, на скале Ютхла, у реки Йогх, в стране Ягг.

Глава IX

Мне довелось многое узнать об этом чудовищном народе, который царствовал на Альмарике задолго до появления на этой планете первых людей. Быть может, они и сами когда-то давно были людьми, но я сильно в этом сомневаюсь. Скорее они представляли собой отдельную, тупиковую ветвь эволюции, и только по невероятному стечению случайных совпадений они внешне оказались похожи на человекоподобных, а не на более подходящих им по сути обитателей Царства Тьмы.

На первый взгляд они во многом напоминали людей. Но стоило проследить за их поступками, направлением их мыслей — и становилось ясно, что крылатый народ не имеет ничего общего с понятием человечности. Что касается чистого интеллекта — то они, несомненно, превосходили волосатых, обезьяноподобных гура. Но им были неведомы такие неотъемлемые качества людей, присущие даже дикарям, как честность и честь, достоинство и благородство. Конечно, гура не были смиренными овечками и часто совершали в гневе жестокие, дикие поступки. Но по сравнению с яга — они были просто невинными детьми. Яга были жестоки и безжалостны даже в спокойном состоянии, стоило же их разозлить — и бессмысленной жестокости не было границ.

Яга были многочисленным народом. Одних только воинов у них насчитывалось тысяч двадцать. А были ведь еще и жены бойцов. А также рабы, которых каждый яга имел немалое количество. Я удивился, узнав, сколько народу живет в Югге, учитывая сравнительно небольшие размеры города, ограниченного поверхно-

стью и глубинами скалы Ютхла. Оказалось, что город намного больше уходит вглубь, чем я предположил поначалу. Замки и дворцы были вырублены прямо в толще скалы. А когда яга чувствовали, что город становится перенаселенным, они просто-напросто преспокойно убивали часть слуг и рабов. Детей яга я не видел. Вообще, потери крылатых людей в войнах были незначительны, а болезни, похоже, неведомы им. Поэтому детей рожали лишь по предварительному согласованию, сразу несколько сотен, раз в несколько столетий. Последний выводок уже давно вырос, а до нового было еще очень далеко.

Повелители Югги не выполняли сами никакой работы и проводили дни в чувственных удовольствиях. Их знаниям и способностям в организации оргий и разврате могли бы позавидовать и самые распутные патриции поздней Римской империи. Оргии прекращались лишь на время набегов — или налетов — на города Альмарика с целью захвата новых рабынь.

Город у подножия скалы назывался Акка, а его синекожие жители — акки, с древних времен подчинявшиеся крылатому народу. Фактически это были не люди, а просто рабочие животные с абсолютно подавленной волей, трудившиеся на орошаемых полях, выращивая фрукты и овощи. Они поклонялись яга, считая их высшими существами, если не живыми богами. Ясмину они почитали как верховную богиню. Если не считать постоянной тяжелой работы, яга обходились с ними весьма сносно. Синекожие женщины были очень некрасивы и слишком походили на животных, поэтому не могли заинтересовать яга, чей эстетический вкус, пополам с садизмом, на мой взгляд, был не менее страшен, чем безразличие к красоте и кровожадность хищного зверя. Акки никогда не поднимались в верхний город, за исключением тех случаев, когда требовалось сделать тяжелую работу, не по силам женщинам-рабыням. Спускались и поднимались они по длинным веревочным лестницам, вешиваемым яга. На скалу не вела ни одна дорога или тропинка, поскольку это было не нужно крылатым обитателям Югги. Стены скалы были почти отвесными — и яга могли спокойно жить в своей

неприступной крепости, не опасаясь восстания Акки или вторжения чужеземцев.

Женщины яга тоже были своеобразными пленницами скалы Ютхла. Крылья им аккуратно обрезали при рождении. Лишь тем, кого отбирали на смену королеве, оставляли возможность летать. Это делалось, чтобы сохранить полное господство мужчин над женщинами. Честно говоря, я так и не понял, как в далекие времена мужчинам яга удалось захватить это господство — судя по рассказам Ясины, женщины превосходили их в ловкости, выносливости, храбрости и даже в силе. Оставшись без крыльев, они лишались даже надежды вернуть себе бывшее превосходство.

Ясмина была примером того, какой могла бы быть летающая женщина. Она была выше других женщин яга и всех женщин гура, к тому же более плотно сложена. Ее пышные формы напоминали тело хорошо откормленной, но не потерявшей ловкости и подвижности дикой кошки. Королева была молода — да и все женщины яга выглядели молодыми. В среднем крылатые твари жили девятьсот лет. Ясмина правила своим народом уже четыре века. Три крылатые принцессы оспаривали ее право на трон, но были убиты ею в ритуальном поединке в большом, восьмиугольном тронном зале. Эти поединки проводились раз в столетие. И пока королева может отстоять свою корону силой — она будет править.

Рабыни яга влачили жалкое существование. Ни одна из них не была уверена, что на следующий день ее не растерзают, чтобы приготовить еду. Кроме того, они ежедневно терпели издевательства от жестоких хозяев и хозяек. В общем, Югга была воплощением ада наяву. Я не был в курсе того, что творилось в домах и замках крылатых жителей города, но я наблюдал за каждодневной жизнью королевского дворца. Не проходило дня или ночи, чтобы эхо не разносило по гулким коридорам жалобных стонов и просьб о пощаде, сопровождавшихся грубым смехом и безжалостными пугающими криками.

Как бы я ни был закален физически и психически, я так и не смог привыкнуть к этому. Единственное, что не дало мне сойти с ума, — это мысль о том, что мне

нужно попытаться спасти Альтху. Хотя шансов было очень и очень мало: я был прикован и заперт, а где находилась Альтха — я понятия не имел. Правда, я знал, что она где-то во дворце, где избавлена от издевательств крылатых мужчин, но не от жестокости и гнева своей госпожи.

В Югге я насмотрелся и наслушался такого, о чем не смогу поведать в этом повествовании. Яга — мужчины и женщины — ничуть не стеснялись и даже гордились своей порочностью и злобой. Они цинично отбрасывали малейший намек на скромность или стыдливость. Следуя всем своим прихотям и малейшим желаниям, они вели совершенно развратный образ жизни, беспорядочно сочетаясь между собой и всячески издеваясь над пленницами. Считая себя почти богами, они сбрасывали с себя все ограничения, свойственные людям. Пожалуй, женщины были даже более порочны, чем мужчины, если такое вообще возможно. Описать жестокость, с которой они обращались с рабынями, и пытки, которым они их подвергали, не поднимается рука. Яга действительно достигли совершенства в искусстве физических и психологических издевательств. Но хватит об этом. Я не могу больше описывать эти ужасы.

Дни плена слились для меня в один кошмарный сон. Лично со мной обращались неплохо. Каждый день меня выводили под конвоем на своего рода прогулку по дворцу — примерно так, как выгуливают любимых домашних животных, чтобы дать им поразмяться. Меня, постоянно закованного в кандалы, все время сопровождали семь или восемь вооруженных до зубов стражников. Несколько раз мне удалось увидеть Альтху, выполнявшую какую-то работу, но она всегда отворачивалась от меня и старалась как можно быстрее скрыться. Я все понял и не пытался заговорить с нею. Ведь одним упоминанием ее имени перед Ясиной я поставил жизнь девушки под угрозу. Лучше пусть королева забудет о ней, если, конечно, это возможно. Чем реже Королева Ночи вспоминала о своих рабах, тем в большей безопасности они были.

Сам не знаю как, я сумел на время подавить кипевшую во мне ярость. Когда все тело и вся душа уже го-

товы были разорвать цепи и броситься в последний бой, я невероятным усилием воли сдерживал себя. Ярость и гнев оседали в душе, кристаллизуясь в ненависть. Так день шел за днем, пока однажды ночью Ясмина не вызвала меня к себе.

Глава X

Ясмина, подперев голову руками, неподвижно сидела, устремив на меня большие черные глаза. Мы были одни в комнате, которую я раньше не видел. Я сел на диван напротив королевы, разминая освобожденное от оков тело. Ясмина сказала, что снимет с меня на время цепи, если я пообещаю не причинять ей вреда и позволить вновь заковать себя, когда она этого потребует. Я дал слово. Никогда я не считал себя особо умным, но сжигающая душу ненависть обострила и мой разум. Я вел свою игру.

— О чем ты думаешь сейчас, Исау Каирн? — спросила Ясмина.

— Я хочу пить, — коротко ответил я.

Она протянула мне хрустальный бокал:

— Выпей этого золотистого вина. Но немного, иначе опьянеешь. Это самый крепкий напиток в мире, и даже я не смогла бы, осушив бокал залпом, не упасть без чувств мертвецки пьяной. А ты и вовсе не привык к этому вину.

Я пригубил немножко. Это действительно был крепкий напиток, похожий на ликер.

Ясмина растянулась на своем ложе и спросила:

— Почему ты ненавидишь меня? Разве я плохо к тебе отношусь?

— Я не говорил, что ненавижу тебя. Ты очень красивая, но и не менее жестокая.

Она пожала плечами, взмахнув при этом крыльями:

— Жестокая? Я — божество! Какое отношение ко мне могут иметь жестокость или милость? Это — для людей. Сама человечность существует лишь по моей прихоти. Разве не от меня исходит животворящая сила, питающая мир?

— Можешь молоть эту чушь своим тупым акки, — оборвал я ее. — Я-то знаю, что это не так, да, впрочем, и ты тоже.

Она рассмеялась, не обидевшись:

— Ну, положим, я не могу создать жизнь. Но уничтожить ее — в моей власти. Может быть, я и не богиня, но попробуй разубедить моих рабынь в том, что я всемогуща. Нет, Железная Рука, боги — всего лишь другое наименование Силы и Власти. На этой планете я — Сила и Власть, а значит, я — богиня. Скажи, чему поклоняются твои приятели, гура?

— Они верят в Тхака, по крайней мере они признают его за создателя и вседержителя. У гура нет ритуалов, нет жрецов, храмов и алтарей. Тхак для них — все-сильное божество в форме человека, мужчины. Оно грохочет громом, когда сердится, или напоминает о себе рычанием льва. Тхаку нравятся храбрые, сильные люди и противны слабаки. Но он никому не помогает и никого не карает. Когда рождается мальчик, Тхак вселяет в него храбрость и силу, а когда воин умирает, он отправляется в царство Тхака. Там живут души умерших, которые охотятся, воюют и веселятся так же, как они это делали при жизни.

Королева усмехнулась:

— Тупые свиньи. Смерть — неминуема и окончательна. Мы, яга, поклоняемся только себе, своему совершенному телу. И приносим богатые жертвы нашим телам телами жалких людишек.

— Ваше царствование не будет продолжаться вечно, — заметил я.

— Оно длится с тех времен, когда само время только-только начало свой бег из Вечности. Бессчетные века стоит наш город на скале Ютхла. Еще до того, как гура построили свои города, еще до того, как они превратились из обезьян в людей, мы правили этим миром. Мы правим сейчас их расой, как раньше правили другими народами, построенными города из мрамора, которые за их провинности мы разрушили до основания в одну ночь.

Я могу поведать тебе еще о множестве других рас и народов, которые появлялись на нашей планете и исче-

зали с ее лица. Но пока они жили здесь, мы, крылатые обитатели страны ягт, правили ими, наводя трепет и ужас одним своим появлением. Мы правим не века, не тысячелетия — целые эпохи и эры проходят под нашим господством!

Так почему бы нашему царствованию не продолжаться вечно? Как могут эти тупые гура победить нас? Ты видел, во что превращаются их города, когда на них налетают мои крылатые воины. Как эти обезьяны смогут напасть на нас? Для этого им пришлось бы пересечь Пурпурную Реку, слишком быструю, чтобы переправиться через нее вплавь. Только по броду у порогов можно перебраться через нее, но за переправой днем и ночью следят зоркие стражники. Один раз гура уже пытались напасть на нас. Но стража у реки предупредила город о вражеском нашествии. Посреди голой пустыни наши воины напали на чужаков и уничтожили их стрелами и камнями, сбрасываемыми с неба, сведя с ума оставшихся в живых.

А теперь представь, что эта орда смогла бы пробиться к подножию скалы Ютхла. И что? Им пришлось бы переправиться через реку Йогх под градом стрел и копий акки, взять штурмом город синеккожих, что тоже нелегко. Ну а потом? Никому не удастся забраться по отвесным склонам нашей скалы. Нет, никогда враждебная сила извне не ступит ногой на камни Югги. А если, по жестокой прихоти богов, такому суждено случиться, — при этих словах черты лица королевы исказились гримасой гнева, — то я не смирюсь с этим и не подчинюсь завоевателям. Я скорее выпущу на волю Последний Ужас и погибну под руинами родного города, — прошептала она, больше для себя, чем для моих ушей.

— Что ты имеешь в виду? — переспросил я.

— За черной пеленой великих тайн есть еще более скрытые тайны, — негромко сказала Ясмина. — Не лезь туда, где и сами боги замирают от ужаса! Я ничего не говорила, а ты ничего не слышал! Ты меня понял?

Помолчав, я перевел разговор на другую тему, давно интересовавшую меня:

— Скажи, откуда среди твоих рабынь желтокожие девушки и краснокожие женщины?

— Ты смотрел на юг с самых высоких башен моего дворца? Видел на горизонте темную полосу? Это — Кольцо, опоясывающее мир. По другую его сторону живут другие расы, у которых мы и забираем себе этих редких рабынь. Ибо мы совершаем налеты на города за Кольцом так же, как и на города гура, разве что реже.

Я собрался подробнее расспросить королеву о тех землях и народах, но в этот момент раздался робкий стук в дверь. Недовольная вмешательством, Ясмина грубо спросила, что от нее нужно, и дрожащий от страха женский голос произнес, что лорд Готрах желает получить аудиенцию. Королева прокляла всех и вся и сказала, что лорд Готрах может убираться к черту. Затем, чуть выждав, она передумала и крикнула:

— Нет! Позови его, Тхета! Тхета!

Видимо, рабыня уже умчалась передавать Готраxu пожелание королевы. Ясмина недовольно встала:

— Вот тупая стерва! Я что, должна сама идти за своим дворецким? Нет, она у меня отведает кнута. Может быть, это излечит ее от глупости.

Ясмина легким быстрым шагом пересекла комнату и вышла за дверь. В этот момент меня осенило. Еще не зная сам точно зачем, я притворился пьяным, предварительно вылив содержимое бокала в какой-то большой золотой сосуд, стоявший в углу помещения. На всякий случай я еще раз прополоскал рот ликером, чтобы от меня сильнее шел винный запах.

Услышав приближающиеся шаги и голоса, я живописно разлегся на диване, уронив бокал рядом с вытянутой рукой. Я услышал, как открывается дверь. Затем наступило напряженное, почти осязаемое молчание. Наконец королева процедила:

— Боги! Он вылакал все вино и теперь мертвецки пьян! Да, самые благородные и привлекательные создания становятся жалкими и омерзительными в таком виде. Ладно, давай к делу. Не бойся, он еще долго ничего не услышит.

— А может быть, лучше вызвать охрану, чтобы его перетащили в камеру, — услышал я голос Готраха. — Мы не можем позволить рисковать секретом, который знают только королева Ягт и ее дворецкий.

Я почувствовал, что они подошли ко мне и наклонились. Я чуть пошевелился и невнятно забормотал что-то.

Ясмина рассмеялась:

— Не бойся, до рассвета он ничего не узнает и не услышит. Ютхла может расколоться и рухнуть в воды Йогха, а он и ухом не поведет. Глупец! Этой ночью он мог бы стать королем мира, соединившись со мной, королевой. На одну ночь... Но сколько волка ни корми, сколько ни заботься о варваре — он не перестанет быть дикарем.

— Почему бы не отправить его на пытку? — буркнул Готрах.

— Потому что мне нужен мужчина, а не изуродованный кусок мяса и не какой-нибудь извращенец. Кроме того, этого парня проще убить, чем сломить его душу. Нет, я, Королева Ночи Ясмина, заставлю его любить меня, прежде чем я скормлю его грифам. Кстати, ты отправил Альтху из Котха к Лунным Девственницам?

— Да, Повелительница Ночного Неба. Полтора месяца, начиная с этой ночи, она будет исполнять священный танец Луны вместе с другими девушками.

— Отлично. Стереги их днем и ночью. Если этот тигр узнает о том, какая участь уготована его подружке, никакие цепи и засовы не удержат его.

— Сто пятьдесят воинов охраняют Лунных Девственниц, — сказал Готрах. — Даже Железная Рука не сможет одолеть эту силу.

— Хорошо. Теперь о деле. Ты принес пергамент?

— Да.

— Давай я подпишу его. Дай мне перо.

Я услышал царапанье чем-то острым по пергаменту, а затем королева сказала:

— Держи и положи на алтарь в обычном месте. Как и обещано в послании, я появлюсь во плоти завтра ночью перед моими верными подданными и почитателями — синерожими свиньями акки! Никогда я не откажу себе в удовольствии лицезреть эти тупые восхищенные рожи, когда я появляюсь из-за золотой ширмы и развожу руками, благословляя их. За все эти века им даже не пришло в голову, что за алтарем может быть потай-

ная дверь и шахта, ведущая от их храма прямо сюда, в эту комнату.

— Ничего удивительного, — возразил Готрах. — Жрецы появляются в храме только по особому призывному сигналу, да к тому же все они слишком толстые, чтобы пролезть за золотую ширму. А снаружи увидеть потайную дверь невозможно.

— Ладно, все это я знаю, — сказала Ясмина. — Иди.

Я услышал, как Готрах возится с чем-то тяжелым, а затем легкий скрип. Я рискнул чуть разомкнуть веки и увидел, что Готрах спускается в черный люк в центре комнаты, тотчас же закрывшийся за ним. Сразу же закрыв глаза, я услышал, как Ясмина кошачьими шагами ходит из угла в угол.

Один раз она подошла ко мне и остановилась. Я почувствовал на себе ее горящий взгляд и разобрал произнесенные шепотом проклятия. Затем она ударила меня чем-то вроде пояса с драгоценными камнями и царапала лицо. Но я не пошевелил ни единым мускулом, не открыл глаза, а продолжал лежать неподвижно, лишь что-то промывчав, словно в беспробудном сне. Королева постояла еще немного, а затем вышла из комнаты.

Как только дверь за ней закрылась, я вскочил и побежал к тому месту, где меховые покрывала были сдвинуты, обнажив каменный пол. Тщетно я искал на полированном черном камне хоть какой-то замок, кольцо или хотя бы трещину в монолите, обозначающую вход в подземелье. Представив себе неожиданное возвращение Ясины, я покрылся холодным потом. Неожиданно часть пола прямо у меня под руками стала приподниматься. Тигриным прыжком я оказался за ложем королевы и уже оттуда наблюдал за тем, как из люка показалась голова Готраха, его плечи и крылья.

Он вылез из люка и развернулся, чтобы закрыть его; в этот миг я одним прыжком долетел до него и рухнул ему на плечи.

Ноги Готраха подкосились под такой тяжестью, и он упал, а мои пальцы клещами сжали его горло. Не понимая, что происходит, Готрах попытался вывернуться и, увидев меня, вздрогнул от ужаса. Он попробовал вы-

хватить кинжал, но я встал коленом на его руку. Навалившись на крылатого негодяя, я душил его изо всех сил, вкладывая в сжимающиеся пальцы всю ненависть к его страшному народу. Еще некоторое время после того, как он перестал сопротивляться, я не мог разжать руку, словно сведенную судорогой на его глотке.

Оторвавшись от мертвого тела, я заглянул в люк. В свете факелов, горевших в комнате, были видны узкие ступени, уходившие в почти вертикальную шахту куда-то в глубь скалы Ютхлы. Как я понял из разговора королевы и Готраха, коридор должен был вести в храм акки, живущих в городе у подножия Черной скалы. Сбежать от акки мне казалось куда более легким делом, чем от яга. Но все же я колебался, мое сердце разрывалось, когда я вспоминал об оставшейся в лапах крылатой королевы Альтхе. Но выхода не было. Я не знал, в какой части этого дьявольского города держат мою подругу. А кроме того, я помнил, что сказал Готрах о количестве охранявших ее и других девушек стражников.

Девственницы Луны! Холодный пот прошиб меня, когда я осознал значение этих слов. Я не знал точно, что представляет собой праздник Луны, но по усмешкам, сальным улыбкам и обрывкам доходивших до моих ушей разговоров я мог представить себе эту вакханалию, в которой высший экстаз эротического, чувственного наслаждения достигался под звуки хриплого дыхания медленно умерщвляемых девушек, приносимых в жертву единственному божеству, почитаемому яга, — их собственной похоти и жажде кровавых удовольствий.

Мысль о том, что такая судьба уготована и дорогой мне Альтхе, привела меня в бешенство. Оставался один шанс, пусть и очень слабый, — бежать самому, добравшись до Котха и, собрав большой отряд, попытаться освободить Альтху. Прodelать такой путь одному было невероятно трудно, как и взять штурмом крепость яга, но другого выхода я не видел.

Выглянув в коридор, я перетащил тело Готраха туда и спрятал за одной из занавесок в темном углу. Я не сомневался, что его найдут, но по крайней мере не так быстро, а у меня будет больше времени в запасе. А кроме того, найдя труп в другом месте, Ясмينا не сра-

зу поймет, куда я подевался, и будет в первую очередь искать меня во дворце и в городе.

Но нельзя было больше испытывать судьбу, ошиваясь во дворце. Вернувшись в комнату, я влез в люк и, закрыв за собой крышку, оказался в полной темноте. Впрочем, мои пальцы нащупали ручку, с помощью которой можно было открыть люк снизу, если бы мне пришлось возвращаться, обнаружив, что путь вниз перекрыт. Но пока что ступеньки равномерно уходили в темноту, и я быстро сбегал по ним, опасаясь встретиться лицом к лицу с каким-нибудь кровожадным обитателем подземелья. Но ничего не произошло; вскоре ступеньки кончились, и, пройдя по короткому коридору, я оказался перед белой стеной. Нащупав засов, я отодвинул его и ощутил, что часть стены поворачивается под моими руками. Я очутился в небольшом помещении, освещенном слабым дрожащим светом.

Несомненно, это был какой-то храм. Большую его часть скрывал от меня лист чеканного золота, стоявший прямо передо мной.

Выскользнув через потайную дверь, я заглянул за край золотой ширмы, за которой оказалось просторное помещение, выстроенное в характерном для всей архитектуры Альмарика тяжеловесном, внушительном стиле. Впервые на этой планете я увидел храм. Его потолок терялся в темноте, черные стены были отполированы, но ничем не украшены. Помещение было пустым, если не считать большого черного камня в середине — видимо, алтаря. На нем лежал подписанный Ясминой пергамент и стоял большой светильник, чей дрожащий свет и рассеивал темноту храма. Видимо, я оказался здесь, в святой святой акки, проникнув через то, что составляло основу веры акки — сверхъестественное появление пергаментов с пророчествами и явление богини во плоти прихожанам храма. Странно, что целый культ столетиями существовал, опираясь лишь на незнание верующих о подземной лестнице! Но еще более странным мне показалось то, что лишь стоящий ниже всех по развитию народ на Альмарике создал себе настоящую религию с церковью, служителями культа и ритуалами. На Земле это считалось признаком более высокой цивилизованности народа.

Но культ акки был основан на невежестве и страхе. Страх, казалось, плотной пеленой висел в воздухе храма. Я хорошо представил себе перепуганные синие лица, с трепетом взирающие на появляющуюся из-за золотого экрана богиню, словно сошедшую к ним из глубин космоса.

Закрыв за собой дверь, я осторожно пересек храм. У дверей спал мертвым сном синеликий человек в каком-то немислимом одеянии. Наверняка он точно так же спал и во время «божественного» появления пергамента на алтаре. Сжимая в руке кинжал Готраха, я перешагнул через спящего и, выйдя из здания, вдохнул холодный ночной воздух, пахнувший близкой рекой.

Вокруг царила полная темнота. Луны не было. Лишь мириады звезд мерцали на небе. Кругом не было слышно ни звука. Измучившись за день, акки крепко спали.

Бесшумно, словно привидение, я скользил по пустым улицам, прижимаясь к каменным стенам и заборам. Я не встретил ни единой живой души, пока не подошел к воротам, за которыми виднелся поднятый разводной мост. У ворот преспокойно похрапывал, опершись на копые, стражник, даже не подумавший проснуться при моем приближении. Ничего не стоило перерезать ему горло, но я не видел смысла в бесполезном убийстве. Он не слышал меня, хотя я и перелез через стену в каких-то сорока футах от него.

Войдя в реку, я быстро переплыл ее и вышел на противоположном берегу. Лишь там я ненадолго задержался, чтобы попить речной воды. Затем я отправился в путь по пустыне, двигаясь странной походкой — полурысью-полубегом, — которой апачи в свое время загоняли мустангов измором.

Незадолго до рассвета я добрался до берегов Пурпурной Реки, постаравшись забрать в сторону от сторожевой башни, вырисовывавшейся на фоне звездного неба. Склонившись над краем обрыва, я понял, что бессмысленно даже пытаться пересечь этот ревущий поток вплавь. Для лучшего пловца, будь то Земля или Альмарик, это было бы самоубийством. Оставалось попробовать переправиться в районе порогов, избежав при этом

зорких глаз охраны, что, впрочем, тоже почти равнялось самоубийству. Но выбора у меня не было.

Небо на востоке чуть посветлело, когда я подобрался к порогам примерно на тысячу ярдов. Вдруг, взглянув на башню, я увидел сорвавшуюся со смотровой площадки и несущуюся ко мне крылатую тень. Меня обнаружили! Мне пришел в голову отчаянный план. Я, словно в панике, беспорядочно забегал по берегу, а затем затих, притаившись за камнем. Я услышал, как надо мной прошелестели крылья, а затем яга опустился на землю неподалеку от меня. Я знал, что это был всего лишь часовой, несущий службу один, и надеялся, что он не стал будить спящих товарищей, чтобы те подменили его на башне, пока он разберется с одиноким любителем ночных прогулок.

Я, скрючившись, лежал за камнем, делая вид, что смертельно напуган. Подойдя ко мне, сжимая в руке свой кинжал, яга пнул меня ногой, чтобы заставить разогнуться. Я не заставил себя долго упрашивать и, вскочив на ноги, одним ударом выбил кинжал из его руки, а другим — отправил его в нокаут. К тому времени, как яга очухался, я уже крепко связал ему руки его же ремнем. Встряхнув яга, я заставил его встать на ноги, а сам влез ему на спину и обхватил ногами туловище.левой рукой я крепко держал его за горло, а правой приставил к его груди кинжал Готраха.

Я негромко и коротко объяснил ему, что он должен был сделать, чтобы остаться в живых. Не в правилах яга было жертвовать собой, даже когда речь шла о безопасности его народа. Через мгновение мы уже неслись по розовеющему небу прочь от Пурпурной Реки, прочь от страны Ягт.

Глава XI

Я безжалостно погонял этого крылатого дьявола. Лишь перед закатом я позволил ему приземлиться. Связав ему ноги и крылья, чтобы он не смог сбежать, я отправился на поиски фруктов и орехов. Вернувшись, я

покормил яга тем же, что ел сам. Мне были нужны его силы для дальнейшего перелета. Ночью хищники рычали и выли поблизости от нас, приводя яга в ужас. Чтобы не привлекать излишнего внимания возможных преследователей, я не стал разводить костер, предпочитая рискнуть и провести ночь без этой защиты от диких зверей. К счастью, никто не напал на нас в ту ночь. Лес на берегу Пурпурной Реки остался далеко позади, и теперь мы летели над степью; я избрал кратчайший прямой путь к Котху, руководствуясь еще не подводившим меня компасом — инстинктом.

На четвертый день пути я заметил внизу темную массу, в которой я вскоре узнал большую группу движущихся людей — видимо, армию на марше. Я приказал яга подлететь к ним поближе. Зная, что мы уже приближаемся к обширным территориям, контролируемым племенем котхов, я предположил, что это могут быть мои товарищи.

Мой интерес и увлеченность едва не стоили мне жизни. Дело в том, что в течение дня я оставлял ноги яга развязанными, так как он клялся, что иначе не сможет лететь. Но тем не менее руки у него были связаны. Попыток вырваться он не предпринимал, и я даже оставил кинжал в ножнах, рассчитывая, что смогу управиться с ним без оружия. Надо же было случиться, что именно в тот день моему пленнику удалось развязать ремень на запястьях. И стоило мне, увлекшись разглядыванием толпы внизу, ослабить хватку, как он тотчас же попытался избавиться от ненавистного седока. Прежде всего он резко дернулся в сторону всем телом, так, что я чуть не упал и еле удержался у него на загривке. В тот же миг его длинная рука скользнула мне за пояс — и вот уже в ней сверкнул мой кинжал.

Затем последовала одна из самых отчаянных схваток в моей жизни. Съехав со спины яга, я повис в воздухе, вцепившись одной рукой ему в волосы и обвив ногой его ногу. Второй рукой я удерживал руку яга с занесенным надо мной кинжалом. Так мы и боролись на высоте тысячи футов: он — чтобы сбросить наконец меня или вонзить кинжал мне в сердце; а я прикладывал

все силы, чтобы не отцепиться и удержать нацеленный на меня кинжал.

На земле мой большой вес и сила быстро сломили бы противника, но в воздухе он имел преимущество. Свободной рукой он бил меня по лицу и царапал шею, а его колено то и дело вонзалось мне в пах. Я терпел, видя, что эта борьба заставляет его опускаться все ниже и ниже к земле.

Поняв это, яга сделал последнее отчаянное усилие. Перехватив кинжал свободной рукой, он нацелил его мне в горло. В тот же миг я резко потянул на себя его голову. Яга сильно дернулся, и удар кинжала пришелся не мне в шею, а ему в бок. Завопив от боли, он почти перестал махать крыльями, и мы почти отвесно полетели на землю, о которую ударились с изрядной силой.

Я тяжело поднялся. Яга не подавал признаков жизни. В падении я постарался перетянуть его под себя, и вот теперь его тело, защитив меня от страшного удара о землю, неподвижно лежало в жуткой, исковерканной позе.

До моих ушей донесся многоголосый рев. Обернувшись, я увидел несущуюся ко мне толпу волосатых дикарей, выкрикивающих мое имя. Я встретился со своим племенем.

Волосатый великан подбежал ко мне первым и дружески хлопнул меня по плечу. (Вообще-то, таким ударом можно было бы сбить с ног лошадь.) Затем он обнял меня, чуть не раздавив и приговаривая при этом:

— Железная Рука! Разрази меня Тхак! Это ты, старый плут! Не поверишь, я так рад, так рад — впервые с тех пор, как переломил хребет этому мерзавцу Кхушу из Тханга!

Это был Гхор. За ним появились Кхосутх Головорез (мрачный и серьезный, как всегда), Тхаб Быстроногий, Гушлук Тигрой — в общем, все мои приятели, воины Котха. То, как они лупили меня по спине, обнимали и орали приветствия, выражало неописуемую радость и восторг, немыслимые на Земле ни по степени выразительности, ни по искренности. Ибо я знал, что лицемерию нет места в простых и честных сердцах этих людей.

— Где ты пропадал, Железная Рука? — воскликнул Тхаб Быстроногий. — Мы нашли в степи твой разби-

тый мушкет, а рядом — мертвого яга с проломленной башкой. Мы решили, что эти мерзавцы расправились с тобой, но твоего тела так и не нашли. И вот теперь ты сваливаешься на нас прямо с неба вместе с еще одним крылатым дьяволом. Ты что, ездил в гости в их крепость — Юггу?

Тхаб захохотал, как хохочут люди над собственной удачной шуткой.

— Ну да, — ответил я, — я побывал в Югге, на скале Ютхле, на берегах Йогх, в стране Ягг. Где Заал Копье-носец?

— Он среди той тысячи, которая осталась охранять город, — ответил Кхосутх.

— Его дочь, Альтха, находится в плену у яга, в Черном городе, — сказал я. — Она погибнет в полнолуние, вместе с ней — еще сотни девушек, а затем постепенно и другие — не меньше пятисот женщин гура. Мы должны предотвратить это.

По толпе пронесся ропот. Оглядев отряд, я понял, что здесь не меньше четырех тысяч воинов. Луков видно не было, зато каждый нес на плече мушкет, что свидетельствовало не о большой охоте, а о войне с людьми, причем, судя по количеству, речь шла не о рядовом набеге.

— Куда вы идете? — спросил я.

— Племя кхоров идет нам навстречу. Их не меньше пяти тысяч, — ответил Кхосутх. — Это будет смертельная схватка двух племен. Мы вышли встретить их в открытом бою, чтобы избавить наших женщин от ужасов войны и осады.

— Забудьте про кхоров! — крикнул я. — Вы заботитесь о чувствах своих женщин, а в это время тысячи женщин — и ваши среди них — страдают от издевательств и пыток крылатых дьяволов на проклятой скале Ютхле! За мной! Я приведу вас в крепость яга, которые уже тысячи лет наводят ужас на людей Альмарика.

— Сколько у них воинов? — неуверенно спросил Кхосутх.

— Двадцать тысяч.

Из глоток моих слушателей вырвался тяжелый стон.

— Что мы можем сделать с такой ордой? Нас слишком мало.

— Я покажу вам путь в самое сердце их крепости, проведу вас прямо во дворец их королевы! — прокричал я.

— Вот это да! — присвистнул Гхор Медведь, потрясая мечом над головой. — Он дело говорит, ребята! Пошли за Железной Рукой! Он покажет нам дорогу!

— А что же делать с кхорами? — сухо переспросил Кхосутх. — Они идут нам навстречу, чтобы сразиться. Мы должны ответить ударом на удар, вступить в бой, если не хотим навеки опозорить себя.

Гхор что-то буркнул и повернулся ко мне за поддержкой и разъяснениями. Тысячи глаз других воинов тоже устремились на меня.

— Предоставьте это дело мне, — в отчаянии предложил я. — Я поговорю с ними...

— Они снесут тебе башку — не успеешь и рта раскрыть, — прервал меня Кхосутх.

— Это точно, — добавил Гхор. — Мы с ними уже столько веков воюем. Нельзя им доверять, приятель.

— Я попробую, — только и оставалось сказать мне.

— Попробуй, попробуй, — мрачно сказал Гушлук. — Тем более что они уже рядом.

Действительно, на горизонте показалась большая темная масса.

— Мушкеты к бою! Следовать за мной, — скомандовал Кхосутх, сверкая глазами.

— Вы начнете сражение сейчас — под вечер? — спросил я.

Вождь посмотрел на солнце:

— Нет. Мы пойдем им навстречу и остановимся на ночь на расстоянии выстрела. А на рассвете мы налетим на них и перережем им глотки.

— Они планирую все точно так же, — объяснил Тхаб. — То-то будет завтра потеха.

— А пока вы будете развлекаться в бессмысленной резне, ваши сестры и дочери будут ни за что страдать под пытками летающих негодяев и их дамочек. Идиоты! Вы просто кретины!

— Но что же с этим поделать? — взмахнул руками Гушлук.

— Пошли за мной! — взвыл я. — Пошли им навстречу! Ну, живее, — или я пойду один!

Я развернулся и зашагал по траве навстречу неприятелю. Посовещавшись, большая часть котхов пошла за мной вслед. Две армии быстро сходились. Вот уже стали различимы детали: волосатые тела, бородатые лица, оружие. Я шел вперед, не чувствуя ни страха, ни гнева.

Не доходя до противника ярдов двести, я остановился. Затем, выйдя на несколько шагов вперед из своего строя, я снял с пояса единственное свое оружие и, помахав им в воздухе, положил его на траву. Несмотря на яростные предостережения Гхора, пытавшегося остановить меня, я пошел вперед один, без оружия, протянув в сторону противника открытые ладони.

Кхоры остановились, удивленные моим странным видом и поведением. Я в любой момент ждал выстрела из мушкета, но все было тихо, и я беспрепятственно подошел на расстояние нескольких ярдов от первой шеренги строя. Покрутив головой, я нашел вождя — самого могучего и старого из воинов. Кхосутх сказал, что его зовут Бранджи. Я и раньше слышал о нем как о грубом, жестоком и фанатичном в своей ненависти человеке.

— Стой! — крикнул он, поднимая меч. — Это что за шутки? Кто ты такой, чтобы расхаживать безоружным между двумя армиями?

— Я — Исау Железная Рука, из племени котхов. Я хочу начать с вами переговоры.

— Сумасшедший! — прорычал Бранджи. — Тхан, прорывай эту дурную башку!

— Ни за что на свете! — вдруг воскликнул человек, названный Тханом, и, отбросив мушкет, шагнул мне навстречу, разведя руки, чтобы обнять меня. — Тхак! Это же он! Неужели ты меня не помнишь? Меня зовут Тхан Свистящий Меч, ты спас мне жизнь, убив леопарда там, на холмах.

И он показал мне чудовищный шрам, пересекавший его лицо.

— Это ты! — воскликнул я. — Вот уж не думал, что ты оклемаешься после такого ранения.

— Ничего, нас, кхоров, трудно вогнать в могилу, — засмеялся он. — Так что ты делаешь среди этих псов котхов? Ты что, тоже собираешься воевать с нами?

— Если мне удастся то, что я задумал, то боя вообще не будет, — ответил я. — А для этого мне хотелось бы поговорить с вашими вождями и воинами. Никакой ловушки в этом нет.

— Ладно, — согласился вступить за меня Тхан. — Эй, Бранджи, ты ведь разрешишь ему сказать, что он хочет?

Вождь пристально посмотрел на меня, поглаживая бороду.

Я продолжил:

— Пусть твои люди подойдут вон туда. С другой стороны к тому же месту подойдут воины Кхосутха. Обе армии смогут слышать то, что я буду говорить. Если договориться не удастся, вы разойдетесь на пятьсот шагов, и после этого каждая сторона будет действовать по своему усмотрению.

— Ты точно безумец! — рассвирепел Бранджи. — Это ловушка! Убирайся прочь, в свою свору, пес!

— Я твой заложник, — спокойно продолжил я. — Я безоружен и буду от тебя все время на расстоянии удара меча. Если ты поймешь, что я действительно заманиваю вас в ловушку, — убей меня в любой момент.

— Но с чего это все?

— Я побывал в плену в стране Ягт. И вернулся, чтобы рассказать народам гура о том, что там творится.

— Яга похитили мою дочь! — выкрикнул один из воинов, пробираясь сквозь строй поближе ко мне. — Ты не встречал ее там?

— Они похитили мою сестру! Мою невесту! Мою племянницу! — раздался целый хор голосов, и воины, забыв о враждебности, наперебой стали расспрашивать меня о судьбе своих близких.

— Назад, идиоты! — заорал Бранджи, размахивая мечом. — Вы сломаете строй, и котхи перережут вас, как ягнят. Не видите, что это ловушка?

— Да никакая это не ловушка! Ради всех богов, выслушайте же меня! — отчаянно крикнул я.

Наконец Бранджи был вынужден согласиться с моим предложением. Началось самое трудное — свести обе армии близко, но так, чтобы они не сорвались и не бросились друг на друга. Наконец два полукруга почти

сомкнулись вокруг меня, но при этом враги оказались лицом к лицу друг с другом; сжались челюсти, руки легли на рукояти мечей и курки мушкетов... Понимая, что рано или поздно чьи-нибудь напряженные нервы не выдержат, я поспешил начать свою речь.

Я, вообще-то, и раньше не отличался красноречием, а тут, выйдя на середину круга, образованного двумя готовыми броситься друг на друга армиями, я и вовсе приуныл. Ведь против меня работали тысячелетние традиции междоусобных распрей и войн. Что я мог сделать против целой системы представлений о мире, о чести, о добре и зле? Эта мысль словно приморозила мой язык к небу. Но воспоминания о кошмарном Черном городе встряхнули меня и придали сил. Я начал говорить и уже не останавливался.

Кто знает, быть может, более образованный и искусный оратор и не смог бы точнее почувствовать этих людей. Я специально рассказывал им все предельно просто, короткими фразами, и, похоже, моя речь попадала в цель, обжигая души слушателей, словно кипящая кислота.

Я рассказал о том, что Югта — это ад наяву. Я рассказал о судьбе их соплеменниц, попавших туда: о пытках, издевательствах и глумлениях крылатых мучителей, терзавших не только тела пленниц, но и их души, сводя несчастных женщин с ума и превращая их в неразумных тварей. Рассказал я и о том, как женщин раздирают заживо на куски и жарят над огнем или как варят их живьем в огромных котлах, чтобы утолить не только похоть яга, их страсть к издевательствам, но и их голод. Господи, да о чем я только не рассказывал гурэ в тот вечер. Мне и сейчас бывает плохо при воспоминании о всех ужасах, творимых крылатыми жителями города на скале Ютхле.

Я еще не закончил, а суровые воины уже были, как волки, и били себя могучими кулаками в грудь, сгорая от бессильной ярости.

Я хлестнул их по лицу, словно жалом скорпиона, последним доводом:

— А ведь это ваши жены, матери, сестры и дочери — ваши соплеменницы стонут сейчас на Черной скале. А

вы, называющие себя мужчинами, — занимаетесь тем, что развлекаетесь в бесконечных войнах между собой! Какие же из вас мужики! Смех один.

Я действительно рассмеялся каким-то волчьим смехом.

— Идите по домам и наденьте юбки, оставшиеся от украденных у вас женщин!

Раздался душераздирающий вой тысяч глоток, и ко мне угрожающе протянулись руки тех, кто явно не был согласен с последним предположением.

— Врешь! Врешь, подлый пес! Мы — мужчины! Настоящие мужчины! Веди нас к этим крылатым дьяволам, и мы докажем тебе, кто мы такие!

— Если вы пойдете за мной, — заорал я, — большинство из вас не вернется. Тысячи, тысячи воинов погибнут в этой битве. Но если бы вы видели то, что видел я, — вы не захотели бы жить! Скоро настанет день их страшного праздника, а затем — день, когда яга избавляются от надоевших рабынь, чтобы отправиться за новыми. Я уже рассказал вам о разорении Тхугры, скоро такая же участь постигнет и Кхор, и Котх. Крылатые дьяволы могут прилететь в любую ночь, сверкая ножами и размахивая факелами. Если вы мужчины — идите за мной! Идите за мной на битву с яга. Если вы настоящие мужчины — вперед, пришло ваше время!

На губах у меня выступила кровь от напряжения, закружилась голова, и я неминуемо упал бы, если бы Гхор не поддержал меня.

Словно стоны привидения прокатились над степью. Это взвыл Кхосутх.

— Я пойду за Исау Железной Рукой в страну Ягт, если племя кхоров согласится на перемирие до нашего возвращения! Я жду твоего ответа, Бранджи.

— Нет! — взревел тот, словно раненый медведь. — Не было и не будет мира между племенами кхоров и котхов. Похищенные женщины пропали навсегда. Кто дерзнет воевать с демонами? Эй, вы, все по местам, выходим на пятсот шагов! Никому еще не удавалось отвлечь меня безумными речами от живого врага! Умри же ты первым, предатель и безумец!

Бранджи поднял меч и замахнулся на меня. В этот момент стоящий рядом с нами Тхан одним движением вонзил кинжал в сердце своему вождю. Обернувшись к онемевшей толпе соплеменников, он крикнул:

— И так будет с каждым, кто предаст наших женщин. Подымите мечи, мужчины племени кхоров, — те из вас, которые пойдут со мной к Черному городу.

Пять тысяч клинков сверкнули на закатном солнце, а боевой клич пяти тысяч глоток, казалось, потряс само небо.

Тхан развернулся ко мне и объявил:

— Веди нас к Югге, Железная Рука! Веди в страну Ягг, веди хоть в ад! Мы окрасим воды Йогх кровью. Оставшиеся в живых яга будут тысячелетиями вжимать головы в плечи и вздрагивать при одном воспоминании о нас!

И вновь звон мечей и рев тысяч яростных глоток сотряс небо.

Глава XII

В оба города были посланы гонцы, чтобы сообщить об изменении маршрута. Мы отправились в путь на юг, четыре тысячи воинов племени котхов и пять тысяч кхоров. Мы шли двумя колоннами — я посчитал такое решение наиболее разумным, — пока близость неприятеля не погасит племенную вражду.

Наши отряды двигались быстрее любой земной пехоты. Ведь гура отличались прекрасной физической подготовкой, к тому же нам не нужно было нести никаких припасов. Мы питались тем, что давала окружающая саванна. Каждый воин нес на себе все необходимое, включая мешок со снаряжением и оружие — мушкет, меч, кинжал. Я все время подгонял колонну. После полета на спине яга мне все время казалось, что мы двигаемся невозможно медленно. То расстояние, на которое мы затрачивали целый день, крылатые люди преодолевали за какой-то час полета. И все же мы продвигались к цели и через три недели добрались до леса на

берегу Пурпурной Реки, за которой расстилалась пустыня — территория страны Ягг.

Пока что яга не было видно, но меры предосторожности были не лишними. Оставив основные силы на отдых в чаще леса, я с тридцатью воинами отправился вперед, рассчитав время так, чтобы оказаться у реки после полуночи, когда луна зайдет. В мои планы входило найти способ предотвратить передачу сигнала опасности стражами с башни в город. В противном случае яга атаковали бы нашу колонну еще в пустыне — на открытом месте, где их превосходство в скорости и господствующее положение в воздухе нанесли бы нам наибольший урон.

Хкосутх предложил скрытно подобраться к самой воде и оттуда перестрелять стражников на башне. Но я знал, что это невозможно: заросли не подходили к краю берега, и часовые оказывались на расстоянии, превышавшем дальность прицельного огня. А рассчитывать на удачу было нельзя. Сумей избежать пули хоть один из часовых — и наши планы пошли бы прахом.

Мы пробрались к берегу на милю выше по течению, где река делала поворот, и за большим мысом спустили на воду плот, сооруженный из поваленных в лесу деревьев. Я взял с собой четверых лучших стрелков — Тхаба Быстроногого, Скеда Сокола и двух воинов из племени кхоров. У каждого из нас за спиной висело по два мушкета.

Бешеный поток подхватил плот, который, к счастью, оказался достаточно тяжел и неповоротлив, и поэтому не переворачивался от каждой набежавшей волны. Орудия сооруженными на скорую руку веслами, мы пытались направлять его движение — впрочем, без особого успеха. В итоге, не доплыв до назначенной заранее точки и поняв, что плот пронесется мимо нашей цели — выдающегося далеко в русло каменного мыса, мы прыгнули с бревен и побрели по пояс в красной бурлящей воде. Время от времени кто-нибудь из нас не удерживался, и только руки друзей спасали его от смерти в бурном потоке. Наконец, промокшие до нитки, с расцарапанными коленями и ладонями, мы все же выбрались на противоположный берег. Времени на то, чтобы от-

дышаться и передохнуть, у нас не было. Оставалась невыполненной самая трудная часть плана. До рассвета мы должны были занять позицию за башней, со стороны пустыни. Я очень рассчитывал на то, что часовые не настолько внимательно следят за пустыней за спиной, насколько бдительны они в отношении переправы.

Мы решили не рисковать и не снимать в темноте видневшегося на башне часового. Ведь в неверном свете звезд можно было упустить кого-нибудь из его приятелей.

Итак, остаток ночи мы провели в небольшой яме в пустыне в каких-то четырех сотнях ярдов за башней. Ожидание было напряженным. Неожиданно до наших ушей сквозь шум несущейся реки донесся звон металла — это выдал себя кто-то из отряда, оставшегося на том берегу и пробиравшегося к порогам. Не ускользнул этот звук и от стражи на башне. Вскоре над парящим в чуть посветлевшем небе взмахнули крылья — и в воздух взлетел стоявший на часах яга. Меткий выстрел Скеда свалил его наповал.

Через мгновение в воздух взметнулись пять крылатых теней, стремительно набирающих высоту. Яга быстро сообразил, в чем дело, и теперь надеялся, что хоть кому-то из них удастся избежать пули, поднявшись на большую высоту. Раздался залп. Я явно промахнулся, а кто-то другой лишь слегка зацепил свою крылатую мишень. Но со вторым залпом все было кончено. Шесть крылатых тел лежали на земле. Больше никто на башне не появлялся. Ясмина не обманывала меня, говоря, что на этом посту постоянно несут службу шестеро стражников.

Труппы мы побросали в реку, а затем я переправился по выступающим из воды камням на другую сторону. Найдя своих, я приказал Гхору передать, чтобы вся армия постепенно перебиралась по лесу ближе к переправе, но при этом продолжая маскироваться. До наступления ночи я не хотел начинать переход через пустыню.

Вернувшись к башне, я осмотрел ее стены вместе с остальными стрелками. Оказалось, что у этого сооружения нет дверей. Лишь несколько маленьких зарешеченных окошечек были видны в стене выше человеческого

роста. Яга попадали в башню через верх. Нам же оставалось провести день в вырытых у ее подножия ямах, забросав себя сухими ветками, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но за весь день лишь один яга перелетел через реку и, не увидев на башне своих соплеменников, спустился пониже. Залп из полдюжины мушкетов чуть не разорвал его в воздухе на части.

Сразу после заката началась переправа нашей армии, занявшая достаточно долгое время. И все же, наполнив бурдюки водой, мы отправились в путь по пустыне и до рассвета успели пройти большое расстояние.

Успев почти добраться до берега следующей водной преграды — реки Йогх — до восхода солнца, воины гура попрятались в садах и полях, обрабатываемых синекочим народом. К счастью, нигде не было видно встревоженных яга — видимо, и вправду крылатый народ вполне полагался на неприступность своей скалы, надежность преграды — Пурпурной Реки и бдительность стражи на башне. Кроме того, вот уже много столетий гура не отваживались на вторжение в пустыню, помня о печальной судьбе своих предков, рискнувших на это. Итак, крылатые дьяволы не выслали летающих патрулей, а что до тупоголовых акки, то они и вовсе не заглядывали и на день вперед и не ожидали никакого нападения. Хотя я был уверен, что, будучи разозленными, они станут сражаться, как дикие звери.

Оставив восемь тысяч воинов под командованием Кхосутха в зарослях садов, я с оставшейся тысячей стал пробираться к реке, благодаря судьбу за то, что под моим командованием оказались такие отличные солдаты: там, где любой земной человек хлюпал и топал бы, производя много шума, дикари-гура двигались бесшумно, как охотящиеся пантеры.

Добравшись до самой воды, я всмотрелся в противоположный берег. В темноте на фоне неба вырисовывалась ограждающая город стена. Перелезть через нее, под ударами копий стражников, стоило бы больших потерь. С первыми лучами солнца подъемный мост опустится, распахнутся ворота и откроют путь выходящим на работу акки. Но еще раньше охрана со стены увидит нас в предрассветных сумерках.

Посоветовавшись с Гхором, мы вдвоем переплыли реку и добрались до основания кладки стены и опор моста. Здесь было не менее глубоко, чем на середине реки, и мы некоторое время провозились в поисках подходящей опоры. Наконец, уперевшись в какие-то выступы ногами, Гхор занял более или менее устойчивую позицию, и я, встав ему на плечи, сумел подтянуться и залезть по мосту, смыкавшемуся с воротами. Перебравшись на противоположную сторону, я увидел, как из темноты ко мне выскочила какая-то тень. В тот же момент стражник, оказавшийся менее крепко спящим, чем я ожидал, прокричал сигнал тревоги и бросился ко мне.

Увернувшись от нацеленного на меня копья, я потерял равновесие и чуть не упал, повиснув вниз головой на воротах, держась лишь одними ногами. Не тратя времени на то, чтобы занять более удачную позицию, я изо всех сил двинул стражника кулаком в ухо. Оглушенный, он упал на землю, а я перегнулся через ворота и протянул Гхору копье, по которому он быстро вскарабкался вверх. Поддержка подоспела крайне вовремя, потому что в этот момент заспанные стражники акки повыскакивали из караульной казармы и, удивленно осмотрев нас, поняли, что на город готовится нападение, и с криками бросились на нас.

Гхор остался прикрывать меня, а я метнулся к большому вороту, опускавшему мост и распахивавшему ворота. Сзади я слышал звуки завязавшегося боя: проклятия Гхора Медведя, крики стражников, звон железа и стоны первых раненых. Но оглянуться я не мог. Все мои силы уходили на то, чтобы повернуть тяжелый ворот, с которым обычно управлялись не менее пяти человек. Медленно-медленно пошел вниз тяжеленный пролет, поползли в стороны створки ворот. В тот же миг в образовавшуюся брешь метнулись первые воины гура.

Развернувшись, я бросился на помощь Гхору, хриплые возгласы которого доносились из-за плотной стены обступивших его противников. Было ясно, что шум в нижнем городе встревожит обитателей скалы, поэтому нам нужно было закрепиться в Акки, прежде чем на нас дождем посыплются копья и стрелы яга.

Гхору пришлось туго. Под его ногами уже лежало с полдюжины трупов, он неистово орудовал мечом, но силы были слишком неравными. Я, вооруженный одним лишь кинжалом, отбежал от ворота и в тот же миг вонзил свое оружие в сердце одному из синекожих стражников. Его меч перешел ко мне в руки. Это было грубое оружие, выкованное в примитивных кузницах акки, но по крайней мере клинок был достаточно острым и массивным. Размахивая мечом, я бросился на помощь Гхору, встретившему мое появление довольным рыком. Вдвоем нам удалось даже несколько потеснить наседавших акки.

В эти секунды до нас добежал первый из уже переправившихся через мост воинов гура. Вскоре уже полсотни наших соплеменников бок о бок с нами вступили в бой с горожанами. Но тут-то дело застопорилось. Акки налетели из всех боковых переулков и стали теснить нас обратно к воротам. Один воин гура стоил трех-четырех синекожих, но перевес в численности делал свое дело. Мы вели бой на узком пространстве, не имея возможности продвинуться вперед. Сзади на мосту и около него сгрудились жаждущие принять участие в бою и бессильные помочь нам воины — котхи и кхоры. Акки же, в свою очередь, влезли на стены и потрясали оружием, завывая, словно стая волков. Ни луков, ни другого метательного оружия в их руках не было видно. Яга наверняка присматривали, чтобы такие опасные вещи не водились у жителей нижнего города.

Рассветало. Враги смогли наконец разглядеть друг друга. Я не сомневался, что и на скале крылатые люди уже сообразили, в чем дело. Мне казалось, что я уже слышу хлопанье сильных крыльев в воздухе над головой. Но глянуть вверх я не мог — слишком близко сошлись мы с противником. Мы стояли так плотно, что не было возможности нанести хороший удар мечом. Многие акки даже побросали оружие и лезли на нас, кусаясь и царапаясь длинными острыми ногтями. Мне в нос ударил незнакомый, неприятный запах их пота. Каждый из гура проклинал все на свете, мечтая о том, чтобы получить возможность в полную силу орудовать мечом и кинжалом.

Я с минуты на минуту ожидал ливня стрел сверху и совсем забыл о том оружии, которое оставалось в резерве у нашей армии и которое гура боялись использовать в темноте, чтобы не зацепить своих. Сейчас, при свете дня, настало время пустить в ход мушкеты. Первый же залп, прозвучавший так неожиданно, что даже я вздрогнул от страха, очистил от акки гребень стены. Выстрел за выстрелом раздавались за нашими спинами на мосту, и над нашими головами засвистели пули, разящие синеккожих защитников.

Результат превзошел мои ожидания. Явно не знакомые с огнестрельным оружием, акки не выдержали грохота и невидимой, прилетающей издалека смерти и бросились бежать. Вслед за ними гура хлынули на узкие улочки Акки.

Конечно, сопротивление не прекратилось. Упорные синеккожие продолжали вести бой. Повсюду слышался звон стали, выстрелы, стоны, крики, проклятия... Но главная опасность для нас исходила сверху.

Яга вылетали из своей крепости, словно потревоженные осы из гнезда. Несколько сот крылатых воинов бросились вниз, сверкая кинжалами, а остальные кружились у вершины скалы, поливая Акку дождем стрел. Летающую армию встретили залпы мушкетов. На крыши и улицы города рухнули десятки убитых яга, а остальные поспешили ретироваться со всей скоростью, которую были способны развить их крылья.

Но, защищаясь, они оказались гораздо более опасны, чем в атаке. Из каждой бойницы, из каждой башни на вершине скалы летели стрелы, несущие смерть врагу, равно как и рабу. Бой переместился под крыши и навесы. Хотя акки и превосходили числом нападавшие чептыре тысячи гура в несколько раз, ярость, смелость, умение обращаться с оружием и боевой опыт дикарей с равнин уравнивали шансы.

Оставшиеся на другом берегу воины Кхосутха вели непрерывную стрельбу по крепости на скале. Впрочем, их стрельба была малоэффективной на таком расстоянии. Стрелы яга, летевшие по дуге с высоты, оказывались более дальнбойным и опасным оружием, чем мушкетные пули. Наши стрелки даже не могли пере-

сечь мост, чтобы присоединиться к нам в городе, — так часто летели в ту сторону стрелы крылатых людей.

В это время я прорывался к храму Ясины, сметая всех, встававших на моем пути. Грубый и неудобный меч акки я сменил на знакомый, отличный клинок, взятый из мертвой руки убитого в бою гура. Около храма мне и шедшим бок о бок со мной Гхору, Тхабу Быстроногому, Тхану Свистящему Мечу и еще сотне наших воинов преградила путь толпа особенно рьяно сопротивлявшихся синеккожих.

Разделавшись с ними, мы подбежали к portalу храма. Здесь мне навстречу бросился жрец со щитом и с копьем наперевес. Отбив копье, я сделал обманное движение мечом, словно собираясь ударить им в бок жрецу. Тот опустил щит, что стало его последней ошибкой. Резко изменив направление движения меча, я снес жрецу голову — словно тяжелый, твердый мяч, она, подскочив, покатила по ступенькам храма. Подхватив упавший щит, я вбежал внутрь святилища.

Пробежав под сводами храма, я отбросил в сторону золотой экран. Мои соплеменники в изумлении следили за мной и оглядывали странный храм. Наконец я нашарил потайной замок и потянул на себя дверь. Она поддалась, но очень тяжело. Это насторожило меня — ведь в прошлый раз я открыл ее совершенно свободно. К сожалению, мои опасения оказались не напрасными.

До моего слуха донесся громкий шум из-за двери. Вдруг она резко распахнулась, и в храм хлынул поток жидкого пламени, заливая и выжигая все вокруг. Меня спасло лишь то, что открывшаяся дверь прикрыла меня от огненной волны, хлынувшей из потайной шахты.

На миг весь храм, казалось, утонул в огне. Затем стена пламени осела, и я увидел тех из моих товарищей, кто благодаря своей проворности или по воле случая остался в живых. Их было не много: Гхор с обгоревшими волосами на теле и опаленной бородой, Тхаб Быстроногий, Тхан Свистящий Меч да кое-кто еще. А на полу осталось не менее полусотни обгоревших до неузнаваемости трупов. Эти воины оказались прямо на пути всепожирающего языка пламени, вырвавшегося на свободу из узкой шахты.

Правда, теперь узкий коридор казался пустым. Конечно, глупо с моей стороны было не предположить, что Ясмина не оставит потайную дверь без охраны. Умная королева яга наверняка догадалась, каким способом я сумел бежать из ее дворца. Осмотрев косяки двери, я обратил внимание на остатки какого-то вещества, похожего на воск. Видимо, с той стороны дверь была запечатана герметически, а между нею и этой пробкой залита жидкость, воспламенившаяся при соприкосновении с воздухом.

«Наверняка и верхний люк будет закрыт», — подумал я и крикнул Тхабу, чтобы он взял факел, а Гхору приказал собрать всех, кто окажется вблизи храма, и следовать за мной, прихватив что-нибудь подходящее для тарана. Быстро поднявшись по почти вертикальному туннелю, я обнаружил, что люк действительно заперт сверху. Приложив ухо к крышке, я прислушался и понял, что комната наверху полным-полна яга. Тут внизу замаячил огонек, и вскоре ко мне присоединился Тхаб с факелом в руках, а за ним — Гхор и два десятка гура с тяжелой балкой — видимо, стропилом, снятым с одной из крыш Акки. Гхор рассказал, что бой в городе еще продолжается, но большинство мужчин Акки перебито, а оставшиеся скрываются бегством вместе с женами и детьми, переправляясь на дальний, южный берег реки Йогх. В храме же и в шахте за нами собралось уже около пятисот воинов.

— Тогда, — сказал я, — выбивайте крышку люка. Нам нужно добраться до башен крепости и завязать в ней бой, прежде чем лучники яга перебьют половину отряда Кхосутха, оставшегося на том берегу.

Приноровившись к узкому проходу, мы поудобнее взяли балку и, действуя ею как тараном, ударили в крышку люка. Раздался страшный грохот, но крышка выдержала. Раз за разом наносили мы тяжелые удары, почти оглохнув от грохота. Конец балки треснул, но вот наконец тяжелая крышка раскололась — и в туннель хлынул свет.

Со звериным ревом я словно влетел в комнату королевы, прикрывая голову позолоченным щитом, на который тотчас же обрушились удары двух десятков мечей. С трудом устояв на ногах под этим градом, я сделал шаг вперед и швырнул щит в лицо наседавшим на меня яга. Сумев отвлечь на миг их внимание, я перехва-

тил меч обеими руками и обернулся вокруг себя, снося головы, вспарывая глотки, расплосовывая тела нападавших, словно скашивая косой густую траву. Но все равно через несколько мгновений я неминуемо погиб бы, если бы вслед за мной из люка не показались стволы дюжины мушкетов. Залп наполнил комнату дымом и стонами раненых крылатых воинов.

Затем в комнату ворвался Гхор, а за ним и другие жаждущие крови котхи и кхоры.

Комната, как и все соседние с ней помещения и коридоры, оказалась битком набита яга. Но, стоя плотным кольцом, спина к спине, мы сумели удержать выход из шахты, дав возможность подоспевшим гура подняться по туннелю и вступить в бой уже рядом с нами. Сравнительно небольшое помещение вскоре стало напоминать скотобойню или внутренности работающей мясорубки.

Мы быстро очистили первую комнату, затем соседний коридор, а через полчаса это крыло дворца уже все кипело в кровавой схватке. Многие яга были вынуждены покинуть места у бойниц и вступить врукопашную. Нас оказалось три-четыре сотни, но больше из люка никто не показался. Я отправил вниз Тхаба Быстроногого, чтобы тот поторопил на переправе воинов Кхосутха и показал им путь наверх.

Мне казалось, что уже все защитники Югги бросили луки и занялись нами — так много их было за каждым углом, в каждой комнате. Я уже говорил, что по храбрости и отчаянности им было далеко до гура, но любой народ будет драться до последнего, обнаружив врага в своем последнем убежище, а эти крылатые твари вовсе не были слабаками.

В какой-то момент бой словно застыл на месте. Нет, каждый продолжал сражаться лицом к лицу с врагом, действуя мечом и кинжалом. Все новые трупы заполняли коридоры и залы. Но у нас кончились патроны для мушкетов, а яга не могли пустить в ход луки. Поэтому мы и стояли на месте, не в силах занять еще хоть одно помещение дворца, а яга — бессильные загнать нас обратно в шахту.

Наконец, когда стало казаться, что мы вот-вот не выдержим и начнем отступать под натиском огромного ко-

личества врагов, за нашими спинами послышался дикий рев, и из люка стали один за другим появляться люди Кхосутха, жаждущие крови, как охотящиеся собаки. Они уже извелись, не в силах переправиться через реку и лишь прячась от смертоносных стрел в зарослях и садах, и теперь желали только одного — помочь друзьям и отомстить врагу за вынужденное бездействие. Тхаба с ними не было. Кхосутх сказал, что Быстроногий был ранен стрелой на мосту, но сумел пересилить боль и кратчайшим путем привел вождя и его воинов к храму. Вообще же потери при переправе оказались невелики. Как я и предположил, большинство стрелков яга оставили свои места у бойниц и вступили в бой внутри города на скале.

Началась самая ожесточенная и кровавая схватка, которую я когда-либо видел. Под натиском свежих сил гура защитники крепости стали отступать. Обезьяноподобные волосатые воины занимали зал за залом, коридор за коридором, не слушая вождя, пытавшихся удерживать их вместе. Группы сражающихся гура и яга рассыпались уже почти по всей крепости, оглашаемой криками и звоном стальных клинков.

Выстрелов было мало. Стрелы тоже нечасто свистели в воздухе. Шел рукопашный бой извечных врагов. К счастью, внутри зданий, в помещении, яга не могли расправиться крыльями и были вынуждены вести с нами бой на равных условиях, неся куда большие потери, чем во время налетов на города и схваток на крышах и улицах.

Мы старательно избегали открытых площадок, крыш и залов с высокими потолками и куполами. А в бою на одной высоте гура были непобедимы. Нет, конечно, десятки обезьяноподобных дикарей гибли в отчаянной схватке, но наши крылатые враги гибли сотнями и сотнями под разящими ударами тяжелых мечей. Гура мстили за тысячи лет страха и унижений, и их месть была яростной и кровавой. Их мечи были слепы — под ударами падали как крылатые мужчины яга, так и повернувшиеся женщины. Но, вспоминая об их жестокости и кровожадности, я даже не могу заставить себя посочувствовать им. А в тот момент меня и вовсе интересовало другое.

Я искал Альтху.

Тысячи и тысячи рабынь попадались нам на пути. В основном они с ужасом жались к стенам и по углам, не зная, что происходит, и видя лишь кровавую резню. Но время от времени я видел, как улыбались, еще не веря в спасение, белокожие женщины гура, а несколько раз я даже слышал восторженные крики и видел, как бросалась одна из рабынь навстречу разъяренному боевому воину, узнав в нем брата, мужа или просто соплеменника. Лишь с лиц желто- и краснокожих рабынь не сходил страх, когда они видели, как еще более дикие и страшные, чем яга, люди разили насмерть их жестоких хозяев.

Прорубая себе путь мечом, я искал комнату, где содержались Лунные Девственницы. Наконец я увидел лежащую женщину. Бедняжка прижалась к полу, чтобы не попасть под горячую руку сражающихся мужчин. Я потряс ее за плечо, а затем проорал прямо ей в ухо свой вопрос. Она поняла меня, но смелости ей хватило только на то, чтобы ткнуть пальцем в нужном направлении. Подхватив девушку, я прорвался через сражающуюся толпу и вытащил за собой в пустой коридор. Здесь я ее отпустил, и она побежала по коридору, крикнув, чтобы я следовал за ней. Мы неслись по переходам и залам, выскочили на какую-то крышу, где шел бой и где мне снова пришлось пробиваться сквозь строй сражающихся. Наконец девушка вывела меня к крытому двору в самой верхней части города.

Я подбежал к большой двери в противоположной стене. Она оказалась заперта. Несколькими ударами меча я сбил замок и распахнул тяжелые дверцы. Из полумрака комнаты на меня глядели полторы сотни женских лиц, испуганно ожидавших худшего. Не зная, чем их успокоить, я вдруг выкрикнул имя Альтхи. В ответ послышался знакомый голос, крикнувший: «Исау! Исау, это ты!» — и ко мне метнулась худенькая девичья фигурка. Через мгновение тонкие руки уже обнимали меня, губы покрывали лицо горячими поцелуями. Вскоре шум боя за спиной заставил меня вырваться из объятий Альтхи и развернуться. Я увидел, что по другую сторону двора целая толпа сопротивляющихся охранников яга была втиснута во двор через дверь наступающим гура. Исход этой схватки предсказать было не-

трудно. Смерть крылатых стражей была лишь вопросом времени.

Но тут я услышал знакомый иронический смех, и передо мной оказалась сама королева Ясмينا.

— Итак, ты вернулся, Железная Рука? — словно отравленный мед, тек ее голос. — Вернулся со своими мясниками, чтобы разрушить обитель богов. Но ты не станешь победителем, не надейся на это, глупец!

Не говоря ни слова, я занес меч, чтобы проткнуть ее, но с чисто женским проворством она увернулась от клинка, взлетев в воздух. Сверху вновь послышался ее смех, переходящий в истеричный стон:

— Глупец! Я же сказала, что тебе не быть победителем! Разве я не предупреждала тебя, что готова погибнуть под руинами своего царства? Псы, всем вам пришла смерть!

С этими словами королева стремительно полетела к самому куполу. Яга, похоже, поняли ее намерение, поскольку они взвыли, протестуя и одновременно задрожав от страха. Но это не остановило жестокую повелительницу. Подлетев к куполу, Ясмина перевернулась в воздухе и, уперевшись в свод обеими ногами, изо всех сил потянула на себя какой-то засов или рычаг, торчащий из поверхности потолка.

Часть купола вздрогнула и вдруг сдвинулась со своего места. В образовавшейся щели что-то мелькнуло, и внезапно огромный кусок свода рухнул вниз, подняв облако пыли. Не успела пыль осесть, как в пролом не то прыгнула, не то упала какая-то огромная тень. В центре двора на плитах пола встало на ноги невероятное, чудовищное создание. У всех зрителей вырвался из груди непроизвольный крик ужаса.

Чудовище было больше слона, а по форме напоминало огромного слизняка, если не считать множества щупалец, опоясывавших его тело. Из отверстий на концах щупалец сыпались ярко-белые искры и вырывались языки синего пламени. Оказалось, что чудовище одним прикосновением этих щупалец вырывает из каменных стен целые блоки, покрывая кладку сетью глубоких трещин. В общем, это было безмозглое создание без каких бы то ни было органов чувств — чистая сила, воплощенная в самую примитивную живую оболочку. Си-

ла, сошедшая с ума, превратившаяся в слепую ярость и жажду разрушения.

В действиях чудовища не было ни плана, ни элементарной последовательности. Оно просто бросалось из стороны в сторону, пробивая телом стены насквозь и не замечая сваливающихся на него обломков. Люди разбегались во все стороны.

— Быстро назад, в шахту! — заорал я. — Спасайте девчонок!

Я начал выталкивать из темной комнаты ослабевших девушек и передавать их другим гура. Со всех сторон сыпались стены, обрушивались купола и минареты.

— Делайте веревки из занавесок и покрывал! — крикнул я. — Спускайтесь по склону. Ради бога, живее! Это чудовище не остановится, пока не разрушит весь город!

— Я нашел связанные веревочные лестницы, — крикнул кто-то из наших воинов. — Они достанут до воды, но...

— Развязывайте их и отправляйте женщин вниз. Лучше рискнуть нахлебаться воды, чем оказаться раздавленными какой-нибудь глыбой, — ответил я и добавил: — Гхор, держи Альтху!

Я передал девушку в руки залитого кровью великана, а сам понесся вслед за чудовищным созданием, на глазах разрушающим город на скале Ютхле.

От этой гонки у меня остались лишь обрывочные воспоминания: рушащиеся стены, стонущие и раздавленные насмерть люди и несущаяся напролом машина разрушения, вокруг которой распространялось какое-то неестественное, похожее на электрическое, сияние.

Сколько гура, яга и рабынь всех цветов кожи погибло в этом кошмаре — теперь уже никто не узнает. Нескольким сотням удалось выбраться по подземному туннелю, пока чудовище не завалило обрушенной стеной вход, похоронив при этом несколько десятков человек, пробиравшихся к люку. Развернув лестницы, воины спустили по ним множество женщин, не разбирая, какого цвета их кожа. Часть лестниц опустилась на город Акки, часть — на воду Йогх, но в тот момент главным было выбраться из рушащегося города.

Я несея вслед кошмарному чудовищу, сам четко не представляя, что собираюсь делать. Я просто бежал, перепрыгивая через рухнувшие обломки и перелезая через образовавшиеся завалы, пока не оказался рядом с попятившимся монстром. Оказалось, что он вовсе не такой уж бесчувственный и слепой. Стоило мне прицельно запустить хорошим булыжником в показавшееся мне уязвимым место на огромной голове, как движения гигантского слизняка перестали быть беспорядочными: разбрасывая камни в разные стороны, как бык разбрызгивает пену, переходя через быструю реку, чудовище ринулось в мою сторону.

Я отчаянно убегал, уводя чудовище за собой — прочь от того места, где напуганные люди покидали город. Я прекрасно понимал, что каждая выигранная секунда означает чью-то спасенную жизнь. Но незнание планировки города сыграло со мной злую шутку: я и сам не заметил, как оказался в полукруглой башне, нависшей над водами Йогх на высоте пятисот футов. Сзади ко мне приближалось чудовище. Я развернулся и увидел, что оно, на миг приостановившись, даже чуть попятилось, а затем бросилось на меня. В середине огромного брюха я увидел темное пятно размером с кулак. Инстинкт дикаря или интуиция цивилизованного человека подсказали мне, что это — жизненно важная точка гигантской твари. Словно сжатая пружина, я распрямился и метнулся навстречу чудовищу. Тело и руки не подвели меня: меч по самую рукоятку воткнулся в темное пятно. Что было потом — я не знаю. Для меня мир погрузился в море огня и раскаты страшного грома, за которыми последовали темнота и забытие.

Уже потом мне рассказали, что в момент нашего прыжка и чудовище, и я скрылись за стеной синего пламени. А затем раздался страшный грохот, и вместе с развалившейся на куски башней мы с чудовищем рухнули вниз, в реку, с высоты пятисот футов.

Меня спас Тхаб, несмотря на тяжелую рану, бросившийся в реку и вытащивший мое бесчувственное тело на берег.

Вы можете мне возразить, сказав, что ни один человек не останется в живых после падения в воду, проле-

тев перед этим пятьсот футов. Единственное, что я могу вам ответить, — это то, что я остался жив. Хотя, по правде говоря, я не думаю, что кто-нибудь из землян смог бы повторить такой полет с таким же результатом.

Но и мне дорого обошлось то падение. Я долго лежал без чувств, еще дольше мучительно, в бреду и кошмарах приходил в себя и еще дольше оставался парализованным, пока мои нервы, мозг и мышцы медленно-медленно возвращались к жизни.

Пришел я в себя уже в Котхе, не помня ничего о долгом пути через леса и по равнине, прочь от поверженного города Югги. Из девяти тысяч воинов, отправившихся в страну Ягг, вернулись назад лишь чуть больше половины — израненных, измученных, но возвратившихся победителями. С ними вернулись пятьдесят тысяч женщин — освобожденных рабынь. Тех гура, которые не были котхами или кхорами, сопровождали до их родных городов — случай, невиданный за всю историю существования на Альмарике расы гура. Женщинам других народов предоставили возможность свободно выбрать место для жительства в любом из городов гура.

Мы с Альтхой наконец обрели друг друга. Ее прекрасное лицо, склонившееся надо мной, было первым, что я увидел, придя в себя после возвращения из страны Ягг. Наверное, наша любовь останется с нами навсегда — слишком много испытаний пришлось вынести нам обоим и нашему чувству, чтобы прийти к счастливому концу.

Впервые в истории гура два города — Котх и Кхор — заключили мир и поклялись друг другу в вечной дружбе. Теперь два племени, вместо того чтобы воевать, вместе сражались против враждебных сил природы и добывали себе пищу на охоте.

А мы двое — я, землянин, и Альтха, рожденная на Альмарике, но одержимая инстинктом познания, как земная женщина, — еще надеемся передать хотя бы малую часть культуры моей родной планеты прекрасному, но дикому народу, живущему под небом планеты, ставшей моим вторым домом, — планеты, называющейся Альмарик.

СОДЕРЖАНИЕ

ЦАРЬ КУЛЛ

Пер. С. Троицкого

БЕГСТВО ИЗ АТЛАНТИДЫ	7
ЦАРСТВО ТЕНЕЙ	14
АЛТАРЬ И СКОРПИОН	49
КОШКА ДЕЛЬКАРДЫ	53
ЧЕРЕП МОЛЧАНИЯ	81
СИМ ТОПОРОМ Я БУДУ ПРАВИТЫ	89
УДАР ГОНГА	110
ЗЕРКАЛА ТУЗУН-ТУНА	115
СТИХИ ИЗ ЦИКЛА «ВАЛУЗИЯ»	125

СОЛОМОН КЕЙН

Пер. М. Семёновой

ПЕРЕСТУК КОСТЕЙ	135
ДЕТИ АШШУРА	144
БАСТИЙСКИЙ ЯСТРЕБ	171

ЧЕРНЫЙ КАНААН

ЧЕРНЫЙ КАНААН. <i>Пер. А. Тишина</i>	185
ЛУНА ЗАМБИБВЕ. <i>Пер. А. Тишина</i>	224
ЖИВУЩИЕ НА ЧЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ. <i>Пер. Л. Михайловой</i>	257

ПРИШЕЛЕЦ ИЗ ТЬМЫ

В ЛЕСУ ВИЛЛЕФЭР. <i>Пер. Л. Михайловой</i>	269
ИЗ ГЛУБИНЫ. <i>Пер. В. Федорова</i>	274
ДОЛИНА СТИНУВШИХ. <i>Пер. В. Федорова</i>	282
ГРОХОТ ТРУБ. <i>Пер. В. Федорова</i>	306
ПРОКЛЯТИЕ ЗОЛОТОГО ЧЕРЕПА. <i>Пер. А. Тишина</i>	329
ПОГИБЕЛЬ ДЭЙМОДА. <i>Пер. Л. Михайловой</i>	333
КОБРА ИЗ СНА. <i>Пер. Л. Михайловой</i>	339
ПРИШЕЛЕЦ ИЗ ТЬМЫ. <i>Пер. А. Тишина</i>	346
ДОМ, ОКРУЖЕННЫЙ ДУБАМИ. <i>Пер. Л. Михайловой</i>	362

АЛЬМАРИК

Пер. В. Правосудова

ВСТУПЛЕНИЕ	383
Глава I	388
Глава II	407
Глава III	417
Глава IV	422
Глава V	435
Глава VI	441
Глава VII	452
Глава VIII	460
Глава IX	472
Глава X	476
Глава XI	485
Глава XII	494

*Литературно-художественное
издание*

Роберт Ирвин Говард
КОНАН И ДРУГИЕ БЕССМЕРТНЫЕ
Том 2

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Разработка карты
Сергея Троцкого

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Татьяна Бородулина
Анастасия Келле-Пелле
Татьяна Виноградова

Верстка
Александр Балабанов

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 24.06.96.

Формат 84×108^{1/32}. Печать высокая.

Гарнитура «Петербург». Тираж 50 000 экз. Усл. печ. л. 26,8.

Изд. № 78. Заказ № 1863.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»

Комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Вам вновь выпал шанс
остаться один на один с писателем,
творчество которого знает весь мир.
Его имя

РОБЕРТ ИРВИН ГОВАРД

По многочисленным просьбам читателей
мы продолжаем публикацию
произведений Великого Мастера.
Вряд ли найдется поклонник фэнтези,
который после знакомства
с первой книгой Говарда
не захочет прочитать следующую.
Вряд ли кто-то откажется
вместе с Мастером прожить
мрачную глубину забытых тысячелетий
и открыть для себя удивительный мир,
где живут

КОНАН И ДРУГИЕ БЕССМЕРТНЫЕ